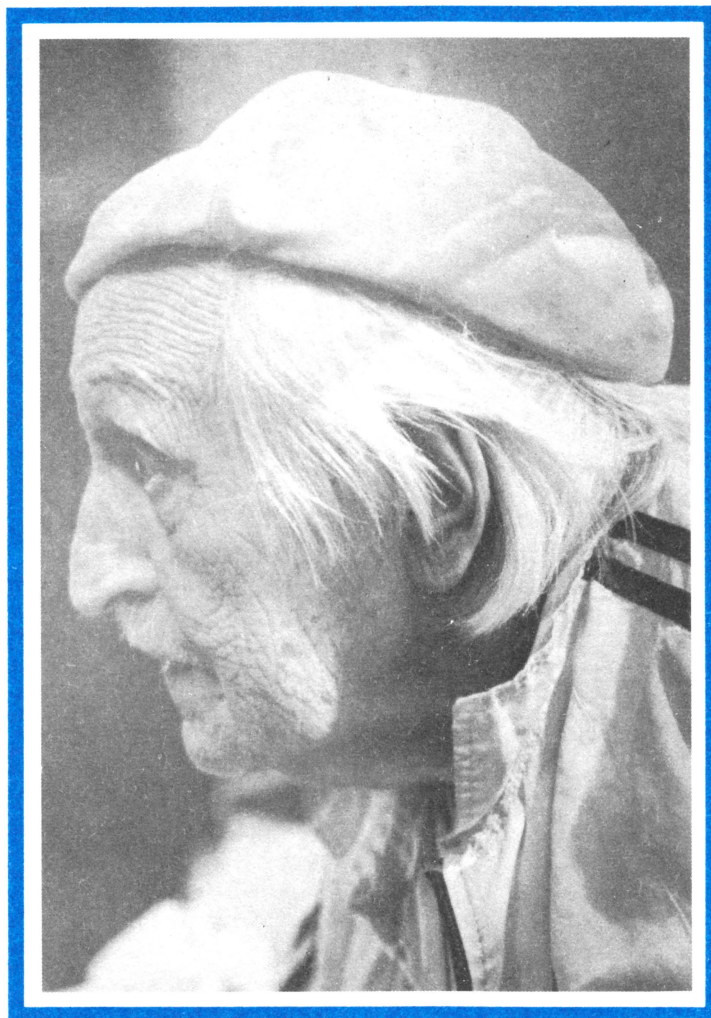

Книга 7-81

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134 - 241X
СЛЕДОПЫТ
10•12•96

**ОКОНЧАНИЕ НФ РОМАНА СЕМЕНА СЛЕПЫНИНА «ПАСТУШЬЯ СВИРЕЛЬ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН АЛЕКСАНДРА КЕРДАНА «НА КРАЮ ОКЕАНА»
НЕВИДИМКА «ЗАКРЫВАЕТ» НОВОЕ ДЕЛО
КОГДА НАСТУПИТ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД?
ОПЕРАЦИЯ «ЗОЛОТО ЭДИНБУРГА»
УРАЛЬСКИЕ КОМПОЗИТОРЫ ШАХМАТНЫХ ЭТЮДОВ
ВСЕ О САНТА КЛАУСЕ И ДЕДЕ МОРОЗЕ**

Евгений БИРЮКОВ

ИНОК ЛАВРЕНТИЙ, В МИРУ ЛЕОНИД

Земные дни Л.Л.Оболенского, нашего современника, зека, кинорежиссера, жизнелюба

В 1970 году я организовал фотовыставку во Дворце культуры «Урал» — «Статика динамики». Там были разделы «Собачья жизнь», «Все мы немного лошади»... Потом кто-то передал: твою выставку Леонид Оболенский и Ярополк Лапшин по-французски обсуждали при всем народе. О Лапшине знал: режиссер киностудии. О втором нашел в кинолитературе: «Леонид Леонидович Оболенский — аристократический, утонченный... человек всесторонних интересов — актер, режиссер, танцор, инженер, лингвист, историк искусств, фотограф, оператор, звукооператор и звукооформитель... Человек очень тяжелой и необычайно трудной судьбы». И он в Свердловске? Узнал на киностудии его адрес и отправил письмо (недалеко, на улицу Московскую): поблагодарил за поддержку. Ответ пришел через год, из Челябинска: «Умно и необычно. Держите официальный удар и продолжайте. В социальной фотографии Вы — единственный».

Еще через год я оказался в Миассе Челябинской области (поехал на родину уральского фотолетописца В.Л.Метенкова). Вечером зашел в местный Дом культуры, но там не было даже кино. Лишь в одной комнате горел свет и дверь приоткрыта: высокий, красивый старик что-то увлеченно рассказывал группе молодых людей. Прислушался... И меня осенило! Леонид Леонидович, тот самый, Оболенский! Он помнил про выставку, и интерес сразу стал взаимным. Прочие оказались членами кинофотоклуба, разговор поддержали. И потом постоянно приглашали на свои выставки. Почти всегда заходил к Оболенскому (он уже жил в Миассе) и слушал, слушал, слушал...

Фото автора. (Продолжение читайте на стр. 3)

Редакция:
Герман ИВАНОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор),
Юрий ШИНКАРЕНКО
(заместитель гл. редактора),
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:
Анна КОСТРИКОВА

Адрес редакции:
620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
Телефон редакции:
(3432) 224-501

Рукописи принимаются
перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
"Россвязьинформа".

Бракованные экземпляры отправлять
в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 13.12.90
Подписано к печати 18.04.97
Формат бумаги 84x108/16.
Бумага кн.-журнальная.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,84.
Уч.-изд. л. 18,6.
Усл. кр.-отт. 21,84.
Тираж 6 500

Заказ № 761

Все претензии по ошибкам в тексте
предъявлять
редакции журнала «Уральский следопыт»
Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Турганева, 13

Слайды на 1-4 стр. обложки
Николая ПЕРЕВЫШИНА

© «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1996 г.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

10 • 12 • • • 96

В НОМЕРЕ:

● Инок Лаврентий, в миру Леонид Евгений БИРЮКОВ	3
● Особо секретный солдат Валерий МАЙОРОВ	5
● Арсений НЕСМЕЛОВ: «Без Москвы. без России»	8
● Банки Екатеринбурга Юрий СЫТНИКОВ, Леонид ЗЛОКАЗОВ	11
● После дома Андрей КОМЛЕВ	14
● Золото «Эдинбурга» Игорь ЗАЙЦЕВ	15

Журнал в журнале «Аэлита»

● Пастушья свирель Семен СЛЕПЫНИН	17
● Рассказы Лариса ПОДИСТОВА	83
● Заочный КЛФ	88
● Следы на одной тропинке Андрей ДУНЯШИН	90
● НЛО подглядывают за Аэрофлотом Владислав ДЕБЕРДЕЕВ	94
● Ведовство	98
● Краеведческая копилка	100
● «Вечно ради поминка...» Эмма РУБЦОВА	104
● На краю океана Александр КЕРДАН	107
● Наступит ли вновь ледниковый период? Валентин ГРИШКОВСКИЙ	154
● Краеведческая копилка	157

УЧРЕДИТЕЛИ—
ОСОЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ,
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
В 1958 ГОДУ.

●	Записки невидимки (Проходное дело) Андрей ИЛЬИН	159
●	«УС» на привале	198
●	По следам Деда Мороза Ольга КОЛПАКОВА	199
●	«Пока живу я на земле...» Ирина ЦАРЕВА	204
●	Мир на ладони	205
●	Пельымские страницы барона Мюнхгаузена Юрий КЛЮШНИКОВ	206

Евгений БИРЮКОВ

ИНОК ЛАВРЕНТИЙ, В МИРУ ЛЕОНИД

Земные дни Л.Л.Оболенского, нашего современника, зека, кинорежиссера, жизнелюба

«Корнет» Оболенский

Звание это (и песню) ему постоянно приписывали. На самом же деле в Гражданскую он пребывал в чине красноармейца. В 1919 году даже попал в кадры документально-игрового фильма «На красном фронте» (режиссер Лев Кулешов). Последний и пригласил молодого бойца в свою киношколу в Москву. Он же потом и дал лестную характеристику: «...самый аристократический режиссер...».

От благородных кровей Л.Л.Оболенский обычно отрешивался, так как родился в семье служащего Крестьянского банка в городе Арзамасе Нижегородской губернии (21 января 1902 года). В гимназии изучал словесность, языки (латынь, французский, немецкий) и играл в любительских спектаклях. Заканчивал обучение в Перми. Там видел последнего российского царя... Михаила с красным бантом на груди (заигрывание с революцией не спасло его от пули чекистов).

Но иногда Леонид Леонидович все же встряхивал свою монархическую родословную. В «Истории России» С.Соловьева Оболенские названы 20 раз, и все среди бояр: наместники, воеводы, конюшие, дворецкий... Иван Овчина-Телепень слыл фаворитом Елены Глинской, жены Василия III. Он получил княжеское достоинство и земли от Оби до Лены, став — Оболенским. Екатерина II потом лишила кого-то из этого рода дворянского звания, и стали те Оболенские мелкопоместной ветвью. Впрочем, Леонид Леонидович порой предлагал и другую версию: Оболенские-оболонь-яблонь... Из разночинцев... В 1880-е годы дед «корнета» издавал народнический журнал «Русское богатство», печатал вольнодумного Льва Толстого. А отец, фининспектор, при советской власти стал директором знаменитого «Эрмитажа». Именно за их заслуги Леонида Леонидовича в 1938 году освободили из-под ареста, куда он попал якобы «за княжеское происхождение». «Белая косточка», правда, проявлялась во всех его фильмах: зритель сразу чувствовал породу.

Баловень судьбы

Начинал Оболенский у Л.Кулешова, играл в паре с его женой Александрой Хохловой, эксцентричной и пластичной. Первые фильмы ставили на... сцене:

Начало на 2-й стр.обложки. Фото автора

сплошные трюки и парад аттракционов. Когда началась съемка, — то же и... монтаж: руки — одного, глаза — другого. Эффект Кулешова! Первые советские боевики «Необычные приключения мистера Веста в стране большевиков» и «Луч смерти» — их работа! Проснулись знаменитыми! Играл и в театре — с Игорем Ильинским, даже в балете — у Касьяна Голейзовского... По ночам Леонид «бацал» чечетку в ресторане — за отбивную котлету. Жизнь — богема: молодой, красивый, двадцатидвухлетний... С Маяковским дружил («привет Лиле...»). К Есенину заходил (Айседора: «Сергея одыхайт...»). Луначарский ему (одному) прочитал целую лекцию о Лермонтове. С Марлен Дитрих — танцевал... Это уже в Берлине: в конце 20-х годов его направили туда за звукоаппаратурой. Встречался с... Альбертом Эйнштейном, отцом теории относительности.

А Сергея Эйнштейна научил чечетке и увлек... кино. Будущий киноклассик («Броненосец «Потемкин»!) потом напишет своему крестному отцу (и сподвижнику) в альбоме: «Ученику и другу, соблазнившему меня на кино». И в своих многочисленных статьях «Эйзен» постоянно поминает Оболенского, так как тот в 30-е годы работает у него во ВГИКе ассистентом на кафедре режиссуры (доцент!).

У Оболенского есть уже и свои фильмы: в 1925 году на киностудии «Межрабпом — Русь» он снял пресловутые «Кирпичики» («мне хотелось хулиганить и дерзить...»), потом — «Эх, яблочко», «Торговцы славой»... Стал специалистом по звуку: звукооформлял «Великого утешителя», «Украину» и «Марионеток».

Одиссея раба Божьего

Осенью 1941 года часть преподавательского состава ВГИКа ушла в ополчение со старыми винтовками в руках против... немецких танков. Кончилось окружением. Для Леонида Леонидовича — плен, концлагерь, два побега и, наконец, монастырь «Кицханы» (это в Румынии). Припелся: «Пустите умереть!» — «Оставь всю мирскую одежду за воротами и входи, похороним...» Ан, нет: отходили, откормили. Нарекли — «инок Лаврентий». Послушание — в библиотеке: читал старые книги, вот где пригодилась латынь. Беседа с епископом, поверил в Творца: «Все, что бы ты ни делал, должно смягчать человеческие сердца. Искусство подготавливает людей к восприятию высокого. Иди и свети!»

Из монастыря в 1945 году его «вызволил» наш СМЕРШ (НКВД). Монахи отпустили снова... голым (так по их уставу). Сразу военный трибунал — высшая мера! Заменяли на ГУЛЛГ — 10 лет! Строил на Севере железные дороги (№ 501, 503) Котлас-Воркута и Салехард-Игарка (на вечной мерзлоте). Но была и культурно-воспитательная работа: ставил спектакли. Оперетты «Холопку» и «Укрощение строптивой» консультировал... у Сергея Эйзенштейна (в письмах). Костюмы заказал прямо из Большого театра (остатки от «Пиковой дамы»). Успех был такой, что один день заключения режиссеру стали считать за три. Вышел раньше срока.

С 1952 года — ссылка в Минусинск. Работал маляром («сортир начальнику отделал под мрамор»). Здесь его встретил студент Илья Глазунов (будущий знаменитый художник проходил практику «по ленинским местам») и «обрисовал» в дневнике: «...рококовские глаза, нос благородного рисунка...»

В 1954 году (после Сталина) судимость сняли. Сразу поехал в Москву. Во ВГИКе студенты встретили аплодисментами. Но Кулешов опального друга пригреть не смог... Рекомендовал на Свердловскую киностудию. Здесь преобладал профиль научно-популярный. Оболенский работал кинооператором и сорежиссером. Даже отмечен дипломом Союза кинематографистов за лучший сценарий (фильм «Остановка в пути»). В открытом сейчас музее киностудии Леонид Леонидович встречается часто: фотоснимки, рабочие моменты, графический портрет (художник Ю.Истратов). К 60-летию даже специальный фильм-капустник выпустили (400 метров).

Но... человек предполагает, а Бог располагает: с 1962 года Оболенский работает в Челябинске корреспондентом областного телевидения. Оно тогда делало первые шаги, и ветеран кино увлекся оперативным репортажем: каждый вечер, в каждом доме! Но с собственным жильем — проблема...

В 1972 году — переезд в Миасс: местные поклонники организовали ему отдельную однокомнатную квартиру. И оформили консультантом по работе с кинофотолюбителями.

Шерше ля фам...

Однажды одну творческую дискуссию Леонид Леонидович описал в газете и подписался... Судейкин. Это по фамилии своей первой жены. В запасе было еще три — столько раз он женился. И ни разу не развёлся!

Судейкина — это 20-е годы. Фамилия в мире искусства известная: был театральный художник С.Ю.Судейкин, рисовал для Дягилева (Париж, США), была красавица-артистка О.А.Судейкина (между прочим, подруга-соперница Анны Ахматовой)... Леонид же Леонидович свою первую называл... Клавдией. Развела война... Столичную довоенную жизнь вспоминал без сожаления: «Московский франт, любимец женщин...»

Новую жизнь начал после лагерей. Кому нужен зек? Нашлась, однако, добрая душа: простая крестьянка Анна взяла его, умирающего в ссылке, на поруки, вылечила, пригрела... И он, в свою очередь, потом

взял ее с собой в большой город. Счастья, правда, не получилось... Из Свердловска ему пришлось уехать из-за... женщин: администрацию киностудии допекли его многочисленные амурные истории. Из Челябинска сам сбежал от... Анны, та пила и скандалила. В Миассе в его «салон» повадились молодые барышни брать «театральные» уроки, родители, конечно, дружно «засигналили»...

Но одна не отступила и, несмотря на все пересуды (и ее родители, и его окружение были против), пошла с ним в загс: ему было под 80, ей только 20 лет. Жених — благородно седой. Она — ослепительно молодая! Фотографы! Шампанское! С законным браком! И прожили 10 лет. Не просто, не богато... Но ей было интересно: узнала от него столько, сколько ни в каких книгах не вычитаешь. Кончила Институт культуры, работала в библиотеке. И ездила много, сопровождая его на съемки. Даже сама стала героиней фильма, документального, большого, исповедального — «Таинство брака» (режиссер С.Мирошниченко).

Я бывал у них. Радовался за старика: под присмотром. Думаю, что они были счастливы: любить он умел. И все понимал, в одном из писем писал: «...добрая Ирина выросла совсем большая, и ей надо замуж... А сам становлюсь ребенком...».

Звездный час

В 1972 году, опять же по рекомендации Кулешова, Леонид Оболенский снялся в фильме «Вид на жительство». Роль старого князя-белоэмигранта вновь вернула его на большой экран. Ленты пошли косяком: «Чисто английское убийство» (Лорд), «Красное и черное» (Епископ), «Подросток» (Граф), «Молчание доктора Ивенса» (200-летний пришелец из космоса), «Чужая» (Кинорежиссер). Особенно часто приглашали Литовская и Белорусская киностудии. В 1979 году — Свердловская: фильм «На исходе лета» (кинорежиссер Р.Мурадян). Сыграл роль деда. Еще сырой фильм был срочно отправлен на Международный фестиваль телевизионных картин в Монте-Карло и был отмечен «Серебряной нимфой» — за лучшее исполнение мужской роли. Оболенского вызвали в Москву, в Госкинокомитет, «Нимфу» ему только показали, а выдали... 1000 рублей.

В 1990-м в Швейцарии артист Оболенский заслужил уже самый главный приз — за документальный фильм «Ваш уходящий объект». Это — о нем самом, об эволюции русской культуры. Жюри прислало ему в Миасс специальную... инвалидную коляску: она здесь очень понадобилась, так как уже четыре года Леонидыч был прикован к постели — упал и сломал ногу.

Последовали статьи-интервью в журналах «Экран» и «Театр». Сам Вячеслав Тихонов привез ему в Миасс постановление о присвоении высшего актерского разряда и соответствующей пенсии. 14 июня 1991 года обнародован президентский указ (№ 1!) о присвоении Леониду Леонидовичу Оболенскому звания народно-го артиста РСФСР.

19 ноября патриарх советского кино скончался. Написать на деревянном кресте сделали необычную: «Инок Лаврентий, в миру Леонид».

Майским днем 1960 года в приемной одного из кабинетов ЦК КПСС было оставлено письмо, содержавшее несколько машинописных страничек.

Посетителю никогда ранее не удавалось достичь столь высоких инстанций. А потому на протяжении многих лет письма с аналогичным текстом периодически посылались по почте. И всякий раз оставались без ответа.

Сейчас письмо начиналось так:

«Председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС тов. Швернику Н.И. от Продовикова Сергея Марковича, 1922 г.р., русского...»

ЗАЯВЛЕНИЕ

В октябре 1943 года парторганизацией Котласского Военно-аэросанного училища я был принят кандидатом в члены КПСС (кандидатский билет № 6447910)...»

События складывались следующим образом.

В августе 1940 года Сергей Продовиков, закончив среднюю школу в поселке Исовск (Нижнетуринский район Свердловской области), поступил в Челябинское военно-авиационное училище.

Под «занавес» первого курса грянула война. О каникулярных отпусках, естественно, не могло быть и речи. Программу обучения подвели под требования времени и уже в начале сентября 1941-го курсанты вместе с сержантским званием получили удостоверения штурманов бом-

Учеба длилась более года. (Как ни крути, а аэросани по их боевому применению ближе к танкам, чем к самолетам). В декабре 1942-го Продовиков, наконец, попал на фронт. Его 6 отдельный аэросанный батальон, входивший в оперативное подчинение 31-й армии, участвовал в наступательных боях под Ржевом, Вязьмой, Гжатском, Сычевкой. За успешное выполнение боевых заданий в апреле 1943-го Сергеем присвоили звание «младший лейтенант». Он стал командовать взводом из трех боевых экипажей.

Когда снега на Смоленщине стали сходить, батальон вывели в расположение все того же Котласского училища, где он и был расформирован. Продовиков стал командиром учебной роты (тогда-то и было написано заявление о приеме в партию). Его, как спортсмена, разрядника по лыжам и другим видам спорта, оставили в училище на должности начальника физподготовки.

Но Сергей считал, что его место на фронте. В декабре 1943-го очередной его рапорт был удовлетворен. Направили на Волховский фронт — в 44-й отдельный Новгородский аэросанный батальон, который участвовал в наступательных боях в район озера Ильмень.

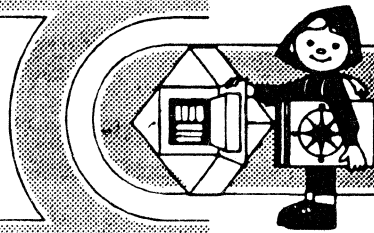
Читаем письмо дальше:

«...17 февраля 1944 года наш батальон совместно с другими частями атаковал с озера Ильмень немецкие колонны, отступающие по шоссе в районе деревень

Валерий МАЙОРОВ

ОСОБО СЕКРЕТНЫЙ СОЛДАТ

(заметки на полях документа из архива ЦК КПСС)

бардировочной авиации, освоивших самолеты ПО-2, ТБ-1, ТБ-3, Пе-2, Р-3.

Им было приказано подготовиться к погрузке в эшелон. Среди новоиспеченных летчиков царило оживление. Еще бы — отправляются во фронтовые авиачасти! Но командование училища охладило их пыл. Место назначения — Котлас, где они, якобы, должны переучиваться летать на американских самолетах.

Однако, едва высадившись из эшелона, ребята узнали, что в полном составе зачислены курсантами только что созданного Котласского военно-аэросанного училища. Оно располагалось неподалеку от Котласа, в Коряжме, в бараках лагеря НКВД.

Вместо обещанных американских самолетов, штурманам, как оказалось, предстояло освоить совсем иную технику и профессию, схожую с ранее полученной только тем, что аэросани были снабжены самолетными двигателями и имели толкающий винт. И произошло нечто беспрецедентное, не отраженное до сих пор в официальной истории войны: курсанты (а в Котласе оказались также выпускники авиационных училищ из Симферополя, Севастополя и Кургана) стали бойкотировать занятия, апеллируя к высшему командованию ВВС.

Ответ не заставил себя ждать. Органы НКВД оперативно провели строгое расследование. В училище состоялось выездное заседание трибунала. Десять зачинщиков недовольства отбыли на десять лет в лагеря без права переписки.

Малая Ветонь и Щеглы. При выезде со льда озера батальон попал под заградительный огонь вражеских минометов, пулеметов и пушек. В мои аэросани попала мина. Подбитая машина остановилась метрах в 50-ти от немецких траншей...»

Аэросани — кажется, единственный вид боевой техники Великой Отечественной войны, не удостоившийся внимания авторов военных мемуаров. Из рассказов сведущих людей вырисовывается следующее. Идея их боевого применения принадлежала лично Сталину. (Во время финской войны небольшое количество этих машин использовалось в транспортных целях). Теперь лобовую часть фанерного корпуса аэросаней (их делали в Горьком на базе автомобильного завода) обшили стальным листом. Бронировали также верхнюю пулеметную турель. На некоторых машинах, кроме двух пулеметов, устанавливали противотанковые пушки. Но основным вооружением экипажа, состоявшего из двух человек, были ППШ и запас гранат. Имелся комплект запасных лыж и винтов. Редко когда из боевого рейса возвращались все машины.

На аэросанях забрасывали разведывательные и штурмовые десанты, их применяли для прорыва обороны и преследования отступающего противника.

Десантная вместимость машин — 6 человек. По двое располагались на передних лыжах, и по одному — на задних. Особых приспособлений не было — держались руками за чехлы амортизаторов. А сани по твердому снегу развивали скорость до 100 км/час. Случалось, десантни-

ков «теряли» на ухабах и резких поворотах, а также при маневрах по десантированию — замешкавшихся разрубало винтом.

Тем не менее азросани сыграли свою посильную роль в войне, в которой цена победы не бралась в расчет. По сведениям, полученным мною в Институте военной истории, на Волховском, Ленинградском и Карельском фронтах действовали 18 отдельных азросанных батальонов.

Следует добавить, что воевали они в особом режиме секретности. Некоторые подразделения, отличившиеся в освободительных боях, упоминались в приказах Главнокомандующего. Но за всю войну о них не появилось в прессе ни одной репортерской или очерковой строчки. Категорически запрещалось фотографировать и даже находиться с аппаратом возле азросаней. Если в бою сани теряли способность двигаться, их — по строжайшему приказу — надлежало сжечь.

Продолжим чтение письма:

«...Я получил 13 осколочных ранений. Перебило обе руки, челюсти. В бессознательном состоянии был взят немцами в плен. Это случилось 17 февраля 1944 года.

Очнувшись, обнаружил, что вместе со мной в закрытом сарае находится и мой механик-водитель Леонид Пестриков, тоже раненый, хотя и менее тяжело. Пришли немцы и стали нас обыскивать. У меня гимнастерка была залита кровью. Очевидно, побрезговав, ее ощупывать не стали. И не обнаружили лежавшие в левом кармане кандидатский билет и расчетную офицерскую книжку.

Нас свезли в деревню Любань и поместили в избу, где уже находились другие военнопленные. На следующее утро Пестрикова и еще одного легко раненого бойца немцы куда-то увезли...

Вечером 19 февраля деревня Любань горела. Отступавшими немцами был подожжен и дом, в котором мы находились. Его хозяйка, едва немцы покинули двор, открыла дверь и помогла нам выбраться на крыльцо. Сразу раздалась автоматная очередь. Мы, кто как мог, рванулись в сторону гумна, которое начиналось за амбаром. Четверых настигли пули, а мне и еще одному пленнику удалось добраться до цели. Ночь провели, забившись в льняные снопы. На рассвете 20 февраля в Любань вступила советская воинская часть. Так закончился мой плен.

В деревенской церкви размещался полевой госпи-

таль, где мне была сделана операция. Дальнейшее лечение проходил в стационарном госпитале № 2837 (в г. Выкса Горьковской области). Тут я пытался заплатить членские взносы, но зам. начальника госпиталя по политчасти отказался их принимать, мотивируя это тем, что я в течение двух с половиной суток находился во вражеском плену. Заплатить взносы мне так и не удалось в течение всех шести месяцев пребывания в госпитале. После лечения я получил назначение в 49-й Отдельный Запасной Корректировочный авиаполк (базируется в г. Богородске Горьковской области) на должность летчика-наблюдателя. Прибыв в него, я сразу же рассказал заместителю комполка по политчасти майору Маслову об обстоятельствах, касающихся моей кандидатской карточки...»

Замполит (он же секретарь парторганизации) Маслов сказал, что, не имея полномочий самостоятельно решать подобные вопросы, просит Москву и приказал Продовикову сдать залитый

кровью кандидатский билет для замены.

Распоряжение из Москвы пришло спустя полтора месяца, в начале октября 1944 года. Продовикову следовало прибыть для проверки обстоятельств его пленения в спецлагерь НКВД № 174, размещенный в 40 километрах от столицы, на станции Щербинка.

Это была территория со множеством длинных кирпичных зданий, обнесенная тремя рядами ключей проволоки. По углам сторожевые вышки с пулеметами. Каждый дом-барак разделен на несколько секций, в которых на 3-этажных нарах размещалось по 30-40 человек.

Контингент — сплошь военный люд. От рядовых до полковников. Разумеется, уже без знаков отличия. У каждого — личный номер.

Здесь, в Щербинке, формировались штрафные батальоны. Попасть в них считалось счастьем. Иной вариант — колымский срок с клеймом предателя и труса. Или «вышка». Трибунал рассматривал дела поточным методом.

На «поток» были поставлены и допросы. Вызывали Продовикова только по ночам. Дознаватели менялись. Но каждую ночь — и так в течение почти трех месяцев — неизменной оставалась суть вопросов.

Первый касался его отца Марка Тимофеевича. В родной деревне Клесты, что в Нолинском районе Кировской области (откуда вышел весь род Продовиковых) он со времени организации здешнего колхоза работал его пред-

Начало 1941-го. Курсанты Челябинского авиаучилища. Справа — С.Продовиков.

седателем. Хозяйство, нуждавшееся в толковых и работающих мужиках, которые были изжиты в период коллективизации и раскулачивания, успехами не блистало, но все-таки справлялось с планом госзаготовок. В 34-м во всем регионе не уродился лен. Председателя (как и его коллега из других колхозов) сняли с работы и привлекли к судебной ответственности. Получил шесть месяцев принудительных работ. Его, как и других, получивших «сказочно» короткий срок, определили конвоирами команд — этапировать заключенных.

Через полгода такой работы Марку Тимофеевичу, вернувшемуся в Клесты, стыдно было смотреть в глаза землякам-сельчанам. В начале 36-го он с семьей подался к брату, работавшему начальником драги на Валериановском прииске возле Качканара. Обосновались в поселке Ис, где в 40-м и закончил Сергей Продовиков среднюю школу...

Теперь, восемь с лишним лет спустя, следователи НКВД толковали тот переезд как демонстрацию протеста Продовикова-старшего. Старались добыть от сына компромат на отца.

Второй вопрос тоже был неизменным: почему он, офицер особо секретной части, не застрелился, когда был окружен немцами? А ведь в госпитальной справке были подробно перечислены все 13 ранений, полученных им в том роковом бою. Из справки следовало, что командир азросаней физически не смог бы этого сделать, даже не потеряв он сознание от контузии.

Но тем не менее Продовикову повезло больше других: под трибунал не подвели. Отправили по последнему месту службы.

«...По моему возвращению в 49-й Отдельный Запасной Корректировочный авиаполк, — пишет он далее, — вместо майора Маслова заместителем командира по политчасти был майор Ребров. Я рассказал ему всю историю, связанную с моим кандидатским билетом, со сдачей его майору Маслову. Майор Ребров посоветовал мне написать заявление в партийный отдел ВВС Московского военного округа. Написанное мною заявление

майор Ребров направил по указанному адресу. Но никакого ответа не пришло...»

Накануне парада Победы Продовикову вручили запоздавшую награду за новгородские бои — орден Красного Знамени (№ 154066).

А сам парад он встретил в госпитале — открылись старые раны. Как ни сопротивлялся, признали инвалидом II группы и демобилизовали ввиду непригодности к летной службе.

«...Все мои попытки выяснить партийную принадлежность не имели успеха вплоть до 1951 года, когда мною было послано заявление в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС. Оттуда заявление было переправлено в парткомиссию при Главном Политуправлении Советской Армии, которая сообщила, что мой кандидатский билет № 6447910 и учетная карточка хранятся непогашенными в Отделе учета партдокументов Главного Политуправления Советской Армии, и что для рассмотрения дела нужно подать заявление в парткомиссию Московского Областного военкомата.

Заседание этой комиссии, рассматривавшей мое дело, состоялось осенью 1952 года. Было вынесено решение: «Считать Продовикова С.М. выбывшим из кандидатов в члены КПСС, как не имеющего свыше 8-ми лет организационной связи с партией».

«...Прошу Комитет партийного контроля при ЦК КПСС рассмотреть мое заявление и восстановить меня в партии».

Этой просьбой закончил Продовиков свое очередное — и на сей раз последнее — заявление, оставленное в приемной Н.Шверника в мае 1960 года.

Ответа он не получил...

Продовиков, закончив в 50-х Плехановский институт, долгие годы работал в хозяйственно-экономических структурах и ведомствах. Живет в Москве. Сейчас ему за семьдесят. Известен как спортсмен-лыжник. Последнюю свою лыжную победу одержал в 1995 году, выиграв в своей возрастной группе спортивную «Гонку славы» — лыжный кросс, посвященный 50-летию Великой Победы...

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ: «БЕЗ МОСКВЫ, БЕЗ РОССИИ»

Арсений Несмелов. В литературе русского зарубежья его имя занимает особое место — поэта ратного подвига. Подвига русского солдата и офицера на полях сражений Первой мировой войны. Слава побед и горечь поражений — все было там. И — высокое осознание ратного долга и чести, исторической традиции русского православного воинства.

Для него — выпускника кадетского корпуса — эта традиция не прерывалась. Он не менял своего знамени, веры, убеждений и офицерской чести на новую идеологию и навсегда связал судьбу с той армией, которая в ходе гражданской войны осталась без Москвы, без России.

С таким названием — «Без Москвы, без России» — вышла в 1990 году в серии «Московский Парнас» книга Арсения Несмелова, составленная на основе восьми прижизненных сборников поэта, изданных в Харбине, Шанхае и Берне.

Настоящая фамилия Арсения Ивановича — Митропольский. Как явствует из послужного листа, найденного в одном из военных архивов Москвы, он родился 8 июня (21-го по новому стилю) 1889 года в Москве. В семье статского советника. В годы Первой мировой войны поручик II-го гренадерского Фанагорийского полка Митропольский принял на Западном фронте боевое крещение, получил ранение, награжден четырьмя орденами.

Февральская революция стала для него трагедией, октябрьского переворота он не принял и в последовавших затем событиях связал свою судьбу с белым движением. Служил в штабе адмирала Колчака, был помощником коменданта города Омска, участником так называемого Ледяного похода, закончив-

шегося отступлением остатков каппелевских частей в Китай.

В 1920 году Арсений Иванович на какое-то время возвращается из Маньчжурии во Владивосток. Здесь начинается его журналистская и литературная работа. «Два года я дрался с большевиками, но драться с человеком — не значит узнать его. Почему же не посмотреть, не познакомиться? Перспектива слишком заманчива, но и опасность велика, если большевики знают обо мне все...»

Так писал он в мемуарном очерке «О себе и Владивостоке». Рукопись эта пролежала в советских архивах под грифом «Особо секретно» без малого полвека, до тех пор, когда вышел указ о рассекретивании спецхранов.

Первое, опубликованное во владивостокской газете, стихотворение «Соперники» Арсений Иванович подписал псевдонимом. О том, как родился псевдоним, он также поведал в упомянутом очерке: «В памяти — почему? — мелькнуло лицо друга, убитого под Тюменью. Пусть живет в моих стихах! И я подписал «Несмелов».

Личная жизнь поэта не была удачной. Его возвращение во Владивосток было связано (по его признанию) и с желанием «отыскать жену и устроиться по-человечески». И какое-то время надежды Арсения Ивановича оправдывались. Преподаватель русского языка и литературы Екатерина Владимировна Худяковская, приехав из

Омска, ждала его во Владивостоке, и они встретились. Екатерина Владимировна вместе с дочерью Наташей последовала за ним и в Харбин, где он на первых порах работал в газете «Дальневосточная трибуна». В начале тридцатых годов семья распалась, мать с дочерью вер-

нулись в СССР и были подвергнуты репрессии. Возвращение Арсения Ивановича состоялось позднее — в августе 1945 года, когда Харбин был захвачен советским воздушным десантом. Редакция журнала «Рубеж», сотрудником которого был Арсений Иванович, вместе с другими деятелями русской эмиграции была приглашена на официальный прием советскими властями. Все участники этого, так называемого, литературного вечера — сотрудники и авторы эмигрантских изданий «Рубеж», «Заря», «Луч Азии» — были арестованы.

Литературное наследие Арсения Несмелова настолько значительно, что в США начато его двухтомное издание, составленное литературоведом Э.Штейном. Первый том — «Без России» — вышел в американском издательстве «Антиквариат» еще в 1990 году, но на российском книжном рынке найти эту книгу невозможно.

В статье «Арсений Несмелов» («Возрождение», Париж, 8 сентября 1932 г.) отмечалось: «Недавнее прошлое — мировая и гражданская война, первые годы изгнания — владеют его душевным миром. Но он уже чувствует, что дно достигнуто, что где-то рядом открывается путь восхождения. Несмелов — поэт взвихренной России, огненных лет, непосильных испытаний».

Уже в конце 20-х годов стихи Арсения Несмелова пробивают себе дорогу в русские издания Парижа, Берлина, Праги, Нью-Йорка. Их знали и ценили Марина Цветаева и Борис Пастернак. Последний в частном письме 26 июня 1924 г. писал: «...книжки с Тихого океана. Почтовая бандероль. Арсений Несмелов. Хорошие стихи». Сам поэт сообщал И.А.Якушеву, редактору русского сборника «Вольная Сибирь»: «...Марине Цветаевой, которой я послал поэму «Через океан», последняя понравилась».

Накануне ухода из Владивостока в Маньчжурию поэт посетил выдающегося исследователя Дальневосточного края Владимира Клавдиевича Арсеньева, и тот указал

ему наиболее безопасный маршрут. Об этом позднее свидетельствовал сам поэт: «Это была моя последняя встреча с Арсеньевым, которого я глубоко и нежно любил. Мы оба чувствовали, что нам уже не увидеть друг друга. Крепкое рукопожатие положило конец прощанию, многое моему сердцу сказал долгий взгляд Арсеньева — им он пожелал мне удачи в побеге и успеха в моей жизни в чужой стране».

Несмелов погиб не на чужбине, а в советской тюрьме около Владивостока осенью 1945 года. Но стихи его не погибли, они вернулись на Родину (см. тихоокеанский альманах «Рубеж» N 1, 1992, N 2, 1995 г., сб. «Ковчег», М., 1991, «Вернуться в Россию — стихами», М., 1995). Перу Арсения Несмелова, кроме сборников стихов, принадлежат поэмы «Через океан» (1934), «Протопопица» (1939) — о жене протопопа Аввакума, книга прозы «Рассказы о войне» (1936), а также еще не опубликованный роман «Продавцы строк».

Предлагаемая подборка стихов предоставлена живущей в пригороде Екатеринбурга дочерью поэта Н.А.Митропольской. Уже после смерти Сталина Наталья Арсеньевна удалось получить высшее образование. Она закончила химический факультет Уральского государственного университета и работала на Пышминском опытном заводе.

Представления о всем творчестве этого поэта подобрать, конечно, не может. Но она, надеемся, приведет заинтересованного читателя к книжным и последним журнальным публикациям поэта, который когда-то, еще в начале сороковых, писал:

«Но все ж не хмурься, потомок, когда посторонней заботой направленный к пыли газетной, отыщешь ты эту тетрадь. Пусть робкий мой голос негромок, но все-таки верною нотой мне в этой глуши безответной порой удавалось звучать.»

Вступительная статья и публикация Эдуарда МОЛЧАНОВА

Арсений НЕСМЕЛОВ (1889-1945)

ГУМИЛЕВ

*И так сладко рядить победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага!*

Прекрасен строгий образ Гумилева!
Он в те года сияюще возник,
Когда какой-то иссякал родник
И дряблым, бледным становилось слово.

И голосом трубы, военной и суровой,
Его призыв воспрянул в этот миг,
И, к небесам подъятый, тонкий лик
Овеян был блистаньем силы новой.

О, этот очерк крепко сжатых губ!
А в эти дни, не веря нашей яви,
Блок забывал о доблести и славе,
И к чертовщине влекся Сологуб.

Был страшен мир,
где безмогильный труп
Вставал и шел своей тропкою навей,
А небеса уже закат кровавил,
Вздыхая ночь с уступа на уступ.

Мы провалились в грозную войну,
Как в вырытую кем-то яму волчью,
Мы стали жить испуганно и молча,
В молчание повергнув всю страну,
И, задыхаясь, ринулись ко дну...
Лишь красный факел

озарял окрестность,
Как нетопырь,
порхала неизвестность,
Будившая набатом тишину.

Один лишь голос серебром звенел,
И не был он никем перекликаем,
Все мы его и в наши дни узнаем,
Зане его не заглушил расстрел.

Да, как бы резко залп ни прогремел,
Каким бы ни был он зловещим
лаем, —
Мы все-таки ему еще внимаем,
Пусть сонм годин
над нами прошумел!

Прекрасен грозный образ Гумилева!
Как Лермонтов, он тоже офицер.
А вы теперь наказаны сурово,
Вы, сеятели басен и химер!
...Грохочут танки.

Вихорь битвы — сер,
И вспыхивает в нем огонь багровый.
Но где оно, водительное слово,
Победно поднимающее всех?

И где они, где те певцы иные,
Чтоб заменили спящего мертво?
Золотое сердце России
Мерно билось в груди его.

ПАМЯТЬ

Тревожат память городов
Полузабытые названия:
Пржемысль, Казимерж, Развадов,
Бои на Висле и на Сане...

Не там ли, с сумкой полевой
С еще не выгоревшим блеском,
Бродил я, юный и живой,
По пахотам и перелескам?

И ствук в сердце не умолк
Тех дней, когда с отвагой дерзкой
Одиннадцатый гренадерский
Шел в бой фанаторийский полк! —

И я кричал и цепи вел
В просторах грозных, беспредельных,
А далеко белел костел
Весь в круглых облачках

шрапнельных...

И после дымный был бивак,
Костры пожарами тлели,
И сон, отдохновенья мрак.
Души касался еле-еле.

И сколько раз, томясь без сна,
Я думал, скригтый тяжкой мглою,
Что ты последняя война,
Прозой промчишься над землей.

Отстромыкает краткий гром,
Чтоб никогда не рывкать больше,
И небо в блеске голубом
Над горестной почитет Польшей.

Не уцелеем только мы, —
Раздавит первых варыв великий!
И утвердительно из тьмы
Мигали пушечные блики.

Предчувствия и разум наш,
Догадки ваши вздорней сплетни:
Живет же этот карандаш
В руке пятидесятилетней!

Я не под маленьким холмом,
Где на кресте исчезло имя,
И более ужасный гром
Уже хохочет над другими!

Скрежешет гусеничный ход
Тяжелой танковой колонны.
И глушит, как и в давний год,
И возглас мужества и стоны!

НА ВОДОРАЗДЕЛЕ

Воет одинокая волчица
На мерцанье нашего костра.
Серая, не сетуй, замолчи-ка, —

Мы пробудем только до утра.
Мы бежим, отбитые от стаи,
Горечь пьем из полного ковша,
И душа у нас совсем пустая,
Злая, беспощадная душа.

Всходит месяц колдовской иконой, —
Красный факел тлеющей тайги.
Вне пощады мы и вне закона, —
Злую силу дарят нам враги.

Ненавидеть нам не разучиться,
Не остыть от злобы огневой...
Воет одинокая волчица,
Слушает волчицу часовой.

Точно сердцу от звериных жалоб,
Неизбывен горечи родник...
Не волчица, родина, пожалуй,
Плачет о детенышах своих.

В НИЖНЕУДИНСКЕ

День расцветал и был хрустальным,
В снегу скрипел протяжно шаг.
Висел над зданием вокзальным
Беспомощно нерусский флаг.

И помню звеня эшелона,
Затихшего, как неживой.
Стоял у синего вагона
Румяный чешский часовой.

И было точно погребальным
Охраны хмурое кольцо,
Но вдрут на миг
в стекле зеркальном
Мелькнуло строгое лицо.

Уста уже без капли крови,
Сурово сжатые уста!..
Глаза, надломленные брови,
И между них — Его черта, —

Та складка боли, напряжения,
В которой роковое есть...
Рука сама пришла в движение,
И, проходя, я отдал честь.

И этот жест в морозе лютом,
В той перламутровой тиши, —
Моим последним был салютом,
Салютом сердца и души!

И он ответил мне наклоном
Своей прекрасной головы...
И паровоз далеким стоном
Кого-то звал из синевы.

И было горько мне. И ковок
Перед вагоном скрипнул снег:
То с наклоненной винтовкой
Ко мне шагнул румяный чех.

И тормоза прогрохотали. —
Лязг приближался, пролетел,
Умчали чехи Адмирала
В Иркутск — на пытку и расстрел!

БРОДЯГА

Где ты, летняя пора, —
Дунул, и нету!
Одуванчиком вчера
Облетело лето.

Кружат коршунами дни
Злых опустошений.
Резкий ветер деденит
Голые колени.

Небо точно водоём
На заре бескровной.
Хорошо теперь вдвоем
В теплоте любовной.

Прочь, согретая душа,
Теплая, как вымя:
Мне приказано шуршать
Листьями сухими!

Непокрытое чело,
Легкий шаг по свету:
Никого и ничего
У бродяги нету!

Ни границы роковой,
Ни препоны валкой:
Ничего и никого
Путнику не жалко!

Я что призрак голубой
На холодных росах,
И со мною только мой
Хромоногий поесс.

РОДИНА

От ветра в ивах было шатко.
Река свивалась в два узла.
И к ней мужицкая лошадка
Возок забрызганный везла.

А за рекой, за ней в покосах,
Где степь дымила свой пустырь,
Вставал в лучах еще раскосях
Зарозовевший монастырь.

И ныло отдаленным гулом
Почти у самого чела,
Как бы над кучером сутулым
Вилась усталая пчела.

И это утро, обрастая
Тоской, острее которой нет —
Я снова вижу из Китая
Почти через двенадцать лет.

Юрий СЫТНИКОВ, Леонид ЗЛОКАЗОВ

БАНКИ ЕКАТЕРИНБУРГА

В 1837 году Екатеринбург осчастливил своим приездом будущий император Александр II. В его свите флигель-адъютантом состоял С. А. Юрьевич, оставивший в одном из своих писем следующие слова: «...Екатеринбург: вид города с гор прелестный, да он и внутри очень богат...»

Расположенный между Европой и Азией России, город использовал все преимущества этого расположения: из Сибири на рынки европейской части страны шел хлеб, значительная его часть перерабатывалась на мельницах екатеринбургских мукомолов-миллионеров. Крупчатка здешнего помола шла и за рубеж. Симанов, Первушин, братья Степановы, Борчанинов, Жиряков... Можно и еще перечислять фамилии предпринимателей, разбогатевших на пшеничном и ржаном зерне. В просторечьи часть нынешней улицы 8 Марта между улицами Малышева и Радищева называли «Миллионной» — здесь жили миллионеры-мукомолы.

Богатели не только на муке, но и на торговле железом, лесом, ювелирными изделиями и прочим. Для ведения больших дел нужны были и большие капиталы. Пришла пора банковских кредитов.

Банков в Екатеринбурге было несколько: Сибирский торговый, Волжско-Камский коммерческий, Русско-Азиатский... Но первым был государственный банк, его местная контора.

Она открылась в нашем городе в 1847 году. 22 мая 1848 года «Пермские Губернские Ведомости» сообщили, что совершен крепостной акт (т. е. акт купли-продажи) «на проданный Обер-Гиттен-Фервальтершей Марьей Петровой Коковиной каменный двухэтажный дом со всем строением и землею, для помещения Конторы Екатеринбургского Государственного Коммерческого Банка, состоящий в г. Екатеринбурге на Главном проспекте, ценою за 11.000 руб. серебром...».

Здание цело и поныне — на углу проспекта Ленина (бывшего Главного) и улицы Шейнкмана (бывшей Коковинской). Кстати, Марья Петровна Коковина была женой известного каменных дел мастера обертиттенфервальтера* Якова Васильевича Коковина, который в конце 1820-х — начале 1830-х годов ведал Екатеринбургской гранильной фабрикой.

Место для банка было удобное: рядом въезд в город — Московская застава, вблизи — центральная торговая площадь. Операционный зал, можно смело утверждать, не пустовал. Кто-то брал ссуду на горные работы, кто-то — на строительство или ремонт дома. Третий нес долг с

процентами или просил подождать с возвратом ссуды — «фарта нет». Иногда доходило до слез, порой — и до разорения. Те же «Пермские Губернские Ведомости» 6 апреля 1856 года писали: «...От Екатеринбургского Государственного Коммерческого Банка Конторы объявляется, что екатеринбургскому 3 гильдии купцу Николаю Павлову Полуянову рассрочен, по Высочайшему повелению, долг Государственному Коммерческому Банку, с принятием в обеспечение принадлежащего ему деревянного дома на каменном фундаменте...». Это было уже серьезно. В дело шел последний козырь — недвижимое имущество. Повезло — выкупил. Не повезло — остался под открытым небом.

И опять читаем в «Ведомостях»: «...Екатеринбургского Государственного Банка Контора, открыв с 1 Января 1860 года прием частных вкладов с платежом 2% в год, объявляет о сем для всеобщего сведения...».

Процент по нынешним временам смехотворный, но напомним, что четверть (почти 210 литров) ржи стоила в то время 4 р. 28 к., пшеницы — 5 р., овса — 2 р. Деньги были дороги.

В 1895 году екатеринбургская контора государственного банка получила новое, специально ей предназначенное, здание. В первом этаже размещались канцелярия, архив, вестибюль с пропускным пунктом. Операционный зал находился на втором этаже. Там же — кабинеты управляющего, директоров и кладовые.

Старое здание банк оставил за собой, и усадьба теперь занимала половину квартала в нынешних улицах Шейнкмана, Московской, Попова и проспекте Ленина.

В 1905 году контору упразднили, стало отделение, что и было отражено на фронтоне нового здания. Видимо, чтобы подчеркнуть государственность банка, его надежность — в отличие от банков частных.

К этому времени уже предлагали свои услуги Городской Общественный банк, открытый 20 декабря 1864 года, отделения Сибирского Торгового и Волжско-Камского Коммерческого банков, которые возникли почти одновременно — в 1872 году. В 1889-м открылось агентство Нижегородско-Самарского земельного банка. Такое же агентство, только Ярославско-Костромского земельного, заявило о себе в 1896 году.

В сентябре 1905 года верхний этаж дома Ижболдина (он в перестроенном виде жив и сейчас на перекрестке проспекта Ленина и улицы Вайнера — там теперь аптека № 6 и булочная) был арендован под, как тогда говорили, «квартиру» организуемого в Екатеринбурге отделения Северного банка. 1 ноября оно начало свою весьма активную жизнь. Кроме обычных операций, в июне 1906 года открыло золотосплавочную лабораторию, «которая

* один из высших горных чинов

будет золото сплавлять и немедленно учинять за таковое расчет».

Но помещение оказалось маловатым, и было решено построить собственное здание. Купили участок земли двумя кварталами южнее по той же Успенской (ныне Вайнера) улице, на углу с Покровским проспектом (ныне улица Малышева). Но строительство началось только в июле 1910 года. Газета «Уральский Край» писала, что новое здание «...будет одним из красивейших в городе».

В 3-этажном здании предполагалось разместить огнестойкую кладовую с несгораемыми сейфами, золото-сплавочную лабораторию и огромный операционный зал в два этажа высотой.

Но в том же 1910 году произошло слияние Северного и Русско-Китайского банков и в городе образовалось отделение Русско-Азиатского банка, которое и справило новоселье в новом здании в апреле 1912 года. Оборот вырос во много раз: если Северный банк обслуживал только европейскую Россию — 47 городов, то соединенный Русско-Азиатский — уже 84.

С началом войны обороты еще более возросли, потребовались новые служазии, новые площади. В апреле 1915 года «Городская Дума дала благоприятное заключение на перестройку и расширение существующего здания Русско-Азиатского Банка на углу Успенской улицы и Покровского проспекта». Банк получил добавочные площади в части здания, выросшей по красной линии Покровского проспекта.

Так было и с Русским для внешней торговли банком: сначала (сентябрь 1909 года) арендовался второй этаж дома Афонина на Покровском проспекте, 36. Потом банк это здание купил. Лет 40 назад оно вошло составной частью в новое большое строение на улице Малышева, 36.

Сибирский Торговый банк после блужданий по «квартирам» занял левую половину здания, которое находится сейчас за трибуной на площади 1905 года (бывшей Кафедральной), а Волжско-Камский Коммерческий — в здании по Главному проспекту, 19. В 1930-х годах на этом месте было воздвигнуто печально знаменитое здание, которое горожане многозначительно называли «Ленина, 17».

Городской общественный банк, находившийся сначала в доме городского общества, позже, в апреле 1914 года тоже выстроил себе здание на том же Покровском проспекте.

Его постигла та же участь, что и дом Русского для внешней торговли Банка. Теперь посетители магазина «Ковры» и не догадываются, что находятся на первом этаже бывшего Городского общественного банка.

Банки принимали срочные и бессрочные вклады, учитывали векселя и выдавали ссуды под залог. Залогом могли служить процентные бумаги, недвижимое имущество

и драгоценности. Недвижимость была предпочтительнее. Процентные бумаги и драгоценности не шли в сравнение с домами: сплошь и рядом продавались первые и вторые для того, чтоб сохранить третьи. Но часто это не удавалось. Вот типичное объявление городского общественного банка: «14 января 1916 г. с 12 до 2 час. дня в Присутствии Банка в собственном доме на Покровском проспекте будут продаваться с публичного торга следующие недвижимые имущества, находящиеся в городе Екатеринбурге:

...3) Крестьянина Самарской губернии, Бугурусланского уезда, Кинель-Черкасской Слободы Ильи Григорьевича Немальцева по Отрясихинской ул. под № 27, заключающееся в полукаменном доме с надворными постройками и землею... Капитальный долг банку 12000 руб. Недоимок 2455 руб. 42 коп. Налогов 601 руб. 48 коп. Имение это заложено по 2-й закладной... Наложено запрещение в сумме 404 руб. 43 коп. по иску Виктора Борисовича Бархина по векселю, его-же по исполнительному листу 400 руб. с % и издержками, его-же по исполнительному листу 400 руб. с % и издержками...»

Уже в мае 1916 года дом принадлежал Анне Васильевне Немальцевой. То, что она была родственницей Ильи Григорьевича, сомнений не вызывает. Но вот какой? Женой, матерью, теткой, которая перекупила «недвижимость»? Возможно, что бывший хозяин стал приживалом в собственном доме...

Дом этот стоит до сих пор на улице Радищева, 27.

Кроме объявлений о продаже недвижимостей, Банк сообщал, например, что «...там-же в те-же часы будут продаваться заложенные и в срок невыкупленные разные золотые вещи по залоговой квитанции за № 40».

Начинающие банки богатели. Богатые становились еще богаче. Если в 1860 году Государственный банк принимал вклады с 2% роста в год, то через 26 лет Волжско-Камский Коммерческий давал по тем же вкладам, в зависимости от вида, от 4 до 5,5% годовых. Пуская в оборот деньги вкладчиков, банк явно получал больший процент прибыли.

Но, как говаривали древние, времена меняются и мы меняемся с ними.

Война, а затем и революция изменили условия банковской деятельности. Импорт и инвестиции из Европы сократились, зато расширились связи с Дальним Востоком.

Этим воспользовались Петроградский Международный Коммерческий и Московский Народный Банки — их отделения открылись в Екатеринбурге соответственно в конце октября 1917 года и в середине августа 1918-го. Да еще 10 ноября 1916 года заявил о себе «Союзбанк» на Уктусской (теперь 8 Марта) улице в доме № 36.

Банки привлекали не только вкладчиков, но и, если

Старое здание конторы Государственного банка на ул. Ленина (бывш. Главный проспект). С фото 1950-х гг.

можно так выразиться, «извлекателей». Они, как правило, приходили со стороны. Но иногда «вырастали» и в самом банке. Как, например, в Городском общественном в 1874 году. Оказалось, что «... в результате учета подложных векселей тсварищем (теперь бы он звался заместителем) директора Екатеринбургского Общественного Банка мещанином Потаповым, изготовленных мещанами Корепановым, Овцыным, Лапшиным и Парфеновым, — первый составлял, остальные предъявляли, — Екатеринбургский Общественный Банк к концу 1874 года понес убытка более 100 т/р...»

Далее газета «Екатеринбургская Неделя» продолжала: «... Приговор вынесен в 4 часу ночи на 8 февраля: Корепанов — на поселение в Сибирь, в места менее отдаленные; Овцын — к отдаче в исправительные арестантские отделения на 3,5 года с заменой этого наказания заключением в тюрьме на 5 лет и 3 месяца; Потапов — к отдаче в исправительные арестантские отделения на 2,5 года, с заменой тюремным заключением на 3 года и 9 месяцев; остальные оправданы».

Наступали «новые» времена.

3 января 1918 года во все частные банки были назначены комиссары, которых банковские управляющие и служащие признать отказались. Тогда руководителей банков — управляющих и старших бухгалтеров — вызвали в Исполнительный Комитет. Там они заявили, что примут комиссаров по приказу управляющего екатеринбургским отделением Государственного банка. Исполком с этим согласился, но у всех управляющих была отобрана подписка о невыезде.

19 января «Уральский рабочий» сообщил, что финотдел Исполкома Совета Рабочих и Солдатских Депутатов «... извещает владельцев стальных ящиков (сейфов), что ревизия сейфов в Екатеринбургских Отделениях Сибирского Торгового Банка, Волжско-Камского Банка и Русско-Азиатского Банка назначается с 1 часу... дня 20 января... в порядке очереди по 25 ежедневно.

Владельцы сейфов приглашаются явиться... иначе с сейфами будет поступлено согласно декрета правительства (сейфы будут вскрыты без владельцев)».

С 13 марта все частные и коммерческие банки в Екатеринбурге были закрыты ввиду их национализации, а с 18 марта открылись два отделения Россий-

ского Национального Государственного банка, первое — в помещении бывшего Русско-Азиатского, второе — Сибирского торгового.

Когда город заняли белые, «Екатеринбургские отделения столичных банков с 10 августа возобновили работу». Армии нужны были деньги. Много денег. Их давали вновь открытые банки. Им нужно было выжить. Казалось, все пришло на круги своя. Но через год в Екатеринбург вернулись красные.

В здании бывшего Русско-Азиатского банка после ремонта 1 марта 1922 года открылась областная контора государственного банка. В том же году начал свои операции Покобанк (банк потребительской кооперации), который разместился на улице Малышева, 31 «Б», рядом со зданием бывшего Городского общественного банка. В 1923 году Покобанк переименовали во Всекобанк.

Тогда же один за другим открылись Промбанк (Ленина, 19), Сельхозбанк (Малышева, 36).

Все советские банки выполняли те же операции, что и их капиталистические предшественники, кроме выдачи ссуд под залог недвижимости — это понятие в прямом своем значении из лексикона исчезло. Производили: «учет векселей и товарных документов, выдачу ссуд, но уже под товары, инкассирование всякого рода платежных документов, переводную и аккредитивную операции на все города СССР, заграничные переводы и аккредитивы в иностранной валюте и другие валютные операции, страхование всякого рода имущества от огня и транспортов от крушения и аварий, прием подписки на акции, продажу облигаций 2-го хлебного займа». Это — из рекламного объявления Промбанка, появившегося на стенах зданий и заборах в 1923 году.

Сельхозбанк выполнял те же операции, кроме работы с валютой, и, как банк специфичный, был посредником при снабжении сельхозорудиями, удобрениями, семенами.

Государственный банк, как основной, кроме упомянутых, выполнял операции с червонцами и золотом.

Но все банки производили еще одну операцию — покупку и продажу. Недвижимостей и драгоценностей не было, а накапливать капиталы было необходимо.

Ибо «... без денег жизнь плохая...» — как пелось в одной старой песне. А еще говорят так: не в деньгах счастье, а в их количестве.

Кафе-столовая «Дружба» — бывшее здание Русского для внешней торговли банка на улице Малышева (бывш. Покровский проспект). Фото 1980-х гг.

Поправка

В очерке Ю. Сытникова и Л. Злоказова «Главный проспект» («УС», № 9, 1995) по вине редакции выпало две строки. Начало абзаца на стр. 8 следует читать: «В восточной — «Церковной» — части города в середине прошлого столетия открыли городской театр (теперь театр «Октябрь»). А в 1912 году появился новый городской театр (теперь Театр оперы и балета)».

Редакция приносит авторам и читателям свои извинения.

Андрей КОМЛЕВ

ПОСЛЕ ДОМА

Отрывки из поэмы

Мамин сродный брат Иван
всю войну отвоевал.
Шел с полян родимой Вятки
до страны полей на Висле,
обернувши путь славянский.
Да словами не обмыслить,
лихо сказывая сказки...

Лейтенант ли, капитан,
то ли взводный, то ли ротный
с фронту вел народ голодный
мамин сродный брат Иван.

Вишь, фольварк, понятней, хутор.
Харч хотел добыть валютой,
вислым усом крутит пан.
Вроде схож язык славянский,
только смысл-то повислянский
больно спутан. Иль не зван
к вам спаситель братских стран?

Тю, призыв знакомо звонок,
им в загоне поросенок
не беду открыл обман.
Пану в сделке нет резону,
так приказ по войску дан:
режь свинью
кормить семью,
перемаялись чертовски!

Будто грянул Чингиз-хан,
Матку-Боску-Ченстоховску,
верно, звал на помощь пан.
Русским легче понимать,
коль другую кликнут мать.

Уж попомнится шершавый
шлях с Москвы и до Варшавы,
да не перьями улан.
Перли танки. А граница,
где гробница лютьы фрицам.

Но вопрос на выбор прям —
разом выплыли фигуры
полевой прокуратуры:
десять лет иль девять грамм?
Из свинца.

Тут помог злосчастный пан,
спас от скорого конца молодца.
Показал крутым юристам,
мол, грабительски не рыскал
лейтенант ли, капитан.

Дал архангелам расписку,
что успел черкнуть Иван.

Отыгрались на Иване
за чужие злодеянья,
как назначил прокурор.
Враз лишен наград и званья,
чтобы кровью смысл позор,
был разжалован в штрафбат
Ваня, сродный мамин брат.

Кто poleg, спасая Краков.
Кто не мог расстаться с хряком.
Ну да спрос ли с поселенца,
жаден, беден
москалям давать обеды?

Лех Валенса,
президент из диссидентов,
нынче молвил, что не ляхам
разговляться в День Победы,
им бы плакать.
Что ж, оплакивал бы немцев,
коли шутят документы,
где по плану ждал Освенцим
всех поляков.

Ну а мамин сродный брат,
утодя в отпетый ряд
первой линии,
хоть не отдал душу богу,
да оставил руку, ногу
при Берлине.

Восстановлен в части выслут,
что отобраны на Висле.
Вот расплата.
Искупить успел вино
за проклятую войну.
И глаза ему вернул
сам Филатов.

Кто расскажет об Иване,
как не я, его племянник?
Не пропал от страшных ран
мамин сродный брат Иван.
Взгляд открыт, движенья быстры,
веселят иристо искры.

А чему такому рад?
Одолел с чертями ад.

Кончил вуз экономистом,
на украинке женился
и осел в Днепропетровске,
дочки рядом, внуков растит.
Приезжал охотно в гости,
помня свято даты родственные.

Почерк левого наклона
прежний в строчках удивленных —
дарит почта, дальше реже.
И опять он в зарубежье.
Каково фронтовикам
к новыми меркам привыкать.

Да под всю его семью,
коль двужильны,
не единожды свинью
подложили.

Коль отец его Владимир
вятский-хватский был хозяин,
по природе случилось имя,
в тезкин век гнобила зависть.

Глядь, у дяди у Володи
все растет на огороде,
на дворе гуляет птица,
скот мычит, зверье плодится.
А не в масть под Власть Советов,
сколько раз сидел за это.

Теплый облик тети Нюры,
бабы-Юлиной сестры,
не сумею вспомнить хмурым.
Воспитала семерых.

Всех собрать, писать роман.
Рослый первенец — Иван.
Средний — Павел, подполковник,
обитает в Подмосковье.
Он годков на десять позже
постоял старлеем в Польше.

Ну а самый меньший — Юра,
сверстник мне, да с детства в дружбе.
Деликатная натура.
Хоть и был на срочной службе,
в отчем доме по приезду
боровка не мог прирезать...

1989 г., сентябрь 1995 г.

Игорь ЗАЙЦЕВ

ЗОЛОТО «ЭДИНБУРГА»

В 1939 году британский королевский флот пополнился двумя легкими крейсерами. Оба одинакового водоизмещения, вооружены 6 и 4-дюймовыми пушками и торпедными аппаратами, на борту того и другого — гидроплан, а также акустическое и редкое в то время радарное оборудование. Максимальная скорость каждого достигала 32 узлов. Одним словом, корабли-близнецы. А вот судьбы их сложились по-разному. «Шеффилд» благополучно завершил войну и стоит теперь на Темзе в Лондоне, как корабль-памятник. А вот второй крейсер — «Эдинбург»... О нем-то и наш рассказ.

Когда «Эдинбург» уходил со своей шотландской базы Скала-Флоу к советским берегам, ни командир крейсера капитан первого ранга Хью Фолкнер, ни командующий эскадрой контр-адмирал сэр Стюарт Бонхэм-Картер не знали, что на обратном пути им предстоит особая миссия. Считали, что отправляются в обычный рейс — сопровождать караван судов, доставлявших советским союзникам военное снаряжение. Это и само по себе было крайне опасно: из 23 судов конвоя до Мурманска добрались лишь семь. Остальные были либо повреждены и вернулись обратно, либо потоплены немецкими подводными лодками и самолетами-торпедоносцами. «Эдинбург» же пришел к месту назначения вполне благополучно.

Пришло время возвращаться. И вот тут-то на причал въехало несколько закрытых автомашин. Прилегающий район тут же был оцеплен военными. На борт подняли множество небольших, но тяжелых ящиков. Разместили в артиллерийских погребах. О содержимом знали лишь контр-адмирал Бонхэм-Картер и капитан крейсера Фолкнер. Груз состоял из 465 золотых слитков наивысшей 999,9 пробы с клеймом Государственного банка СССР. Золото предназначалось для уплаты долга по ленд-лизу (передача займы или в аренду вооружения, сырья, продовольствия и т.д.).

24 апреля 1942 года конвой в составе «Эдинбурга», 6 эсминцев, 4 корветов и 14 торговых судов покинул Кольский залив. А в море его уже караулили три немецких эсминца, семь подводных лодок и торпедоносцев. Уже на следующий день

караван был обнаружен, и началась большая охота.

«Эдинбург» имел намного большую скорость, чем остальные суда. Ему предстояло оставить тихоходный конвой и одному прорваться в Англию. Но «Эдинбургу» не повезло. Штормовая погода не позволила развить максимальную скорость. Уйти от немецких лодок не удалось.

О событиях узнаем из донесения командира немецкой подводной лодки «U-456» лейтенанта Макса Тейчера. Он сначала даже не поверил своим глазам: 30 апреля «Эдинбург» обнаружился прямо перед его перископом и в полном одиночестве. Был произведен залп из трех торпед. Одно попадание пришлось в самый центр корабля. На нем тотчас погас свет. Вторая торпеда попала в корму, и корабль потерял ход. Третья, к счастью, прошла мимо. Вспыхнул пожар, крейсер сильно накренился на левый борт. Но паники не было. Отчаянными усилиями команде удалось уменьшить крен, потушить пожар и даже запустить машину правого борта, а значит понемногу маневрировать.

Утром 1 мая подошли два эсминца из охранения конвоя. Они попытались взять «Эдинбург» на буксир, но шторм рвал все тросы. Вскоре подоспела помощь из Мурманска — советские эсминцы «Сокрушительный» и «Гремящий» взяли под охрану район. К вечеру подошли четыре тральщика, сторожевой корабль СКР-28 «Рубин», посыльное судно «Жемчужина Севера» и тяжелый буксир.

Член военной комиссии в Великобритании С.Г.Зиновьев, находившийся на борту «Эдинбурга»,

впоследствии вспоминал: «Создались благоприятные возможности отбуксировать поврежденный крейсер в Кольский залив. Но Бонхэм-Картер, не раздумывая, отклонил нашу помощь. Тогда я предложил ему позаботиться хотя бы о золоте и перегрузить его, пока не поздно, на эсминцы и посыльное судно. Однако, верный себе, адмирал отказался внять разуму, в ответ на мое предложение лишь презрительно усмехнулся и, не сказав ни слова, повернулся ко мне спиной».

Утром 2 мая немецкие эсминцы, наведенные подводными лодками, появились в зоне видимости «Эдинбурга».

На крейсере действовала лишь башня главного калибра. Ее огнем был выведен из строя флагман противника. Но в это время другой эсминец поразил торпедой борт «Эдинбурга». Подоспевшие суда под шквальным огнем снимали с тонущего, но не сдающегося корабля людей. Спасли более 800 человек. Но и осевший в воду крейсер не хотел покидать этот мир. Подошедший эсминец «Форсайт» прицельным выстрелом отправил «Эдинбург» на дно. А вместе с ним в морской пучине исчезли тела 57 погибших и 5,5 тонн золота.

Прошли годы. Много было желающих достать с морского дна лакомый «кусочек» золота. Но корабль, согласно международному праву, был объявлен англичанами воинским захоронением, и никто из иностранцев не мог к нему подступить.

В 1965 году историей «Эдинбурга» заинтересовался английский водолазный специалист Кейт Джессон. Годы провел он в архивах, встречался и беседовал с ветеранами, в деталях изучил устройство корабля и, наконец, точно выяснил его местонахождение.

Создали консорциум, которому разрешили снять фильм и производить работы по подъему золота. После долгих поисков, в мае 1981 года «Эдинбург» обнаружили. Он лежал на боку на глубине 250 метров.

Консорциум располагал современным судном «Стефанитурм», оснащенным барокамерами, подводным колоколом, подъемными механизмами, словом всем, что необходимо для такого рода ра-

бот. Джессон пригласил к участию в экспедиции профессионалов — англичан, австралийцев, новозеландцев. Всего 12 водолазов.

Проникнуть внутрь корабля через пробоину в борту не удалось — на пути встало хаотическое нагромождение из искореженного металла. Пришлось прорубать новый лаз в 16-мм обшивке под броневым поясом. День за днем водолазы расчищали проходы от кусков металла, отсасывали компрессором ил, песок и мазут. Работали в три смены по восемь часов в день. Это был изнурительный, адский труд.

Но вот настал долгожданный день. Джон Россье из Зимбабве передал на поверхность первый слиток золота весом 11,5 килограмма и стоимостью свыше ста тысяч фунтов стерлингов. Дальше дело пошло быстрее — золото поднимали непрерывным потоком. Слитки отмывали от мазута и грязи, нумеровали и записывали в специальный журнал. Всего был поднят 431 слиток из 465, каждый весом от 11 до 13 килограммов.

Седьмого октября работы решили прекратить. В Баренцевом море начались затяжные осенние штормы, да и люди были измотаны до предела. Под водой осталось 34 слитка стоимостью 3,5 миллиона фунтов стерлингов.

Затем с 4 по 10 сентября 1986 года на затонувшем крейсере работали водолазы со специального судна «Динвотер-2», принадлежащего той же судоподъемной компании. Водолазы нашли и подняли еще 29 слитков общим весом в 245 килограммов. Они оценивались тогда в 3 миллиона фунтов стерлингов. Пять слитков так и остались навечно во владениях Нептуна.

Были произведены взаиморасчеты. После выплаты соответствующих процентов консорциуму, остальной золотой груз «Эдинбурга» поделили между собой его совладельцы СССР и Англия — в пропорции две трети и одна треть. Таковы были условия страховки, оформленной в 1942 году.

Так завершилась эта уникальная операция по подъему золота с английского крейсера «Эдинбург». Операция, не имеющая аналогов в истории мореплавания и судоподъема.

Семен СЛЕПЫНИН

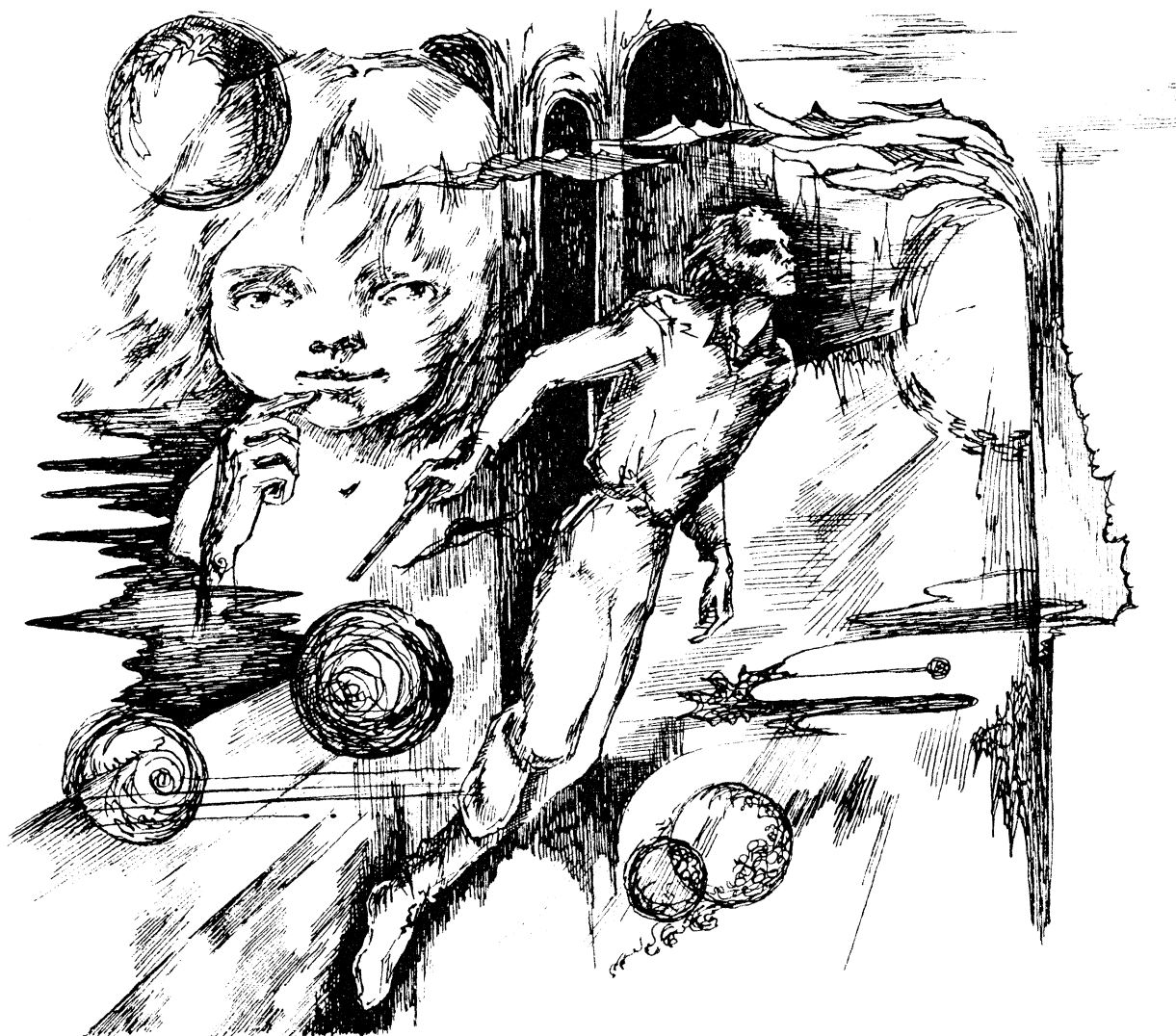
ПАСТУШЬЯ СВИРЕЛЬ

Роман

Часть вторая

(журнальный вариант)

Рисунки Юлии МЕНЬШИКОВОЙ

ПЛАНЕТА ОКАЯННАЯ

Летел я быстрее света, миновал множество самых разнообразных галактик и, снижая скорость, приблизился к Млечному Пути. На окраине в одной из звездных спиралей отыскал Солнечную систему и планету, на которой я когда-то так легкомысленно просвистел сокрушительным ураганом и встретил старпома в образе мезозойского чудовища. Но мезозой давно кончился, и потому опуститься на планету я пока не решился. Мало ли что там произошло? Надо осмотреться и подумать.

Я присел на скалу уже знакомой мне голый каменистой Луны и увидел висящий в пустоте огромный шар планеты. На ее дневной стороне голубели моря и океаны. Очертания материков заметно изменились, но узнать их можно. Но что там сейчас? На этих с виду мирных и пока еще зеленых материках? Вероятно, там уже довольно развитая цивилизация.

Об этом можно догадаться хотя бы потому, что Луна оказалась не такой уж голой и пустынной. Взошло солнце, и вдали, почти на горизонте, засверкали купола каких-то строений. Я спустился со скалы и зашагал по лунным низинам, по ровному слою многовековой пыли. Смешно сказать — зашагал. На мне китель с погонами штурмана звездного флота, брюки и сапоги с крепкими рубчатыми подошвами. Но ни одного рубца, ни малейшего следа не оставлял я на мягкой пыли. Я наклонился, но не смог ни одуть, ни сдвинуть ни одной пылинки. Что ж, надо снова привыкать к бестелесности, к своему незримому присутствию в вещественном мире. И к полному бессилию в нем.

Пыльный, с каменистыми выступами грунт кончился. Я ступил на идеально ровную асфальтированную площадку и увидел шеренгу ракет, выстроившихся, как солдаты на параде. Не пассажирских, а боевых ядерных ракет нацеленных почему-то на планету, на ее зеленые материк. Видать, на планете не все ладно. Кого-то надо держать в страхе под постоянным прицелом. Рядом с ракетами на металлических решетчатых основаниях высились круглые строения. Там под прозрачными куполами — пульты управления.

Под одним из куполов я и пристроился невидимкой. В кресле перед пультом сидел дежурный офицер с сонными глазами. Неподалеку двое других играли в шахматы и тихо переговаривались. Я уже привык, что в моей голове любая незнакомая звуковая речь как-то сама собой становилась понятным общекосмическим языком.

— Какого черта смена не идет, — проворчал один из играющих.

— Идут, еле-еле плетутся, — засмеялся офицер за пультом.

Из приземистого здания, похожего на казарму, вышли двое в скафандрах и неторопливо приближались. Ни для кого не видимый, кроме самого себя, я проник в казарму. Солдаты еще спали. И вдруг из динамиков прогремела команда.

— Тревога! Все по местам!

Солдаты вскочили, поспешно одевались, напяливали скафандры и разбежались кто куда — к ангарам, к радиолокаторам, к пультам управления.

— Куда торопитесь! — рассмеялся солдат, последний покидавший казарму. — Опять учебная тревога...

Но тревога не была учебной. Я влетел в главный командный пункт, имевший связь с планетой, и увидел чем-то озадаченного старшего офицера. Около него еще три офицера, тоже явно растерянных.

— Ничего не понимаю, — бормотал старший, показывая на экран, на котором дергалась и плясала какая-то красная физиономия. — Генерал требует обить звездолет. Чей? Наш? Не разберу. Да исправьте вы связь, черт побери! Ничего же не видно и не слышно!

Пляска на экране прекратилась, и все увидели побавровевшего, разъяренного генерала.

— Бы что, оглохли! — гремел генерал. — На корабле заключенные. Сбежали! Корабль стартовал с Северного космодрома. Сбить! Уничтожить!

— Экран в сторону Северного! — скомандовал старший офицер, уяснивший наконец задачу.

Крупным планом выступила на экране ночная сторона планеты. Вскоре сверкнул на солнце металлический бок звездолета, набравшего скорость. Из его дюз вался яркий сноп пламени.

— Мать моя! — ахнул один из офицеров. — Это же «Сириус», наш лучший космический крейсер! Как можно уничтожить такого красавца!

— Приказы не обсуждают! — рявкнул старший. — Сбить!

К кораблю устремились ракеты. Обгоняя их, я полетел в ту же сторону. И только оказавшись в пилотской кабине, сообразил, что помочь смельчакам я не в состоянии. А смельчаки что надо! Весь экипаж сложнейшей космической громадины всего из трех человек!

Над пультом склонился высокий светловолосый мужчина, рядом женщина, внимательно следившая за бегом цифр на панели. У их ног вертелась пятилетняя девочка.

— Мама! Папа! — голосила девочка. — Они убьют нас!

— Не смогут, дочурка, — ответила женщина. — Сейчас мы спрячемся в суперпространстве.

За иллюминаторами, гася звезды, ярко вспыхнули разрывы ракет. Корабль вздрогнул, но в тот же миг провалился в черную непроглядную ночь. «Успели» — с облегчением подумал я. В суперпространстве корабль неуязвим, искать его здесь так же бессмысленно, как щелку в океане или пылинку в стое сена.

В рубку управления вошел четвертый член экипажа — рослый детина с подчеркнута четкими движениями и до того эталонно правильными чертами лица, что я догадался — робот.

— Мистер Грей, как там наши животные? — спросила женщина.

— В полном порядке, сударыня, — вежливо ответил Мистер Грей и состроил умильную улыбку.

— Рано радуешься, красавец, — проворчал мужчина. — Мы, кажется, сбились с курса. Высчитай, сколько мы пролетели. Ты это делаешь точнее машины.

— Девять световых лет, — ответил Мистер Грей, взглянув на панель с мелькающими цифрами и формулами.

— Ого! Надо выйти в открытое пространство и сориентироваться. Как по-твоему, Ася? — мужчина с жалостью посмотрел на жену.

Та слегка побледнела и храбро ответила:

— Надо, Свен.

Девочка со страхом смотрела на родителей. Она понимала, чем грозит выход в пространство в незнакомом месте. Можно напороться на звезду и мигом сгореть. Невозмутимым был лишь Дориан Грей — так полностью звали робота. Как я вспомнил потом, такое имя носил литературный герой какой-то необыкновенной и, главное, неуязвимой красоты.

— Можете не беспокоиться, — сказал Мистер Грей, снова взглянув на панель. — Мы на прежнем месте. Машина в тот раз соврала и сейчас просит извинения, старается исправить ошибку.

— Ну, ты даешь, Мистер Грей, — хмыкнул Свен и нажал кнопку. Купол перед пультом посветлел: корабль начал осторожно выплывать на поверхность. И вдруг за куполом засверкали звезды — оранжевые, синие, зеленые.

— Повезло! Повезло! — запрыгала девочка.

— Повезло, Катюша. Да не совсем, — сказал отец. — Видишь, как скачут и дрожат вот эти стрелки? Это значит, что ракета повредила один из двигателей. Хорошо бы найти поблизости какую-нибудь планету, сесть на нее и починить двигатель. Но где мы сейчас, Ася?

— Ничего не пойму, Свен, — Ася развела руками. — Смотри, звездное небо такое, словно мы не удалились от нашей Земли. Мистер Грей, кажется, прав. Те же созвездия. А вот и планета! Прямо под нами! Мы падаем на нее!

— Пока не падаем... Вертимся вокруг, — бормотал в растерянности Свен. — Ничего не видно... Сейчас завернем на освещенную сторону планеты и увидим.

И беглецы увидели такое, отчего в ужасе вскрикнули. Под ними разнесенные в щебень города, покореженные и оплавленные металлические конструкции, выжженные дотла равнины. Вместо лесов и полей — черный с красноватым оттенком пепел. «Радиоактивный», — догадался я.

— Окаянная! — дико закричала женщина. — Свен, это же планета Окаянная!

— Черт бы ее побрал! — выругался Свен. — И откуда она подвернулась? Во всяком случае, это не наша Земля. Сейчас мы нырнем в суперпространство и унесемся отсюда подальше.

Но корабль не сдвинулся с места, ибо попал не в суперпространство, а в супервремя. Об этом до-

гадался Свен, когда корабль выплыл из мглы суперизмерения в сияющий звездный мир. И пролетел он во мгле не десятки световых лет, а многие годы в будущее. Но ничего Свен не сказал жене, не желая расстраивать ее.

— Свен, — удивлялась женщина, — вижу те же созвездия. Вот Большая Медведица. А вот и Лебедь. Да и планета все та же. — Женщина наконец сообщила, в чем дело, и с ужасом посмотрела на мужа. — Это же наша Земля! И мы вертимся вокруг нее... Вертимся и падаем! Но смотри, Свен! Смотри! Она вновь изменилась, неузнаваемо.

И в самом деле, за три или четыре сотни лет планета Окаянная превратилась в планету цветущую. На тех же материках, где раньше дымился остывающий пепел, сейчас цвели поля, кудрявились рощи, на сотни километров простиралась леса.

— Догадалась? Все равно она осталась Окаянной, — сказал Свен. — Там чудовищная радиация. Растительный мир приспособился. Но животные вряд ли. Пустая планета.

— Но мы падаем на нее.

— Не падаем, а снижаемся. Я посажу корабль, но выходить не будем. Корпус корабля выдержит радиацию, и мы будем в нем, словно в осажденной, но надежной крепости.

Посадили корабль Свен и Мистер Грей мастерски, умело выбрав среди холмистого поля ровную площадку. Потом Свен спустился в кормовой отсек, желая выяснить, что с двигателями. Вернулся расстроенный.

— Дела неважные. Видимо, повреждены дюзы. Надо осмотреть снаружи.

— Но там смертельно опасно, — возразила жена. — Надо сначала измерить уровень радиации.

— Я готов выйти из корабля, — вызвался Мистер Грей.

— Подумаешь, герой нашелся, — насмешливо проворчал Свен. — В твоём организме немало деталей биологических, они заболеют от радиации.

— Виноват, шеф. Запомню, — смутился Мистер Грей. — Пошлем кого-нибудь из этих, из тупиц?

— Да. Приведи номер третий.

Мистер Грей вышел и вскоре вернулся с одним из роботов, которых он называл тупицами. По всему видать, номер третий, паукообразный и приземистый, в интеллекте значительно уступал Мистеру Грею, но был надежен и пригоден для многих операций. Он мог лазать по скалам, ходить под водой и даже летать.

— Номер третий готов! — отчеканил робот.

— Выйдешь наружу, дозиметром измеришь уровень радиации и через час вернешься. Мистер Грей выпустит тебя из люка.

Мистер Грей подал номеру третьему дозиметр и, ухмыльнувшись, сказал:

— Идем, дубина.

— Сам дубина, — огрызнулся номер третий.

Девочка прыснула, хохотнула и женщина. Я стоял

рядом с ними под прозрачным куполом и словно с балкона, с высоты птичьего полета, смотрел вниз. Планета мне нравилась. Внизу вокруг корабля шелковисто лоснились высокие травы, вдали искрилась река, а за ней в утреннем тумане синели рощи, перелески, леса.

— Рай, — усмехнулся Свен.

— Да, обманчивая картинка, — согласилась женщина и вдруг с ужасом посмотрела на мужа. — Свен, мне страшно. А вдруг это наша Земля, ее будущее?

— Поняла теперь, что случилось? Мы топтались на месте и летели не в суперпространстве, а в супервремени, и попали сначала на Окаянную...

— Ту страшно, что видели час назад?

— Ну, конечно. То была не другая планета, а наша. Произошло то, что и должно было произойти. Пока мы сидели в концлагере, а потом топтались в супервремени, на нашей Земле, в ее будущем полыхала ядерная война и смела все живое. И вот туда-то мы сначала и попали, когда концлагерная планета стала испепеленной Окаянной. Потом еще рывок в супервремени, и мы сейчас на зеленой Окаянной...

— Но ведь наши соседи, инопланетяне...

— Что инопланетяне? Да, они прилетали к нам. Но не через пространство, как они ошибочно полагали, а через вихри и потоки супервремени. Наткнулись по пути на Окаянную, как они ее прозвали, облетели ее на небольшой высоте, засняли фильм и потом показали нам. Вместе с нами они считали, что испепеленная Окаянная — это какая-то другая планета. Один лишь я на той памятной научной конференции высказал предположение, что это будущее нашей Земли. За это и угодил в концлагерь.

— Вон оно что... — Женщина в волнении, заламывая руки, ходила из угла в угол. — Выходит, что жуткая Окаянная — это ближнее будущее нашей покинутой Земли, а вот эта зеленая — будущее дальше.

— Вот именно. Сквозь радиоактивный пепел проросли чудом уцелевшие семена, столетиями планета оживала и стала нынешней зеленой красавицей. Но коварной красавицей, Окаянной. Растительный мир приспособился к чудовищной радиации, но нам здесь не выжить. Мы отремонтируем двигатель и улетим дальше.

Пока шел этот разговор, номер третий старательно обследовал травы, потом перевалил через холм и скрылся. Шастал, видимо, на планете, спускался на дно рек и морей, паучьими лапами цепляясь за камни, взбирался на скалы. Вернулся он часа через два, и почти в тот же миг в пилотскую кабину влетел ошеломленный Мистер Грей.

— Фантастика, шеф! Смотрите! — закричал он, подавая дозиметр.

— Невероятно! — воскликнул Свен. — Всего десять микрорентген в час. Что это, Асенька? Ошибка?

Послали в разведку еще двух роботов с другими приборами. Результат тот же — радиационный фон для жизни идеальный. Посовещавшись, муж и

жена отпустили в поля Мистера Грея, и тот принес насекомых и растения с корнями. Женщина была биологом. Она исследовала живые образцы, просвечивала их лучами, рассматривала в микроскоп и наконец подняла на мужа растерянный взгляд.

— И в самом деле фантастика, Свен. Получается, что растения и насекомые за триста лет своего выживания начисто съели радиацию и остались прежними. Нет, чуточку изменились. Но в чем, не пойму. Здесь какая-то тайна.

— В элементарных многоклеточных? Тебе везде чудятся тайны. Ну-ну, не обижайся, — Свен обнял жену и поцеловал. — Все складывается прекрасно. Подремонтируемся и полетим дальше. К черту Землю, ставшую Окаянной!

Свен и Мистер Грей на лифте, миновав несколько этажей, спустились в кормовой отсек и крайне встревоженные вышли из корабля. Дела плохи, понял я, следовавший за ними. Две дюзы помяты, чуть выше в корпусе зияла огромная оплавленная дыра.

— Попали, негодяи! — Мистер Грей, потрясая кулаками, разразился такой витиеватой бранью, что я засомневался: робот ли он? Очень уж искусно копировал он человеческий гнев.

— Хватит, Грей. Руганью делу не поможешь, — хмурился Свен и, поднявшись в пилотскую кабину, посмотрел на жену с тревогой и жалостью. — Крепись, Асенька. Крепись, дорогая. Большая авария у нас. Дюзы смяты, в корпусе пробоина. Через нее вытекло почти все субсветовое топливо. Не только улететь, но и подняться над планетой не сможем. Мы пленники Окаянной.

Жена встретила эту весть мужественно и спокойно.

— Ну что ж, Свен. Не в таких передрыгах мы побывали. Уж лучше быть робинзонами Окаянной, чем заключенными многолюдного концлагеря. Только вот как Катюша?

Но Катюша была в восторге. Она носилась на прилегающих к кораблю лужайках, радостно взвизгивала и кричала:

— Мистер Грей! Смотри! Васильки, ромашки, лютики совсем такие, как у нас дома.

— Внешне такие же, но внутри чуть другие.

— А не вредные они? Не ядовитые?

— Нет. Мама твоя объясняла, но я ничего...

— Ничего не понял! — рассмеялась девочка. — И я тоже. Давай выпустим сюда мелких зверюшек. Мышей, кроликов...

— А может, сразу лошадей и медведей? — на смешливо спросил Мистер Грей.

— А для чего мы их держим?

— Для чего, для чего, — ворчал Мистер Грей. — Хотели подарить жителям соседней планеты. Не получилось. Как были мы от них на сотни световых лет, так и остались. Эх, Катюша, застряли мы на Окаянной. Пропали мы.

Мистер Грей опустил на бугорок и горестно обхватил голову руками. Притворялся ли он или в самом деле страдал? Кто разберет этого

полуробота-получеловека? Катюша присела рядом, гладила его по плечу, приговаривала:

— Не горюй, Мистер Грей. Красавчик ты наш добрый. Разве здесь плохо? И зверюшкам здесь будет хорошо. Отпустим?

Уговорила все-таки Катюша. Растрогала своими ласками Мистера Грея. Тот повеселел и расшалился, как дитя. Он влетел в раскрытый нижний люк корабля и вернулся с двумя какими-то ящичками. Открыл их и выпустил на волю, к восторгу девочки, пчел и бабочек. Потом вдруг опомнился и почесал затылок.

— Эх, и влетит же нам от шефа.

Но расстраивался Мистер Грей напрасно. Когда я, перевалив через холмы, ушел от корабля подальше и перестал слышать голоса девочки и Мистера Грея, то обнаружил в цветущих травах великое множество кузнечиков, пчел, стрекоз, бабочек. Так что лишний десяток не нарушит равновесие природы. Лишь животных и птиц не было здесь, а всего остального хоть отбавляй.

В голубой выси плыли тугие белобокие красавцы-облака, внизу качались метелки трав, порхали бабочки и кружились золотые хороводы пчел. Я присел, не согнув при этом ни травинки, не спугнув ни единой пчелы. Призрак! И взвыл я от тоски и жгучих желаний: Господи! Окунь меня в шмелиный гул, в пахучую духоту клевера, в прохладу лесов. Дай мне все это. И не в призрачных чувствах, как сейчас, а в живых трепетных ощущениях, в земных звуках, в кружащих голову запахах.

Но глух остался тот, кто ведает моей космической судьбой. А кто ею ведает? Случай? Посидел еще немного я, с грустью полюбавшись такой близкой и такой далекой земной жизнью. Потом, вздохнув, встал и невидимкой направился к кораблю. Покидать робинзонов пока не собирался. Помочь им я не в состоянии, но узнать могу многое. Услышать от них надо побольше о планете, на которой я когда-то, еще в мезозое, покуролесил и натворил что-то непонятное. Потом и старпом с Крысоедом, не без моей помощи, сделали что-то такое, отчего нормальная планета превратилась в безлюдную Окаянную.

Еще не доходя до корабля, с удивлением увидел над собой целые стаи птиц и услышал неожиданные звуки: кошачье мяуканье, поросячий визг. Я поднялся на холм, прошел сквозь высокие травы (как приятно было бы раздвигать их стебли настоящими, вещественными руками... Но что поделаешь!), приблизился к кораблю и понял: робинзоны основательно устраиваются на планете. Для начала они решили заселить ее недостающей фауной. Мистер Грей выпустил на волю птиц, потом целую стайку мышей. В клетке маялись кошки, сидевшие до этого на диете, и горящими глазами смотрели, как убегает их такая лакомая, такая натуральная пища. Мистер Грей открыл клетку, и кошки тоже скрылись в траве. Потом он выпустил свиней.

— А если кошечки и хрюшки захотят кушать? — спросила девочка.

— Оставим на ночь кое-что в кормушках, — ответил Мистер Грей. — Но только немного. Пусть сами учатся добывать.

Свена и его жену я нашел не в пилотской кабине, а этажом ниже, в большой куполообразной лаборатории. Женщина возилась с новыми живыми экземплярами этой планеты. Ее приборам отведен довольно скромный угол. Основную часть лаборатории занимали непонятные мне конструкции. Свен, высокий и сильный, управлялся с ними с поразительной легкостью, даже каким-то изяществом. Его длинные и гибкие, как у музыканта, пальцы, видимо, давно привыкли к сложной компьютерной технике.

Муж и жена тихо переговаривались, и я не верил ушам своим: Свен строил машину времени! Он задумал проникнуть в далекое прошлое своей планеты, изменить ход ее истории. На ней, по его словам, не будет уже ни концлагерей, ни ядерных войн. Жена отнеслась к этой фантастической затее серьезно.

— Меня одно беспокоит: работа затянется, не вечные же мы с тобой. Да и тебе помощник нужен.

— О чем это ты? — удивился Свен и вдруг, улыбнувшись, подошел к жене, обнял ее и поцеловал. — Ты хочешь еще одного ребенка? А ты уверена, что у нас будет непременно сын?

— Почему-то уверена. Для него я и имя давно уже припасла.

— Знаю! Знаю! — рассмеялся муж. — Рудиан! Руди! Что ж, пусть будет по-твоему.

«Удачи им», — подумал я и покинул корабль, не подозревая, что здесь-то и поджидает новый виток в моей космической судьбе.

Ушел я с корабля с намерением ознакомиться с планетой. Птицей облетел по ее экватору, потом с севера на юг. Нет, Окаянной ее теперь не назовешь. Лишь на полюсах искрились ледяные шапки, свистели вечные снежные бури. Чуть ниже по меридиану над тундровыми мхами стлались карликовые деревья. На остальной же части планеты синели незамерзающие моря и океаны, на материках буйно зеленели леса, цвели поля с реками и речушками. Вода в них прозрачная и чистая, как алмаз. Вообще кругом как-то по-особому чисто и опрятно. Ни пыльных дорог, ни дымно коптящих заводов. И только кое-где на месте бывших городов, разрушенных войной и временем, — бурые проплешины ржавого железа, серые холмы камней и щебня с искрами битого стекла.

Вернулся я на закате, когда от корабля тянулась по холмам длинная вечерняя тень. Иллюминаторы уже светились, но в каютах и лаборатории — никого. Поселенцев я обнаружил в благоухающем корабельном саду. Муж и жена сидели на танцплощадке и слушали музыку. Только сейчас я разглядел их как следует.

Массивные плечи, крупный рот, строгий решительный взгляд серых глаз — все в мужчине дышало энергией и силой. Красавцем его, правда, не назовешь — слишком уж худое, с ранними морщинами

лицо, на котором багровой подковой кривился шрам. Это стражник в концлагере заехал прикладом за какую-то мелкую провинность. Но жена его — красавица хоть куда. Особенно выделялись глубокие, с далекой грустинкой глаза и полные, изящно очерченные губы. Портили их лишь горькие складки у рта — тоже, видать, хватила лиха.

Зато здесь беглецы отводили душу и веселились, как могли.

— Станцуем? — предложила жена.

Кружилась она в вальсе легко, с какой-то кокетливой грацией. Свен же топтался не в такт музыке, неуклюже, что вызывало у Мистера Грея ехидные реплики.

— Bravo! — каркающим голосом восклицал он. Девочка хохотала и хлопала в ладоши.

«Хорошая семья», — подумал я и вылетел наружу. Солнце закатилось, в ночном небе сверкали крупные звезды, сияющей росой текла вечная река Млечного Пути. Из-за горизонта выплыло странное светило — какое-то серебристое облако с лохматыми краями. Подлетел я к нему и увидел тучу освещенных солнцем каменных обломков. На одном из них торчали смятые ядерные ракеты, рядом, перекачываясь, валялись обледеневшие, в скафандрах, трупы. Все стало ясно — бывшая Луна.

Когда-то здесь была военная база — та самая, с которой пытались сбить беглецов. Потом с Луной что-то случилось. Во время войны отсюда, видимо, обстреляли свою матушку-планету и получили такую крепкую сдачу, что Луна разлетелась вдребезги. Если испепеленная планета чудом ожила, то спутница ее навеки останется поистине Окаянной.

Я выбрался из обломков, опустился на планету и на одном из холмов лег в тихие заснувшие травы. Настроение пакостное. Сверлила все та же мысль: может быть, и я повинен в том, что планета и ее спутница сбились с нормального, естественного пути развития? Вот прогулялся я миллиарды лет назад по планете ураганом, расчистил дорогу старпому и Крысоеду, а те довершили дело, вычисленное и предначертанное гнусной жабой. Но что я могу поделать сейчас? Я не в силах даже подсказать Свену, строившему машину времени, что зернышко зла посеяно еще в мезозойской зре.

Шли дни, золотым листопадом отшумела короткая осень, белыми снежинками промелькнула такая же короткая зима, и вновь зацвели травы, зазвенели в поднебесье жаворонки, выпущенные из корабля еще прошлым летом. А в лаборатории шла работа, ее иллюминаторы светились иной раз и по ночам. И задумал я хоть немного помочь работягам, поднять их настроение, окрылить их творческое воображение своими пастушьими, зовущими звуками свирели. Присел я как-то вечером на одном из ближних к кораблю холмов, вынул из кармана свирель, дунул, и... ничего! Ни звука, ни малейшего колебания воздуха. В мезозое я хоть тысячной долей присутствовал в вещественном мире. Здесь же я полный нуль.

Подавленный неудачей, своим полным бессилием, я лег на траву и увидел над собой разгорающиеся звезды. И тут со мной начало твориться что-то странное. Неожиданно звезды задрожали, затуманились и стали гаснуть. Туманилось, тихо гасло и мое сознание. И вдруг провалился в глубокий сон, чего с бестелесным духом никогда не бывает. Пробыл я в забытии миг или год — сказать не могу. Но очнулся крохотным младенцем: я вступил в земной, в вещественный мир! Вошел в него все с тем же предвечным бессилием.

— Обмочился! Ха! Ха!Ха! Смотрите, малютка Руди обмочился, — услышал я чей-то каркающий голос.

— Ну и дурачина ты, Мистер Грей, — рассердилась какая-то девочка. — Не хохочи. Перемени пеленки и отнеси Руди в каюту.

И снова все погрузилось в глубокою, лишь временами редкую мглу. Однажды мгла рассеялась, и вспоминается еще один миг моего земного бытия. Вспоминается опять же с постыдным бессилием.

— Мама! Падаю! — кричу я.

Меня подхватили ласковые мамины руки и повели. Мой овеществившийся бессмертный дух учился ходить на вещественных смертных ногах.

За пеленой забвения — то редующего, то сгустившего тумана — прошли еще дни и месяцы. Мое космическое «Я» осваивалось с земной жизнью, словно вживалось в материю, срасталось с нею в единое целое. И вот однажды туман рассеялся совсем, и я увидел мир ясным и незамутненным, как никогда до этого. Я уже свободно и с упоением бегая в высоких пахучих травах; кругом горят цветы, гудят пчелы, стрекочут кузнечики. Рядом смеющаяся девочка, и я уже знаю, что это моя сестренка Катя.

На чистое ласковое небо вдруг напоззли откуда-то мохнатые черные тучи, сверкнула молния, и на землю рухнул тяжелый грохот грома.

— Руди, бежим! Ливень! — весело крикнула сестренка и схватила меня за руку.

С хохотом и визгом, прыгая через вспенившиеся ручейки и лужи, мы заскочили в наш высоченный дом, поднялись на лифте в лабораторию, и я увидел маму с папой и смешного Мистера Грея.

Впрочем, забылся я и незаконно присваиваю себе имя Руди. То был уже не я. Формировалась новая личность с неясными следами моего далекого космического «Я». Один такой след очень не устраивал папу.

— Слишком уж у него игривое и образное восприятие мира, — проворчал он.

Руди не понимал, чем он огорчил папу, но мама как будто обрадовалась.

— Вот и хорошо. Растет художественно одаренный мальчик.

— Мне нужен не художник, а ученый и мастерской, — продолжал ворчать папа, потом махнул рукой и рассмеялся. — Так уж и быть, Ася. Сдаюсь. Пусть

для тебя он будет художник, а для меня мастер на все руки. Смотри, Руди, как весело пляшут огоньки, как кувыркаются цифры. Забавно? Остайся с нами и учишься у Мистера Грея.

— Рано ему вертеться здесь, — заупрямилась мама. — Уведи его, Катюша, в сад и поиграй на рояле. Он любит музыку.

Но сегодня, когда за окнами-иллюминаторами сверкали молнии и грохотал гром, мальчику хотелось послушать какую-нибудь страшную сказку об огненных драконах, летающих в черных тучах, о битвах в небесах и на земле. Воображением в такие минуты он уносился далеко-далеко, в непонятные ему самому волшебные страны.

Тем же летом Руди и сам научился читать. Ему по-прежнему нравились сказки, но еще больше полюбились книги о той планете, на которой когда-то очень давно жили мама, папа и сестренка. Хорошая была планета.

Нравилась ему и сегодняшняя планета, которую мама с папой называют почему-то Окаянной. Он уходил подальше от корабля и погружался в медовые ароматы клевера и белой кашки, в сонный гул шмелей и пчел, в звонкие трели жаворонка.

— Да ты, Руди, ожил, просто сросся с Окаянной, не оторвешь, — улыбнувшись, сказал папа за ужином.

— Все-таки это — его родина, — вздохнула мама. — Детские радости, быть может, его единственная доля счастья на этой планете.

Детские радости ждали мальчика и вечерами, когда в небе загорались звезды и светило пугающее лохматое облако, которое папа называл бывшей Луной. В уютном корабельном саду играла музыка, Мистер Грей лихо кувыркался в своих смешных акробатических плясках. Потом кружились в вальсе папа с мамой. Учился танцевать и мальчик.

Но вот пришла осень, и Руди приступил к серьезным занятиям. Папа учил математику и физику, мама — биологию и литературу. Она же показывала фильмы о жизни планеты, с которой, как догадывался мальчик, мама с папой просто удрала.

Однажды он спросил:

— Папа, а почему ты свою прежнюю планету называешь планетой дураков? Там жили умные люди. Они написали много хороших и умных книг.

— Видишь ли, Руди, все это было до того, как власть захватили эти... Как бы их назвать?

— Может быть, фанатики? — подсказала мама.

— Да-да! Фанатики и негодяи. Они перебили всех умных людей и устроили такое... А не показать ли, что там было?

— Нет! Нет! — мама в ужасе замахала руками. — Слишком страшно. Пусть подрастет и тогда посмотрит те фильмы. Сначала покажем ему нашу планету. Да и сами посмотрим. Завтра же.

Утром улетели они на авиетке в другие края, парили над морями и материками, спускались и ходили в тропических джунглях с их диковинными крупными цветами.

— Смотри, Руди, какая красота! — восторгалась мама. — Три года прошло, как мы выпустили фазанов и павлинов. А сейчас их здесь полно. Какие яркие птицы! А кругом пальмы, магнолии. Нравится здесь?

— Ничего, — согласился Руди. — Но дома все-таки лучше.

— Вот видишь, — рассмеялся папа. — Скромные синички и березки ему милее. Все-таки родина.

Не знали папа и мама, родные края стали мальчику еще милее потому, что он открыл для себя чарующий мир поэзии. Близилась осень. Руди слушал шорох падающих листьев, шелест крыльев птиц, улетающих в теплые края, и сами собой шептались у него заученные наизусть волшебные строки стихов. Когда стало совсем холодно, Руди пришлось чаще сидеть дома и учить уроки. Но вот за окнами-иллюминаторами промелькнула слезливая осень, потом короткая зима с сухим и редким снежком, и вновь зацвели луга. Руди вновь уходил, словно унывал, в шелестящие волны трав, и приходили на память звучные, как музыка, слова поэтов о весне, о нежной зелени листьев... Этой весной он нашел за холмами речку. На берегу стояли заросли с клейкой и пахучей зеленой лозняка. Из глины мальчик лепил фигурки людей и лошадей. Однажды получилась у него большая красивая птица. Она, по его мнению, будет летать уже не в пространстве. Она заменит машину времени, которую папа и Мистер Грей мастерят сейчас в лаборатории. Но пока у них ничего не выходит.

Из отходов той машины, из ее решетчатых длинных деталей Мистер Грей соорудил мост через речку, и Руди перешел на другой берег.

— Далеко не убегай, — Мистер Грей погрозил пальцем. — А то заблудишься, и будут тебя искать эти дубины, летающие страшные пауки.

Руди и не собирался убежать. Берег, высокий и сухой, с пылающими огоньками одуванчиков, ему понравился. Но за тающей утренней дымкой синели вдали до того таинственные рощи, что мальчик все-таки не удержался. Оглядываясь назад и стараясь запомнить дорогу, он выбрался из прибрежного кустарника, миновал большую поляну и вошел в рощу из каких-то очень древних и высоких тополей. Особенно поражал тополь с толстым перекрученным стволом, с наростами, с буграми и дуплами. Руди сел на корень, над ним наподобие седой бероды свисала с ветвей бахрома лишайника. «Ну и ну, — подумал мальчик. — До чего старый тополь».

— Дедушка! — вслух сказал Руди. — Так я буду тебя звать, ладно?

И вдруг в шелесте листьев послышался шепот: хорош-шо, хорош-шо. «Почудилось», — подумал мальчик и взглянул вверх. Дымились тоненькие солнечные лучики, сумевшие пробиться сквозь густую листву, чернело гнездо. Оттуда вылетела сорока, уселась на ветку прямо над головой мальчика и застрекотала:

— Хор-рошее имя придумал. Хор-рошее.

Руди испугался, выскочил из-под шелестящих ветвей и с удивлением уставился на тополь. Здесь и нашла его сестренка.

— Идем обедать, Руди.

— Смотри, — Руди показал на старый тополь. — Умное дерево. И птицы там живут умные. Они говорят. Послушаем?

Брат и сестра посидели на корнях под тополем минут пять. И ничего — ни шепота листвы, ни малейшего звука. Только сорока изредка выпархивала из гнезда, улетала куда-то и возвращалась, неся в клюве что-то вкусное для своих птенцов.

— Выдумал ты все! — рассердилась сестра. — Идем.

На полпути к берегу реки брат и сестра услышали позади стрекочущий голос:

— Р-руди! Р-руди! Постой!

Сорока села на куст перед ребятами. Онемевшая от изумления сестра, раскрыв рот, смотрела на говорящую птицу.

— Хор-роший мальчик, Р-руди. Хор-роший. Дедушке ты понр-равился. Пр-риходи. Пр-риходи.

За обедом папа выслушал детей и нахмурился.

— И ты веришь, Катя, всякой ерунде? Сбил тебя с толку Руди, затуманил голову всякой дурью. Художник, видите ли! Сочинитель!

— Не так все просто, Свен, — возразила мама. — Уцелевшие корни и зерна проросли сквозь радиоактивный пепел, как после лесного пожара. В резко изменившихся условиях растительный мир за сотни лет выживания прошел эволюционный путь с самыми неожиданными мутационными сдвигами. После обеда схожу с Руди и посмотрю. — Взглянув на сына, она улыбнулась: — Может быть, услышим?

Но ничего не услышали. Старик тополь молчал. И вообще все в роще заснуло под палящими лучами полуденного солнца. Не стучал дятел, спрятались от жара синицы. И лишь сорока изредка улетала куда-то с деловитым видом, возвращалась и не обращала на людей никакого внимания.

Пристыженный и обиженный, Руди сидел под старым тополем и прислушивался. Ничего, ни звука. Изредка налетит легкий ветерок, прошелестит в листве, и снова тишина. Мама через увеличительное стекло рассматривала кору тополя. Потом уходила к соседним деревьям. Она осторожно срывала листья, выкапывала какие-то корешки. С этой добычей она вернулась в лабораторию и за ужином сказала:

— И в самом деле, Свен, деревья странные. Наряду с фотосинтезом в них происходят очень сложные процессы. Особенно непонятно биополе у самого старого тополя. Как ты называешь его, Руди?

— Дедушка.

— И впрямь патриарх, ему сотни и сотни лет. Говорить вряд ли умеет. Но вполне возможно, что дерево...

— Думает! — насмешливо подсказал папа.

— А почему бы и нет! — рассердилась мама. —

220 Ты совсем закоснел со своими машинами. Эти дубины... Прости, Мистер Грей, я не о тебе. Да-да! Твои дубины не мыслят, а перебирают варианты. А дерево такой же живой организм, как и ты. Оно может чувствовать, переживать и даже... Не смейся! Даже думать.

Руди впервые видел, как поссорились мама и папа. После ужина, закончившегося в полном молчании, папа усмехнулся и сказал:

— Идем, Мистер Грей, к машинам. Мы же с тобой дубины...

Вечером, уже в корабельном саду, родители помирились, а утром папа погладил сына по голове и улыбнулся.

— Ну, фантазер, так и быть. Иди к своему деду. Только не слишком сочиняй, не мути голову Кате выдумками.

Причался Руди в знакомую рощу, сел под старым тополем, прислушался. И опять ничего. Ни звука, ни шелеста. И вдруг..

— Приш-шел. Хорош-шо.

— Говори, дедушка! Говори! — воскликнул Руди.

— Тиш-ше, — мальчик услышал уже не шепот, а внятный голос. — Говори тише. Я все понимаю.

— Дедушка учится нашему языку, — подумал вслух Руди.

— Молодец, мальчик. Сообразил. Учусь.

И вдруг дедушка замолчал, словно испугался чего-то. Руди обернулся и понял, в чем дело: к тополю подошли мама и сестренка.

— Посидим, Катюша, послушаем, — предложила мама.

Присели. Прошло минут пять, но дедушка упорно молчал.

— Ну сиди, выдумщик, — улыбнулась мама. — Может быть, сказку придумаешь. Идем, Катюша, не будем мешать.

— Ну и фантазер ты, Руди, — рассмеялась сестра. — Сочинитель!

Когда мама и сестренка ушли, снова возник шелестящий голос:

— Уш-ш-ли. Хорош-шо.

— Почему молчал?

— Взрослые не поймут меня. Не поверят.

— Это взрослые не поймут? Нехороший ты, дед. Подвел меня. Смеяться надо мной будут.

Не на шутку обиженный, мальчик ушел. Уже на мосту его нагнала сорока, присела на перила и голосом сестренки застрекотала:

— Ну и дур-рачина ты, Р-руди. Дур-рачина. С дедушкой пор-ругался. Он хор-роший. Вер-рнись.

— Да ну вас! — сердито отмахнулся Руди. — Озорники вы меня.

Сорока улетела, а мальчик задумался: «Может, и впрямь мне все это чудится? Пойду-ка лучше к папе в лабораторию».

— Вот и Руди! — обрадовался папа. — А мы тут с Мистером Греем запарились. Задача попалась вроде бы и простая, а решить не можем. Отупели мы от работы, что ли? Помогите.

За спиной мальчика отец подмигнул Мистеру Грею и подсунул сыну листок с цифрами и формулами. Задача показалась Руди знакомой, похоже он решал на уроках. Он подумал немного и написал ответ.

— Вот! — воскликнул Руди.

— А ведь верно! — удивился папа. — Молодец! Вот что, малыш. Трудно нам с Мистером Греем. Помогай, когда сможешь.

Хитростью и простительной лестью удалось отцу заинтересовать сына своей машиной. По утрам Руди заходил в ее кабину, похожую на большой шкаф, знакомился с пультом управления, понемногу начал разбираться в схемах и чертежах. Потом помогал монтировать экран. Вот на нем-то папа и надеялся увидеть картинки из прошлых времен.

После обеда Руди с книгой в руках забирался в густые и высокие травы, в настоящие джунгли с беспрерывно стрекочущими жужжащими насекомыми. Кружили голову ароматы и пчелиный гул. Кружили голову и стихи: шепотом и вполголоса Руди декламировал полюбившихся поэтов. И вдруг с волнением почувствовал однажды, что из души просится наружу что-то свое. Мальчик торопливо записал на полях книги несколько рифм, потом целое четверостишие. Прочитал — и опустили руки: получилось коряво и совсем не музыкально.

Вечером, когда папа уставал, мальчик вместе с ним рыбачил на небольшом озере, затерявшемся среди березовых рощ. Хорошо здесь, уютно. На полянке паслись две лошади с жеребенком; на дереве, под которым примостились с удочками отец с сыном, вертелась белка. А живности в озере развелось видимо-невидимо. Вечернюю тишину то и дело нарушали всплески: резвилась рыбешка, играла.

— Заселилась планета, — сказал папа. — А ведь до тебя, Руди, здесь были только комары.

Эти пискливые твари, однако, здорово донимали рыбаков. Приходилось прятаться в горьковатом дыме костра. Пока в котелке варилась уха, отец рассказывал о своей покинутой родине, и Руди начинал понимать, почему папа называл ее планетой дураков.

— Жили люди сначала нормально, — говорил папа. — Самые способные и образованные писали книги, сочиняли музыку, изобретали машины. Самые деловитые владели и управляли промышленными и сельскохозяйственными предприятиями. Вот они-то, самые одаренные и деловитые, были побогаче, чем остальные. Что поделаешь, сынок, люди разные и жить должны по-разному. Но находились умники, которые утверждали, что люди одинаковые и жить должны одинаково.

— Знаю! — воскликнул Руди. — Мама рассказывала на уроках истории, что был такой великий мудрец. Он учил, что все люди равны. Разве не так?

— Великий мудрец, — усмехнулся папа. — Звали его Дальвери. Мы потом покажем тебе фильмы об этом мудреце, и ты поймешь, что говорил он глу-

пости. Нет, Руди, люди разные. В этом сила и жизнеспособность общества. Люди должны быть равны только в одном — в равных возможностях проявлять ум, дарования, трудолюбие. Дальвери же, захвативший власть и объявивший себя великим мудрецом, учил другому: в имущественном неравенстве и других бедах виноваты умные, одаренные и работающие. Дескать, слишком они выделяются, уравнивать их надо со всеми. А как? Загнать в концлагеря, а еще проще — перебить. А все накопленные ими богатства поделить поровну. Многим понравилась эта мудрость. Особенно дуракам и лодырям. Как же — равенство! Все принадлежит всем! Работать можно будет кое-как, спустя рукава. А потом, в сказочном будущем, вообще не работать. Да, многих сбил с толку великий мудрец и натворил такое... Эх, погубил, мерзавец, великий и одаренный народ!

Отец опустил голову и горько задумался.

— Не расстраивайся, пап, — утешал Руди. — Мы же с тобой работаем. Только не пойму, что мы можем сделать?

— Многое можем, малыш, — оживился отец и поведал такое, после чего мальчика уже трудно было оторвать от машины времени.

Строили ее не для забавы, а для очень интересного и трудного дела. Папа хотел на машине спуститься в прошлое планеты и найти, где и кем посеяно зернышко зла.

— Важно застать зло в самом начале, — говорил отец. — Не сделаешь этого — зло разрастется в обществе так, что выкорчевать его будет уже невозможно. Нам, во всяком случае. В жизни планеты случилось что-то непонятное, произошел какой-то неестественный сдвиг. Надо застать этот первый миг, с корнем вырвать зло и вернуть человечество на естественный путь развития.

На уроках истории Руди с мамой не раз гадали, в какой эпохе и кто уронил это зернышко зла и как оно выглядело. Все, может быть, началось с не приметной мелочи: с выхода какой-нибудь книги, с убийства или даже случайного поворота в судьбе важного для истории человека.

Но вот отгорело еще одно лето, на полях погасли огоньки одуванчиков и лютиков, а на деревьях и кустах расцветала радуга осени. И каких только листьев здесь не было: желтые, оранжевые, алые и даже голубые. Стояли на редкость прозрачные, ясные дни. А кругом такая тишина, что, казалось, и ветры уснули в небесах. Хрустальное, паутинно-серебристое беззвучие осени нарушалось лишь шорохом падающих листьев и волнующими звуками в вышине. Курлыкали журавли, гоготали гуси — косяками улетали птицы на юг, в теплые края. И какая-то сладкая истома, острая печаль томила душу Руди, невольно возникали созвучия слов, звонкие строки и рифмы. Сравнивал мальчик с тем, что получалось у прославленных поэтов. Временами казалось, что у него выходит не хуже. Музыка слов играла в его душе, переливалась в его ушах. И так не один день.

Однажды Руди умчался с осенних полей, шумно влетел в каюту, увидел папу с мамой, сестренку и радостно закричал:

— Послушайте, что у меня получилось. Вы только послушайте!

*Отшумели грозы,
Отцвели поля.
В золоте березы,
В ивее земля*

*Птички караваны
Тянутся на юг,
Где шуршат бананы,
Где не знают выюг.*

*Там, за дымкой синей —
Синие моря.
Все же ты красивей,
Родина моя.*

*Всех ты мне дороже.
Лишь на краткий миг
Душу потревожит
Журавлиный крик.*

*Огненно красивый
Лес стоит стеной...
Край ты мой любимый,
Край ты мой родной.*

— Родной ты мой! — мама вдруг зарыдала, обняла Руди. — Какие мы с тобой несчастные. И всех несчастнее ты. Прости нас, сыночек. Прости. Горький наш сыночек.

— Не надо, Асенька, — уговаривал папа, но и сам он прослезился. — Теперь уж ничего не поделаешь.

— Да что с вами? — испугался Руди. — Разве плохие стихи?

— В том-то и дело, что хорошие. Мне они во всяком случае нравятся. — Папа показал на стул. — Давай, сын, присядем и поговорим серьезно. Вот в чем дело, Руди. Видели мы, как ты прошлым летом с увлечением лепил из глины лошадок, фигурки людей. Обычные детские забавы — старался я убедить себя. Но сейчас-то окончательно понял, что ты очень талантлив. Очень! К сожалению, мама права.

— Почему «к сожалению»? — удивился Руди.

— Прости, не так выразился. Сам по себе художественный дар — это великое счастье. Но не здесь, не на этой горькой и безлюдной планете. Тебе нужно общество, признание людей...

— Ничего мне не нужно, — насупился Руди. — Мне нужно, чтобы вам было хорошо. Знаю, тебе нужен не художник, а мастерской и помощник. И буду им. Буду!

И Руди изо всех сил старался забыть о стихах и других забавах, вникал во все лапины дела. Машина времени — главное, цель — одна. Руди не отходил от отца, помогал, как мог. В делах незаметно отпылала осень, за окнами лаборатории просвистела выюгами еще одна зима, и вновь зацвели поля, зазвенели леса птичьими голосами.

За год Руди заметно вырос, повзрослел, и стало твориться с ним что-то странное. Нет, стихи здесь не при чем. С ним самим случилось что-то совсем непонятное. Не раз, когда Руди гулял в вечерних засыпающих полях, и в небе огненной росой высыпали звезды, его душа распахивалась навстречу чему-то тревожно далекому, в груди теснилось что-то невысказанное и забытое. Завораживающий страх охватывал мальчика, и томили вопросы: кто я в этой звездной бесконечности? Откуда я? И где был раньше?

Как раз в эти дни ему начали показывать фильмы о тех временах, когда, по словам папы, погиб великий и одаренный народ. Многие Руди уже знал из рассказов родителей. Но когда наглядно увидел, как за колючей проволокой люди умирали от лишения и побоев, у него мурашки поползли по спине. Показали ему и чудом сохранившиеся секретные кадры: на пулеметную вышку в сопровождении телохранителей поднимается лысенький, полненький коротышка. Ничего не говорила мальчику внешность этого плюгавенького человечка. Но в усмешке, в жесте чудилось что-то страшно знакомое. Скрытый от всех, человечек с любопытством наблюдает с высоты, как убивают ненавистных ему «умников», вешают, протыкают штыками, отрубает руки, ноги, головы... Сияя лысиной и самодовольно потирая руки, коротышка пробормотал:

— Прекрасно! Как это прекрасно! — и разразился таким жутким хохотом, что Руди вздрогнул и закричал.

— Старпом! Это старпом!

Мама оторвалась от экрана и с удивлением посмотрела на испуганного сына.

— Что с тобой, Руди?

— Старпом какой-то, — усмехнулся папа. — Чудит что-то наш сочинитель. Выдумывает. Никакой это не старпом, а тот самый великий мудрец и деспот Дальвери. После него пришел к власти его преемник Сальвери. И тоже его величали великим мудрецом и вождем. Тип пострашнее. Смотри и не выдумывай.

К горлу мальчика подступила тошнота, когда на экране замелькали казни и жуткие пытки. Распоряжается ими и даже сам пытается уже другой «мудрец» — сухощавый, жилистый, с какой-то лисьей остренькой физиономией. В глубоких глазницах так и зыркали злые, колючие глазенки.

— Узнал! — закричал Руди. — Ругайте меня, но я вспомнил. Это же Крысоед! Палач Крысоед!

Мама вскрикнула и в ужасе зажала рот руками. Папа выключил экран и в крайнем изумлении уставился на сына.

— Откуда, малыш, взялось у тебя это слово? — спросил он и обратился к маме: — Ты ничего ему не говорила?

— Нет, нет! Что ты!

— Страшное слово, — сказал отец, с удивлением разглядывая сына. — Но откуда оно выскочило у тебя?

— Не знаю, — растерялся мальчик.

— Да, тысячи людей погибли из-за этого слова, — продолжал папа. — Человека, произнесшего это слово, немедленно расстреливали. Уничтожали и тех, кто мог услышать от него страшное слово — родных, друзей, даже случайных знакомых. Как оно появилось? Вот послушай, малыш. Умирая, Дальвери в полубредовом состоянии накарябал — иначе не скажешь — политическое обращение, что-то вроде завещания. Совесть в нем заговорила, что ли? Но он писал, что назначать Сальвери его преемником нельзя, что это лютый зверь, что это бывший...

— Тиранозавр, — вырвалось у Руди.

И снова мама ахнула. Отец, откинувшись на спинку кресла, ошеломленно пробормотал:

— Это уже какая-то мистика, — и вдруг рассмеялся. — Вон оно что! Ты знаешь этого самого свирепого доисторического хищника из учебника зоологии, и ты назвал его сейчас просто так? Случайно?

— Случайно, — неуверенно сказал Руди.

— Вот и доверенные люди, читавшие посмертное обращение, решили, что это случайная описка. Но дальше в завещании несколько раз и далеко не случайно утверждалось, что это бывший палач по кличке Крысоед. Доверенные и очень немногие лица посчитали, что завещание написано в бреду, и скрыли его от общественности, потом уничтожили. Уничтожил Крысоед и самих доверенных лиц. Но словечко «Крысоед» как-то проникло в широкие массы. Шепотком и посмеиваясь, люди рассказывали анекдоты и находили, что кличка Крысоед очень подходит новому Великому Мудрецу. А тот, узнав, пришел в ярость и приказал немедленно истреблять всех, кто рассказывал или мог слышать эти анекдоты. Да, многие головы полетели, но ехидное словечко «Крысоед» выкорчевать так и не удалось. Но как ты, малыш, мог узнать это страшное слово? Чертовщина!

Утро следующего дня выдалось таким сияющим, с такими звонкими трелями жаворонка, что мальчик, забыв обо всем и словно освободившись от чего-то, с радостью носился по полям. Вечером он, правда, вглядывался в темнеющее небо и в звездные дали, но прежнего ощущения странности и бесконечности своего «Я» уже не возникало. В вечернем небе его занимало другое странное явление. С бесформенным серебристым облаком, с этой грудой обломков, что-то происходило. Облако удлинялось и стало походить на вытянутую светящуюся тучу. Папа объяснил, что обломки Луны трутся друг о друга, превращаются в мелкие камешки. Вращаясь по прежней лунной орбите, пыль и камешки опояшут планету сначала дугой, а потом серебристым кольцом.

— Как у Сатурна! — обрадовался мальчик. — Красиво будет.

— Не столько красиво, сколько страшно, — усмехнулся отец. — Все это напоминает о том, что и Земля могла разлететься вдребезги. Но кольцо

появится не скоро. К тому времени мы, надеюсь, закончим работу.

Но шли дни, приближалась осень, а дела с машиной времени не ладились.

— Хотя бы увидеть на экране прошлое той планеты, — говорил отец, называя свою покинутую родину уже на планетой дураков, а просто «той» планетой.

Руди знал, что папа пытается, как он выразился, сначала визуально протереть дорогу в глубь веков и лишь потом отправиться по этой тропе уже не на экране, а по-настоящему. Но экран все так же тускло поблескивал свинцово матовой поверхностью.

Но однажды, когда за окнами-иллюминаторами промелькнула осень и уже порхали легкие снежинки, экран засветился. Появилось дрожащее, а потом устойчивое изображение старинного города. Дома деревянные, изредка попадались двух-трехэтажные каменные, люди в длиннополых кафтанах бегают по улицам, что-то кричат (звука не было) и с ужасом смотрят вверх. Там, в вечернем небе, когда солнце упало за горизонт, разгоралась одинокая звезда. Она накалялась, росла, разбухала прямо на глазах и по светимости почти не уступала Солнцу. А люди на ночных и внезапно осветившихся улицах суетятся, тыкают пальцами в небо, из их широко разинутых ртов как будто так и слышатся панические вопли: «Конец света!».

— Вспомнил! — закричал Мистер Грей. — Шеф, это знаменитый взрыв Сверхновой. Скорее заснять!

Засняли. А когда экран машины времени погас, историческое событие сохранилось на пленке. В лаборатории потушили свет (за окнами уже наступила ночь) и просматривали новый, очень небольшой фильм.

Мистер Грей принес из библиотеки книги и альбомы с рисунками старинного художника, изобразившего знаменитое и так напугавшее людей небесное явление. Сравнили. Фотографировать люди тогда еще не умели, и художник не всегда был точен, но совпадение с фильмом почти идеальное.

— Ур-ра! — ликовали пленники Окаянной.

— Несите шампанское! — закричал Мистер Грей. — Пировать будем.

— Ты же не пьешь. Ты великий трезвенник, — рассмеялась мама.

— По этому случаю напьюсь в дым! Посуду бить буду! — разошелся Мистер Грей.

Кроме шампанского мама поставила на стол вазы с фруктами, собранными поблизости в лесах и рощах. Разрешили выпить и Руди с Катей. Больше всех пил Мистер Грей, но, к своему огорчению, никакого опьянения не чувствовал.

— Не расстраивайся, — утешала мама. — У тебя и без шампанского голова кружится от успеха.

Веселились почти до утра. За столом как-то незаметно у родителей возник разговор об удивительном случае, когда сын будто бы вспомнил Крысоеда, тиранозавра и какого-то старпома.

— Откуда у тебя, Руди, выскочила такая память о прошлом? — удивлялся отец. — Словно на экране нашей машины времени.

— Брось, пап, я уже забыл об этом, — сказал Руди. — Случайно оговорился. Вот и все.

— Вот и я убеждаю маму, что это чистая случайность. Фантастическая случайность.

— Нет, Свен. Это не случайность, — возразила мама. — Это бессмертие души.

— Не морочь голову сына мистикой! — рассердился отец и насупился. Но сын, зная, чем все это закончится, с улыбкой смотрел на отца. Так и есть! Папа махнул рукой и добродушно рассмеялся. — А ты знаешь, Руди, кто такая мама у тебя?

— Знаю. Верующая. Но она верит не в обычного Бога, а в другое. Это бывает у многих и очень серьезных ученых. Они верят в высший духовный...

— В духовный постулат? — подсказал папа. — Ишь ты, как рассуждать начал.

— Он вообще сильно повзрослел, — сказала мама. — Ты этого не заметил.

— Заметил, — улыбался отец, с удовольствием глядя на сына. — Вымахал тебе по плечи. Будет таким же дылдой, как и я. Но голова черноволосая. Твоя голова. С такими же фантазиями.

Весной отец с сыном снова расположились с удочками на берегу того же озера и под тем же деревом. Но мальчику не сиделось на месте. Уж больно хорошо кругом. Он вскакивал, убежал за рощу, где паслись лошади, зелеными волнами колыхались травы и золотыми брызгами сверкали одуванчики и лютики. Возвращался и видел, что папа сидит все в той же позе, ко всему безучастный и не заметивший даже прыгающего поплавка.

— Ключет! — воскликнул Руди.

— Что? — вздрогнув и будто очнувшись, спросил отец.

— Да что с тобой, папа? О чем задумался?

— Садись, сынок, — сказал отец и, почему-то оглянувшись по сторонам, зашептал: — Есть о чем задуматься. Что-то непонятное делается на планете. Вот мы с тобой недавно просматривали еще раз все схемы и блоки, и я понял, что экран не мог показать взрыв сверхновой, не мог визуально проникнуть в прошлое. Еще рано. Кто-то посторонний и с довольно близкого расстояния послал нам изображение исторического события. Выудил из прошлого и послал.

— Не может быть! — испугался Руди. — На планете, кроме нас, никого нет.

— Никого. Но проверить еще раз надо.

Утром отец послал в дальнюю разведку ползающих, бегающих и летающих паукообразных роботов. Сам же на авиетке, с приборами на борту летал во все стороны, кружил над морями, материками и даже над закованными в лед полюсами. Через несколько дней вместе с сыном сверил показания своих приборов с показаниями обшаривших всю планету роботов.

— На планете, кроме нас, никого, — сказал он сыну. — И никаких технических средств, способных

(224) излучать волны. Только никому не говори, даже Мистеру Грею. Пусть думает, что это наш успех. Будем работать.

Через несколько дней отец повеселел и шепнул сыну:

— А вдруг я ошибся? Обнадеживает меня вот этот блок. Видишь? Но переусложнили мы его, мигнул он разик, выхватил кусочек прошлого и погас. Разобраться надо в нем и в других блоках. Учись, сынок, особенно налегай на физику и математику.

Через два года, когда Руди исполнилось четырнадцать лет, стал он отцу серьезным помощником. Работал и учился Руди с таким ожесточением, что мама начала беспокоиться.

— Надорвешься, Руди. Упаси боже, случится то же, что и с Катюшей.

Катя стала высокой, вся в отца, белокурой красавицей. Но каждой весной она покашливала, на бледном лице появлялся нездоровый румянец.

— Туберкулез она унесла еще с той планеты, — возразил отец. — Здесь не концлагерь, осенью ей станет лучше.

— Вы работаете, как в концлагере, — сердилась мама. — И Катюша, глядя на вас, извелась. Что поделаешь, характер у нее такой же дурацкий, как у меня.

— Дурацкий, — усмехнувшись, согласился папа. — Все переживаете. Заботливые, как няньки. А что, сынок, отдохнем-ка мы эту весну и лето на Лазурном берегу. Помнишь? Мистер Грей вместе с роботами соорудит нам на песчаном пляже этакое колониальное бунгало.

Через несколько дней Мистер Грей доложил, что бунгало готово. Пленники Окаянной поднялись на авиетке, покружили, прощаясь с насиженным местом, и улетели на юг. На берегу океана, который отец с сыном давно заприметили и назвали Лазурным, поселились в доме, сооруженном из тростника и бамбука. По утрам загорали, играли в волейбол. Мистер Грей один заменял целую команду и нередко обыгрывал своих соперников. Обедали в тени пальм, а вечером родители усаживались на берегу, любовались лазурными далями и тихим закатом, слушали музыку, доносившуюся из бунгало. Катя играла на рояле, а Руди на флейте. Но сегодня у них что-то не ладилось.

— Что с тобой, Руди? — участливо спросила сестра. — Какой-то ты задумчивый, рассеянный...

— А ты видела, как постарелая мама с папой?

— А ты только сегодня заметил? Мама уже давно жалуется на сердце. Папа сгорбилась, хуже у него стало с почками. Отбили их у него еще в концлагере. Досталось им там, — со вздохом сказала Катя и заплакала. — Эх, Руди, умрут они и останемся мы с тобой на Окаянной одни.

— Не смей плакать, — Руди сурово сдвинул брови. — Не порть им настроение. Клянусь, Катя, я все сделаю, чтобы им было хорошо. Буду работать, как черт.

— Ты и так черт одержимый, — сестра улыбнулась сквозь слезы. — И за тобой мне надо присматривать.

С тех пор Катя незаметно подкрадывалась к сидящему на пляже брату и, посмеиваясь, стирала выписанные на песке цифры и формулы.

— Дома наработаешься, — решительно заявляла она. — Идем купаться.

Руди нетерпеливо отмахивался. Но однажды, свирепо сдвинув брови, погрозил кулаком.

— Если еще раз помешаешь, поколочу! — И, потеплев, шепнул на ухо сестре: — У меня родилась грандиозная идея.

На следующий день отец, внимательно изучив начертанные на песке схемы и формулы, по достоинству оценил «грандиозную идею».

— Молодец! У меня тоже напрашивались похожие мысли. Но где возьмем микроаппаратуру? Нужны специальные заводы и лаборатории.

— А пульт управления кораблем? Возьмем оттуда, кое-что переделаем. Например, приборы ориентировки в пространстве переналадим на ориентировку во времени.

— Развораживать пульт управления? — нахмурился отец. — Впрочем, ты прав. Ни к чему сейчас пульт. Но и права Катюша, — рассмеялся он. — Видишь, дергает меня за рукав. Идем купаться, а твои идеи обсудим дома.

Прошло месяца два. Отцвели магнолии с их одуряющими густыми ароматами, гнулись пальмы под тяжестью созревающих орехов, наливались соками мясистые бананы. Наряду с консервированной корабельной пищей на столе появились свежие апельсины, нежные персики и груши, виноград и ягоды. В палящий зной жажду утоляли соком кокосовых орехов. Отдых удался бы на славу, если бы не встревоживший всех призрак. Мистер Грей, боявшийся всякой мистики, даже изрядно перетрусил.

Однажды ранним утром, когда над океаном еще висела предрассветная мгла, мелькнуло вдали что-то белое и скрылось.

— Паруса! Шхуна! — воскликнул Руди.

— Почудилось, — усмехнулся отец. — Начитался морских романов, вот и мерещатся пираты.

— А если не почудилось? — возразила мама. — Мне тоже что-то показалось. Но парус ли?

Вставало солнце, разгоняя лучами утреннюю дымку, вновь показались ярко освещенные паруса и тут же скрылись в завитках тумана.

— Яхта! — удивился отец и, усмехнувшись, закончил на иронической ноте: — На этой чертовой планете бывают и миражи. Посмотрим, какое чудо она подарит нам на этот раз.

Дымка рассеялась, и выступила яхта, тихо и торжественно.

— Как явление Христа народу, — насмешливо прокомментировал отец и замолк, увидев на палубе фигуру какого-то человека.

— Это же ты, — в ужасе прошептал Мистер Грей стоявшему рядом Руди. — Мне страшно. Там второй Руди.

Яхта подплывала, и в высоком молодом человеке все узнали Руди, но уже заметно повзрослевшего,

с суровой складкой на лбу. Человек протянул руки к берегу и заговорил знакомым голосом:

— Родные мои! Простите, потревожил я вас. Не могу без вас. Не могу, — молодой человек прислонился к мачте и заплакал.

— Руди! Сын! — дико закричала мама и, зарывшись, кинулась к яхте.

Отец и Катя удержали ее у самой воды.

— Опомнись, Ася, — успокаивал отец. — Это всего лишь призрак. Смотри.

Яхта развернулась, поднялся ветер и наполнил ее паруса. Яхта уплывала в курившуюся дымку. И не поймешь — то ли она слилась с дымкой, то ли исчезла совсем.

— Говорил же, что это мираж, — сказал отец.

Маме стало плохо с сердцем. Ее увели в бунгало, дали лекарств. Когда полегчало, она согласилась с мужем:

— Мираж, Свен. Какую, однако, злую шутку сыграл с нами туман.

Но верила ли она, что это был лишь мираж? Трудно сказать. Еще три недели семья отдыхала на Лазурном берегу. Играли в волейбол, купались, загорали, но мама то и дело вглядывалась в синие океанские дали: не покажется ли парус?

«Отец прав. На планете, кроме нас, есть еще кто-то, — думал Руди. — Но с какой целью он подкинул фокус с призраком? Друг ли он?»

Но вот вернулись на корабль, глянули в систему зеркал, дающую стереоскопический эффект, и счастливо ахнули.

— Мы помолодели на сто лет! — хохотала Катя. — Смотрите, у мамы ни морщинки. А загорела, как негр.

Сама Катя заметно пополнила, ее щеки покрылись здоровым бронзовым загаром. А Руди посмеивался над отцом:

— Ты жутко растолстел, папа. Стал ленив и неповоротлив, как бегемот. Как же мы будем работать?

Вскоре и осень разгулялась за иллюминаторами, закружилась шумными хороводами листьев. Потом запорхали снежинки. Отец с сыном зимой работали, по выражению мамы, «с остервенением». Весной и летом позволяли себе отдых. Рыбачили, варили уху. Иногда засиживались у костра до ночи, вглядываясь в звездное небо. Там серебристая туча, состоящая из пыли и обломков бывшей Луны, еще больше вытянулась, изогнулась и опоясала планету красивым полукольцом.

ДЕДУШКА ТОПОЛЬ

Прошло четыре года. Из деталей и блоков, взятых с пульта управления кораблем, соорудили свой пульт для новой машины времени. Мистер Грей восторгался, предрекал ей великое будущее. Но Руди недовольно хмурился, и к девятнадцати годам на лбу его пролегла та самая вертикальная суровая складка, что была у призрака на яхте. «Хоть бы увидеть что-нибудь», — думал он, вглядываясь в рав-

нодушный серо-свинцовый экран. И вдруг однажды на нем скользнули искры, послышался шум, похожий на лепет древесной листвы.

— Звуки! — заволновался отец. — На прежнем экране их не было. Это звуки прошлого.

Экран засветился, появилась макушка дерева, звеневшего глянцевиными, словно лакированными, листьями. На нижнем суку притаился полосатый хищник с громадными, в полметра длиной клыками. Бесшумно, как кошка, переминаясь лапами, хищник рыкнул и прыгнул на спину какого-то крупного животного, пробежавшего мимо. Животное взревело, метнулось в сторону и скрылось вместе с хищником, вцепившимся в загривок.

— Саблезубый тигр! — воскликнул Руди. — Отец, это доледниковый период, миоцен.

— Точнее, олигоцен, — поправил отец. — Фильм! Мистер Грей, снимай фильм. Видишь? Мастодонт.

Под деревом, треща ветвями, неуклюже ворочалось огромное животное и хоботом срывало охапки листьев. Вскоре с гулким топотом выступило целое стадо мастодонтов и направилось к синееющему вдаль озеру. Вечер — пора водопооя. Солнце, перечеркнутое сизыми тучками, скрылось за горизонтом, в потемневшем небе алмазной пылью рассыпались звезды. Одна из них заискрилась и начала разбухать, стремительно разгораться. Мастодонты спокойно пили воду, но когда все вокруг внезапно озарилось ярким светом, в панике разбежались. Ночная тишина взорвалась гулом, топотом, ревом.

— Сверхновая звезда! — закричал Мистер Грей.

— Опять сверхновая! — удивился Руди.

— Это знамение, — прошептал отец.

— Что ты, папа? Такой трезвомыслящий человек, как ты, и вдруг суеверия.

«До чего постарел, — с болью в сердце подумал Руди. — Это старческое суеверие».

— Нет, сынок. Это знамение послал нам кто-то. Он близко, он знает, что со сверхновой связано для нас что-то очень важное. Завтра поищи его, обшарь планету. Без меня. Я что-то плохо чувствую себя.

С утра Мистер Грей разослал во все стороны роботов. Руди на авиетке летал над тундрой и тайгой, над полями и рощами. Опускался на пустыри, где когда-то были города. Но и здесь ничего подозрительного. Только щебень, ржавый металл, битое стекло.

На прощание Руди с грустью покружил над Лазурным берегом и опустевшим бунгалом. И вдруг заметил в океане крохотный островок с двумя-тремя десятками веерных и кокосовых пальм. «А мы и не знали», — подумал он и опустился на остров. И сразу же увидел... окурки! Руди вздрогнул и оглянулся. Здесь кто-то был! Кто-то чужой! В семье никто не курил, и вообще на корабле нет ни одной сигареты.

«Это же он наследил, — сообразил Руди. — Тот самый призрак, мое подобие». Юноша обошел островок вдоль и поперек. И ничего, ни малейших следов, кроме окурков. Они хорошо сохранились,

226 потому что лежали в глубокой впадине между сухими корнями очень старой пальмы с мохнатой корой и густой листвой. Недалеко от пальмы, под обрывом, синела бухточка, удобная для стоянки яхты. «И яхта, и я-призрак, — с усмешкой подумал Руди. — Дикие номера откалывает эта дикая планета».

Руди вернулся на корабль, но об окурках на острове никому не сказал. Надо работать, решил он.

Но прошел год, и юноша начал подозревать, что они не только топчутся на месте, но и забрели в тупик. А тут еще отец все чаще уходил в каюту передохнуть. Постарел он очень сильно, как-то сразу надломился его когда-то могучий организм. Да и мама все чаще жаловалась на сердце.

Однажды поздним вечером Руди вышел из корабля. Оттуда ни звука — ни смеха, ни музыки. Давно забылись веселые, шумные вечеринки, давно не зажигались огни в саду кают-компания. Лишь один иллюминатор светился: там у постели больного отца мама и сестра.

Чувство безнадежности охватило юношу, холодом повеяло из мировых глубин. Звезды казались ему льдинками, пляшущими в черном омуте Вселенной, а светящееся пыльное полукольцо бывшей Луны — снежной метелью. Руди повалился на траву и заплакал. Вот умрет отец, что буду делать? Как быть?

Но первой умерла мама. Скончалась на руках дочери, встретившей смерть матери на удивление спокойно. Похоронили маму на холмике недалеко от корабля. На могиле поставили деревянный крест.

— Так пожелала мама, — пояснила Катя и шепнула на ухо брату: — Она сказала, что увидимся в другом мире. Ты веришь этому?

— Нет, этому не верю. Как и папа, знаю, что никакого другого мира нет.

— Все-то вы знаете, — усмехнулась Катя. — А я вот не знаю. И это помогает мне жить. И вам помогу.

И в самом деле помогала. Не так, конечно, как искусный Мистер Грей, не ловкостью рук и знаниями, а чем-то более важным. Она присутствовала при всех ответственных экспериментах с машиной времени, шутками и насмешками подзадоривала отца и брата.

— Для тебя ведь стараемся, — улыбался отец. — Руди доведет дело до конца и унесет тебя в иное время, в сказочную страну. А я останусь здесь, рядом с мамой. Нет-нет! Не возражайте, мне не дотянуть.

Через год брат и сестра похоронили отца рядом с мамой. Крепившаяся до этого Катя разрыдалась.

— Вот и остались мы, Руди, вдвоем.

— Не смей плакать! — прикрикнул Руди, стараясь суровостью скрыть свое отчаяние.

— Смотрите, какой страшный, — сквозь слезы улынулась Катя.

«Она у меня молодец», — с нежностью подумал Руди и мысленно поклялся никогда не грубить сестре. Закончив хозяйственные дела, она всегда заходила в лабораторию. И теплее становилось на душе у брата.

— Ты скоро заменишь мне Мистера Грея. — пошутил он однажды. — Стлынивать он стал, разленился.

— Заболел он.

— То есть как это? — удивился Руди. — Ах да, понимаю. Где он?

Мистер Грей сидел на кухне перед иллюминатором и безучастно сматрел на проплывающие облака.

— Печень у меня барахлит. — пожаловался он.

Брат и сестра вскрыли у Мистера Грея пластиковый живот и заменили «печень» — электронный блок питания. Мистер Грей при этом отчаянно выд и визжал.

— Операцию без наркоза делаете! — кричал он. — Изверги вы! Варвары! Душегубы!

— Не притворяйся. — рассмеялась Катя, понимавшая, что, потешно изображая человеческую боль. Мистер Грей старается развеселить брата и сестру.

— Сердце у тебя тоже пошаливает. — заметил Руди. — Лечись сам. Детали можешь брать у этих, у «клауков». Ни к чему они сейчас, да и энергия на исходе.

Ради экономии энергии даже завтраки и обеды готовили на костре, а потом на очаге, который смастерил Мистер Грей рядом с кораблем.

Однажды ранним утром, когда Катя и Мистер Грей готовили завтрак, Руди ушел далеко в поле. Вот и речка, мостик, уже изрядно покосившийся от времени. А за ним синела вдали почти забытая тополиная роща. Юноша перешел мостик и будто шагнул в давно минувшее детство. Защемило в груди, закружилась голова от запаха трав, от гуда проснувшихся пчел. Не в силах бороться с зовами детства промелькнувшего, как сон, как журавлиный крик в вышине. Руди сел под тем самым мшистым старым тополем и подумал: а не плюнуть ли на все и уйти в природу? Он взглянул на розовые облака, башнями громоздившиеся на горизонте, услышал ликующую песню жаворонка. Разве это не счастье? «Нет. — усмехнулся Руди. — Жить бездумной птичьей жизнью — это страшно. А самое главное — мой долг. Я должен довести дело родителей до конца. Но как? С машиной времени ничего не получается. И не получится. Никогда». От этой внезапно возникшей и беспощадно ясной мысли юноше стало так жутко, что он обхватил голову руками и застонал. И вдруг услышал голос:

— Не отчаивайся, мальчик.

— Я уже не мальчик. — обиделся Руди и, вздрогнув, оглянулся по сторонам.

— Ах, извините, пожалуйста. Забыл. Ты сейчас взрослый дяденька, — насмешливый голос слышался из кустарника, в котором еще вился утренний туман. И голос как будто знакомый.

«Дед. Опять он мне чудится». — подумал Руди и, закрыв глаза, представил: вот сейчас выйдет из кустарника самый настоящий дед, этаким патриарх с седой окладистой бородой и в лаптях. Кустарник зашумел, оттуда как будто и в самом деле кто-то

вышел. Руди открыл глаза и обомлел: перед ним на бугристых корнях сидит дед. Не в лаптях, правда, а в старых стоптанных сапогах. На нем серые штаны с неумело пришитыми заплатками на коленях и пиджачок, мешковато сидевший на худых плечах. Но лицо точно такое, какое нарисовал Руди в своем воображении: густая белая борода и веер морщинок вокруг веселых насмешливых глаз.

— Ты... Ты мираж?

— Ха! Ха! Ха! Господи, до чего забавные эти люди. — расхохотался дед. — Увидят хоть чуть-чуть необычное и сразу же: караул! Мистика! Мираж!

Руди присмотрелся. Сквозь ветви упал лучик света и заиграл, заискрился на седой бороде. Кружившийся вверху сухой пист опустился на дедово плечо, с шорохом скользнул по пиджаку и угал на землю. Ничего не скажешь, все — как в действительности. Желая убедиться в осязаемости деду, Руди пощупал его штаны и даже подергал их. Да так неловко, что заплатка затрещала, разошлась по шву и повисла поскутом.

— Понси! — нахмурился дед. — Зачем же штаны рвать.

— Смешной ты, дедушка. — несмело улыбнулся Руди. — Ну как есть живой.

— Я и есть живой. Ты видишь мою человеческую ипостась, шагнувшую в пространство из дерева.

— Из дерева? Ты одновременно и человек, и это этот древний тополь? Что за чуды!

— Вот что, мальчик... Ой, извини, пожалуйста. Ты уже большой дяденька. — хохотнул дед и, посерьезнев, продолжал: — Вот что, дяденька Руди. Отнесись внимательно к тому, что услышишь. Это очень важно. Только с моей помощью ты сумеешь проникнуть в далекое прошлое и вернуть планету на прежний и нормальный путь развития.

— Не шути, дед. — от волнения у Руди заколотилось сердце. — Для меня это и в самом деле важнее жизни. Не шути.

— Я и не шучу. Отбрось привычные представления и пойми, что на этой планете все пошло наперекосяк после ядерной войны. Появились какие-то вихри во времени. Животный мир погиб, а растительный приспособился.

— Верю, дедушка. — сердце у Руди все еще трепыхалось от волнения. — Верю. Еще мама говорила, что отдельные и чаще всего старые деревья усложнились так, что могут чувствовать и думать, как люди. Но разве это возможно? Я так понимаю: высокоорганизованным и мыслящим организм становится только в случае, если овладеет способностью передвигаться в пространстве. Но ты же как дерево прикован к месту.

— Правильно рассуждаешь. Ты смысленный мальчик... Извини. Привык считать тебя мальчиком, — усмехнулся дед и показал рукой на кусты и травы, на соседние деревья. — Видишь? Никто не шагнет, не содвинется с места. Растительный мир вообще не знает ни пространства, ни времени. Животные обладают чуть большей свободой. Они овладели про-

странством, передвигаются, бегают, но ничегошеньки не знают о времени. Для них нет ни будущего, ни прошлого. Они живут только настоящим моментом. А вот вы, люди, обладаете еще большей степенью свободы. Фу!.. Устал я от ученых лекций и в то же время привык к ним. Я ведь был когда-то профессором.

— Профессором? — удивленно шепнул Руди.

— Ну-ну, дружок. Не падай в обморок, — улыбнулся дед. — Услышишь и не такое, привыкай. Но обо всем по порядку. Итак, люди обладают большей степенью свободы, чем животные. Вы овладели пространством и знаете о времени, изучаете прошлое и строите планы на будущее. И все же вы рабы времени, не способны ни на миг шагнуть в будущее и прошлое! Но зато как овладели пространством! — вздохнул дед. — Даже завидно. Вы ходите пешком, стремительно передвигаетесь на машинах и даже летаете к звездам. Ах, как завидно! А я вот прикован к месту. Но моя беспомощность в пространстве с лихвой возмещается свободой во времени. Потому и стал я существом мыслящим, что хожу пешком в веках.

— Пешком в веках, — прошептал Руди. — Вот мне бы так... Завидно, но поверить трудно. Но постой! — воскликнул он. — Ты же сейчас двигаешься. В качестве человека живешь и в пространстве.

— Только вблизи своего истинного тела, вблизи дерева, — с сожалением сказал дед. — Смотри.

Дед встал и начал удаляться от своего «тела» — старого тополя. С каждым шагом он туманился, таял и шагах в двадцати от дерева исчез совсем. Затем он вновь вышел из воздуха, как из тумана, подошел к тополю и уселся на корнях в своем прежнем виде.

— Понял? Моя человеческая ипостась держится в пространстве силой моего биополя — биополя дерева. С расстоянием эта сила убывает, убывая и я в своем человеческом виде. Веришь?

— Да, складно получается, — согласился Руди. — А во времени далеко ходишь?

— Далеко, милый. Ой, как далеко. Дошел до мезозойской эры и начал догадываться, что зернышко зла посеяно там.

— Зернышко зла! — воскликнул Руди. — Откуда знаешь о зернышке? Ты что, подслушивал нас?

— Несколько раз пришлось. Временами сила моего биополя нарастает, и раза три невидимкой побывал в вашей лаборатории. Бедненькие мои, как мучаетесь со своей дурацкой машиной времени. Невдомек людям, что не дурацкий бездушный механизм, а живой организм может передвигаться во времени.

— «Дурацкий механизм»! — обиделся юноша. — А экран этого механизма уже два раза показал неоспоримые исторические факты.

— Так это же я показал. Выудил из прошлого фактики и послал.

— Ты! — Руди вскочил на ноги. — Вон оно что!

— Да успокойся же. Садись и слушай.

228

Руди сел и с бьющимся сердцем заговорил: — Дедушка! Миленький! Складно все получается. Убедительно. Верю тебе. А мне поможешь?

— Конечно. Вместе сходим в прошлое, выведаем и сделаем все, что надо. — И вдруг дед приложил палец к губам и зашептал: — Тс-с-с. В другой раз. Мешают.

— Говори же, дедушка. Говори. Не уходи.

Но дед ушел. Он встал и, удалившись от своего дерева-дома, затуманился, исчез. В тот же миг Руди услышал за спиной голос сестры:

— Руди, иди же! Завтрак готов.

Руди обернулся. Катя подбежала и, запыхавшись, встала перед братом.

— Ой, Руди. Как я испугалась. Мне показалось, что перед тобой кто-то сидел.

— Тебе показалось! — воскликнул Руди и с радостью подумал: «Стало быть, дед — не мираж». Он обнял сестру и счастливо зашептал: — Ой, Катя, какие удивительные мысли приходили ко мне под этим старым тополем! В следующий раз не мешай мне здесь думать.

После завтрака, прошедшего с шутками и смехом, Руди и Мистер Грей ушли в лабораторию. Закончив свои дела, зашла туда и Катя. И радовалась, смеялась. Давно она не видела брата в таком приподнятом настроении.

— Теперь у вас дело пойдет, — улыбнулась она.

— Не очень-то пойдет, — пробурчал Мистер Грей. — Легкомысленный стал Руди. Кузнечик!

— Кузнечик! — хохотала Катя. — При чем тут кузнечик!

— Прыгает мыслями, как кузнечик, — хмуро бормотал Мистер Грей.

— О, Мистер Грей, — удивилась Катя. — Ты не только красавчик. Ты еще и поэт. Какое сравнение!

— С таким несерьезным шефом еще не таких поэтических вольностей и сравнений нахватался. От него у меня появились эти поэмы. Заразился, — продолжал бубнить Мистер Грей.

— Не ворчи, — рассмеялся Руди и обнял Мистера Грея. — Не ворчи, дружище. А ты, Катя, не слушай этого нытика. Дела у нас теперь пойдут, — убеждал он сестру, хотя и сознавал, что копается он с Мистером Греем скорее по привычке. Не на машину он надеялся, а на что-то новое, почти сказочное.

Вспомнился мудрый дед, перевернувший его привычные представления. Человек — господин пространства, но раб времени. Верно, согласился Руди и словно увидел такую картину: бурный поток времени несет человека, словно соломинку, из прошлого через пороги и водовороты настоящего в неведомое будущее. Юноша зябко передернул плечами. Неуютная, обидная для человека картина, но с этим ничего не поделаешь. В этом Руди убедился на собственном многолетнем опыте. Тут уж дед прав.

— Не сходить ли к нему? — вслух подумал Руди.

— К кому? — улыбнулась Катя. — К старому тополю? Тебе там хорошо думается? Сходи.

Отправился туда Руди уже под вечер, когда в травах затихли «легкомысленные», по выражению Мистера Грея, кузнечики и закат золотыми брызгами расплескался по верхушкам тополей. На прежнем месте сидел дед.

— Так и знал, что придешь, — рассмеялся он. — Не терпится молодцу. Не терпится. Садись, поговорим.

— Я согласен, дедушка, что чудовищная радиация крепко подстегнула, ускорила эволюцию. Но неужели на планете никого больше нет, кроме тебя? Ведь мыслящее существо не может жить без общества себе подобных.

— Верно, не может. У меня много друзей в прошлом.

— А здесь? В настоящем? Мама говорила, что весь растительный мир здесь сильно переменялся.

— Имеешь в виду моих соседей? Несмышлениши еще они, далеко им до мысли и до человеческого образа. Вот этот ближний ко мне тополь иногда выходит в пространство в образе сороки.

— Сороки? Это она трещала мне человеческим голосом? Мне не почудилось?

— Она, проказница. Приручил я ее, научил говорить то моим голосом, то голосом твоей сестры. Хочешь послушать? Эй, подружка! Где ты? Садись на меня.

Откуда ни возьмись — сорока. Уселась на нижнем суку старого тополя, увидела Руди и застрекотала, заговорила голосом сестренки:

— Ну и дур-рачина ты, Руди! Дур-рачина!

— Но-но! Не оскорбляй, — дед погрозил птице пальцем. — Он сейчас поумнел. Убирайся, грубиянка.

Сорока послушно улетела, а Руди спросил:

— Ну, а на планете есть еще подобные тебе?

— Есть, совсем рядом. Видел на берегу реки старую-престарую вербу?

— Видел. Она вот-вот упадет в воду. Склонилась и сгорбилась, как старушка.

— Она и в человеческом образе уже скрючилась. И не старушка она, а старая ведьма, — проворчал дед.

— Что так? — улыбнулся Руди. — Поссорились, что ли?

— Поругались, — хмурился дед и вдруг захихикал. — Влюбились дуры в аксельбанты. Какие аксельбанты, спрашиваешь? Живет в недалеком прошлом яшень. Высокий такой, стройный. Он и в человеческом образе стройный. Ничего не скажешь, видный мужчина, в нарядной морской форме и с аксельбантами на груди. В эти побрякушки и влюбились старые дуры. Хи! Хи! Хи!

— А кто вторая дура? — с улыбкой спросил Руди.

— Лично ее не знаю. Растет она пальмой далеко отсюда, в океане, на крохотном островке. В молодости, говорят, была красавицей и звали ее Пальмирой. Но сейчас старуха.

— С бургистыми жилистыми корнями, с мохнатым скривившимся стволом, — подхватил Руди, вспомнив Лазурный берег, островок и древнюю пальму.

— Точно! — удивился дед. — Мне ее так и расписывали. Но ты-то откуда ее знаешь? Ах, да! Вы, кажется, отдыхали на берегу океана. Недалеко от берега тот самый островок, а на нем та самая старуха-пальма. От мужчины-ясеня она вообще без памяти. И не столько аксельбанты ей полюбились, сколько яхта.

— Яхта! Так это приплывал он! Он! — воскликнул Руди и рассказал удивленному деду происшествие с призраком. — Это он напугал нас. Чем? Да тем, что очень похож на меня.

— Вряд ли это он, — подумав, покачал головой дед. — Его расписывали мне эти дуры, словно картинку. Не похож он на тебя. К тому же он вообще никогда не был у нас, иначе поднял бы здесь такой тарарам!..

— Тарарам? Он очень шумный?

— Не говори. Просто сладу нет. За это и не любят его, никто с ним не дружит, кроме одной девчонки, ее, видишь ли, тоже ордена и аксельбанты прельстили. Черт бы с ними, с этими аксельбантами, но сам-то он уж больно шумный. Неумный какой-то. Энергия в нем, видишь ли, так и кипит. Так и кипит. Представляешь, что он наделал? Проник в будущее, когда уже люди появились. Как он пробрался туда? — уму непостижимо. Проник туда тайно, украл... Представляешь, какой жулик? Украл у людей топор, пилу, еще что-то и начал вокруг себя деревья рубить. Каков негодяй! А? Ему плевать, что деревья живые, им тоже больно. Треск, грохот, щепки летят... Этому негодяю, видишь ли, яхта нужна. И полюбилась яхта этой дуре Пальмире, полюбилась пуще аксельбантов. Кстати, ясеня она почтительно называет по имени.

— А как его зовут?

— Забыл что-то... А, вспомнил! Старпом!

— Старпом! — Руди вскочил, как ужаленный. — Мистика какая-то! Чертовщина!

— Ты что всполошился?

— Да так, дедушка, — успокоившись и присев, сказал Руди. — Совпадение. Так звали одного моего знакомого.

— Нехороший твой знакомый, — проворчал дед.

— Хуже уж некуда, — усмехнулся Руди. — Давай поговорим о другом, о нашем деле.

— А не попить ли нам чайку?

— Чайку? Ах, да! Твои собратья-деревья даже яхты строят, а уж чайку заварить — для вас пара пустяков.

Дед собрал около старого тополя сучья, сухие листья, потом дал Руди неведомо откуда взявшийся котелок.

— Сбегай за водой, а я костерок разожгу.

Руди подбежал к реке. На воде дробились и колыхались лучи заходящего солнца. Заметно вечерело. Вот уже на небе выступили крупные звезды. Слева Руди увидел склонившуюся над водой ту самую дряхлую вербу и... ее человеческую ипостась — старую-престарую сгорбившуюся старушку. Она вглядывалась в сторону тополиной рощи и ворчала:

— Огонь палит... Тьфу, старый дуралей.
— Шпионит за мной, старая карга, — нахмурился дед, когда Руди, вернувшись, рассказал о старушке. — Шпионит, а потом доносит своему, этому... яхтсмену.

Дед поставил на камни над огнем котелок, насыпал заварку — какие-то зерна и травы. Пока закипала вода, он рассказывал о своей молодости.

— Уже тогда я пристрастился к чаю. Но еще слаще вечерние лучи. Видишь, как они, уходя, играют, скачут по вершинкам тополей — алые, розовые, золотые. А я ловлю их своими губами-листьями, пью. О, какая радость — пить вечерние лучи!

— Да ты отчаянный жизнелюб, — рассмеялся Руди. — Ну, а детство свое помнишь? Самое раннее?

— Смутно очень. Помню, что я рос, корнями ощущал приятную влагу, ветвями — тепло, а листьями видел мир — вот эту реку, поля, солнечный свет и наконец ночные звезды. Я видел Вселенную! И начал размышлять о ней, о тайне всего сущего, своими корнями чувствовал токи, идущие снизу, из прошлого. Вместе с ними приходили как будто новые знания, и я умнел, взрослел. И однажды осознал себя личностью, живущей во времени.

— Странно, что у дерева сформировалась именно человеческая личность, а не какая-либо другая.

— А я до тополиной жизни был человеком.

— То есть как это? Таким же обыкновенным человеком, как я?

— Ну конечно. И не однажды. Правда, все свои далекие людские жизни не помню. А вот последнюю иногда припоминаю. Кажется, я был профессором Сорбонского университета.

— Ну, дед, это уже сказки.

— Вот что, милый юноша. Сейчас приступим к самому для тебя страшному, — хохотнул дед. — Страшному потому, что ты закоренелый материалист. Я ведь тоже материалист, но не такой, как ты. Как бы это сказать...

— Не такой примитивный? — усмехнулся Руди.

— Откровенно говоря, да. Сейчас услышишь вещи до того для тебя оглушительные, что брянешься в обморок или завопишь: «Караул! Мистика!»...

— Ничего, дедушка. Валяй. Я уже ко многому привык.

— А чайку! — спохватился дед и, вскочив на ноги, забегал, засуетился. — Ах я, ротозей! Забыл!

Руди и не заметил, как наступила ночь. Листья тополей серебрились под ливнем лунных лучей, а на стволах плясали розовые отсветы угасающего костра. Дед, все еще поругивая себя, сел и подал Руди кружку, сделанную как будто из древесной коры. Дед понюхал чай, отпил два глотка и сказал: — Чай неважнецкий, но пить можно.

Дед явно скромничал. Чай получился у него отменный — сладкий, пахнущий шалфейными и медовыми ароматами полей. Дед пил и жмурился — не то от удовольствия, не то его просто клонило ко

сну. «Устал он», — подумал Руди и начал поторапливать.

— Итак, ты был раньше профессором. Но не в виде же дерева?

— Конечно. Я и мои друзья-деревья были раньше обыкновенными людьми. Умерли мы кто когда, но давненько. Ой как давненько... Бессмертными духами летали мы по Вселенной. И занесло нас наконец на эту странную планету, и наши бессмертные личности нашли свое вещественное пристанище вот в этих — еще более странных деревьях.

— Бессмертие? — прошептал Руди. — Бред какой-то.

— Бред?! — дед до того обиделся, что Руди испугался, как бы он сейчас не ушел.

— Нет, дедушка, нет! Говори. Я слушаю. Постараюсь понять, найти в твоих словах рациональное зерно.

— Рационалист он, видите ли, материалист, — пробормотал дед и замолк.

— Ты куда это клонишь? К Богу? Дед, а дед!

— Ась? Извини, чуток вздремнул.

— Что же получается? Мы с тобой бессмертны?

— Господи, до чего устал, — позевывая, сказал дед. — Сон сморил меня. Иду спать. Да и тебе пора.

Какой там сон! Все перевернулось в голове вверх тормашками. Дед «ушел», рассеялся в ночной мгле, а Руди побежал к своему дому-кораблю, подошел к темнеющим на холмике могилам родителей и молитвенно сложил руки: помогите! Научите, как думать и что делать? С щемящей грустью вспомнил он папу и маму и будто услышал их голоса. И легче стало на душе, наваждение улетучилось. Врет все дед! Да и был ли он на самом деле? Не пригрезился ли?

— А ты разве не пойдешь сегодня к своему тополи-старикану? — с улыбкой спросила утром сестра.

Руди махнул рукой.

— Нет, хватит с меня... — чуть было не сказал «галлюцинаций», но спохватился и подумал: «А что, если посоветоваться с ней?» — Хочу провериться в твоём кабинете.

— И ты доверяешь моим знаниям?

— Доверяю. Ты была у мамы старательной ученицей.

В медицинском кабинете Руди сел в кресло и поморщился: сейчас вцепятся пиявки! Многочисленные датчики-«пиявки» зашевелились, змеями поползли к запястьям, к груди, к вискам и присосались. На табло заплясали цифры, кривились какие-то цветные линии.

— Все то же самое, — глядя на табло, сказала Катя. — Все внутренние органы в порядке, но вот сердце...

— Опять ты о моем сердце, — недовольно прервал Руди. — Меня интересует голова. Не могут ли возникнуть у меня какие-нибудь галлюцинации?

— Ни в коем случае. Психика уравновешенная, но чувствуется усталость. Такое впечатление, что сегодня ты не выспался.

— Вот это верно, мысли одолевали, — признался Руди.

— Твои мысли тяжело отзываются на сердце.

— Да не причитай ты над моим сердцем, — рассердился Руди и сорвал с тебя датчики. Увидев обижено поникшую Катю, он вскочил, обнял ее и с захлестнувшей душу нежностью зашептал: — Прости, сестренка. Не очень-то я ласков с тобой. Ну прости, родненькая. Одна ты у меня.

— Прощаю, — сквозь слезы улыбнулась Катя. — Но не обижайся, если скажу правду. Чувствует мое сердечко, что не получится у нас с машиной времени. Папа был лучшим в мире электронщиком — и не получилось. Брось ты это. Суждено нам остаться в этом времени, ну и ладно. Проживем, и неплохо проживем еще с полсотни лет.

— Ну, насчет того, чтобы остаться, это ты зря. Я обязан проникнуть в прошлое и все сделать, чтобы вернуть нашу родную планету на прежний и нормальный путь развития. Это мой долг перед мамой и папой. Понимаешь? Святой долг.

— Долг! Долг! Посмотри, на кого ты похож со своим долгом! — Катя вцепилась в рукав брата и подвела его к зеркалу.

— Вижу, — усмехнулся Руди, впервые по-настоящему разглядывая себя в зеркале. — А по-моему, ничего. Статный, как молодой тополь.

— Ты вообще красив. Но посмотри, что сделал твой долг. Седые пряди на висках, упрямая складка на лбу и чуть ли не фанатический блеск в глазах. Ты целеустремлен, как... как...

— Как птица в полете, — с улыбкой подсказал Руди.

— Нет, как дьявол в этом... в походе. Ой, запуталась я.

— Запуталась, сестренка, запуталась! — расхохотался Руди. — Идем завтракать, а потом весь день будем отдыхать. Мы с Мистером Греем пойдем с удочками на озеро, а ты в лес по грибы.

Мистер Грей оказался превосходным рыболовом. С дьявольским чутьем он улавливал момент клева, мигом вскидывал удилице — и на крючке, серебрясь на солнце, неизменно трепыхалась рыба. И обед получился превосходным: ароматная уха, жареные грибы, свежие ягоды. Вечером Мистер Грей мешал брату и сестре слушать музыку, то предлагая сыграть в карты (он стал ловким шулером), то нашептывая Руди на ухо:

— Шеф, а шеф. Машина наша того... ржавеет.

«Ну и пусть ржавеет, — подумал Руди. — Пойду завтра к деду. Послушаю чепуху о бессмертии, а потом дед, может, и научит своему умению ходить в прошлое».

Ранним утром, когда Мистер Грей готовил на костре завтрак, Руди пришел в рощу и сел под древним тополем на его корявые старые корни. Под робкими лучами встающего солнца сверкнули листья на макушках тополей, медленно рассеивался туман. Тишина. Вдруг треснула сухая ветка, из редющей дымки выступил дед и, сладко жмурясь на солнце, проговорил:

— Ах, как хорошо утречком прогуляться. Ах, как приятно.

— Не прогуляться ты вышел, — усмехнулся Руди.

— Смущать мою душу явился, старый Мефистофель.

— Подумаешь, какой Фауст нашелся, — проворчал дед и сел напротив юноши. — Не Фауст ты, а жалкий трус. Бессмертия испугался, а уж на Бога... Бедненький ты мой боженька, да он готов на тебя с кулаками наброситься.

— Не морочь голову, дед. В мире нет ничего, кроме единой материальной субстанции.

— Тьфу ты, пропасть! — рассердился дед. — Вцепился в свою субстанцию и ни с места. Дай ему в качестве субстанции кусок глины, камень, вообще что-нибудь твердое, что можно пощупать. Помнится, кто-то сказал: стукнуться лбом об стену — это еще не значит изучить стену. Вот вы, люди, стукнулись лбом об свою видимую субстанцию, как об стену, и решили, что все изучили, все знаете. А ведь за этой видимой стеной невидимый мир, которому нет конца и края. Посмотри на эту стену-субстанцию, — дед показал на утренние поля, на небесную высь. — Видишь, как, просыпаясь от сна, ликует природа. О чем она грустит в вечерние часы и чему радуется сейчас? Она хотела бы сказать, да не может.

«И в самом деле, не может», — подумал Руди, глядя на синеющие вдали рощи, на голубое небо. Там, в небесной выси, чему-то радуются, звонко заливаются и будто смеются невидимые отсюда жаворонки. Слово воздух и само небо смеются. А еще выше, за невидимыми жаворонками — невидимые звезды. А за ними... Что же за ними? Вечная и бесконечная жизнь? Вдруг у Руди перехватило дыхание, и в голову стукнули знакомые с детства жутковатые и бездонные вопросы: «Кто я? Откуда я? Откуда?»...

Видимо, и с дедом случилось что-то похожее — у него расширились глаза и ошеломленно раскрылся рот. С минуту дед и Руди молча и как-то странно глядели друг на друга.

— Дед, а дед? — испуганно прошептал Руди. — Что это было с нами?

— Не знаю, — тоже шепотом ответил дед. — Странная минутка промелькнула, очень странная. Минутка-вестница?

— Что все это значит? Вот ты, наша мысль, деревья и поля, облака и жаворонки? А там, за ними? — Руди показал на небо. — Что все это? Бесконечный бог? Его сон?

— Вот этого, милый, никто не знает и никогда не узнает. Будем считать, что есть бесконечная в своих возможностях природа.

— А бессмертие? — в душе у Руди загорелась вдруг отчаянная надежда: папа и мама! Неужто живы? По-иному, но живы? — Бессмертие, дед? Есть оно? Веришь?

— Не только верю, но твердо знаю из собственного опыта.

— Ну, хорошо. Предположим, что ты помнишь

свои прошлые жизни. Но почему люди не помнят?

— Это запрет природы. Подумай, что случилось бы, если бы все люди знали о своем бессмертии? Да они все или почти все, избегая жизненных трудностей или просто из любопытства: а что там? — кончали бы жизнь самоубийством в надежде на лучшую долю в будущем. И тогда разумной вещественной жизни не было бы вовсе. Мудрая природа положила предел, дала вам инстинкт самосохранения и незнание о бессмертии душ, оставив лишь догадки.

«Звучит убедительно и логично, — подумал Руди. — Но что это со мной? Неужели я, материалист, поверил в чепуху о бессмертии?» И с грустной усмешкой Руди постучал по стволу дерева. Его, дедова дерева.

— Слышишь гулкий звук? Он говорит об изъеденных червями пустотах.

— Да, вот мой нынешний вещественный образ скоро разрушится. В пространстве я исчезну, но останусь во времени. И через годы мой мыслящий дух неизбежно возникнет вновь в вещественном мире. Где? В каком образе? Не знаю.

— Почему же ты не кончаешь жизнь самоубийством? Хотя бы из любопытства.

— Так и знал, что ты задашь этот нелепый вопрос, — рассмеялся дед. — Во-первых, не смогу. Мои возможности в пространстве ограничены. А во-вторых, и самое главное — не хочу. И никто из деревьев не захочет. Если бы ты знал, до чего удивительна и приятна древесная жизнь! Видишь, как искрятся и щебечут мои листья? Это я пью чаек, невыразимо сладкие утренние лучи.

— Чаек? — усмехнулся Руди. — Этому охотно верю. Ты лакомка и жизнелюб. А насчет бессмертия — чепуха. Смешная и необидительная гипотеза.

— Необидительная? — в голову деду пришла, видимо, какая-то удачная мысль. Он улыбнулся. — Послушай, самые безумные, самые сумасшедшие гипотезы оказывались потом самыми истинными и убедительными. Знаешь об этом из истории наук?

— Знаю.

— Вот ты сейчас столкнулся не с сумасшедшей гипотезой, а с сумасшедшей реальностью — и спасовал. Сбежал в кусты, в свои чахлые псевдоматериалистические заросли. Как же, там привычнее! Там уютнее!

«А ведь дед прав», — подумал Руди, чувствуя, что аргументы, которые, как кирпичи, укладывались в его голове, теперь рушились, рассыпались в прах.

— Ладно, — согласился он. — Ты, дед — реальность, и перед сумасшедшей реальностью я сдаюсь. Но что я могу извлечь из этого?

— Знаю, — рассмеялся дед. — Ты прагматик. Тебя волнует практическая сторона. Ты прав. Заболтались мы с тобой, зафилософствовались. Сначала исправим искажение во времени, поломку в нашей сумасшедшей реальности, а потом пофилософствуем всласть.

— И я смогу... — сердце у Руди отчаянно заколотилось.

— Не волнуйся. Все уладится. Завтра сходим во времени. Для пробы сначала недалеко, всего лишь на несколько миллионов лет в прошлое. А сегодня отдохни перед походом. А я ухожу. Мешают нам.

Дед «ушел», слился с деревом. В тот же миг Руди услышал голос сестры.

— Ну и засиделся ты под своим деревом, замечтался, — рассмеялась она. — Идем завтракать.

Завтракали у пылающего очага. Прежде чем подать кофе, Мистер Грей, таинственно подмигнув, нырнул в корабль и вернулся со свежими персиками, бананами, апельсинами.

— Откуда это? — удивился Руди.

— Ночью я приказал двум «паукам» слетать на Лазурный берег и набрать плодов.

— А что, если сегодня отдохнем на Лазурном берегу, в нашем бунгало? — предложил Руди.

— Что ты! — испугалась Катя, и глаза ее затуманились такой тоской, что Руди стало жаль сестру. — Там сейчас пусто, и все будет напоминать о маме и папе, которых уже нет.

— А здесь?

— А здесь... Здесь, — всхлинула Катя и показала на могилы. — Здесь они рядом.

— Сестричка, родная. Перестань. Мы же договорились, что несмотря ни на что будем счастливы.

Весь день брат и сестра «под руководством» потешного Мистера Грея провели на Лазурном берегу и были счастливы. Вернулись поздно вечером с запасом свежих плодов.

Ранним утром, когда еще курился предрассветный туман, Руди с нетерпением прохаживался около старого тополя.

— Дед, а дед. Где ты? — Руди постучал по стволу.

— Разбудил все-таки, зануда Фауст, — недовольно проворчал дед, выходя из тумана.

— Извини, дедушка. Хочется поскорее...

— Знаю, знаю. Так и рвешься в дальнее странствие. Посидим сначала, помолчим. Слышишь? Пташки уже поют, солнышко встает. А воздух-то! Воздух! Свежий, росистый. До чего вкусный воздух.

— Понежиться захотелось, — улыбнулся Руди.

— Ну и сластена ты, дедушка. Хорошо, уютно устроился на планете Окаянной. И живешь какой-то двойной жизнью. То человеком, то деревом.

— Завидуешь? Ничего, скоро и ты, человек, поживешь деревом.

— То есть?

— А вот превращу тебя сейчас в чурбан, — хохотнул дед. — Испугался? Слушай меня и не падай в обморок.

Руди услышал до того непривычное, что стал полагаться не столько на разум, сколько на свою фантазию. А ею природа его не обделила. Он закрыл глаза, слушая деда, и на «экране» своего воображения увидел такую картину. Вот сидят они сейчас на корнях, биополе старого мудрого дерева обволакивает их, каким-то непостижимым путем превращает их тела в безгласные, бездыханные чурбаны. Биение сердец, токи крови, все жизненные процес-

сы замрут, и лишь электромагнитные импульсы — суть и ядро их переживаний и мыслей — будут жить в прежнем ритме. Но уйдут они из бездыханной телесной оболочки — и получат новое тело, пригодное для жизни во времени и невидимое, как бы не существующее в настоящем моменте. Но с первым шагом в прошлое оно обретает материальность, становится зримым и осязаемым. И вот Руди вместе с дедом шагает по тысячелетиям каким-то двойником, а его подлинное тело...

— Оно же умрет! — вздрогнув, воскликнул Руди. — Тело нынешнего, здешнего момента умрет без биения сердца, без дыхания. Моим психическим импульсам некуда будет вернуться. Как личность я здесь исчезну.

— Все-таки испугался, — усмехнулся дед. — Хорошо, что в обморок не упал. Успеют твои импульсы вернуться, и личность твоя сохранится. Твое тело останется бесчувственной, безжизненной деревяшкой лишь на миллисекунду, даже меньше. Но за этот миг ты проживешь в прошлых веках дни, месяцы, даже годы. Там ты будешь властелином времени, а здесь ты только хозяин пространства. Но зато какой хозяин! — с завистью вздохнул дед. — Сейчас пойдешь завтракать, а я останусь на месте. Но я тоже буду завтракать! — весело воскликнул дед и вскочил на ноги. — Да-да! Я буду кушать сладкие соки земли и пить золотые солнечные лучи. От счастья мои листья заиграют, затрепещут и засеребрятся, играя с лучами, купаясь в росе...

— Да ты поэт, дедуля, — улыбнулся Руди.

— Но раб пространства, — снова пожаловался дед. — Можешь придти ко мне с топором и срубить, а я не сдвинусь с места, не смогу убежать.

— Что ты! Как мог подумать о топоре! — в ужасе воскликнул Руди и, вскочив на ноги, ласково погладил деда по плечу, а потом по мохнатому, шершавому стволу. — Дедушка, милый. Что с тобой?

— Ну-ну, я пошутил, — засмеялся дед. — Не обидишь ты меня. И моих друзей не обижай, когда будешь в прошлом. Боятся топора, боятся они и этого жулика с аксельбантами. Они так и зовут его: Старпом-с-Топором. Завтра пойдем к друзьям, а к нему ни-ни.

На прощание дед помахал рукой и, затуманившись, слился со своим древесным естеством. Руди пришел к костру, где его ждали Катя и Мистер Грей. За завтраком он решил и рассказал о своих беседах с мыслящим деревом, о его человеческом образе.

— Враки! — замахал руками Мистер Грей. — Выдумщик ты, Руди. Сочинитель.

— Нет, не враки, — заступилась Катя. — Я даже видела его однажды. В утреннем тумане рядом с Руди под тополем кто-то сидел. Бородатый такой. Это он?

— Он, сестренка. Очень милый и мудрый дед.

— Дед! Ха! Ха! Ха! — дико захохотал Мистер Грей и убежал в лабораторию.

— Как бы не свихнулся, — встревожился Руди. — Эх ты, — рассмеялась Катя. — Ты так погрузился в свои мысли, что ничего не замечаешь. Мистер Грей просто делает вид, что страшно рассердился, чтобы развлечь нас и позабавить. Потешный он, добрый.

Весь день, однако, Мистер Грей дулся на Катю и Руди, на их вопросы о здоровье отмахивался и презрительно бурчал:

— Сочинители. Мистики. Всыпать бы вам.

Вечером брат и сестра задобрили Мистера Грея, пригласив его сыграть в карты. Очень любил он азартные игры. С неуловимой ловкостью передергивая карты, он неизменно выигрывал.

— Дети вы еще, — вздыхал Мистер Грей. — Сочиняете сказки и верите им. Был бы жив шеф, ох и высыпал бы вам.

— Да, папа не одобрил бы, — сказал Руди.

Ранним предрассветным утром, когда Мистер Грей разжигал костер, Катя попросила:

— Разреши, Руди, проводить тебя до тополиной рощи. Ну хоть немного.

— Только до мостика, а дальше ни шагу.

— Идете к своему сказочному деду? Ну-ну, — иронически хмыкнул Мистер Грей и пригрозил: — Опоздаете к завтраку, сам все съем. Ничего не оставлю.

Светало. Из мглы выступали верхушки деревьев, кусты. Радостно было на душе у Руди и немножко тревожно. У мостика Руди и Катя остановились.

— Дальше ни-ни. Увидит тебя дед и уйдет. Назад! — строго приказал Руди и пошел к роще.

— Эх ты, — обиделась Катя. — Опять ничего не замечаешь. Никто не увидит меня. Обернись и посмотри.

Руди обернулся и замер: где же Катя? Вместо нее какая-то еле видимая сказочная фея утренних лугов и туманов. Светловолосая, в белом платье с пышными кружевами на плечах и подоле, Катя словно клубилась вместе с туманами, таяла в их волнах и снова чуть заметно выступала.

— Какая ты чудесная сегодня, — улыбнулся Руди. «Кавалера бы ей. Бедные мы с ней, одинокие», — с острой жалостью подумал Руди, но встряхнулся, снова улыбнулся и сказал: — Так уж и быть. Постой на мостике минуты две и назад.

В редящей дымке показались наконец тополя. Листья на их макушках под лучами встающего солнца переливались золотом, серебром и чернью. На прежнем месте сидел дед и сладко позевывал.

— Трусишь? Хе! Хе! Хе! — посмеивался он.

— Волнуюсь, дедушка.

— Не бойся. Сначала сходим к моему внуку. Удивлен? Растет в недалеком прошлом тридцатилетний тополек, такой преозорной мальчишка.

— Тридцатилетний? Ничего себе мальчишка.

— Масштабы жизни у нас разные. Забыл? Люди живут десятки лет, а деревья сотни. Садись рядышком и возьмемся за руки. Так и потопаем. В биополе старого дерева уже ткуются нити, образуются но-

вые наши тела для жизни во времени. Не чуешь?

У Руди невольно и сладко смежились веки. Он будто заснул и проснулся каким-то другим — легким, почти невесомым и незримым. Все так же держась за руки, дед и Руди встали и пошли в темную глубь веков. Что ни шаг — то день или неделя. Солнце огненной кометой мелькало с востока на запад, потом потонуло во мгле. Теперь их шаги — уже десятки и сотни лет. Непроницаемая тьма, тихо. И вдруг багровая вспышка, прокатился гул.

— Что это? — испугался Руди.

— Не понял разве? — ворчливый голос деда слышался словно издалека или сквозь вату. — Это же мелькнула атомная война. Эх, люди, люди. Позор! Уйдем от них подальше, к милым и тихим обезьянкам. Шире шаг!

Шаги их теперь — тысячи и миллионы лет. Минут через пять дед предложил:

— Выйдем в пространство. Погреемся на солнышке, переодхнем.

Они сбавили шаг. Солнце замелькало, рассеивая мглу. Дед и Руди остановились. Остановилось и солнце, осветив довольно безрадостную картину: низкорослые чахлые березки, камыши, кочки. Под ногами хлопала грязная жижа.

— Тьфу ты, пропасть! — выругался дед. — В болото угодил. Идем дальше.

Руди и дед шагнули во тьму времен. Минуты через две снова рискнули выйти в пространство. На этот раз удачно. Они очутились на светлой поляне и присели на сухой пригорок, спугнув гревшегося на солнце бурундучка. Шелестели травы, порхали бабочки, в цветах копошились пчелы. Все вроде бы знакомо с детства. Но лес, глухо рокотавший шагах в десяти, совсем другой. Деревья высоченные; затейливо кривившиеся могучие ветви несли такую массу листьев, что в них, казалось, можно укрыться от любого дождя.

— Дед, мы же в кайнозойской эре.

— Угадал, — рассмеялся дед. — Знаешь по картинкам и учебникам. Я часто захоживаю сюда. Смотри. Узнаешь чудище?

Руди узнал мегатерия, величайшего из ленивцев. Угольно черный зверь по массе превосходил слона и был чудовищно неповоротлив. Мегатерий сидел на опушке и ломал деревья, желая добраться до верхних и, видимо, самых вкусных ветвей. Еле-еле дотянулся и, сидя в задумчивой позе, начал прожевывать охапки листьев. Потом лениво перетащил свое тело в глубь леса.

— А хорошо здесь, — сладко жмурился дед. — Люди появятся через миллионы лет, и сейчас так уютно и тихо. Идиллия!

Но дедову «идиллию» самым наглым образом нарушили те самые «милые обезьянки», которых минуту назад он сам же расхваливал. И откуда только их черти принесли? Появились они на опушке внезапно, вынырнув из густой листвы, как из темной пещеры. Обезьяны скакали с ветки на ветку, срывали какие-то плоды величиной с яблоко и, чмокая

(234) от удовольствия, жевали. И вдруг, увидев внизу на поляне деда и Руди, завизжали, начали корчить отвратительные гримасы и швырять в непонятных двуногих плоды и ветки. Недожеванный слюнявый плод угодил в дедову щеку.

— Ах вы, негодные твари! Да я вам! — дед, схватив ветку, вскочил и погрозил обезьянам. Те ускакали. Дед вытер рукавом щеку, сел на пригорок и начал ругаться. — Вот из этих вертлявых и визгливых дряней получатся потом крикливые и драчливые люди и начнут швырять друг в друга атомные бомбы. Эх, люди, люди. Стыд-то какой! Позор!

— Не ворчи, — хохотал Руди. — Сам ты был таким же когда-то. Идем. Дорогу к своему внуку, надеюсь, знаешь?

— Как свои пять пальцев.

Тропу через темные джунгли времен дед, видимо, давно протоптал и знал отлично. Он уверенно вел Руди по тысячелетиям, и минут через десять они вышли из тьмы веков в пространство. И Руди сразу понял: они в нужном месте и в нужном времени. Они стояли на высоком холме, рядом резво шелестел листвою молодой гладкоствольный тополь. «Это он», — догадался Руди. Внизу под жарким полуденным солнцем светилась цветами поляна, а вдали синели рощи и сверкало озеро. Руди и дед сели на траву, звон листвы над ними становился все громче и сменился мальчишеским смехом. «Дедов внук», — усмеялся Руди. И точно: из-за их спин выскочил парнишка лет двенадцати и, хохоча, начал плясать.

— Дедушка в гости пришел! Дедушка! А это кто? Твой друг?

Парнишка присел и начал с любопытством разглядывать Руди. Поразили его, видимо, шаровары и модная куртка. Сам парнишка одет еще более простеки, чем дед: короткие, чуть ниже колен, штаны, рубашка, на ногах сплетенные из лыка башмаки.

— Ты Руди! — воскликнул мальчик. — Дедушка рассказывал о тебе. Правильно? Ты Руди?

— Руди. А тебя как звать?

— Тополь.

— Ну что это за имя? И не тополь еще, а тополек. Толик — маленький тополик. Хочешь, буду звать тебя Толиком?

— Толя. Анатолий. Хорошее имя, — одобрил дед.

— А тебе не скучно одному на холме? — спросил Руди мальчика. — Рядом ни одного деревца, не с кем поговорить, пошептаться листвою.

— Зато безопасно. Ни один зверь не вскарабкается, не сдерет с меня кору, не покормится листьями. Одни только птицы садятся на меня и поют, поют. Еще бурундучок навещает.

Полосатый бурундук, точно звали его, вскочил на холм, с любопытством повертел мордочкой и скрылся в траве. А далеко внизу тяжело протоптали мастодонты, подошли к деревьям и, обдирая кору, треща сучьями, начали жевать листья.

— Да, ты хорошо устроился, — улыбнувшись, согласился Руди. — Как это ты сумел?

Парнишка, такой же словоохотливый, как и его дедушка, поведал интересную историю. Выдумал он ее вместе с дедом или в самом деле все так и произошло, Руди не знал, но рассказ ему понравился. По словам мальчика, лет тридцать тому назад сюда упали из будущего дедовы пушинки-семена. Ветер разнес их по горам и долинам. Тысячи и тысячи из них погибли. Но одна пушинка, упавшая на одинокий каменистый холм, зацепилась за комок плодородной почвы и пустила корни.

— Вот с тех пор все расту и расту, — закончил мальчик.

— Какой же ты внук? Ты сын старого тополя. И кругом у тебя ни братишки, ни сестренки? И ни одного другого мыслящего деревца? Скучно же.

— Мне еще повезло, — сказал Толик и вдруг поморщился. — Ну, не так уж и повезло. Вон там, на берегу озера, растет молодая вербочка, злющая и вредная девчонка.

— Так это же внучка... Вернее, дочь старой вербы! — догадался Руди. — Она жила на берегу реки рядом с дедушкой. Умерла она недавно. Слышал? Переломилась пополам и упала в воду.

— Так ей и надо, старой карге. Но девчонка ее живет. Тоже ведьма порядочная.

— А ты сходи к ней вместе с Руди, — предложил дед. — Все-таки у нее горе. А я устал. Подожду вас, погреюсь на солнышке. Сходи, не упрямясь.

— Ладно уж, — поморщился Толик. — Идем, Руди. Парнишка соскочил, буквально слетел с холма с легкостью тополиной пушинки. Руди же спускался по каменистой круче осторожно, цепляясь за выступы.

— Тяжел ты, дядя Руди, — смеялся Толик. — Носорог!

— Не привык я к вашим местам, — улыбаясь, оправдывался Руди. — А где же озеро?

— Пойдем прямо к нему через этот лесок.

«Ничего себе лесок», — подумал Руди, войдя во тьму и влажную духоту прибрежной рощи, в настоящие джунгли миоцена с одуряющими запахами крупных цветов, с лианами, свисающими с мохнатых сучьев каких-то незнакомых громадных деревьев. Со всех сторон из мглы тучами налетела мошкара.

— Куда ты меня завел? — хмурился Руди, сдирая с лица паутину и отмахиваясь от мошкары.

— Мне здесь тоже не нравится, но зато ближе к берегу.

На берегу Руди вздохнул с облегчением: солнечно и сухо. Прямо перед ним плакучие ивы свесили косы над водой. Чуть дальше, среди кустарника, шелестела листвою одинокая молодая верба.

— Это она, — пояснил мальчишка. Он подошел к вербе, постучал по стволу и крикнул: — Эй ты, ведьма! Выходи!

— Ну чего тебе, вредина, — недовольно проговорила девочка, вышедшая из ивняка. На ней зеленое платье и черная лента, вплетенная в светлые волосы. Увидев Руди, она испугалась: — Ой, дяденька! Но это не старпом.

— Конечно, не твой Старпом-с-Топором, — рассмеялся Толик. — Это не твой друг, а мой. А твой Старпом уже не будет дружить с твоей матерью. Не с кем.

Вспомнив об умершей старой вербе, Толя с сочувствием посмотрел на девочку.

— Старая была твоя мать, очень старая, — сказал он. — Умерла она вчера. Знаешь?

— Знаю, — всхлинула девочка. Она села, прислонившись к собственному стволу, и зарыдала. — Осталась я совсем одна. Никто не любит меня.

Добрый все-таки мальчик Толя, весь в своего деда. Он присел рядом с девочкой и уговаривал:

— Не плачь. Не совсем же ты одна. Есть мой отец. Любит он тебя. Дедушка! Так зовет его наш гость, вот этот дяденька. Мне он тоже придумал имя. И знаешь, какое? Толик-тополик. Толя.

— Толик-тополик, — сквозь слезы улыбнулась девочка. — Как красиво! Толя. Толик.

— И тебе придумаем имя. А что, если назовем ее Вербочкой? — Мальчик посмотрел на Руди.

— Вербочка? Длинновато. Верба... Вер... Вера!

— Вера! — воскликнул Толя. — Вербочка-Верочка. Да улыбнись ты, Вера. Хочешь, я с тобой не буду больше ругаться?

— Правда? — обрадовалась Вера.

— Правда. Но с твоим другом не помирюсь.

— Зря. Он хороший дяденька.

— Вы имеете в виду ясень? — спросил Руди. — Где же он растет?

— А вот здесь, — девочка показала на высившийся неподалеку крутой берег с бухточкой-заливом.

— Здесь же пусто.

— Здесь и не здесь, — рассмеялась девочка, забыв о своем горе. — Он в другом времени. Недавно я была у него в гостях. Отсюда близко, всего несколько тысяч лет назад. Озеро наше там такое же, но на берегах по-другому.

— Деревья там другие, вот и все, — сказал Толя.

— Не был там и не говори, — заспорила девочка. — Там все лучше. Сухо, светло, кругом цветы. Растет он высоким стройным ясенем. И сам он дяденька красивый.

— Ерунда, — махнул рукой Толик. — Одевается он красиво, вот и все.

— Нет, не все. Не видел и не спорь. Мундир на нем морской. На руках нарисованы парусные корабли, на плечах золотые погоны и на груди сверкают эти... Как их... Аксельбанты!

— Аксельбанты! Ха! Ха! Ха! — расхохотался Толя. — Все уши прожужжала про аксельбанты. А знаешь, дядя Руди, почему старая верба, ее мать, дружила с ним? Аксельбанты понравились старой ведьме... Ой, прости, Вера! Я нечаянно, — Толя сел рядом с обиженной девочкой, гладил ее по плечу и приговаривал: — Не буду больше ругаться. Ну прости, Вера. Верочка-вербочка. Прости.

— Завидуешь ты ему, — хмуро сказала Вера.

— Завидую, — согласился Толик. — Еще бы. Я вот почти ничего не помню, каким я был раньше.

Обыкновенным человеком или деревом? А он хорошо помнит, что был человеком и жил в пространстве.

— А как интересно в пространстве! — с восхищением подхватила Вера. — Он плавал по всем морям, по обычным и даже там, — девочка показала на небо, — среди звезд.

— Ну, это он врет. Звездных морей не бывает.

— Бывают, — горячо заступилась Вера. — Плавал он под звездными... Нет, под какими-то световыми парусами, старшим помощником капитана. Оттого зовут его — Старпом.

«Вот оно что, — подумал Руди. — Совпадение имен объясняется очень просто. А я-то, дурень, переживал».

— Старпом мне рассказывал о всех морях, о мятежах и этих... пиратах. Ух, как интересно! — воскликнула Вера.

— Пиратом и разбойником он мог быть. Он дяденька такой. Старпом-с-топором! А звездные моря... Ты, дядя Руди, веришь в них?

— Нет, о таких не слыхивал, — усмехнулся Руди. — Сочиняет ваш Старпом-с-Топором. Выдумывает.

— Выдумывает? Может быть... — нерешительно сказала девочка. — Вспомнила! Он и о тебе, дядя Руди, рассказывал. Откуда он знает о тебе? Он же гостил у моей мамы, в вашем времени. Как будто видел тебя и рассказывал, что ты, дядя Руди, сейчас просто человек и ничего не помнишь о своей прошлой жизни. Он говорил, что ты когда-то давно плавал вместе с ним по звездным морям штурманом. Но ты вовсе не штурман и не человек, а этот... Как его?.. Сатана!

— Сатана! — расхохотался Руди. — Ну и яшень вам попался. Отчаянный врун и сочинитель. До бреда досочинялся.

Руди хотелось еще побеседовать с ребятами, отдохнуть с ними душой, но солнце клонилось к закату, протянулись длинные тени и стало прохладней. Толик и Вера заспорили, какие лучи вкуснее — утренние или вечерние.

— Мне нравятся самые ранние лучи, с утренней росой, — сказала Вера.

— А мне вечерние. Они прохладные, розовые и вкусные-превкусные, — мальчик прищелкнул губами. Видимо, такой же лакомка, как и дед. — А тебе, дядя Руди, какие? — спросил Толик и рассмеялся. — Забыл! Ты же просто человек и ничего не понимаешь в лучах и соках, в дождях и росах.

— Кое-что понимаю, но не так, как вы. А сейчас, ребятки, пора прощаться. Пейте свой вечерний солнечный чай, а меня ждут там, — Руди ткнул пальцем вверх, словно в будущее миллионлетия. Потом подошел к девочке и погладил ее по голове. — Не расстраивайся, Вера. У тебя есть теперь друзья — дедушка, Толик, да и я буду навещать. Не возражаешь?

— Приходи. Ты хороший дяденька, но... — Вера смутилась. — Но старпом все-таки лучше.

— Ну и смешная ты, Вера, — расхохотался мальчик. — Соврать не сумела. К тебе я приду завтра у-

ром. До свидания, Верочка-Вербочка. Не скучай.

На холм Руди и мальчик поднялись, когда солнце, коснувшись горизонта, догорало распухшим косматым шаром. Листья молодого стройного тополя сверкали багрянцем и позолотой. Но кругом — ничего.

— Дед, а дед! — испугался Руди. — Где ты? Не шути.

— Ушел дедушка, — рассмеялся мальчик. — Ждет тебя дома. Мы с ним так договорились. Еще раньше.

— А как же я?

— Сам научись. Возвращаться легче. Шагай себе и шагай. Увидишь в темноте вспышку, ну, эту... страшную войну, сделаешь еще шага четыре и не заметишь, как будешь дома. Дедушка все рассчитал. Иди, иди. Не бойся. До свидания.

Мальчик незаметно исчез, ушел в свою истинную телесную сущность. «Сейчас он наверняка наслаждается, пьет свой вечерний чай», — с усмешкой подумал Руди и попробовал мысленно взлезть в его древесную шкуру-кору. Он присел, закрыл глаза и увидел себя молодым тополем. И будто почувствовал, как клетки его тела, каждый его древесный нерв наливаются радостью и счастьем. Он шелестит листьями и ловит ими, пьет золотые лучи заходящего солнца и ощущает нерасторжимое родство с природой — с вечерними сумерками, с каждой травинкой, с засыпающими горами и долинами.

«Пожалуй, дед прав: приятно быть деревом, — подумал Руди. — Но пора домой». Он встал и решил: шагнул в будущее. Сначала мысленно, а потом и по-настоящему ступил на тропинку времени. Она крепко отпечаталась в его памяти. Дед знал, что так и будет. Руди довольно уверенно чувствовал себя во мгле, в проносившихся мимо веках и вдруг вздрогнул: тьма озарилась, прокатился протяжный гул — атомная война, своего рода века, ориентир. Еще несколько шагов, и Руди ощутил, как его «временное» тело перешло в тело «пространственное», в подлинно земное. Он с закрытыми глазами сидит на каких-то корнях, слышит лепет листьев. Руди открыл глаза и... дед! Перед ним в дымных утренних лучах сидит улыбающийся дед.

— Сон! — Руди вскочил на ноги. — Околдовал ты меня, старый волшебник. Я видел удивительный сон.

— Тьфу ты, пропасть! — рассердился дед. — Экие непонятливые люди. Чуть что непривычное, и сразу же — сон! Мистика! Караул!

— Прости, дедушка. Не так просто привыкнуть. Неужто я вот на этих корнях просидел лишь миг, а там, — Руди ткнул пальцем вниз, — там я прожил целый день? Я ведь могу проверить.

— Проверь, дружок. Проверь. А завтра зайди.

Руди побежал к своему дому-кораблю. На пути на мостике, в прежних утренних туманах увидел Катю.

— Ты почему вернулся? — удивилась сестра. — Побыл у деда всего лишь минуту.

— Какая там минута! Да я прожил целый день!
— воскликнул Руди и вкратце рассказал о путешествии в глубь миллионолетий, о Толике-тополике, о Верочке-вербочке.

— Прямо сказка, — прошептала Катя. — Завидую тебе, Руди.

— Но ты веришь, что так и было в действительности?

— Верю, Руди. Потом расскажешь подробнее. Пусть и Мистер Грей послушает.

— Ни в коем случае! Он в обморок упадет. Идем, ждет он нас.

Брат и сестра подошли к костру. Завтрак еще не сварился, но Мистер Грей уже расставлял на столе тарелки и стаканы.

— Что-то раненько вы вернулись, — удивленно хмыкнул Мистер Грей и съехидничал: — Поругались со своим выдуманном дедом? Ха! Ха! Ха! Поругались!

— Поругались, Мистер Грей. Завтра пойдем мириться.

Утро следующего дня выдалось хмурое, от мелко сеющего дождика Руди прятался под густой листовой старика-тополя и звал деда. Тот пришел лишь через полчаса и тоже хмурый, как это непогожее утро. Сапоги его заляпаны грязью и болотной тиной, к мокрым штанинам прилипли водоросли и желтые листики ряски.

— Ну чего тебе? — недовольно проворчал дед. — Видишь, вляпался я. В разведку ходил. Живет дуря Оляха на болоте, но зато на полпути к мезозою.

— Ты уверен, что все произошло в мезозое?

— Почти уверен. Вот передохну часик дома и пойду еще дальше. Разведу дорогу покороче. А ты иди, не мешай.

Руди извинился и ушел. К полудню погода разгулялась, разошлись тучи, и в жарком синем небе вовсю заливался жаворонок. После обеда Руди перешел мостик, ступил на другой берег. Под ногами в просохших травах кружились пчелы, звенели кузнечики. Руди нетерпеливо прохаживался, не смея, однако, подойти к тополиной роще. Но когда клонившееся к закату солнце позолотило листья, он не выдержал, вошел в рощу, погладил мохнатый ствол старого тополя и прошептал:

— Дедушка, где же ты?

Руди присел на корень и стал ждать. Минут через десять перед ним возник дед — улыбающийся, весело потирающий руки. Сапоги чистые, на штанах ни малейших признаков болотной тины и водорослей.

— Уж не побывал ли ты у Толика?

— Угадал, шельма, — рассмеялся дед. — Погостил я на обратном пути у сынка. Там и почистился. Старая Оляха хоть и глупа, но добра и заботлива. Помогла мне выбраться из болота и перейти еще дальше вниз во времени к своему давнему знакомому, к кудрявому, нарядно одетому Дубу. Вот уж дуб так дуб. Болван страшный. Зачем, спрашивает,

236
шляешься по векам? Дома не сидится? Переправь меня вниз отказался. Но я уломаю его.

Но шли дни, а дела у деда с Дубом не ладилась.

— Не буду, говорит, шататься по векам, — хмурился дед. — Мне, дескать, и здесь хорошо. Пью корнями вкусные соки, ловлю листьями солнечные лучи. Живу, говорит, ощущениями, растительной жизнью. Тыфу, животное! Скотина! Сам красный, язык заплетается. Ушел он, а я стал исследовать почву. И что ты думаешь? Рядом лужа с застоявшейся водой, с прелыми листьями и прочей дрянью. Дуб нащупал корнями под лужей хмельные соки и посаывает. Он пьяница, негодяй! Забуддыга!

Приближалась осень, и настроение у деда все больше портилось: у Дуба запой! И Руди временами охватывало отчаяние. К этим неудачам прибавилась еще одна беда — Катя заболела. Однажды она закашлялась, и на носовом платке, который она поднесла ко рту, Руди увидел кровь.

— Туберкулез! — испугался Руди.

— Он у меня давно, еще с концлагерного детства. Но ты не переживай, — ободряла Катя. — Осенью мне станет лучше.

Сухой солнечной осенью ей действительно стало лучше. Но желтели листья, не за горами зима, и Руди торопил деда.

— А нельзя ли обойтись без этого дурака Дуба?

— Никак нельзя. Но вот что я узнал. Недалеко от Дуба живет Секвойя, старая-престарая. Ей за тысячу лет. Еле ковыляет с палочкой около своего дряхлого ствола. Но лет сто назад она была крепче и не раз уходила в далекое прошлое. И знаешь куда? В мезозой, в эру динозавров. Там она подружилась с молодой магнолией, девочкой красоты просто неопишуемой. Однажды ночью они видели что-то непонятное и страшное, наступившее во время или чуть позже вспышки сверхновой звезды...

— Сверхновой! Ты же не раз показывал нам на экране именно вспышки сверхновых. Ты что-то знал?

— Лишь догадывался, что именно с такими историческими моментами связано для вас что-то важное. И я намекал: корень зла там, в моменты взрыва. Ищите! Думайте! Но толком я ничего не знал. Среди нас, живущих во времени, ходили смутные слухи, чуть ли не сказки, что в далеком прошлом со вспышкой сверхновой связано что-то жуткое. Представь такую картину: невиданной силы ураган, вместе с ним в мезозое появляются призраки-люди. Не удивляйся, именно люди, но как бы несуществующие. Их двое, днем они не видны, но слышны их голоса. Ночью же они чуть заметно светятся и мерцают. И вдруг взрыв сверхновой, она пылала ярче Солнца несколько дней и ночей. Звезда угасла, исчезли и призраки-люди. Они растворились, будто ушли в яйца динозавров и выросли... Нет, не могу поверить. Люди выросли динозаврами! Хоть и старая Секвойя, но не похоже, что она выжила из ума. Нет, ясность мысли у ее необычайная. И в то же время... Можешь представить разумных динозавров?

Эти огромные ящеры, по ее словам, рычали друг на друга и переругивались на человеческом языке. Откуда знает старуха этот язык, одному Богу известно. Но старуха мудрая, прожила тысячу лет и многое повидала, о многом думала. Поверим ей в этом. Но дальше на планете пошла такая чертовщина, что старуха растерялась. Говорит, что разобраться может не дерево, а только человек.

— И ты рассказал ей обо мне?

— Рассказал. Глазенки у нее так и засветились. «Познакомь меня с ним. Познакомь!» Вместе, дескать, и разберемся. Подозревает, что вместе со сверхновой высадился какой-то нехороший десант, скверно повлиявший на судьбу планеты.

— Отец! — воскликнул Руди. — Вспомнил! Отец говорил, что вместе с излучением сверхновой звезды на планету обрушилось космическое зло. Какой ты был умница, папа. А я-то, дурень, думал, что это суеверие.

— И я чувствовал, что со сверхновой связано что-то очень дурное.

— Теперь задача упрощается! — с воодушевлением подхватил Руди. — Теперь нас интересует только одна сверхновая. В мезозое! Когда ты меня отправишь к динозаврам?

— Не торопись к ним, — усмехнулся дед. — Я разведу более короткую и сухую тропинку к старухе Секвойе. Не тонуть же тебе в болоте, в котором уютно устроилась Ольга. А без нее, похоже, не обойтись. Как быть? Подумать надо.

Но вот золотой метелью отшумела осень, оголились леса, а дед все бродил по дорогам прошлого. Однажды, когда уже запорхали первые снежинки и на старом тополе зябко дрожали последние листочки, дед пришел в валенках, в меховой шубе, с синевшим от холода носом.

— Тепло там у них. Вечное лето, — поживаясь, сказал дед. — А я вот замерзаю здесь. Уходить мне пора в зимнюю спячку. Грустно? Но что поделаешь, потерпи уж, дружок.

Пришлось покориться. Наступила зима. Но как только стаял снег, Руди зачастил на берега реки и в тополиную рощу. На лугах проклюнулась свежая, изумрудно зеленая травка. Ивы, словно дымом, окутались первой листвой, зацвели на них пахучие сережки. В роще появилась на тополях нежная и клейкая зелень. Но старый тополь все чернел голыми сучьями.

«Уж не умер ли дед», — со страхом подумал Руди.

Наконец и у старика набухли почки, и через несколько дней, догнав своих братьев, он уже вовсю шумел листвой, переливаясь на солнце серебром.

«Родной ты мой», — обрадовался Руди, увидев однажды утром деда сидящим на просохших корнях.

— Погреться вышел, — сказал дед, улыбаясь встающему солнцу.

— Да ты помолодел, дедушка. Посвежел.

— Но-но! Не льсти, — ухмыльнулся дед. — Знаю тебя. Все торопишь меня, торопыга. Вот окрепну я,

наберусь силенок, и тогда возьмемся за дело.

Но дело пришлось надолго отложить. Весной у Кати резко обострилась болезнь. Однажды у нее горлом пошла кровь. «Скоротечная чахотка», — помертвев от страха, подумал Руди и побежал к деду.

— Так уж сразу и скоротечная, — хмуро возразил дед запаниковавшему Руди. — Вот найду нужную травку, молоденькие цветы, сделаем отвар, и сестренке твоей станет лучше.

Дедовы настойки на какое-то время помогли. Кровотечение остановилось, но Катя все еще покашливала.

— К черту все дела! — стараясь ободрить сестру, да и себя тоже, воскликнул Руди. — Отправляемся в наше бунгало. Фруктов еще нет, но есть синий океан и целительные синие ветры.

На Лазурном берегу все цело и благоухало. Катя с книгой в руках с утра усаживалась в кресло-качалку и посмеивалась над заботливым, потешно хлопотливым Мистером Греем.

— Благородная леди, — извивался в любезностях Мистер Грей. — Чего изволите? Неужто апельсинчиков?

На авиетке он умчался на юг и вскоре выложил перед креслом на желтый песок такие же желтые лимоны, оранжевые апельсины, румяные персики и пару огромных кокосовых орехов. Катя утолила жажду кокосовым соком и воскликнула:

— Руди, мы пропали бы без Мистера Грея! Наградить его, что ли?

— Прекрасная мысль, ваше сиятельство, — Руди учтиво поклонился. — Мы присвоим ему звание Маршала.

Руди слетал к кораблю и достал из его музея старинный орден — огромную, сверкающую драгоценными камнями звезду. Вечером, когда над горизонтом океана оранжевой люстрой повис великолепный закат, на пляже гремели марши. Под старинный гимн Руди прикрепил орден на груди ликовавшего Мистера Грея.

Так с шутками и детскими забавами пролетели весенние дни. Руди радовался, видя, как на пополневших и загоревших щеках сестры растаял нездоровый румянец. Но душным летом с океана потянулись влажные туманы, и Кате опять стало хуже. Пришлось вернуться. Но ни привычный умеренный климат, ни заботы брата, ни мудрые советы деда не могли остановить прогрессирующую болезнь. Ранней осенью Катя умерла. В отчаянии Руди метался от деда к свежей могилке и обратно.

— Один я остался, дедушка. Совсем один.

— Неправда! А я? А Толик с Верой? Вот тебе братишка и сестренка. Не сходить ли к ним?

Путешествие в прошлое несколько отвлекло Руди от тяжелых мыслей. Тем более, что Толик и Вера опять повздорили, и ему пришлось мирить их.

Шагали туда дед и Руди привычным маршрутом и без промежуточных остановок, без «мильх» обезьянок. Миновали мглу миллионелетий, вышли в пространство

и очутились на холме. Дул порывистый ветер, молодой тополь сердито гремел листвою, и выскочил откуда-то не менее разгневанный мальчишка.

— Верка дура! — кричал Толик и в своей забавной детской ярости потрясал кулаками. — Я ее поколочу! Вот увидите! Она достала где-то сигареты и дымит вовсю.

— Сигареты? — удивился Руди. — Сходим к Вере. Я поговорю с ней.

— Вы идите, а я посижу, погреюсь на солнышке, — сказал дед. — Стар я стал шататься по холмам и чащобам.

Прибрежная чащоба и в этот раз встретила путников сумеречной духотой, липкой паутиной и тучами мошкеры. Продравшись сквозь заросли, они вышли на приветливый сухой берег озера. Рядом с молодой вербочкой сидела девочка и, зажмурив глаза, с удовольствием пускала изо рта клубы сиреневого дыма. Увидев гостей, она вздрогнула и сунула сигарету в траву.

— Не прячь. Мы все видели, — сказал Толик, сжимая кулаки.

— Здравствуй, Вера. Где ты достала сигареты? Расскажи, — попросил Руди.

— Расскажу, если бить не будете.

— Ну что ты. Толик просто пошутил. Но курить все же нехорошо.

— А вы хоть раз курили? Здорово! Голова так и кружится. Попробуй, дядя Руди.

— Так уж и быть, попробую. Но сама брось.

Руди сделал две-три затяжки и впрямь почувствовал приятное головокружение, все его тягостные мысли и опасения рассеялись, как дым.

— У меня много пачек сигарет, мне их дал Старпом, — сказала Вера.

— Я так и знал! — воскликнул Толик. — Вырасту, я его поколочу.

— Не получится, — рассмеялась Вера. — Он сильный дяденька.

— Я помогу, вдвоем справимся, — пошутил Руди и обратился к потеплевшему и улыбнувшемуся Толику: — Давай присядем, а Вера расскажет, откуда у Старпома сигареты. Наверняка этот сочинитель придумал интересную историю.

История оказалась занятной и во многом непонятной. В далеком будущем, когда уже появились люди и города, Старпом разыскал своего старого знакомого. Очень давно они были обыкновенными людьми и плавали по звездным морям совсем в другой Вселенной.

— И очутились вдруг здесь? — усмехнулся Руди. — Но как?

— Даже Старпом не знает, — сказала Вера. — Перелетели к нам, и все. Здесь стали деревьями.

— Врет, как всегда, твой Старпом, — сказал Руди. — А как звать его приятеля?

— Ой, какое смешное имя. Крысоед!

«Ну-ну, — поморщился Руди. — Что это? Опять совпадение?» Руди стало не по себе, даже немножко страшно. Он еще раз закурил и почувствовал при-

лив отчаянной отваги, на душе стало легко и беззаботно. Ай, забыть надо всю эту чертовщину!

— Недавно Старпом гостил у своего приятеля, — продолжала Вера. — Растет тот каким-то деревом на берегу моря. Однажды ночью на этот берег пришли шатуны... Ну эти, что шатаются от нечего делать.

— Туристы, — догадался Руди.

— Верно. Туристы, — смутилась Вера. — Все время забываю это слово. Туристы расставили палатки, развязали мешки с вещами, и Старпом незаметно утащил у них много пачек сигарет.

— Твой Старпом не только лгунишка, но и воришка, — рассмеялся Руди. — А сами вы бываете в будущем? Я слышал от дедушки, что деревья-люди растут там редко.

— Ходить туда трудно и опасно, — сказал Толик.

— Там страшно, — подхватила Вера.

Ребята, перебивая друг друга, поведали такое, что Руди забыл о сигарете, погасшей в его руке. Толик и Вера не раз ходили в будущее. Толику удалось познакомиться с мальчиком, который рос кленом на небольшом хуторе. Прячась в кустах, они с завистью наблюдали за играми деревенских мальчишек. Выйти из кустов не решались, боялись испугать людей, живущих в пространстве.

— Но люди попались дурные, — жаловался Толя. — Они вспахали землю под огороды и повредили корни у мальчика-клена. Мальчик заболел, засохли его листья, и он умер.

Вере тоже не повезло. Сначала было хорошо. Ее подружка — девочка в белом платье — росла стройной белоствольной березочкой в глухом лесу, вдали от селений. Лишь изредка приходили в лес деревенские мальчишки и девчонки по грибы и ягоды. Вера в своем зеленом платье однажды рискнула выйти из кустов. Ребятишки не испугались и назвали незнакомку маленькой феей. И Вере это очень понравилось.

— Но потом... — Вера всхлинула. — Потом пришли взрослые люди с топорами и пилами. И ужас что началось. Трещали деревья, щепки летели. Срубили и мою подружку.

«Да, не сладко деревьям среди людей», — подумал Руди и оглянулся по сторонам. Людей здесь нет и не могло быть. Густые, топкие и непролазные чащобы надежно защищали берег от хищников и кормящихся листвою мастодонтов. Жилось здесь Верочке-вербочке беззаботно.

Заходящее солнце зацепилось за верхушки деревьев, тихо и незаметно опустился вечер. Лесные опушки наливались фиолетовыми сумерками, засыпали деревья. Руди и Толик попрощались с Верой и вернулись на холм. Дедушки здесь уже не было. Не дождался и ушел домой. Да и мальчик, попрощавшись, слился со своим древесным естеством и какое-то время еще шелестел листьями, ловил ими алые и, видимо, очень вкусные лучи заходящего солнца. Солнце закатилось и уснуло. Уснул и тополь, перестав шуметь листвою.

И будто опустела планета. Тоскливо стало на душе у Руди, но и возвращаться домой, в свое тяжелое одиночество не хотелось. Посидел он еще с полчаса, потом встал и пошел в тысячелетия. Остановился он в нужном времени и незаметно слился со своим истинным телом, сидящим на корнях. Открыл глаза и первое, что увидел, — искрящуюся под солнцем бороду. Да и сам дед так и сиял, искрился, радуясь утренним лучам, прислушиваясь к голосам проснувшихся птиц и шелесту своей листвы. Посмотрел он на Руди, нахмурился и проворчал:

— Что? Опять захандрил?

— Минутная слабость, дедушка. Не обращай внимания.

— То-то! Смотри! — погрозил дед пальцем и рассмеялся. — И не один ты здесь. Приходил звать к завтраку твой железный друг... Ну этот, Мистер Грей. Боже мой, что тут творилось! Остолбенел он, уставился на меня с расширенными от ужаса глазами. Я жестом подозвал его, желая побеседовать. Но он замахал руками, дико завопил и ускакал. Успокой его.

Руди побежал к кораблю. В его тени увидел стол со свежеспеченными булочками, кружку с горячим чаем и Мистера Грея с перекошенным от страха лицом.

— Руди, я свихнулся, — жалобно простонал он. — Мне мерещатся черти.

«А ведь не притворяется», — подумал Руди и почувствовал нежность к этому наполовину человеческому созданию. Неужели и у него есть душа, о бессмертии которой так любит толковать дед? Неужели, общаясь с людьми, он стал хоть наполовину человеком, добрым и немного смешным другом? Это было бы так хорошо!

— У тебя много чисто биологических органов с такими же нервными связями, как у человека. Понимаешь теперь, в чем дело?

— Ты хочешь сказать, что я испугался, как старая деревенская баба? — вздрагивающие губы Мистера Грея искривились в жалкой попытке состроить ироническую усмешку.

— Вот именно. Идем в медицинский кабинет и посмотрим.

Рентгеновские снимки и компьютеры показали любопытную картину: не только биологические, но и многие электронные нервные связи дали временный сбой. Тут же на глазах они возвращались в нормальное состояние.

— Я не свихнулся! Я здоров, как бык! — ликовал Мистер Грей.

— Ты просто суеверная старая баба, — с шутиливой строгостью отчитывал его Руди. — Идеалист ты. До ужаса пошлый мистик.

— Неправда! — возмутился Мистер Грей. — Теперь я верю, что существует реально этот...

— Дедушка, Мистер Грей. Симпатичный мудрый дедушка. Идем, я познакомлю тебя с ним.

— Нет, нет! Потом! — Мистер Грей испуганно замахал руками.

Руди рассмеялся. Скучать ему с Мистером Греем не приходилось. Днем Руди готовил экран для приема новых дедушкиных изображений и посмеивался над иронически усмевающимся Мистером Греем.

— Все еще не веришь в деда? А вот посмотрим, каким ты был раньше, перед побегом. Ты тогда помогал папе загружать корабль.

— Ну-ну. Посмотрим, — ухмыльнулся Мистер Грей. — Врет твой дед.

Но вот засветился экран, и Мистер Грей вытаращил глаза. Он увидел знакомую картину: пулеметные вышки, космодром, опоясанный колючей проволокой, и звездолет, готовившийся к полету. У Руди защемило в груди, когда в толпе стражников заметил папу и маму. Их привели под конвоем в качестве научных консультантов.

— А вот и я! — радостно воскликнул Мистер Грей. — Смотри, Руди. Я загружаю корабль. Все в точности так и было. А ведь не соврал твой дед. Молодец! Волшебник! Завтра непременно познакомлюсь с ним.

Бахвалился Мистер Грей напрасно. Струсил он, когда утром следующего дня Руди предложил сходить вместе в тополиную рощу.

— Некогда, — угрюмо отмахивался Мистер Грей.

А утро было прекрасное. Дымились поля от просыхающих росистых трав, цветы раскрывали свои венчики навстречу первым солнечным лучам. И сам дед выглядел по-утреннему свежим и бодрим.

— Видел вчера картинку прошлого? Отмечались они в моей памяти еще давно. А понимаешь, для чего все это?

— Понимаю. Ты будешь передавать эти сцены каждый раз, когда я буду изменять доисторическое прошлое. Если мне что-то удастся, то история планеты пойдет иначе, и концлагерь исчезнет. Все будет по-другому.

— Верно.

— Но когда же ты сможешь добраться до того изначального злого времени?

— Не спеши, торопыга. Поспешишь — людей насмешишь. Сходим сначала к старушке Секвойе. Сюзанна, — хихикнул дед. — Таким нежным девичьим именем она называет себя. Сюзанна, Сюзи! Хи! Хи! Хи!

— Слышал я уже о ней, — нетерпеливо прервал Руди развеселившегося деда. — Но она живет очень далеко, почти в мезозое.

— Именно там или поблизости все и началось. Отдохнул я хорошо, пойдем без остановок. Возьмемся сейчас за руки и пошагаем. Ну, Сюзи, жди гостей. Жди, красавица ненаглядная. Хи! Хи!

«До чего хитрый дед, — с благодарностью подумал Руди. — Балагурия и подхихикивая, старается ободрить и развеселить меня, избавить от тяжелых мыслей. Да и старушку Секвойю наверняка выбрал забавную все с той же целью».

С удивлением Руди обнаружил, что его «я» уже покинуло физическое тело, оставшееся сидеть на бугристых корнях, и переселилось в иное, пригод-

ное для жизни во времени тело. «Полуфизическое, что ли? — думал Руди. — И как быстро дед управился с этим». Он уже шагнул во тьме веков. Путь неблизкий — миллионы лет назад, и шли они больше часа. Дед начал уставать, но дорогу он изучил хорошо и наконец уверенно сказал:

— Это здесь. Выйдем в пространство.

МАГНОЛИЯ

Вышли из тьмы веков. Опасаясь яркого света, Руди закрыл глаза. Но свет оказался приглушенным, и вместо шелеста лесной листвы Руди услышал протяжный гул, похожий на гул морского прибора. Он открыл глаза и увидел стройные стволы, уходящие в головокружительную высоту. Секвойи! Таких громадных деревьев Руди в жизни не видел. Внизу тихо, но в поднебесной вышине густые хвойные кроны мерно раскачивались под ветром и шумели, рокотали, как волны океана.

— Где же ты, старушка? — забеспокоился дед.

— Здесь я, дружок, — услышался сзади шамакающий голос.

Дед и Руди обернулись. На бугорке в тени древнего, с потрескавшейся корой дерева (видимо, ее дерева) сидела такая же древняя старушка с бесчисленными трещинками-морщинками на худом лице. Но оделась она, как молодая девица: голубое с алыми полосами платье и кокетливый берет, прикрывавший поредевшие седые волосы. «И впрямь забавная», — подумал Руди.

— Опять радикулит? — участливо спросил дед и, подойдя к старушке, помог ей подняться.

— Радикулит проклятый, — постанывая, ответила она. — А где же человек?

— Слепа ты стала, старая. Вот же он. Руди его звать.

— Руди? Был у меня знакомый с таким же именем. В далеком будущем. Дворянин! А сейчас вот не могу ходить. Не по мне ступеньки... — хотела, видимо, сказать «ступеньки времени», но закашлялась. Передохнув, продолжала: — Да, давненько я не видела человека. Давненько. Но где же ты, милый? Дай я на тебя погляжу.

Руди подошел к старой и когда-то, видимо, стройной и высокой женщине. Но сейчас она, усохшая и сгорбленная, была ему по плечи. Подслеповатыми глазами Сюзанна оглядела Руди и восхитилась:

— Какой статный красавец! И какая красивая модная куртка! Но что за брюки? Измятые, протертые на коленях. Стыдно, молодой человек. Стыдно.

— Она всегда была модницей. И сейчас вырядилась. Вертихвостка! — хихикнул дед.

Сюзанна взглянула на дедовы рваные сапоги, на заплатанные штаны и презрительно бросила:

— А ты помалкивай, босяк. Голодранец!

— Тьфу, совсем рехнулась, старая, — выругался дед и отошел в сторону.

Покряхтывая и опираясь на палочку, старушка

опустилась на бугорок. Рядом присел Руди и стал расспрашивать, что же произошло в мезозое после вспышки сверхновой звезды.

— Мезозой... Сверхновая... — проворчала она. — Учености эти сейчас не помню. Забыла все, старая стала. Ты вот его послушай. Любит он побалагурить. Ох, любит. Да иди же сюда, старый. Не обижайся.

— Я и не обижаюсь. Что с тебя возьмешь, — усмехнувшись, проворчал дед и уселся рядом с Сюзанной. — Но все же, что ты видела?

— Видела такое, что и сейчас забыть не могу. Но вот понять... Нет, разобраться впрямь только человеку, вот такому молодцу.

— Вот и помоги ему. Познакомь со своей юной подружкой, что живет в мезозое. Как ее?

— Мага. Магнолия. Ох и красавица. Одевается она просто, но как красиво. Позавидуешь.

— Опять о нарядах. Совсем в детство впала, — хмурился дед. — Ты говорила, что красавица Мага может привести Руди в то самое место и время и еще раз увидеть с ним страшные чудеса.

— Сумеет. Но вот как добраться до Маги? Ой, далековато. Миллионы лет. Раньше я часто хаживала к ней. Но сейчас стара.

— А твой сосед?

— Ах, этот старый дурак. Дубак.

— Дубак! — хохотнул дед. — Имячко в самый раз для него. Но он еще не стар, в самом соку. Раньше любил странствовать, бывал и в мезозое. На мою просьбу доставить Руди к Магнолии отказался. Именно к Маге не хочет.

— Оно и понятно, — усмехнулась старушка. — Невзлюбил он Магу. И знаете, почему? Вот послушайте.

Сюзанна рассказал забавную историю. Раньше Дубак каждый день навещался к Маге. Пленился он ее красотой, влюбился по уши, стал одеваться фертом. Но ничто не помогало, не отвечала она взаимностью, а лишь поддразнивала, строила глазки, кокетничала и посмеивалась. Наконец Дубак совсем потерял голову и однажды со слезами на глазах упал перед Магой на колени. Вот тут-то она и нанесла ему чудовищное оскорбление. «Мужчина ты еще ничего, видный, — сказала она. — Но уж очень большой дурак».

— Ха! Ха! Ха! — расхохотался дед. — Понимаю. Более тяжкого оскорбления для него нет, потому что действительно дурак. Но ты говорила с ним о Руди?

— Вчера еле доковыляла. Дубак важничал, еле согласился принять гостя. «Ладно уж, посмотрю на этого Руди, — сказал он. — Наверняка какой-нибудь придурок».

— Сходим к нему. Может быть, Руди сумеет уломать его?

— Попробую, — усмехнулся Руди, догадываясь, что и Дубак не менее забавная личность, чем старушка. «Старается развеселить меня, — подумал он. — Ну и хитрюга дед. Кто же такой Дубак? Клоун?»

Дед и Руди вышли из рощи с ее приборно роко-

тавшими вершинами, и на них свалилась жара открытого пространства. Но душные и влажные низины скоро кончились, и Руди с облегчением вошел в прохладу дубового леса. На одной из полян с редким кустарником дед показал на дуб — на редкость кудрявой кроной.

— Это он, — шепнул дед и громко позвал: — Другок, красавец мой ненаглядный. Покажись.

Из кустов выступил мужчина с грубым обветренным лицом и хорошо ухоженной прической — такой же затейливо кудрявой, как его древесная вершина. Оделся он с величайшим изяществом: фиолетовый фрак, яркий пестрый галстук, узкие алые панталоны и лаково сверкающие туфли.

— А, это ты. Великий мудрец, — сказал он и захохотал, довольный своей, как ему казалось, удачной остротой.

— Да, это я, — смиренно ответил дед. — А вот человек. О нем уже докладывали тебе.

Дубак прошелся, высокомерно разглядывая гостя. Выступал он важно, с величавой грацией павлина. Руди сразу догадался, чем можно улестить Дубака.

— Разрешите представиться, ваше сиятельство, — Руди отвесил низкий поклон. — Руди меня звать. Руди.

— Сиятельство? — улыбнулся Дубак. — Кажется, у людей это дворянский титул?

— Да, ваше сиятельство. Увидел вас и сразу понял, что вы граф.

— Граф. Прекрасно звучит. Граф! — самодовольно повторил Дубак и снисходительно потрепал Руди по плечу. — А ты малый ничего. Видать, толковый. Проси, чего желаешь.

— Наслышан о сказочной красавице, ваше сиятельство. Хотелось бы посмотреть. Там она, в мезозое.

— Дура она и задавака, — нахмурился Дубак. — Не очень-то она учтива со мной.

— Она же не знала, ваше сиятельство, что вы граф.

— Верно! — осенило Дубака. — Не знала. Вот ты и представь ей меня графом. Будешь моим слугой.

Дед подмигнул Руди: молодец! Дело как будто налаживалось. Дубак загорелся идеей предстать перед капризной красавицей сиятельным графом.

— Отправимся прямо сейчас. А ты, мудрец, — хохотнул Дубак, — ты, философ, подождешь нас. Идем, малый. Держись за меня и увидишь, какой я мастак.

«Действительно мастак», — подумал Руди, удивившись, с какой легкостью они переместились в мезозойскую эру. Всего лишь пять минут мглы, и Руди уже шагал сухим обрывистым берегом реки. На противоположном берегу реки, низко и топком, — жиденькая рощица. С ветки на ветку, пронзительно вереща, перелетали крылатые ящеры с длинными зубастыми пастями. Вдали, сотрясая землю, проскакал на задних лапах какой-то исполинский динозавр.

За ним с хищным шипением и рыком гнался другой, напоминающий громадного кенгуру с мордой удава.

«Ну и ну», — поежился Руди, опасно держась за рукав своего провожатого. Но Дубак, быстро усвоивший барские замашки, проворчал:

— Отцепись, холоп. Не мни фрак. Здесь нас никто не тронет.

Берег этот и в самом деле выглядел пустынным. Ни одного мезозойского чудовища. В травах мирно гудели пчелы и беззвучно порхали на редкость крупные пестрые бабочки.

Дубак остановился в густом кустарнике. В глазах его засветились восхищение, зависть, желание отомстить: шагах в двадцати одиноко стояло стройное, с раскидистыми ветвями дерево — красавица магнолия.

— Это она, — шепнул Дубак. — Ступай и доложи.

Руди вышел из кустарника и приблизился к дереву. Звенели и сверкали, как зеркала, широкие глянцеветые листья. Сочные и крупные, величиной с тарелку белые цветы расточали густой аромат. Но где же Мага, магнолия в своем девичьем виде?

Не дождавшись, Руди хотел вернуться назад, но из кустарника высунулась рука Дубака и погрозила кулаком.

Руди обернулся и замер. Черноокая и чернобровая девушка рассматривала его с удивлением и восхищением.

— Принц, — взволнованным и тихим голосом заговорила она. — Прекрасный принц. Мечта моя. Сказка. Откуда ты?

— Какой там принц, — так же тихо и не менее взволнованно ответил Руди, красота девушки поразила его. — Я всего лишь раб, слуга. Прошу принять моего господина с должным почтением.

— Господина? — яркие губы Маги улыбочиво дрогнули. Она догадалась, что затевается какая-то штука. — Ну что ж, готова принять его с почтением.

Руди повернулся к кустарнику и громким голосом возвестил:

— Ваше сиятельство! Граф! Прекрасная Мага ждет вас.

Из кустарника величаво выступил Дубак. Мага с насмешливым изумлением уставилась на кричащего одетого мужчину и, узнав в нем своего незадачливого воздыхателя, звонко расхохоталась.

— Хлыщ! Пижон! Вырядился-то как! Ха! Ха! Ха! Попугай! Ну прямо попугай!

— Мага, мы же договорились, — укоризненно сказал Руди.

Опомнившись, девушка вмиг преобразилась. «Артистка из нее была бы великолепная», — отметил Руди. С отлично разыгранным смущением она поклонилась и произнесла:

— Ах, извините, ваше сиятельство, не признала. Прошу, сиятельный граф. Вы желанный гость.

Но все ее артистические старания были напрасны. Бычья шея Дубака налилась кровью, лицо по-

темнело. Гневно сжимая кулаки, он круто повернулся к Руди и дрожащим от ярости голосом приказал:

— Эй ты, холоп! Вернешься без меня. Я еще с тобой поговорю! — Дубак вошел в кустарник и растаял.

— Как же я вернусь? — растерялся Руди.

— Не бойся, милый. Сначала погости у меня. Потом войдешь в этот же кустарник и не заметишь, как вернешься. Это он умеет. Мастак, как он выражается. Биоэнергетика у него будь здоров. Накрепко протоптал тропинку во времени.

— Ты хорошо говоришь по-человечески.

— А ты думал, что в мезозое дикари? — улыбнулась Мага. — Нет, милый. Побывала я в грядущих веках, пообтерлась среди людей. Да и мудрая старушка моя многому научила. Хилая, говоришь? Это она притворяется. Она еще многое умеет. Впрочем, что же мы стоим? Жарко тебе, я вижу. Не привык к нашему климату. Как-никак, а юрский период. Идем в тень, под шатер моих листьев. Посидим, поговорим.

Руди сел на неведомо откуда взявшееся мягкое, как пух, сиденье. На таком же облачке-кресле, закинув ногу на ногу, расположилась Мага и глядела на Руди с такой глубокой нежностью, что он смущенно опустил глаза. Устраиваясь поудобнее, Мага, словно случайно, приподняла подол платья, показывая неотразимо стройные ножки.

«Кокетка», — усмехнулся Руди и смело — не на того напала! — посмотрел ей в глаза. «Боже мой! Как она прекрасна», — вздрогнул Руди. И таяла его храбрость, голова кружилась. «Уж не влюбился ли? — с тревогой подумал Руди. — Или это так наркотически действует аромат ее цветов? Вот они, качаются на ветвях, такие же беломраморные, как ее лицо».

— Что ты сказала? — выдавил из себя Руди.

— Разве не расслышал? Случай, сказала я. Волшебный случай свел наши души. Всю жизнь я томилась, любила сказочного принца. И вот он пришел.

— Ты же знаешь, Мага, что по природе мы разные.

— Знаю, — прошептала она с такой тоской, что сердце Руди пронзила жалость к этому прекрасному созданию, и в своем неподдельном страдании она казалась ему еще прекраснее. А может, это не жалость, а любовь? Не знал Руди, что в душе его таилось такое томление, такая тоска по чувству, которое не суждено ему было изведать.

— А как хорошо любить, — с задумчивой грустью сказала Мага. — Знаешь, как это бывает у людей? Нет, не знаешь. Побывала я у них, насмотрелась и позавидовала. Смотри мне в глаза и увидишь то, что я видела. Ну, смотри же.

Что-то непонятное случилось с Руди. Черные, как ночь, глаза Маги будто расширились и втянули его в свою обволакивающую мглу, в свою нежную глубину. Вот мгла расступилась, и Руди вошел в большой, с малахитовыми сводами зал, освещенный люстрами. Под музыку кружились в вальсе молодые люди. Лишь одна девушка не танцевала. Приспони-

(244) шись к колонне, она с грустью и надеждой глядела на вход. И вдруг глаза ее засветились.

— Мага! — радостно воскликнул Руди. — Ты меня ждала? Идем танцевать.

— Потом, — прошептала она. — Выйдем. Я давно хотела тебе что-то сказать.

Они вышли в ночной парк и встали под липой, на которую тихо струился лунный свет и, дробясь, серебрился на листьях. Девушка взглянула на Руди, в глазах ее было прежнее грустное и тревожное ожидание. Сердце у Руди счастливо забилось. Он понял, что она хотела сказать.

— Мага, — зашептал он. — Я люблю тебя.

Девушка приникла к Руди, губы их встретились, и помутилось у него сознание.

— Нет, не бывать этому! Этого нет! — закричал Руди и встряхнул головой.

Наваждение исчезло. Под ярким солнечным небом, под звенящей, зеркально сверкающей листвою магнолии сидела другая, реальная Мага и глядела на него все с той же тревогой и надеждой.

— Нет, это невозможно. Ты ведь другая.

— Знаю, — страдальчески произнесла она. — Но что нам делать, Руди? Мы же любим друг друга.

— Околдовала ты меня. Ведьма ты. Ведьма!

— Ведьма, — с восхищением прошептала Мага. — Мне нравится. Зови меня ведьмой. Садись рядом, любимый мой принц.

Но Руди, стремясь поскорее избавиться от колдовских чар, заскочил в кустарник и словно на лифте вознесся ввысь, в другое время. Из тьмы миллионов лет он вышел на поляну среди густого леса. По дубом с кудрявой кроной сидели дед и Дубак.

— Ну и как наши дела? Договорились? — спросил дед.

— Какие там дела! — с отчаянием махнул рукой Руди. — Обворожила меня колдунья.

Хоть и глуп Дубак, но сразу смекнул, в чем дело. Он вскочил на ноги и торжественно заржал.

— Влюбился! Ха! Ха! Ха! Безнадежно влюбился! Я еще посмотрю, полюбуюсь, как ты будешь умолять, ползая у ее прекрасных ножек. Ты еще получишь свое, холоп!

— Вернемся домой, дедушка, — жалобно проговорил Руди.

Вернулись они в свое радостное, с тающими завитками тумана утро. Но не радостно было на душе у Руди. Он сидел на узловатом корне старого тополя и сконфуженно смотрел на деда. А тот озадаченно почесал затылок.

— М-да, признаться, опасался я этого. Эх, молодость, молодость. Да и чародейка она к тому же. Слышал об этом, но не верил. М-да.

— Что же нам делать?

— Начнем все сначала. Побываю я у Дубака и у старушки Секвойи. А та поговорит с Магой. Капризная она, чародейка. Капризная. Но все уладится.

Несколько дней дед отсутствовал: гостил у Секвойи и Дубака. Однажды вернулся и с хитринкой посмотрел на Руди.

— Ну и ну. Не она, а ты чародей. Вскружил голову бедной одинокой девушке. Боже, как она страдает.

— Ты ходил к ней, видел? — удивился Руди.

— Видел и глаз оторвать не мог. Красота неописуемая. Нет, к Маге я дорогу не знаю. Дубак держит ее от меня в секрете. Мага сама приходила к Дубаку и старушке, умоляла: верните мне принца, жить без него не могу. Она на все согласна и дала полезный совет. Тебе надо изучить общекосмический язык.

— Это что еще за язык?

— На нем говорят те самые призраки-люди, пришедшие из космоса. Без знания их языка ты ничего не поймешь. Бери карандаш, блокнот и сходим.

И вот Руди снова на солнечной поляне в знакомом дубовом лесу. Увидел Дубак в руках у Руди блокнот и заржал:

— Что? Любовные записочки будешь ей писать? Ха! Ха! Ха! Поводит она тебя за нос, холоп. Поводит. Так уж и быть, отведу тебя к ней, а сам уйду. Ну ее к черту. А ты, дед, оставайся. Не покажу тебе дорогу к Маге. — Дубак повернулся к Руди и с кривой усмешечкой пояснил: — Увидел он ее, глазенки так и засветились, слюнки распустил. Тоже влюбился старый хрыч. Ха! Ха!

— Тьфу, дурак! — выругался дед.

— Идем, холоп, — высокомерно сказал Дубак.

И снова Руди на заметил, как очутился в мезозое, в том же густом кустарнике. Дубак сердито проворчал что-то и ушел. Выглянул Руди из кустарника, и сердце радостно забилося. В тени высокой стройной магнолии стояла Мага. Ждала! «Опомнись, болван», — приказал себе Руди и вышел из кустарника.

— Принц! Радость моя! Наконец-то! — вскрикнула Мага.

— Мага, я пришел по делу, — ответил Руди и жестом остановил девушку, готовую броситься в объятия.

— Знаю, — печально опустила она голову. — Ну что ж, садись и слушай. Много раз я побывала там со старушкой и хорошо запомнила звуки, какими обменивались призраки. Ничего понять не могла. Но мудрая старушка уже тогда разобралась, уловила в их беседах-перебранках отдельные знакомые слова. Начнем с них.

Звуковая речь загадочных призраков оказалась удивительно схожей с человеческой. Попадались даже знакомые слова: небо, планета, вода. Их Руди занес в блокнот в первую очередь. Потом записал целые, как ему казалось, фразы. В них встречались изредка эти слова, но в целом разобраться было трудно.

— Может быть, хватит на сегодня? — спросила Мага.

— Думаю, что вообще хватит. Полблокнота написал. Дома расшифрую.

— Не торопись, милый. Один же ты там, в своем времени. И поговорить не с кем. И я одна.

— Душно у вас сегодня. И птицы что-то слишком раскричались.

— Это они всегда перед грозой. И не птицы они, а так... Летающие рептилии, ящеры.

Не в силах расстаться, Руди и Мага обменивались ничего не значащими фразами. Но прогремел гром, начался дождь, и пора было уходить. Засунув блокнот в карман, Руди встал.

— Сухо у меня под крышей. Останься, — умоляюще прошептала Мага. — Иди ко мне. Иди же.

Глянул Руди в нежно зовущие глаза и не удержался. Он обнял девушку и жадно целовал ее тугие щеки, губы.

— Колдунья! — опомнившись, закричал Руди. — Ведьма ты!

Он высочил из-под густой листвы в секущий ливень, забежал в кустарник-лифт и вернулся в дубовую рощу, на ее сухую солнечную поляну. Увидел дед промокшего до нитки Руди и забеспокоился:

— Что там? Дождь? Блокнот не замочил?

— С блокнотом все в порядке. Со мной вот что-то неладное, — кривя губы, жалобно проговорил Руди. — А что, если это не колдовство, дедушка? А что, если я всерьез люблю ее? Она ведь там одна. И я один.

Измятую и мокрую одежду Руди Дубак истолковал по-своему.

— В лужах валялся. На брюхе ползал у ее прекрасных ножек! — захохотал он. — Так тебе и надо, холоп.

— Тьфу, болван, — рассердился дед. — Идем домой, Руди. Дома все забудется.

Но и дома Руди не находил покоя. Во сне видел обрывистый берег, одинокую цветущую магнолию и рядом тоскующую девушку с нежно зовущими глазами. «Боже мой, ну почему она не такая, как я», — просыпаясь, с тоской думал Руди.

Наконец Руди взялся за дело. Вместе с Мистером Греем он привел в порядок блокнотные записи, перепечатал их и ввел в дешифровальные машины. Они помогли Руди и Мистеру Грею разобраться с грамматикой, очень простой и ясной. Но с фразеологией, идиомами пришлось повозиться. И лишь к концу лета они получили удобоваримый текст, а машины привели его в окончательный порядок и придали форму звуковой речи.

Несколько раз Руди прослушивал разговор двух призраков — пришельцев из космоса. Это был очень странный разговор. Мирная беседа прерывалась вдруг дикой, злобной бранью. Причем один из призраков — илени его Руди так и не узнал — обладал сочной, выразительной речью и называл своего собеседника... Крысоедом!

Что это? Опять совпадение? Нет, тут какая-то тайна, решил Руди. Ее надо как можно скорее раскрыть. Наступила осень, близилась холода, деревья вот-вот погрузятся в зимнюю спячку, и Руди начал поторапливать деда.

Пришли они сначала к старушке Секвойе, похвалили ее нарядное платье и новые туфли.

— Ох и хитрецы, — погрозила она пальцем. — Лестите. Хотите, чтобы я сама отвела вас к Маге. Нет, милые. Слишком стара стала. Без болвана вам не обойтись. Польстите ему. Может, что и получится?

Пришлось идти в дубовую рощу. К их удивлению, Дубак встретил гостей без своих обычных шуточек, без дурацкого хохота.

— Стареть я начал, — уныло сказал он. — Морщинки у глаз, седина. Да и вообще...

— Не сказал бы, ваше сиятельство, — поклонившись, возразил Руди. — А в новом фраке вы еще молодже.

Лесть сработала здесь безотказно. Дубак расплылся в самодовольной ухмылке и охотно повел Руди в мезозой, не проронив при этом ни одного насмешливого слова. Но в кустарнике все же съязвил:

— Хотелось бы посмотреть, как ты будешь ползать у ее прекрасных ножек. Да уж ладно, не буду мешать, — хохотнул он и ушел.

В кустарнике Руди постоял немного, пытаясь унять утешенно забившееся сердце, и осторожно выглянул. Под тихо шелестящей листвой магнолии в грустном одиночестве стояла Мага. Ждала. Что делать? Не искушать себя и уйти? Но так жалко стало ее, да и себя тоже, что Руди выбежал из кустарника. Вскрикнув, девушка кинулась навстречу. Они обнялись, и начался сладкий вихрь поцелуев, улыбок, восклицаний.

— Истосковалась я, жестокий мой принц. Забыл ты меня.

— Не забыл, моя любимая колдунья. Разве можно забыть?.. Но давай рассудим трезво.

— Понимаю, — опустив голову, сказала Мага. — У нас не настоящая любовь, какая-то неполная. Любят наши души. А наши тела разные и в разных временах. Твое там ходит свободно в пространстве. А мое здесь, стоит неподвижно и шелестит листвой, нежится в лучах.

— И выходит в пространство королевой. Умница ты моя, — Руди обнял Магу и погладил ее голову, ее пушистые волосы. — Что это? Они же у тебя были черные, а сейчас... Ну прямо золото.

— Ты только сейчас заметил? — рассмеялась Мага. — Покрасила я их, чтобы еще больше понравиться тебе. Нравится?

— Очень. И вот что придумал. Еще там, у себя дома. Пусть наши тела разные и в разных местах. Но души одинаковые и находятся рядом. Забудем эту несправедливость природы, обманом ее. Будем любить друг друга, как это бывает в сказках.

— До чего мы одинаковые. Я тоже подумала, что у нас с тобой сказка. А твое непонятное дело будет теперь нашим общим делом. Я его тоже превращу в чудесную сказку.

— А как? — улыбнулся Руди. — Хоть ты и колдунья, но что-то не верится.

— А вот давай станцуем. Ну, не удивляйся же, станцуем.

— Что ж, станцуем, — рассмеялся Руди и закружился с Магой в каком-то волшебном вальсе, под

(246) тихую музыку и во внезапно упавшей тьме. Они кружились и будто уносились куда-то далеко-далеко. Но вот тьма рассеялась, и Руди поразился. Ни одинокой магнолии на обрывистом берегу, ни реки, ни пронзительного скрежета крылатых ящеров. Кругом равнина с цветущими лужайками, с холмами и редкими кустарниками в низинках. Под упругим степным ветром шелестело платье Маги, с шорохом развевались ее золотистые волосы.

— Где мы? — спросил Руди.

— На миллионы лет дальше. В меловом периоде.

— Ну и колдунья ты, — улыбнулся Руди. — А я-то думал, что только Дубак умеет здорово перемещаться во времени.

— Что Дубак! Он только пешочком ходит по времени, а я могу и вальсируя. Не говори ему, а то он от зависти страдать будет.

— Добрая ты.

— А тебе разве не жалко его?

— Как-то не думал об этом.

— Ну, конечно. Мысли твои заняты серьезным делом, — с ласковой насмешкой сказала Мага. — А я вот легкомысленная. Вот возьму и не выпущу тебя отсюда, будем вечно странствовать по всем временам.

Странники времени зашли в густые и высокие заросли белых ароматных кашек, спугнув танцующих бабочек.

— Вот отсюда я часто люблюсь красавцами ящерами.

— Это ящеры красавцы? Динозавры? Не смеши, Мага.

— А вот посмотрим. Сейчас покажутся.

Из-за холма выскочила стая динозавров средней величины — «всего лишь» пяти-шести метров длиной. «До чего грациозны», — залюбовался Руди. Смахивающие на бескрылых птиц, с маленькими головами на лебединых шеях, ящеры пугливо озирались. Никого не заметив, они начали что-то вынюхивать в холмах и разгребать песок короткими передними лапами, похожими на недоразвитые руки. Из песка показались огромные, около метра длиной, яйца. Прижимая их к груди, динозавры легко и красиво ускакали, скрывшись за холмами.

— А, вспомнил, — сказал Руди. — Видел таких в фильмах и учебниках. Это же лакомки.

— К тому же воришки, — со смехом добавила Мага. — Воруют яйца самых крупных динозавров и лакомятся.

Руди хотел выйти из зарослей кашек, но Мага остановила его.

— Тише, — приложив палец к губам, зашептала она. — Сейчас придут твои красавцы. Здесь-то они впервые и появились на планете. Мне страшно почему-то, но могу привыкнуть.

Руди прислушался. На пустынной равнине что-то происходило. Слышались шорохи и — странно! — как будто обрывки человеческой речи. Порывистый ветер трепал, рвал на клочья какие-то голоса и уносил их вдаль.

— Что это? Игра ветра? — спросил Руди.

— Говори тише, а то спугнешь их. Это твои призраки. Днем их не видно, а вот ночью...

— Но до ночи далеко.

— Что? Не терпится? — улыбнулась Мага. — А мы шагнем чуть дальше в будущее и зайдем в ночь. Переместимся всего на несколько часов. Возьмемся за руки и шагнем.

Палящий глаз солнца, висевший в зените, словно моргнул, вздрогнул, быстро покатился на запад и скрылся за горизонтом. Пришли ночная тишина и прохлада. Из-за тучки показалась луна и осветила равнину. Мага и Руди стояли в тех же зарослях кашки. Вдали вспыхивали слабые искорки, гасли и снова выступали из тьмы.

— Это они, — шепнула Мага. — Сейчас пройдут мимо.

Искорки приблизились и будто сгустились в призрачные человеческие фигуры, в еле видимые столбики дыма.

— Никак не пойму... — хриплым голосом испуганно бормотал один из призраков.

— Иди к черту, Крысоед! — грубо оборвал его второй призрак. — Надоел со своими вопросами. Обалдел от неожиданности. Ну, занесло нас совсем в другую Вселенную. Ясно? Кто-то проделал с нами злую шутку. Но кто? У, доберусь до него! Расправлюсь!

В голосе этого призрака, привыкшего, видимо, властвовать и повелевать, гремела такая угроза, что Маге стало не по себе. «Серьезный тип», — подумал Руди.

— Уйдем отсюда чуть дальше во времени, — предложила Мага. — Не бойся, не потеряем мы твоих чудищ.

— Моих, — усмехнулся Руди.

— Ну наших, наших, — ласково отозвалась Мага.

Руди взял за руку Магу и шагнул в будущее, совсем немного. В полумгле промелькнули два или три дня. Остановились они ночью с ярко светящейся луной и спрятались в глубокой тени отдельно стоявшего дерева.

— Здесь нас не видно, — прошептала Мага. — Сейчас появятся призраки вон из той рощицы.

Руди смотрел в сторону рощи и ничего не видел. Но вот, колыхнувшись, появились там два пятнышка, скрылись в низинке и снова возникли из тьмы. Но уже ближе. Это были те самые едва различимые призраки-люди. Они подошли к дереву, где прятались Руди и Мага, и молча уселись на бугорок. Первым заговорил призрак с властным голосом. На сей раз в голосе его слышалась насмешка.

— Ну что, палач Крысоед? Остался без дела? Тоскуешь? Некого пытаться?

— Не пойму, как они сбежали? — бормотал призрак Крысоед. — Из подземелья? Из паучьей паутины?

— Болван ты, Крысоед. Это жаба освободила художника и капитана. Больше некому.

— Этот дурацкий Вычислитель?

— Он не дурак, но негодяй, каких космос не видывал.

Вдали, почти за горизонтом, вспыхнула невидан-

ной яркости молния и осветила зубчатую гряду леса. Молнии засверкали беспрерывно, чуть позже докатился гулкий грохот, подул все усиливающийся ветер. Дерево над Руди и Магой гнулось, трещали ветви.

— Гроза! Ураган! — панически закричал Крысоед. — Бежим к звездам, в космос! Там тихо!

— Ну и трус ты, Крысоед. Нет, не уйдем отсюда. Планетка нам попалась любопытная. И не трясись, дурак. Ничего с нами буря не сделает. Мы же духи.

— Но мы с тобой не духи, — сквозь грохот и свист надвигающейся бури прокричала Мага. — Это какой-то космически страшный ураган. Уйдем чуть дальше во времени тихими шажками, чтобы и буря была видна, и с нами ничего не случилось.

Повела она Руди в будущее так медленно, что видно было солнце, мелькающее с востока на запад. Но буря набирала силу, и солнце скрылось в ревущей мгле. Летели тучи песка, ветви и деревья, вырванные с корнем. Свистящая, грохочущая, поистине космическая буря как-то странно улеглась, оборвалась внезапно. Остановились Мага и Руди уже в вечерней тишине на той самой холмистой равнине, на которой раньше копались в песке грациозные воришки динозавры.

— Не придут мои красавцы ящеры сюда уже никогда, — с грустью сказала Мага. — Разметала их буря и побила камнями.

На равнине валялись корни, ветви и стволы деревьев, занесенные сюда из черневшего вдали и заметно поредевшего леса. Поблизости лежали чудом уцелевшие гигантские яйца. Ураган не только пощадил их, но и освободил от дерна и песка.

— Вот с этими двумя яйцами и произойдет что-то непонятное. Страшно, Руди! Не пришла бы сюда, но тут случится, по-моему, что-то важное для тебя. Ой, как страшно здесь.

— Эх ты, а еще королева мезозоя, — Руди обнял Магу за подрагивающие плечи.

Вечер сменился тихой звездной ночью. Неожиданно темное небо озарилось. Будто новое солнце народилось и затмило своим светом сияние луны.

— Сверхновая! — воскликнул Руди.

— Вот после нее все и случится, — сказала Мага. — Уйдем на несколько дней дальше, и увидишь.

И снова они пошли медленно-медленно, снова солнце скакало с востока на запад. Но пылающая сверхновая звезда висела на месте, потом начала тихо угасать. Руди и Мага вышли из времени в пространство, когда сверхновая совсем погасла и затерялась среди звезд. Под лунным сиянием лежали все те же яйца.

— Смотри, — прошептала Мага.

К ним приближались два призрака и о чем-то говорили. Кажется, переругивались. Перед яйцами они заколыхались и струйками дыма исчезли.

— Они скрылись в яйцах, — боязливо прошептала Мага. — Понимаешь? Их словно втянули в себя яйца. А теперь посмотрим, что случится через несколько дней.

Мага и Руди шагнули чуть дальше во времени и через несколько промелькнувших дней стояли перед теми же яйцами, но уже под палящим солнцем. Неожиданно яйца вздрогнули и шевельнулись, скорлупа треснула, и выползли на свет божий мокренькие малюсенькие динозавры.

— Фу, какая гадость! — вскрикнула Мага и попятилась. — Уйдем и вернемся в эти места через несколько лет.

Взявшись за руки, они с облегчением нырнули во мглу мелькающих лет. Вышли из времени в пространство, когда малютки-динозавры выросли уже в чудовищных тиранозавров. Их огромные глаза блестили под лунным светом, как выпуклые линзы телескопов. Тиранозавры стояли друг перед другом и, шипя, злобно размахивали длинными хвостами.

— Ну что, Крысоед, — прорычал один из них, — перехватил мою добычу? Сожрал бронтозавра и мне ничего не оставил. Прожорливая скотина.

— Ха! Ха! Ха! — тиранозавр-Крысоед зашелся в каком-то жутком булькающем хохоте. — Ты такая же скотина. Сейчас мы с тобой равны. Подожди, я и тебя сожру.

— Животное, — прошипел второй тиранозавр.

Бывшие призраки-люди еще какое-то время переругивались, рыкали, размахивая когтистыми лапами, но разошлись как будто мирно.

— Успокойся, — Руди обнял дрожавшую от страха Магу. — Ну и зрелище. Что же дальше?

— Скоро день. Отдохнем на цветущей поляне и послушаем третьего призрака.

— Как? Еще и третий?! — воскликнул Руди. — Откуда он взялся? Из яйца?

— Нет, у меня такое впечатление, что он возник из урагана. Из того, из космического. Видела однажды ночью, как ураган разнес все в пух и прах и утих мгновенно, свернувшись в человека-призрака. А может, тот призрак и есть ураган? Странно, не правда ли? Идем.

Пошли они на этот раз просто в пространстве, не прибегая к переходу во времени. Занималось утро, и вдали, на одной из полей, в редющей мгле сверкнула искорка и погасла.

— Это он, — шепнула Мага. — Спрячемся в кустах и будем слушать.

Всходило солнце, и началась удивительная игра света и тени. Зарделись макушки самых высоких деревьев, раскидистые кроны пальм заалели шатрами. А свет ширился, гнал и выметал остатки мглы. Наконец туман совсем рассеялся, и открылась красивая лесостепь с рощами и цветущими лужайками.

— Удивительное местечко выбрал себе призрак, — улыбнулась Мага. — И сам этот пришелец-невидимка удивительный.

— Смотри, не влюбись. Ревновать буду, — Руди притянул к себе девушку, и их губы сомкнулись в долгом поцелуе.

— Потом, милый, — прошептала Мага. — Подождем и послушаем призрака. Он великий талант.

(248)

— С кем же он говорить будет?
— Сам с собой и со всем миром. Слушала я его и редела, как дура.

— Чудно ты говоришь... Что это? Опять вроде искорка. Сверкнула и погасла.

— Это он, мучитель мой, — сказала Мага. — Днем он будет бродить невидимкой. Сейчас он у реки. Не видишь? А я вот не раз бывала здесь, присмотрелась. Изредка он выступает из дневного света дымными контурами и снова тает. Вот он идет сюда, часто приостанавливается, любит цветы.

— Сочиняешь, Мага. На полянах пусто.

— Уйдем во времени на несколько часов подальше, и в сумерках увидишь.

Взявшись за руки, они шагнули из одного кустарника к другому и одновременно шагнули чуть в будущее. Утреннее солнце, вздрогнув, описало огненную дугу в небе и упало за горизонт. В соседнем кустарнике Мага и Руди присели и притаились уже глубоко вечером. В призрачном лунном свете Руди наконец-то заметил не менее призрачную человеческую фигуру. Незнакомец присел на бугорок и поднес к губам какую-то трубочку.

— Свирель это или еще что-то, я не знаю. Но это волшебная дудочка.

Что это за дудочка, разглядеть невозможно. Но призрак заиграл на ней так, что Руди позавидовал. Никогда не удавалось ему извлекать из своей флейты таких чарующих звуков. Мага прижалась к нему и прошептала:

— Боюсь. Сейчас начнется что-то непонятное и страшное.

За волокнистыми облаками скрылась луна, и в это время в лесу затрещали деревья, земля дрогнула, оттуда прыгнуло что-то черное и громадное, как гора. Из-за облаков выкатилась луна и серебряным водопадом осветила темную громадину. Это был тиранозавр.

Десятиметровой высоты хищник замер и уставился на дымно мерцающий силуэт. Призрак, прекратив играть, встал и хотел уйти. Но передумал. Понял, видимо, что для него ничто материальное не опасно, и снова уселся. А тиранозавр, это исполинское чудовище мезозоя, разглядывал сидящее на холме привидение с возрастающим вниманием. В его глазах, похожих на громадные линзы, засветилось любопытство.

— Это он, — дрожа от страха, шепнула Мага. — Говорящий. Но не Крысоед, а другой.

Минуту или две длилась странная тишина. Нарушил ее призрак. Он снова заиграл. Да так, что у Руди перехватило дыхание и защемило в груди. Пленительные звуки словно обволакивали его и уводили в зазвездные таинственные дали, в миры, где печально шелестели травы, грустили закаты и пели невиданные птицы. Мага прислонилась к Руди и затряслась в рыданиях.

— Что он делает, мучитель! — всхлиывая, шептала она. — Как играет, с какой силой!

Но самое невероятное творилось с мезозойским

чудовищем. Тиранозавр поднял мордук звездам и заскулил, завыв от тоски и отчаяния. И вдруг, будто рухнувший с неба гром, раздалось оглушительное рыканье тиранозавра и его человеческие слова:

— Мерзавец! Душу терзаешь!

Оцепеневший Руди не верил ушам своим, но, собравшись с духом, внимательно слушал. «Тут что-то важное», — мелькнула у него мысль. Призрак перестал играть и, колыхнувшись туманом, встал на ноги. К нему осторожно приблизился тиранозавр, присел на задние лапы и заговорил:

— Ну что, художник, удивлен? Увы, это я. Старпом.

— Не может быть! — воскликнул призрак.

— У этого дьявола все может быть! — с яростью загремел тиранозавр и передней лапой ткнул в мигающее звездами небо. — Видишь? Подмигивает, смеется надо мной.

Затаившийся за кустами Руди с возрастающим изумлением взирал на разъяренное мезозойское чудовище. Старпом — тиранозавр! Через миллионы лет в будущем Старпом — ясень! А еще дальше... Нет, эту чертовщину надо переварить и осмыслить. Тут что-то главное. Руди слушал, стараясь запомнить каждое слово. К сожалению, беседа двух ошеломляющих созданий прервалась: в лесу что-то зашумело, затрещали деревья. Тиранозавр-сапиенс, злобно рыкнув, ускакал в ту сторону и растаял в ночи. Призрак-музыкант поднялся над землей и, слившись с лунным сиянием, улетел в небо.

— Вот и все, — сказала Мага. — Показывать тебе уже нечего. Страшные чудеса кончились. Ты о чем задумался? Вернемся ко мне.

Вернулись. Но и солнечным днем, под звонкой листвой магнолии задумчивость не покидала Руди. Девушка с тревогой смотрела на него.

— Я уже раскаиваюсь, что сразу показала все. Сейчас уйдешь и забудешь меня.

— Не забуду, — очнувшись, сказал Руди. — Но мне надо побыть одному одному и подумать. Я еще приду к тебе.

Домой он вернулся в то же самое раннее утро с его редющим туманом и первыми солнечными лучами. словно странствий во времени и не было. Под старым тополем сидел дед и улыбался, внимая птичьим песням. Услышав, что Руди сейчас же намерен отправиться к Старпому-ясеню, нахмурился.

— Не советую. Непонятный он тип. Сначала расскажи, что выведаль. Говоришь, побывал в юрском и меловом периодах? Любопытно.

Слушал дед с изумлением, а весть о двух Старпомах — тиранозавре в мезозое и ясене в ближних веках — его крепко озадачила.

— М-да. Чудные дела творятся на нашей планете. Ты прав. Тут что-то важное. Сходи к нему, но будь осторожен.

Утром следующего дня Руди отправился по уже знакомому и привычному маршруту: к Толику и вместе с ним к Вере. Та сидела на берегу недалеко от вербы.

— Не дымишь? — удивился Толик. — Неужто бросила?

— Не, просто сигареты кончились, — честно призналась Вера. Услышав, что дядя Руди желает посетить Старпома, она пришла в восторг. — Ой, как хорошо. Он тебе, дядя Руди, понравится. Он давно ждет тебя.

— Меня? — удивился Руди. — С чего бы это? Ну, идем.

СТАРПОМ-ЯСЕНЬ

Тропинку в недалекое прошлое (всего-то в тысячу лет) Вера давно протоптала. Несколько шагов во мгле веков — и перед Руди то же самое озеро, но с несколько иными берегами. Вместо вербы и густого ивняка росли березы, не было топких низин. Кругом светло, на цветущей поляне ни листьев, ни единой соринки.

— Сам подметает, — с уважением прошептала Вера. — Любит чистоту и порядок.

В утреннем тумане плавилось встающее дымное солнце, его лучи расплескались на листьях и ветвях деревьев. А вот и красавец ясень — высокий и стройный, с раскидистой густой вершиной. Рядом уютная бухточка с крутыми берегами.

— А соизволит ли ясень явиться к нам в человеческом виде? — с усмешкой спросил Руди.

— Он в это время часто гуляет по озеру. Да вот он, смотри!

Недалеко от бухты из сиреневой дымки выплыл белый парус.

— Красивая яхта, — сказал Руди. — Слышал, что он сам ее смастерил.

— Сам. Он же Старпом-с-топором, — рассмеялась Вера.

Человек на озере, видимо, услышал знакомый детский смех. Он направил яхту в бухту, бросил якорь и выскочил на берег.

«Решительный субъект», — подумал Руди, взглянув на волевое лицо незнакомца.

— Ну что, художник? Не узнаешь? — усмехнулся человек. — Все правильно. Сейчас твой бессмертный дух в беспамятстве томится под бременем земной материи. Вот умрешь — и все вспомнишь.

— Для меня твои слова, господин Старпом, сущий бред, — в свою очередь усмехнулся Руди.

— Так и должно быть, — сказал Старпом и протянул пачку сигарет. — Закуривай. Говорят, что ты начал курить.

— А еще говорят, что ты сигареты у туристов украл.

— Ах, это Вера разболтала. Сейчас я ей всыплю. А ну, иди сюда! — грозно возвысил голос Старпом и ласково погладил по голове безбоязненно подбежавшую девочку.

— Простил? Какой ты добрый, дядя Старпом, — улынулась Вера.

— Вот видишь, дети считают меня добрым, — с грустью сказал Старпом. — А вот ты, художник, счи-

тал меня лютым зверем. А зря. Да, ты выл и визжал, когда я пытал, терзал твою плоть. Но я ненавидел не тебя. Нет, я ненавидел вот этого притаившегося в тебе дьявола, — Старпом показал на небо. — Хотел вырвать у вопящей материи ее тайну.

— Хватит! — хмуро и грубо оборвал его Руди. — Не желаю слушать бред. Я пришел по делу.

— Иди, Верочка, погуляй, а я поговорю вот с этим сердитым дяденькой. Присаживайся, господин сердитый.

Руди сел напротив не то насмешливо, не то добродушно улыбающегося Старпома.

— Дай, я хоть погляжу на тебя, — сказал Старпом. — Каким, однако, стал ты молодцом. Стройный, подтянутый. В лице чувствуется сила, целеустремленность. В глазах, правда, грустинка. Ну, это понятно. Обстоятельства не позволяют проявиться твоей космической, поистине дьявольской гениальности. Бред, говоришь? Нет, не бред. Да, досталась тебе не очень счастливая доля, прямо-таки скажем — окаянная доля. Слышал об этом кое-что. Ну что ж, на пользу пошло. Ты стал другим человеком. Поздравляю. А каким ты был пошляком и размазней там, под Счастливыми облаками! Точно вспомнить.

— Никогда пошляком не был и не буду. Этого не может быть. Или, по-твоему, у этого дьявола все может быть? — усмехнулся Руди.

— Откуда ты знаешь этот крик отчаяния? — удивился Старпом и, выслушав Руди, рассмеялся. — Вон оно что. Ты сидел в ночных мезозойских зарослях и подслушал мой разговор с музыкантом-призраком? И многое разведаль? Ну ты даешь, художник. Молодец! Так мы быстрее столкнемся. Ведь у нас сейчас общая цель — вернуть планету на прежний естественный путь развития. Что ты собираешься предпринять?

— Разобью яйца, из которых вылупился ты и еще какой-то Крысоед.

— Глупости. Тиранозавры-сапиенсы, то есть я с Крысоедом, вылупятся в другом месте. Корень зла не в нас, а в тебе. Удивлен? Вот ты видел еще одного призрака и слушал его потрясающую игру на свирели. А знаешь ли, кто этот призрак, это милое и сатанинско-гениальное привиденьце? Это ты!

— Не может быть! — испугался Руди.

— У этого дьявола все может быть, — с грустной усмешкой возразил Старпом. — Природа способна на и не такие дьявольские выкрутасы. Еще больше удивись, когда скажу, что тебя и капитана жаба пощадила, освободила ваши души для лучшей доли. Кем стал капитан, не знаю. Но с тобой произошла прекрасная метаморфоза. А со мной! Со мной что случилось!

Старпом вскочил и, багровея от ярости, разразился такими ругательствами, такими угрозами, что Руди стало страшно. «Да, это серьезный тип», — подумал он.

— У, проклятая жаба! — гремел Старпом. — Вогнал мою бессмертную душу в шкуру мерзкого тиранозавра. Доберусь до тебя! Расправлюсь! А по-

том... — Старпом вдруг улыбнулся, подошел к ясеню и нежно погладил его красноватый гладкий ствол. — Потом я стал вот этим благородным деревом. Не знаешь, художник, какое это счастье — жить мыслящим деревом. Видеть листьями мир, думать. А какое блаженство ловить трепещущими от радости листочками лучи солнца, ночных звезд и всего космоса. Но так жить вечно, в плену этой дурацкой петли времени? Удивлен, какой петли? Тогда слушай.

Старпом сел, собрался с мыслями и поведал Руди о том, что вспомнил, о чем передумал, будучи, как он выразился, «благородным ясенем». По его словам, бессмертный дух Руди-художника, как и дух какого-то капитана, миллиарды лет назад был заключен в подземелье средневекового замка. Освободил их некий Вычислитель в виде жабы и подсказал якобы единственный путь из мрака мертвой Вселенной. На самом же деле путь этот — вихрь космического времени, который замкнулся в гигантское кольцо.

— И завертелась вселенская карусель, — с горечью продолжал Старпом. — В эту ловушку подлой жабы попал и я с Крысоедом. Тебе повезло: просвистел космическим ураганом по планете и высвободил из песка два яйца динозавров. Из них-то под лучами сверхновой и вылупились мы с Крысоедом мерзкими чудовищами. Тебе-то ничего, любимчик жабы. Потешил себя, поиграл на дудочке и рвал, терзал мою душу вселенской тоской. О, как ты играл, подлец! С какой сатанинской силой!

— Ладно, бредни с Сатаной отложим в сторону, — прервал его Руди. — О твоём пути догадываюсь. После тиранозавра стал ясенем, потом внедрился в человеческое первобытное общество и был людоедом...

— Ну-ну, художник, — примирительно улыбнулся Старпом. — Не надо преувеличивать, в тебе заговорила застарелая ненависть ко мне. Нет, людоедом я не был. Но смутно помню, что был дворянином и писателем. Так, неважным писателем. Потом еще ряд каких-то сереньких существований-метаморфоз...

— Кстати, почему твои собратья — мыслящие деревья ничего не помнят о своих былых жизнях?

— Опомнись, художник. Я ведь изначальное явление, и мои метаморфозы шли из глуби миллионов лет в будущее, а у тех наоборот. Верочка-вербочка, твой любимый дед и все остальные думающие деревья возникли в будущем после ядерной войны. Это просто мутанты.

— Извини, я действительно запамятовал, — смутился Руди. — Статус твоего нынешнего существования иной. Так сказать, с космическим и метафизическим уклоном.

— Верно. Ты малый сообразительный, — одобрил Старпом. — Итак, после неясных сереньких существований я...

— Стал все же людоедом, — с иронией ввернул Руди.

— Не терзай душу, художник! — взвыл Старпом и в отчаянии обхватил голову руками. Помолчав, он

продолжал: — Да. твои родители все рассказали и показали, ты многое знаешь. А знаешь ли, до чего сейчас омерзителен мне этот Дальвери, этот плюгавенький вождь и мудрец. В своих прошлых жизнях я тоже зверствовал, но с великим смыслом, с целью вырвать тайну. А тот... Нет, тот лютовал без всякого смысла. Вот уж людоед так людоед, каких и во всей Вселенной не было. И самое странное в том, что этот подонок — я, мое вечное будущее. Вечно!

«Однако сейчас он здорово переживает. Сложный тип», — подумал Руди и сказал:

— Вижу, что раскаиваешься. В образе ясеня ты начинаешь мне нравиться.

— Спасибо, художник. Спасибо, друг, — с просветленным лицом сказал Старпом. — Это все жаба, это Вычислитель вычислил нам с тобой дурацкую космическую судьбу. И это идиотство будет повторяться бесчисленное множество раз, без конца, если не сумеем вырваться из петли.

— Петля, кольцо времени... Вспомнил! — воскликнул Руди и рассказал о безуспешной попытке дедатополя шагнуть в будущее, о том, что какая-то сила закружила его, завертела и бросила на место.

— Это он легко отделался, — усмехнулся Старпом. — Он не космический, как мы с тобой, а местный. Потому и попал в местные колечки времени, в земные микровихри. Нам же с тобой предстоит долго, в миллиарды лет космическая круговерть.

— Аж голова кружится...

— Охотно верю. Земному человеку, в какой-то стадии ты сейчас пребываешь, нелегко свыкнуться с этими дьявольскими штучками Вселенной.

— Ладно. Предположим, что в далеком прошлом я призраком побывал на этой планете, поиграл на дудочке, побеседовал с тиранозавром. А потом?

— Потом, покинув планету, ты, видимо, какое-то время блуждал по Вселенной, набрел на волшебную галактику и материализовался под счастливыми облаками. Я же продолжил свой нелепый путь на этой планете: тиранозавр, яшень, смутные метаморфозы и в качестве апофеоза... — губы Старрома не то иронически, не то страдальчески искривились. — В качестве апофеоза — людоед Дальвери. Когда он подох... То есть, когда я умер и с облегчением сбросил вещественную шкуру этого подонка, то сразу же отправился по предначертанному мерзкой жабой космическому пути и очутился под счастливыми облаками. Ты был там уже вполне законченным пошляком... Ну-ну, не надо морщиться. От космического дьявола у тебя тогда осталось лишь сатанински-гениальное творчество да отдельные жуткие выходы вроде мясорубки на корабле. Да, были дела... Потом наше вещественное бытие под дурацкими облаками кончилось, а дальше... Вот дальше мне не совсем понятно, все в каком-то туманчике. Ясно одно: мы снова на планете Окаанной. Ты — призрак, потом Руди. А я опять тиранозавр, потом яшень... Тебе не кажется, что мы беседуем вот под этим ясенем уже не первый раз?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Может быть, хватит на сегодня?

— Пожалуй, хватит. Все это надо переварить.

Расстались они как-то странно, с каким-то чуть насмешливым и в то же время дружеским расположением. А тут еще старпом пробормотал что-то странное:

— Ну, а вдруг... В это не очень верю, но — если вдруг мелькнет в твоей памяти, что я не раз пытал тебя, не обижайся. Пойми, что я был зверем не из любви к палачеству. Какой там зверь, когда душа изнывает от жалости ко всему живому...

Дома Руди, как и следовало ожидать, оказался росистым ранним утром. Только дед на сей раз не улыбался, не нежился в лучах солнца, а беспокойно расхаживал в тени под тополем.

— Ну как? — с тревогой спросил дед.

— Представь, Старпом совсем не страшный. Мне он понравился, но ошеломил, рассказал такое, что голова кругом идет.

Вдали из кустарника пугливо выглядывал Мистер Грей и жестами подзывал Руди к себе.

— Завтрак, Руди! — отважился крикнуть он. — Завтрак готов!

— Вот у кого голова кругом идет, — рассмеялся дед. — Все еще боится подойти ко мне. Иди. Потом поговорим.

Днем Руди смотрел фильмы и проверял в пилотской кабине маршрут корабля. У него была надежда, что вся эта чертовщина произошла не на той планете, где жили раньше родители, а на другой. Но нет, отец прав: корабль, стартовав с планеты Земля, попал не в суперпространство, а в супервремя и висел на одном месте долгие годы, столетия, промелькнувшие, однако, для экипажа за минуты. За эти годы (по земному времени) термоядерная война испепелила планету, от разбитой луны остались обломки и пыль. Планета Земля стала планетой Окаанной: призраки, мыслящие тиранозавры, искаженная история, ядерная война, радиоактивный пепел, деревья-мутанты... Круг где-то замыкается. И снова: призраки, тиранозавры... Планета вертится, как белка в колесе.

— Пожалуй, ты прав. Белка в колесе, — подумав, согласился дед, когда Руди рассказал все, что он узнал от Старрома. — Но вот как планета попала в петлю? Хоть убей, не пойму.

— И я не знаю. Но это факт. Старпом уверяет... — Руди поморщился. — Он говорит, что это мои проделки. Дескать, шутка Сатаны.

— А, это о том, что ты промчался по планете ураганом и стал привидением? А почему бы и нет?

— Ну, дед, ты даешь. Такой чепухи от тебя не ожидал.

— Опять за свое, — с досадой проворчал дед. — А твои нынешние странствия во времени? Это что? Тоже мистика и чепуха?

— Да, ты прав. Надо подумать.

— Думай, дружок. Думай.

Несколько дней Руди был во власти мучительных раздумий. То сидел где-нибудь на пригорке, то ча-

сами ходил по кают-компани из угла в угол. «Мечусь, как зверь, загнанный в клетку, — усмехался Руди. — Где же выход?»

Выхода было два: либо признать мистику реальностью, либо плюнуть на все и уйти в бездумную жизнь во времени. Вспомнились милые ребятишки — Тополек и Вера, вспомнилась Мага, ее выющиеся на ветру золотистые волосы, ее любящие нежные глаза. Уйти бы к ним навсегда, ходить с любимой по цветущим полям прошлого. И многие годы, столетия и тысячелетия, пролетят, как в сказке, как в золотисто-розовом сне... «Ну уж нет, — опомнился Руди. — Счастье не для меня. Да и счастье ли это?»

Однажды вечером он встал перед могилами родителей и с грустью спрашивал их: как быть? И тут охватило его необоримое желание увидеть маму и папу живыми. Но как? «А что, если Старпом?.. — мелькнула догадка. — Этот пройдоха многое может».

Утром он отправился в прошлое и вместе с Верой пришел к красавцу ясеню. Его человеческий образ развернул в это время паруса и поплыл по тихой озерной глади. Но, заметив гостей, вернулся в бухту и выскочил на берег.

— Как? — удивился он. — Неужели уже решился встретиться с самим собой? Так быстро?

— С самим собой? С призраком? — по спине у Руди пробежал холодок страха. — Нет-нет! Я еще не готов.

— Тогда зачем пришел? — Старпом внимательно посмотрел на Руди и расхохотался. — Ах, вон оно что! Еще раз хочешь взглянуть на живых родителей?

— Еще раз? Нет, я только вчера подумал об этом. Или... — в памяти у Руди мелькнуло что-то смутное и погасло. — Нет, я прошу впервые.

— Нет, художник. Ты уже надоел мне с этими просьбами. Ты просто забыл. Ну что ж, не могу противиться вихрям времени. Против веления природы не попрешь. Так что взбирайся на яхту.

— Разве на яхте?..

— Ты и это забыл, — усмехнулся Старпом и обратился к девочке: — Подожди нас, Верочка. Мы с этим забывчивым дяденькой прогуляемся и скоро вернемся.

Яхта отплыла от берега, вошла в кружившийся над озером густой туман, потом во мглу веков. Вышла она из тьмы и такого же утреннего тумана, но в другом времени и на другом месте — в океане рядом с небольшим островом. На его берегу — пальма. Высокая, с заметно покривившимся стволом.

— Пальмира, — улыбнулся Старпом. — В молодости, говорят, была стройной красавицей. А сейчас сильно постарела, сгорбилась. Поблизости ни одного мыслящего деревца. Одна-одинешенька. Да вот и сама. Стеснительная стала.

Из-за ствола показалась старушка, махнула рукой, подзывая к себе яхту, и скрылась. Яхта вошла в бухту и очутилась в тени под густой кроной пальмы. Гости сошли на берег.

— Вон там твои родители, — махнул рукой Стар-

пом. — Отправляйся к ним один. Ты все забыл, но навыки управления яхтой остались.

Руди выкурил несколько сигарет, готовясь к волнующей встрече, потом отправился в указанном направлении. Дул слабый ветер, разгоняя утреннюю дымку. Показался знакомый Лазурный берег с тростниковым бунгалом. На песчаном пляже Руди увидел маму, сестренку, ошеломленного папу и... самого себя.

— Руди! Сыночек! — закричала мама и кинулась к яхте...

Последовала сцена, уже не раз повторявшаяся и каждый раз забываемая Руди.

Вернувшись на остров, Руди упал на песок и зарыдал.

— Ну-ну, художник, — с сочувствующей и чуть насмешливой улыбкой сказал Старпом. — Стыдно. Что подумает Верочка, увидев у дяди детские слезы?

Слезы на щеках у Руди высохли, когда яхта вернулась на озеро. Девочка встретила их с букетом цветов.

— Приходи к нам почаще, художник, — сказал Старпом. — Но не смей приставать с этими просьбами. Надоело. Хватит душераздирающих встреч. Разорви петлю времени. Только ты сможешь сделать это.

«Но как сделать? — размышлял Руди, вернувшись домой. — Уйти в далекие времена и поговорить с тем призраком, который первым спустился с небес на планету? Неужели призраком тот — я? Мое прошлое? Как это понять? Как совместить с представлениями о мире, которые усвоил с детства от родителей? Вам-то было хорошо, мама и папа. Мир для вас был прост и понятен, а я брошен в бездну тайн и загадок».

Незаметно подкралась осень. Хмурая, непогожая. Руди не раз приходил советоваться с дедом, но видел лишь гнущиеся под ветром ветви. С них слетали ржавые листья и падали в лужи, то зеркально светившиеся под тусклым солнцем, то вскипающие от хлестких дождевых струй. И только раз показался дед в каком-то рваном тулупчике. Глядя в слезливое небо и зябко поживаясь, он сказал:

— Ухожу в зимнюю спячку, Руди. Грустно.

Руди остался один. Даже Мистер Грей уединялся. Он хворал: биологические детали старели, а попытки заменить их механическими кончались неудачно.

ВСТРЕЧА В ОЛИГОЦЕНЕ

Приближалась зима. Тоска гнала Руди из опустевших кают под хмурое небо. Он бродил в лесу среди голых, как скелеты, деревьев, выходил в луга, где в мертвых травах шуршала поземка. Быстро темнело. Над головой висел косматый свинец облаков. В их размывах и промоинах снежно белела дуга — пыльные остатки Луны, выступали крупные холодные звезды.

Отчаяние охватило юношу. Зачем мне выпала такая тяжкая, такая окающая жизнь? Зачем вообще жизнь? Откуда и зачем сознание, мысль? Кто знает? Кто скажет? Руди вглядывался в черный омут неба с дрожащими льдинками звезд, вслушивался в свинцовое молчание вечности, и мир представился вдруг в виде хаоса, беспорядочного, ужасающего и полного невыразимых тайн потока, лишённого направления, смысла и цели.

«А не уйти ли от вселенской бессмыслицы совсем? Не уйти ли из постылой жизни? Не покончить ли с собой?» — эта нечаянно свалившаяся трусливая мыслишка так испугала юношу, что он заметался, бегая по лугам, и начал колотить себя по голове. Негодяй! Трусливый подонок и дурак! Глупее нет ничего. Я обязан поступать не так, как хочу, а так, как должен. Долг! Мой святой долг! Перед кем? Перед родителями или... человечеством? А разве родители и человечество не одно и то же?

Эта неожиданная мысль так почему-то поразила юношу, что он остановился и увидел, что случайно заскочил в тополиную рощу. А если это не случайно? Вот бы сейчас уйти в прошлое и все сделать, перевернуть историю, спасти человечество. Ну, если не сейчас, то как можно скорее. Завтра, послезавтра. А получится ли без помощи деда? Не попробовать ли?

Ничего не получилось бы у Руди, если бы не причуда природы. Не успела зима разгуляться, как неожиданно-негаданно, словно позабыв что-то, вернулась осень и подарила лесам и лугам немало чудесных теплых дней. Какое-то невиданное бабье лето. Стаяли снежинки на ветвях, подсохли луга.

Однажды утром Руди помогал Мистеру Грею готовить завтрак. Мистер Грей выздоравливал, но кое-какие детальки у него все еще барахлили, и чувствовал он себя неважно. Но крепился и всячески старался приободриться, развеселить своего, как ему показалось, приунывшего шефа и друга.

— Утро-то какое! — восхищался он. — Не пойму, Руди, весна сейчас или лето? Да подними же голову, наконец! Посмотри!

Руди осмотрелся и ахнул: весна! И в самом деле весна! Кое-где проклюнулась свежая травка, какой-то взбалмошный жаворонок ликующе заливался в чистом, по-июньски синем небе. Душа у юноши наливалась радостью и восторгом, невольно приходили мысли о красоте и величии природы, приходила и та... да, приходила, возвращалась та самая «минутка-вестница», тот вещий миг-откровение, когда деду и Руди однажды приоткрылось безграничие Мироздания, его великая тайна, чуть ли не Бог...

Руди еще раз огляделся: как тут не прийти той «минутке-вестнице», когда рощи, перелески, степные дали словно утопали и неясно зыбились в теплой сизо-золотистой дымке, а за ней чудилось что-то зовущее и бесконечное. Не Бог, но что-то близкое и родное. «Там же дед!» — вспомнил Руди, и ноги сами собой понесли его в тополиную рощу.

(254) — К своему деду топаешь? — съехидничал Мистер Грей. — Бесполезно. Дрыхнет он сейчас.

Тополя в роще действительно спали. Руди сел на корни тополя-старикана, закрыл глаза и ощутил, что роща под греющими лучами встающего солнца медленно пробуждалась, в деревьях оживали... биотоки! Оживали они и у старого тополя. Нащупав постороннее биополе, они «узнали» Руди, его «я» и приступили к привычной работе. Волнуясь и затаив дыхание, Руди почувствовал, как его «я» медленнее, чем обычно, но все же приобретало иное состояние и переселилось в другое время, пригодное для жизни во времени.

Руди чуть не вскрикнул: дед и не знает! Он спит! Я могу без него, без Дубака и потешных старух уйти в меловой период и все сделать! Прямо сейчас! «Без соблазнительницы Маги не обойтись, — вспомнил он и твердо решил: — Буду с ней строг».

Руди встал и шагнул во мглу тысячелетий. Вот и жутковатая вежа на пути — багровая вспышка и протяжный гул ядерной войны. Еще немного, всего несколько миллионов лет, и где-то здесь местечко, где однажды с дедом они пытались передохнуть, но им помешали. Руди вышел в пространство и впрямь очутился на знакомой солнечной поляне. Поблизости опушка леса и те самые «милые обезьянки», с которыми дед в тот раз крупно повздорил. Как и тогда, обезьяны висели на ветвях и с чмоканьем жевали плоды. Увидев незнакомое двуногое существо, завизжали, и Руди поспешил уйти.

Но что это? Шаги во времени становились все более тугими и вязкими, как в болоте с кустарником. Руди с усилием продирался через чащобы тысячелетий и начал выдыхаться. Нет, не сам он, а его биополе начало обессиливать, таять. Еще немного, и оно рассеется совсем, и Руди, его «я» перелетит в свое настоящее тело, в тот самый бездыханный «чурбан», сидящий на корнях старого тополя. Он просто вернется домой. Руди вспомнил дедовы уроки и понял, в чем дело: он получил столь малую дозу энергии, что ее не хватит на дальнейшее путешествие. Может быть, до Толика с Верой добраться? У них он мог бы «дозаправиться», запастись биоэнергией — этого у ребятишек хоть отбавляй. Резвые они, веселые и шумные, энергия так и плещет через край.

Руди рискнул, вышел в пространство и сразу понял, что до Толика он не дошел. Нет ни каменистого холма с молодым стройным тополем, ни озера вдали, где растёт вербочка. Он в густом кустарнике с тучей звенящих москитов. Отмахиваясь от них, Руди осторожно выглянул. В ночной степи, ярко освещенной луной, проскакали, стуча копытами, животные, и Руди узнал в них предков лошадей. Что здесь? Доледниковый период? Олигоцен? Желая сориентироваться, он вышел из кустарника и наткнулся на двух дерущихся кабанов. Эти великаны с клыкастыми, длиной в целый метр, мордами что-то не поделили. Соседство не очень приятное. Руди отскочил в сторону и очутился рядом с каменистой стеной. Гора? Не без труда, цепляясь за выемки и

карнизы, Руди взобрался наверх. Оказывается, это горное плато с двумя зазубренными скалами. Внизу в пепельном свете луны раскинулась лесостепь. Слышались звоны и трели сумеречных насекомых, приглушенные далью рыки хищников, хохот гиен — обычная симфония олигоценовой ночи.

Наверху он в безопасности. Но делать здесь, в олигоцене, нечего, и Руди хотел вернуться домой, как вдруг у подножия дальней скалы заметил пляшущий огонек. Костер? Первобытные люди? Но они появятся лишь через миллионы лет. Кто же там?

Озадаченный и заинтригованный, Руди осторожно приблизился и увидел человека — какого-то странного оборванца за весьма странным занятием: горячей веткой тот подпаливал у себя изрядно отросшие усы. Потом принялся таким же манером укорачивать бороду. При этом человек чертыхался и ругал себя:

— Какой же я болван. Ни ножниц, ни бритвы не захватил. Ах, какой болван.

Руди чуть не ахнул от изумления: человек говорил на родном языке папы и мамы! Желая привлечь к себе внимание, Руди кашлянул. Оборванец отбросил ветку и посмотрел на Руди. Странно, он ничуть не испугался. Напротив.

— Наконец-то! — обрадовался он. — Еще один бедолага попал в ловушку. Теперь я не один. Подожди, дай хоть погляжу на тебя. Да ты молодой еще, но бриться уже начал. Слушай, парень, нет ли у тебя бритвы?

— С собой нет, — удивленно пробормотал Руди. — Но я схожу домой и принесу.

— Не дури, парень, — рассмеялся человек и погрозил пальцем. — Не разыгрывай. Нет здесь у тебя никакого дома. Бездомные мы с тобой. Давай для начала познакомимся. Профессор биофизики Олег Коряков. А тебя как?

— Руди Свенсон.

— Уж не ли родственник ли профессора Свена Свенсона?

— Это мой папа, — все более изумляясь, сказал Руди.

— Не дури, парень, — профессор снова погрозил пальцем. — Нет у Свена сына, а была дочь.

— Катя? Это моя сестра.

— Точно! Катей ее звать! — воскликнул профессор. — Откуда ты знаешь?

— Я родился потом, уже здесь.

— Ну и ну. Ничего не пойму. Вот что, парень, присаживайся и расскажи о себе.

Руди присел на камень и как следует рассмотрел профессора. Это был человек лет шестидесяти, но с удивительно молодыми, весело блестящими глазами. Они с жадным любопытством рассматривали Руди и словно поторапливали: ну, ну! Выкладывай!

Руди собрался с мыслями и рассказал о побеге родителей, о том, как их звездолет нечаянно, попав в какую-то дыру времени, снова очутился на той же планете, но уже в будущем.

— Супервремя! — воскликнул ученый и, вскочив, заметался, бегая вокруг костра. — Так и есть! Через супервремя, через его местную ловушку, я и провалился сюда. Моя догадка подтвердилась. Ай да я! Молодец! Пространство вокруг планеты получило такую встряску, что перескочило в супервремя.

— Но почему? Отчего перескочило? — заулыбался Руди. Очень уж радостно стало ему с таким неунывающим, живым и подвижным, как ртуть, профессором.

— Да потому, что сама планета получила встряску. Ее тряхнуло так, что все поля переменяли заряд. Даже северный и южный полюса поменялись местами. И знаешь, отчего?

— Атомная война!

— Ай да парень! Сообразил! Впрочем, что тут удивительного. У Свена Свенсона не могло быть плохого сына.

— Откуда вы знаете моего отца? И как попали сюда? Да присядьте же, профессор, расскажите.

— Нет, парень. Рассказывай сначала ты.

Пришлось Руди поведать нетерпеливому профессору о мыслящих деревьях, о своей жизни во времени.

— Вот так чудеса, — бормотал ученый, но, кажется, всему поверил.

— А теперь, профессор, я послушаю вас.

Профессор подбросил в костер сухих веток, присел и поведал свою историю. Был он, оказывается, вместе с отцом Руди в одном концлагере. Дерзкий побег Свена Свенсона вызвал у стражников и начальства невиданный переполох. Биофизику и еще некоторым ученым в той суматохе удалось бежать. Что стало с его товарищами, он не знает. Может быть, их поймали. Но сам биофизик затерялся в непроходимых дебрях суровой тайги. Наткнулся на кем-то оставленную охотничью избушку со всем необходимым. Года два, живя в одиночестве, промышлял охотой. И однажды ночью небо осветилось незатухающим багровым заревом, потом с далекого юга докатился гул. «То лишь цветочки всепланетной ядерной бойни», — сообразил ученый-охотник и, прихватив побольше патронов, бежал подальше на север. Но водородные бомбы, целые их серии и пачки, настигали его и здесь. Вместе с тайгой охотник превратился бы в радиоактивный пепел, но раньше подоспели микровихри и локальные дыры супервремени. В одну такую ловушку попал охотник и ухнул вниз, в далекое прошлое.

— Вот так я очутился здесь, — невесело усмехнулся профессор. — Промышляю охотой уже не в морозной тайге, а в тепленьком олигоцене. Все бы ничего, лучше, чем в концлагере. Да тоскливо одному. Вот и обрадовался, увидев тебя. Вот, думаю, еще один бедняга попал в ловушку. Оказывается, другое: твой дом — корабль в далеком будущем, и ты ходишь туда-сюда пешочком по тропинкам времени. И прихватить меня с собой, как понимаю, не можешь.

— Не могу, — с жалостью сказал Руди. — Вещи

могу принести, но перемещать человека, его биополе — нет. Трудно вам здесь и опасно. Кругом хищные звери.

— Да, саблезубых тигров здесь до черта. Но устроился я не так уж плохо. В этой скале небольшая пещера. Это мой дом, и подняться сюда звери не могут. Это ведь не степь, а горное плато. Видишь?

В небе гасли звезды, таяла луна. В предрассветных сумерках недалеко от скалы угадывался еще один обрыв.

— С этой кручи вы и спускаетесь на охоту?

— С охотой стало туго, осталось три патрона. Да и двустволка старая.

— Я принесу! У меня все есть! — заторопился Руди. — Не пройдет и минуты, как буду здесь.

Руди нырнул во мглу веков и шел домой с максимально допустимой скоростью. Бежать нельзя, но что ни шаг — то десятки и сотни тысячелетий. И вот он уже сидит на дедовых корнях в сизо-золотистом тумане, тающем под горячими лучами встающего солнца. «И у меня тоже климат олигоцена», — подумал Руди и помчался к кораблю. У пылающего костра суетился, к удивлению Руди, совсем оживший Мистер Грей.

— Ура, Руди! Я выздоровел! — кричал он. — Но куда ты? А завтракать?

— Некогда! Потом! — весело откликнулся Руди.

На лифте он поднялся наверх, в сад и кают-компанию нашел все, что нужно. Руди засунул в объемистый рюкзак кое-что из одежды, мыло, ножницы, бритву и кучу патронов. С двустволкой в руках и рюкзаком за плечами спустился вниз.

— На охоту идем! — ликовав Мистер Грей. — Позавтракаем и пойдем на охоту. Ура!

— Я с дедом иду. Хочешь с нами?

— С дедом? — Мистер Грей испуганно замахал руками. — Нет, нет! Ну его к черту. Он сам черт.

Руди рассмеялся и побежал к тополию. На сей раз ждать перехода из пространственного тела в тело временное пришлось довольно долго: биоэнергетика тополя-старикана слабела. «Неужто к перемене погоды?» — с тревогой подумал Руди. Но все обошлось — он благополучно зашагал в прошлое. Из времени в пространство Руди вышел в точно рассчитанном месте, но с временем чуточку промахнулся: над горным плато уже сияло жаркое солнце олигоцена. Но костер еще горел, из его углей и золы профессор веткой вытаскивал какие-то клубни.

— Наконец-то! Заждался я! — воскликнул он. — Садись завтракать. Вот печеная картошка или что-то вроде ее. Вкусно!

Руди молча развязал рюкзак и выложил содержимое, которое привело профессора в неопишуемый восторг.

— Двустволка! И одежду прихватил? Молодец! Обносился я здесь. Сейчас сброшу тряпье, переоденусь.

— Сначала выслушайте.

Но профессор, натянув новые охотничьи сапоги, бегал вокруг костра, счастливо похлопывал по го-

ленищам и хохотал. «Какой живчик», — усмехнулся Руди и, нахмутив брови, повысил голос:

— Сядьте, профессор! Выслушайте!

— Ого! Какой властный тон! — профессор замер и с одобрительным удивлением уставился на Руди. — Да ты крепкий парень, весь в отца. С таким не пропадешь. Жаль, что уйдешь, и останусь я один. Умру здесь, а потом, через миллионы лет ученые-палеонтологи откапают в слоях олигоцена человеческие кости. Как они будут ошарашены!

— В том-то и дело, что не дам вам умереть здесь. Я вас верну в прежнюю жизнь.

— Опять в концлагерь? Не шути, парень.

— Извините, профессор, за обмолвку. Со мной такое бывает, — сказал Руди. — Присядем, и вы услышите от меня более ошеломляющее, чем скелет человека в олигоcene.

Руди начал рассказывать о возможности вернуть планету на прежний путь развития, но «живчик» профессор и соображал так же живо и быстро.

— Я все понял! — воскликнул он и вскочил на ноги. — На прежний путь развития, говоришь? Ай да я! Я же сам подозревал, что у нас дурная и кем-то изуродованная история. К такому же выводу пришел и твой отец? Ай да молодец! Но ты сейчас один. Справишься?

— Справлюсь. Вы и знать не будете, что была дурная история. Вместо концлагеря и вот этой пещеры будет у вас, профессор, прежний рабочий кабинет, полки с книгами...

— Книги, — вздохнул профессор. — Как я истосковался по ним. Ах, парень, приволок бы ты мне хоть один романчик.

— Какой я дурак! — Руди вскочил на ноги. — Не догадался! Я сейчас! Еще есть возможность!

Руди вернулся домой. В тополиной роще все то же встающее солнце, все та же теплынь — возможность еще была. Но пока Руди выбирал и упаковывал книги, прошло часа три, и погода начала меняться, что почувствовали деревья. Их пробудившиеся биополя начали слабеть, съеживаться и наконец ушли в себя.

Руди примчался к старому тополию, сел на его корни, но, увы, не ощутил живительных биолучей. Он взглянул на солнце, появившееся уже довольно высоко, на темную тучу, выплывавшую из-за горизонта, и зябко поежился — подул холодный ветер.

Пришлось ему коротать зиму вместе с Мистером Греем, которому опять стало плохо с туго работающими новыми органами-детальями. Да и Руди несколько приуныл — откладывалось его дело. Однако прежнего отчаяния, тяжких мыслей и сумрачных видений вселенского хаоса уже не было. Недавняя солнечно-золотистая осень не забывалась, и та, еще раз посетившая странная «минутка-вестница», как светлый лучик, не угасала в душе. Да и нечаянная встреча в олигоcene повлияла — у Руди росла решимость выручить профессора, спасти человечество.

Если временами и напоздали на душу хмурые туч-

ки, то месяца через два, с уходом зимы, все изменилось. Растаял скопившийся в ложбинках снег, зазеленели травы, наливаясь весенними соками. Прогрохотали животворящие ливневые грозы и будто смыли в душе у Руди все темное, очистили от сомнений и колебаний. Даже Мистер Грей повеселел: механические детали прижились в его организме. А когда все кругом зацвело и заблагоухало, Руди с утра до вечера бродил по лугам и чувствовал себя удивительно юным и свежим, как ветер полей.

С таким настроением он и пришел однажды росистым и лучистым утром в тополиную рощу.

— Эй, Мефистофель! — весело крикнул Руди. — Чую, ты где-то здесь. Явись!

Услышав за спиной шорох кустарника, Руди обернулся и увидел деда. Он счастливо потирал руки, блаженно шурился и с благодарностью поглядывал на свой древесный образ: тополь шелестел, искрился молодыми листьями и хватал ими, пил ранние розовые лучи.

— Пьешь чаек? — улыбнулся Руди. — Ну и жизнелюб ты, дедушка. Завидно.

— А ты сейчас разве не такой же? Ты, я вижу, за зиму здорово изменился. Или осенью, когда я спал? С чего бы это?

— С чего? А если признаюсь, бить не будешь?

Руди рассказал о чудно-золотистом «бабьем лете», о неземной «минутке-вестнице», о знакомстве в олигоцене с профессором биофизики.

— Ходил в прошлое без меня? Без моих друзей? — дед погрозил пальцем. — Бить бы надо, но я прощаю. А с «минуткой-вестницей» просто завидую. Ах, минутка, минутка. Озарила что-то великое и погасла... Милая, где ты? Завидую и твоему знакомству с профессором. Ведь и я когда-то был им.

Дед подмигнул и расшалился, как дитя. Ему взбрела в голову блажь подражать университетскому профессору. Он встал в позу, какую принимают лекторы на кафедре, важно прокашлялся и заговорил поучительным тоном. Но на первом же трудном слове споткнулся.

— Одно из глубочайших заблуждений тропо... Нет, антросо... трософизма... Тьфу, какое корявое, окаянное слово.

— Антропоморфизма, — рассмеялся Руди. — Проще говори, дедушка, по-своему.

— М-да, — крикнул дед. — Профессор из меня не получился. А ведь когда-то был им. Все забыл. Я хотел сказать, что одно из заблуждений человека в том, что свой мыслящий дух он считает единственным и неповторимым достижением природы. А с какими формами мысли ты столкнулся на одной только нашей планете!

— С тобой, дедушка. Живешь во времени и видишь мир по-своему. Потом непонятная жизнь Старпома, его перевоплощения. А еще эти... призраки.

— И один из них ты сам в своем нетелесном виде. Встретиться тебе надо с ним и поговорить. Не трусь?

— И не думаю.

Руди все же побаивался призраков и со дня на день откладывал мистическую встречу, придумывая разные предлоги. Сначала он погостил у ребятишек. Жили Толик и Вера дружно. Потом он пошел к Старпому, желая будто бы поговорить с ним кое-какие детали. Но тот все понял и, презрительно усмеявшись, погрозил кулаком.

— Вон отсюда! — рявкнул Старпом. — Марш к самому себе, к призраку, и поговори с этим негодяем.

Собравшись с духом, отправился Руди знакомыми дорогами миллионолетий. Дед остался у Толика на его высоком каменистом холме. Оттуда ему удобнее следить за передвижениями Руди и в случае чего придти на помощь. Но Руди уже накопил немалый опыт самостоятельных хождений. Один только олигоцен чего стоит. Без труда он нашел в миллионелетиях рочку, как океан, лес из тысячелетних секвой. К несчастью, старушка умерла на его глазах. Ее трухлявый ствол пошатнулся, затрещал и шумно упал на землю. Пришлось идти в дубовую рощу.

— Не очень-то дружил с ехидной старухой, — сказал Дубак, когда узнал от Руди о смерти соседки, — а все-таки жаль. Скучно без нее. И поругаться не с кем. А ты, конечно, не ко мне, — осклабился он. — Желаете припасть к прекрасным ножкам? Валяй, холоп. Дорогу туда знаешь и без меня.

Мага встретила Руди с заплаканными глазами.

— Знаю уже. Нет милой старушки, — сказала она и вдруг улыбнулась сквозь слезы. — Ну и что? Развернется ее душа в какой-нибудь молоденькой сосенке или березке. Мы найдем ее. Хочешь, поищем? Идем.

«Отпускать меня не хочет», — подумал Руди. Но была она так трогательно прекрасна в своей печали, что Руди не мог устоять. И очутился он высоко в горах, в прекрасной долине, защищенной неприступными скалами. Не слышно здесь ни рыканья динозавров, ни пронзительного скрежета птеродактилей. Одни лишь пчелы гудели в цветущих травах.

— Нет ее, — вздохнула Мага. — Здесь только кусты да травы. Поищем в другом месте.

— Не хитри, Мага. Ее, наверное, вообще нет на этой планете. Нашла она пристанище в другом мире.

— Догадался, что я заманиваю тебя, — опустив голову, с грустью сказала она. — Знаю, сделаешь свое дело, и расстанемся мы навсегда.

— А хорошо здесь, — вздохнул Руди. — Тихо, не жарко, прекрасный горный воздух.

— Нравится? — оживилась Мага. — Знаю места и получше. Ты только представь: синий океан, коралловый атолл с голубой лагуной и кругом пальмы. Одна из них моя подружка. Поживем у нее в тростниковой хижине. Пальма будет ухаживать за нами, приносить бананы, цветы. Потом уйдем в другие времена и страны, и будет у нас вечная радость.

«А не уйти ли с ней в бесконечные просторы миллионолетий, затеряться в них навсегда? Погрузиться в сладкий сон, в иллюзию вечного счастья», — подумал Руди и с грустной усмешкой сказал:

— Нет, Мага. Счастье не для меня. Не за ним я пришел. Ну-ну, не плачь.

— А если я от счастья плачу? Я рада, что люблю такого непреклонного, мужественного и прекрасного принца.

Руди посмотрел на Магу и понял: согласись он на тихую бесцельную жизнь, она разочаровалась бы в нем.

— Я хочу быть достойной подругой принца, — с грустной улыбкой сказала она. — Пока ты зимовал у себя дома, я разведала новые и удобные тропинки к тому времени и месту, где возник самый первый небесный гость. Вот он тебе и нужен. Сначала сходим в ближние к нам времена. Еще раз посмотрим страшный ураган, но уже из другой точки. Очень важный ураган. То ли ураган, то ли какой-то призрак человека. А потом уйдем чуть дальше, когда призрак еще раздумывает: стать ему ураганом или нет? Понимаю, это главный миг. Поймать тебе надо его на этом моменте и остановить.

— Все-то ты поняла, умница моя, — растроганный до слез, не удержался Руди, обнял ее и поцеловал. — Но хватит. Идем.

Пришли они в этот раз к одинокой скале, высившейся над рощами и полями. Вдали клочкотали черные тучи, сверкали молнии. В их ярком свете видно было, как на далекой поляне в панике метались динозавры. Налетевший ураган смял их, словно метлой. Вырванные с корнем деревья, многотонные туши тиранозавров, бронтозавров, всех мезозойских чудищ неслись мимо скалы, как мусор. Скала находилась в стороне от эпицентра беснующейся бури, но и она дрожала. Дрожала и Мага, выглядывая из-за каменистого выступа. А Руди не мог оторвать взгляда от поразительного зрелища. В игриво ветвистых молниях, в грохоте-хохоте грома, в свистящем ветре было что-то живое и одушевленное. Ураган будто веселился, сокрушая все на своем пути. И утих он как-то внезапно, свернувшись в крохотную искру. «Это он! — понял Руди. — Тот самый призрак. Неужто я?»

В чистом небе висел фонарь луны. В его сиянии искра мерцала, гасла и вновь возникала из тьмы. Но уже ближе к скале. Искра легко скакнула на скалу и приближалась, временами пропадая за выступами. Но вот она выплыла из-за выступа и погасла, развернувшись в призрачные контуры человека с мерцающими глазами. «Страшно», — поежился Руди.

Призрак с высоты обвел взглядом опустошенную им равнину и пробормотал:

— Крепко я поработал. Прекрасное зрелище, сказал бы старпом.

— Любуется, — с возмущением прошептала Мага, взяла Руди за руку и во внезапно опустившейся полной тьме увела еще чуть глубже во времени, к

тому мигу, когда дьявольский призрак впервые появится на планете.

Тьма веков рассеялась, стало чуть светлее. И Руди показалось, что он на прежнем месте, на одинокой крутой скале. Но нет, из-за тучки выплыла луна и озарила огромный горный массив. Мага подвела его к обрывистому краю. Глубоко внизу угадывалась ночная лесостепь с извилистой, тускло светившейся лентой реки.

— Отсюда он прыгнет и загремит, — шепнула Мага. — Спрячемся вон за той скалой и подождем.

Ждать пришлось немного. Призрак возник внезапно и мерцающим туманом подошел к обрыву. «Вот оно, начало! — догадался Руди. — Начало не только урагана, но и всей чертовщины».

Призрак раскинул руки, словно крылья, и собрался броситься вниз, полететь ураганом. Тем самым одушевленным, по-разбойничьи лихо свистящим ураганом, который, замкнув кольцо времени, повторялся, видимо, уже несчетное множество раз.

— Стой, мерзавец! — крикнул Руди и выскочил из-за скалы.

Призрак, отступив назад, заколыхался.

— Человек! — послышался его удивленный возглас. — Живой человек! Здесь? В мезозое? Не может быть!

— У этого дьявола все может быть! — воскликнул Руди, ткнув пальцем в звездное небо.

— Неужто старпом? — растерянно пробормотал призрак. — Да нет, не похож.

— Ну что, художник, не узнаешь? — продолжал Руди разыгрывать ту же роль и повелительным жестом старпома показал на камень. — Садись, негодай. Поговорим.

Измученное привидение послушно уселось спиной к скале. Оттуда выглядывала Мага и жемами ободряла Руди. «Молодцом держится. Да и я, кажется, не пасую», — подумал Руди и продолжал ошеломлять собеседника такими подробностями из его прежних жизней, что тот воскликнул:

— Кто ты такой, в конце концов? Вижу, что не старпом. Но кто?

— Я — это ты в будущем, твоя бессмертная метафизическая сущность...

— Получившая в будущем смертное физическое тело? Невероятно! Ведь физического будущего еще нет.

— В том-то и дело, что уже есть. И оно вертится без конца по твоей вине. — Руди рассказал все, что знал о петле времени. Собеседник оказался сметливым и все понял сразу.

— Вот так дела! Неужели это жаба вычислила и уготовила мне такую судьбу? Если я сейчас полечу ураганом, то как бы замкну кольцо времени, и начнется вечное повторение одних и тех же событий. После урагана я буду играть на свирели, затем увижу старпома в образе... Как ты говоришь? В образе тиранозавра? Любопытно, — призрак хохотнул. — Потом, говоришь, он станет деревом? И ты знаешь, где растет этот мыслящий чурбан? Вот что, отведи меня к нему. Втроем и поговорим.

— Дорожки во времени довольно запутанные. Настоящие джунгли, — сказал Руди. — Нас отведет в свое время мыслящая магнолия. Мага, ты не боишься? Сейчас ты увидишь ее в человеческом виде.

Из-за скалы вышла Мага. Восхищенный призрак вскочил на ноги.

— Какая красавица! — воскликнул он и рассмеялся. — Вон оно что! Твоя метафизическая возлюбленная? Каких только чудес не бывает на свете.

Многоступенчатые переходы состоялись без особых затруднений. Была, правда, небольшая заминка с Дубаком. Пришли они к нему солнечным днем, когда призрак находился в состоянии полной невидимости. Услышав его голос из пустоты, Дубак отскочил в сторону и завопил:

— Чур меня! Чур!

— Стыдно, ваше сиятельство, — упрекнул его Руди. — Вы усвоили привычки глупого простонародья, его дикие суеверия.

— Не учи, холоп, — высокомерно вскинул голову Дубак. — Почудилось что-то. Чего желаешь?

— Хотелось бы повидать, ваше сиятельство, одного знакомого. Растет он ясенем в далеком будущем, а дорожку к нему хорошо протоптала старушка. Та, что живет на болоте.

— Вот уж дура, так дура, — расхохотался Дубак, довольный тем, что есть деревья глупее его. — Давно не видал ее. Идем.

Дубак и Руди вместе с невидимым спутником пришли в болото, где в свое время побывал дед. Тогда он еле выбрался из топи. Но Руди и Дубаку повезло: явились они в засушливую пору, и можно было без опаски ходить по островку, на котором росла трухлявая ольха с бессильно свисающими ветвями. Под стать ей была и старуха — морщинистая, с кривым носом, согбенная и опирающаяся при ходьбе на клюку. Настоящая ведьма. К счастью, была она не только глуповата, но и глуховата, и голос невидимки, которому не терпелось что-то спросить, не испугал ее.

— Ветер, батюшка, — жаловалась она. — Это ветер гуляет по болоту. Спать не дает. Так и гудёт, проклятый, гудёт.

Но Дубака слова, несущиеся из пустоты, привели в ужас, и он мгновенно исчез, юркнул в свое время и на свое место. Пришлось без него договариваться.

— Слышал, что ты знаешь дорожку в будущее к своему соседу, к Старпому, — сказал Руди.

— Ась? — спросила старуха. — Не поняла, батюшка.

Стараясь говорить погромче, Руди описал внешность Старпарта.

— Поняла, батюшка, — заулыбалась старуха. — Какой видный мужчина! На солнышке так и блестят... Забыла мудреное слово... Аксельбанты! А еще погоны. Нравится он мне. Ой, как нравится.

«Старпом пользуется у старух огромным успехом», — с усмешкой подумал Руди.

Пришли они к Старпому вечером, когда распух-

шее красное солнце купалось в закатных тучках и в озерной глади. Розовея парусами, скользила яхта.

— Катается, милый, — улыбалась старуха. — Гуляет, красавец. Дай хоть полклубуюсь...

— Аксельбантами? Потом, бабушка. Иди-ка ты лучше домой.

Яхта вошла в бухту, когда совсем стемнело. Заискрились звезды, и замерцали еле видимые контуры призрака. Старпом спустил паруса и закурил. При затяжках сигарета разгоралась и освещала его лицо, грудь с аксельбантами и погоны на плечах.

— Да, это он, пижон, — с незримой, но хорошо угадываемой усмешкой прошептал призрак.

Старпом выскочил на берег и, увидев Руди, удивился.

— Ты зачем здесь? Поздно уже, спать пора. А это что за привидение? — Сообразив, в чем дело, он учтиво раскланялся и начал рассыпаться в слащавых любезностях: — Какое счастье! Ко мне пожаловали сразу два художника. И прошлый, и будущий. Боже мой, какая радость! Как я истосковался! Да присаживайтесь же, милые, присаживайтесь.

— Не ломай комедию, — буркнуло привидение.

И в дальнейшем оно разговаривало со Старпомом сердитым голосом, часто раздражалось. Отношения их в прошлом, понял Руди, были весьма натянутыми. Понемногу привидение оттаяло и вместе со Старпомом с большой теплотой вспоминало о капитане, боцмане, юнге. Потом они дружно обрушились с проклятиями на общего врага, на какую-то мыслящую жабу.

— Но хватит об этом, — сказал Старпом и кивнул в сторону Руди. — Видишь? Твоя вещественная ипостась ничего не понимает. Давай о деле.

О деле они договорились быстро. «Толковые мужики», — усмехнулся Руди.

— Итак, сатана... Ну-ну, не обижайся, — примирительно улыбнулся Старпом. — Итак, художник, ты больше не станешь терзать планету ураганом. И не вздумай потешить свою душу каким-нибудь грандиозным землетрясением. Может быть, и это предвидела и рассчитала мерзкая жаба. Ты просто тихо и мирно удалишься с планеты. Иначе она станет кошмаром. А со мной что будет! Вот послушай.

Старпом с горечью поведал о своих дальнейших превращениях, о зверствах, какие творил он в облике «мирового вождя». Призрак колыхнулся дымным туманом, встал на ноги и заговорил дрожащим от гнева голосом:

— Ну и негодяй же ты. Палач! Подонок!

— Не я это был, а мерзкий Дальвери!.. — закричал Старпом и тоже вскочил на ноги. Потом он снова уселся и, поникнув головой, уныло признался: — Нет, все же то был я. И буду еще раз! И еще! Освободи меня от этого ужаса, вырви из петли. О многом я передумал, будучи благородным ясенем, и поверь: стал я совсем иным.

— Странно... — Призрак уселся и, подумав, сказал: — Странно, я почему-то вдруг поверил, что ты

изменился к лучшему. Меня одно смущает и беспокоит. Если я разорву петлю времени, то вся история планеты станет другой. Но тогда не будет и моего нынешнего будущего, вот этого молодца, — привидение показало на Руди. — А жаль.

— Мне он тоже нравится, — улыбнулся Старпом. — О нем я тоже много думал и пришел к выводу, что он исчезнет лишь в вещественном, лишь в этом физическом мире. Но в метафизическом, в бессмертном, он останется навсегда. И вот эта твоя чудесная метаморфоза, вот этот Руди не совсем пропадет и скажется в дальнейшем на твоей личности.

— Да, это было бы хорошо.

Помолчали. Потом привидение и Старпом вновь заспорили о непонятных для Руди вещах, даже чуть не разругались, но расстались мирно. Расстались уже утром. Вернулся в свое время и Руди.

— Ну как? — спросил дед, сидевший на своем неизменном месте под тополем.

— Как будто порядок, — Руди вкратце рассказал обо всем и попросил: — А сейчас отпусти, дедушка. Подробности потом. Устал я страшно, да и Мистер Грей заждался.

Около корабля догорал костер, на столе бутерброды, остывший чай, а в кресле понуро сидел Мистер Грей. Новые детали в его организме работали, видимо, не так уж гладко.

— Сегодня фруктов не достал, — смущенно улыбнулся он, извиняясь за свою немощь.

«Помрет скоро», — с тоской подумал Руди.

— И не надо, дружище. Отдыхай. А сейчас, извини, устал я зверски. Спать хочу.

В каюте Руди наспех разделся и повалился на кровать. «А если во сне все и произойдет? Я исчезну и ничего не узнаю», — испугался он и привстал, но тут же упал и провалился в сон. Проснулся он вечером, подскочил к иллюминатору и увидел, что ничего не изменилось. Это испугало его еще больше. А что, если все останется, как прежде? А что, если призрак передумал? Вот негодяй!

Руди поспешил к тополю. Дед ждал его. Руди поделился своими страхами.

— А ты думал, что все случится в один миг, как в сказке? Эх, люди, несмысленныши вы. Время не так просто сокрушить. Уж я-то знаю. Я сам время.

— Считаешь, что изменения будут продвигаться по планете медленно? Позтапно?

— Позтапно? — усмехнулся дед. — Экие вы, люди. Все хотите пронумеровать и разложить по полочкам. Можешь считать изменения поэтапными, если тебе так удобно.

— Я сейчас же пойду туда и проверю.

— Не торопись. Утро вечера мудренее. Завтра спозаранку и потопаем вместе. Хочу повидать ребятшек. А сейчас чайку попьем, поговорим.

Добродушно-ворчливый голос деда, его уютный костерок сняли с Руди душевное напряжение. Он охотно выпил чаю и расстался с дедом, когда вся живность в полях затихла. Одни лишь перепела скакали и звенели, взрывая ночную тишину:

— Спать-пора! Спать-пора!

Спать Руди не хотелось. В лаборатории он застал повеселевшего Мистра Грея.

— Подлечился я. Мы еще поживем! Мы еще поборемся! — храбрился Мистер Грей.

Руди присел перед машиной времени и включил экран, нацеленный в тот миг истории, когда зверствовал какой-то Крысоед — приемник Старпома. Прокручивался один и тот же эпизод: суета вокруг космического корабля, крики надзирателей. Вот шестует молодой Мистер Грей, за ним ведут под конвоем папу и маму, готовых к побегу. Родные мои! Скоро вам не надо будет удирать отсюда. Ветер изменений долетит до вас, сметет колючую проволоку, пулеметные вышки и всю нечисть — надзирателей, кровавых вождей. Вы останетесь, не подозревая, что жили в концлагере в каком-то исчезнувшем времени. Будете счастливы, буду у вас другие дети. Но меня-то уже не будет никогда. Странно все это и страшно.

— О чем задумался? — ворчливым тоном заботливой няньки сказал Мистер Грей и выключил экран. — Хватит мучить себя страшными картинками. Идем спать.

— Хороший ты мой, — Руди с грустной нежностью погладил Мистра Грея по плечу. — Один ты у меня остался. Покоряюсь. Иду спать.

Проснулся он до рассвета и с первыми лучами солнца был уже под тополем.

— Хе! Хе! Хе! — посмеивался дед, выступая из тумана. — Торопыга! Так уж и быть. Идем.

Пришли они к Толику в то время, когда у него гостила Вера. Сиротка радостно взвизгнула и кинулась в объятия деда.

— Ты почему плачешь? — спросила она.

— От радости, — ответил дед, вытирая слезы.

Дед лукавил. Он понимал, что видит ребятшек, быть может, в последний раз.

— Дедушка посидит с Толиком, а мы с тобой, Вера, сходим к Старпому, — предложил Руди и подумал: «Если там все без изменений, то каким мы увидим Старпома? Хмурым?»

Какое там хмурым! Старпома они застали в страшной ярости. Гремели проклятия, летели во все стороны щепки: Старпом кромсал топором свою любимую яхту.

— Мерзавец! — подскочил он к Руди. — Зарублю! Видишь? Все по-прежнему. Мы с тобой живы, подонок!

— А я тут при чем? — отступая и уклоняясь от топора, сказал Руди. — Спрашивай со своего видения.

— Привидение — это ты, подонок!

— Перестань! Выслушай меня!

Но Старпом продолжал неистовствовать. Руди влепил ему пощечину, и Старпом ошеломленно выронил топор.

— Пощечину? Это мне-то? — изумился он. — Ай да художник. Молодец. Не размазня, каким был в прошлых жизнях.

— Перестань молоть чепуху и выслушай. — Руди рассказал о дедовых предположениях.

— поэтапно, говоришь? — улыбнулся Старпом. — Любопытно. Вот что, художник. Побывай в прошлом и проверь. Я бы сам это сделал, но мне не к кому идти. Все считают меня чужаком. Никто не любит меня, кроме Верочки. Кстати, где она?

Вера пряталась за стволом ясеня и со страхом выглядывала оттуда. Таким сердитым дядю Старпома она никогда не видела.

— Испугалась, крошка? — рассмеялся Старпом. — Ну иди же сюда. Побудь со мной. Дядя сходит кое-куда, а мы подождем.

Дорогу к старой ольхе Руди отлично помнил и пришел к ней в сухой солнечный день. Осмотрелся. Болото выглядело таким же, как и в прошлый раз. Вот и старушка, опираясь на клюку, подошла и, узнав Руди, обрадовалась.

— К нему сходим? К красавцу? Наглядеться хочу...

— На аксельбанты? Потом, бабушка. У тебя все по-прежнему? Ничего не случилось?

— Нет, батюшка, ничего не случилось. Только вот недавно прискакал ко мне этот... Как ты его называешь? Дубак! Непонятный какой-то, взлохмаченный, испуганный. Пробормотал что-то и ускакал.

Испуганный? Там явно что-то происходит. Сходить бы и узнать. Но в пути могли произойти такие изменения, что, чего доброго, завязнешь в каких-нибудь вихрях времени, как в паутине, и не вернешься. Руди все же решился и махнул далеко в прошлое. На знакомой тропинке времени ничего страшного с ним не случилось. Ничего не изменилось и в лесу, где жил Дубак. Все та же тихая, уютная полянка с кустарником, все тот же крепкий кудрявый дуб.

Но сам Дубак вышел из кустарника не с привычной своей величавостью и важностью, а робко, со страхом озираясь по сторонам.

— Мага пропала, — непривычно сильным голосом прошептал он.

— Как пропала? Сходим, посмотрим.

— Боюсь. Там все другое. Только и осталась моя станция... Тот кустарник.

— Вот и прекрасно. Идем.

Кустарник действительно чудом сохранился. Уцелела, конечно, и река с высоким берегом — явления геологические, а не биологические. Но ни цветущей, озаренной солнцем поляны, ни одинокой магнолии. Кругом глухой тенистый лес из неизвестных деревьев.

Где сейчас Мага? В каких мирах скитается ее одинокая душа? Может быть, уже нашла приют на далекой планете, на атолле с голубой лагуной, и растет красавицей пальмой?

Из задумчивости вывел Дубак, непрерывно толкающий Руди в бок.

— Идем обратно. Боюсь, — прошептал он.

Вернулись на поляну с кудрявым дубом. С часу на час и здесь надо ждать перемен. Каких? Руди

хотел поговорить об этом с Дубаком, но передумал. Ничего не поймет Дубак. Будет лишь бессмысленно моргать глазами и дрожать от страха. «Пойду-ка я к Старпому, — подумал Руди. — Вот кто поймет и обрадуется».

— Наконец-то! — возликовал Старпом, услышав весть о переменах. — Катится волна и смоев всю эту дьявольщину. Смoeт и нас, художник. Попрощаемся?

— Катятся сюда перемены не спеша. Успеem попрощаться. Я еще приду к тебе. — Подумав, Руди добавил: — Странный ты тип, но симпатичный.

— Спасибо, художник, — улыбнулся Старпом и, показав на вечернее небо с крапинками звезд, сказал: — Верю, что встретимся с тобой там. А сейчас иди к своему деду. Боюсь, не очень-то он обрадуется. Неженка он. Жаль ему будет расставаться с приятным древесным существованием.

Руди с Верой пришли на горку, где жил Толик. Дед вопросительно взглянул на Руди, и тот молча кивнул головой. Дед все понял и, не желая расстраивать ребятишек, попрощался с ними с наигранным весельем. Но дома загрустил.

— Вот и подходит к концу моя здешняя жизнь, — вздыхал он, поглаживая кору древнего тополя. — Ах, дерево, дерево. Не хочется уходить из тебя.

— Не расстраивайся, дедушка. Ты же веришь в свое бессмертие. Вырастешь далеко отсюда красивым и умным дубом.

— Утешаешь, хитрюга? — усмехнулся дед. — Нет, разумная древесная жизнь — большая редкость во Вселенной. Иди-ка домой, утешитель, и поспатривай на экран. Жив он будет, пока я жив.

На экране все те же мрачные эпизоды: суeta около космического корабля, папа с мамой под конвоем, колючая проволока, пулеметные вышки. До человеческой истории вал перемен не докатился. Сейчас он в позднем мезозое, наверняка уже смысл Дубака и подбирается к старушке Ольхе.

Волнения и тревоги последних дней сказались на сердце Руди. От острой, кинжально полоснувшей боли он застонал и повалился в кресло. «Инфаркт, — мелькнуло у него. — Вот умру сейчас и ничего не узнаю». К нему поспешил Мистер Грей, на ходу вынимая из карманов какие-то пузырьки и таблетки. «Знал, что с сердцем у меня не все в порядке, и держал лекарства наготове. Ай да друг», — с нежностью подумал Руди. Он проглотил пару таблеток, запил какой-то сладкой жидкостью, и сразу стало легче.

— Не бережешь себя, — сердился Мистер Грей.

— Ну-ну, дружище. Не ворчи.

Прошло несколько дней. На экране изменений никаких. У Руди закрадывались опасения: а что, если волна перемен обессилела и застряла в пути?

— Ну уж нет, — усмехнувшись, успокоил Дед. — Началось, и теперь не остановить. Хорошо бы еще раз взглянуть на ребятишек, но боюсь. А вдруг уже не застану? Сходим к ним?

К счастью, с ребятишками ничего не приключилось. Они даже не подозревали о своем грядущем

переселении и были все так же веселы и беззаботны. Дед был особенно нежен с Верой. С Толей они всегда будут вместе, в этом он почему-то не сомневался. Но где, на какой планете будет расти сиротка Вера?

Неизменность окружающей природы тревожила Руди.

— Схожу я, дедушка, к старухе Ольхе. Проверю.
— А если завязнешь в пути?

Как ни отговаривал дед, Руди все же осторожно прокрался давно протоптанной тропинкой. Ему опять неслыханно повезло. Нет, болото не высохло. Наоборот, оно превратилось в чистое озеро, в его зеркальной синеве отражались белые облака. Повезло в другом: он не утонул; островок, где он сейчас возник, сохранился, был на прежнем месте. Он даже стал сухим: ни кочек с лягушками, ни камышей. А старой ольхи, конечно, и в помине нет. Улетела старушка в дальние края и растет где-нибудь юной красавицей.

«Ей-то хорошо. А я вот исчезну навсегда», — с грустью подумал Руди и поймал себя на странном противоречии: в бессмертии других душ он уже не сомневался, но в бесконечность своей собственной не верил ни капли. Призрак? Его якобы бестелесное состояние? Чепуха, это что-то другое и непонятное.

Своими мыслями и сомнениями Руди поделился с дедом, когда они вернулись домой, под ветви старого тополя.

— Идеалистический материалист, — посмеивался дед. — Вот уйдешь из этой жизни и увидишь себя бессмертным. Что тогда? Воображаю. «Караул! — завопишь. — Это не согласуется с моим материализмом!»

Руди, невзирая на протесты Мистера Грея, постоянно дежурил у экрана. Но только осенью заметил изменения. Изображение чуть дрогнуло, затуманилось. Пулеметные вышки концлагеря искривились, как водоросли в текущей мутной воде, и погрузились во мглу. Но вот мгла рассеялась, и у Руди радостно забило сердце. Колючей проволоки, пулеметных вышек, суеющих стражников как не бывало! Ландшафт тот же. Справа та же гора, вдали кромка леса. Но вместо концлагеря небольшой и довольно красивый город: дворцы, фонтаны, парки. Руди так и впился глазами в людей. Вот, приближаясь, идет по улице высокий светловолосый человек. Папа! Рядом женщина ведет за руку крохотульку девочку. Неужто сестренка? Мужчина и женщина подошли ближе, и Руди разочарованно откинулся на спинку кресла: совсем другие люди! Откуда он взял, что это непременно папа и мама? Может быть, они живут в другом городе? Но они живут! И не знают и никогда не узнают, что было совсем по-другому: концлагерь, побег на звездолете, жизнь на планете Окаянной. Все это ушло в небытие.

С этой радостной вестью Руди помчался в тополиную рощу. Но здесь его ждало огорчение. Дед покряхтывал и морщился от боли.

— Заболел?

— Нет, сынок. Просто стар я. Слышишь, как под ветром скрипит и жалуется мой ствол? Совсем никудышный, трухлявый он стал. Болью отзывается в моей спине. Вот, кажется, полегчало. А у тебя, вижу, случилось что-то приятное? Перемены на экране? Вот передаю изображение и сам не знаю — что, — усмехнулся дед. — Ох, старость, старость.

Руди рассказал, что на экране уже не концлагерь, а красивый город, и живут в нем счастливые люди.

— Очистительная волна перемен! — подняв палец, торжественно и напыщенно произнес дед. «Бодритесь старый», — с жалостью подумал Руди.

— Катится освежающий вал прямо к нам. По пути смоеет атомную войну, пепел. И скоро здесь вместо безлюдья зашумит многолюдная планета, — в том же напыщенном духе продолжал дед, но закашлялся, сгорбилась и закончил уныло: — Хорошо это и грустно. Ведь нас с тобой уже не будет.

— А когда докатится до нас?

— Не торопись, торопыга. Мы еще успеем попрощаться.

Однако попрощаться не успели. Нет, не волна их смыла, а случилось совсем другое. Вечером того же дня Руди сидел у экрана и смотрел на улыбающихся людей красивого города. И вдруг экран погас. Руди так и подскочил от страшной догадки: дед!

Руди примчался в рощу, и в голове у него мотилось от горя. Старый тополь, переломившись пополам, рухнул и лежал на земле. Дед умер... Руди постоял немного и, не разбирая дороги, пошел наугад — в поля, рощи, леса.

Закатилось солнце. Тучки на горизонте, посяв дотлевающими углями, погасли. Руди поднял голову к небу, где уже заискрились звезды. Где ты, дедушка, сейчас? Спать Руди не хотелось. Оглушенный тоской и отчаянием, пробродил он до утра. С первыми лучами солнца направился к кораблю.

Мистер Грей, прихрамывая и пошатываясь, медленно топал к очагу. «Последнего друга теряю», — со страхом подумал Руди и побежал к нему.

— Не надо, дружище! Отдохни! — запыхавшись, крикнул Руди и, схватившись за грудь, упал. Сознание погасло.

И в тот же миг проснулось — ясное и чистое, как никогда. Со стороны и немножко сверху Руди с изумлением уставился на самого себя, на свое тело, лежавшее у незажженного очага. «Впрочем, Руди уже нет, — опомнился я. — Вместо него я — бессмертная личность, только что бывшая в вещественном облике Руди. А я-то не верил».

Я снизился и невидимкой присел на скамейку рядом с могилками родных. Мистер Грей доковылял до Руди и пытался влить в его рот какую-то жидкость. «Поздно, дружище», — с грустью подумал я и улетел к океану: попрощаться с теми местами, где с родителями и сестренкой прожил несколько счастливых лет. От бунгало остались лишь бамбуковые стены. Камышовая крыша, снесенная бурей, валялась на пляже.

В стенах бунгало я посидел около рояля, в кото-

ром свила гнездо какая-то птаха, погрузил, потом взлетел ввысь и увидел планету Окаянную из далекой дали. Кое-как выбрался из звездной сутолоки Млечного Пути и полетел. Куда? «Вон оно что, — с усмешкой сообразил я. — Так и тянет меня взглянуть на планету Счастливую».

Дорога туда мне уже знакома, и на краю Вселенной я без труда отыскал ту самую реликтовую галактику. Промелькнули голубые, лиловые, оранжевые «живые» светила, и наконец я наткнулся на знакомую светлорозоватую звезду, похожую на наше Солнце, с тремя космическими облаками. Вот и «мое» облако, а под ним — планета Счастливая.

Я осторожно коснулся руками клубящегося и мягкого, как вата, края облака, и — странно! — ничего с моей невесомостью и незримостью не случилось. Прошлый раз я тяжелеял, овеществлялся и стремительно падал на земную твердь, а сейчас легко парил и, снизившись, опустился на остров с дымящимся вулканом посередине. Остров Юнги! Вот и уютная круглая бухточка — остаток затонувшего кратера. Но кругом все изменилось неузнаваемо. Полное безлюдье и тишина. На песчаном берегу догнивала корма шлюпки, на крутых каменистых склонах ржавели пушки. Те самые, из которых пираты громили наши фрегаты. Вместо тростниковых хижин — пепел, вдали, на месте зеленых джунглей — обгоревшие черные стволы и тоже пепел... На острове ничего живого, ни единой травинки. Неужто война?

Я поднялся к редкой стайке облаков и покружил над океаном. Ни птиц внизу, ни единого паруса. Вдали сверкнула молния, за ней другая. Я подлетел к клокочущей грозовой туче и, не надеясь получить ответ, крикнул:

— Черный Джим! Где ты?

— Здесь я! — загромыхал голос.

— Ты видишь меня? — удивился я.

— Нет. Но я чувствую чье-то присутствие и слышу знакомый голос. Это вы, милорд?

— Это я, Джим. Что здесь случилось?

— Летим, я покажу, что натворили люди.

Под нами разгромленная ядерной войной планета. На материках — бурый дымящийся пепел, вместо городов — щебень, оплавленные металлические конструкции, блеск битого стекла. Я надеялся на затерявшихся в Бирюзовом океане островах найти хоть одно живое дерево, хоть одну зеленую травинку. Тщетно. Не видно ни одного человека, не слышно ни одного птичьего крика. Пепел, пепел, пепел... Планета Счастливая превратилась в планету Окаянную.

— Видел, что вы натворили? — в голосе черной птицы клокотала ярость.

— Не кипятись, Джим. Опустимся где-нибудь и поговорим спокойно.

Место для посадки Джим выбрал удачно — остров на озере сиреневых птиц. Сюда не упала ни одна бомба. Дворец царицы уцелел, но выглядел заброшенным: ржавая крыша, покосившиеся балконы, выбитые окна. В парке стояли деревья — мертвые,

засохшие, без единого листочка. Долго и отчаянно боролись они за выживание, но против докатившейся сюда чудовищной радиации не устояли.

Я зашел в мастерскую, где когда-то с упоением и знобящим восторгом писал картину «Пепел». От нее сейчас ничего не осталось, кроме чистого холста. Картина моя уже там — за окном. Сбежала из тесной мастерской на вольную волюшку и прошлась, с грохотом прогулялась по планете.

Побывал я и в кабинете Аннабель Ли. Вот камин, стол, за которым мы попивали чаек и предавались радостям земного бытия. Как я выглядел тогда? Дай бог вспомнить. И память ожила: из незримости выступил изрядно располневший обыватель в парадной форме штурмана звездного парусного флота. В таком виде я вышел из дворца и спросил:

— Джим, ты и сейчас не видишь меня?

— Нет, но слышу голос. Не пойму, милорд, вы живы или нет?

— Я и сам не пойму. А вот ты жив и все такой же статный и крепкий мужчина. Но почему хмурый?

— Тоскливо одному.

— А сиреневые птицы? Неужто погибли?

— Оживают понемногу, — ухмыльнулся Джим и показал на плывущие над озером облака. — Уж очень они нежные. А я вот ожил. Правда, сначала здорово оглушило, но через день или два очухался, прогремел грозой и увидел...

Джим вновь нахмурился и рассвирепел, когда начал рассказывать о том, что он увидел.

Это был крошечный ад. Людей уже не было, но планета еще долго грохотала, бурлила и клокотала пламенем. Взрывались арсеналы ядерного оружия, из ангаров вылетали самоуправляющиеся бомбовозы и бомбили, бомбили уже опустошенную и безлюдную землю. Но вскоре и они, горящие и оплавленные, рухнули вниз. И планета утихла, дымясь остывающим пеплом.

— Проклятые люди! — гремел Черный Джим. — Чего им не хватало? Нигде они не были так счастливы, как у нас.

— Вот это и погубило их. Волшебные облака подарили им счастье просто так, задарма. А такое счастье хуже несчастья. Может быть, счастье — вообще зло? А? Как ты думаешь, Джим? Ведь добро и зло — одно и то же. И от этого единства нигде не спрячешься, даже под волшебными облаками.

Но Черный Джим, привыкший действовать, а не рассуждать, только пожал плечами. Я взглянул вверх.

— А как они сами, волшебные облака? Тоже погибли?

— Не знаю, милорд.

— Подожди меня здесь, Джим. Я проверю.

Я воспарил в синее небо. Внизу безжизненные материки, рядом реденькие кучевые облака. Еще выше, и кучевые облака вместе с планетой исчезли, ушли то ли в небытие, то ли в иное время и пространство. Вместо них густое космическое облако, пронизанное лучиками солнечного света. Я присмотр-

релся своими всевидящими бессмертными глазами. Передо мной не материя в привычном смысле слова, а нечто иное — остаток, реликт Вселенной, какой она была до Большого Взрыва. Однако это загадочное, чуть ли не мыслящее и невещественное облако сильно разбавлено, замутнено обычным веществом с его неизменными электронами и протонами.

Видимо, космическое облако, как и Черный Джим, на первых порах было оглушено внезапно взорвавшейся планетой и, мертвее, превращалась в обычную материю. Но планета не разлетелась вдребезги, уцелела, и облако, подобно тому же Джиму, «очухалось» и возвращалось в изначальное состояние. Оно оживало! И с часу на час готово овеществить меня, подарить земное счастье.

Нет уж, хватит! Попрощаюсь я с Черным Джимом и удеру отсюда подобру-поздорову. Я спустился вниз, на одном из материков присмотрелся к пеглу и увидел то, чего и ожидал увидеть: убийственная для жизни радиация сказочно убывала. Сквозь остывающий пепел уже проклюнулись первые зеленые травинки. Скоро вся планета покроется лесами, зацветет благоухающими полями и будет готова для приема новых поселенцев — наивных дурачков, жаждущих дарового счастья.

Подлетая к острову, я еще с высоты увидел нервно расхаживающего и оглядывающегося по сторонам беднягу Джима. Я опустилс я и сказал:

— Не волнуйся, Джим. Здесь я.

— Наконец-то! — обрадовался Джим. — Боялся, что вы совсем умерли.

— Совсем умереть я не смогу никогда. Скорее наоборот. Волшебное облако, как ты выражаешься, «очухалось» и готово с минуты на минуту вернуть меня к прежней видимой жизни.

— Прекрасно, милорд! Прекрасно! И царица оживет? И юнга? И Билли Бонс? Какой решительный мужчина!

— Тебе больше нравился Старпом.

Но лучше бы я не упоминал этого имени. Джим побагровел, злобно сжал кулаки и начал метаться из стороны в сторону. Подвернувшуюся под ноги скамейку он пнул с такой яростью, что та разлетелась в щепки.

— Негодяй! Подонок! Попадись мне еще раз! Растерзаю! Снова брошу в огонь! В вулкан!

— Не такой уж он плохой.

— Вы что, милорд? Забыли? — Джим изумленно замер на месте. — Он же вас мучал, пытал. Он всех терзал. Убийца! Палач!

— Он сам мучался. Да не кипятись ты. Выслушай меня. Я хочу покинуть планету.

— Как, милорд? — не понял Джим. — Насовсем? Вы не хотите здесь жить?

— И снова стать обывателем? Ни в коем случае.

— Опять я один, — простонал Джим.

— Придут другие.

— То другие.

— Ну-ну, дружище. Не унывай. Все образуется. А сейчас давай попрощаемся. И знаешь, где? — ко

мне пришла удачная мысль. — В грозовых тучах! Летим!

В океане мы нашли бушующую, раздираемую молниями тучу и под грохот грозы распрощались. Джим, рассеявшись, вернулся в свою стихию — в тучу, а я в свою — в космическую мглу.

ОКАЯННАЯ МЕНЯЕТ ЛИК

Я мчался к Окаянной. По пути мелькнуло что-то еще более темное, чем космическая мгла, какая-то глыба странной формы. Я вернулся и увидел астероид, похожий на потерпевший крушение парусный фрегат. Ни парусов, конечно, ни мачт. Но на ровной площадке-палубе торчали три гранитных выступа. «Вот все, что осталось от мачт», — с усмешкой подумал я. Вот и массивное возвышение — корма. Я присел на нее и осмотрелся. Кругом безграничная пустота. Лишь в немыслимых дальях светились пылинки-галактики. Ближе всех две соседки — Туманность Андромеды и Млечный Путь. Но и до них многие миллиарды световых лет. Как залетел сюда этот причудливый скалистый обломок? Я ходил по «палубе» — удивительно ровной запыленной поверхности обломка. «Корма» и «палуба» чуть заметно светились под жиденькими лучами далеких галактик. Я полюбовался игрой тусклого света, погрузился о своих земных и звездных плаваниях, потом снялся с астероида-корабля и полетел к Млечному Пути. Здесь, в месиве пылающих звезд, без труда отыскал золотое родное Солнце со свитой планет. Третья от Солнца — Окаянная.

Ничего на ней за мое недолгое отсутствие не произошло. Полное безлюдье, и лишь вдали сверкала нержавеющая сигара корабля. Но и там сейчас пусто. Была небольшая семья — и не стало. Последним умер Руди. «Его и похоронить-то некому», — с тоской подумал я.

Но я ошибся. Рядом с могилой сестрени Катя вырос еще один холмик с весьма замысловатым памятником, с какими-то завитушками по краям и наверху. Вполне во вкусе Мистера Грея. На памятнике надпись: «Руди Свенсон». И все. Даже дат не указано. Из последних сил пытался сделать это Мистер Грей. И не успел, тут же с кисточкой в руках скончался. «Вот уж кого действительно похоронить было некому», — с тоской подумал я и поднялся над планетой. Вот и кольцо из пыли и мелких камешков, из остатков бывшей Луны.

И вдруг на моих глазах кольцо кольхнулось, как дымная струя, и пропало. Вместо него — Луна! Но не та, какую видел раньше, не голый каменный шар с боевыми ракетами. Вокруг Луны медленно и тихо засветился нимб. Это же атмосфера! Сияющий ободок атмосферы! С волнением наблюдал, как поверхность Луны покрывалась зеленой ворсистой тканью. Леса и луга?

С величайшей осторожностью, словно боясь сломать это хрупкое создание, я вошел в атмосферу и парил чуть ниже облаков. Откуда они взялись? Ах,

вон оно что! Увлажняя воздух, сверкали искусственные озера и реки. Это же я делаю! Это же я, будучи горемыкой Руди, все начал!

Я полетел над обновленной Луной, над ее лесами и лугами. И что-то вдруг скучно стало. Вместо лесов — четко расчерченные парки, вместо прихотливых лугов — круги и квадраты трав. Не луга, а клумбы. Это уж слишком. Можно было бы придать ландшафту более естественный вид. Я снизился и увидел людей, прокладывающий прямые, как стрела, дороги, воздвигающих круги и квадраты городов. Лихо устраиваются поселенцы — сухо и рассудочно, словно сверяясь с учебником геометрии.

Но что же с планетой? Я вернулся на землю и приземлился в том месте, где недавно покинул скрюченное тело Мистера Грея с кисточкой в руке. Место как будто то же самое, с теми же пригорками и холмами. Но ни Мистера Грея, ни замысловатого памятника, ни высоченной сигары звездолета. Ничего. Лишь цветущее поле с разросшимися кустами шиповника и боярышника. Пыльная тропинка вела на холм, где белела красивая беседка. В ней, спасаясь от палящего солнца, сидели какие-то люди.

Итак, свершилось! От планеты Окаянной не осталось ни следа. О ней не знают и никогда не узнают вот эти люди, о чем-то шумно спорящие в беседке. Лишь в моей бессмертной памяти она останется навсегда.

Что же все-таки с планетой? Неужели и ее, как и Луну, люди расчертили, разграфили и пронумеровали? К счастью, нет. Биосфера росла и развивалась, как ей вздумается, и получилось, по-моему, неплохо. Правда, портили планету не очень опрятные дороги и пыльные города.

Очертания материков те же самые, что и на исчезнувшей Окаянной. Но так и должно быть. Провалилась в небытие не сама планета, а ее бывшая, да ужаса искореженная история. Сохранился и тот берег на океане, и наш желтолимонный пляж. Но вместо бунгало — курортный городок с ажурно легкими дворцами, сделанными словно из пены морской. Красиво! Но загрустила что-то моя бессмертная душа по только что ушедшей вещественной жизни. В тоске и смятении улетел я с планеты.

Промелькнули звезды Млечного Пути, и снова я в безграничной пустоте. Приостановил полет и огляделся. Тьма. Лишь в невообразимых даях светились пылинки галактик, а внизу, прямо под ногами, тускло серел какой-то каменный обломок. Ба! Это же старый знакомый — астероид, так заманчиво смахивающий на мятежный наш фрегат «Аларис». Словно магнит, притягивает он меня к себе.

В форме штурмана межзвездного флота я уселся на «корму» — на скалистый выступ и задумался. Кем я только не был и чего только не натворил. Созидал миры из ничего (планета с мальчуганом-папушонком), но и разрушал немало. Старпом уверен, что я выпал из какого-то необыкновенного мира, чуть ли не из Вечности, и разгромил, может быть, и не желая того, свою нормальную галактику и превратил

ее в шальную — с космическими морями, с пустотами в пространстве и вихрями времени. Шалость Сатаны? Ну, это вряд ли. А мертвая Вселенная? Это тоже моих рук дело? Нет, тут Старпом явно загнул. Но вот не так давно я просвистел сокрушительным ураганом и расчистил дорогу для зла, превратил нормальную планету в Окаянную — это уж точно. Но Руди, вещественный образ моего вечного «я», своей нелегкой жизнью исправил мою оплошность и вернул планете естественный путь развития.

Естественный? Но какой? Что там сейчас? По моим подсчетам, пока я размышлял и предавался воспоминаниям, на планете прошли сотни земных лет. Во что превратилась планета? В подобие Счастливой? Это тоже ведь естественный путь развития... Мысль до того неприятная, что я вскочил и в беспокойстве стал расхаживать по «палубе» астероида-корабля. Что делать? Вернуться и посмотреть? Что сейчас, к примеру, в курортном городке, где было наше бунгало? Такое же свинство, как и в курортном городке на планете Счастливой? Пират Билли Бонс под свирепые вопли «Йо-хо-хо и бутылка рома» разгромил это, по выражению старпома, «лежбище динозавров». «Не учинить ли мне то же самое?» — усмехнулся я. Только это будет не пират с его медными пушчонками, это будет уже космический Билли Бонс, способный испепелять миры и планеты. Но мои непонятные демонические силы сейчас, кажется, совсем угасли. Да и желания повеселиться вселенскими разбоями уже не было.

И все же неприятное, саднящее душу чувство гнало меня посмотреть. Что там, на бывшей Окаянной? И снова я в звездной суতোлке Млечного Пути, снова подлетаю к знакомой планете. Подлетаю на сей раз с опаской и вижу те же материки и океаны, такие же леса и буйно цветущие поля. И... больше ничего! Ни шоссе и железных дорог, ни городов и деревень. И даже обширных пашен, как в прошлый раз, не было, нет ни малейших признаков сельхозгодий и жилья. Планета обезлюдела!

С возрастающим опасением и страхом снижаюсь, иду по нехоженным полям, не смяв при этом ни травинки, не спугнув ни одного кузнечика. Ведь я незрим и невесом. Сквозь меня, треща крыльями, пролетели две стрекозы, а из рощи, резвясь, выскочили три лошади. Они подошли к реке и стали пить воду. Река заметно изменилась, но узнать ее можно. По одну ее сторону когда-то давным-давно была роща с мыслящим тополем-дедом, по другую простиралась холмистая степь. Во времена Окаянной там стояла, возвышаясь почти до облаков, металлическая громадина корабля. Но сейчас ее нет и не должно быть. Я подошел к знакомому холму и — странно! — увидел беседку. Ту самую, где в прошлый раз сидели и шумно спорили два человека. Но сейчас там никого, и даже когда-то пыльная, заросшая травой тропинка еле-еле угадывалась.

Почему беседка сохранилась, если города и села исчезли? Она как будто даже помолодела.

Я поднялся в небо, где парил и звенел жаворо-

нок. Откуда ни возьмись, к нему подлетели два мальчика. Из облаков они вынырнули, что ли? Подражая птицам, они взмахивали руками, словно крыльями, кружились вокруг жаворонка и хохотали. Потом, резвясь и купаясь в воздушном океане, ребяташки начали снижаться. Снижался и я. Ребята опустились на холм, вошли в беседку и... пропали! Я за ними...

ПАСТУШЬЯ СВИРЕЛЬ

Передо мной открылся дивный город, будто сотканный из нитей хрустала и цветного тумана. Дворцы и жилые здания, легкие, как облака, сверкали куполами, искрились шпилями. Я спустился из беседки на улицу и кинулся за пацанами, только что кувыркавшимися в воздухе. Хотел спросить их, где я? Обращаться к взрослому постеснялся. И вдруг опомнился: меня же никто не услышит. Меня вообще нет в материальном мире. Я — внетелесный дух, которому надо самому осваиваться в этом мире.

Я глянул вверх. Вот и похожее на гитару облако, из которого вылетели ребяташки, и звонкоголосый жаворонок висел в небе тот же самый. И внизу та же река и те же холмы. Только город откуда-то взялся. Из цветов и трав он вырос, что ли?

Вдоль реки тянулись гранитные набережные и своей тяжеловесностью несколько портили ощущение невесомости, воздушности улиц и зданий. Но мосты, паутинно легкие и ажурные, дугами перекинувшиеся через реку, мне понравились. Я поднялся на один из них и осмотрелся. Город небольшой, за изгибом реки в золотистой дымке угадывалась его окраина. Я пошел туда, то и дело оглядываясь назад. Купола и шпили слегка затуманились. Я шагнул еще дальше, и город исчез совсем, словно рассеялся в воздухе, в травах и цветах.

Чудеса! Не хотелось думать о параллельном пространстве, о других измерениях и прочих ученых вещах, не хотелось портить ощущение сказочности. Я шел вдоль пустынного песчаного берега, и волшебство продолжалось. Из воды, смеясь и охорашиваясь, выбрались сказочные речные девы — светловолосые, зеленоглазые красавицы в нарядных платьях. Наверняка русалки. Молоденькая русалочка оглянулась по сторонам, сложила ладони рупором и крикнула:

— Ау! Где вы?

Из рощи выбежали мальчишки и девчонки с цветами в руках и завопили:

— Русалки пришли! Ур-ра!

«Ну и ну. Ко всему этому мне надо привыкать постепенно», — подумал я и взлетел в небо. Облако разлохматилось, из гитары расползлось во что-то бесформенное. Да и серебряный колокольчик — жаворонок, старательно исполнявший звонкие песни, видимо, утомился, камнем упал вниз и сел на тот же холмик, на котором недавно был дворец растаявшего города.

То снижаясь, то взмывая к облакам, я летел на север, видел озаренные солнцем луга и рощи. Из-

редка попадались люди, но строений по-прежнему никаких. Наконец мелькнула внизу старинная часовенка. «Наверняка здесь город», — усмехнулся я и, снизившись, вошел в часовенку. И точно — стройные колоннады дворцов, дремлющие в нишах статуи... Город! Не такой модернистский и воздушный, как предыдущий, с более строгими классическими ансамблями. Но понравился он мне больше. На улицах ни автомашин, ни движущихся тротуаров. Люди ходили пешком. А те, кто торопились, летали, как птицы. Я увязался за одним таким спешащим субъектом, вместе с ним влетел в раскрытое окно многоэтажного здания и очутился в какой-то лаборатории. Люди сидели за пультами, склонялись над приборами, о чем-то спорили. Язык мне был знаком, но толком понять жизнь людей мне не удавалось.

«Нет, учиться мне надо у малышей, у дошколят и первоклашек», — с усмешкой подумал я, вылетел в окно и парил над куполами и крышами. Искать школу не стал. Познакомиться с малышами лучше всего где-нибудь на воле. Я взлетел еще выше, почти к облакам, и город, затуманившись, исчез. «Вот так-то лучше», — обрадовался я и спустился вниз. Та же река, но ни набережной со статуями, ни мостов. Первозданная река с довольно заболоченными берегами, с осокой и камышами. Вряд ли здесь найду малышей.

Полетел дальше. Промелькнули рощи, озера, и на берегу небольшой речки увидел... Нет, не какую-нибудь крохотную беседку или часовенку — вход в город, а большую церковь с золотистыми куполами и крестами. Но самое удивительное: вокруг церкви — старинное село. Оно не пряталось в цветущих травах (вернее, в иных пространствах), а вольготно раскинулось вдоль речки. Невидимкой я шагал по улице, не потревожив, разумеется, ни одной пылинки. По сторонам белые уютные хаты, под крышами которых гнездились шумные воробьи. Зашел в одну из хат и увидел за столом человека средних лет с чуть заметной седinou на висках. Человек что-то писал. Я присмотрелся: стихи! Поэт искал вдохновения в деревенской тиши. На столе ни пишущей машинки, никакой компьютерной техники. Поэт писал гусиным пером! «Вот оно что! Ностальгисты, — догадался я. — В селе живут люди, тоскующие по старине».

Поэт хмурился. Рифма у него не наклеивалась, что ли? Он рассеянно поглядывал в окно. Там, на завалинке, воробьи затеяли крикливую возню. Поэт улыбнулся им и стал торопливо писать. Позавидовал я ему, его вещественной жизни. Еще больше позавидовал босоногим мальчишкам, с визгом промчавшимся по пыльной дороге. Наверное, очень приятно бежать босиком по мягкой, прокаленной солнцем пыли.

Незримо ветром я погнался за ребяташками. За околицей села они уселись на берегу речки и заговорили о травах и цветах, о таящихся в них... знаниях! Ослышался? Нет, ребята всерьез говорили о

том, что в каждом дереве и каждой травинке живут мысли и знания.

— Только вот прячутся они от нас, — пожаловался белобрысый малец, которого звали Василем.

Его приятель Андрей утешал:

— Ничего. Скоро пойдем в школу и научимся брать у трав и цветов все, что захотим.

— И стихи тоже?

— Конечно. Смешной ты, Василь. Тебе бы только стихи. А я вот хочу все знать о звездах, — мечтательно сказал Андрей.

— О звездах даже тетя Зина не все знает, — возразил Василь. — А вдруг это она? Слышишь?

Вдали за рекой, за полями и рощами кто-то пел. Ребята прислушались и закричали:

— Она! Фея! Бежим!

Я опередил их и за березовой рощей обнаружил девушку с каким-то удивительно ясным лицом. Прямо-таки не лицо, а утренняя заря. Напевая, девушка ласкала цветы и, когда наклонялась, синие васильки, казалось, улыбались ее таким же синим глазам, как своим родным сестрам-близнецам. «Не девушка, а цветущий луг, — подумал я. — Вот уж фея так фея».

Услышав топот, девушка замолкла. Вскоре из рощи выскочили запыхавшиеся ребята.

— А, это вы, — с приветливой лукавинкой сказала девушка. — Что-то давно ко мне не приходили. Забыли меня, нехорошие.

— Ну и обманщица ты, тетя Зина, — обиделись ребята. — Сколько раз приходили, а ты все пряталась.

Невидимкой я присел рядом с ребятами и из их беседы с феей понял, что вся планета стала волшебной сказкой. И не сама по себе возникла она, а сотворили ее люди, сделали так, что цветы, травы, деревья — вся биосфера выполняла работу гремещей и коптящей техносферы. Биосфера заменила заводы, хранила в своих таинственных недрах все нужные людям вещи и накопленные веками знания. Нет, это не какая-то искусственная природа, она возникла и развивалась самым естественным путем. С помощью людей, конечно. Она даже думала, подсказывала людям идеи и гипотезы. Не случайно биосферу сейчас называли Сферой Разума.

Я вскопчил, невидимкой скакал вокруг ребятешек, спорящих с тетей Зиной, и ликовал. Ай да я! Ай да молодец! Это ведь я, когда был страдальцем Руди, вызволил сказку из небытия, обратив Окаянную в ничто.

А не рано ли я радуюсь? Не превратилась ли Земля в разновидность планеты Счастливой, а жители ее в нежащееся, по выражению старпома, «стадо динозавров»? Я еще раз бывал в городах, присмотрелся. Нет, я попал не в страну вечных песнопений и бездумного блаженства. Я заметил в людях много общего с Руди, какую-то одухотворенную целеустремленность. Удач и радостей у них, конечно, неизмеримо больше, чем у Руди. Но и они знали горечь потерь. Особенно в космосе.

Как раз в эти дни планета оплакивала гибель звездолета «Стрела». Корабль и в самом деле стрелой пролетел миллионы световых лет и вынырнул из минус-пространства в точно вычисленном месте, рядом со звездой с богатой планетной системой. И надо же такому случиться: нежданно-негаданно звезде вздумалось взорваться сверхновой. Умная и чуткая биосфера трепещущими листьями деревьев, цветущими травами уловила сигналы бедствия и выяснила, что корабль сгорел не сразу. Многим членам экипажа удалось катапультироваться и на юрких космических шлюпках приземлиться на планетах соседней звезды. К сожалению, все планеты там были безжизненными льдыстыми мирами. Люди Земли лихорадочно готовили экспедицию для спасения экипажа «Стрелы».

Через несколько дней я вернулся в село, заглянул в знакомую хату. Поэта дома не было. Отыскал я его, хмурого и озабоченного, за околицей. В самом селе очень мало взрослых. Почти все они разлетелись по своим делам. Лишь шумные ребятишки носились по улицам, играли за околицей и держались подальше от поэта. Старались не мешать ему.

Побывал я и в тропических джунглях, где благоухали невиданные цветы и пели яркие птицы. Но неизменно тянуло меня в умеренные пояса, к скромным ивам и березкам, к неброским синицам и жаворонкам. Дыхание трав и деревьев здесь особое, что ли? Но я заметил за собой одну странность. По ночам я не мерцал и не колыхался жутким привидением, а чуточку выступал из небытия. Овеществлялся? Не то слово. Раньше только я мог видеть себя и себе подобных. Но то бессмертная суть моя созерцала не вещество, а память о нем. А здесь земные обитатели, люди и животные, как будто замечали что-то в сумерках. Была ли то тень или сгусток тумана, похожий на человеческую фигуру? Не знаю. Но рассеивались сумерки, редел туман, и я исчезал. Днем я абсолютно незрим.

Однажды лунной ночью я в шароварах и куртке — в обычной одежде Руди — подошел к лошадям. Они так и потянулись ко мне, к еле видимой тени. Я гладил их и в ответ слышал радостное ржание. Я пошел — они за мной.

Незаметно табунок мой приблизился к селу. Та-яли сумерки, занималась заря — дымно жемчужная, росистая и тихая-тихая. Я вынул из кармана дудочку, подаренную пастушком, и заиграл. Люди просыпались, выходили на околицу и, замерев, слушали. Кто-то пожелал познакомиться со мной, осторожно приблизился, но увидел лишь мелькнувшую, исчезнувшую в тумане тень. Минут через пять, с восходом солнца я стал совсем невидим и вошел в село.

Боже мой, какой там поднялся переполох! Обо мне только и говорили, гадали: кто таинственный пастух? Откуда? Сказать, что сельчанам моя игра понравилась, значит ничего не сказать. Пробуждал ли я в людях забытые чувства и память об иных жизнях и мирах? Не знаю. Но сельчане буквально ошалели от зовущих песен космической свирели.

Вероятно, старпом прав: есть в моем таланте что-то нечеловеческое. Сатанинское? Ну, это вряд ли. Капитан тут ближе к истине: метафизическая печаль. Во мне таится невыразимая тоска по утраченной родине, затерявшейся не во Вселенной даже, а в самой Вечности.

Где она, эта родина? Я умчался в пустоту и видел пронесившиеся мимо галактики. Но эти видимые звездные миры — всего лишь знаки, шифры, за которыми скрывались иные — незримые и, быть может, подлиннее миры. И среди них мой... «Видимость невидимого» — вспомнил я название философского труда профессора-капитана. Как знать? Может быть, он прав?

Незаметно подлетел к тому самому камню, пожему на потрепанный бурей фрегат. И вот неожиданность: мое любимое место занято! На корме кто-то сидел, обхватив голову руками и пригорюнившись.

Я не стал мешать ему, вернулся на планету и в предрассветных сумерках, в тающем тумане пошел с табунком к селу. Сельчане уже ждали и слушали печальные песни свирели. С рассветом я исчез, а сельчане разлетелись по своим делам. Я поинтересовался, что они думают обо мне, что говорят? Тщеславия, унаследованного от прежних земных жизней, у меня предостаточно. И оказалось: в школах, университетах, в научных учреждениях сельчане рассказывали об удивительном пастухе и приглашали в гости послушать. Слухи обо мне ширились. Вместе с улетающими к звездам астронавтами весть о таинственном пастухе и его волшебной свирели проникла и на другие населенные миры. Слава моя росла, приобретала поистине космические размеры. Мне стало приятно и немножко грустно.

Днем я незримым и, увы, никому не нужным духом бродил по лугам. Все чаще задумывался о другом бессмертном духе, об одиноком человеке на камне-корабле. Заинтриговал он меня до чрезвычайности. Кто он, несчастный?

В один из таких томительных дней я покинул планету и решил посетить камень-корабль, болтающийся в космической мгле. Я подлетел к нему, ступил на палубу. На корме сидел все тот же понурый человек, все в той же позе горемыки-сироты. Присмотрелся: на плечах погоны, на груди аксельбанты... Боже мой, старпом!

— А, художник, — подняв голову, с горькой усмешкой сказал он. — И ты здесь? Кто же это, думаю, шатается неясной тенью? Там, на зеленой планете? Оказывается, ты. Видать, сам черт повязал нас одной веревочкой.

— Видать, так, — ответил я и с участием спросил: — Что? Камень Сизифа сорвался с вершины?

— Откуда знаешь о камне? Ах, да. Ты же читал мой дневник. Еще там, на планете под счастливыми облаками... Да, камень Сизифа упал в пропасть. Вселенская тоска грызет меня. Не поймешь ты меня, художник. Обыватель ты.

— Почему же обыватель?

— Поселился на блаженной планетке и доволен. — Ты успел ознакомиться со Сферой Разума? Но ты не разобрался...

— Разобрался. Такие же дурацкие счастливые облака. Только зеленые. И живут там такие же обыватели, — и, скривив губы, старпом презрительно добавил: — Динозавры.

— Клевета! — возмутился я.

Слово за слово, и разругался я со старпомом окончательно. Невыносим он стал в своей ненависти к материи, к вещественной жизни духа.

А мне эта жизнь нравилась. Еще нигде, ни на одной обитаемой планете я не встречал такой гармонии духа и материи и такой красоты. А бессмертная душа моя, душа художника, всегда тянулась к красоте.

Что может быть прекраснее такой картины: отзвучали мои тоскующие звездные песни, эхо свирели погасло в тумане, и вдруг послышалась иная, земная песня. То фея весенних лугов вышла из своего небытия, из трав и цветов. Таяли сумерки, ночная влага, жемчужинами скопившаяся в травах и цветах, заискрилась в лучах проснувшейся зари, и я увидел ее — земную богиню, сотворенную дыханием полей. И она увидела меня, мою реддеющую тень в реддеющей дымке.

— Кто ты? — удивилась она. — Покажись.

Но я молча отступил и растаял в вьющихся нитях тумана. Это возмутило фею до глубины души. Днем на вопрос ребятишек, кто такой таинственный пастух, нахмурившись, ответила:

— Нахал.

Я усмехнулся: неправда тетя Зина. Не нахал я, не чужак. Подобно ей я слился с разумной природой, с ее рассветами и туманами. Подобно ей я творю красоту.

Вскоре вблизи села появился еще один пастух. Но земной пастух — ученый, которого сельские ребятишки называли дядей Антоном. Он пас небольшой табун лошадей, в будущем дивных хронорысаков, способных, по его замыслу, разорвать завесу времени и скакать по дорогам веков. К нему зачастил знакомый мне мальчишка Василь. Часто разговор у них заходил обо мне. Однажды мальчик высказал предположение:

— А что, если таинственный пастух вовсе не из древних песен и легенд, не из земной старины, а с далеких космических пастбищ.

— Космических пастбищ? — рассмеялся дядя Антон. — Ну, это вряд ли.

А ведь мальчик-то прав! Я из далеких звездных полей и, быть может, из иных, неизвестных людям Вселенных. Я, словно эстафетную палочку, несу свирель мальчика-пастушка, затерявшегося где-то в туманах Вечности. И кто счастливее — Василь, купающийся в неге волшебной природы, или босоногий пастушок? Трудно сказать. Пожалуй, я... Да, то был я! Я переверну все времена и пространства, а себя, свое дивное пастушье детство попытаюсь найти. Найду ли?..

Прошли годы. Василь и Андрей заканчивали школу. Их одноклассники взволновали однажды мою безмятежную жизнь разговорами о... Лебедином озере! Что это? Случайное совпадение названий?

Отыскал я то озеро, затерявшееся в лесной глуши. Ничем не примечательное днем, оно ночами, при свете звезд и луны, преображалось, раскрывало свое волшебство и красоту. Из далекой небесной выси, словно из глубин мироздания, опускались лебеди. Коснувшись волн, встряхивали крыльями и становились русалками в кисейных белых платьях. Словно невесомые, они скользили по зеркальной водной глади и кружились, исполняя под музыку свои удивительные воздушные танцы.

Однажды они вышли на берег, уселись недалеко от меня и о чем-то разговорились. Я прислушался и вздрогнул: русалки тосковали по своей королеве по имени... Аннабель Ли! Нет, вряд ли это совпадение. Тут какая-то тайна. Зачастил я на это озеро и однажды услышал радостные крики:

— Вернулась! Королева вернулась!

Вдали на озере толпились белоснежные русалки вокруг своей подруги, одетой в сиреневое платье. Видимо, это и была их таинственная королева. Смеясь, с ликующими возгласами русалки подняли ее на руки и по серебряной лунной дорожке понесли к берегу, прямо к тому месту, где в кустах притаился я. Сердце замерло в груди: это она! Царица сиреневых птиц, моя жена, моя космическая возлюбленная.

Русалки бережно опустили свою королеву на траву и, усевшись, затараторили:

— Вернулась! Аннабель Ли вернулась! Где же ты была? Где пропадала столько лет?

— Была я на далекой планете и жила, как обычные люди.

— Как? Земною жизнью? Разве это возможно?

— Там волшебные облака, там многое возможно.

— Земною жизнью! Как люди! — ахали русалки.

— Какая ты счастливая!

— Не завидуйте, подружки, людям. Не такая уж у них сладкая жизнь. Вот послушайте. Сначала все шло хорошо. Была я на озере сиреневых птиц, учила их танцевать и неожиданно встретила любимого. Смутно помнится, словно то был волшебный сон, что мы уже любили друг друга. Давно это было. Давным-давно и в какой-то исчезнувшей Вселенной. Страстная и горькая была эта любовь. И вот новая встреча, и ничто не мешало нашему счастью. О, земная жизнь! Какая жгучая радость, какое упоение! Но, как у всех людей, пришла расплата: неизбежное старение, болезни... Но самое страшное — войны, мятежи, пытки каленым железом...

Аннабель Ли вздрогнула и с застывшим ужасом в глазах замолкла.

— Ну а потом? — торопили русалки. — Что было потом?

— К счастью, я скоро умерла, — вздохнув, продолжала Аннабель Ли. — Сбросила я бремя несчастной и так люто страдающей материи и вернулась в

270 сказку, в свою вечную юность. Покинула я страшную планету Счастливую и многие годы космической феей ходила по цветущим звездным полям. Заскучала. И вот я снова на своем родном озере.

— Навсегда? — в глазах русалок промелькнул страх: неужели опять покинет их?

— Навсегда.

— Ур-ра! — закричали русалки и ушли со своей королевой на водную гладь, закружились в веселом танце.

«Им-то хорошо, — позавидовал я. — У них своя жизнь, они — сказка. И даже Аннабель Ли после недолгой и очень невеселой земной жизни вернулась в свою сказку, словно в родной дом. А я кто? Где мой дом?»

И столько неуютных, тоскливых и смутных мыслей навалилось на меня, что я, желая обдумать их, полетел в космическую тьму к своему камню-кораблю.

Что за чертовщина! Прошло много лет, а Старпом все еще на камне. Еще издали увидел я, как он вставал, в глубокой задумчивости ходил по «палубе» и снова усаживался. Навечно он поселился здесь, что ли?

В досаде я вернулся на планету, высоко в горах нашел удобный скалистый выступ, сел и задумался о своем космическом сиротстве. Кто же я, в конце концов? И не сказка, и не совсем человек. Лишь ненадолго вхожу я в материальное тело, в этот мимолетный страдающий ковчег духа. Духа? Вот тут-то главная заковыка. Временами кажется, что никакого духа нет, что это выдумка земных мыслителей, которых я начитался на блаженной планете, под счастливыми облаками. Тогда что же такое мои кратковременные земные жизни и мое нынешнее состояние, мое бестелесное бессмертие «Я»? Сон? Метафизический обман? А что, если?..

Страшная мысль так оглушила меня, что я вскочил и подобно Старпому начал метаться, ходить... Однако не по ровной и гладкой «палубе» камня-фрегата, как Старпом, а по горам, по снежным вершинам. А что, если я — выдумка? Вот выдумал меня хотя бы тот же поэт в деревенской тиши, сочинил легенду о космическом скитальце, который, пройдя через мертвую Вселенную, через Большой Взрыв и массу других занятных приключений, вернулся на Землю и бродит с дудочкой в руках, воображая при этом, что поступает по собственной воле.

Свобода воли... Какая-то смутная, нездоровая мысль тревожила меня, не давала покоя. Желая обдумать ее, я спустился со снежной вершины, хотел присесть на облюбованный мною камень и замер... Камень! Вспомнились вдруг слова Спинозы в одном из его частных писем: «Если одарить камень сознанием, то он, будучи брошен, воображал бы, что летит по собственной воле». А что, если я такой же брошенный сочинителем камень, неукоснительно следующий всем сюжетным ходам легенды и воображающий, что все вокруг происходит по его собственной воле? Я камень... Не камень Сизифа, как Старпом, а камень Спинозы.

Уничтоженный, подавленный страшной догадкой, я снялся с планеты и полетел к Старпому. Может, у него найду утешение? Все-таки сильная личность. Не я.

ДОРОГА

Вот и астероид-корабль, Старпом, сидящий на «корме». Я притаился за выступом на другом конце астероида. Вот подожду немного, соберусь с мыслями и тогда подойду к своему мучителю и собрату.

И вдруг — нб тебе! Здесь, в пустоте, в немыслимой дали от населенных миров возникла обыкновенная сельская дорога — пыльная, с ухабами, но домашнему уютная, невыразимо притягательная. В мире физическом ее, конечно, нет. Эта бестелесная дорога — проекция памяти или мечта такого же бестелесного существа, как я. Но чья мечта? Кто творец удивительной дороги? А вот и он: из-за поворота вышел старец, обутый в лапти, подпоясанный бечевкой. В руке у него посох, а за плечами котомка. Старец подошел к астероиду и остановился. Старпом поднял голову, а старец шагнул к нему и присел рядом.

— Вот и отдохнуть можно. Умаялся я, — молвил старец, вытирая пот со лба. — Жарко.

— Ты кто? — усмехнулся Старпом. — Странствующий богомолец?

— Считаю, что и так, милый. Хожу по святым местам. Где я только ни побывал, чего только ни повидал. Сейчас я из сельской церквушки. Потолкался в народе, послушал... Где же она, церквушка? — вглядываясь в пустоту, дед козырьком приложил ладонь к глазам, словно задыхаясь от яркого света, и вздохнул. — Потерял ту деревеньку. Потерял.

Старец развязал котомку, аккуратно расстелил на камне тряпицу и разложил огурцы, помидоры, сало, краюху хлеба.

— Откушай, милый, — предложил он и потер руки, предвкушая трапезу.

— Не хочется, дедушка.

— Думы одолевают? — участливо спросил старец и, окинув взглядом парадную форму с аксельбантами, добродушно усмехнулся. — Видать, из господ. Потешил свою душеньку, поиздевался над простым людом. Ох, грехи наши, грехи...

— Нет, дедуля. Не тешился я и не издевался, а сам мучался. — Старпом улыбнулся, оттаял душой. — Да, помучался я на своем веку, да и других помучал, позверствовал. Хотел правды добиться вот у этого дьявола, — Старпом махнул рукой в пространство.

— Правды надо искать не у дьявола, а у бога.

— Э, дед. Нет никакого бога. Был бы он, был бы и смысл во всей этой кутерьме, — снова жест в сторону далеких галактик.

— Есть смысл, милый. Есть.

— У этой великой бессмыслицы? Очнись, дед.

— Великая бессмыслица, — недовольно пробурчал дед. — Возьмем мою палку. У нее два конца. Но

попробуем у палки отсечь один конец, — старец положил свой посох на траву и сделал жест ладонью, будто топором рассек его пополам. — Отбросим один конец. Но вот беда: в оставшейся половине опять два конца. Рубанем еще раз — и опять же в оставшейся коротышке два конца. И так до бесконечности.

— К чему ты это? — Старпом с любопытством посмотрел на деда.

— К тому, что у этой, как ты говоришь, кутерьмы, два конца. У палки всегда два конца, так и у этой видимой великой бессмыслицы есть невидимый великий смысл. Мы же видим только один конец палки.

— Видимость невидимого! — воскликнул Старпом. — Странно, я где-то уже слышал эти слова. Но где он, этот невидимый конец? Где великий смысл?

— Торопыга, — рассмеялся старец. — Я вот веками странствую, ищу и не нахожу. Случилось даже, притаившись невидимкой, как-то послушать ученых. Смехота! Шумят, спорят, перебивают друг друга. У каждого свое и непонятное. Нет, проще и понятнее народ с его думами и церквушками, а последнее время я похаживаю по святым местам. Может быть, там найду хоть крохотный намек, хоть обломочек правды?

— Однако ты, дед, преинтересный тип, — улыбнулся Старпом. — Вот что, дедуля. Собирай свою котомку и пойдем по святым местам. Ты бога искать — невидимый конец, а я дьявола — конец видимый. Но и он прячется, негодяй. Прячется.

Старпом оживился, вместе с дедом ступил на дорогу, но вернулся и сел на прежнее место.

— Иди, дед, один. Надумаю, догоню. Не поймешь ты меня. Я и сам не пойму: бог во мне сидит или дьявол?

Старец постоял немного, с грустью посмотрел на Старпома, потом повернулся и пошел, вздымая пыль. Удивительная все-таки у него дорога. Над ней ни солнца, ни звезд, ни луны — одна бездонная пустота. И в то же время лучи, палящие и яркие солнечные лучи, словно ниоткуда, падали на иссушенную колею, на холмы, где искрились травы и шелестели листвою кусты. Я расслышал даже звон кузнечиков, упоенно славящих полуденный зной. Да и дед — отчаяннейший жизнелюб, и ему по душе жара. Мила она ему, видимо, по затерявшейся в дали времен вещественной жизни. На краю дороги протекал ручеек с чистой студеной водой. Старец присел, вытер со лба пот, набрал в котелок воды, с видимым удовольствием попил и снова не спеша потопал дальше. За одним из поворотов, за холмиком с одиноким кустом скрылся, оставив свою мечту-дорогу Старпому: надумает — догонит. А тот поник головой и снова горько задумался.

Я покинул великого мученика и горемыку и вернулся на планету несколько успокоенный. Нет, ни один человек, ни один сочинитель не смог бы придумать такие вселенские страдания — мои и Старпома. Не легенды мы с ним, не выдумка.

А кто? И опять мучительный вопрос этот заше-

велился во мне, заерзал с нестерпимой силой. Да, я не камень Спинозы, не выдумка. Это ясно. Теперь меня волновало другое и главное: что такое человек вообще, его телесное и бестелесное состояние; какое место он занимает в мире, о котором, кстати, тоже нельзя сказать с полной уверенностью — есть он или нет?

Сыграв в утренних туманах на свирели, я на весь день, подобно Заратустре, уходил в полюбившиеся мне горы. Но не Заратустрой я себя чувствовал, не уверенным в себе сверхчеловеком, а существом жалким, пришибленным грудой сомнений. Побродив по снежным вершинам, я спускался чуть ниже, в альпийские луга, садился на камень и задумывался о природе всего сущего, о себе...

Предположим... Хотя это и невероятно, ведь мое вечное «Я» есть и будет всегда, — но все же предположим, что мое бестелесное состояние — фикция, мираж. Во всяком случае, нечто производное, вторичное по отношению к телесному, грубо материальному. Тогда что такое человек — это первичное и земное? Вот и сижу сейчас на камне и думаю об этом, думаю...

Хорошо «мудрецам», не знавшим никаких сомнений, особенно так называемым «последовательным» материалистам вроде Великого Вычислителя. Они уверены, что человек — это просто кожаный мешок, напичканный всяческими реактивами. Человек — химический фокус. И все! И не надо, дескать, мучаться, искать какой-то великий смысл. Есть только один конец палки — великая бессмыслица. И в самом деле, какая может идти речь о Боге, о бессмертном духе, если внутренний мир человека, его высокие мысли и его светозарные мечты — всего лишь химические реакции, которые могут и в пробирке получаться.

Один из таких философов, живший на этой планете (кажется, Ипполит Тэн), так и писал: «Пороки и добродетель — такие же продукты, как купорос и сахар». Ну как не позавидуешь такому мудрецу или тургеневскому Базарову, который проводил на лягушках свои нехитрые опыты. Дергает лапкой лягушка — вот так, дескать, и человек реагирует на раздражения внешнего мира своими «лапками» — научными теориями, философскими доктринами, бессмертными творениями искусства. До чего все просто. Завидно!

Завидую я и солдафонам с марксистско-ленинским казарменным мышлением. Им тоже все ясно: бога нет, а есть рефлексы...

Мне же, к сожалению, ничего не ясно. Наступает вечер, зажигаются звезды. И я, подняв взор к небу, вопрошаю не Бога, его, вероятно, и в самом деле нет, — я вопрошаю две реальные вещи, которые, по выражению Канта и моего капитана, «наполняют душу удивлением и благоговением — звездное небо надо мной и нравственный закон во мне».

Так что же такое нравственный и духовный мир во мне? Комбинация купороса и сахара? Кучка гниющего, химически активного навоза?

Ипполит Тэн не одинок. Вспомнилось еще одно направление философской мысли, широко распространенное во Вселенной — очень уж полюбилось оно разного рода «Великим Вычислителям», будь они в образе жабы или двуногого существа. Из моих далеких и ушедших жизней смутно помню, что на одной планетке такого мудреца звали Зелезуаци... Или нет! Желедруазо... Тьфу, какое длинное, корявое и трудное имя. На планете, на которой я сейчас нахожусь, подобного же мудреца звали куда проще. Чуть ли не Фрида... Вспомнил: Фрейд! Он был уверен, что внутренний мир человека — это скопище, месиво первобытных разрушительных инстинктов: агрессивности, жажды наслаждений и в первую очередь сексуальных устремлений, похоти. Это, по его мнению, великое бессознательное «Оно», а сознание человека, его «Я» — лишь крошечное окошечко, через которое выглядывает «Оно» и высматривает, выискивает, как бы схитрить, переклудить (по терминологии Фрейда — сублимировать) похоть в общественно узаконенные формы. Мысли ученых, творения поэтов, композиторов, вообще вся культура — это, дескать, и есть сублимация, вытеснение похоти и другого дерьма, это что-то вроде прекрасного цветка, выросшего на куче навоза. И невдомек таким мудрецам: цветок этот радует глаз и благоухает лишь потому, что питается не только соками навоза, но и ветрами полей, солнечным светом, космическими лучами...

Осенило! Вот оно — поистине космическое опровержение фрейдизма. Правда, кое в чем с фрейдизмом надо согласиться. Вещественный, земной человек создан из земного праха и несет в себе груз мезозойских, палеозойских и более поздних пластов психики. Но Земля — лишь крохотная частица Вселенной, и происхождение ее, как и человека, в основном оттуда. Человек не только земная пылинка, но и космическая безбрежность. Взять, к примеру, мои земные картины с их «метафизической печалью» или чарующие песни свирели — мои и того парнишки пастуха. Что это? Сублимация жадности к наслаждениям? Голоса земного навоза? Какая чушь! Это голоса забытых нами прежних бесконечных жизней, это звучание космических струн души, зовы и тревоги Вселенной. Человек не менее бесконечен, чем Вселенная.

Нет, фрейдизм — это еще один позор жабыего, так называемого «последовательного» материализма, его зловонный тупик. Но и «последовательным» идеалистом себя я тоже не считаю.

Так что же я такое? Вот сейчас, в своем бестелесном виде? Духовное средоточие Вселенной? Этакая монада Лейбница? Далеко в пространстве на камне-корабле сидит еще одна монада и горько размышляет о своей небезгрешной жизни, о тайне и смысле «дьявола»-Вселенной. Слетаю я к нему, к своему мучителю и палачу. Нет у меня на него ни обиды, ни зла. Все давно перегорело и покрылось пеплом.

Еще не долетев до камня, услышал тихую пле-

нительную музыку. Мельмот-скиталец? Да, это он, еще один космический страдалец. Из мглы выступил и подошел к Старпому уже знакомый мне субъект в камзоле, с гордо посаженной головой и пылающим взором.

— Опять ты? — недовольно проворчал Старпом.

— Что? Маешься? — мстительно проговорил Мельмот. — Вот так и будешь вечно носить в себе ад, пока не согласишься на мои условия.

— Ну и хитрец ты. Угадал, пройдоха, что я сейчас терзаюсь, как никогда, и готов пойти вместо тебя в ад, если он есть. Но взамен-то что дашь? То, что я ищущий? Не можешь ты дать ничего. Нищий ты.

— Это я-то нищий? Да я богаче всех. Дам земную жизнь, а в ней неувядаемую юность и несметные богатства.

— Господи, опять те же пошлости, — простонал Старпом. — Пошляк ты, Мельмот. Неисправимый пошляк.

— Это уж слишком, — возмутился Мельмот. — Ты еще пожалеешь. Вот уйду, и придут другие, совесть терзать начнут. Совесть! Не такие они добренькие будут, как этот дуралей, — Мельмот показал на уходящую в даль дорогу. — Стар, а ума не нашел. Ищет, как и ты, то, чего нет.

Мельмот-скиталец повернулся спиной и, рассеявшись во мгле, ушел. Вместо него из пространства вышел я.

— А, еще один пошляк, — усмехнулся Старпом.

— Я к тебе по-хорошему, а ты встречаешь оскорблениями, — не обидевшись, улыбнулся я.

— Извини, художник. Точно мне. Приходи в другой раз. А еще лучше — топай вот по этой пыльной дорожке. Догонишь странствующего старца. Прелюбопытный старец, скажу я тебе. А радостную зеленую планетку брось. Пусть люди сами разбираются. Что-то у них не так.

— Почему не так?

— А ты послушай свою свистулька и, может быть, поймешь. Свистулька твоя умнее тебя. Иди, иди.

Я вернулся на планету. И снова я брожу с привязавшимся ко мне табунком, снова свои вселенские вопросы и тревоги изливаю в звуках пастушьей свирели. Прислушался, как советовал Старпом. Чудится ли мне или на самом деле так, но вся природа, ее росные рассветы и просыпающиеся поля эхом отзываются на звуки свирели, придают ее песням какую-то особую силу, объемность и глубину.

Боже мой, как я играл! Чего только не вытворял с людьми! Не только женщины, но и мужчины плакали. И не поймешь отчего: от радости или горькой печали?

Неужели и впрямь люди чувствуют, что в их жизни что-то не так? Неужели их безоблачное счастье — зло не меньшее, чем несчастье? Да и есть ли на свете счастье? Что на это сказал бы мой любимый учитель Гераклит? Добро и зло — одно и то же? Счастье и несчастье — одно и то же?

Вот такие грустные и тревожные мысли и чувства навевают песни пастушьей свирели, песни непо-

274
нятных глубин и неразрешимых вопросов, так и остающихся загадкой для самого художника. Извечная трагедия истинного искусства — творение всегда выше творца. Прав Старпом: свистулька моя умнее меня. Пойду-ка я к нему, посоветуюсь.

Подлетаю к камню-кораблю и вижу: с другой стороны что-то забелело, кто-то выступает из тьмы. Он все ближе и ближе. Волевым, гладко бритое лицо, белый плащ с красной полосой внизу... И я узнал пятого прокуратора Иудеи. Он сел рядом со Старпомом и спросил:

— Ну что, брат, тяжело?

— Отвяжись, художник, — отмахнулся Старпом и, подняв голову, удивился: — Ты? Понтий Пилат?

— Да. Прохожу мимо и вижу: у человека такое же горе.

— А у тебя-то какое горе? — Старпом страдальчески искривил губы. — Подумаешь, отправил на виселицу...

— Не на виселицу, а на крест.

— Ну на крест. Подумаешь, послал на распятие одного человека.

— Но зато какого человека. И человека ли?

— Как! — воскликнул Старпом. — И ты поверил, что это Он? Ты стал верующим?

— Не знаю, брат. Чувствую, что сделал что-то не так. Грех какой-то на мне, страшный грех. Вот хожу по Вселенной миллионы лет и не пойму, что со мной.

— И я не пойму.

Я незаметно удалился. Не буду мешать, пусть поговорят два великих грешника.

Снова я на планете. Однажды ночью в форме штурмана парусного флота подошел к Лебединому озеру. Увидят ли меня балерины, танцующие на лунной зеркальной глади? Узнает ли меня Аннабель Ли?

— Смотрите! — воскликнула одна из балерин. — На берегу кто-то есть. Не человек, а какая-то тень. Леший?

— Не похож, — возразили другие русалки. — Леший страшный нахал. А этот какой-то робкий. Бойтся показаться. Даже не тень, а какая-то тень от тени. Подойдем?

Подошли, и королева русалок узнала меня.

— Ты здесь? — обрадовалась Аннабель Ли. — Идем же, дорогой, куда-нибудь, поговорим.

Бродили мы с ней по лунным полям почти до рассвета. Странной показалась бы людям эта призрачная пара. Я — смутная тень, она — белесое привидение в белесом тумане. Иногда она в своем кружевном, с блестками платье совсем сливалась с лунным сиянием, с кружевами тумана, с искрами на луговых травах. И я слышал лишь ее голос. Такой знакомый, волнующий душу грудной голос.

Печальными были наши воспоминания о телесной жизни на планете Счастливей, о нашей любви. Мы и сейчас любили друг друга. Но грустной была и эта любовь — невещественная и призрачная. А тут еще я заиграл, и тоскующие песни свирели взволновали Аннабель Ли. Она зарыдала.

— Что с тобой, подружка?

— Еще никогда ты так не играл. Даже лошади плачут.

Я не заметил, как две лошадки из моего табуна подошли и с грустью смотрели на меня.

— Иногда мне кажется миражом не только наша с тобой жизнь, но и вообще все это, — Аннабель Ли показала на небо. — Помнишь нашу несчастную любовь совсем уж в далекой дали, еще до Большого Взрыва? Не сон ли то был?

— Сон? Не знаю. О нем у меня до сих пор сохранилась запись, — я вынул из кармана свиток и, вспомнив Старпома, с усмешкой сказал: — Здесь все мои странствия. Так сказать, записки Сатаны, его исповедь.

— Сатаны? Чепуха. Обычное старпомовское преувеличение. Просто ты великий талант. Настолько великий, что и мне кажется... Нет, не кажется, а уверена, что есть в тебе что-то демоническое, не от мира сего. Давай свои записки, свою исповедь Сатаны, — улыбнулась Аннабель Ли. — Я ведь здесь почти наполовину земная, и в моих руках твоя невещественная запись, быть может, станет чуть вещественнее. Я передам свиток людям. К нам на озеро приходят не только школьники, но и взрослые. Вдруг ученые сумеют с помощью Сферы Разума прочитать записки?

— Не поверят.

— Конечно, не поверят. Людям свойственно не верить в их же собственную иную жизнь. Пусть считают тебя еще одной легендой, самой удивительной космической легендой.

Светало. Приходила пора моей полной невидимости, да и спутница моя при дневном свете чувствовала себя неудобно. Ей пора домой. И мы расстались с грустной надеждой, что еще встретимся. Пусть через миллиарды лет, но встретимся и даже — чего только не бывает на свете! — в вещественной, земной жизни.

Расстаться надо и с людьми этой планеты. В предраассветной мгле с табунком лошадей я подошел к околице села, заиграл... Господи, до чего все-таки чуткие мои сельчане! Они не только ждали, но и чувствовали, что в утреннем тумане слышат мою прощальную песню.

— Не уходи, — со слезами на глазах умоляли они. — Научи, как жить?

Чему я могу научить, если сам ничего не знаю? Взросло солнце, я рассеялся в тумане и ушел в свою бесконечность, в космическую мглу. Подлетаю к камню-кораблю, от него все так же тянется в таинственную даль сельская дорога с кустами на обочине и поющими птицами на них. Где-то там странствующий старец. Идет он не спеша: может быть, одумается великий грешник? Догонит?

А великий грешник все сидел, опустив голову. Изредка поднимал ее и пугливо озирался, словно чего-то боялся. В чем дело? Неужели Мельмот, мерзавец, напророчествовал, и к Старпому начали приходить, тревожа совесть, не очень приятные гости?

Я хотел подойти к Старпому и утешить. Но мне опять помешали. Во мгле что-то забелело. Наверняка Понтий Пилат. Вот навязался. Неужели не поймет, что он не пара Старпому?

Но то был не Понтий Пилат. Из космического мрака дохнуло холодом и сыростью, оттуда, словно из подземелья древнего замка, вынырнула какая-то дама с растрепанными волосами и с блуждающим взором. В руке у нее свеча с колеблющимся язычком пламени. Она ведьмой покружилась над задумавшимся и ничего не замечающим Старпомом, опустилась и села рядом. Старпом искоса взглянул на ее бледное лицо, на белое платье в кровавых пятнах и брезгливо отодвинулся.

— А это еще кто такая?

— Как! — возмутилась дама. — Не узнаешь? Да меня весь мир знает. О моих злодеяниях писал великий Шекспир.

— А, так ты леди Макбет.

— Да. Долго же я странствовала и наконец нашла достойного попутчика.

— Меня выбрала в попутчики? Это меня-то? — Старпом в ужасе отшатнулся и замахал руками. — А ну, уходи! Проваливай!

— Напрасно. Позлодействовали мы с тобой в жизни. Ой, как позлодействовали. Есть что вспомнить.

— Вон отсюда, стерва! — взорвался Старпом и, вскочив на ноги, разразился отборной моряцкой бранью. И голос его гремел на всю Вселенную.

— Подумаешь, завоображал, — леди Макбет жеманно скривила губы, погасила свечу и скрылась во мраке.

Старпом в ярости пнул валявшийся под ногами небольшой камень. Увы, не сдвинулся камешек, не шелохнулась ни одна пылинка. Сапог его, как и он сам, не существует в физическом мире. Старпом шагнул с физического камня-астероида на метафизическую дедову дорогу и — другое дело! — с улыбкой наблюдал, как взметнулась и медленно оседала пыль. Постоял, подумал и пошел.

А я так и не решил: стоит ли навязываться? Сойдемся ли? Пожалуй, сойдемся. Все такой же неистовый и неукротимый, Старпом в чем-то главном стал иным. О многом он передумал, сидя на камне-корабле, и многое, очень многое пришлось ему пережить. Один тиранозавр чего стоит! А кровавый «мудрец» и диктатор? Ну, этот еще хуже. Да, жестоко обошлась с ним космическая судьба.

А старец, топающий впереди? С самого начала показался он мне каким-то пророческим и загадочным, как загадочная его дорога. Пока не поздно, пойду-ка я за ними, догоню.

Дорога петляла между холмами и оврагами. Слева и справа — пустота, позади — знойная мгла. Старпом затерялся где-то далеко впереди. Я пошел быстрее. Что ни шаг, то сотни и тысячи парсек. Нагнал я его с дедом вблизи какой-то шаровой галактики, занявшей своим сиянием почти полнеба.

— Ну наконец-то! — обрадовался Старпом, уви-

дев меня. — А мы уже собрались обедать и ждать тебя... Присаживайся к нам, перекусим.

Не успел я присесть, как позади послышались звуки гармошки, и кто-то запел веселую песню.

— Да, промашку я дал, — старец озадаченно почесал затылок. — Что-то не додумал со своей дорогой. Шляются теперь по ней всякие пройдохи.

— Кто там? — полюбопытствовал Старпом.

— Увязался за мной один пьянчуга из сельского кабачка. Все следит за мной, выпытывает, куда я иду. Он и вас заприметил исподтишка. Заприметил, проныра.

Звуки гармошки затихли. Из-за холмика, пошатываясь, вышел мужик в стоптанных рваных сапогах. Но рубашка на нем новая и модная. Рукава ее и штаны заляпаны грязью — успел, видимо, мужик побывать и в канаве. Нетвердо перебирая ногами и пошатываясь, он снова заиграл на гармошке и запел песню о каком-то лихом разбойнике, но споткнулся о корягу и упал. С трудом поднявшись, выругался:

— Тьфу, старый хрыч! И дорогу-то не смог придумать поровнее, — но, увидев нас, захохотал. — А вот и он. А с ним эти... полоумные. Ха! Ха! Ха! Смысл какой-то ищут, придурки.

Мужик заиграл на гармошке и снова запел, но не о лихом разбойнике, а песню с намеком:

— Бей в барабан и не бойся,
Целуй маркитантку сильнее —
Вот смысл глубочайший науки,
Вот смысл философии всей.

Продолжал бы он еще куражиться, но ему помешали: послышалась чарующая нежная музыка. Поддействовала она на пьянчужку отрезвляюще.

— Это он! — побледнев от ужаса, завопил он. — Он! В ад засунуть хочет!

Мужик заметался, подскочил к краю дороги и, прыгнув, рассеялся в пространстве. С другой стороны на дорогу ступил Мельмот-скиталец и пальцем показал во мглу, где скрылся беглец.

— Видели? Слышали песенку? «Вот смысл глубочайший науки, вот смысл философии всей». Каково? А? Вот где истина. Она проста, как песенка этого бродяги.

— Шагай под дробь барабанную в земную жизнь с ее пошленькими прелестями? Так, что ли? — нахмурился Старпом. — Жаль мне тебя, Мельмот. Вырождаешься. Шутом гороховым становишься. Космическим паяцем.

— Я? Космический паяц? — как всегда в таких случаях, Мельмот покраснел от гнева. Но на сей раз — странно! — быстро взял себя в руки и не то, чтобы успокоился, а как-то даже сник, ссутулился, сгорбиллся. Неудачи, видать, надломили его гордыню.

— Беру свои слова назад, — Старпом посмотрел на гостя с вниманием и сочувствием. — Давай присядем и поговорим хоть раз серьезно. Вижу, не шуты, а личность очень даже не простая.

— И вы не простые. — Мельмот присел на при-

(276) горок, тут же расположились и мы. — Горемыки вы, — со вздохом продолжал он. — Маетесь высокой целью. А доступна ли вам она? Вот мне эта цель, кажется, доступна. Кажется! Может быть, вы разрешите мои сомнения? Подумайте. Ступеньки... У меня есть ступеньки к истине.

— Какие же это ступеньки? — заинтересовался Старпом. — Ну-ну. Слушаем.

— Видения меня посещают. Все они в понятных для людей образах. Как истолковать их? Чаще всего вижу... Знаете что? — глубокие глаза Мельмота расширились от страха. Он зашептал: — Вижу саму Вечность в образе...

— В образе Бога? Старо, — отмахнулся Старпом.

— В том-то и дело, что не в образе седенького бородатого дяденьки, а совсем даже наоборот. Смотрите.

Мельмот взмахнул рукой, показав на разбегающиеся звезды и галактики и словно пригласив этим жестом за пределы нашего звездного мира. И что удивительно: мы в самом деле как бы со стороны, из далекой дали увидели Вселенную в виде... Мыльного пузыря. И не одного, а целого табуна. Пузыри, точь-в-точь как вселенные, расширяются, играя искринками звезд и цветными туманностями галактик. Потом лопаются, свертываясь в крохотные, меньше росинки, капельки, исчезают совсем. «Сингулярность», — мелькнула у меня мысль. А на смену лопнувшему из черного зева небытия выплывают новые вселенные, целые караваны пузырей, сияющих всеми цветами радуги.

— Кто пускает мыльные пузыри? Кто? — От волнения Старпом вскочил и снова сел. — Кто же? Не томи. Дьявол?

— Не дьявол, — испуганно прошептал Мельмот. — Ступеньки к нему вам пока не дам, а покажу его самого. Смотрите.

Но и без загадочных ступенек Мельмота мы будто вознеслись в недостижимую высь и увидели... младенца. Златокудрый, с ямочками на пухлых щечках, сидит он на чем-то пушисто-серебристом, овевая каким-то невиданным сиянием. А под ним бездонная пустота и мгла. Шалун улыбается, подносит к губам золотистую соломинку, пускает пузыри и весело, заливаясь звездным светом, лопаются. А на смену им плывут сверху все новые и новые мыльные пузыри и слышится детский смех.

Признаюсь, Вечность в виде играющего дитя произвела на меня впечатление. «Картину бы написать! — заскакали у меня взбудораженные мысли. — Картину! Это же ослепительный образ».

А со Старпомом-то что случилось! Образ Вечности, образ забавляющегося проказника оглушил его до такой степени, что он потерял голову, как в тот раз на фрегате, когда ему показалось, будто мы с капитаном знаем шифр пришельцев. Он вскочил и заметался.

— Вечность! Играющий младенец! — восклицал он, бегая вокруг Мельмота. — А что, если это так?

Издевается... Играет нами вовсе не дьявол, а малолетний несмышлениш. Он сам не понимает, что делает... Где ступеньки? Ступеньки к нему!

— Успокойся, ступеньки со мной. — Мельмот встал и протянул Старпому какую-то бумагу. — Сначала оформим обмен. Подпиши вот этот документик.

— А взамен что? Ад?

— Да нет, — Мельмот несколько замялся. — Взамен получишь всего лишь мою обреченность. Так, пустячок.

— Ничего себе пустячок! — воскликнул я.

— Твою обреченность? — Старпом побледнел и, кажется, начал трезветь. — Вон оно что! Твою обреченность на вечное служение злу? Ну уж нет, послужил я злу на своем веку. Хватит. Это страшнее зла.

Старпом окончательно пришел в себя и рассмеялся.

— Братцы! Друзья мои! — повернулся он к нам. — Мельмот голову морочит своими видениями. Фокусник!

— Ну зачем же так, — старец с жалостью посмотрел на обиженного и уныло сгорбившегося Мельмота. — Он не фокусник. Вечность — играющее дитя! Это не шутка. Над этим стоит подумать.

— Да-да! — подхватил я. — Это исполнинский смыслослучающий образ. Он так и просится в мою картину. Это что-то светлое...

— Светлое? — усмехнулся Старпом, пытаюсь охладить мой пыл. — Ошибаешься, художник. Согласен, Мельмот личность непростая и посещают его видения грандиозные. Видения начала всех начал. Но знаешь ли, кто этот шалун, пускающий пузыри вселенные? Это безобидное с виду дитя в сиянии света и радости? Это же сам Дьявол во младенчестве.

— Ты опять за свое, — недовольно проворчал я и замолк, взглянув на Мельмота.

С ним происходило что-то необычное. Он, видимо, радовался тому, что его видения начинают принимать всерьез. Он даже улыбнулся и, потирая руки, порывался поведать нам еще что-то.

— Что? Еще одно видение? — загорелся я. — Говори же. Говори. У тебя дар художественного проникновения в самую суть.

— Да, еще одно видение. Пострашнее. — Мельмот испуганно огляделся по сторонам и, показав на далекие галактики, зашептал: — Думаете, это Вселенная? Думаете, она есть? Ошибаетесь. Есть только время и пространство, все остальное — пустота. Смотрите.

У Мельмота оказался не только художественный дар, но и дар внушать свои видения. Мы — жутко вспомнить! — очутились вдруг в центре гигантской темной пещеры. Ее стены — это то, что мы принимаем за время и пространство. Стены, одни лишь голые стены. И ничего больше! Звезды, планеты, разумная жизнь на них и мы сами — обман, мнимость зеркального отражения мира истинного, светоносно-го. Оттуда через трещину в пространстве, через

узкую щель проникает в пещеру тонкий лучик света и, словно в камере-обскуре, рисует на стенах смутные, искаженные образы.

Нет ничего, кроме времени и пространства, этих стен пустой и мрачной катакомбы. Все остальное, все, что мы принимаем за реальность, — пляска теней, оптический обман.

Сумрачная катакомба взволновала меня еще больше, чем играющее дитя.

— Верно! — закричал я. — Вселенная и мы сами лишь отблески и тени мира идеального. Знаю! Я сам оттуда... А дорогу в мир истинный ты знаешь? Что это? — вздрогнул я, заметив, что Мельмот торопливо сует свою бумагу. — Документик?

— Да, подпишешь и увидишь дорогу.

— А взамен твою обреченность? — я опомнился и замахал руками. — Нет, нет!

— Испугался, художник? — рассмеялся Старпом. — И правильно сделал.

Мельмот встал и в отчаянии разорвал «документик». Опять неудача! Понурившись и ссутулив плечи, он повернулся и уходил в свое вечное странствие. Не успел Мельмот рассеяться во мгле, как старец перекрестил его и со вздохом промолвил:

— Господи, успокой его душу. А вы чего смеетесь? — повернулся он к нам. — Жалко ведь.

— Над собой смеется, дедуля, — сказал Старпом. — Одурманил он нас своими видениями. Сувверными мы стали и чуть документик не подписал.

— А видения у него нешуточные. Подумать бы над ними, — настаивал дед.

— Подумаем, дедуля. Особенно над этим шалунном. Страшное дитя! А второе видение мне напоминает что-то. Жил когда-то философ, свое учение связывал для наглядности с образом пещеры.

— Нет, катакомба у Мельмота куда значительнее и страшнее, — сказал я. — Катакомба у него со всеми признаками научной космологии. Стены ее — не что иное, как время и пространство. А материальные частицы, движущиеся на этом фоне, — всего лишь тени мира истинного и неведомого нам. Да, не простенькая катакомба у Мельмота, со значением. Может быть, это и есть реальность? А у того, у древнего философа — обыкновенная земная пещера и просто образ для наглядности. Только вот как звали того философа — не помню. Жил он миллиарды лет назад.

— И я, художник, не могу вспомнить. Хоть убей, не могу.

— Платошей его звали, — вмешался старец и ласковым голосом добавил: — Платошенька. Платоша. Знал я его.

— Вспомнил! Не Платоша, а Платон! — воскликнул Старпом и с удивлением посмотрел на старца. — Да ты, дедуля, хитрюга. Скрываешь что-то, непонящим прикидываешься. Веди нас по своей дороге. С тобой очень даже интересно. Но сначала накорми нас. Видишь? Художник глазами уже съел твои запасы.

И в самом деле, я пожирал глазами дедову котомку и носом чуял запах огурцов. Я уже представил, как на зубах хрустит огурец, и голова у меня затуманилась от земных ароматов. Что поделаешь, бессмертному духу приятно вспомнить земную жизнь. Я уже присел и протянул руку к котомке, но меня остановил дед.

— Не торопись, сынок. Сначала я приготовлю чайку. Горяченького, вкусенького чайку, — старец с приятностью потер руки и сладко зажмурил глаза.

«А дед сластена», — подумал я и, вскочив на ноги, замер с раскрытым ртом. Чайку! Вспомнился такой же любитель чая и такой же жизнелюб — дед-тополь. А до него был нищий старец и профессор Рум на планете Счастливой. А еще раньше — Дед Мороз в мертвой Вселенной. Но в самом начале, еще в межзвездном океане... капитан! Одна и та же бессмертная личность!

— О чем задумался, сынок? — ласково спросил старец.

— Почудилось что-то, дедушка.

— Почудилось? Это бывает. Это память чуточку просыпается.

— Просыпается и, к сожалению, тут же засыпает.

— Да, это жаль, — сказал старец. — Но последнюю свою жизнь, как вижу, ты хорошо помнишь. Не оттуда ли простая и скромная одежонка? Шаровары, куртка — приятно посмотреть. А вот друг твой никак не может разлучиться с яркими побрякушками. Эх, слабы люди, слабы.

— Не ворчи, дедуля, — сказал Старпом.

Старец отошел на обочину дороги, где в низинке журчал ручеек, и начал собирать сухие листья, сучки. Заметив, что я то и дело поглядываю на старца, пытавшегося разжечь костер, Старпом приблизился ко мне и прошептал:

— Гадаешь, кто этот симпатичный ворчун? Не лмай напрасно голову. Просто мы тоскуем по капитану. Вот нам и мерещится, — и, пожав плечами, в глубокой задумчивости добавил: — А может, и не мерещится. Но хитрюга дед! Простачком прикидывается, а ведь дорогу-то какую смастерил. А? Не простую. Идет она через все звездные миры и нет ей конца.

Наконец у деда разгорелся костер, и в котелке закипела вода.

— Не унывайте, сынки. Будет у нас чаек. Будет!

(278) — радовался старец и, взглянув на старпомовские аксельбанты, снова усмехнулся.

— Ума не приложу, как мне одеться? — нахмурился Старпом.

— Жалко расставаться с парадной формой? — рассмеялся я. — И не надо переодеваться. Пофорси уж аксельбантами. Пофорси.

— Ладно, потопаю сначала так. А там подумаем с тобой, в какой одежонке просить подавание. А не взять ли пример с нашего старца? Посмотри на него. Нищий! Мудро, очень мудро. Ведь и мы с тобой такие же нищие. Ничего не выпросили у этого дьявола, — Старпом махнул рукой в пустоту, а потом ткнул пальцем в мерцающую рядом галактику. — Сходим сначала сюда.

— А что это за галактика?

— Понятия не имею. Но какая красавица!

Галактика и в самом деле выглядела в космической ночи нарядной новогодней елкой. Она тихо вращалась вокруг своей оси, сияла разноцветными фонариками, искрилась алмазной пылью бесчисленных светил.

— Видишь, сколько там звездных миров! — восторгался нищий Старпом. — А дорога-то! Дорога! Разве не чудо?

Взглянул я на дорогу, и дух захватило от волнения. Еще более странной, какой-то вещью показалась она. Искрились листвою кустарники, ласково шелестели травы, трещали кузнечики, славящие полуденный зной. И серебрилась пыль, мягкая, как пух, прокаленная солнцем земная пыль. Очень уж полюбилась она деду.

— О чем задумался, милый? — прервал мои размышления старец. Я и не заметил, как он разложил перед нами сельские дары и поставил кружки с горячим, пахнущим луговыми ароматами чаем. — Не грусти, сынок. Сходим в деревеньку, потолкаемся в народе, послушаем, и станет веселее. Видишь, какая красавица приглашает нас в гости, — старец показал на приблизившуюся к нам праздничную елку-галактику. — А пока попьем чайку, поговорим и не спеша пойдем.

Ну что ж, согласился я, пообедаем, чайку попьем и пойдем. Пошагаем и по огненной россыпи галактик, и по скромным деревенькам. Пойдем по звездной пыли и пыли земной. Что ждет нас впереди? И куда, в какие дали ведет эта пыльная, эта наша вечная и бесконечная дорога?

КОЗНИ ЛУКАВОГО

Принято винить во всех грехах дьявола, но это далеко не всегда справедливо. Могу привести массу примеров, которые не имели ко мне ровно никакого отношения. Напротив, я уверен, что все неудобства, несчастья и неурядицы в этих случаях произошли исключительно по недосмотру Всевышнего.

Так произошло и с тем городом — Гаммельном, о котором Он просто-напросто забыл. Гаммельнцы же восприняли это со свойственным вообще человеческому роду легкомыслием, иначе говоря, они решили, что раз их не наказывают, значит они все делают правильно. В результате, когда Небеса все же обратили свой взор на город, Им ничего не оставалось, как наводнить его крысами, дабы заставить жителей задуматься о смысле жизни и Божественном Провидении. Ну, к простоте людей я уже привык, но чтобы Господь позволял себе такие промахи... Как будто Он не знал, с кем имеет дело!

Словом, они ничего не поняли. И ринулись на поиски крысолова. И я, крайне заинтересованный тем, что же Он, Святой и Бессмертный, будет делать дальше, предложил к их услугам свою скромную персону.

Видимо, они были уже на грани отчаяния, потому что запах серы их не насторожил. Впрочем, они могли просто не почувствовать его из-за крысиного зловония. Или я показался им менее опасным, чем красотка Чума в забрызганных кровью и гноем одеждах, уже маячившая у городских ворот. Господа в ратуше даже посадили меня с собой за стол, правда, с краешку, так как вид у меня был намеренно непрезентабельный. Я отобедал с ними под крысиное попискивание, сладкие речи и позванивание монет в тугих кошельках, которое должно было вдохновить меня на то, что казалось им подвигом, а для меня было, в сущности, детской игрой.

Не буду утомлять вас подробностями, их можно найти где угодно, было бы желание. Я покончил с крысами в одну ночь, а утром вновь явился в ратушу, чтобы в очередной раз подивиться гибкости человеческой природы и ее же узкому, самому себе кажущемуся изворотливым, уму. Эти типы, еще вчера лебезившие передо мной, держались совсем иначе. Естественно, они не пожелали платить. А к чему я вел, как вы считаете?

Я рассмеялся в ответ, но даже это не заставило их задуматься над тем, с кем же они, собственно, имеют дело. Правда, епископ перекрестился, возведя очи к резному потолку, но поскольку он был известным лицемером, ни меня, ни Всевышнего этот

жест не заинтересовал. Я вышел на улицу, насвистывая, и приступил к осуществлению своего плана.

Чтобы прочистить флейту, хватило одного дуновения, а затем... Затем произошло то, что на протяжении вот уже многих веков не дает смертным покоя. Каких только толкований этого события я не встречал! Ни одно из них не соответствует истине, но меня забавляет настойчивость, с которой люди то пытаются обелить Крысолова и приписать ему черты спасителя детских душ от мещанского растления (Господи, Ты слышишь? Это — обо мне!), то чернят и клянут его и вмят в том, в чем, вообще-то, должны бы винить себя...

Впрочем, это детали. Я никогда не был сентиментальным или наивным, в моем возрасте и положении это было бы странно. Но должен заметить, что практика всегда неприятней теории, хотя и интересней. Теоретически вывести маленьких гаммельнцев за пределы города было просто. Практически это было бы просто, если бы они молчали и думали о чем-нибудь интересном. Люди насочиняли немало сказок о внутреннем мире ребенка, только всегда забывают уточнить, о каком именно ребенке идет речь. Мне попались дети лавочников, кожевенников, преуспевающих булочников, сапожников и им подобных. Люди, я видел мечты этих детей гораздо явственней, чем вы видите надеваемые брюки! Когда-нибудь я напишу трактат на эту тему.

Все время, пока я играл на флейте, в воздухе над разноцветными детскими колпачками ряели прозрачные сладости, какие-то бантики, туфельки, кренделя и игрушечные самострелы. В некоторых местах — видимо, там где мечтатели были постарше возрастом — парили едва видимые, но внушительные по размерам кожаные кошельки, из которых то и дело выпрыгивали золотые талеры. Где-то в хвосте воздушной процессии летело вышитое золотом свадебное платье, а рядом с ним — такой же прозрачный колпак главы пекарской гильдии. И это все.

Когда мне надоело любоваться всеми этими предметами детского вождения, я перестал играть, и маленькие мечтатели, очнувшись, начали ныть и приставать ко мне, выясняя, что я, собственно, могу им предложить, чего бы они не поимели у себя дома, с помощью родительских денег? К счастью, мы находились уже у входа в мои подземные владения. Я артистическим жестом отпер ворота своего Дворца — и расспросы мгновенно прекратились.

О моем Дворце можно говорить часами — и вы

все равно не получите о нем никакого представления. Он изменчив, как само Время, и, как оно же, вечен.

В первой комнате юных гаммельнцев ожидали сладости и игрушки. Это были все сладости и все игрушки, какие только удалось изобрести человечеству в разные времена своего существования, плюс еще кое-что, изготовленное по моим собственным проектам. Детишки сразу зачавкали и зазвенели китайскими колокольчиками, и это было почти умилительно.

Вторую комнату занимали всевозможные наряды и украшения, третья была заполнена книжками, состоящими из одних картинок. Как вы легко можете догадаться, Библии среди них не было. Думаю, никто из детей не обратил на это особого внимания. Еще немного — и они забудут, какие молитвы надо читать перед сном.

В следующих комнатах были игрушки и игры сложнее и поувлекательнее. В одной по стенам висели разнообразнейшие карьеры, включая такие, какие и не снились добропорядочным гаммельнцам. В другой на полках размещались выгодные браки — выбирай на вкус! В третьей ослепляла слава, в четвертой пьянил карточный азарт, в пятой...

В последней комнате прятался главный секрет. Там была только одна маленькая коробочка, вроде тех, что продаются во многих лавках. Из нее выпрыгивал бумажный чертик с дразняще высунутым язычком. Это была комната Краха всех надежд, упований, иллюзий... Но до нее детям было еще далеко, они достигнут ее лишь перед самой своей смертью, а пока все эти очаровательные Евы, Лотты, Греты, а также милые Петеры, Паули, Гензели и пр. наслаждались человеческими достижениями в кондитерской области и откручивали головы индийским танцовщицам из папье-маше.

Разумеется, я не собирался кормить и развлекать их бесплатно. Пройдет какое-то время — и я выпущу их снова в мир, может, даже в родной их Гаммельн, предварительно стерев из их хорошеньких кудрявых головок память о райски прекрасной преисподней. Но я оставляю им сны о своем блистательном Дворце, где так много возможностей и чарующих соблазнов. О, эти Лотты и Паули еще покажут, на что они способны! Они принесут в этот мир блеск, которому на поверку суждено оказаться мишурным, но опытные ювелиры говорят, что фальшивые бриллианты часто сверкают ярче настоящих...

Оставалось немного, чтобы довести начатое дело до достойного завершения. Убедившись, что детишки прочно заняты своими делами, я закрыл глаза и мысленно полетел назад той же дорогой, какой привел сюда всю ораву. Вернее, не всю.

Я не ошибся: он по-прежнему сидел там, где потерял надежду угнаться за остальными. Взгляд его

теперь был устремлен на город, куда ему предстояло вернуться, и вся фигура выражала тоску обреченности. Он явно считал себя обделенным судьбой и еще, по молодости лет, не ведал, что каждая судьба нуждается в поправках. Я как раз готовился внести одну.

Мгновением позже я стоял на дороге и созерцал спину несчастного покинутого юнца. Еще до того, как он обернулся на звук моих шагов, я уже знал о нем все.

Его звали Густав, и ему недавно стукнуло четырнадцать. К мальчишеской гибкости добавилась юношеская скованность, что вряд ли можно назвать удачным сочетанием. В тот момент он, конечно, не задумывался над этим, но по привычке сел так, чтобы сухая нога и костыль не сразу бросились в глаза случайному прохожему. И вообще он не страдал ни от избыточного веса, ни от чрезмерной красоты. Отцом его был учитель грамматики, редкостный зануда и любитель прописных истин.

Тут я подошел ближе, и мальчишка обернулся. Большие глаза. Большой рот. Невыразительный прямой нос без намека на простецкую курносость, равно как и на претенциозную горбинку. Над всем этим — лоб с бисеринками пота и копна каштановых кудрей. Он увидел меня, и глаза его расширились, а потом засияли, из горла вырвался хриплый звук.

Господи, Ты видел? Он мне обрадовался! Густав, сын учителя грамматики, обрадовался мне, простому дьяволу, находящемуся, так сказать, при исполнении своих антибожеских обязанностей.

— Ты? — прошептал он, не веря своим глазам. — Крысолов, это ты? Ты вернулся за мной?

— Привет, Густав! — сказал я беззаботно. — Будь у меня такие же огромные глаза, как у тебя, я не сомневался бы в том, что вижу.

— Ты знаешь мое имя! — воскликнул паренек и начал лучиться. Я имею в виду именно то, что сказал: он начал испускать из себя счастье в виде лучей. — Ты, наверное, знаешь все про нас всех? Возьми меня с собой, Крысолов! Уведи меня в ту страну, о которой пела твоя флейта! Я знаю, там все по-другому, чем здесь, там нет ни лжи, ни лицемерия, ни смерти...

Признаюсь, я опешил. Должно быть, парень недолго был в нашей компании, иначе я непременно заметил бы его видения среди кренделей и летучих кошельков.

Не знаю, во что конкретно воплотила моя флейта его мечты, но теперь чутье подсказывало мне, что я вернулся зря.

— Я не могу взять тебя с собой, — выдавил я, злясь на себя за этот извиняющийся тон. — Моя страна не для таких, как ты.

Лицо Густава мгновенно погасло.

— Не может быть, — сказал он тихо. — Не может быть, чтобы и там тоже...

— Ты не так меня понял.

— Неважно.

Мы оба замолчали, ибо он собирал остатки надежды, а я — просто не знал, что сказать.

— Слушай, Крысолов! — наконец проговорил он с тем удалым весельем, которое у людей обычно предшествует слезам. — Сыграй мне еще раз на своей флейте! Ведь не зря же ты вернулся...

И вдруг я понял, что сейчас произойдет. И почему Господь до сих пор не послал своего ангела для спасения этого зажавшегося падшего города, который я собственноручно сегодня лишил его ожиревшего будущего, — это я понял тоже. О, бедный дьявол, любитель софистики и прочих парадоксов, ты попался в свои же сети! Играй, играй, моя флейта, пусть Всевышний хохочет в три голоса на своем облачном престоле, ибо никогда прежде я не давал ему такого прекрасного оружия против меня самого!

Говорят, дьявол не знает жалости, и это действительно так. Я готов был погубить этого мальчика, бросив его жизнь в такое пекло, которое даже в самом кошмарном сне не видят здешние грешники и святоши. С этого дня каждый раз, когда руки его будут подносить к губам флейту или брать лютню, душа его будет сгорать, как падающая звезда. Жизнь его оборвется задолго до старости, потому что гении не живут долго: они делают свое дело — и уходят под крики восторга или хулы. Когда я вынимал из-за пояса флейту, я не чувствовал жалости к Густаву.

Дьявол не знает жалости. В том числе и к самому себе. Я поднял глаза к Небесам, которые прежде не раз ставил в тупик своими словесными парадоксами и игрой ума. Что ж, Господи, радуйся: мои старания на много лет, а то и веков вперед обречены на неудачу. Не удивлюсь, если, послушав музыку этого мальчика, мои драгоценные Петеры и Греты мирно разойдутся по монастырям, забыв все, чему я их так долго учил. Можешь считать, что я попал в твою ловушку.

Ловушка сидела передо мной с глазами, полными страстной мольбы. Я продул свою флейту и заиграл.

Песенка была проста, хоть я и напичкал ее магией сверх всякой меры. Гензелям и Евам этого было достаточно, но здесь... Уже после второго куплета я заметил, что со мной и с флейтой что-то происхо-

дит. Густав менял нас по своему разумению, и я не противился, потому что меня, честно говоря, раздражало любопытство.

Гаммельн тянулся вверх шпилями своих башен, он вдруг сделался выше и строже, его наполняло солнце. Крикливые вывески лавок и таверн исчезли. Потом оказалось, что это вовсе не Гаммельн, а совсем другой город. Или другой мир? Нельзя сказать, что в нем властвовала одна лишь радость, но это был мир чистых помыслов, гордости — без гордыни, любви — без самовлюбленности, дружбы — без корысти и расчета. Густав видел его таким, каким он был бы, если бы первоначальный замысел Божественного Провидения полностью осуществился.

И знаешь, Господи, впервые за всю мою много-тысячелетнюю жизнь я пожалел, что этого не произошло!

Музыка отзвучала, и мальчик поднялся с камня, на котором сидел. Я увидел, что он высок ростом и неплохо сложен.

— Спасибо, Крысолов! — сказал он. — Может, и впрямь твоя страна не для меня. Но ты вернулся, чтобы подарить счастье и мне тоже, значит ты — добрый человек.

Я хотел сказать ему, что не стоит делать скоропалительных выводов, но он не дал мне раскрыть рта. Сказал «прощай» и, опираясь на свой костыль, заковылял в направлении города. Я заметил, что все еще держу в руках флейту. Переломив инструмент пополам, я выбросил его в придорожную пыль. Он неплохо послужил мне с тех пор, как я приобрел его в одной из гаммельнских лавок. Когда снова понадобится, можно найти множество других, главное, имелся бы подходящий игрок.

Густав спускался с холма, привычно притормаживая костылем. Когда-нибудь, вот так же хромя, он покинет Гаммельн. Он будет заставлять людей плакать или смеяться, сам не понимая, что и как он с ними делает. Вместе с талантом я дал ему почти неограниченную власть над человеческими душами — и он никогда ею не воспользуется должным образом. И это — тоже один из парадоксов.

Какие парадоксы я вижу в этой истории еще? Ну, например, такой. Игру Густава будут слушать и возвышаться духом; внимая его музыке, люди услышат голос совести, к ним вернуться утраченные нежность, доброта, вера... Люди скажут: «У мальчика Божий дар!»...

И будут, несомненно, правы.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ ДРАКОНОМ

— Нам сегодня рассказывали про рапалинов! — похвастался за обедом старший сын. Роман поперхнулся супом.

— Про кого? — переспросил он, надеясь, что ослышался.

— Про рапалинов. Это была такая негуманоидная раса где-то в центре нашей Галактики. Они были похожи на драконов. Мишка, чего ты уставился? Я тебе потом в энциклопедии покажу, какие они, там есть картинка. Ну вот. Эти драконы были даже не просто разумные, они своей мудростью прославились, где только можно. Ужасно были мудрые и благородные, а главное, такие сильные! Одним взглядом могли скалу в порошок превратить. Слышишь, Мишка? Но у их планеты было очень старое солнце, уже умирающее, еле-еле светилось. И планеты скоро... Ну, для нас не очень-то скоро — лет через сто тысяч, а для них — скоро, потому что они живут очень долго... короче, конец приходил их планете. И все драконы-рапалины должны были вымереть вместе с ней. Тогда другие разумные собрались на совет и решили спасти рапалинов, просто переселить их на другие подходящие планеты. Да, я же забыл сказать, эти рапалины еще превратиться могут в кого хочешь. И вот они теперь живут в разных местах Галактики, и жители этих планет даже не знают, что у них, например, сосед — бывший рапалин. Интересно, а наш дядя Саша — не рапалин?

Мишка, младший сын, вечный молчун, тут захихикал.

— Жулик он, а не рапалин! — сказала мама Ольга. — Честные люди себе по два автолета не заводят, даже если они драконы.

— У вас что, новый предмет в школе ввели? — спросил Роман, старательно размешивая и без того остывший суп.

— Почему новый? — изумился Леха. — История разумной жизни в Галактике. Очень даже старый предмет. Когда ты учился, его не было, что ли?

— Я не помню! — буркнул отец и поспешно потянулся за вторым.

В тот же день вечером, отправившись за сыновьями в школу, Роман стал свидетелем сцены, приведшей его в ярость. Леху лупили вчетвером какие-то великовозрастные прямоходящие, которых только свихнувшийся на классификациях биолог признал бы разумными. Они сосредоточенно пинали Леху, мотая длинными свалаявшимися патлами и перекатывая во ртах увесистые комья жвачки. Общались они между

с собой нечленораздельно, но, похоже, понимали друг друга. У видев приближающийся на бреющем автолет, четверо начали ретироваться, впрочем, не особенно торопясь. Должно быть, уже успели заметить, что в машине только один человек.

Роман посадил автолет, не слишком заботясь о его сохранности. Он выпрыгнул на землю и быстро пошел к хулиганам. Те остановились. Роман остановился тоже. Повисла пауза. Роман стоял, чувствуя, как бьется в висках злыми толчками кровь, стараясь унять накатившую волну гнева. Он даже не слышал, как Леха, поднявшись, подошел и встал за его спиной.

— Тебе чего, дядя? — спросил наконец один из жвачных, остальные визгливо заржали.

— Домой идете, ребята? — тихо спросил Роман, сдерживая дыхание, чтобы рассудок не захлестнуло красным.

— Ага. Домой. К мамочке! — Вожака стада снова поддержал дружный гогот.

— Вот и идите. Идите, не задерживайтесь.

— Мы пойдем. Мы же тебя боимся. Правда, чуваки?

Компания удалилась, лениво переваливаясь на обтянутых новомодными трико тонких ногах. Роман повернулся и увидел рядом Леху.

— Где Мишка? — спросил он, обнимая сына за плечи.

— У него дополнительные занятия по физике, — ответил Леха, глядя в сторону, и стряхнул отцовскую руку.

Дома, моя руки в ванной, Роман взглянул на себя в зеркало. Из-за голубоватой, почти невидимой грани на него смотрело обычное человеческое лицо с темными глазами, с темной полоской усов над верхней губой.

— Ты можешь объяснить, что все-таки произошло? — спросил он у своего отражения, и сам же ответил:

— Могу.

Роман присел на краешек ванны и с минуту смотрел на текущую из крана воду. Потом закрыл глаза.

Планета была еще жива, они все это знали, потому что с ней их связывало нечто большее, чем просто память о доме, где ты жил. Они чувствовали ее так, словно до сих пор были камнями на ее поверхности, тяжелыми облаками пыли в ее темнеющем небе, смешанными с разноцветной глиной водами ее немногочисленных рек. Планета умирала, как безнадежно больной, долго, мучительно, и каждый

из них ждал этого конца — и не мог представить, как же они будут потом. Мертвый камень возле мертвой звезды — сердце дракона. А они будут жить. Будут ли жить?

Роман поднялся, только когда Ольга в третий раз позвала ужинать.

Перед сном произошло объяснение с Лехой.

— Папа, я не понимаю, — с обидой выговаривал отцу сын. — Ведь ты же сильный. Я же помню: когда мы ездили в горы, ты один разобрал завал на дороге, чтобы машину с людьми вытащить... Ты же все можешь! Ну что тебе стоило врезать этим гадам как следует! Это что, воспитательный момент, что ли? Сам вляпался, сам и выкручивайся, да? Ты же знал, что я не смогу один! Почему ты им не дал, даже пригрозил, чтобы не лезли?

Роман открыл было рот, чтобы ответить, но тут его взгляд упал на небольшой круглый валун, который сыновья притащили откуда-то с улицы для своих мальчишеских целей. Роман не стал тратить слов, а просто взял камень и положил на ладонь. Потом чуть сжал. Со стороны никакого движения пальцев даже не было видно. Но камень треснул. Потом начал крошиться. Куски твердой породы, мелкие и покрупнее, со стуком падали на пол, с тихим шорохом между пальцев скользил вниз песок. Роман потряхнул руку.

— Ну и что? — сказал Леха. — Таким, как этот Гриба с друзьями, вообще жить незачем. Тому, кто им шеи свернет, все только спасибо скажут.

— Я тоже так считаю, — ответил Роман. — Но ни судьей, ни палачом быть не хочу и не буду. Ты знаешь, где эти парни живут?

— Гриба через два двора от нас живет, там же, где Витька Павлов из Мишкиного класса. А зачем тебе?

— Поговорить хочу.

— Будет он с тобой разговаривать!

— Куда он денется!

Как прошел разговор с Грибой, Роман не стал рассказывать, хоть Леха и ходил за ним полдня. Видимо,

Гриба прогулял в свое время урок, где объясняли про рапалинов. Поэтому свои впечатления от общения с Романом передал просто и незатейливо:

— Чуваки! Он — как каменный. В нем живого мяса — ни грамма. Вы как хотите, а я больше на него не наезжаю!

Роман шел домой пешком и думал о том, как беззащитны, в сущности, жители этой планеты, над которой светит живое, теплое, доброе солнце; которая столь щедро покрыта зеленью и водой; на которой у него растут дети. Он думал о собственной мощи, что могла бы разнести половину этого мира, будучи применена в гневе. Он радовался, что сыновья не унаследовали его рапалинских качеств, потому что, оставаясь в душе драконом, не очень-то верил в человеческую мудрость...

В тот же день, еще не зная результата отцовской беседы с Грибой, Леха неловко летел над заросшим бурьяном пустырем. Умение летать он обнаружил в себе совсем недавно и очень обрадовался, потому что водить автолеты разрешалось только по достижении четырнадцати лет. Леха еще не успел решить: поделится ли своим открытием с отцом сразу — или сначала как следует поупражняется...

Минут через двадцать, успев сильно вспотеть, он наконец наткнулся на Мишку. Брат сидел на земле, а перед ним высились две сложенные из камней пирамидки.

— Тренируешься? — крикнул Леха, неумело приземляясь в бурьян. — Правильно, тренируйся. Сам знаешь, на отца надежды мало. Ну ничего, вот натренируемся, ты еще подрастешь — мы этим Грибам покажем!

— Ага! — добродушно отозвался Мишка и повел глазами в сторону левой пирамидки. Та чуть-чуть покосилась. Мишка огорченно почесал в затылке, потом глянул искоса на другую. Правая пирамидка тут же разлетелась, как от попадания маленького артиллерийского снаряда.

На лице Мишки засияла удовлетворенная улыбка.

В начале лета через третьи руки в редакцию «УС» попал-таки очередной, 7-й номер питерского журнала «Двести», зашифрованный под очередной буквой — «Ж» (интересно, что придумает его главный редактор Сергей Бережной после выпуска номера «Я»? Начнет греческий или латинский алфавит?). Посвященный «вопросам теории, истории и нынешнего состояния русскоязычной фантастики», «Двести-Ж» прежде всего представляет широкий спектр мнений писателей-фантастов о современных направлениях в фантастике, таких, как киберпанк, турбореализм и прочие; этот опрос провел методом анкетирования и обработал Андрей Чертков. Надо сказать, что журналу «Двести» особенно удаются дискуссионные подборки, многоголосие по одной теме (например, в номере «Д» опубликовано суммарное интервью о творчестве Владислава Крапивина, подготовленное клубом «Лоцман»). В номере «Д» — интересные рецензии, статьи из истории фантастики. Здесь же дан обзор самодельных журналов

Ведущий рубрики
Сергей КАЗАНЦЕВ

АЛФАВИТ СКОРО КОНЧИТСЯ...

и газет любителей фантастики — фэнзинов, который мы пересказываем, чтобы все знали, что фэндом скорее жив, нежели спит.

«28 НЕБЕС: Журнал андеградной литературы» — выходит в Луганске (Украина) под редакцией Романа Еримеенко и под эгидой клуба «Синдром Охо»; 24 страницы, портативный формат, лазерный принтер, ксерокс. E-mail 2:4615/18.1@FidoNet.

«ОБЕРОН» — Воронеж, А5, принтер, ксерокс, 40 страниц; в № 2 продолжение повести Б.Иванова и Ю.Щербатых «Обитель монстров» из серии о Кае Сэнди, рассказы Б.Федоровича, Ю.Щербатых, Д.Громова и О.Ладыженского. E-mail bf@bio.vucnit.voronezh.su.

«СТРАЖ-ПТИЦА» — в юбилейном 200-м номере к редактирова-

нию вернулся Николай Горнов; верная себе любимая «птичка» фэндома по ассоциации со своим номером на сей раз избрала объектом блестящего пародирования журнал «Двести».

«ГНОМ-ИНФОРМ» — не толкиенистский фэнзин, делает его московское частное издательство «Гном»; тираж — по потребности, цена — даром. 117292, Москва, ул.Кржижановского, 4-2-1, Метлову Ю.А. Кроме того, Юрий Метлов собирает справочник «ФЭНКЛУБ» и просит заинтересованных лиц прислать данные о себе по указанному адресу.

«ФЭН-ГИЛЬ-ДОН» — в очередном номере 5-6-95, кроме статей и рецензий, список почтовых адресов клубов и фэнов.

«СЕДЬМОЙ ДРАКОН» — новый фэнзин начал выпускать Владислав Гончаров (Ульдор Проклятый), посвящая его (как и свои предыдущие издания) не только ролевикам-толкиенистам, но и другим ветвям фэндома, его конвенциям и встречам. 620141, Екатеринбург, ул.Автомобильная, 5-46, В.Гончарову.

Ответы на кроссворд «Тигр проводит вас до гаража»:

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1.Теора («Возвращение в колыбель»). 2.Показуха («Василиск»). 3.Быстрота («Экзамен»). 4.Крот. 5.Зебра. 6.Ель. 7.Кемь («Обостренное восприятие»). 11.Валун («Вишневый компот без косточек»). 12.Тигрица («Светлячковая поляна»). 13.Краб («Экзамен»). 16.Кот («Экзамен»). 17.Ботинок («Тигр проводит вас до гаража»). 19.Профессор. 20.Анималист («Тигр...»). 21.Баритон («Возвращение в колыбель»). 23.Дельфин («Экзамен»). 25.Миробль («Реабилитация»). 28.Гракула («Тигр...»). 31.Битый («Мы, дающие»). 32.Маг («Вишневый компот...»). 33.Орел («Тигр...»). 36.Франсиск («Тигр...»). 38.Обсидиан («Светлячковая поляна»). 40.Мимика («Светлячковая поляна»). 43.Щенок («Вишневый компот...»). 44.Гриб («Заяц»). 45.Дед («Заяц»). 47.Конь («Тигр...»).
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3.Бамбук («Светлячковая поляна»). 5.Звездолет. 8.Бирюза («Язычники»). 9.Электролит («Заяц»). 10.Лев («Тигр проводит вас до гаража»). 12.Тянитолкай («Василиск»). 14.Агат («Василиск»). 15.Укол («Тигр...»). 18.Храп («Тигр...»). 19.Программа («Экзамен»). 22.Тенор («Возвращение в колыбель»). 24.Пифагор («Реабилитация»). 26.Пылесос («Светлячковая поляна»). 27.Виварий («Особая форма»). 29.Фаунист («Экзамен»). 30.Сабом («Реабилитация»). 34.Радикулит («Тигр...»). 35.Гром («Светлячковая поляна»). 37.Соты («Экзамен»). 39.Голограмма («Тигр...»). 41.Йог («Вишневый компот без косточек»). 42.Аист («Тигр...»). 44.Градусник («Тигр...»). 46.Дракон («Василиск»). 48.Десантник («Экзамен»). 49.Байбак («Особая форма»).

Для кинематографистов попасть в номинацию на «Оскара» — уже награда. Наверное, чувствуют себя награжденными и те наши писатели, которые попадают в номинации премий «Бронзовая улитка» «Интерпресскона» и «Бронзовая улитка» Бориса Стругацкого (после тихой кончины «Аэлиты», хотя мы все еще с надеждой ставим ей диагноз «летаргия», эти премии, бесспорно, остались самыми престижными в русскоязычной фантастике). Борис Натанович выбирает своих лауреатов сам, а по премии «Интерпресскона» происходит голосование, при котором, естественно, образуются и вторые, и третьи места, обладатели которых порой ненамного отстают от лауреата, а потому тоже заслуживают публичного возведения на пьедестал — как на Олимпиаде. Вот мы и решили опубликовать фамилии тех претендентов, кто занял при голосовании на премии «Интерпресскона» не только первые, но и вторые, третьи места, воспользовавшись для этого бюллетенями итогов голосования, напечатанными в «Курьере SF» (Санкт-Петербург).

ПОЛЗИ, ПОЛЗИ, «УЛИТКА»

Крупная форма:

Витицкий С. «Поиск Предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» (151 балл) — Москва, издательство «Текст», 1995;

Геворкян Э. «Времена негодяев» (143) — Москва, издательство «Локид», 1995;

Лукьяненко С. «Планета, которой нет» (131) — в книге «Лорд с планеты Земля», Алма-Ата, ЛИА «Номад», 1994.

Средняя форма: Лукин Е. «Там, за Ахероном» (223 балла) — в одноименном авторском сборнике, Москва, «Локид», 1995;

Кудрявцев Л. «Лабиринт снов» (97) — в книге «Черная стена», Красноярск, «Гротеск», 1995;

Олди Г.Л. «Ожидающий на Перекрестках» (67) — в книге «Книга Не-

бытия», Днепропетровск: «Сатия Юга», Харьков: «Око», 1995;

Трускиновская Д. «Секунданты» (64) — Санкт-Петербург, «Фолио-Пресс», 1995.

Малая форма:

Лукьяненко С. «Слуга» (192) — в журнале «Фантакрим MEGA», Минск, 1995, № 2;

Логинов С. «Часы» (96) — в журнале «Если», Москва, 1995, № 2;

Лукьяненко С. «Почти весна» (83) — в журнале «Мир», Алма-Ата, 1995, № 1.

Критика, публицистика, литературоведение:

Переслегин С. «Око тайфуна» (143) — Санкт-Петербург, «Terra Fantastica», 1994;

Скицины Я. и В. «Как умирают Ежики, или Смерть как животворящее начало в идеологии некроромантизма» (77) — в журнале «Двести», Санкт-Петербург, 1995, «В»;

Николаев А. «О фэнтези, писателях, читателях, королях и капусте...» (65) — в журнале «Двести», Санкт-Петербург, 1995, «В»;

Рыбаков В. «Предназначение: поиск» (61) — в журнале «Если», Москва, 1995, № 9.

КРИПТОГРАММА

Разгадав опорные слова, вы прочитаете афоризм из повести Кира Булычева «Марсианское зелье»:

7 4-8-9-10-6-3-5-6-4-3-10-14-17-17 2-10-4-10-9-3-5-3-7 16-11-6-19 14-10 12-3-18-13-14-3.

1-2-3-4-5-6-7-3 - второй кабан в гербе купца Титова;

2-8-4-8-5-9-10-7-11 - церковь ...-Пятницы, в которой расположился районный архив;

12-13-3-14-5 - зарубежный боксер;

15-4-1-16-17-14 - изобретатель вечного двигателя;

16-1-6-11-18-19 - предмет, который пытался украсть Алмаз Битый.

Составил Сергей КАЗАНЦЕВ

Ответ на криптограмму

В самом начале повести Кира Булычева «Марсианское зелье» сосед Корнелия Удалова Грубин произнес афористическую фразу:

«В РАКЕТОСТРОЕНИИ ПЕРЕКОСОВ БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО».

Опорные слова для ее расшифровки:

второй кабан в гербе купца Титова - Упорство;

церковь - Параскевы-Пятницы;

зарубежный боксер, о котором написали в газете, что его нокаутировал наш боксер Н. - Джонс;

изобретатель вечного двигателя - Грубин;

предмет, который пытался украсть Алмаз Битый - бутылка.

Андрей ДУНЯШИН

СЛЕДЫ НА ОДНОЙ ТРОПИНКЕ

У женщины кошка пропала —
Как если пропало дитя.
С работы она приходя,
Все смотрит налево, направо.
Подумаешь, кошка, делов-то!
В доме нелюдима мгла.
Ждала, за подругу была...
Кому-нибудь скажешь — неловко.
Бывало, хозяйка болеет,
А кошка — у ней на груди.
Из лап кренделек впереди,
В ночи ее грудка белеет.
Хорошим была домочадцем.
И надо привыкнуть и жить.
Попробовать свет не тушить,
Чтоб в темь не возвращаться.
Сейчас она двери запрет,
Поставит у двери кошелку
И, не раздеваясь, ревет —
Как будто рыдает о кошке.

А. Вознесенский. «Кошка»

Принято считать, что кошки при-
выкают только к месту обитания, к
территории, на которой живут. А на
хозяев кошки будто бы обращают
внимание во вторую очередь — как
на некий антураж квартиры.

Это не совсем так. Достижения
зоопсихологии позволили сделать
вывод: кошки знают своих хозяев, они
их узнают, и если человек любит
своего четвероногого питомца — при-
вязываются к нему, отзываются на
любовь любовью и лаской.

Человек и животные (в частности,
кошки) — сколько еще загадок таят их
взаимоотношения! Наш тысячелет-
ний союз совсем не означает, что мы
поняли друг друга. Недаром же муд-
рый Мишель Монтень удивлялся:
«Когда я играю со своей кошкой, кто
знает, не забавляется ли скорее она
мною, нежели я ею!»¹

Лишенные речи, братья наши
меньшие отнюдь не лишены понима-
ния; а если учесть особое чутье ко-
шек (шестое чувство?), их разнооб-
разные ощущения, не доступные че-
ловеку, можно с уверенностью ска-

зать: кошки знают о нас гораздо больше,
чем мы можем предположить. И конеч-
но, о многих представлениях кошек о
людях мы просто не догадываемся.

Во всяком случае, московский
биоэнерготерапевт Елена Сухарева
утверждает, что кошки обладают ог-
ромным биополем, позволяющим им
настраиваться на биополе хозяина и
чутко реагировать на его изменения.
Е. Сухарева уверена, что кошка спо-
собна влиять на биополе человека,
как бы уравновешивать его, если вдруг
оно нарушается.

Е. Сухареву поддерживает член
клуба «Кэт» Н. Иванова:

— У современных экстрасенсов
не вызывает сомнения то, что коша-
чий род богат биоэнергетикой. Осо-
бенно энергетически силен черный
цвет. Он хорошо поглощает не только
лучи, но и информацию. Черный кот,
таким образом, активно поглощает
чужую энергию и выдает взамен чис-
тую, играя роль фильтра.

А эксперт по кошкам Е. Шевченко
добавляет:

— Кошка чувствует геопатоген-
ные зоны и выбирает себе место имен-
но в такой зоне, как бы «нейтрализуя»
ее, оттягивая на себя неблагоприят-
ное для человека воздействие. Так
что в некотором смысле кошка — это
природное лекарство.

Доктор Варвик Андерсон из Мель-
бурнского медицинского института
Бейнера на конференции «Ветери-
нары и окружающая среда» в 1992
году обосновал положительное
влияние животных на людей. Ученый
рассказал об экспериментах,
проведенных в 1987-90 годах в
нескольких клиниках. Он обследовал

семь тысяч пациентов с сердечно-
сосудистыми заболеваниями,
интересуясь при этом их отношением
к кошкам и собакам. Оказалось, что у
владельцев животных почти всегда
нормальное кровяное давление. У
мужчин-любителей животных
содержание холестерина в крови
ниже, чем у не-любителей. Пока
загадкой остается, почему отноше-
ние к животным не влияет на этот
важный показатель крови у женщин.

Доктор Андерсон считает, что те-
рапевтическое действие животных на
людей доказано. Вот каков его меха-
низм? В дальнейших исследованиях
он намерен определить, как будут
чувствовать себя пациенты, если им
прописать лечение домашними жи-
вотными.

Появился даже специальный тер-
мин, обозначающий психотерапевти-
ческое общение с животными — ани-
мотерапия. Доказано, например, что
наблюдение за аквариумными рыб-
ками снижает артериальное давле-
ние. И медики в некоторых случаях
рекомендуют заводить дома или в
клиниках четвероногих «докторов».

Влияние кошек на человека го-
раздо более сложно, оно до сих пор
не получило сколько-нибудь серьез-
ного научного объяснения (им просто
никто всерьез не занимался). Суще-
ствует лишь несколько гипотез на этот
счет.

Конечно, прежде всего надо учесть
психологическое воздействие. Быту-
ет мнение, что кошек заводят чаще
всего люди одинокие, пожилые, ли-
шенные близких, и потому нуждаю-
щиеся в общении с каким-либо жи-
вым существом. Отчасти это верно.
«Не случайно 23 процента всех хо-
лостяков и 15 процентов одиноких
женщин делят свои квартиры с кош-
ками».² Говорят также, что в малень-
ких домашних тиграх нуждаются люди
со слабым, мягким характером, под-
верженным чужому влиянию.

¹ М. Монтень. Опыты. М.,
«Советская Россия», 1988, с. 67.

² Н. Непомнящий. «Кошка в вашем доме».
М., Профиздат, 1990, с. 3.

Но вот эксперт-фелинолог, судья международной категории Ольга Сергеевна Миронова рассказывала мне, как на выставке в Германии была удивлена тем, что владельцами кошек были в основном молодые, 30-35-летние мужчины, как правило, преуспевающие в своем деле. Возможно, конечно, сказывалось повальное увлечение, своеобразная мода, соображения престижного характера. Тем не менее любви к кошкам все возрасты покорны.

Как бы там ни было, в присутствии четвероногого друга нуждаются люди разных занятий, разного образования, разных социальных групп.

Живое существо в доме создает ощущение его обжитости, тепла, уюта. Хозяин встает перед необходимостью заботиться о своем питомце, зная, что никто этого за него не сделает; другая жизнь зависит от него. Разве это обстоятельство не придает дополнительные силы, уверенности в себе?

Трогательное лохматое существо встречает тебя в коридоре, мурлычет, трется о ноги — неужели это не доставляет радость, не улучшает настроение? Если четвероногая хозяйка квартиры любит своего двуногого друга, то, несомненно, скучает по нему. Обратите внимание, коль у вас есть кошка, как она ведет себя, когда вы приходите домой, допустим, с работы.

Кошка не находит себе места. Она идет за вами по комнатам, норовит потереться о вас, попасться на глаза. Она соскучилась.

Я сам неоднократно наблюдал такую реакцию моих двух кошек.

Другой вид воздействия кошек на людей, причем это не гипотеза, а установленный факт, — электростатическое. Попробуйте в темноте погладить кошку. Если шерсть сухая и чистая, между ею и ладонью будут проскакивать искры. На кончиках волосков возникает электростатический потенциал, который снимается человеком. А ведь благотворное влияние электростатических токов установлено давно, электричество широко применяется в различных физиотерапевтических процедурах.

И наконец, то, о чем мы говорили

в начале — о биополе кошки. Это едва ли не самое загадочное проявление кошачьего характера. Конечно, тут больше догадок, нежели фактов.

От нескольких владельцев кошек я слышал, что питомцы способны снимать головную боль. Кошка ложится на грудь человека, сидящего в кресле или лежащего на диване, — и минут через 10-15 боль затихает. Могу и сам это засвидетельствовать.

Разумеется, такое бывает не со всеми; видимо, есть люди, более восприимчивые к «гипнозу» кошек.

Уже много лет я наблюдаю за котом Афанасием, живущим у мамы. Этот разбойник не признает никого, кроме нее. Не терпит посторонних ласк, внимания и вообще всякого сюсюкания и умиления, которые иногда сопровождают взаимоотношения человека с пушистым прелестным созданием. Так вот, стоит маме заболеть, — куда девается его спесь, он садится рядом и так может безмолвно сидеть часами. А когда мама сломала ногу, он, спящий всегда в облюбованных местах, укладывался точно на место перелома.

Мистики в этом никакой нет, я наблюдал это собственными глазами, но как-то объяснить подобные факты вряд ли смогу. Мы вторгаемся здесь в область тонкой материи, в потаенную сферу, еще не известную науке. Но ведь и потрясающая способность кошек к ориентации до сих пор не понятна. Может быть, это явления одного порядка?..

А теперь я приведу небольшую газетную заметку, которая не оставляет сомнений: наши маленькие соседи нас понимают.

«Детский врач из Одессы Н.Жардецкая сообщает о сибирской кошке, вставшей на защиту своей хозяйки.

Вечером пьяный пристал к девушке на лестничной площадке, она позвала на помощь. Соседка открыла дверь, пригрозила дебоширу милицией. И тогда он с бранью напал на женщину. И тут произошло неожиданное: добрая домашняя кошка отважно бросилась на нападавшего, мертвой хваткой вцепилась зубами и когтями в ногу. Мгновенно протрез-

вевший парень бежал без оглядки».³

Это не единственно известный случай, когда кошка приходит на помощь хозяевам.

«Кошка Смауки получила в Англии «Голубой крест» за спасение хозяев во время пожара. Она разбудила их, когда в квартире бушевал пожар.

В Ванкувере (Канада) кошка спасла своего хозяина. Когда ночью у него начался сердечный приступ, кошка вспрыгнула на кровать хозяйки и принялась истошно мяукать и царапать ее, пока не разбудила и не привела к хозяину».⁴

Вероятно, наиболее тонко кошки воспринимают человека на эмоциональном уровне, что и позволяет им адекватно реагировать на изменение состояния близких людей.

Проявление эмоций у животных — проблема, давно занимающая ученых.

Отказывали четвероногим и в способности к мимике. Лишь недавно взгляд на эту проблему стал изменяться. В подтверждение хочу привести капитальную монографию американского психолога Керрола Е.Изарда «Эмоции человека». Он пишет, что выражение лица человека при различных фундаментальных эмоциях (автор описывает десять таковых. — А.Д.) имеет близкое сходство с мимическими реакциями у животных, в том числе у кошек. Книга Изарда снабжена множеством снимков, на которых запечатлены проявления различных эмоциональных реакций — страх, гнев, удивление...

Проблема взаимоотношений человека и кошки занимает многих. Любитель и знаток кошек, известная австралийская исследовательница Вивьен Энгус немало времени посвятила изучению этого вопроса. Результатом ее изысканий, которые она назвала «Познай себя через свою кошку», стала книга с таким же названием. Краткие выводы она опубликовала в журнале «Новая идея». Вивьен Энгус пишет: «Вы никогда не задумывались, что привлекает вас в вашем домашнем спутнике и почему вы пред-

³ «Известия», 15 мая 1980 г.

⁴ Сб. «Собаки и кошки в одной обложке». Лениздат, 1991 г., с.136.

почитаете один вид кошек другому? Думается, что, прочитав эти заметки, вы лучше поймете себя. Не зря же существует английская пословица: «Любишь меня — люби мою собаку». Даже выражение собачьей морды часто очень напоминает выражение лица хозяина. Кошки — существа более независимые и, скорее, разрешают человеку жить рядом с собой, чем собаки, безоговорочно отдающие ему себя в подчинение».⁵

Хочу коротко изложить выводы Вивьен Энгус, сделанные ею на основании многолетних наблюдений и опытов. Австралийская исследовательница уверена, что между окрасом кошек, выбранных хозяином, и характером их владельцев существует определенная связь, что выбор никогда не бывает случайным. Итак:

КОШКА: Рыжая или кремовая, включая красные оттенки.

Животные ярко выраженного, «мужского», активно независимого типа — даже с чувством довольно своеобразного юмора, порой непонятного окружающим. Натура, обожающая всяческие приключения. Если рыжая кошка чем-то возбуждена, она даже может стать опасной, потому что ее реакция на раздражителя, как правило, довольно агрессивна.

ХОЗЯИН: Рыжих кошек обычно выбирают для себя подростки, словно бы стараясь через них (хотя и неосознанно) проявить свое мужское «крутое» начало. Рыжий цвет вообще привлекает людей с незаурядной духовной и физической энергией. Она не обязательно может быть выражена во внешних проявлениях: часто — через склад ума или телосложение. У таких людей быстрая реакция как на внешние раздражения, так и на переход к релаксации.

КОШКИ: Многоцветные (в основном — трехцветные, сочетания черного, красного и белого).

Кошки этой расцветки — прямая противоположность рыжим. Они не настолько содержат в себе загадку, как черные, поэтому, возможно, в Японии считаются приносящими счастье в дом, где живут, а в Шотлан-

дии — здоровье. Это очень уютные создания, красивые в декоративном плане, но не любят, когда ими пренебрегают.

ХОЗЯИН: Такие люди предпочитают комфорт, жизнь, замкнутую на доме и не отягченную какими-либо проблемами. Они могут показаться не слишком эмоциональными, но вся их деятельность направлена на создание. Если у них даже не слишком спокойная жизнь, выбор домашней трехцветной кошки достаточно ясно говорит об их скрытых желаниях.

КОШКА: Серая или коричневая полоска.

Самые большие различия в характере как кошек, так и их хозяев, зависят от степени полосатости первых. Полосатая кошка по характеру сохраняет самое большое сходство со своим предком — тигром. Ужасный, на первый взгляд, характер. «Артистический»: взрывчатый, ужасно индивидуальный (последнее слово, пожалуй, определяющее для такого типа). Тем не менее такие животные отлично вписываются в мирный домашний интерьер. Эти кошки приспособляются к характеру хозяина, так что тот им сильно верит; но остаются очень независимыми, несмотря на самые «любовные» с ним отношения.

ХОЗЯИН: Самый непредсказуемый для окружающих человек, потому что его внешность редко соответствует характеру. Обладатели выше-названных животных часто имеют артистический характер со всей его непредсказуемостью, хотя в общении со своим мохнатым соседом по дому для них главное — сохранять взаимную независимость, при всех соблазнах чмокнуть свою «животинку» в нос или почесать ее за ухом. Это — два равноправных партнера по совместной жизни.

КОШКА: Серая или голубая.

Очень выпендристая, аристократичная и «философичная». И единственная из всего кошачьего племени, которая отлично это сознает. Как правило, собственные заботы касаются их больше, чем хозяйские. Они внешне выглядят холодно и подчеркнута спокойно, но внешность скрывает огромную внутреннюю отдачу

на внешние раздражения. Для спокойного дома такая кошка — просто подарок. Расположение таких кошек владельцы воспринимают с умилением, поскольку те редко кого дарят своей искренней симпатией. Но зато уж — навсегда.

ХОЗЯИН: Может быть философичен, даже «витать в воздухе». Такие люди очень разборчивы в выборе друзей, предпочитают вообще работать в одиночку. Владельцы серых кошек, вдобавок ко всему прочему, склонны к депрессии, в лучшем случае — покою. Кое-кто выбирает серых кошек для того, чтобы дома в их присутствии просто-напросто отдыхать от дневной служебной суеты.

КОШКА: Черная.

В таком животном символизирована вся мистичность женского характера. Совершенно непредсказуема, вся — сплошная загадка. Интеллигентное и философичное животное, вся — внутри себя. Способна понимать наши мысли и чувства, как никто.

ХОЗЯИН: В выборе кошки такого цвета проявляется внутренняя его сущность (пусть даже он сам об этом и не подозревает): склонность к мистицизму и всякой чертовщине, а также желание разделить свои подсознательные тревоги с кем-нибудь сходным по натуре. Все хозяева (или, скорее, партнеры по жизни) черных кошек характеризуются чувством красоты и мощного самосохранения.

КОШКА: Черно-белая.

Воплощение гармонии и уравновешенности. Соотношение добра и зла, если судить по соотношению цветов. Они не сильно отличаются от кошек других расцветок, но владельцы уже сами накладывают на них свои впечатления от черного и белого цветов. Считается, что эти животные исключительно понимают своих друзей по дому и разделяют их радости и беды.

ХОЗЯИН: Олицетворение благополучия и спокойствия. Он предпочитает больше слушать, чем говорить, поэтому производит впечатление многозначности. Тем не менее обладает неплохим чувством юмора — и даже в свой адрес. По тому, как люди относятся к черным и белым кошкам,

⁵ «New-idea», N 36, 1983 г. (Австралия).

можно четко определить, как они относятся и сами к себе.

КОШКА: Белая.

Очень много понимает о себе, обладая тонкой чувствительностью и даже некоторой брезгливостью. Некоторые люди их боятся, принимая за воплощение привидений. Такие кошки часто страдают немотой, что еще больше добавляет сплетен и страхов у людей.

ХОЗЯИН: Белое означает «свет» — противоположность «тьмы». Люди, приручившие белых кошек, словно бы стараются составить противопоставление «темному» началу в своем характере. Белая кошка — как баланс «черному» человеку. Такие люди любят, чтобы их кошки были чистенькими и ухоженными (что разделяют и сами кошки) и, желательно, с длинной шерстью, за которой они ухаживают с желанием и любовью. Белая кошка, как и белоснежный фарфор, придают элегантность жизни их владельцев в глазах окружающих. Элегантность животного накладывается на владельца.

КОШКА: Бледно-коричневая или светло-шоколадная.

Такой цвет вообще встречается

достаточно редко, в основном — результат смешения. Славный, домашний цвет, который приятно погладить рукой, усталым придя домой. Эти кошки очень коммуникабельны, игривы, особенно для своих хозяев. При всей дурашливости они умны и умеют отличать друга от врага.

ХОЗЯИН: Полностью соответствует своему домашнему животному (см. выше). В то же время он представляет из себя индивидуальность с довольно недоверчивым характером. Обладает чувством юмора, если тот не направлен в его адрес, и вообще любит побалдеть.

КОШКА: Вообще ни на что по цвету не похожая.

«Помойная», как ее обычно принято называть. Самый большой друг, который может у вас быть. Она вобрала в себя все самое хорошее, что есть у других пород, потому что в жизни не чувствовала дружеской хозяйской руки, хотя при самой спокойной жизни выглядит дикой. Любит в семье кого-то одного — того, кто первым признает ее равным партнером по жизни.

ХОЗЯИН: Наверное, любой из нас, кто неравнодушен к животным.

На такой оптимистической ноте заканчивается обзор Вивьен Энгус. Мне ее работа показалась очень убедительной. В самом деле, мы же ищем в кошках друзей, понимающих, близких душ.

Очень поэтично о наших взаимоотношениях с животными сказал много лет назад Рабиндранат Тагор: «Я часто думаю, где пролегает скрытая граница понимания между человеком и животным, лишенным дара внятной речи?»

Через какой первоначальный рай на заре древних дней пролегал тропинка, по которой их сердца ходили навещать друг друга?

Их следы на тропинке еще не стерлись, хотя давно уже забыты родственные связи

Иногда в какой-то музыке без слов проснется темное воспоминание, и животное тогда глядит человеку в лицо с нежной верой, и человек глядит в глаза животному с растроганной любовью.

В этом высказывании поэта заключена глубокая и трогательная идея о том, что мы дети единой природы, мы — из единого корня, мы — братья.

Ведущий рубрики Максим ШИШКИН

Владислав ДЕБЕРДЕЕВ

НЛО ПОДГЛЯДЫВАЮТ ЗА АЭРОФЛОТОМ

Кому из тех, кто интересуется проблемами уфологии, аномальных явлений (АЯ), не известна корреспонденция «Ровно в 4.10...», опубликованная в газете «Труд» 30 января 1985 года? В ней подробно описывался эпизод, когда экипажи двух самолетов Ту-134 встретились в районе Чудского озера, над городом Борисовом, с необычным светящимся объектом. Летел он на той же высоте, что и рейсовые машины, и от него исходили яркие лучи: три были направлены к земле, два — вверх.

При встрече с грузинским и эстонским лайнерами объект принял форму, очертаниями похожую на самолет. Но эта «копия» была во много раз больше реального Ту-134. Загадочный летающий объект, сфокусировав один из нижних лучей, направил его на пилотскую кабину рейсовой машины Грузинского управления гражданской авиации. В тот момент за штурвалом находился второй пилот, а командир корабля отдыхал непосредственно в своем левом кресле. Луч, диаметр которого составлял около 20 сантиметров, прошел по всему его телу, а правый пилот сумел несколько загородиться от этого света. Причем оба авиатора почувствовали тогда какой-то жар...

Корреспонденция «Ровно в 4.10...» наделала в свое время много шума: последовали так называемые «оргвыводы», несколько человек в редакции «Труда» сняли с работы, членам обеих экипажей категорически запретили что-либо рассказывать журналистам, общественности об этой истории. Мы же начали с нее именно потому, что она была первой открытой публикацией о встречах с НЛО на трассах Аэрофлота. (А также из-за совершенно удивительных, странных последствий сего контакта, но о них чуть позже).

Между тем, хроника гражданской авиации свидетельствует о большом числе подобных случаев — контактов, главным образом, первого рода, то есть визуальных. Особенно они участились в 60-х годах. Недаром тогдашний министр гражданской авиации маршал Е.Ф.Логинов направил в территориальные управления Аэрофлота специальное указание: оперативно докладывать о каждой встрече воздушных судов с неопознанными летающими объектами и степени опасности подобных «контактов» для полетов по расписанию. Разумеется, вся эта переписка должна была идти и шла под грифами соответствующей секретности, которая не снята до сих пор.

Гражданские авиаторы сами предпочитали умалчивать о своих уфологических контактах. Среди летного

состава в ходу была даже такая «народная» авиапримета: встречи с НЛО — не к добру! Причем негативная сторона заключалась не столько во вредоносном, «недобром» влиянии пришельцев на наших авиаторов, сколько в последующих земных последствиях невольного контакта. Ибо, как только кто-то из команды воздушного судна заикался о подобном случае, тут же неизбежно делался однозначный вывод: у имярек «поехала крыша», его нужно срочно направить на врачебно-экспертную комиссию, к психиатру — на предмет подверженности зрительным галлюцинациям, а в дальнейшем лучше всего сплать с летной работы...

Вот авиаторы и продолжали молчать о своих встречах с «летающими тарелками». Даже несмотря на то, что запрет на публикации о подобных контактах в 1989 году был снят. А вскоре последовало и первое официальное признание уфологии, проблемы аномальных явлений. К слову сказать, произошло это на нашей родной уральской земле. А дело было так. 26 апреля 1990 года на встрече М.С.Горбачева с партийно-хозяйственным активом Уралмашзавода в Свердловске задали вопрос: «Занимается ли советское правительство неопознанными летающими объектами?» В ответ первый и последний президент СССР заявил, что существуют научные коллективы, изучающие это явление. Ответ первого государственного лица транслировался по телевидению, а потом был опубликован в печати. Вернемся к нашей теме. Несмотря на упорное молчание личного состава Аэрофлота, в том числе диспетчеров службы движения (которые «встречались» с пришельцами на экранах обзорных радиолокаторов), мне все же удалось подготовить любопытную подборку таких эпизодов. Хронологически она охватывает пятнадцать лет, с 1980 по 1995 год.

И вот что здесь весьма характерно, даже, можно сказать, знаменательно. За исключением лишь четырех случаев (два из них на Севере страны, один в районе Нальчика и еще на трассе Куйбышев-Сургут), основная их часть относится именно к технике пилотирования. Это прежде всего касается двух наиболее ответственных, самых сложных этапов каждого рейса: старта, взлетного режима, и снижения, посадки самолета, которые суть альфа и омега любого полета. А также собственно пилотирование в крейсерском режиме — пример «зондирования» пилотской кабины Ту-134 в районе Чудского озера. И так...

26 марта 1980 года в зоне подхода аэропорта Саратова находился Ан-24, следовавший из Ставрополя. До посадки оставалось не более 5 минут. И тут над ВПП (взлетно-посадочной полосой) появился летящий на малой высоте объект цилиндрической формы — по размерам раза в три больше фюзеляжа Ан-24. Между тем от службы движения никаких предупреждений о препятствиях в районе посадки не поступало. Как выяснилось впоследствии, метки от НЛО на экране наземного локатора не наблюдались. Экипаж рейсовой машины уже готов был уйти на второй круг, как таинственный «цилиндр» ушел в сторону и... пропал без следа.

28 октября того же года к зоне подхода того же Саратовского аэропорта приближался Як-40 (бортовой № 87517). Вдруг, обогнав его, появился длинный, похожий на вагон объект и полетел впереди метрах в трехстах ниже самолета. Командир корабля запросил «землю»:

— Я 87517-й, в зоне кто-то есть?

— Снижайтесь! — последовал ответ. — Зона свободна, вы один.

Командир Як-40 засомневался, уж не начались ли у него зрительные галлюцинации, и для проверки спросил у бортмеханика:

— Что впереди?

— Вижу что-то

вроде вагона. Без крыльев и с круглым светящимся иллюминатором.

Тогда снова начались переговоры с диспетчером УВД (службы управления воздушным движением), который утверждал, что никакого «вагоноподобного» объекта он не наблюдает. В диалог вмешался экипаж другого Як-40, следовавшего где-то позади борта 87517, и сообщил: «Объект в форме вагона обогнал нас в районе Волгограда».

В это время НЛО резко оторвался от заходящего на посадку самолета и в 6 километрах от Саратова завис на месте, выпустив два мощных, как у прожектора, луча в западном направлении — перпендикулярно Волге. Они ярко осветили огромную площадь на поверхности земли (дело происходило в четвертом часу утра). Об этих изменениях в обстановке доложили экипажи обоих Як-40.

Еще одно подтверждение их докладов поступило от рейсового «тупола», который сообщил: «Следую на высоте девяти тысяч, четко наблюдаю прожектора». Такое «вмешательство свыше», похоже, не понравилось чужаку-пришельцу: он убрал свои лучи, и авиаторы потеряли его из виду.

Об аналогичном случае в свое время поведала чита-

телям и моя родная газета «Воздушный транспорт» (где мне довелось работать заместителем редактора по летно-технической тематике). Только на сей раз местом действия была Казань, а Аэрофлот представлял экипаж Ан-24. Тут тоже были и чреватое неприятностями сближение НЛО с воздушным судном, и лучи сильных «прожекторов».

Сценарий казанского эпизода, однако, отличался от саратовского тем, что, когда экипаж Ан-24 в ответ на световые потоки объекта просигналил ему миганием посадочных фар, тот — в свою очередь — тоже погасил «прожектора» и вновь зажег их только спустя какое-то время. А отпугнула непрошеного гостя просьба командира Ан-24, переданная диспетчеру службы движения: сообщить о проследящих событиях военным. Сразу же после этого

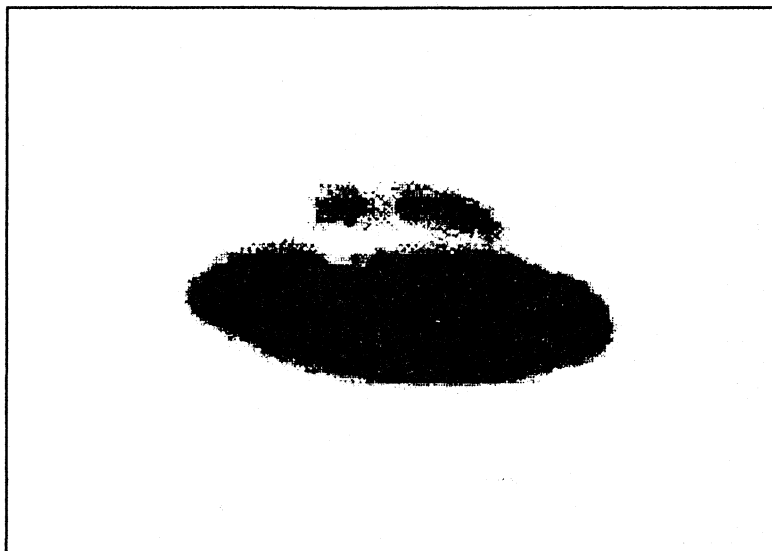
НЛО, резко увеличив скорость, «слинял» в северо-западном направлении.

18 сентября 1987 года во время рейса грузового самолета Ан-12 произошел отказ электрогенераторов. А от аккумуляторов оборудование может работать не более четверти часа. И уже при подлете к Рязани электропитание «скисло» совсем. Так что к моменту захода на посадку не горели ни осветительные фары, ни даже бортовые

опознавательные огни. Погода же, как на грех, была отвратительной: низкая облачность, дождь. И в довершение ко всему — темное время суток. Снижался экипаж к ВПП, по признанию командира корабля, словно в черной бочке. И вдруг в этот момент где-то позади и несколько выше Ан-12, так сказать, «из-за плеча», вспыхнул мощный луч, хорошо высветивший посадочную полосу, которая стала видна, будто на ладони. После того, как машина благополучно приземлилась и зарулила на стоянку, таинственный «прожектор» погас.

...А теперь вернемся к тому, с чего начиналась наша подборка, — к событиям, связанным с корреспонденцией «Ровно в 4.10...» Вернее, к последствиям этих событий. Через пять лет после них мне стало известно экспертное заключение, претендующее на «абсолютную академическую(!) объективность», составленное одним из тех научных коллективов, о которых говорил М.С.Горбачев. Оно гласило:

«Феномен в виде многоцветного сложного динамического процесса, зафиксированного летчиками..., был всесторонне изучен членами Ленинградской комиссии по АЯ. Исследование показало, что это явление было научно-

техническим экспериментом по изучению атмосферы путем распыления в ней специальных реагентов». И все! Значит никаких НЛО там не было и в помине — согласно выводам академических экспертов. Но...

7 июня 1990 года мои журналистские авиатуры привели меня в Тбилиси (кстати, целью командировки был очередной уфологический поиск — загадочная история появления рисунков НЛО на красочных фресках в кафедральном соборе Светицховели, воздвигнутого в XI веке и расположенного в городе Мцхета, неподалеку от столицы Грузии). И конечно же, нельзя было не воспользоваться таким случаем, чтобы встретиться с бортмехаником М.Ш.Гвенетадзе — единственным из числа членов экипажа Ту-134 оставшимся в строю летающих авиаторов.

— Вы уже, наверное, знаете, — рассказывал мне Мурман Шалвович, — что через несколько месяцев после той нашей злополучной встречи с неопознанным объектом командир корабля умер в Боткинской больнице от... рака, хотя раньше проходил все медкомиссии без ограничений. И в то же время, в истории его болезни был записан, мягко говоря, весьма странный диагноз: «Поражение организма в результате воздействия излучения от неопознанного летающего объекта». Потом пришла очередь второго пилота. Он, прежде вполне здоровый человек, вскоре после тех событий был списан с летной работы по инвалидности. В последнее время часто на несколько часов терял сознание. Его электроэнцефалограммы выглядели более чем необычно — если можно так выразиться, не по-человечески. Обследования показали также, что у него был изменен изотопный состав крови. И вот совсем недавно он скончался... В общем, могу сказать одно: своим экспертным подхалимским заключением о земном происхождении НЛО медики-академики «подставили» моих друзей. Ведь их лечили совсем не от того, что было на самом деле. Никогда этого не прощу!..

И еще два случая, уже непосредственно на родной нашей уральской земле. Место действия первого из них — деревня Ялунино (Свердловская область), находящаяся примерно в восьми километрах от Белоярской атомной станции.

Время происшествия, или, по-модному, аномального явления — ночь с субботы 11 августа 1990 года. Неопознанный летающий объект, перемещавшийся совершенно бесшумно на высоте 200-300 метров примерно со скоростью вертолета с запада на восток, то есть со стороны Белоярской АЭС, в 1.15 завис над дачей авиатора В.И.Азовцева, которого какое-то необъяснимое чувство вывело из дома во двор усадьбы. Ночь была теплая, и он вышел в одних плавках. И вдруг увидел, как из-за крыши дачи под углом 40-50 градусов протянулся к земле странный световой луч. У него была явная геометрическая форма: в сечении квадрат, четкие параллельные стороны. Цвет не желтоватого оттенка, характерного для электроосвещения, а скорее — чисто белого, типа лунного. Главная же несообразность заключалась в том, что световой луч не рассеивался в воздухе, как обычно, а метрах в десяти от земли заканчивался, словно обрезанный,

правильным квадратным торцом!

Василий Иванович закрыл веки и надавил пальцами на глазницы — самый надежный, как известно, способ избавиться от всяких видений, галлюцинаций. Открыл глаза: ничего не изменилось! И тут в голове у Азовцева возникла, появилась явно чужеродная — он ощутил это совершенно отчетливо — мысль: «А вы не хотели бы отправиться с нами в путешествие? Побывать в другом мире, посмотреть на него, изучить. И рассказать нам о вашем».

Хотя авиатор не очень, пожалуй, удивился таинственному зову, он не был готов, разумеется, к подобному неожиданному повороту событий. Несколько растерявшись, он тем не менее постарался ответить с максимально возможным в этих экстремальных условиях достоинством: «Но я в таком виде... Можно сказать, голый. Вряд ли пристойно, удобно представлять человечество, нашу земную цивилизацию в подобном облике, голышом». И «услышал» в ответ: «Это не имеет никакого значения».

Пока шел сей мысленный обмен репликами, квадратный луч-поток пропал. Он не сместился куда-то в сторону, а просто исчез, внезапно погас, будто его выключили. В ходе дальнейшего диалога с незримым собеседником Азовцев понял, что они прибыли на Землю не из нашего обычного трехмерного пространства, а из каких-то других, неведомых, не доступных человеческому разуму и воображению измерений, которые неизвестно где находятся. И когда НЛОнавты настойчиво повторили свое приглашение отправиться с ними в путь, в их далекие — то ли во времени, то ли в пространстве — края, Василий Иванович задал естественный вопрос: «А когда я смогу вернуться обратно, сюда, домой?». Ответ был однозначен и категоричен: «Никогда». И так же решительно, бесповоротно землянин сказал: «Нет!»

Тут же авиатора охватил жуткий, леденящий кровь, какой-то воистину нечеловеческий ужас. Боясь, что он не сможет дальше противостоять мысленному воздействию этих «пришельцев ниоткуда» и — вопреки своему желанию, вопреки своей воле, подавленной суггестивным (внечувственным) приказом НЛОнавтов — поддастся их зову, Азовцев обеими руками, что есть силы, ухватился за опорный столбик дачных ворот...

Когда он пришел в себя, на усадьбе все было нормально, спокойно. Не осталось никаких следов ночного феномена. Ничего, кроме ярких — почти осязаемых! — воспоминаний о мысленном диалоге с загадочными посланцами иного мира. Да еще жило в памяти саднящее чувство страха, полной беспомощности перед ними. Порой оно даже усиливалось тем обстоятельством, что спустя несколько месяцев после этих событий в мозгу В.И.Азовцева родилась и крепко засела там такая мысль (не то его собственная, не то наведенная извне): НЛОнавты не хотят широкой огласки фактов их появления на Земле, а тем более — их попыток установить контакт с людьми.

Признаюсь честно, «расколоть» Василия Ивановича на достаточно полный рассказ о приключившейся с ним

истории мне удалось лишь с третьего раза. Да и то говорил он об этом весьма сдержанно, скупно. Большую часть деталей и подробностей контакта третьего рода из него приходилось, что называется, клещами вытаскивать. Зато теперь вся картина «суггестивной встречи» авиатора с экипажем НЛО стоит у меня перед глазами, словно живая.

Что касается лично меня, то я верю В.И.Азовцеву безоговорочно. Во-первых, потому что не один десяток лет знаю его как человека принципиального, предельно честного, всегда твердо — обеими ногами — стоящего на почве фактов, ни на йоту не отступающего от истины. Недаром же он более тринадцати лет был начальником инспекции по безопасности полетов Уральского управления гражданской авиации, где требуются и действительно «чистые руки», и повышенная бдительность. Во-вторых, Василий Иванович никогда особенно не интересовался проблематикой НЛО, а значит и не мог на этом «зациклиться». Наконец, со здоровьем у него все было в порядке: Азовцев летал 35 лет и регулярно в связи с этим проходил без замечаний, в том числе и по психиатрии, все медицинские комиссии.

Есть, правда, один вопрос. Почему НЛОнавты так усиленно, всеми правдами и неправдами старались залучить Василия Ивановича к себе «в гости»? Ответ напрашивается сам собой. Если пришельцы на самом деле всерьез интересуются проблемами земной техники пилотирования, то лучшего специалиста, чем В.И.Азовцев, по этим делам трудно найти. Ведь он как начальник инспекции, можно сказать, наизусть знал все руководства по летной эксплуатации самолетов практически всех типов, требования «Наставления по производству полетов» и других руководящих документов воздушного транспорта. Да впридачу богатейший практический опыт. Короче говоря, авиатор В.И.Азовцев мог бы стать высокопрофессиональным консультантом для представителей иных миров. А ради такой цели стоило даже умыкнуть землянина и против его воли. Слава Богу, этого не случилось!

Ну и под занавес разговора сошлюсь на свежий эпизод из этой же серии. Он имел место 27 июля 1995 года, а его наиболее заинтересованным участником был бортинженер самолета Ту-154 А.Д.Никульшин из летного отряда, входящего в состав компании «Уральские авиалинии» (которая базируется в аэропорту Кольцово).

В тот день Александр Дмитриевич отправился на

своей автомашине в гости к родне, живущей в городе Карпинске, что на севере Свердловской области. Проехав уже более 300 километров, он остановился у автозаправочной станции пополнить запас бензина. И увидел, что около АЗС толпятся люди — вышедшие из рейсового автобуса пассажиры, работники станции и всякий прочий народ, смотрят вверх и показывают руками на что-то там в небе.

Заинтригованный Никульшин, выйдя из автомобиля, тоже запрокинул голову и заметил высоко-высоко в его родном «пятом океане» светлый шар — типичный НЛО. Хотя здесь, на земле, уже наступили сумерки — было 22 часа 30 минут, там, в вышине, неопознанный гость был ярко освещен солнцем (которое для землян давно уже скрылось за горизонтом). Присмотревшись внимательнее, авиатор разглядел под шаром-НЛО нечто, напоминавшее очертаниями... самолет!

Быть может, это была еще одна попытка пришельцев проникнуть в тайну транспортных средств землян, создав «по образу и подобию» наших летательных аппаратов свой вариант воздушного судна. Так же, как в случае с «копированием» грузинского лайнера Ту-134.

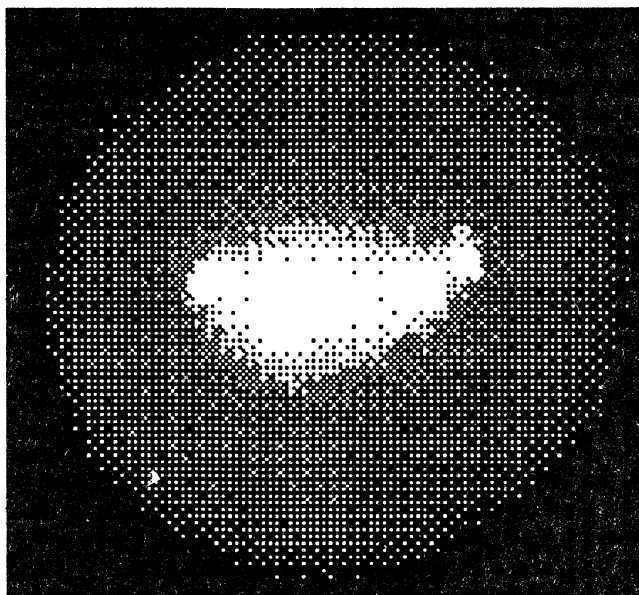
Так, может быть, приведенные выше эпизоды контактов авиаторов с НЛОнавтами следует рассматривать как (говоря авиацион-

ным языком) «зоны подхода» пришельцев к взаимопониманию с человечеством?.. Как известно, на начало 90-х годов было зафиксировано уже свыше 60 тысяч случаев таких контактов различного рода. Проблема НЛО неоднократно обсуждалась в Организации Объединенных Наций — на четырех сессиях Генеральной Ассамблеи подряд, начиная с 30-й сессии.

В этой связи хотелось бы высказать вот какое предложение. Почему бы мировому сообществу планеты Земля не сосредоточить свое внимание именно на «взлетно-посадочных» контактах с пришельцами извне? Проанализировать их особенно тщательно, всесторонне, выявив какие-то новые нюансы. Ведь не исключено, что как раз здесь, на этом пути, может быть найден главный курс обоюдного интереса, взаимопонимания землян с гостями.

А что по этому поводу думаете вы, дорогие друзья-читатели журнала?

На снимках: компьютерная обработка фотографий НЛО, полученных по информационной сети «Интернет» (из архива М.Шишкина).

Ведущий рубрики Максим ШИШКИН

Сергей ГРЕБНЕВ

ГИПНОЗ ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ИЛИ ГИПНОЗ МАССОВЫЙ: ЧТО ПРЕДПОЧЕСТЬ?

Известно, что левое и правое полушария головного мозга, дополняя друг друга, имеют и некоторые функциональные различия. Левое полушарие у подавляющего большинства людей воспринимает мир путем вербальных (словесных) сигналов, отвечая за последовательные временные связи, логическое сопоставление фактов. Правое полушарие воспринимает мир преимущественно невербально (зрительный канал, обонятельный, вкусовой, тактильно-сенсорный), одномоментно непрерывно вовлекая в процесс эмоциональную сферу, интуицию. Человек с преобладанием правополушарного типа мышления воспринимает мир, не подвергая его анализу, принимая его целиком, как он подается.

Для введения пациента в состояние гипноза (транса) необходимо определить преимущественный тип мышления данного человека и затем использовать соответствующую технику. Легче всего вводить в состояние глубокого транса (гипноза) людей с преобладанием работы правого полушария. Для этой цели можно использовать невербальные (бессловесные) формы внушения: пассы (движения рук), свечи, блестящие предметы, тактильные прикосновения, необычные ритуалы. Это преимущественно те формы работы, которые используют экстрасенсы, биоэнерготерапевты, так называемые маги, колдуны, чародеи, народные целители. Известно пять форм восприятия информации:

— зрительная (свечи, пассы, блестящие предметы, взгляд);

— аудиальная (слуховая) — речь в любом виде и любой формы, музыка, шумы;

— обонятельная — все запахи;

— вкусовая — все виды вкусовых ощущений;

— тактильно-сенсорная (чувственная) — прикосновения, тепловое воздействие, магнитное, электростатическое, биоэнергетическое и т.п. И какой бы мы ни пользовались, — всегда будет присутствовать основная форма воздействия (внушения) — это вербальная (словесная), через аудиальный канал. Уже одно заявление, что перед вами биоэнерготерапевт, экстрасенс, маг, колдун и т.п. — определенная информация о неопределенной форме работы. «Смотрите мне в глаза и вы вылечитесь», — это также достаточно неопределенная форма внушения, рассчитанная преимущественно на правополушарный тип

восприятия мира. И необходимо понимать, что лечит не сам взгляд мага или колдуна (не отличающийся, впрочем, от взгляда хищника на свою жертву: так смотрит удав на кролика либо пантера перед прыжком), а лечат те процессы, которые возникают в структурах головного мозга пациента в результате такой необычной стимуляции. Прежде чем биоэнерготерапевт приступит к работе, он сообщит о том, что он — биоэнерготерапевт или экстрасенс. И это уже вербальная (словесная) информация с уточнением того, как и через какую систему он будет работать. Любому пациенту становится понятно, что перед ним человек, который:

1. будет лечить;
2. будет использовать (какую-то) биоэнергию;
3. будет двигать (махать) руками;
4. возможно, будет тепло (от рук), либо покалывание, либо какие-то другие ощущения.

Зато не всегда понятно, как и каким образом это воздействует на организм человека. Какие лечебные механизмы запускаются и затем срабатывают в этот момент? На сегодняшний день — это объективная загадка, над которой ломают головы многие ученые.

Опыт работы врачом-психотерапевтом убеждает меня в том, что совершенно неважно, через какие каналы воздействовать на организм человека, важно запустить его собственные процессы саморегуляции и обучить пациента самому пользоваться этим механизмом на уровне осознания, когда в этом есть необходимость. Важно, чтобы данный способ был максимально приемлем для пациента, психологически нетравматичным (удары, прокалывание рук, пляски на стекле, ползание на корточках и т.п. «эстрадные трюки»). Эти трюки проделывать несложно, и современные техники гипноза позволяют это проделать с любым человеком, но они бесполезны либо зачастую вредны, особенно в массовых аудиториях.

Итак, при наличии разных форм введения информации (внушения) пациенту практически всегда используется вербальный способ. У одних в большей степени, у других в меньшей. Пациентам с правополушарным типом мышления лучше использовать невербальные техники в зависимости от его репрезентативной системы, то есть той системы, которой он в большей степени пользуется для восприятия окружающего мира. Пациентам с левопо-

лушарным типом мышления лучше использовать преимущественно вербальные техники, которые отличаются огромным разнообразием. И это особая тема для разговора. Врач-психотерапевт — это не тот, который использует психотерапию, а тот, который осознает, что и как он делает, это человек, понимающий, каких результатов он может добиться, применяя ту или иную технику. И каждый врач-психотерапевт осознает, что используя в своей работе только гипноз (трансовые, медитационные и тому подобные состояния), он может добиться успеха в повышении резервных возможностей человека и лечить таким образом психосоматические заболевания (язвенную болезнь, бронхиальную астму, вегетососудистую дистонию, начальные формы гипертонии, некоторые формы остеохондрозов), однако квалифицированный психотерапевт осознает, что влиять на причинные психологические моменты таким способом он уже не может. Здесь необходима работа с пациентом на уровне осознания всего того, что привело его к данному состоянию. Особенно это важно в лечении неврозов (истерии, неврастении, фобии, навязчивых состояний), алкоголизма, переедания, табакокурения, наркомании, сексуальных расстройств.

Маги, колдуны, народные целители, экстрасенсы в подавляющем большинстве не используют последней формы работы. Психотерапевты и психологи всего мира занимаются исследованием психологического состояния

личности пациента совместно с самим пациентом, выявлением и изменением тех психологических моментов, которые привели человека к болезни. К таким методам относятся: когнитивная, рациональная, гештальт, позитивная психотерапии, психоанализ и др. Данные виды терапии полезны людям как с право-, так и с левополушарным типами мышления. В процессе такой терапии достаточно экологично исследуется психология мышления личности, осознаются и изменяются негативные реакции и отрицательные эмоции, вырабатываются новые формы реагирования, строится перспектива будущего. Можно только сожалеть о том, как основная масса приходящих к психотерапевту пациентов требует и ждет гипноза как некоего чуда, которое решит все их проблемы. А на врача-психотерапевта, экстрасенса, мага, чародея, колдуна смотрят если не как на бога или Иисуса Христа, то по крайней мере как на полубога.

И это похоже на то, как маленький ребенок смотрит на всемогущего и всезнающего родителя. Можно только сожалеть о выраженном инфантилизме общества, в котором процветают маги и колдуны; нужно пожалеть человека, который уходит с сеанса массового психологического воздействия (массового психоза) в подавленном состоянии, не осознавая того, что его опять вовлекли в процесс «всеобщего послушания», подавления личностного раскрепощения.

«ТЫ — ЧЕЛОВЕК, ТЫ — ИЕРАРХ, ТЫ — АНГЕЛ И ТЫ — БОГ», считает странник по Вселенной Николай Чуркин

...Строение Солнечной системы гораздо сложнее, чем мы считаем. Она имеет в своей структуре до пятидесяти в основном обитаемых планет, но это еще предстоит человечеству вновь переоткрыть.

Планета Илия в созвездии Лебедь. На ней мало ночи, но случались даже и снега... И было все примерно так же, как и на Земле. Не было только войн, и планета являла собой близко приближенную к Небу Отца. Если мы здесь, на Земле, можем собирать в саду различные плоды, с трудом общаясь с Иерархами невидимого мира, догадываясь о их знаниях интуитивно, то на Илие можно получить совет от того или иного Иерарха видимо.

Общее же для рассматриваемых планет то, что они, как материальный носитель, не вечны. Жизнь на них переходит в иные формы существования, в иные миры.

О проблеме современных войн пока можно сказать: служите Небу, и вы будете всегда под его защитой. У человека и человечества наработан громаднейший опыт умения служить Небу, но современный человек инфантилен и робок, агрессивен и жесток, он избирает единственный путь... в ад.

Государство может только карать или отворачиваться от просящих помощи. Покаяния нет, есть только ложь оправдания...

Получается так, что когда человек уходит в иные миры, он оставляет информационно-энергетические тела, которые служат строительным материалом для идущих в этот мир. Если в астральный мир излучалась агрессия, то эта агрессия уже будет служить в строительстве тела идущей в этот мир души. Так что давайте не будем терять Светлых духов, и они помогут нам освятить и наше будущее...

В 1982 году я не только астрально, но и физически побывал на планете, которую назвал Планетой Встреч. Жизнь на ней пока только зарождается. Интуитивно чувствую, что та великая Сущность, сопровождавшая меня в путешествии, и последняя душа нашей планеты, может быть, и скверная — будут планетарными родителями людей разума, как библейские Адам и Ева.

Мы все взаимосвязаны: взаимопроникнуты. Опыт жизни на планете Илие в созвездии Лебедь нужен здесь, на Земле. И если на Земле жизнь сохранится, то она продолжится на Планете Встреч — Новой Земле.

Вот и думайте, заказывают ли нам Иерархи войны?

Иерархи заинтересованы в жизни. Ангелы не проникнут в Вас, если Вы их не пригласите, и давайте будем хранить лучшее бережно и как можно дольше хранить все божественное, что мы пережили.

Сергей БЕЛОБОРОДОВ
**«СКАЗАНИЕ О
 КРУГЕ
 ЗЕРКАЛЬЦА»**

книги о фейерверках и другого.

Был Виниус и страстным коллекционером. Собирал разного рода художественные произведения, составил альбом гравюр и рисунков голландских и фламандских художников.

С 1685 года Виниус заведовал почтами России, затем Аптекарским приказом. А в 1697-м, уже в звании думного дьяка, был назначен начальником Сибирского приказа. Тут-то он и проявил себя как замечательный организатор и администратор.

Северная война ускорила строительство казенных металлургических заводов. Виниусу было поручено в кратчайший срок возместить потерю всей артиллерии под Нарвой. Он совершил длительную поездку на Урал и в Сибирь. После осмотра Невьянского и Каменского заводов отправился в Тобольск. Именно к этому времени относятся события, описанные в обнаруженном нами документе.

Лично знакомый со многими европейскими учеными, он сообщал им сведения о Сибири. Австрийский посол Гвариенти получил от Виниуса копию карты Сибири 1698 года с немецким текстом. По его инициативе рукопись с текстом «Чертежной книги» С.У.Ремезова готовилась на русском и голландском языках для издания в амстердамской типографии.

Одним из зарубежных корреспондентов Виниуса был Николас Корнелий Витзен (1641-1717). Он происходил из семьи амстердамских купцов. Учился в Амстердаме, позже — в Лейденском университете. Именно здесь у него зародился интерес к Востоку, и это увлечение он пронес через всю свою жизнь.

Жажда новых впечатлений привела Витзена в Россию. Свои наблюдения жизни России Витзен описал в дневнике, который был обнаружен лишь через 200 лет, а опубликован

только в 1966 году. Что касается изучения памятников сибирской истории, то Витзен, например, сделал попытку (правда неудачную) расшифровать рунические знаки, обнаруженные С.Ремезовым в 1703 г. на Ирбитской скале.

Третий, упоминаемый в документе, человек, непосредственно руководивший раскопками кургана, — Федор (Федот) Матигоров. Он тоже оставил след в истории Сибири, хотя сведения о нем большей частью отрывочны. Матигорову поручались самые разные дела, связанные с защитой восточной границы России от «иноземных воинских людей», перевозкой и охраной разного рода ценностей, документов и т.п. Матигоров привез в Москву первую карту С.У.Ремезова «Чертеж Казачьей орды», сопровождал караван с «книгами и иной церковной утварью» из столицы в Далматовский Успенский монастырь...

А теперь — о самом документе, который можно считать первым научным отчетом об археологических раскопках в Сибири. Он не велик, а потому приводимо его текст полностью.

«Лета Господня 1702 по указу его царского величества посылан в Сибирь ради смотрения и строения заводов железных думнай дьяк Андрей Виниус.

И как приехал в Тобольской уезд, в Бачинскую слободу, где река Исеть впадает в реку Тобол, и тут увидел многие старинныя могилныя курганы, а каких народов строение туташние населники не ведают. И те курганы от оных населников во многих местах раскопаны ради искания могилных поклажей. Подале тех курганов нашол он великой нераскопанной курган от которого возбужден был великою охотой получить там ведения какие народы в тех местах жили и под теми курганами мертвецов своих клали. Приказал той слободы драгунскому капитану Федору Матигорову тот целай курган раскопать до могилнова погребца: дабы в нем поискал на камени, и на меди, и на серебре или на золоте вылитых или вырезанных каких писмен или характеров.

И онай Матигоров, приехав в То-

Древние захоронения довольно часто встречались в различных районах Урала и Сибири. Это обусловило хождение разного рода легенд и сказаний о кладях и сокровищах, спрятанных в курганах.

Примечательна, например, история, в которой главными героями были дети и золотой шарик, вылезавший из-под пола и превращавшийся то в человека, то в золотого барашка и игравший с малышами. Когда это стало известно местному начальству, то в деревню послали казаков во главе со станичным атаманом. «Пришли они в эту семью и начали делать раскопки. И обнаружили на глубине трех метров саблю дамасской стали и корзину с золотом. И оказалось, что тот, кто ложил клад, сделал заклинание, и что клад таким образом должен был обнаружиться...»

Сначала поиски сокровищ из древних могильников не были научными. Такие раскопки ни в коей мере нельзя назвать археологией в полном смысле этого слова, хотя много любопытнейших исторических памятников было обнаружено именно самодельными «археологами».

Начало же, по всей видимости, можно отнести к первым годам XVIII столетия. Сохранились имена тех, кто впервые занялся сибирской археологией: это небезызвестный А.А.Виниус и другой не менее замечательный человек — голландец Н.Витзен.

Андрей Андреевич Виниус (1641-1717) был сыном голландского купца, переселившегося в Россию. В возрасте 23 лет поступил на службу переводчиком в Посольский приказ. Хорошо образованный, знавший несколько европейских языков, он вскоре стал специалистом по международным делам. С дипломатическими поручениями побывал во Франции, Испании, Англии.

Перу Виниуса принадлежит «Описание расстоянию столиц, нарочитых городов, славных государств и земель... от града Москвы сколько до которого городу», перевод с немецкого басен Эзопа, «переложение на российский диалект» «Описания артиллерии», «Трактата о механике»,

болск того ж 702 году в ноябре месяце объявил, что в том кургане нашол медный куфшинец, з боков проржавел, да яшмовой стаканец, еще ж китайское металное зеркалцо, в диаметре шириною вершка на три или малым более, с одной стороны еще места явилис чистые, знатно, что было зеркало, по иным же местам ржавчина попортила, а на другой стороне в первом округе травки, в другом — карактеры подобно китайским.

И оная зеркалца послано было в Амстрадам к бурмистру господину Витцыну, чтоб посылкой во Индию или Хину чрез знающих людей ис тех писмен уведомитца о содержащем разуме и колико оному лет. И господин Витцын, списав с тех писмен ко-

пию, посылал в Восточную Индию в город Батавию ради переводу, а в переводе из обретенных писмен из диалекту хинскова написано:

«Сказание о круге зеркалца

А. Бог есть чист пречист, весь в самом себе непорочен.

В. Бог есть прекрасен, светел яко светлейшая вода.

Г. Аще кто от царя или князя будет возлюблен и во многих делех употреблен, сему подобает онаго о себе яко Бога имети, отвращатися же иным озлобление творити, ибо сие аще сотворит тако и ему будет подобно воде иже прибывает и убывает.

Д. Но егда царь в чин кого возвысит и узрит яко той добре во всем чинить, тогда царь в сердцы своем

радуется так пространно, яко бы море.

Е. Всяк раб творяй злое да страшится господина своего, но егда благо и право ходит, тогда в сердцы своем всегда радуется так прекрасно, яко солнечные лучи.

С. Тогда той от человека будет почтен на земли яко Бог, но Бог никто естеством подобен есть».

В качестве примечаний отметим, что раскопки велись неподалеку от нынешнего г. Ялуторовска Тюменской обл. Город Батавия, куда Витзен направил «писмен копию», — это голландское название Джакарты, столицы Индонезии. Примечательно, что само зеркало было послано в Амстердам, и не исключено, что оно сохранилось в одном из голландских музеев.

г. Екатеринбург

335-й Анапский пехотный полк был сформирован в Екатеринбурге летом 1914 года из запасных солдат Екатеринбургского и Верхотурского уездов, а также Саратовской губернии, призванных по всеобщей мобилизации. Командиром стал полковник Максим Никитич Полянский.

В октябре 1914 года Анапский полк перешел границу России и Германии и затем вел тяжелые наступательные бои в районе Пшерванкен — Поссесерн — Виллюден. Храбрость и мужество проявили многие солдаты и офицеры. 1 ноября 1914 года отличился младший унтер-офицер 6-й роты Алексей Евгеньевич Пономарев (уроженец Нижне-Исетской волости с. Уктус). Он вызвался пойти «охотником» в разведку, нашол позицию неприятеля и вернулся с ценными сведениями. Его представили к Георгиевскому кресту 4-й степени.

2 ноября ефрейтор 8-й роты Вячеслав Васильевич Тагильцев (урожд. Сысертской волости и завода) проник за вражеские проволочные заграждения, спровоцировал переполох среди сонных немцев, под сильным огнем вернулся к своим и сделал обстоятельный доклад. Наградой ему стал Георгиевский крест 3-й степени. Под пулеметным и ружейным огнем восстановили телефонную связь старший унтер-офицер Иван Алексеевич Мишарин (из д. Истоки Арамильской волости), ефрейтор Петр Никитович Кудряшов (уроженец Кыштымской волости и завода) и рядовой Степан Петрович Логиновских (урожд. Ревтинской волости и завода).

Юрий КУРЕПИН УРАЛЬЦЫ ИЗ АНАПСКОГО ПОЛКА

Фельдшер Михаил Самсонович Разсохин (урожд. Верхотурского уезда дер. Балакино) под ураганным огнем противника оказал помощь раненому командиру, за что был награжден Георгиевской медалью «за храбрость».

В феврале 1915 года в ночном бою под г. Августовом отличился младший офицер 4-й роты прапорщик Гергард Карлович Шуберт (бывший канцелярский служащий в Екатеринбурге). За умелое руководство подчиненными он заслужил свой первый орден святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

В феврале и марте полк вел тяжелые бои с наступающим противником. Деревни и села переходили из рук в руки. В марте под натиском превосходящих сил уральцы начали отступать, но получили приказ перейти в контратаку и атаковали немцев. Командир полка капитан Белашов, удачно соединив удар во фланг с фронтальным натиском, обратил противника в бегство. Уральцы захватили в плен двух офицеров, около 350 солдат и 4 пулемета. Полк потерял в бою 19 солдат и 2 офицера, 143 раненых. Противник же оставил на поле боя 810 трупов.

Храбро вела бой пулеметная команда, где служило немало уральцев. Старший унтер-офицер Александр Иванович Михайлов (крестьянин Мраморского завода Екатеринбургского уезда) по собственной инициативе выдвинул пулемет из окопа на близкую дистанцию и его огнем способствовал уничтожению колонны противника. Под сильным ружейным огнем на открытой местности подносили воду и патроны к пулеметам ефрейторы Кирилл Иванович Трофимов (уроженец Щелкунской волости и села) и Василий Петрович Казаков (урожд. Кыштымского завода), рядовые Павел Устинович Томилов (крестьянин дер. Решёта Верх-Исетской волости) и Мефодий Афанасьевич Баженов (мещанин г. Екатеринбург). Все герои-пулеметчики были награждены Георгиевскими крестами.

В бою 17 марта 1915 г. удачно действовали рядовые Николай Максимович Воронков (Арамильской волости и села), Захар Петрович Курдюков (Верхотурского уезда д. Белая Глина), Федор Петрович Чечулин (урожд. Верхотурского уезда Монастырской волости д. Лопатова), и Василий Григорьевич Пыусьянов (Арамильской волости д. Большой Исток). Они захватили вражеский пулемет, а когда выбыли из строя ротный командир и фельдфебель, под командой унтер-офицера захватили пленных и гнали их до укрепленных позиций.

В штыковой схватке отличился подпрапорщик 5-й роты Алексей Алек-

сандрович Санников (уроженец г. Екатеринбург, кавалер 3-х Георгиевских крестов, погиб 22 апреля 1915 г.), ефрейтор 8-й роты Александр Прокопиевич Прибавкин (Арамилсь-

кой волости дер. Полетаевки), рядовые Григорий Михайлович Мишарин (крестьянин д. Исток Арамилской волости), Илья Федорович Медведев (урож. Камышловской волости д.

Морозовки). Все были представлены к наградам.

Анапский полк был расформирован в начале 1918 года.

г. Екатеринбург

В 1900 годах он встречался и дружил с молодым Михаилом Осоргиним. Последний так вспоминал этого необычного человека: «Он собирал зырянские песни, составлял азбуку для «вотяков», описывал неведомые племена, следил за карьерой врагов своих — благочинных, сообщал исторические анекдоты об архиереях, заглядывал в старообрядческие скиты, любовался новооткрытыми серебряными персидскими блюдцами времен династии Сасанидов, понимал толк в уральских камнях, ведал всю родословную Шуваловых, Строгановых, Абабелек-Лазаревых, Поклевских-Козелл».

Кто же он был? Крещеное имя Яков Васильевич Шестаков. Еще прозвался Я. Камасинский, Странник-Пермяк. Был человеком удивительной судьбы.

Родился в середине прошлого века в селе Камасине Пермской губернии, в семье священника. В 15 лет окончил духовное училище, в 21 — семинарию. Любознательностью пошел в прадеда. Тот был офеней (торговцем мелким товаром), пришел во владимирские земли аж из Австро-Венгрии. После семинарии попросился служить в отдаленные окраины Пермской губернии. Преподавал в Редикорском земском училище, изучал край. Жизнь свою решил посвятить просвещению «инородцев» (вотяков, зырян, вогул, пермяков).

Изучает пермяцкий язык, замышляет азбуку для вотяков, жертвует в храмы, в селе Юксеево открывает для инородцев женскую обитель. Он постоянно путешествовал, просвещал, обучал. Свои лекции-пропове-

Татьяна МОСУНОВА

МИРЯНИН В РЯСЕ

ди подкреплял современными достижениями техники: возил с собой граммофон и волшебный фонарь. Он даже женился на инородке — Александре Матвеевне Вилесовой (выпускнице Пермской гимназии).

Менялись места службы, но энергия отца Якова не угасает. В деревне Токовой он устраивает странноприимный дом, в Чердыни — библиотеку-читальню. Пишет письмо Мамину-Сибиряку с просьбой прислать для библиотеки свои книги, что Мамин-Сибиряк впоследствии и делал.

Видя очевидные успехи в деле христианизации и просвещения края, отца Якова назначили благочинным третьего округа. Он наметил шесть деревень, где при его участии были возведены церкви. В Пешнигорте в память 500-летия Стефана Пермского основал отец Яков инокскую женскую обитель.

Страшным бичом инородцев была трахома. Отец Яков едет в Петербург и собирает там окулистический отряд (1896 и 1898 гг.). Графине Апраксиной помогает открыть приют для эпилептиков. При его же содействии устраиваются бесплатные школы для глухонемых.

Отец Яков по-прежнему много путешествует, его интересы разнообразны. Грузную фигуру с иерейским животом и богатой каштановой шевелюрой видят то в старообрядческих скитах, то в Петербурге, где он встречался с Победоносцевым, Плева-

Гапоном, то в Святой земле. Рассказывали о нем так: «был толст весьма, нос имел достаточно яркого цвета, однако не пил ничего кроме чая, чай же пил ведерными самоварами, в прикуску или с вареньем. Больше слушал, о себе не говорил ни слова. Где пил чай, там норовил и заночевать».

Происками недоброжелателей Яков Шестаков лишился прихода, но сохранил сан. За ним так и осталось прозвище «мирянин в рясе». О себе говорил: «Люблю я жизнь человеческого муравейника». Он положил начало книгоиздательству «Кама», написал более ста статей, очерков, книг и книжечек, работал как библиограф. Многие его труды, фотоснимки хранятся и в Екатеринбурге. В библиотеке краеведческого музея, например, есть его книга «Выдающиеся духовные писатели и деятели по религиозно-нравственному возрождению в духе церковности Пермско-Вятско-Вологодско-Уфимско-Уральского края». На ней размашистый автограф: «Уральскому Обществу Любителей Естествознания. Яков Шестаков 2 ноября 1816 год».

Воспитанники отца Якова из числа инородцев к его юбилею в 1918 году издали краткую биографию Шестакова. Как бы предопределяя его судьбу, книга заканчивалась четверостишием Якубовича-Мельшина:

*Самой судьбой для русской музы
Даны скитанья, скораби, узы,
И без тернового венца
Что слава русского певца.*

Яков Васильевич Шестаков был расстрелян красными в Перми в 1919 году.

г. Екатеринбург

В 1854 году на Златоустовский завод прибыл молодой горный инженер в звании капитана и стал управителем Оружейной фабрики. До приезда в Златоуст Павел Матвеевич Обухов уже работал на уральских заводах. После Горного института, который он закончил с золотой медалью, молодого поручика направили на Гороблагодатские заводы. Потом служил управителем Кушвинско-

Светлана КУЛИКОВСКИХ, Юрий НЕВРАЕВ

ПУШКА ОБУХОВА

го и Юговского заводов. Изучал опыт производства стали в Европе. Но главное дело своей жизни Обухову предстояло сделать на Златоустовском заводе.

Здесь он начинает опыты по приготовлению литой тигельной стали в больших количествах и в 1857 году получает от правительства 10-летнюю привилегию на изобретенный им способ. А двумя годами раньше Павел Матвеевич предложил строить здесь сталепушечную фабрику. Приступили, правда, лишь в 1858 году.

«...Из его (Обухова) литой стали, — писал «Горный журнал», — можно

будет готовить полевые артиллерийские орудия, которые должны быть гораздо легче и прочнее медных».

О замене в артиллерии железа сталью говорили еще в ходе Крымской войны. Но только Крупп в Германии делал опыты. К ним приступил и Обухов — будучи управляющим Златоустовской оружейной и Князе-Михайловской фабриками. Сталелитейная Князе-Михайловская фабрика Златоустовского завода, располагая 127 горнами, могла выплавлять одновременно до 570 пудов стали.

Ковку вели 250 и 500-пудовыми молотами. После обточки и сверления орудия поступали для проверки качества к приемщикам из военного министерства. Так были подготовлены к испытаниям первые русские златоустовские стальные пушки. Вернее сказать — орудийные стволы.

Осенью 1860 года в Петербург из Златоуста доставили три орудия из литой стали: 4-фунт. пушка нашего (видимо, Артиллерийского комитета) чертежа, высверленная и обточенная; болванка 4-фунт. орудия бельгийского чертежа и болванка 12-фунт. облегченной пушки. Но лишь одно орудие, а именно ствол 12-фунтовой облегченной пушки, испытывалось на Волковом поле.

Это было невиданное до той поры зрелище. Более трех месяцев из пушки вели прицельный огонь. Сделана первая тысяча выстрелов, вторая. Усиливается заряд, повышается темп стрельбы. Для охлаждения на орудие сыпали снег. Идет третья тысяча выстрелов. Пушка цела. 12-фунтовые ядра исправно ложатся в цель, удаленную на 500 сажений (более тысячи метров). Четвертая тысяча выстрелов... Как сообщили из штаба по завершении стрельбы, «...стальная 12-фунтовая пушка г.Обухова после 4000 выстрелов имела тот же вид, как до начала опытов, — так незначительны происшедшие в ней изменения сравнительно с изменениями, происходящими в орудиях из других металлов, от гораздо меньшего при том числа выстрелов».

По отзыву поручика Энгельгард-

та, который наблюдал за отделкой 12-фунтовой пушки в арсенале на заводе Круппа и пушки Обухова в Петербурге, «это последнее орудие по качеству металла, насколько можно судить об этом по наружному виду и обработке, ни в чем не уступает орудию Круппа и во всех отношениях превосходитно...»

Пушка с надписью: «Отлита в 1860 году на Князе-Михайловской фабрике из стали Обухова, выдержала более 4000 выстрелов» — была сдана на хранение в Санкт-Петербургский арсенал в числе достопамятных предметов.

Летом 1861 года она экспонировалась на Петербургской мануфактурной выставке. В 1862 году на всемирной выставке в Лондоне первая русская стальная пушка не только получила золотую медаль, но и превзошла по качеству металла все представленные там орудия западно-европейских стран и США. Владельцы знаменитых Шеффилдских заводов, знавшие толк в сталелитейном деле, с изумлением познакомились с образцами стали русского металлурга. Триумф этой пушки был важным фактом признания достоинств российской сталелитейной промышленности.

Кроме того, пушка П.М.Обухова оказалась и гораздо дешевле подобных орудий, отлитых на фабрике Круппа в Вестфалии. В связи с этим Штаб Корпуса Горных инженеров Санкт-Петербурга сообщал:

«По донесению Главного Начальника Уральских заводов приготовленные в Златоустовской Оружейной фабрике из Обуховской стали глухие орудийные болванки стоят 10 руб. а совершенно годные к сдаче Артиллерийские орудия по 16 руб. за пуд. Орудия же, приготовленные на фабрике Круппа, стоят от 43 руб. 50 коп. до 46 руб. 60 коп. за пуд. Следовательно, орудия Обухова обойдутся втрое дешевле при снабжении Русской сухопутной и морской артиллерии стальными обуховскими орудиями».

Пушка еще стояла на Волковом поле, а император уже отдал приказ о производстве подполковника

П.М.Обухова — в полковники. Затем, приказом по корпусу Горных инженеров Обухов пожалован орденом св. равноапостольного князя Владимира 4 ст. и велено выплачивать ему по 50 копеек с пуда приготовленных им к сдаче артиллерийских орудий и по 35 копеек с пуда глухих орудийных болванок и сортовой стали, изготовленной по заказам правительства. Приказ отметил заслуги не только П.М.Обухова, но и рядовых мастеров Златоустовской оружейной фабрики, среди которых были потомки золингенских оружейников.

Вскоре Павел Матвеевич покинул Златоуст. Его перевели в Санкт-Петербург для организации там сталепушечного завода. Он увез с собой и лучших мастеров-литейщиков. Без Обухова дело на заводе не пошло. Получая заказы от военного и морского ведомств, Князе-Михайловская фабрика с 1860-го по 1867 год, до прекращения сталепушечного производства, изготовила лишь 365 орудий. Стволы испытаний не выдерживали, и вскоре их производство пошло на убыль. Но как главный завод Горного Округа — Златоустовский еще долгие годы оставался центром по испытанию новых орудийных стволов. Здесь проводились пробные отливки.

У входа в здание бывшего Арсенала Златоустовского завода много десятилетий стояли орудийные стволы. Но вот, как и всякий музейный экспонат, они потребовали реставрации. К 235-летию завода и города стволы были приведены в порядок. Их установили на лафеты и возвратили на прежнее место. В ходе реставрации на корпусе ствола шестидюймовой осадной пушки обнаружена выбитая надпись:

ЗЛАТОУСТЬ
УПРАВИТЕЛЬ А.ДЕВИ
№ 190 1865 года.

Открытие этой маркировки — большое событие. Заводчане не только «вернули к жизни» стальные пушки Обухова, но и вписали еще одну строку в историю отечественной металлургии.

г. Златоуст

Эмма РУБЦОВА

«ВЕЧНО РАДИ ПОМИНКА...»

В городе Вятке (в далеком прошлом Хлынове, ныне — Киров) целые улицы семей носили простую русскую фамилию Огородниковых. Это были чиновники, мещане, купцы; иные выбились в личные дворяне и стали известными не только в Вятке. Чиновники Огородниковы служили с А.Герценом, позже их дети учились с сыновьями Э.Циолковского, входили в окружение Александра Грина. Из их среды вышел изобретатель Г.Д.Огородников, искусные мастера серебряных дел и работ по капу, ученый-статистик Е.К.Огородников. Женщины рода стали прародительницами многих славных имен. Я тоже урожденная Огородникова, потому и занялась генеалогией этой фамилии.

г. Вятка. Царевская (позднее Знаменская) церковь.

Наша ветвь — прямые потомки подъячего Григория Тимофеевича Огородникова. Его подписи на документах известны с 1640 года. 30 августа 1675 года он купил дом по улице Московской для себя, жены Овдотьи Козьминичны и двух сыновей —

Якова и Аверкия. Из купчей узнаем, какое хозяйство приобрели Огородниковы. Бывшая хозяйка — вдова Пелагея Кострова продала «...двор свой и со всеми своими хоромы и с огородчиком, что тут же у двора, и с яблоньми, со всеми без вывоза, oprичь

житейского домашнего заводу... продала с банею, что в том же огороде, а в колодце продала полови-ну шестого паю, что тот колодезь подле двор Дмитрия Глухова... а взяла есмь я, Пелагея, за тот свой двор и за все, что в сей купчей писано выше сего, и с погребом, 35 рублей денег. А продала с подвор-ным местом и с овощием, что тут же в огороде».

Между тем Григорий Тимофеевич умер, не про-жив в купленном доме и десяти лет. В Хлынове затевают строить новую церковь, а место избира-ют на Московской улице — как раз, где стоял дом вдовы Григория. 3 апреля 1684 года «...вдова Ов-дотья Козьмина дочь, а Григорьевская жена Ого-родникова с сыном своим Яковом поступилась мес-та... под новую церковь святых равноапостольных великих царей Константина и матери его Елены, вечно ради поминка родителей своих и своего...» Соседи Овдотьи, чьи дворы также отходили к цер-кви, продали их обществу, а не «поступились» в пользу церкви.

Сыновья Григория — Яков и Аверкий, как и отец, стали подъячими, а в 1706 году Яков стано-вится бургомистром Хлынова. Сохранился «Великого Государя подлинный указ (24 марта 1707 года), ко-торый земских дел бургомистр Яков Огородников при-нял и расписался».

Слова из дарственной Ов-дотьи Огородниковой «вечно ради поминка своих родителей и своего» — стали вещими.

Возможно, еще в прошлом веке потомки знали о вкладе Овдотьи Козьминой. Они счи-тали церковь, получившую к этому времени название Зна-менской, своей церковью. Все представители этой фамилии — а их только мне известно более 200! — были ее прихожа-нами. Старостой церкви в кон-це прошлого века пребывал Н.А.Огородников.

...Возможно, от далекой пра-родительницы Овдотьи унасле-довал один из ее потомков, живший в прошлом веке, до-броту и заботу о младших — это Владимир Иванович Ого-родников. О нем узнаем из гим-назической характеристики — редком по полноте сведений документе: «По отношению к своим начальникам и настав-никам был не только вежлив и почтителен... но верил в них, любил их, дорожил каждым советом, смотрел на них как на лучших друзей, которые придут ему на помощь при всех затруднительных обстоятельствах, при каждом со-

мнении, при каждой неудаче не дадут ему пасть духом, в удаче одобряют и похвалят».

Находим и удивительно полное, неформальное описание личности мальчика: «Учился Володя в основном на хорошо, изредка удовлетворительно. В посещениях уроков всегда был вполне исправен, пропуская их редко и только по болезни или та-ким домашним обстоятельствам как смерть мате-ри или головная боль. Прилежание всегда выказы-вал очень хорошее. За преподаванием следил всег-да с полным вниманием... Читал хотя и мало, но не по отсутствию желания, а исключительно за неиме-нием свободного времени. В исполнении религиоз-ных обязанностей был всегда вполне исправен, ак-куратно посещаая в праздничные и воскресные дни церковное богослужение и ежегодно бывая у испо-веди и святого Причастия. С товарищами был очень обходителен.

...Средние способности и умение сдерживаться и обдумывать все свои поступки и раннее занятие репетиторством развили в нем привычку к упор-ному труду и усидчивости. Частое отсутствие отца, а за последние полтора года и неимение матери и необходимость заменить младшим братьям и сес-трам родителей и поступаться в их пользу своим заработком, развило в нем чувства жалости и сострада-ния и отзывчивости к нуждам ближнего. Но в то же время, к сожалению, послужило причи-ной начинающей за самое по-следнее время изредка про-скальзывать самонадеянности. В общем характер Огородни-ков имеет очень симпатичный, добрый и откровенный и, если не повлияют дальнейшие усло-вия, из него обещает выйти в будущем очень хороший чело-век и прилежный работник».

После окончания Казанско-го университета, в 1898 году Владимир Огородников опре-делен кандидатом на служеб-ные должности при Вятском окружном суде. Работал в го-роде Слободском, был судеб-ным следователем, городским судьей 2-го участка Вятки, награжден медалью в честь 300-летия дома Романовых. А в 1914-м произведен в коллеж-ские советники.

После окончания универси-тета он продолжал опекать младших братьев и сестер. Сохранилось его прошение после смерти отца в 1905 году о пенсии за службу отца для брата Константина, который в это время тоже учился в

Н.А.Огородников — староста Знаменской церкви.

Казанском университете. Константин погиб в гражданскую войну.

Мне удалось собрать подробные сведения о другом моем родном дедушке со стороны отца — Леониде Ивановиче Огородникове, враче, общественном деятеле (1875—1920). Он закончил медицинский факультет Казанского университета в 1903 году и почти всю жизнь работал врачом на станции Мураши Пермской железной дороги, а затем на станции Вятка-2.

В Мурашах долгие годы помнили своего врача. Когда Леонид Иванович уезжал, благодарные жители несли его в докторском кресле от больницы до поезда. И как было не уважать за десять лет сумел создать в Мурашах своего рода медицинский и культурный центры.

Из характеристики Леонида Ивановича, написанной сразу после революции, узнаем, что по его почину построены разный барак, родильное отделение, бесплатная больница-ночлежка для крестьян. При его же

участии и ходатайствах на станции Мураши затеяны были драматический и просветительский кружки, начальное училище с общежитием, детский приют, склад сельскохозяйственных машин для окрестных деревень.

В архиве Кировской области обнаружился устав драмкружка. Параграф первый так определял его первейшую цель: «доставить членам кружка возможность проводить свободное время с пользой, изучая драматические произведения авторов отечественной и иностранной литературы».

Когда кружок устраивал платные зрелища, часть сборов от них шла на благотворительные нужды. Кружок арендовал помещение, мог покупать движимое и недвижимое имущество. Для пос-

тановки пьес приглашали режиссеров. В отчете, тоже хранящемся в архиве, читаем: «За год работы с 1908 по 1909-й было устроено: 10 спектаклей платных, 3 костюмированных вечера, 4 детских бес-

платных спектакля, 1 танцевальный вечер для членов кружка. Были вечера с литературными отделениями с декламацией произведений русских авторов. Ежемесячно к постановке готовился один спектакль. Поставлены 2 драмы, один драматический этюд, семь комедий, девять водевилей таких авторов как Островский, Чехов, Полапенко, Лукашевич. Выступило 29 человек в 17 мужских и 12 женских ролях».

Сборы от устройства платного детского спектакля «Среди цветов» Лукашевича поступили на приобретение оборудования для детских подвижных игр — летом на открытом воздухе, а зимой в помещении кружка. Здесь же действовала библиотека с бесплатным читальным залом, оркестр балалаечников-любителей... И все это в маленьком пристанционном поселке!

Работой драматического кружка Леонид

Иванович руководил на общественных началах.

Будучи в 1911 году санитарным врачом в Вятке, Леонид Иванович не оставил культурно-просветительской деятельности. На станции Вятка-2 он организовал кружок, потом преобразованный в районный отдел народного образования. В нем Огородников состоял первым председателем...

Закончу мой экскурс словами С.Т.Аксакова: «Вы не великие герои, не громкие личности; в тишине и безвестности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь так же поучительна для нас, как мы и наша жизнь в свою очередь будем любопытны и поучительны для потомков».

Врач Л.И.Огородников с женой и дочерью. 1903 год.

Александр КЕРДАН

НА КРАЮ ОКЕАНА

Исторический роман

Рисунки Николая МООСА

Глава первая

1

Бобр неожиданно высунул из воды неподалеку от противоположного берега свою усатую морду. Степенно, важно, словно барин из лохани, выбрался на сушу и застыл настороженно.

Абросим Плотников, проверявший устроенные поселенцами запруды, остановился поглазеть на редкого даже в этих девственных краях зверя. Чтобы лучше рассмотреть речного хозяина, промышленный присел на корточки: и впрямь — вылитый барин — Федор Иванович. Сытый, холеный... В какие дебри памяти увели бы Абросима воспоминания, неизвестно, но тут его внимание отвлекло другое: у самых ног работного быстрое течение пронесло белое орлиное перо, покачивающееся на волнах, как маленькая индейская пирога.

Откуда здесь оно? — на этот вопрос Плотников ответил не успев: перо скрылось из виду, увлекаемое потоком. Досадуя на себя за отвлечение, Абросим вдругорядь посмотрел в сторону бобра. Но на берегу было уже пусто. Зверь исчез.

Еще не ведая, зачем, повинувшись какому-то неясному чувству, Плотников резко отпрянул назад, в заросли ивняка.

Мгновение спустя из-за речного изгиба на стремнину бесшумно выскользнули три колошенских бата — большие лодки-однодеревки, в каждой человек по двадцать-двадцать пять тлинкитов, ловко, слаженно работающих короткими широколопастными веслами.

Во встрече с индейцами в этих местах ничего необычного не было. Сразу за речкой начинаются охотничьи угодья рода Ворона, и колоши вполне могли здесь выследивать лося — они именно так и охотятся на лесных великанов, с воды, чтобы легче было доставлять туши убитых зверей к своим становам.

Но что это? Бронзовые, обнаженные по пояс тела колош, невозмутимые, будто из камня высеченные, лица дикарей покрыты узорами киновари — боевой раскраской. Черные, смоляные волосы гребцов посыпаны орлиным пухом, украшены перьями, точь-в-точь такими, как только что проплывшее по течению у его ног. У большинства индейцев на кожаных ремнях за спиной — резные деревянные маски. Все хорошо вооружены.

«Нет, это не охотники», — догадался Плотников. Перед ним — воины, вступившие на тропу войны. У русских с тлинкитами — мир... Но против кого тогда нацелены стрелы и ружья колош?

«Что бы там ни было, — решил Абросим, — теперь не до запруд. Надо побыстрее рассказать об увиденном начальнику заселения».

Стараясь не задеть за предательские ивовые ветки, промышленный осторожно выбрался из зарослей и, не разбирая дороги, напролом через чащу бросился бежать по направлению к крепости.

2

Черная птица кружит над Ситхой, медленно и величаво.

Завидя ее, белоголовый орел, ястреб-стервятник, казарка — пернатые обитатели этих мест, оставляют свою добычу, улетают прочь.

Ворон — праотец и покровитель племени тлинкитов — безраздельно царствует здесь.

Он стар. Никто не знает, сколько ему лет. На его клюве, остром, как наконечник боевого копья, зазубрины эпох, в потускневшем блеске иссиня-черного оперения отражается время. Но еще крепки и упруги крылья, зорек, пытлив глаз.

Очень-очень давно, когда мрак и безмолвие пеленали мир, одним взмахом могучего крыла Ворон создал эту твердь и море вокруг нее, рассеял бисер звезд по всему небу, зажег Луну и Солнце, одел скалистые берега в сине-зеленую парку лесов, прошив ее серебрястыми нитями ручьев и рек.

Все сущее — от Ворона. По его воле зимы сменяются веснами. Рождаются, живут и уходят в леса предков сыны и дочери тлинкитов. Их место занимают другие — молодые и сильные.

Жизнь — мудра. Мудр священный Ворон.

По его воле и теперь изобилуют дремучие чащи архипелага лосями и медведями, бобрами и лисицами, а море не скудеет чавычей и лососем.

Если ранней весной поклониться Покровителю, он поможет достичь желаемого. Олень подставит стреле охотника свой бок, рыба позволит остроге прознить ее...

Бери от природы то, что нужно тебе и твоему роду для жизни. Природа не обидит. Она щедра. Так заведено испокон веков. Так учит великий Ворон.

Храня его законы, не смыкают глазниц деревянные идолы — тотемы на стенках индейских барабор. Они должны спасти и защитить жили от бед. Дети Ворона верят в могущество своего божества.

А сам Ворон? Все так же величав и неспешен его полет, сильны и неутомимы крылья. Трудно распознать тревогу в размеренном и точном их движении. Ворон умеет хранить в себе свои заботы.

Все чаще мелькают в призрачной дымке береговых туманов громадные, как осколки глетчеров, чувезные пироги. Они привозят белых бородатых людей, палки в руках которых умеют извергать молнии, поражающие все живое. Но страшнее смертоносных палок — огненная вода, забирающая у тлинкитов память, заражающая их лихорадкой желаний — болезнью, с которой не сравнимы ни гнилая горячка, ни скорбут. Тысячами бобровых и сивучьих шкур выстилают индейцы ей путь в своих душах.

Что будет с детьми Ворона, забывшими заветы рода? Что ждет пришельцев, возмнивших себя способными изменить мир?

Черная птица, распластав свои крылья, молчаливо кружит над Ситхой.

...Основатель российских колоний в Америке удач-

ливый рыльский купец Григорий Шелихов, поручая управление тамошними делами Александру Андреевичу Баранову, заметил ему в своих инструкциях две главные цели, к коим должно было стремиться всеми средствами: распространить владения компании по северо-западному берегу Нового Альбиона от Нучека до Нутки и усилить промысел там дорогих бобровых шкур.

Бывший приказчик по питейным сборам Баранов, будучи от природы человеком отважным и предприимчивым, решил добиться большего. В июле 1799 года он привел к Ситхе три парусных корабля и более пятисот алеутских байдарок, полагая во что бы то ни стало устроить здесь русское заселение. Множество попавшихся ему на пути сивучей, бобров и морских котов сулило невиданные доселе прибитки. Изрезанные заливами, изобилующие бухтами берега Ситхи, высокий строевой лес, покрывающий остров, делали удобным строительство здесь крепости, судовой верфи, которые, в свою очередь, открывали возможность присоединения к российским колониям новых земель к югу — юго-востоку от архипелага.

Несколько дней шел на побережье торг со старшинами местных индейцев. Ром, щедрые подарки и еще более щедрые посулы русского правителя сделали свое дело: тойоны племени ситха — Скаутлельт, Скайтаагетч, Коухкан — уступили россиянам место для заселения. В бараборе главного из тойонов — вождя рода Ворона Скаутлельта, расположенной на высоком камне-кекуре, скрепили письменный договор приложением рук и клятвой вечно жить в мире и дружбе.

Отправляясь на Кадьяк в Павловскую крепость — столицу Русской Америки, Баранов оставил Архангельское заселение под начало Василия Медведникова — испытанного временем шелиховского передовщика.

С трудом одолевший несколько букв азбуки, грубый, порой жестокий, Медведников был смел и надежен, служил компании бескорыстно, не щадя живота своего.

Ночь напролет перед отплытием «Ольги», просидели они с правителем вдвоем в «черной» бане, бывшей в ту пору резиденцией начальника заселения.

Тускло светила коптилка, наполненная тюленьим жиром. Метались по низкому потолку угловатые тени. Негромко, веско звучал голос Баранова, дававшего последние наставления. Невысокий, лысеющий правитель рядом с плечистым Медведниковым казался еще тщедушнее. Но передовщик, сто раз глядевший в очи смерти, почему-то всегда робел перед ним, и взирал на Баранова снизу вверх.

— Повода колошам к огорчению не подавай, даром ничего не бери, — наказывал правитель. — Старшин и тойонов, а также отличных из воинов угощай и одаривай. Почаще зазывай в гости, на игрища, однако ж блюди всевозможную осторожность. Коли достройшь казарму, кадьякцев с промышленными вместе не сели. Особливо присмотришься к чужеземцам,

коих принял я на службу от американского корабля — не лежит чего-то к ним душа! Памятуй, что ныне остаешься ты вершителем судеб людских и всего затеянного предприятия...

Почему все это вспомнилось Василию Медведникову нынче, в день воскресный, один Господь знает. Может от того всплыл в памяти давний разговор, что собрался начальник крепости попариться, как раз в той самой пресловутой баньке, которая служит теперь своему прямому предназначению и с утра жарко натоплена по его, Медведникова, приказу.

Поглядев, как суетятся две крещенные колошениские девки, таская в огромных деревянных бадьях воду к бане, Василий улыбнулся, предвкушая удовольствие смыть с себя недельную пыль и грязь, омолодить душу и тело паром. И тут же согнал улыбку с лица: начальнику зубы скалить непозволительно. Потеребил мощной, как медвежья лапа, пятерней курчавую, поблескивающую кое-где серебринками бороду, задумался.

Слегка властвовать над людьми. Ожесточается сердце. На что сам главный правитель с виду благообразен и смирен, а норовом крут. Медведников видел, как повелел Баранов высечь караульного Еремина, заснувшего на посту, а провинится еще — обещал повесить. И повесил бы, вот те крест! Суров российский Пиззаро, суров, но справедлив. И умен зело. На три аршина в землю видит.

А тут оказался не прав Александра Андреевич, — снова припомнился последний разговор с правителем. — Напраслину на принятых в компанию американцев возвел. Те служат, дай Бог нашим. Люди — толковые, обходительные. И про колош зря страхи посеял. Больше года живем бок о бок без распрей и стычек... Хотя и случались минувшей зимой драки у алеут с тлинкитами во время игрищ, устраиваемых в заселении по заведенной Барановым традиции. Но до смертоубийства дело не доходило. Индейцы на пляски приходили без оружия. Один только Котлеан — племянник главного тойона — все норовил пронести под белым лосиным плащом двусторонний кинжал. Но сам Скаутлельт взял Котлеана под защиту: мол, обыкновение у ихних вождей такое — носить всегда при себе оружие... А коли обычай, так это еще и не злой умысел, и не повод для вражды и подозрений. Словом, в какое стадо залетел, так и каркай.

Ближе к лету, успокоенный миролюбием колош, и сторожей стал назначать Василий только на ночь. И караулы проверять перестал. Надеялся: стены у казарм крепкие, медный единорог есть — в случае чего отобьемся!

А если и шевелились в душе какие-то неясные страхи, так это не перед напророченными правителем врагами, а перед тем, что нельзя объяснить, от чего не спрятаться за крепостными воротами... Вон, приходивший к заселению прошлой осенью старый приятель Иван Кусков рассказывал, что видел близ устья Ледяного пролива, как, подобно раскаленному

ядру, промчалась по ночному небу падучая звезда — тревожная примета! Потом алеуты из поселения, ходившие на промысел бобров к Кенаю, донесли: охотники изловили белую лисицу. И это — худой знак! Того и гляди: жди несчастья...

Ну да леший с ними, с приметам! Авось, нас лихо минует, — Медведников истоиво осенил себя крестным знаменем и направился к бане.

3

Первым тлинкитов подле крепости увидел поляк Евглевский. Он последнее время занимался по плотницкой части и не был отослан на бобровый промысел с партией Урбанова. Тем паче, справных мастеровых во всем заселении — по пальцам перечтешь. За сим сегодня поставлен Януш петли навешивать для новых крепостных ворот. Праца¹ не пыльная, но требующая сметки, умения. И того, и другого у Евглевского с избытком. Жизнь долгая за плечами, чем только не доводилось заниматься. Был и жолнешем², и ковалем³, и пахарем. Теперь больше с деревом связан. Оно по летам и сподручнее: дело к домовине идет. И еще уразумел Януш: вшыстко едно⁴: труд, какой бы он ни был — всегда труд. Равно холоп, как его ни кличь, все — холоп. Сам, к примеру, Януш: сколько ни бьется, а в паны выйти никак не сподобится.

Восемь весен назад Евглевский, в ту пору конфедерант войска Костюшко, был пленен под Брест-Литовском гренадерами суворовского авангарда. Стоявший на часах у повстанческого бивуака нагрывших русских заметил поздно. Успел только крикнуть своим: «Увага, врага!»⁵ Один из гренадеров достал его острым жалом трехгранного штыка. Память о нем — кривой лиловый шрам, изуродовавший лицо Евглевского. Швы наложили русские же лекари. Сказывали, генерал Суворов приказал: обид пленным полякам не чинить. Раненых перевязать. Взять на довольствие. Как поправятся, отпустить по домам.

Рана Евглевского затянулась быстро. На том бы и закончились его беды, когда бы не один случай.

Перед выпиской из лазарета вступился Януш за молодого русского солдата, которого прямо в лекарской палатке стал за какую-то провинность избивать ротный командир. Пожалел ли Евглевский малого, вспомнил ли выпавшие самому панские побои, но выиграло в нем ретивое — хватил он капитана по киверу первым подвернувшимся под руку поленом! А тот возьми да и отдай богу душу...

¹ Праца — работа (польск.)

² Жолнеш — солдат (польск.)

³ Коваль — кузнец (польск.)

⁴ Вшыстко едно — все равно (польск.)

⁵ Увага, врага! — берегись, враги! (польск.)

⁶ Виняря — винный погребок (польск.)

⁷ Затока — залив (польск.)

⁸ Ощеп — копьё (польск.)

⁹ Выспа — остров (польск.)

Зараз заковали Евглевского в железа. Посадили под замок. Готовился он к смерти. Ан вышло иначе: вечная каторга. Пошел Януш мерять путь шагами до заклётой Сибири. Однако до острога не дошагал — бежал с этапа. Долго блукал по таежному захоласту. Насмотрелся всякого, голодал, мерз. Потерял все надежды добраться до Речи Посполитой. Тут и решился податься в зверобойную компанию Шелихова. Благо, вербовщику компанейскому никаких пашпортов не требовалось. Ставь крест или палец приложи на контрактном листе и — сделка состоялась. Получай от компании дармовое угощение, буйным хмелем затумань себе голову. А что будет потом? Про то в виняряне⁶ думать — занятие пустое!

На Аляске поначалу Евглевский строил крепостцу в Чугатской затоке⁷, промышленял нерп и сивучей. Не единожды участвовал в стычках с чугачами, отражал нападение зверобоев Лебедева-Ласточкина, заклётых шелиховских врагов-конкурентов.

Здесь, на Ситхе, Януш, почитай, с первой затеси. Вместе с Медведниковым начинали, спали в одной палатке. Товарищами считались. Когда-то Евглевский отразил удар индейского ощеп⁸, нацеленный Василию в грудь. Да, видно, разошлись стежки. Медведников нынче — начальник. Занесся гордыней, не подступись! Евглевский же и старшим промысловой партии ни разу не ставился: больно дерзок на язык, норовом горяч. А коли так, знай сверчок свой шесток! Махай топором да завидуй тому же Медведникову, для которого и банька натоплена, и баклажка рому небось припасена, разговеться с устатку. При упоминании о роме у Евглевского даже в горле запершило. Он с досадой глубоко вогнал топор в бревно частокла, решил дать себе роздых. Высокий, жилистый, сутулый, Януш присел на колоду духмянки, огляделся, будто в первый раз.

Двор крепости невелик, зарос травой. У казармы бродят две коровы, завезенные на выспу⁹ в прошлом году и чудом избежавшие ножа в эту голодную зиму. Отощали, нагуливают вес. Опасливо косятся на незнакомых животных колошенской породы длинношерстные лайки. Индейцы специально разводят этих собак ради получения густой белой шерсти. В русском заселении лайки появились вместе с колошенками, принявшими крещение и ставшими женами алеутов и промышленянных.

Януш — холост, хотя еще не стар. Дело не в седине волос или в немощи чресел. Неопрятные, с вывороченной, отягощенной деревянными лоточками нижней губой, колошенские женщины не затрагивают его сердца.

Медведников, тот тоже не женат. Но до баб охоч, похотлив. Многие работные гневаются на него за своих туземных жен. Гневаются, но вслух высказать не дерзают. Злая память у начальника, ничего не забывает и не прощает. К тому же, Медведников, как ни крути, здесь, на Ситхе, — всему голова, хозяин...

Вот он, легок на помине, вышел на крыльцо ка-

зармы в белой холщовой рубахе, таких же портах — в баню наладился!

Евглевский даже отвернулся, чтобы не видеть лица Медведникова, расплывшегося в самодовольной улыбке: лучше уж смотреть на лес, окружающий поселение, чем на сытую рожу бывшего сотоварища!

Лес, как никакой человек, всегда успокаивал Януша, умел слушать и понимать его. Великий, обновленный, зеленый — он совсем рядом. Сколько ни глядит на него Евглевский, не устает удивляться вековой природной мудрости. Высокие, под небо, кедр и ели, словно родители детей, выпустили вперед, на солнце, молодую поросль. Евглевскому почудилось, что кусты и деревца опушки и впрямь не стоят на месте, движутся к нему. Он прикрыл ладонью, как козырьком, глаза, непривыкшие к яркому свету, привстал и застыл, вглядываясь в сторону чащи. То, что он увидел, поразило его. Матка боска¹⁰! Скрываясь за искусно сплетенными из веток циновками, к крепости приближались тлинкиты. Маскировка индейцев была так естественна и умела, что менее опытный наблюдатель не сумел бы разгадать хитрость дикарей. Януш с такими штучками уже сталкивался в свою бытность среди чужачей. У местных племен весь военный маневр, и это хорошо уяснил бывший конфедерант, в том и состоит, чтобы незаметно подкрасться к противни-

ку, выждать удобный момент, стремительно напасть и малой кровью добыть как можно больше скальпов и рабов. Рабы у колош жили хуже собак, питались отбросами, продавались и принимали смерть по воле господина. Представить своим хозяином краснокожего Евглевский просто не мог. И свой скальп он легко не отдаст — ще польска не сгинела¹¹! Промышленный потянулся к топору, шрам на его левой щеке налился кровью.

Индейцы, очевидно, догадались, что их секрет раскрыт. Передние воины отбросили плетенки в сторону и натянули луки. Колоши были отменными стрелками. У Януша осталось всего несколько мгновений, чтобы попытаться скрыться, спастись. Но он уже не мог и не хотел бежать. Зависть к Медведникову, прежние обиды — все отступило перед лицом опасности. Евглевский снова почувствовал себя жолнешем, стоящим на часах, который должен успеть предупредить своих соотечественников любой ценой.

Он резко повернулся лицом к казарме, хриплым, чужим голосом выкрикнул: «Увага, врага!» и, раскинув руки, упал на землю, пронзенный одновременно двумя индейскими стрелами.

4

Неизвестное страшнее неотвратимого. Оно имеет власть даже над душами самых отчаянных храбрецов.

Медведникову однажды уже довелось испытать на себе его силу.

Прошлой весной больше ста алеут из его промыс-

¹⁰ Матка боска — мать божья (польск.)

¹¹ Ще польска не сгинела — еще Польша не погибла (польск.)

ловой партии отравились черными ракушками, съеденными на берегу океана. Эти ракушки, считавшиеся съедобными, прежде не раз выручали промышленных в голодное время. Экономя запасы пшена и муки, распорядился тогда Медведников воспользоваться морскими дарами.

Через полчаса у первых, попробовавших варево из ракушек, начались судороги, рвота. Потом наступала смерть. Не помогали ни мыльный раствор, ни снадобье из трав. Тех, кто не участвовал в трапезе, охватила паника. Оставшиеся в живых алеуты бросились враспынную от гибельного места.

Медведников, к счастью, сам к еде не притронувшись, один метался между умирающими промышленными, не в силах что-нибудь изменить, чем-то помочь им...

Вот и сейчас, в длинной сумрачной казарме, испытывал Василий то же тягостное чувство собственной беспомощности и неясной вины перед сгрудившимися в центре жилища молчаливыми поселенцами, глядящими на него с тревогой, готовыми заголосить бабами и беспечно возящимися в куче шкур и тряпья малыши.

Начальник заселения еще раз оглядел работных. Не велик гарнизон: вместе с ним самим четверо русских — Кочесов, Тумаков, Шмиин, — и пятеро алеут, услышав крик Януша, успели заскочить в казарму. Да в дальнем углу у единорога возится пришлый матрос Смит. Хладнокровно. Один из всех не растерялся, будто загодя знал, что делать надобно. Остальные — бабы да дети. На них рассчитывать не приходится.

Чтобы скрыть охватившую его самого тревогу, Медведников прищелкнул на женщин, взял стоящее в пирамиде длинноствольное пехотное ружье, осторожно приблизился к узкому окну-бойнице.

Колоши, как вода, прорвавшая запруды, уже хлынули в ворота крепости и быстро заполнили крепостной двор, ручейками растекаясь по направлению к элингу, амбарам, окружая казарму. По татуировкам и резным изображениям на масках и щитах Василий определил, что здесь не только воины рода Ворона, но и сыновья Волка, союзные с ними индейцы Якутата и охотники за скальпами с островов Королевы Шарлотты. Такого собрания родов и племен еще никогда не знало Архангельское заселение. Медведникову бросилось в глаза, что тлинкиты двигались легко и уверенно, так, словно пришли сюда на очередные игрища, забавы ради надев на себя боевые маски и панцири.

Однако, на забаву это совсем не походило. Через несколько минут взметнулись в небо дымы от подожженных алеутских байдар, запылал остов почти достроенного кутера, лишая осажденных возможности спастись морем. Вскоре до слуха защитников крепости донеслись тяжелые удары по железу. «Сбивают замки с магазинов», — безошибочно определил Василий и подивился собственному равнодушию: эх, жить-

то охота — и про компанейский достаток забыл, впервые...

В пестрой толпе колош обратил вдруг Медведников внимание на двух тлинкитов, спорящих о чем-то у самого частокола. В коренастом молодом воине, деревянная маска которого сдвинута на затылок, начальник крепости сразу признал Котлеана, второй, рослый индеец с черной татуировкой волка на могучей, выпуклой груди, был Василию незнаком. Этот индеец что-то доказывал племяннику Скаутлельта, резкими жестами руки показывая то на лес, то на свое темя, то себе под ноги.

Там, у его ног, распластавшись на траве, лежал Януш Евглевский. Ветер шевелил седые пряди его волос, раскачивал торчащие из спины, будто иглы дикобраза, две длинные индейские стрелы.

Евглевский был недвижим. Но Медведникову показалось, что он еще жив, что еще бьется у него на виске, обращенном к казарме, тоненькая голубоватая жилка. И эта беззащитная жилка на виске у всегда такого строптивого, сильного, а теперь поверженного Януша перевернула вдруг все в душе у Василия: он снова сделался тем неустрашимым передовщиком, которому доверял Баранов, каким его знали стоящие за его спиной работные люди.

Обернувшись к ним, сказал коротко и властно: «Баталия будет. По местам стоять!» — и, подавая пример подчиненным, высунул ствол ружья в бойницу. Снова отыскал взглядом Котлеана, взвел курок, прицелился в грудь молодого вождя, именно его избрав виновником гибели старого товарища, поруганной дружбы и собственного минутного страха.

Казалось, время жизни племянника Скаутлельта сочтено, но судьба распорядилась иначе. Спор между индейцами неожиданно закончился в пользу соперника Котлеана. С торжествующим лицом воин быстро склонился над Евглевским, молнией сверкнул в его руке двусторонний кинжал, и голову поляка опоясал багровый обруч. Не раздумывая больше, Медведников повернул ствол ружья на несколько дюймов влево и вниз и, почти не целясь, нажал на курок.

5

Мужчина рождается не для утех. Седой Скаутлельт учил Котлеана: удел воина — боевые подвиги, которые из поколения в поколение будут потом передаваться соплеменниками. Сказители сложат о них легенды. Шаманы воспроизведут их в ритуальном танце. Но никто не расскажет о храбрости тлинкита, вставшего на тропу войны, лучше вражеского скальпа, добытого им в бою.

Ради новых скальпов и славы предков, следуя закону Великого Ворона и слову, данному на совете вождей в Хуцновском заливе, привел Скаутлельт своих воинов к укреплению длиннородных.

Сердце Котлеана говорило ему, что он пришел

сюда не за этим. Не о мести бледнолицым, овладевшим землею тлинкитов, не о богатой добыче, которая ждет победителя, думал племянник главного тойона, первым ворвавшийся в распахнутые настежь ворота жила чужеземцев. Навстречу смертельной опасности гнало его чувство, которое молодой вождь рода Ворона никогда не открыл бы никому и под самой страшной пыткой. Он и самому себе не желал признаваться в нем даже сейчас.

Сердцем тлинкита безраздельно владела Подрута Огня — Айакаханн — девушка из соседнего рода Волка, один снег назад ушедшая с чужеземцами.

Тогда-то, глядя ей вслед, Котлеан и узнал впервые, что даже у самого смелого война есть сердце. И оно может болеть, не давая покоя.

Скаутлельт часто повторял, что мужчина должен быть мудрее своего сердца.

Чтобы заглушить саднящую боль в груди и затеял Котлеан спор с Тучагатаучем — Черным Волком, кому принадлежит скальп старика-бледнолицего, умирающего на траве у их ног.

В племени тлинкитов нет воина храбрее и искуснее Черного Волка. Но нет никого равного в стрельбе из лука племяннику Скаутлельта. Котлеан был убежден, что это его стрела, отмеченная двумя красными кольцами у оперения, поразила бледнолицего первой.

Почему же, начав горячо доказывать свою правоту, уступил он вражеский скальп сопернику, а не украсил шест у входа в свое жилище еще одним отличительным знаком воинской удачи?

В самый разгар спора молодому вождю показалось, что он увидел Подруту Огня: ее меховая накидка промелькнула среди кустов лесной опушки...

Котлеан готов был уже, забыв обо всем, броситься вслед за девушкой, как Тучагатауч, торжествующе потрясающий скальпом старика, вдруг рухнул на тело поверженного врага.

Грохота выстрела Котлеан не услышал — он утонул в грозном кличе тлинкитов, проводивших душу Черного Волка в счастливые уголья Великого Ворона.

— Нанна¹²! — неожиданно для себя самого присоединил свой голос Котлеан к этому кличу, обещавшему предкам, что пощады чужеземцам не будет.

Размахивая оружием, воины в устрашающих деревянных масках ринулись на приступ. Увлекаемый толпой соплеменников, племянник Скаутлельта, уже не оглядываясь на лес, в котором скрылась Айакаханн, устремился к высокой бревенчатой бараборе бледнолицых.

Воин должен быть мудрее своего сердца.

Пробежав вдоль опушки леса расстояние, равное нескольким полетам стрелы, Айакаханн остановилась. По-волчьи, всем корпусом, обернувшись назад, прислушалась.

Погони не было. Со стороны заселения доносилась частая пальба, прерываемая боевыми возгласами тлинкитов. А здесь — лес жил своей обычной жизнью. Неустанно сновали в густых зарослях малины маленькие серые пичуги с длинными клювами, зелено-красной лентой проскользила в траве змея-медянка, напуганный Айакаханн, шустро юркнул в чашу какой-то зверек...

Девушка с огненными волосами с минуту постояла, раздумывая, как поступить: бежать дальше в глубь леса или вернуться к крепости, где сородичи сводят счеты с длиннорылыми.

Любопытство взяло верх. Индианка, легко, но уверенно ступая, двинулась по своему следу туда, где глухо не страшно на таком расстоянии, раздавались оружейные выстрелы.

Айакаханн была единственной дочерью Нанасе¹³, внучкой шамана рода Волка — Тапихака — Уснувшего моря.

Кто был ее отец, она не знала. Мать не заводила с ней о нем разговор. Задавать вопросы у тлинкитов не принято. Желаящий рассказать нарушит молчание сам.

Однажды, выпив отвар из корня папоротника, мать проговорила.

За несколько больших Лун до рождения Айакаханн в становище Волка пришли какие-то бородатые люди. Они принесли с собой много ценных, невиданных вещей, которые выменивали у индейцев на обычные брововые шкурки. Главный из пришельцев — высокий, худой человек с волосами, похожими на Тиев¹⁴, остановился в бараборе Тапихака. Он подарил Нанасе несколько нитей бисера и был добр с ней. По его просьбе дочь шамана выпила огненной воды, которую принес с собой гость, и потеряла память.

Когда Акан¹⁵ вернул Нанасе ясный взгляд, она увидела, что Тапихак лежит на земляном полу бараборы без движения и не дышит. Бледнолицый гость исчез. Вместе с ним из жилища шамана исчезли все брововые шкуры и большое блюдо из блестящего металла, подаренное Уснувшему морю вождем племени тутуми, которые живут далеко, за скалистыми горами, там, где начинается день... Вот и вся история.

Став постарше, Айакаханн неожиданно для себя самой сделала открытие: цвет ее кожи не такой, как у всех ее ровесников и ровесниц. Он гораздо светлее, без свойственного индейцам медного оттенка, и даже многолетний загар не скрывает этого. Зато таких, как у Айакаханн, волос, ярких, словно огонь священного костра, зажигаемого матерью перед охотой или войной (Нанасе стала шаманить после смерти Уснувшего моря), нет ни у кого в племени ситха.

¹² Нанна — смерть (колош.)

¹³ Нанасе — лисица (колош.)

¹⁴ Тиев — солнце (колош.)

¹⁵ Акан — Бог (колош.)

Может быть поэтому девочки-тлинкитки не хотели принимать Айакаханн в свой круг. Да и сама она не очень-то тянулась к их занятиям: вышиванию накидок, плетению из лыка корзин и циновок, сбору ягод и корней. Ей куда больше нравились игры мальчиков: стрельба из лука, бег наперегонки, ныряние со скалы в ледяные волны океана. Ловкая, сильная, Айакаханн не уступала мальчишкам ни в умении разгадать самый запутанный след, ни в способности незаметно подкрасться к янучу¹⁶. Она стойко переносила боль и бесстрашно прошла испытание на мужество: с улыбкой орудия костяной иглой с прикрепленными к ней тонкими сухожилиями волка, зашла специально нанесенную самой себе глубокую рану.

А вот прокалывать нижнюю губу и вставлять туда деревянный лоток — знак достижения девушкой совершеннолетия — отказалась наотрез. Превратиться в безмолвную и безропотную тень какого-то индейца, пусть даже такого знатного, как Котлеан — племянник старого Скаутлелъта, она не хотела. Шаманить, как мать, не раз уже заговаривавшая с ней о тайнствах служения Акану, ей тоже было не по душе. Другой же судьбы у Айакаханн в племени быть не могло. Вот почему, когда на острове появились светлолицые длиннородые люди, она, не раздумывая, ушла с ними.

В крепости пришельцев красивая девушка сразу оказалась в центре внимания мужчин: и русских, и алеутов. Сам Медведников положил было на нее глаз. Попытался даже взять силой... Но Айакаханн умела постоять за себя: она никогда не расставалась с обоюдоострым кинжалом, еще в детстве подаренным ей матерью... И ухажеры, кто затаив злобу, кто плюнув на туземную недотрогу, мало-помалу отстали. И начальник заселения охладил свой пыл — других забот по горло, да и не все колошенки такие несговорчивые. Один только Котлеан, нет-нет да и появлявшийся возле русского заселения, не хотел отступать. Сильный, отважный юноша. Но разве любят только за это?

Вот и опушка. Подойдя на безопасное расстояние к жилу бледнолицых, девушка отыскала самое высокое дерево. Ловко, как белка, вскарабкалась по его стволу и, притаившись среди густой хвои, стала наблюдать.

Крепостной двор лежал перед ней как на ладони. Еще совсем недавно служивший выгоном для коров, он сейчас представлял собой поле битвы. Отхлынувшие после очередного неудачного приступа тлинкиты, повинаясь голосу тойонов, снова вернулись к укреплению длиннородых с вязанками хвоста и горящими факелами в руках. Десятка два рослых воинов, прикрываясь круглыми, обтянутыми кожей моржа щитами, притащили к входу в казарму огромный ствол духмянки и, раскачав его, стали бить комлем в тяжелую кованную дверь, сопровождая каждый

удар торжествующим кличем, который леденит кровь осажденных и вселял веру в победу атакующих.

Айакаханн хорошо понимала, что каждый такой удар приближает эту победу, а значит, и гибель бледнолицых. Жизнь в племени научила ее принимать мир и все, происходящее в нем, такими, как есть, независимо от своих чувств и переживаний. Но сейчас почему-то ей очень хотелось, чтобы белые люди из крепости спаслись. Особенно, тот высокий молчаливый юноша, который при встречах так странно, волнуящее глядел на нее...

Это желание так завладело девушкой, что, когда после очередного могучего удара, словно кости лося под напором палицы умелого охотника, хрустнули крепкие дверные доски и в образовавшийся пролом ринулись разъяренные сопротивлением врага колоши, неустрашимая Айакаханн вздрогнула и на миг закрыла глаза.

Что произошло потом, индианка поняла плохо: вместо ожидаемых криков мольбы о пощаде и победного вопля тлинкитов, в глубине казармы раздался вдруг такой страшный грохот, будто Акан опустил небо на землю. Не удержавшись на ветке, Айакаханн сорвалась вниз. При падении она сильно ударилась о камень, но, не чувствуя боли, одним рывком поднялась на ноги и нырнула в лесную чащу.

Грохот, так напугавший Подругу Огня, был не божьим промыслом, а выстрелом единорога.

Когда нападающие, выломив дверь в сени, густой толпой ворвались в казарму — последний оплот защитников заселения, Василий Медведников, в разорванной, окровавленной рубахе, взлохмаченный и дикий, поднес факел к фитилю пушки.

Заряд картечи смел не только первые ряды колош, но и двух алеутов, неуспевших отпрыгнуть в сторону. Грохот выстрела слился воедино с предсмертными криками индейцев, возгласами ужаса оставшихся в живых. Но Медведников уже не слышал и не замечал ничего. Он действовал как заведенный, стиснув зубы, страшный и решительный, будто зверь, загнанный в угол. В этом состоянии он потерял счет времени, и соратникам, и своим собственным ранам, зная только одно дело — убивать врага. Василий не увидел, как пали, истекая кровью, Тумаков и Шмиин. Не угадал он и собственного смертного часа...

Когда начальник заселения склонился над единорогом, заряжая его очередным картузом с картечью, пришлый матрос Смит, убедившись, что никто не сможет ему помешать, хладнокровно выстрелил Медведникову в затылок.

7

Нет, не так начинался для Абросима Плотникова этот денек. Необычный для здешних мест, ясный, погожий. Да к тому же праздничный — воскресенье.

Выйдя в час по полудни из ворот Архангельской крепости, Абросим шагал по тропе, ведущей к речке,

¹⁶ Януч — бобер (колош.)

и улыбался солнцу — первому после постылых дождей и туманов. Да и все кругом, словно следуя Божьей заповеди, радовалось желанному теплу и свету. Как купола церквей, золотились ледяные вершины окрестных гор. Сочно зеленели мхи, папоротники, хвощи, тесно обступавшие тропу, так и приглашая прилечь, понежиться.

Плотников охотно прикорнул бы где-нибудь на солнышке, но уж больно строг начальник — Василий Медведников. Узнает — не сносить головы! Для него что праздник, что будни — все одно: сидеть сложа руки никому не даст. Вот и нынче: баб да девок в лес по ягоды снарядил, промышленных же кого к заливу отправил — рыбу удить, кого оставил частокол городить. А ему — Абросиму — дал наказ особый: проверить на речке запруды, три недели назад порушенные каким-то злоумышленником и с трудом восстановленные поселенцами. Дальше всех отослал, как самого молодого...

Что ж, хотя Абросиму и сподручней было бы в крепости остаться, однако за поручение он на Медведникова обиду не держит. Плотников и в самом деле молод. Не хромого же Кочесова или старика Евглевского посылать?

Тропа пробирается сквозь густые чащи, заваленные буреломом, то и дело утыкается в овраги, поросшие колючим кустарником. Здесь и ловкому, гибкому Абросиму приходится все время держать ухо востро, чтобы не запнуться за корягу, не напороться на острый сук.

Опять же греет душу то, что коль отправил его Медведников одного, значит, доверяет! Жаль только, ружье не разрешил с собой взять: ни к чему, мол. С колошами — мир, дикие звери людей сторонятся. Бояться некого... А так, без нужды, оружие таскать — баловство одно!..

Все дальше и дальше в глубь леса убегает узкая тропа. Гуще сплетаются над головой кроны кедров и елей. Становится прохладнее и темнее. Лес все больше напоминает Плотникову сибирскую тайгу, через которую пробирался он полтора года назад с компанейским обозом. Такие же непроходимые дебри, дикие трупцы. Разве что болот там противу здешнего чуть поболее!

В одной из якутских трясин нашел бы Абросим свою погибель, не подоспей на выручку попутчик — Кирилла Хлебников. С виду такой нерасторопный, медлительный парень, тут он не растерялся: протянул Плотникову свою слегу, выволок его из цепкой топи, дал сухую рубаху и онучи.

...После того случая Абросим с Кириллой крепко сдружились. Все долгие месяцы пути не разлучались. Надеялись и на Ситхе быть рядом. Да не напрасно говорят, не загадывай наперед, ежели ты — человек подневольный!

Интересы компании — превыше всего. Хлебникова определили в Гижигу, в помощь компанейскому приказчику. Абросима же, вместе с десятком набран-

ных по охотским кабакам гулящих людей, на боте «Екатерина» привез к новому заселению помощник главного правителя российских владений в Америке длиннорукий и немногословный Иван Кусков.

Земля обетованная встретила прибывших неласково. Ни теплого угла, ни сытости, ни воли. Тяжкая, изнуряющая работа, от утренней зари до темна. Валили лес, таскали на себе огромные бревна, возводили первые строения крепости. Медленно, изо дня в день, росли стены двухэтажной казармы, «черной» бани, рыбной сушильни.

В дырявых, вечно сырых палатках опухшие от скорбута и голода промышленные роптали на горькую долю свою, тусклую, беспросветную жизнь, которая ценилась здесь не дороже шкурки морского бобра. Глушили тоску выдаваемой по праздникам «казенкой». Пропивали не токмо причитающиеся им взамен сданной пушнины марки, пили в долг, в залог своего пая в будущих компанейских прибытках.

Абросим Плотников не пил. Хотя общества и разговоров не гнушался. Зелье развязывало языки. Мужики рассказывали друг другу, какие пути-дорожки привели их на Ситху. Одни надеялись здесь быстро разбогатеть, другие — искали спасения от правосудия, третьим было просто безразлично, где коптит белый свет... Абросим слушал чужие откровения, а про себя — помалкивал. О том, как он попал в компанейский обоз, не знал даже ближайший друг — Кирилла Хлебников.

Ветки больно хлестали Плотникова по лицу, цеплялись за кафтан, густые травы, как силки, оплетали ноги. Но промышленный, не обращая никакого внимания на препятствия, спешил к заселению.

После неожиданной встречи с индейцами у речной излуки Абросим, решив сократить путь, бросился к крепости напрямик через лес. Местность здешняя была не раз прежде исхожена Плотниковым. Ему казалось: он и с закрытыми глазами дорогу найдет. Вот почему Абросим, хотя и никуда не сворачивал, бежал уверенно, убежденный в том, что не пройдет и четверти часа, как покажется впереди знакомый крепостной частокол, как выйдет на крыльцо казармы навстречу ему Василий Медведников, похвалит Плотникова за то, что не утратил настороженности, вовремя дал знать о военных приготовлениях колош...

Однако, путешествие через лес затянулось: одна поляна сменялась другой, за преодоленным буреломом возникал новый, а желанная опушка все не показывалась. Напротив, лес становился все утрюмее, неприветливее. В сердце рабочего стала закрадываться тревога: не заплутал ли он? Но остановиться и уточнить направление не решился — и без того много времени потерял. Так и бежал Абросим все вперед и вперед, пока, выбившись из сил, не запнулся о старую корягу и не растянулся на земле.

Сколько пролежал Плотников, потеряв счет минутам, сказать трудно. К окружающей действительности рабочего вернул далекий пушечный выстрел. Пови-

нуясь тревожным предчувствиям, Абросим поднялся на ноги и снова пустился бежать через лес, раздирая одежду и руки о колючие кустарники.

Когда наконец лесная опушка открылась перед ним и показались строения Архангельской крепости, Плотников понял: сердце его не обманывало — он опоздал.

Эта горькая истина открылась Абросиму не в пламени пожара, вздымавшегося над кровлей казармы, не в победных возгласах индейцев за крепостной стеной. У ворот заселения промышленный увидел нескольких ползающих по земле коров, утыканных колошеническими стрелами и копьями. Тех самых кормилиц, которых даже в голодную скорбную зиму пощадили поселенцы, помня о родимых краях, думая с надеждой о будущем. И если уж эти, дорогие крестьянской душе животные достались тлинкитам на разтерзанье, значит, их действительно некому больше защищать.

Не думая о грозящей ему самому опасности, о том, что нет у него при себе никакого оружия, Плотников рванулся было к заселению, готовый с товарищами принять мученическую смерть, но чья-то маленькая цепкая рука неожиданно легла ему на плечо и удержала его.

Глава вторая

1

Сколь замечательны, Господи, творения рук твоих!

Дивится человек красоте, Тобой созданной, а разумом постичь ее не может.

Поднимаясь по шаткому настилу причала охотского порта, Кирилл Хлебников наткнулся на чудо...

Среди разнокалиберных бочек и тюков, приготовленных к погрузке на отправляющийся в Нижне-Камчатск галиот «Константин», на небольшом походном стульчике спиной к Ламскому морю сидела девушка с раскрытой книгой в руках. Только что вынырнувшее из-за кромки соленого горизонта светило своими лучами, казалось, запуталось в ее волосах, озаряя чело сидящей нежным золотистым сиянием. Трепетные длинные ресницы девушки чуть вздрагивали, на губах блуждала еле заметная улыбка. Тонкий стан, грациозные движения руки, перелистывающей страницы... Таких красавиц Кирилл не встречал никогда, да и не доводилось задумываться ему о том, что значит женщины в его жизни.

Кирилл был шестым, последним ребенком в семье Тимофея Ивановича Хлебникова — кунгурского городского головы, унаследовавшего пост бургомистра от своего отца и деда, немало доброго сделавших для этого уездного городка.

С ранних дней судьба не баловала Кирилла. Мать его умерла при родах. Отец, с виду дородный, крепкий мужчина, недолго пережил ее. Когда Кириллу

пошел десятый год, Тимофей Иванович в одночасье сгорел от неведомого недуга.

Кормильцами большой семьи сделались старшие братья Хлебникова — Алексей да Иван, много и по долгу разъезжавшие по торговым делам. В доме же всем хозяйством заправляла сестра Ольга — девушка нрава строгого, неласкового: слова участливого от нее не дождешься.

Лишенный с детских лет материнского тепла, Кирилл рос затворником, бывало целыми днями просиживал у окна, сквозь мутноватые стекла изучая окружающий его мир.

Кунгур раскинулся на высоком холме, омываемом с двух сторон полноводными Сылвой и Иренью, на столбовой дороге в бескрайнюю Сибирь. В центре города — старинная деревянная крепость. Рядом — Благовещенский собор. На площади перед ним выставлено десятка два пушек, из которых и пяти годных не наберется. Вокруг площади теснятся лавки, цейгхаузы, доверху набитые товаром: кожей, льном, паткой. Чуть в стороне от них, держа дистанцию, — воеводская канцелярия, над которой герб Кунгура с изображением медведя, носящего Евангелие с крестом и рог изобилия с сыплющимися из него плодами.

Дом Хлебниковых, справный, двухэтажный, тут же неподалеку от воеводского. Братья рассказывали Кириллу, что он был пожалован их семье за заслуги Хлебниковых перед отечеством. Дядя Кирилла — Емельян Иванович — отличился при защите Кунгура от разбойных шаек своего мятежного «тезки» — Пугачева. Якобы даже пленил кого-то из его ближайших сподвижников и за подвиг свой вместе с золотой саблей получил право на владение домом.

Вся незамысловатая жизнь Кунгура, как на картинке, разворачивалась перед взглядом мальчика. Отворялись и закрывались лавки и магазины, густо пыля, проползали в сторону заката бесконечные обозы с сибирскими и местными товарами. Им навстречу гремели цепями растянувшиеся колонны изнуренных колодников. Из окон родительского дома юный Кирилл видел «лобное место», на котором выставляли на помешнице толпе провинившихся должников с надетыми на них металлическими ошейниками.

Однажды, будучи уже подростком, младший Хлебников увидел, как подвергли истязанию молодую женщину. Какую она совершила провинность, он не знал, но в память Кириллу навсегда врезалось, как дюжий кат рванул полотняную рубаху у нее на спине и занес кнут. Женщина истонно взвизгнула, обрывками одежды пытаясь прикрыть от взглядов зевак свои беззащитные груди с острыми, как у козы, сосками. Свистнула плеть. Выдохнула в такт кату толпа. Задымился на молочно-белой спине кровавый рубец...

Не в силах более смотреть на пытку, Кирилл выбежал вон из горницы, забрался в чулан и расплакался. Никому из домашних не рассказав об увиденном, с той поры он стал еще замкнутее и молчали-

вее. Дичился быстро повзрослевших и думающих только о замужестве сестер. Оживал лишь, когда возвращались из дальних поездок братья. Побывальщинам их не было конца. От братьев и узнал Кирилл о безводных калмыцких степях, о караванах звенящих колокольчиками надменных верблюдов, о диковинных городах, возникающих в пустыне, словно миражи, со стройных башен которых — минаретов — возносят хвалу своему богу — Аллаху — тамошние священники — муллы. Иван и Алексей рассказывали своему меньшому о морях, за которыми лежат полуденные страны, где живут люди, кожа которых черна, будто печная сажа, и говорят они на разных языках, и питаются одною травой и плодами.

А потом у Кирилла появились книги. Братья научили его грамоте. И с этого момента жизнь Хлебникова приобрела новый смысл. Поначалу обрадовавшись успехам Кирилла в науке, подивившись тому, с каким азартом младший брат набросился на чтиво, «проглатывая» без разбору его, старшие забеспокоились: не повредила бы эта грамота Кириллу. Теперь его из дома ни за что не выманишь. Просиживает в своей горенке до полуночи, склонившись над чтением. То, что свечей на него не напасешься, это полбеда. Беда — отрок ведь уже. Другие в его-то лета на гулянку торопятся, на девок заглядываются. А этот — бука-букой! Уж не хворый ли, не сглаженный? Вроде и в детстве не роняли... Однако, и полено одно от другого хоть сучком, да отличается. А люди тем более. Всяк своим умом живет. «Ничего, — перегля-

дывались братья, — жизнь свое возьмет, вразумит, научит быть, как все...»

Только жизнь, которую Кирилл узнавал из прочитанных книг, не была такой скучной, обыденной. Она манила его к себе неудержимо, как влечет за собою вдаль тающий в синей выси косяк журавлей, как зовет вослед своей волне нетерпеливая Сылва. Тесный кафтан привычного кунгурского быта мешал вдохнуть эту новую жизнь полной грудью, не позволял увидеть, что там, за окоемом.

Все чаще стала приходить в голову юноше мысль уехать из дома, отправиться в те самые края, о которых столько слышал и читал. А тут и случай представился.

В декабре 1800-го года проезжавший через Кунгур комиссионер Российско-американской компании Горновский остановился на ночлег в доме Хлебниковых. Вечером, после чаепития, Кирилл, отбросив свою природную застенчивость, засыпал гостя вопросами о компании, о Новом Свете. А наутро, выхлопотав при помощи Горновского себе подорожную, наспех простившись с запричитавшими сестрами (даже Ольга не выдержала — прослезилась), Кирилл солнечным морозным утром выехал из родного города по тому самому Сибирскому тракту, который должен был привести его на край света.

...Путь до Охотска был многотруден и занял более полугода. Несмотря на подорожную, дававшую Хлебникову право на трех лошадей и проводника, двигались медленно, неспешно, вместе с компанейским

обозом. Так оно и спокойнее: в лесах вдоль дороги немало разбойных людишек, да и зверья всякого хватает. Тяготная дорога хотя и утомляла путников, зато давала возможность поговорить, узнать получше новые места, рассказать Горновского о предстоящей службе.

И еще — эта дорога подарил Кириллу настоящего друга — Абросима Плотникова, которого по случаю спас Хлебников из зева жадной трясины.

Почти три месяца шли они вместе по летнику ль Иркутска до Охотска, через топи, леса, горы, ведя под уздцы лошадей с компанейской поклажей в берестяных коробах — тунтаях, изнывая от оводов и мошек, тяжелыми, гудящими роями облепивших караван. По вечерам, у костра, под веселое потрескивание валежника, говорили о будущем, об Америке. Какая она?

Обстоятельства разлучили их в Охотске. Берег отдаленный, к которому так торопился Кирилл, отодвинулся от него на неопределенный срок, стал казаться почти недостижимым.

Правитель Охотской конторы Российско-американской компании, дальний родственник ее основателя Семен Шелихов, выведав от Горновского, что Хлебников в грамоте силен и смьшлен, назначил его приказчиком в Гижигинскую губу.

Целый год на оленях и собаках объезжал Кирилл занесенные по самые купола юрты эвенков и коряков, выкупая у них по указанию Горновского ценную рухлядь и моржовый клык. Не единожды замерзал он в метельной тундре, проваливался под лед полярных рек, простужался и тяжело болел. Но молодость одолевала хвори, и Кирилл снова отправлялся в путь.

Много диковинного открыл ему этот дикий, неприветливый на первый взгляд край. Путешествуя по тундре, видел Хлебников, как мечутся по снежной пустыне многотысячные стада быстроногих оленей, ветвистые рога которых напоминали кустарник, заиндевелый от жесткого мороза. Наблюдал он и медвежьи семьи, по несколько десятков вдруг. Правда, медведи были тут крошечные: убежали прочь от одного нечаянного крика. Хотя встретиться с таким один на один — не приведи, Господи!

Многое довелось испытать Кириллу, и все же судьба хранила его. Для чего? Может быть, для дороги. Ведь и сама она, уводящая вдаль, бесконечная — сделалась за это время судьбой Хлебникова, вбирая в себя без остатка его вчерашний, нынешний и завтрашний день. И если бы внезапно кто-нибудь спросил его о том, что есть счастье, Кирилл, не задумываясь, ответил бы — дорога. По крайней мере, так казалось ему до нынешнего утра, пока лучи солнца не высветили перед ним, поднимающимся по скрипучему настилу Охотского порта, необыкновенную девушку с книгой в руках.

Застывший подобно каменному идолу в кайсацкой степи, Кирилл, любуясь незнакомкой, мог бы простоять, не сходя с места, вечность, если бы его не оклик-

нул оказавшийся неподалеку помощник капитана мичман Штейнгель:

— Когда закончим погрузку, Кирилла Тимофеевич? — Хлебников отплывал на «Константине» суперкарго и отвечал за находящиеся на причале грузы компании.

— До полудни, сударь, должны управиться, — поклонившись мичману, ответил приказчик и, поскольку знакомство их с помощником капитана было давним да и отношения здесь, на краю матерой земли, освобождали людей разных сословий от излишней чопорности, рискнул негромко задать свой вопрос:

— Не изволите знать, милостивый государь, кто сия дама на причале?

— Как, вы ничего не слышали? — Штейнгель, по годам ровесник Хлебникова, резво наклонился к его уху и горячим шепотом выдохнул новость, которая еще четверть часа назад потрясла самого мичмана:

— Это же их превосходительство Елизавета Яковлевна Кошелева — супруга нового Камчатского губернатора. Они-с только что прибыли из Якутска и отправляются в Нижне-Камчатск с нами, на «Константине»... Ах, что за женщина! Чудо, как хороша...

— Точно так, чудо... — почему-то не узнав своего голоса, согласился Кирилл.

2

С той поры, когда породнившийся в 1469 году с Византией русский царь Иван III впервые соединил в отечественной символике двуглавого орла Византийской империи и древнюю русскую икону — святого Георгия Победоносца, две головы государственного герба России должны были напоминать всему миру об исторической необходимости для россиян зорко поглядывать и на запад, и на восток.

Правда, с тех старозаветных времен внешний вид державной птицы, по мнению генерала Петра Ивановича Кошелева, существенно изменился: появились в нем некоторые диспропорции — заметно вытянулось оперение левого, восточного крыла, несоразмерно увеличивая его размах, удлинилась шея соответствующей из голов.

Глядя на карту Российской империи, разостланную перед ним на обтянутом вылинявшим зеленым сукном столе Охотской канцелярии, Петр Иванович ясно представил распластанного на ней геральдического хищника, правое крыло которого закрывало часть Речи Посполитой, соседствуя с Пруссией и Австрией, другое — оперением свои доставало аж до Нового Света. А там, где перья этого крыла крепились к костистому остоу — на краю Великого океана — находился сейчас волею судеб и Государя он — генерал-майор Кошелев.

«Даже люди редких достоинств зависят от своего времени. Не всем суждено то время, какого они заслуживают», — любил повторять Петр Иванович высказывание испанца Бальтасара Грасиана, с «Карман-

ным оракулом» которого он уже много лет не расставался. Человеком выдающихся качеств Кошелев себя не считал, да и на время, выпавшее ему, грех жаловаться.

Офицер суворовской школы, Петр Иванович оказался в самой гуще политических и военных событий, определивших не только его судьбу, но и судьбы всей Европы. Одно последнее десятилетие чего стоит...

Маскарадная коалиция, как скажут потом историки, политических недоразумений, когда на взвихренную революцией безбожную Францию двинули одновременно свои войска православная Россия, протестантская Англия, католические Австрия и Неаполь и магометанская Турция, люто ненавидящие друг друга, закончилась потрясшим современников альпийским походом Суворова, в котором участвовал и Кошелев. Героические победы, закипевшие в солдатских котелках суворовских чудо-богатырей, привели к парадоксальному финалу: трое из союзников России, воспользовавшись плодами русской славы, снова превратились в ее противников, а четвертый, самый незащищенный — король неаполитанский, брошенный коалицией, погиб. Все прочие результаты суворовского перехода, сравнимого разве что с походами Ганнибала, спустя год, битвой при Маренго уничтожил молодой корсиканец, за несколько месяцев перед этим чудом улизнувший из Египта от англичан и сделавшийся вдруг повелителем республиканской Франции.

Что же касаето живых героев суворовского похода, включая самого престарелого генералиссимуса, так отечество, в лице власть предержащих, вскоре забыло об их существовании. В истории такое — не редкость. Другие наступили времена, другие нравы.

Мрачные годы правления Павла — отца нынешнего монарха, Петр Иванович, выслуживший к тому времени чин полковника и успевший подать в отставку, провел в родительском имении в Тульской губернии.

В середине февраля 1801 года его неожиданным письмом срочно вызвал в столицу старый сослуживец генерал Беннигсен. Встретились в доме генерала Талызина. Шампанское фонтанировало непрерывно, пьяные гвардейские офицеры в открытую костерили взбалмошного императора и его фаворитов, вспоминали золотую эпоху вседержавицы Екатерины. Кошелеву, отвыкшему в провинции от шумных, многолюдных застолий и знавшему о происходившем в Санкт-Петербурге только из осторожных писем друзей, запомнился один гвардейский поручик, с пьяной бравадой восклицавший:

— Какая напасть, господа! Кругом одни вонючие русские крысы! А российских славных мужей — в Сибирь! Да, с... из-за пуговицы на параде! Верите ли, господа, каждый раз перед экзерцией я деньги с собой беру — вдруг из строя да прямо на этап...

— Лучше жену к себе веревкой привяжи, — хотали собравшиеся.

— Потерпите, господа, — средь общего гула воз-

высил голос граф Панин, — недолго нам это сумасшествие лицезреть осталось.

...В ночь с 11-го на 12-е марта того же года Кошелев в числе прочих заговорщиков под командой невозмутимого Беннигсена потайным ходом проник в спальню императора Павла в утрюмом Михайловском замке. Оставленный предводителем на часах у входа в императорские покои, Петр Иванович не видел, что происходило за царственными дверьми, но по приглушенным возгласам, раздававшимся из-за них, по запылавшему вдруг лицу Леонтия Беннигсена, выскользнувшего из спальни и протянувшего одному из гвардейцев свой белый поясной шарф, догадался обо всем происшедшем.

В пасмурную погоду звезд на небе не разглядеть. А вот в смутное время политических переворотов звездопады — дело обычное. В те дни, когда северная столица закружилась в вихре праздников, связанных с восхождением на престол императора Александра, радуясь больше концу прежнего царствования, чем началу нового, звездный дождь коснулся своим сиятельным крылом и Петра Ивановича.

В числе прочих отмеченный высочайшей милостью Государя, новоиспеченный генерал-майор Кошелев, примеряя мундир с золотым шитьем по красному вороту, поверил, что теперь перед ним открывается блестящая карьера. Оно по летам и заслугам — давно пора уж...

Шумно и весело въезжали в Санкт-Петербург те, кто был при прежнем правлении безвинно и сурово наказан. Без обычных чиновных проволочек им возвращались и титулы, и звания. Однако, основные действующие лица упомянутой мартовской ночи, более других надеявшиеся на императорское благословение, неожиданно один за другим стали под разными предлогами удаляться от столицы.

Не прошло и двух месяцев, как Петр Иванович тоже получил назначение. Ему предписывалось спешно убыть на край вселенной — генерал-губернатором далекой и неведомой Камчатки. Повышение, скорее похожее на ссылку. Желая получить хоть какие-то объяснения происходящему, Кошелев попытался добиться аудиенции у ставших, словно по мановению ока, неприступными Никиты Панина и Беннигсена. Все — безуспешно. Будучи истым служакой, почитая честь офицерскую превыше житейских благ, не став больше перечить обстоятельствам, генерал в начале лета выехал к новому месту службы, выхлопотав для себя только месяц для остановки в Москве под предлогом устройства семейных дел.

В течение этого месяца судьба Петра Ивановича сделала еще один поворот. Разменявший пятый десяток холостяк, он обвенчался с двадцатилетней девицей Елизаветой Яковлевной Федоровой — представительницей старинного, но изрядно обедневшего московского рода.

Свадьбу сыграли скромную не по чину и поспешную. Были на то свои причины.

Вскоре после этого стали собираться в дальнюю дорогу — в свадебное путешествие поневоле. Петр Иванович уговаривал молодую супругу повременить с отъездом, пожить у матушки, пока он не обустроится на новом месте, но Елизавета Яковлевна мягко и вместе с тем настойчиво возражала, что ее долг отныне быть рядом с Петром Ивановичем, что и в Святом писании сказано: жене надлежит служить опорой и помощницей мужу в делах его.

Молоденькая жена может растопить и ледяное сердце, что уж говорить о Петре Ивановиче — человеке не злом, хотя и посуровевшем в армейской среде, забывшем о семейном благополучии на казенном кошту.

Рассудив, что в словах супруги здравого смысла поболее, чем в его уговорах, Кошелев согласился с нею и на всем протяжении долгого пути в Охотск не раз благодарил Бога за подсказанное решение. Елизавета Яковлевна оказалась прекрасной спутницей, славной собеседницей, женщиной ума живого и сметливого. Кроме того, она не только не докучала мужу советаниями на дорожный неуют, а, что показалось Петру Ивановичу удивительным для московской барышни, напротив, прилагала все усилия, чтобы скрасить ему многомесячное путешествие. Одним словом, генерал был по-юношески очарован женой, словно сбросил с плеч груз прожитых лет, и раны былых баталий докучать перестали.

Но не зря утверждают: было бы сердце, а печали для него найдутся. С приходом в жизнь Кошелева Елизаветы Яковлевны, в его душе поселился страх за нее, страх потерять это влетевшее в его мироздание, как комета, нечаянное счастье.

Сумеет ли он сохранить его, сберечь? Достанет ли у него, старого служаки, сил сделать жизнь дорогого ему создания радостной и спокойной?

И тут же мысли Петра Ивановича перенеслись на предстоящее плавание: выдержит ли Елизавета Яковлевна, не видевшая прежде моря, это путешествие? Как приживется она в этом Богом забытом краю? Супруга не показала виду, но Петр Иванович заметил, какое гнетущее впечатление произвел на нее Охотск. Он ведь только в списках петербургских департаментов значится важным портом. На деле же — остается заурадным острогом, глухим задворком империи, мало изменившимся с тех пор, когда опальный дворянин Скорняков-Писарев — бывший директор морской академии, заложил здесь в 1735 году первый корабль. Говорят, основатель Охотска плохо кончил: опустился, запил горькую... Да, опальный край... А что он сам — Кошелев, разве не в опале? Разве ждущий его за морем Нижне-Камчатск не такая же дыра?

Петр Иванович еще раз окинул взглядом карту необъятной империи, расстеленную перед ним на столе, и впервые не почувствовал горечи от своих дум. Обиды или милость сильных мира сего здесь, на краю света, уже не ощущались опалой судьбы. Да и чего желать, если рядом лучшая из женщин... Что же ка-

саемо служения отечеству, так служить России можно везде. Жизнь еще не закончена. Она в сорок два, оказывается, только начинается.

3

Тело гигантского кашалота вынырнуло из пучины впереди по курсу «Константина» неожиданно. Впередсмотрящий матрос в наступающих сумерках обнаружил черную громадину, то появляющуюся, то исчезающую среди свинцовых волн, как плавучий остров, когда до кита оставалось не более четверти кабельтова. Ни уклониться от встречи, ни сманеврировать при таком ветре капитан был просто не в силах.

Идущий на всех парусах галиот с разгону налетел на спящее чудовище. Удар был так силен, что корабль, точно наскочивший на риф, встряхнуло, и если бы не медная обшивка подводной части галиота, в трюмы наверняка хлынула бы вода. Но и оставшись целым после столкновения, галиот подвергся смертельной опасности. Кто из плававших по бурному Ламскому морю не знает, на что способен разъяренный кашалот?

К счастью для мореходов, раненный океанский исполин напуган был не менее их самих. Далеко назад и низко посаженные глаза великана не позволили ему верно определить, откуда исходит и сколь грозна опасность. И хотя «Константин» по своим размерам не составлял и двух третей кашалота, кит решил ретироваться.

Яростно ударив по волне широким, плоским хвостом, окатив при этом верхнюю палубу судна мощным потоком воды, он выпустил фонтан окровавленной зловонной жидкости и пошел вертикально вниз, через несколько мгновений скрывшись из глаз людей, находившихся на борту «Константина».

Когда оторопь и первый испуг от происшествия прошли, обнаружилось, что среди пассажиров и членов команды не хватает двух человек: суперкарго Хлебникова и... Елизаветы Яковлевны Кошелевой.

Обрусевший пруссак Вольдемар Иоганович Штейнгель, на русский манер называемый всеми — Владимиром Ивановичем, поведал Хлебникову, что у моряков, еще со времен древних греков, есть поверье: ждешь удачного рейса — не чихай у левого борта. Гобелин — злой дух, поселяющийся на судне в момент его закладки, по ночам ворующий у спящих моряков табак, а днем прячущийся в трюме, только того и ждет. Чарами своими превращает ненароком вырвавшийся у моряка чих в крепкий норд-вест — ветер, несущий в этих широтах бури и шторма.

Кирилл, само собой разумеется, в подобные сказки не особо верил, но, чихнув на шканцах «Константина», все-таки перекрестился — береженого Бог бережет!

Вообще-то, Хлебникову есть от чего быть суеверным: С водной стихией отношения у него — не ахти... Год назад, когда на этом же галиоте выходили из

устья Охоты, случилась беда. Нерасторопный капитан, предшественник нынешнего, упустил время отлива. Нагрывший прилив не замедлил выбросить корабль на песчаную отмель. Кириллу пришлось, разбивая новые сапоги о мелкую и острую дрсеву, прошагать двадцать пять верст по берегу моря за подмогой. Больше суток потребовалось для перегрузки товаров с галиота на берег, исправления поврежденных и спуска судна на воду.

На этот раз, на взирая на то, что выход «Константина» пришелся на пятницу — по тем же морским повериям — день, не сулящий попутного ветра, из устья реки выскользнули без приключений.

Глядя, как тают вдали купола церкви Всемилоостивейшего Спаса — самого высокого строения Охотска, Кирилл, как бы невзначай, задержал взгляд на Елизавете Яковлевне, стоящей неподалеку и завороченно смотревшей на белопенные гребни морских волн. Взирать на Кошелеву Кириллу было ослепительно больно. Так случается, если долго глядишь на солнце без задымленного над огнем осколка стекла. Красота юной генеральши, ее непосредственность и недоступность, будили в нем какие-то дремавшие доселе силы, волновали воображение. Сердце душу бережет, — говорят в народе. Оно же ее и мутит! Что это такое с ним? — Хлебников не понимал да и не задумывался пока над этим. Душа человеческая неизмерима, как бездна под килем «Константина». Одному лишь Богу известно, что таится в ее глубинах.

Заглядевшись на Елизавету Яковлевну, Хлебников перестал замечать, что происходит вокруг. Он не обратил внимания, как поднялся на ют генерал Кошелев, заботливо накинул на плечи супруги кашемировую шаль, что-то ласково сказал ей и вновь спустился в капитанскую каюту. Время как будто утратило для Кирилла свое привычное течение. Минуты, проведенные рядом с этой женщиной, наполнялись особым значением. Ему теперь хотелось только одного, чтобы плавание на галиоте никогда не закончилось, чтобы вечно стояла неподалеку Елизавета Яковлевна, а он все смотрел и смотрел на нее.

Кошелева, должно быть, почувствовала, что за ней наблюдают. Она так живо обернулась в сторону Кирилла, что он не успел отвести глаза. Их взгляды встретились.

В этот самый момент что-то тревожно прокричал стоящий на салинге матрос, отдал громкую, протяжную, как эхо, команду Штейнгель, занявший место капитана после выхода корабля в открытое море, заметались по вантам члены команды, словно пытаются предотвратить какую-то беду. И вслед за этим резкий удар потряс основание «Константина», а еще спустя мгновение у того самого борта, у которого стояли Хлебников и Кошелева, взметнулся из глубины хвост гигантского кашалота, и на палубу обрушился поток воды.

Кирилл, бессознательно ухватившийся за поручень и потому устоявший на ногах, успел заметить,

как промелькнула в холодной купели шаль Елизаветы Яковлевны, а сама она, беспомощно взмахнув руками, упала за борт. Не раздумывая ни мига, забыв о том, что сам он пловец неважнецкий, Хлебников бросился вслед за нею во взбаламученные китом морские волны. Тяжелая, как ртуть, зыбкая поверхность упруго раздалась в стороны и поглотила Кирилла, одним махом отгородив от неба, от галиота и поднявшейся на нем суматохи, одной только надеждой на спасение соединив несоединимое: жизни Кошелевой и его самого.

4

Страна Уйкоаль, как называли Камчатку первые ее жители — ительмены, появляется из густого прибрежного тумана постепенно. Сначала сквозь прорехи в туманном одеянии проглядывает залитая водой и, в летние дни, полуоттаявшая тундра, за нею виднеются ближние сопки, поросшие каменной березой на заднем плане, как бы завершая картину, прорисовываются снежные вершины гор, над которыми курится легкий голубой дым, похожий на облака, плывущие рядом. Этот дым рожден тяжелым подземным огнем, наполняющим чрево вулканов.

Ительменская легенда гласит, что там, под толщей гранита, в гигантских юртах, озаренных багровым светом костров, обитают гамулы — великаны ушедших эпох, усопшие предки ныне живущих людей. Над своими кострами гамулы готовят себе пищу — огромных китов, нанизывая их на пальцы. Именно тогда у вершин вулканов и появляются клубы дыма, напоминающие плывущих по небу морских исполинов.

Когда же великаны, насытившись, предаются веселью в своей вечной ночи, яркое пламя вырывается из дымоходов подземных юрт. И тогда извергаются вулканы, текущий огонь и огромные камни, разбираемые ими, сметают на своем пути все живое.

Пытаясь обезопасить свои жилища от лавы, камней и пепла, ительмены и коряки, а вслед за ними и те, кто пришел на Камчатку позднее — звены и русские, старались строить их подальше от огнедышащих гор, поближе к берегу океана. Но здесь людей подстерегала другая опасность — гнев владычицы затонувших стран Алаиды, накатывающей на побережье волны, подобные горам — цунами. Эти океанические извержения наносили урон ничуть не меньший, чем проделки гамулов. Они разрушали все созданное людьми, унося с собой в пучину жалкие останки строений и кораблей, стада домашних животных и их хозяев.

Наученные такими катастрофами, первые россияне, прибывшие на полуостров, подыскивая место для своего поселения, решили возводить его в уютной долине ниже отрогов Кумроча на расстоянии дня пешей ходьбы от океана.

Сопки укрывали Нижне-Камчатск — так была названа крепостца, от любых цунами, и в то же время

поселение относительно далеко отстояло от огнедышащих гор.

Мудрость основателей старейшего русского поселения, оспариваемая, впрочем, более выгодным с точки зрения судоходства и расторжки положением его молодого собрата — Петропавловска, позволила Нижне-Камчатску в XVIII веке сначала стать первым среди равных, а затем — в 1783 году получить статус уездного города в составе Иркутской губернии.

Ко времени прибытия в Нижне-Камчатск генерала Кошелева полуостров был выделен в отдельную область Российской империи, и центр ее — Нижне-Камчатск — мало чем отличался от таких же невзрачных губернских городков, разбросанных по обширным просторам Сибирского царства. На несколько сот его жителей приходилось три небольших церквушки и пять кабаков, да десятка три деревянных строений. Остальные обитатели камчатской столицы ютились в землянках и юртах, составляющих своего рода палисад губернского города.

Встречать прибывший галиот «Константин» и нового губернатора выспало на берег реки Радуги все население Нижне-Камчатска, от мала до велика. События такого рода здесь нечасты. Два раза в год приходит из Охотска пакетбот, привозя безнадежно устаревшую почту, да изредка заглядывают торговые суда разных компаний, делящих между собой до конца не разведанную и потому манящую призраком возможного обогащения акваторию Великого Океана.

Когда шлюпка с сидящим в ней Кошелевым и свитой приблизилась к причалу, будоража тишину долины, одиннадцать раз выстрелила пушка, отдавая прибывшим высшую почесть. Повинуясь приказу краснолицего, седоусого капитана, вытянувшиеся во фронт гренадеры взяли ружья с примкнутыми штыками «на караул». Среди любопытствующих, столпившихся у причала, какой-то молоденький стряпчий попытался выкрикнуть «ура», но, не найдя поддержки у остальных, крикнул в толпу.

Этот незначительный инцидент, похоже, не произвел на Кошелева никакого впечатления. Выслушав рапорт офицера, генерал обошел строй гренадеров, иногда останавливаясь перед тем или иным из них, пристально вглядываясь в лицо, словно ища сослуживцев. Однако вопросов никому не задал и от принятого похлопывания по плечу наиболее статных солдат воздержался.

Затем новый губернатор направился к стоящему в близости благообразному кушцу с хлебом-солью в руках. Приняв подношение вкупе с благословением местного протоиерея, поклонился собравшимся и, посчитав официальную церемонию встречи завершенной, твердой, упругой походкой зашагал в гору, сопровождаемый эскортом гренадеров и зевак, к своим будущим апартаментам.

Двухэтажное деревянное строение на центральной площади Нижне-Камчатска, к прибытию губернатора старательно и бесположно отремонтированное со-

ддатскими руками, напоминало скорее казарму, чем губернаторский дом: чистота, строгость, неуют. Самому генералу, привыкшему более к дыму походных бивуаков, нежели к паркетному блеску столичных салонов, это, при других обстоятельствах, может, даже и импонировало бы. Но теперь он был не один.

Обойдя со встретившим его чиновником комнаты первого и второго этажа, Кошелев отдал короткие, но четкие распоряжения по подготовке помещения для Елизаветы Яковлевны, по причине болезни, вызванной тем самым злосчастным столкновением с кашалотом, оставленной им на «Константине», и уединился в кабинете с начальником гарнизона.

Поставленный у дверей караул означал только одно: разговор у Кошелева и капитана Федотова — не для посторонних ушей.

5

— Земли камчатские, Ваше превосходительство, как вы имели честь заметить, zelo пространны и мало изучены. Итальянский полуостров вместить в свои пределы могли бы, но цивилизацией, в отличие от ононого, не отягощены... — Федотов выговаривал слова медленно и весомо, точно пули в ружейный ствол загонял. Лицо его, и без того не отличающееся бледностью, от волнения и притока крови сделалось почти пунцовым, отчего даже седые усы начальника гарнизона приобрели рыжеватый оттенок.

— Сие положение, — продолжал он свой доклад Кошелеву, длившийся уже битый час, — имеет свои выгоды и недостатки.

— Выгоды? — удивленно вскинул брови генерал.

— Точно так, Ваше превосходительство. За дикостью мест здешних кроется одно токмо преимущество: всякий новый человек или же судно какое, у берегов наших объявившееся, сразу, точно бельмо на глазу, заметными делаются. Камчадалы — народ бесхитростный, лукавству не обучен. Посему, несмотря на малолетство тутощнее, молва о чужаке непременно до Нижне-Камчатска докатится и нам в неведении о происшедшем остаться не позволит.

— Велик ли прок, сударь, вчерашний день догнать да суесловием людским в управлении губернией ориентироваться? — задал сердитый вопрос Кошелев, про себя улыбаясь. Капитан все больше нравился Петру Ивановичу, угадавшему в нем родственную душу бывалого вояки, способного, на интересы личные не лгаться, думать прежде всего о службе.

— Прока, и верно, Ваше превосходительство, не много. Сие и есть главный недостаток, выгоду означенную почти на нет сводящий. Положение дел в губернии нам известно доподлинно, а вот сил, надобных для наведения порядка, не хватает. На всю Камчатку двенадцати острожков не наберется, а гарнизон воинский токмо здесь, в Нижне-Камчатске, и можно считать настоящим. В остальных крепостцах — каляки да слабообученные ратному делу ополченцы, в

основном потомки первых поселенцев и местных племен. Так что надежда на волю провидения да своевременные известия... — Федотов извлек из лежащей перед ним папки целую кипу уже пожелтевших и еще не поврежденных временем бумаг и протянул их генералу.

— Извольте взглянуть: доклады начальников крепостей и старшин казацких поселений за истекший год. А вот — списки беглых холопов да каторжан, находящихся в розыске.

Капитан, за неимением полицмейстера, которого так и не удосужились прислать из Иркутска после гибели прежнего, растерзанного воровскими людьми, тащил на своих плечах еще и неблагодарный удел полицейского сыска. Чувствовалось по всему, что он тяготится этим не свойственным его природе назначением, оттого-то и рад так прибытию губернатора — генерала боевого и заслуженного, надеясь с его помощью освободиться от неприятного поручения. Уж кто-кто, а военный человек военного понятия должен.

Кошелев углубился в чтение. Капитан, по приглашению губернатора присевший на краешек стула, терпеливо ждал.

Сведения, почерпнутые генералом из рапортов и доносов, не радовали. Они только подтверждали невеселую картину, вставшую перед его мысленным взором еще во время доклада Федотова.

По лесам и сопкам края почти беспрепятственно гуляет сотни полторы беглых крепостных и кандалников. Кто-то из них забирается в глухие дебри, расселяется там, промышляя охотой и рыболовством. Кто-то пополняет ряды различных разбойных шаек и ватаг. Ватаги эти, обходя стороной крупные крепостцы и острожки, чинят воровство и насилие в камчатальских селениях, разоряют фактории Российско-американской торговой компании. Наиболее часто упоминалось в донесениях имя Креста...

— Кто этот Крест? — не отрывая взгляда от бумаг, спросил Кошелев.

— Чорт суций, Ваше превосходительство, — словно давно ожидавший этого вопроса, тут же ответил капитан. — Злодей из злодеев. Неуловим, хитер. И не из простых, не из холопов. Купеческое звание носил, пока стараниями господина Шелихова дядя его — хозяин зверобойной компании — вконец не разорился. Да и нынешний правитель американских колоний Александр Андреевич Баранов к тому руку приложил. Посему и достается от крестовских людшек более всего компанейским обозам да магазинам, и служителей не щадят. Намедни, донесли, в Ключах приказчика с женою да ребятишками зарезали, а над старшей дочкой надругались.

«Легко подстрелить птицу, летящую по прямой; труднее ту, что кружит», — пришла на ум Петру Ивановичу фраза из «Карманного оракула», но вслух он вымолвил другое:

— И что же, лазутчиков пробовали к сему Кресту засылать?

— Непременно и не единожды. Все разбойниками раскрыты и повешены. А в последнее время совсем нет спасу. Обнаглед Крест: вышел на побережье. Попытался корабль компанейский захватить. Только бдительность да отвага экипажа и помешала.

— На побережье вышел, говорите... Изловить надобно. И незамедлительно, — ровным голосом, скрывая внезапно охватившую его тревогу, проронил губернатор. Но о причинах этой тревоги Федотову ничего не сказал. Есть тайны, которые до времени не надлежит открывать никому.

Перед самым отъездом из Санкт-Петербурга генерала Кошелева пригласил к себе в дом старый товарищ его отца — граф Николай Семенович Мордвинов, который, как и Петр Иванович, только что получил новое назначение, но куда более почетное — Морским министром.

Граф — могучий, величественного вида старик, с Кошелевым, которого знал еще ребенком, держался запросто, без церемоний. Встретил его у себя в кабинете как был, в длиннополом шелковом халате, домашних туфлях на босу ногу. Обнял по-отечески, усадил в кресло. Сам расположился напротив, раскурил чубук.

После обычных вопросов о здоровье родителей, об общих знакомых, Мордвинов перевел разговор на Петра Ивановича:

— Рад за тебя, Петруша. Эвон, уж, генерал. Губернатор камчатский... Мне в твои лета сие и не снилось...

— Полноте, Ваше сиятельство, — попытался возразить Кошелев. — Какая там карьера... Мои сотоварищи по шляхетскому корпусу нынче в полных генералах ходят и при должностях менее хлопотливых, да в столичных гарнизонах обретаются.

— Не говори мне об этих шаркунах паркетных! — неожиданно рассердился граф. — В Писании сказано: «Одна честь солнцу, иная звездам. Да и звезда от звезды разнствует». Твои эполеты лестью и раболепством не унижены. Тем и ценны. А что от столицы не близко, так и там — русская земля. И она в защите нуждается. И наперед, что я тебе скажу, генерал, именно в сей дальней землице великое благо для отечества, многими покуда не различимое, сокрыто. И тебе надобно буде его приумножать рачением своим, коего у тебя, мнится мне, достанет, — голос графа так же стремительно смягчился, утратил жесткость.

Мордвинов отложил трубку. Из резного затейливого графинчика налил водку в две стоящие на сербрияном подносе стопки — себе и Кошелеву. Выпил, по-матросски прицокнув языком. Подождав, когда генерал последует его примеру, заговорил, как потом уразумел Петр Иванович, о самом важном:

— А еще, Петруша, есть у меня относительно значения твоего интерес особого свойства. Не личного, а скорее государственного... Третьего дни получил я рапорт от капитана второго ранга Крузенштерна.

Имя сие тебе, понятно, ни о чем не говорит. Так упомянутый капитан в рапорте своем ругает за снаряжение кораблей наших для кругосветного вояжа. И объяснение сему предприятию излагает подробное. Дескать, сей вояж избавит государство российское от надобности платить англичанам, датчанам и всем прочим за ост-индийские товары. Во-вторых, соединит державу нашу с американскими колониями. А также, посредством дальних плаваний, кое позволят воспитать новое поколение мореходцев, возвысит флот наш до уровня иностранных. Толково?

— Толково, Ваше сиятельство. Однако ж...

— Что, однако ж?

— Идея-то — не нова. Помнится, Вы, Ваше сиятельство, и сами, в бытность свою на флоте, с Григорием Ивановичем Муловским вояж сей совершить предполагали... Еще, дай Бог памяти, годков пятнадцать назад.

— Верно, Петя, памятьлив ты. Задумка такая была. И более того скажу, Государыня даже Указ о той экспедиции в 1786 году самолично подписала. И приготовления все для оной совершены были... — глаза у Мордвинова вдруг молодо блеснули и снова подернулись туманной дымкой. — Кабы не война со шведами да турками, Григорий Иванович намеченное бы исполнил. Пренебреженно... Знатный был моряк и офицер храбрый, упокой Господи его душу. Адмирал Грейг его особо отличал. Поведал мне, коли не «Мстислав» Муловского, при Гогландском сражении не видать нашей эскадре виктории. К награде Муловского представил. А при Эланде погиб Григорий Иванович смертью геройской и мгновенной. Прямое попадание ядра...

— Да, никто судьбы своей не ведает. Все под одним небом ходим, Ваше сиятельство.

— И то — правда...

Министр и Кошелев помолчали. Граф нарушил тишину первым:

— Люди — смертны, а мысли их не умирают... Всколыхнул душу мне рапорт сей. Заинтересовал. Запросил я послужной список означенного капитана. И вот что обнаружилось: еще мичманом плавал Крузенштерн на «Мстиславе» у Григория Ивановича. И тот, по всему следует, задумку свою ему доверил... И коли уж за столько лет из головы молодой, всяким соблазнам подверженной, мысль о кругосветном вояже не выветрилась, значит доверия сей Крузенштерн заслуживает. Определенно.

— А чего ж он, Ваше сиятельство, раньше-то молчал?

— Коли бы так... Не молчал. Распорядился я, таким же вопросом задавшись, проверить архив министерский. И найдено было там два рапорта Крузенштерна на имя предшественника моего графа Кушелева, на коих его рукою начертано: «Отказать за неимением надобности!» И это меня, Петруша, еще более к капитану расположило. Вижу я за настойчи-

востью одного рачение о славе флота российского и пользе для отечества нашего.

— Ваше сиятельство, прошу простить дерзость мою, — Кошелеву — человеку до мозга костей сухопутному, давно уже хотелось задать министру этот вопрос. — Не преувеличиваете ли вы значение сего вояжа для судеб российских?

— Что? — граф, не привыкший к подобным высказываниям, гневно сдвинул седые брови. Однако сдержался. Ответил спокойно, внушительно. — Преувеличить сие невозможно. Ибо расти нашей державе и впредь не на запад, а на восток предстоит. Там и богатства неисчерпаемые, и простор немерянный, кое вкуче токмо государству могущества в глазах мира прибавить в состоянии. Убереечь же земли, россиянами освоенные, от зависти соседей и расхищения одним образом и мыслится — одновременно: с моря и с суши. Нынче же со стороны океана они там, на востоке, беззащитны. А посему решился я рапорту Крузенштерна ход дать и, заручившись поддержкою правления Российско-американской торговой компании, участие коей в сем предприятии должно противников его, и здесь, и за границей, с толку сбивать, попытаться убедить Государя в необходимости сего кругосветного вояжа. Тебе же, как представителю власти государевой на краю российских земель, доверяю сей тайный замысел, дабы и ты проникся важностью одного. До времени никому о том не сказывай, а придет час — сделай все от тебя зависящее, чтобы дело сие не загубить. По всему видно: не минуют корабли наши Камчатских берегов, каким бы путем в Америку ни шли. А коли так, на тебе — святой долг безопасность их обеспечить и всем необходимым снабдить. Это мой тебе наказ и напутствие. А теперь ступай, ступай, голубчик. Да хранит тебя Бог...

6

Правая рука от удара распухла. Выбитые и неумело вправленные самим Кириллом пальцы ее восстанавливали подвижность медленно и к непогоде нестерпимо ныли. Не снимали боль ни раскаленные на огне камни, ни лед, которые по очереди, следуя совету мичмана Штейнгеля, прикладывал он к ушибленной кисти.

Хлебников негодовал на себя. И не от того, что впервые поднял руку на человека. Поступить иначе для него было бы потерей уважения к себе самому. Досадовал больше на свою неумелость: ударил-то так, что нанес себе ущерб наипаче, чем противнику.

Какой из него теперь комиссионер? Перо держать не может, а передоверить книги конторские никому нельзя. Отправиться в путь — дальние компанейские магазины и фактории нуждаются в срочной ревизии — тоже не в состоянии. И утосадило же его, давши реверс оправдать доверие компании, так опростоволоситься в самом начале службы на новом поприще! И все из-за этого Гузницевского...

Впрочем, истины ради, надо заметить: неприятности начались для Хлебникова куда раньше, сразу после памятного приключения с китом.

Когда Кирилл и спасенную им Елизавету Яковлевну Кошелеву подобрала шлюпка, спущенная с «Константина», и благополучно доставила на галиот, они оказались в центре всеобщего внимания. Изрядно нахлебавшуюся соленой воды, продрогшую и еще не пришедшую в себя Елизавету Яковлевну губернатор и судовой лекарь отвели в капитанскую каюту. Хлебникову же матросы наперебой стали предлагать кто рому, кто табаку. Смущенный и растроганный таким участием, Кирилл поспешил откланяться и спустился в свою каюту, чтобы переодеться в сухое платье. Одевая куртку, он сделал неловкое движение и чуть не вскрикнул от резкой боли в пояснице.

Приступ ревматизма, заработанного Хлебниковым еще в Гижиге, приковал его к кровати на все остальное время плавания до Нижне-Камчатска.

На галиоте же дни шли свои чередом. Случай с кашалотом, как бывает со всяким происшествием, вскоре устал быть главной темой для разговоров. Потом о нем и вовсе вспоминать перестали: в море у каждого утра — свои заботы.

Кирилл лежал в своей каюте совсем один. Лишенный возможности исполнять обязанности суперкарга, он маялся бездельем. Ни читать, ни думать ни о чем не хотелось. Нездоровому — все немило. Изредка, в минуты, свободные от вахты, заглядывал к нему Штейнгель. Один раз, в сопровождении мужа, нане-

сла визит больному Елизавета Яковлевна. Она осунулась, была бледна, однако попыталась улыбнуться Кириллу. Да и генерал, обычно не щедрый на сантименты, расчувствовался, пожал ему руку с благодарностью:

— Вы — мужественный, благородный человек. Мой дом всегда открыт для вас...

По прибытии на Камчатку, Кирилл почувствовал себя немного лучше и при помощи Штейнгеля и матросов переехал в небольшой деревянный домик, в одной из комнат которого располагалась контора компании, а в другой, служившей и спальней, и кухней для комиссионера — его предшественника, ему — Хлебникову, предстояло отныне жить.

Первым из служителей, кто пришел засвидетельствовать почтение новому представителю компании, оказался помощник прежнего комиссионера — приказчик Гузнищевский. Из инструкции, полученной от Семена Шелихова, Кирилл знал, что Гузнищевский после отъезда на матерую землю его старого знакомого комиссионера Горновского, вел все дела компании и именно у него ему предстоит их принимать.

Посему, ответив на приветствие вошедшего, Хлебников пыгливо оглядел его: сработаемся ли?.. Первое впечатление было благоприятным: высокий, статный мужчина лет сорока, широкая улыбка, открытый лоб.. И все же, что-то в облике приказчика настораживало. Может быть, глаза... Про такие говорят: сам — сыт, а очи — голодны. Маленькие, колючие, словно живущие другой жизнью, они меняли весь вид Гузнищев-

ского. Отчего пропадало обаяние улыбки, сужался к надбровиям лоб, да и сам приказчик становился похож на здание, у которого фасад набелен, отштукатурен, а стены — гнилые. Словом, бархатный вес, а жалые есть.

Только, нравится или не симпатичен тебе твой сослуживец — это дело десятое. Коли не в состоянии ты его от себя удалить, работать вместе все равно придется. Потому Кирилл ничем свои мысли не выдал. А Гузнищевский все рассыпался в любезностях, заверениях в своей преданности компании и лично новому комиссионеру.

— Расторжка у нас здесь знатная, Кирилла Тимофеевич. Народец местный — не тароват и просто душен. Три шкуры бобра за один железный нож меняют... С того и прибыли у компании твердые, — все с той же бессменной улыбкой говорил он. — А нам что и надобно: купить подешевле, продать подороже — на том торговля и держится.

— А как же честное имя российского купечества? Эдак и о компании слава дурная пойдет...

— Честное имя, милостивый государь, — пережиток прошлого века, — глаза Гузнищевского сузились еще более. — От нас с вами правление ждет выгод, а какой ценою — сие никого не волнует...

Кирилл покачал головою, но спорить не стал: время рассудит.

Неделю спустя отправились они вместе с Гузнищевским в Ключи — ближайшую факторию компании, где незадолго перед этим случилось несчастье: погиб приказчик и был разграблен магазин. Выехали верхом на лошадях, с трудом добытых где-то приказчиком, в сопровождении старика-камчадала, который от лошади наотрез отказался и шел впереди пешком, да так проворно, что всадники на узкой извилистой тропе едва за ним поспевали.

Двигались сначала вдоль реки. Когда же ее топкие торфяные берега сменились каменистыми, поросшими лесом, и горы придвинулись к ним, решили сделать растаг. Тут-то и произошел случай, заставивший Хлебникова снова вспомнить свои неприятные ощущения, вызванные первой встречей с Гузнищевским.

Пока Хлебников разминал затекшую от верховой езды спину, а проводник, расположившись в сторонке на стволе поваленного бурей дерева, раскурил маленькую трубочку, неутомный Гузнищевский поднялся по тропе наверх, к самой седловине провала.

— Кирилла Тимофеевич, — через некоторое время позвал он, — подите сюда!

Взору подошедшего Хлебникова открылась удивительная картина: высокий, саженей восемнадцать, гладкий, точно специально отполированный камень, по форме похожий на окружающие его деревья, отстоял в стороне от гранитных скал, обступивших тропу. На подступах к нему, на его уступах, лежало множество различных предметов: ножи, бусы, ружейные патроны, несколько медных и серебряных монет.

— Что это? — спросил Кирилл приказчика, жадно разглядывавшего находку.

— Камак, однако, — вместо Гузнищевского ответил из-за спины Хлебникова невесть откуда взявшийся проводник. Лицо его, обычно бесстрастное, было освещено в этот миг внутренним светом и чем-то напомнило Кириллу лица людей, стоящих в церкви.

— Ничего брать не надо, однако, — добавил камчадал, заметив, что приказчик наклонился, чтобы поднять одну из монет. — Худой дело — рука отпадет. Лучше положить свой вещь. Камень — добрый. Хорошо будет. Всем хорошо, однако.

Кирилл с удивлением взирал на старика. Но лицо того снова сделалось непроницаемым, как ритуальная маска. Проводник поклонился камню и положил на один из его уступов свою трубочку. Затем, снова поклонившись, стал медленно, не оборачиваясь, спускаться вниз, к лошадям.

Следуя его примеру, Хлебников отстегнул от пояса свой нож и положил рядом со стариковской трубочкой. Обычай есть обычай. Его надо уважать. Он собрался уже уходить, когда заметил, что Гузнищевский прячет в карман монеты, собранные им у подножия камня.

— Что вы делаете, сударь? — гневным шепотом спросил он.

— А чего ж добру пропадать? — искренне удивился приказчик.

— Так ведь святое место... Нельзя.

— Помилуйте, это ж нехристи, язычники!

— Все равно, я прошу вас, оставьте все здесь...

— Хорошо, — Гузнищевский был явно недоволен, однако, решив не ссориться, сказал: — Пусть будет по-вашему. Спускайтесь, Кирилла Тимофеевич, я вас догоню.

Всю дорогу до Ключей молчали. До острожка добрались, когда уже совсем стемнело. На ночлег разместились в избе местного казацкого старшины. Хлебосольный хозяин — степенный, крепко сбитый казак, о происшествии рассказать сумел немного:

— Банда напала неожиданно, вишь, как оно вышло... Митяя, кума моего, что лавкой вашей заправлял, сразу кистенем в висок хватили, даже вскрикнуть не сподобился. А домашних его: жену Агафью да сынишку — Митькой тако же, как батьку, кликали — на ножи. Дочка евоная, годков пятнадцати, подалась было ко мне, за подмогой, так ее словили, снасилничали всем гуртом и помирать кинули... Она перед смертушкой своей все и раскрыла, когда мы, «красного петуха» заметив, на выручку двинули. Да поздно. Одно пепелище от фактории осталось, вишь, как...

— И то странно, — подал голос Гузнищевский, — как это ухитрились лиходеи время выгадать для набега своего. В магазине здешнем рухляди как раз на целый обоз набралось...

— Кто его ведает... Люди-то были от самого Креста — атамана воровского. Девчонка Митриева слышала, как они его промеж собой поминали. А у Креста везде глаза да уши есть.

Попутру, побродив на останках фактории, не узнав ничего нового к тому, о чем поведал им старшина, решили возвратиться в Нижне-Камчатск. Обратная дорога обошлась без всяких случайностей.

При въезде в город Гузницевский, сославшись на какие-то дела, торопливо попрощался с Хлебниковым и удалился, оставив его наедине с проводником.

Камчадал долго смотрел вослед приказчику, а потом, повернув к Кириллу свое лицо-маску, неожидан-но сказал:

— Твоя — добрый. Его — злой. Худой человека... Монета у Камака взял. Однако, беда...

— Откуда ты знаешь, что взял? Ты же не видел...

— Моя все знает. Видел — не видел. Пихлач ска-зал.

— Кто этот Пихлач?

— О! Человека такой. На туча живет. На нарта по небу ходит... Только своя люди говорит.

— Так ты — человек Пихлача? Шаман, что ли?

— Нет. Дед — шаман. Отец — шаман. Уягал — не шаман. Просто человека. Давно человека. Пихлач его знает. Правда говорит, однако...

— Значит, тебя Уягал звать?

— Уягал.

— И что же еще тебе Пихлач сказал, Уягал?

— Твоя худой человека бойся надо. Большой беда будет... Кровь вижу. Огонь вижу. Дорога вижу... Там дорога, — махнул проводник рукой в сторону заката. — Не сама твоя ходи, однако... Бойся надо...

— И что потом? — озадаченно спросил Кирилл, не зная, верить или не верить словам старика.

Но камчадал уже умолк. Лицо его снова приобре-ло блаженное выражение, как тогда, у святого кам-ня. Наверное, он опять говорил со своим Пихлачом и ему было не до Кирилла.

А еще через несколько дней пророчества старого проводника начали сбываться.

Проверяя конторские книги, которые вел Гузницевский, Хлебников обнаружил серьезную недоста-чу. Перво-наперво Кирилла насторожили многочис-ленные подчистки в реестрах и приходном копейбу-хе. Вроде бы и незначительные изменения в цене товаров, означенных в них, скажем, на полушку, в итоге оборачивались для компании потерями в сотни рублей. А за год руководства Гузницевским камчат-ской расторжкой — и того более. Проведя внезапную ревизию местной, Нижне-Камчатской, лавки и найдя там излишки лисьих и бобровых шкур, Кирилл окон-чательно убедился в том, что дело тут нечисто.

— Как это понимать, сударь? — задал он резон-ный вопрос Гузницевскому, пригласив его к себе в контору вечером того же дня.

Приказчик, на губах которого блуждала все та же масляная улыбка, к удивлению Хлебникова, даже за-пираться не стал. Напротив, повел себя нагло, развяз-но:

— Да-с... берем и для себя толику от компанейс-ких достатков, — уставясь Кириллу в переносицу,

заявил он. — Берем и далее брать будем... Жить-то — одна. Другой никому не дано. И вам, Кирилла Тимофеевич, коли вы не растяпа, у коего нос с глаз унести можно, то же самое рекомендую. Пока вы — человек молодой, о себе попечитесь! Никто о вас аспо-ля заботы не проявит... Я же, со своей стороны, пред-лагаю вам со мной в долю войти. У меня опыт, у вас голова светлая и репутация незапятнанная покуда...

— Да как смеете вы мне предлагать такое?!

— Смею, — осклабился еще больше приказчик. — Коли соблазн велик, самая святая совесть молчит. Так по рукам?

Все происшедшее потом походило на худой сон.

— Вот вам моя рука! — кулак Хлебникова, опи-сав дугу, неумело ткнулся в лицо Гузницевского.

Несмотря на неловкость, удар оказался таким хлестким, что отшатнулись оба разом: приказчик — от неожиданности, Кирилл — от боли в выбитых пальцах.

— Ах ты... — Гузницевский, из разбитой губы ко-торого выступила кровь, грязно выругался и сунул было руку за отворот камзола.

«Что у него там: нож, пистолет?» — внутренне на-прягся Кирилл, готовясь постоять за себя.

Но приказчик, словно передумав, вдруг отступил назад, к дверям, и со словами: «Должок за мной, Ки-рилла Тимофеевич...», хлопнув ими, исчез в темноте.

7

Вот уже третьи сутки Гузницевский, опасаясь по-гони и путая следы, пробирался через горы и чащу к ущелью, прозванному местными охотниками Черным. Там, у отвесных мрачных скал, с вершин которых ви-ден океан, должен был дожидаться приказчика, те-перь, после ссоры с Хлебниковым, бывшего, Хаким — крещенный татарин, правая рука атамана Креста.

С Крестом у Иннокентия Гузницевского дружба стародавняя, как у иголки с ниткой. Как та ни тара-щится, а все одно за иглой потянется.

Сын сельского дьячка, Иннокентий еще в раннем возрасте сделал из проповедей отца необычный вы-вод: высоким идеям и государству служат не самые лучшие люди, лучшие служат самим себе.

Посему, отвергнув юдоль церковнослужителя, во-преки настояниям отца, Гузницевский занялся ком-мерцией. Начало оказалось неудачным. В первый же год службы приказчиком в одном из торговых домов Екатеринбург он проворовался и был бы отдан под суд, когда бы ни старания вовремя узнавшего о его злключениях родителя. Подобно библейскому персо-нажу, распахнувшему своему блудному дитищу объ-ятия, старший Гузницевский заплатил все долги сына. Кроме того, не теряя надежды наставить все же свое чадо на путь истинный, отец отослал Иннокен-тия на попечение друга своего детства, известного иркутского купца Феофана Лебедева. Последний и

познакомил Гузницевского-младшего с сыном своей сестры — Крестом, в ту пору молодым, быстро набирающим вес в сибирской торговле купцом Серафимом Ласточкиным.

Ласточкин и сговорил дядю, а затем и Гузницевского, организовать зверобойную компанию для промысла ценных сивучьих шкур на только что разведанных мореходами островах к востоку от Камчатских земель. Рискованное и опасное, во многом зависящее от удачи и воли стихий предприятие в первые годы принесло пайщикам Лебедева-Ласточкина солидную прибыль. Пушкина, добываемая их промысловиками, пользовалась спросом и на российском рынке, и в Кантоне. Однако в скором времени их монополия на отстрел бобров и сивучей на Уналашке и на Лисьих островах была нарушена промысловыми партиями зверобоев Шелихова и Мыльников, которые впоследствии объединились в одну — Российско-американскую торговую компанию. Это компания, действуя все напористей и смелее, в считанные месяцы подмяла под себя все мелкие промысловые ватажки и вскоре осталась один на один с компаньонами Лебедева. Осторожный Феофан предложил сотоварищам договориться с конкурентами, разделить поровну охотничьи угодья и рынки сбыта. Но племянник и Гузницевский воспротивились — уж слишком лакомым куском пирога придется пожертвовать. Посоветовавшись, порешили направить жалобу на шелиховцев в Санкт-Петербург, в коммерцколлегию. Само собой разумеется, вкупе с солидным подношением ее председателю. Потом писали еще и еще. На тягбу с противниками ушло несколько лет и большая часть полученных ранее прибытков. Конкуренты оказались сильнее. Даже смерть Григория Шелихова не прибавила Лебедеву и Ласточкину шансов на успех. Зять основателя Российско-американской компании — столичный сановник Николай Резанов — сумел провести через Сенат указ о высочайших привилегиях шелиховским преемникам. Слова указа о том, что «пользоваться российско-американской компанией всеми промыслами и заведениями, находящимися ныне на северо-восточном берегу Америки от 55 градуса до Берингова пролива и за оный, також на островах Алеутских, Курильских и других по Северо-восточному океану лежащих», и исключительное право производить новые открытия и иметь торговлю со всеми окололежащими державами лишили Лебедева и Ласточкина последних надежд восстановить поправную справедливость. Компаньонам оставалось только одно, не взирая на указ, силой оружия отвоевать свои права. На последние деньги было завербовано и снаряжено несколько боевых ватаг, которые под прикрытием тумана высадились на Кадьяке у столицы Шелиховских колоний — Павловской крепости. Но и тут фортуна отвернулась от них. Отряды правителя колоний Баранова наголову разбили противника. Прижатые к берегу, Лебедев, Ласточкин, Гузницевский и их ближайшие сподвижники отстреливались до

последнего. Когда же кончились пули и порох, Серафим Ласточкин снял со смертельно раненного врага Феофана нательный крест и вплавь, вместе с Гузницевским, рискуя быть раздавленным льдинами, добрался до стоящего на якоре шитика. Ни прошлого, ни будущего у них теперь не было. Настоящим понималось лишь право отомстить. Тогда-то и стал Серафим Ласточкин — Крестом, на кресте родственника своего поклявшись расплатиться с обидчиками.

С великими трудностями добрались Крест и Гузницевский до Камчатки. Продав шитик, перезимовали в одном из корячьих становищ. Весной следующего года, договорившись о месте будущей встречи, расстались. Крест подался за хребет Кумрач, там, в густых лесах, надеясь найти себе союзников. Иннокентий же, следуя их замыслу, отправился в Нижне-Камчатск, в контору Российско-американской компании, где должен был наняться приказчиком в одну из факторий, дабы знать доподлинно, что деется в стане врага.

Как задумали, так и получилось. За прошедшие с той поры два года Крест сумел сколотить из гулящих людей, таких же сорви-голов, как он сам, разбойную дружину, наводящую ужас на весь край. Гузницевский же, из рядового приказчика сделавшийся доверенным помощником комиссионера Горновского, вовремя извещал дружка не только о деятельности компании, но и о планируемых против того полицейских мерах. Этими секретам с Иннокентием за обильное кабацкое угощение делился один из служителей сыскального департамента. Так и жили. Множилась, подогреваемая слухами и страхом, слава неуловимого и жестокого атамана. Стекались в воровскую казну компанейские денежки да меха. С ног сбивались в поисках шайки всегда опаздывающие к месту очередного набега преследователи.

Но это еще не все. Внешне по-прежнему дружеские, отношения между приказчиком и атаманом переменились. Иннокентий не был бы Гузницевским, когда бы, даже ради старой дружбы, удовлетворился отводимой ему Крестом ролью вечного мстителя. Посвящать всю свою жизнь борьбе с Российско-американской компанией, которая, словно им назло, год от года крепнет и развивается, он не собирался. Будущее виделось Гузницевскому иным. Еще при Горновском, он начал помаленьку собирать деньги в свою собственную кассу. А после того, как комиссионер был отозван в Охотск, и вовсе стал забираться в карман компании, как в свой собственный. Да и в расчетах с Крестом о себе не забывал. Так и сложился небольшой капиталец, который дал бы Иннокентию возможность прожить остатние дни, себе ни в чем не отказывая. Но не напрасно говорят, что счастье — это кусок мяса, который увидела в воде собака, плывущая через реку с куском мяса в зубах. Иннокентий уже почувствовал запах богатства, тот самый, который один позволяет ощутить, что ты — хозяин судьбы. Запах, подчиняющий своей власти незаметно.

Уже не в силах остановиться, уверовав во всемогущество злата, Иннокентий начал допускать промахи. Конечно, никто сам себе не судья. Но как иначе назвать случай с этим желторотым Хлебниковым, сменившим Горновского. Признаться, приказчик до самого прибытия Кирилла рассчитывал, что правление учтет положительную рекомендацию, данную Гузнищевскому бывшим комиссионером, и назначит на открытую вакансию его. Что же касается Хлебникова и проведенной им ревизии, то и тут Иннокентий ошибся: никак не ожидал от бесхитростного, простоватого на вид парня такой прыги и сообразительности. Надеялся до той поры, пока новый комиссионер освоится, разберется, что к чему (а на это не один день, а то и месяц уйдет), все бразды управления делами сохранить в своих руках. А значит, и выгоды своекорыстные не утратить, и все концы незаконных сделок в воду упрятать. И все же самой, пожалуй, серьезной промашкой оказался его последний разговор с Хлебниковым... Затеявая его, приказчик рассчитывал: не устоит мальчишка перед соблазнами обогатиться за компанейский счет. Денежки и не таких, как он, с панталыку сбивали!.. Ан нет, не поддался комиссионер новоиспеченный, не дрогнул. Еще и в драку полез. Теперь, как ни крути, обратного хода ему, Гузнищевскому, нет. Разве что...

От мысли, неожиданно пришедшей на ум, Иннокентий даже остановился, потер ладонью ушибленную скулу. А потом снова зашагал по тропе, улыбаясь возникшей у него идее. Никогда еще ему не казалось таким справедливым утверждение, что самое мудрое в жизни — это смерть, ибо лишь она безупречно исправляет все глупости и ошибки жизни. Но если это так, то почему бы собственные просчеты не попытаться исправить ценой не своей жизни, а чужой?

Несколько часов спустя, сделав последний изгиб, тропа вывела путника ко входу в Черное ущелье. Место дикое, глухое. И все же, не желая рисковать, приказчик решил оглядеться. Он осторожно раздвинул густые колючие заросли, и его взору открылась небольшая, освещенная солнцем поляна, которую с двух сторон теснили кажущиеся еще угрюмее от такого соседства черные скалы. Прямо напротив того места, где затаился Гузнищевский, они расступались, открывая проход в свое чрево, да такой узкий, что человек мог протиснуться в него разве что боком.

У самого входа в ущелье, привалившись спиной к одному из базальтовых валунов, сидел человек, одетый в некогда дорогой, а теперь рваный и засаленный бархатный кафтан. Сняв лисий малахай и подставив солнцу бритую наголо шишастую голову, он, казалось, дремал: раскосые глаза его были закрыты, рваные ноздри в такт дыханию неровно вздрагивали. Безмятежная поза отдыхающего, в котором приказчик узнал Хакима, могла бы ввести в заблуждение любого, кто прежде не встречался с помощником Креста. Но цепкий взгляд Иннокентия отметил одну

существенную деталь: короткоствольный кавалерийский карабин со взведенным курком лежал у Хакима на коленях в таком положении, что его хозяину не потребовалось бы больших усилий для того, чтобы воспользоваться им.

И верно, стоило только приказчику, покинув свое убежище, сделать на поляну первый шаг, как ствол карабина тотчас дернулся в его сторону, нацелив прямо в лоб Гузнищевскому свой грозный немигающий зрачок.

— Брось дурить, Хакимка! — вместо приветствия махнул Иннокентий рукой татарину. — Не видишь, что ли, свои...

— А, пришел, шайтан.. Давно жду, — Хаким поднял чуть-чуть веки и ощерил в подобии улыбки гнилозубый рот. — Зачем опоздал?..

Гузнищевский не удостоил его ответом, бросил властно:

— Веди к атаману!

— Погоди, — татарин одним прыжком вскочил на ноги. Кривоногий, низкорослый, с непомерно длинными руками, он был силен силой стальной пружины, которая до поры сжата, дремлет в этом неказистом теле. — Товар мой продал?

Приказчик нахмурился: видно, неприятного объяснения не избежать:

— Нет, не продал... Пропал товар.

— Как пропал! Зачем врешь? Хаким тебе лучший товар дал. Жизнью рисковал. От общей казны утаил... Бачка Крест с Хакима шкуру снимет, на ремни поржет, коли дознается...

— Не дознается. Сам язык за зубами держи! А меха твои, и впрямь, знатные были. Токмо бросить их пришлось...

— Зачем бросить?

— Обложили меня. Комиссионер новый, мать его... Уходить было надо. Вот, к вами подался...

— Ай, яман¹⁷! Бачка Крест недоволен будет. Зачем сам в тайгу ушел?

— Ладно, с атаманом я разберусь. Это не твоего ума дело. А о своей утрате не горюй: все вернем! Скоро вернем и с избытком. Давай, показывай дорожку...

Татарин недовольно пробормотал что-то на своем родном языке, но от Гузнищевского отступил: бачка Крест не раз говаривал, что Иннокентий ему, как брат. Не стоит ругаться с братом атамана...

Хаким напялил на голову малахай и собрался было юркнуть в ущелье, как, вспомнив что-то важное, хлопнул себя ладонью по лбу:

— Совсем башка потерял! Бачка Крест наказал далеко глядеть... Айда наверх! — и, не дожидаясь Гузнищевского, стал ловко карабкаться по каменистой круче.

Удивленный таким неожиданным маневром, приказчик все же полез следом за ним. Подъем на скалу

¹⁷Яман — плохо (татар.)

занял около получаса. Когда взмыленный Иннокентий выбрался на верхнюю площадку, словно специально созданную природой для наблюдательных целей, у него помимо воли вырвался возглас восхищения.

Океан, величественный, необъятный, заполонивший весь горизонт, нес к берегам белые буруны прибоя.

Хаким, уже успевший отдышаться, сложив ладони наподобие смотровой трубы, вглядывался в его даль.

— Какого лешего ты меня сюда притащил? — внезапно взбеленился то ли на провожатого, то ли на свое собственное умиление красотами стихии Иннокентий.

— Ай! Совсем забыл... Бачка Крест гостя ждет. Ба-альшого гостя... Хакиму поглядеть сказал...

— Уж не этого ли? — Гузнищевский указал рукой на залив, на зеленом зеркале вод которого матово белели косые, как крылья ястреба, паруса неизвестного судна.

Глава третья

1

То ли аляскинские кедры шумят над головой, переплетая у самых звезд своими пушистыми кронами, то ли катит вдоль солнечных плесов прозрачные воды свои русская речка с певучим именем Унжа. То ли бабушка Ефросинья бубнит над ухом, заговаривая его, Плотникова, судьбу:

— За дальними горами есть Окиян-море железное, на том море есть столб медный, на том столбе медном есть пастух чугунный, а стоит тот столб от земли до неба, от востока до запада, завещает и заповедывает тот пастух своим детям: железу, укладу, булату красному и синему, стали, меди, проволоке, свинцу, олову, серебру, золоту, камням, пищалям и стрелам, борцам и кулачным бойцам, большой завет...

А может, это не бабка-вещунья, а Настя — невеста засватанная, шепчет Абросиму жданные, горячие слова, от которых плавится, закипает молодое сердце: «Любый мой, единственный...»

Нет, не Настя это, а рыжеволосая индианка, согревая его в лесной ночи трепетным, по-звериному сильным телом, молча глядит на Плотникова, не ведая, что в ее молчаливых ласках слышится та же вечная песнь любви и бабьей обереги...

— Подите вы: железо, камень и свинец, в свои мать землю от раба божьего Абросима, а дерево к берегу, а перья в птицу, а птица в небо, а клей в рыбу, а рыба в море...

Бьется неустанная морская волна в деревянную переборку, скрипят, как деревья в бурю, мачты шхуны, хлопают, меняя галс, паруса.

Темно и смрадно в трюме. Шебуршатся среди ящиков и бочек в его утробе крысы.

Мечется в бреду брошенный в темницу Абросим

Плотников, среди множества чужих, враждебных звуков, отыскивая угадывая, вспоминая родные...

— Да будет тело твое надежнее панцыря и кольчуги. Да замкнутся слова мои замками, да брошен будет ключ от тех замков под бел-горюч камень Алатырь... А как у тех замков смычи крепки, так мои словеса метки...

Сознание, а вместе с ними память возвращались к Абросиму медленно.

Что с ним? Где он?

Вязкая, липкая, как тенето, темнота, глухая и бесстрастная, прерываемая время от времени горячечным бредом, долго не позволяла ему определиться в реальном мире. Когда же к слуху Плотникова, словно через пуховую перину, стали прорываться звуки окружающей его жизни, он, еще лежа с закрытыми глазами, вдруг осознал, что находится на корабле.

Абросим открыл глаза: тьма не отступила. Только где-то высоко над его головой качался в такт дыханию океана тоненький лучик света. Значит, он — в трюме. Попытался пошевелить руками, и ему открылась еще одна истина — руки были крепко связаны кожаным ремнем, который при попытке освободиться врезался в них еще сильнее.

События прошедшего времени все еще не выстраивались в голове Плотникова в одну цельную картину. Видения, отдельные эпизоды сменяли друг друга, не давая ответ на вопросы, мучившие работного.

И только когда там, у него над головой, на верхней палубе, громынула пушка, совсем как в ситхинском лесу, он вспомнил все: и свой гон через чащу в надежде опередить намерения колош; и горящую Архангельскую крепость; и холодок, пробежавший по спине, когда его, готового ринуться навстречу верной гибели, вдруг удержала чья-то цепкая рука, и то, что было потом...

2

Человек, родившийся в лесу, чувствует постоянное присутствие опасности куда острее, чем люди, живущие среди людей. В чаще смерть караулит человека везде. Она дремлет на верхушке вековой духмянки. Кто знает, когда дерево упадет на землю, круша все, что окажется на его пути? Смерть караулит охотника на озерах, покрытых снегом, и на замерзших речках, хищные полыньи которых готовы поглотить любого, потерявшего осторожность. Смерть летит вместе с арктическим ветром, словно стервятник выискивая жертву. Холод и ветер притупляют силу воли, побуждают путника присесть, отдохнуть. Горе — поддавшемуся этому соблазну. Пятиминутный сон может оказаться вечным...

Но главная особенность опасности заключается в том, что она появляется внезапно.

...Волки показались на противоположной стороне поляны так нечаянно и бесшумно, что можно было подумать, что они не живые существа, а духи, и со-

зданы не из плоти, а из воздуха. Сначала в лунном свете промелькнули две тени, затем различимы стали и их хозяева. Два крупных, матерых зверя, каждый из которых способен и в одиночку потрепать лося. Они ненадолго остановились на опушке, подняв к небу лобастые головы, навострив уши и принохиваясь. Потом пошли гуськом через поляну, направляясь прямо к тем зарослям, в гуще которых притаились Айакаханн и Абросим Плотников.

Расстояние между волками и людьми неумолимо сокращалось. Подруга Огня почувствовала, как напрягся рядом лежащий Абросим, и сама невольно стиснула рукоятку кинжала.

Волки считались в ее племени животными священными. Мать — Нанасе — рассказывала ей, что души умерших тлинкитов возвращаются на землю в образе серых хищников, чтобы, бродя вокруг родных становищ, напоминать живым сородичам о необходимости следовать заветам предков. Может быть сейчас они пришли, чтобы наказать Айакаханн, нарушившую заповеди рода, спасшую от гнева соплеменников чужака?

Нет, в сердце Подруги Огня не живет вина за случившееся. Сам Акан подсказал ей мысль не позволить молодому бледнолицему пойти туда, где ожидала его смерть. Это по его воле она вот уже третью Луну сопровождает Абросима в лесных скитаньях, добывая пищу, сторожа сон, уводя спутника от тех мест, где на их след могут наткнуться воины племени ситха. Не чувствует Айакаханн вины и за то, что, деля с чужеземцем ложе из ароматных лап духмянки, она позволила ему, первому из мужчин, прикоснуться к своему телу... Какие ласковые у него губы, какие сильные руки... Пусть даже Акан был бы против этого, Айакаханн все равно поступила бы так же...

От собственных кошунственных мыслей индианка вздрогнула сильнее, чем от страха перед ночными пришельцами. Иначе расценивший ее дрожь Абросим сделал попытку вскочить на ноги, чтобы заслонить собой Подругу Огня, но она знаком показала ему: замри, не двигайся! Волки воспримут любое резкое движение как проявление испуга и бросятся на них, как кинулись бы на заматавшегося в страхе оленя. Привыкший за время их совместных мытарств следовать советам Айакаханн, знающей лесную жизнь куда лучше, Плотников повиновался.

Когда до кустов, листва которых скрывала людей, осталось не больше двух волчьих бросков, звери остановились снова. Шедший впереди громадный волк, почуяв человека, вздыбил на загривке шерсть и стал напряженно вглядываться в заросли. Его горящий зеленоватым недобрым огнем взгляд, как показалось Айакаханн, проникал ей в самую душу. Индианка собрала все свое мужество, чтобы ничем не выдать охвативший ее вдруг мистический ужас, и не отвела свои глаза в сторону. Единоборство их взглядов продолжалось несколько мгновений. Затем волк внезапно сморгнул, притушив во взоре хищные огоньки,

опустил морду вниз, как-то совсем не по-звериному осклабился и, приняв чуть влево, медленно, с достоинством скрылся в сумраке ночной чащи. Второй зверь последовал за ним, пройдя при этом так близко от Айакаханн и Абросима, что в нос им ударил терпкий запах логовища, лежалой шерсти и пота.

Взбудораженные происшедшим, люди долго не могли уснуть. Молчали, но думали, каждый о своем.

Айакаханн, которую работный крепко обнял за плечи, переживала снова встречу с учем¹⁸, радуясь тому, что все завершилось так хорошо: духи не причинила зла ни ей, ни бледнолицему. Значит, Акан и правда не считает ее поступок дурным. Что же касается самой Подруги Огня, так она — и это после пережитого стало особенно ясно — готова с этим, таким чужим и близким теперь, человеком быть рядом всегда, пока не наступит ее черед уйти в священные леса предков. Она еще теснее прижалась к груди Абросима и закрыла глаза: пусть будет так...

Абросим же, прислушиваясь к ровному дыханию Айакаханн, снова очутился во власти горьких дум о том, что случилось с ним самим и заселением, что ждет его и Подругу Огня завтра. Из сбивчивого рассказа индианки об увиденном ею штурме казармы, Абросим понял только одно: гарнизон Архангельской крепости стоял насмерть. Но мысль о том, что больше нет в живых властного, могучего Медведникова, желчного Евглевского, любящего прихвастнуть Шмина, все еще казалась ему нелепой. Не может быть, чтобы никто не уцелел! А вдруг подросла уже на выручку поселенцам ватага промысловиков Урбанова, отправленная для отстрела каланов в Бобровую бухту? А что, коли не ведает Урбанов о постигшей их беде и наткнется на колош, не готовый к баталии? В любом случае негоже ему, Плотникову, более по лесам прятаться. В рукавицу ветра не изловишь, судьбы своей не минуешь. И здесь, как ни берегись, погибель найдешь: не от тлинкитов, так от диких зверей... Надо идти к крепости, к океану, а там, как Бог даст...

Когда сквозь кроны деревьев забрезжило сырое, серое утро, Абросим, перед самым рассветом забывшийся тревожным, чутким сном, открыл глаза. Айакаханн была уже на ногах. Как ни беспокойно спал Плотников, он не почувствовал, когда она проснулась.

— Шену!¹⁹ — сказала она, протянув работному пригоршню морошки, собранной ею, пока он отдыхал.

— Спасибо... Не хочу, — ответил тот и знаками показал индианке, чтобы ела ягоды сама. Они так и объяснялись друг с другом, мешая русские и колошенские слова, дополняя речь жестами и мимикой.

— Ешь! — уже по-русски предложила Подруга Огня.

— Я пойду на берег, к океану, Айакаханн... — Плотников так неловко отвел руку индианки в сторону, что морошка просыпалась на лапник, служив-

¹⁸ Уч — волк (колош.)

¹⁹ Шену — вставай (колош.)

ший им постелью. — Не могу же всю жизнь, аки зверь какой, по чащобам хорониться... Там — Урбанов, может, воротился... Там...

«Не ходи! Там — смерть!» — знаками показала Айакаханн и для пущей убедительности вслух произнесла боевой клич ее племени, печально знакомый Абросиму:

— Нанна!

Плотников ничего ей не возразил, но поднялся на ноги с таким видом, что Подруга Огня поняла: свое решение он не переменит.

К бухте, расположенной в нескольких верстах южнее того места, где когда-то Александр Баранов заложил Архангельскую крепость, вышли уже к вечеру.

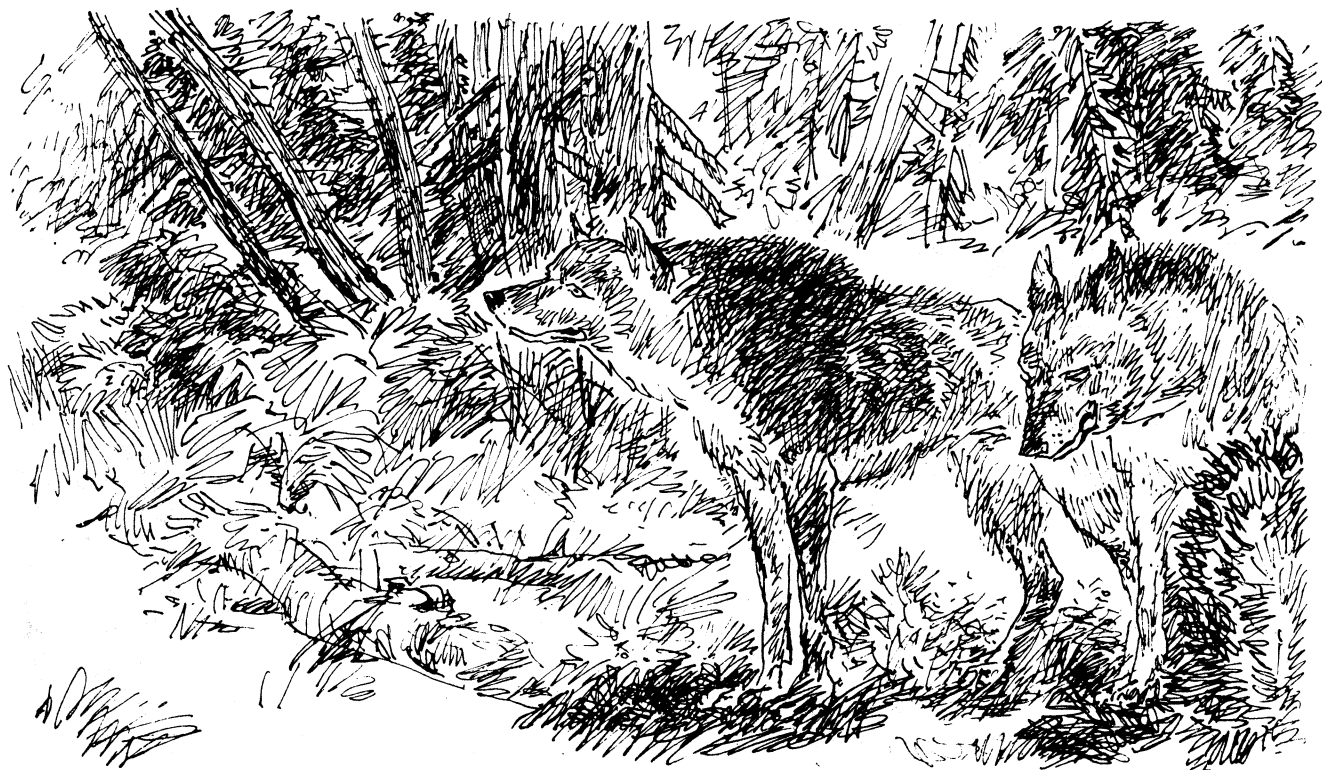
Серый небосвод тусклого дня стал еще скучнее, невзрачнее. Все вокруг словно подернулось сизой дымкой. Даже царящий, обычно над архипелагом снежный купол горы Эчком сделался почти неразличим в этом тяжелом сумеречном свете. Поверхность океана, у горизонта сливающаяся с небом, тоже приобрела металлический оттенок и сделалась похожей на доспехи конкистадора, из-под которых выбивается белый кружевной воротник прибора. Но было на этом мрачном фоне еще одно световое пятно, появление которого вызвало у Плотникова радостный возглас — среди многочисленных островков, словно вампумовый пояс окаймляющих бухту, промелькнули паруса какого-то неведомого корабля. Неужто главный правитель, почуяв ситхинские невзгоды, прислал подмогу!

Однако когда судно подошло поближе к берегу, Абросим увидел, что у него косо поставленные мачты и высокая корма — такой на русских кораблях не бывает. Да и название чужеземное — «Юникорн». Переймчивый Абросим, общаясь с американцами, взятыми на службу в компанию, мало-помалу научился понимать их речь да и слова из аглицких буквонок складывать. Только вот, чтобы шхуна с таким названием прежде приходила к Архангельскому заселению, Плотников припомнить не смог. Хотя это, по нынешним обстоятельствам, дело второе. Все одно: белые люди, не дикари — должны в беде помочь!

Забыв об опасности быть замеченным тлинкитами, работный вскарабкался на большой валун и, крича во всю мощь легких, принялся размахивать над головой снятой с себя рубахой. Подруга Огня с тревогой наблюдала за ним. Старания Абросима оказались безуспешными. Хотя до берега не оставалось и четверти кабельтова, на шхуне не обратили внимания на сигналы, подаваемые Плотниковым. Судно медленно уходило на север, в сторону Архангельской крепости, верней, того, что от нее осталось.

И вот тогда, когда промышленный, потеряв последнюю надежду задержать корабль, опустил руки, на камень взобралась Айакаханн. Она держала горящую ветвь духмянки. Как и когда индианка умудрилась ее зажечь, Абросим, занятый шхуной, не видел. Следуя примеру Плотникова, Айакаханн стала размахивать своим факелом из стороны в сторону.

Коллеблющийся огонь на берегу был теперь уж за-

мечен на корабле. Там отдали якорь и спустили на воду шлюпку. Однако радоваться оказалось рано. Сигналы, подаваемые Айкаханн, увидели не только на шхуне. Из-за ближнего мыса показалось вдруг два колошенских бата, гребцы которых, усиленно налегая на весла, направили свои лодки к камню, где стояли Абросим и Подруга Огня.

Расстояние между шлюпкой, тлинкитскими батами и стоящими на берегу людьми первоначально было примерно равным. Пока еще оставалось неясным, кто одержит в этой лодочной гонке верх. И тут Плотников, случайно обернувшись назад, обнаружил, что опасность угрожает им не только с моря, но и со стороны леса. Десятка полтора колош, потрясая копьями и палицами, выбежали на каменистый берег и устремились к ним. Эти последние преследователи, останься Абросим и Айкаханн на том же месте, доберутся до них быстрее, чем шлюпка со шхуны или индейские баты.

Времени для принятия решения почти не оставалось: либо искать спасение в быстроте ног и скрыться в чаще без толики надежды вдругорядь попасть на корабль, либо попытаться вплавь добраться до шлюпки, рискуя утонуть или погибнуть от меткого выстрела колош...

Плотников выбрал второе.

— Беги в лес! Я вернусь за тобой! Обязательно вернись! — крикнул он Подруге Огня, указав рукой на спешащих к ним тлинкитов. И прочитав в ее глазах немой вопрос, добавил:

— Я должен предупредить на корабле о заселении. Должен, понимаешь!

Спрыгнув с камня, рабочий вошел в полосу прибоя и, не оглядываясь, побрел по мелководью в сторону приближающейся шлюпки.

Айкаханн еще несколько мгновений продолжала стоять с горящей веткой духмянки в руке, словно раздумывая: последовать ли ей приказу Абросима или кинуться вслед за ним в студеные волны, потом отбросила бесполезный теперь факел, который зашипел, как змея, погас в воде, подняла забытую рабочим рубашку и, легко соскочив с валуна, побежала к лесной опушке. Абросим вернется за ней, если обещал. Она будет его ждать. Айкаханн бежала, не оглядываясь.

И только перед тем, как скрыться в тени деревьев сумрачного леса, индианка на миг остановилась, чтобы еще раз поглядеть на залив. Острый глаз Подруги Огня различил, как гребцы шлюпки помогают Абросиму забраться на ее борт. И это наполнило ее сердце радостью, которая тут же погасла. Рядом со шлюпкой на волнах совершенно спокойно покачивались баты тлинкитов, и один из них, похожий на Котлеана, о чем-то мирно говорил с белыми людьми, показывая на Плотникова рукой.

«Это не друзья, а враги», — догадалась она.

— Куж кушни²⁰, Абросим! — тихо прошептала Айкаханн и шагнула в заросли, думая о том, что помочь ему теперь может только Акан.

²⁰Куж кушни — прощай (колош.)

3

То, что верно придумано: избегал огня да попал в воду — Плотников понял, когда его из этой самой воды извлекли. Дюжие гребцы в просторных матросских робах выдернули его из океанских волн, точно пробку из винной бочки, так ловко и проворно, что Абросим очухался только сидя между двумя из них на одной из скамеек шлюпки, взявшей курс обратно к шхуне. Обращенный лицом к берегу, работный сил лился разглядеть, что делается там, успела ли скрыться в лесу Подруга Огня, но спины сидящий перед ним матросов заслоняли ему обзор. Абросим попытался было привстать, но получил такой резкий толчок в спину, что чуть не потерял равновесие и не опрокинулся на дно шлюпки.

— Сиди смирно! — по-русски приказал Плотникову кто-то, находящийся у него за спиной. Голос говорящего показался Абросиму страшно знакомым.

Мучимый догадками, кому он принадлежит, Абросим не заметил, как шлюпка подошла к кораблю.

Когда, понукаемый тычками сопровождающих его матросов, работный поднялся на судно по сброшенной вниз веревочной лестнице, тьма над океаном совсем сгустилась, но на шкафуте шхуны было относительно светло от огней нескольких фонарей, которые держали в руках столпившиеся на палубе члены команды. Слышались реплики, ругань на английском, испанском, немецком языках — настоящее Вавилонское столпотворение.

— Well come to «Unicorn»! — скрипучим, резким голосом произнес стоящий в центре худой, высокий человек, волосы которого в свете фонарей, наполненных тюленьим жиром, давали необычный огненный отблеск.

— Добро пожаловать на «Юникорн»! — перевел фразу тот же, показавшийся знакомым, голос у Абросима за спиной.

Плотников обернулся на его звук и встретился глазами с матросом Смитом, тем самым, что год назад поступил на службу и в течение этого времени делил с россиянами кров в Архангельской крепости. В день нападения колош он находился в заселении, должен был доподлинно знать, что произошло с гарнизоном.

— Смит, как там?.. — хотел Абросим задать матросу вопрос о судьбе соотечественников, но тот уже повернулся к работному спиной сделал шаг в сторону, пропуская вперед еще двоих прибывших, словно давая Плотникову понять, что слова «добро пожаловать» относились совсем не к нему.

Два индейца, закутанные в длинные лосиные плащи, выступили вперед и остановились перед произнесшим приветствие человеком. Несмотря на узоры киновари на их лицах, Абросим узнал в тлинкитах верховного тойона племени ситха Скаутлельта и его племянника Котлеана.

«Что здесь делают враги русских?» — закралась в голову Плотникова тревожная мысль.

— Скаутлельт и Котлеан приветствую тебя, бледнолицый брат, — между тем на языке тлинкитов обратил седой вождь к худому моряку. — Мы сдержали свое слово, Рыбий Глаз...

— Привет тебе, Скаутлельт, — по-английски ответил тот, кого индеец назвал «Рыбьим Глазом» и кто, по всей видимости, являлся либо капитаном, либо хозяином шхуны.

Абросим, взглядываясь в черты его лица, отметил про себя, насколько метко прозвище, данное ему тлинкитами. У капитана глаза, действительно, походили на рыбы: круглые, навязат и холодные-прехолодные. Про такие еще говорят — обмороженные.

Дальнейший разговор капитана «Юникорна» и колошенских тойонов велся вполголоса, на дикой смеси двух языков, сопровождаемый переводами Смита и жестикуляцией. И хотя Плотников не мог расслышать и понять большинства слов, он почувствовал, что речь идет и о его судьбе.

Индейцы бесстрастно, но настойчиво что-то говорили капитану. Тот, не соглашаясь, отрицательно качал головой. Все это очень походило на рыночный торг, который неоднократно наблюдал Абросим, еще мальчишкой сопровождая на ярмарку барские обозы. Только на этот раз сделка у тойонов и капитана так и не состоялась.

— Tomorrow!²¹ — положив конец затянувшимся переговорам, обрезал Рыбий Глаз и знаком предложил Скаутлельту следовать за ним.

Старый вождь что-то быстро сказал Котлеану. Тот приложил правую руку к груди и, склонив голову, отступил к борту, за которым ожидали их баты. Через несколько мгновений послышались всплески весел, и индейские лодки растворились в ночи.

Матросы на палубе расступились, давая дорогу капитану и Скаутлельту.

— Come along!²² — наконец обратил на Плотникова внимание Смит.

В матросском кубрике промышленному предложили кусок солонины и ржаной сухарь, которые он с благодарностью принял, как и поношенную рубаху — своя-то осталась на том камне, где он простился с Айакахани. Только здесь, в тесном, теплом кубрике, Плотников почувствовал, как он голоден и продрог. Пицца свинцовым комком упала в отвыкший от такой еды желудок. Веки сами собой налились тяжестью, думы в голове смешались, и работный уснул, уткнувшись лицом в отполированный кулаками и посудой стол.

4

Котлеан, которого Скаутлельт вместе с батами отослал к захваченному тлинкитами жилу бледнолицых, с трудом сдерживал свой гнев.

²¹Tomorrow — завтра (англ.)

²²Come along — идем (англ.)

Конечно, дядя — самый мудрый и опытный из тойонов племени, но почему он позволяет Рыбьему Глазу обманывать себя.

Котлеан хорошо помнит, как вел себя этот бледнолицый на совете вождей, с великими предосторожностями собравшем в Хуцновском заливе, когда ледники с гор начали сползать в океан.

Оповещенные специальным гонцом и прибывшие на совет позже других, Скаутлельт и Котлеан увидели у совещательного огня, разожженного у бараборы главного тойона местных индейцев Каянгита, не только представителей союзных ситхинским колошам чильхатских и якутатских племен, но и Стахина, Куеву и Кекова — тойонов их старых врагов — охотников Шарлотских островов и земель по ту сторону Хекатского пролива.

Возмущенный Скаутлельт хотел немедленно уехать назад, к своим становищам, но Стахин от имени своего союза протянул ему вампумовый пояс мира и подарил новое ружье и мешочек пороху. Дело, ради которого съехались они сюда, — важнее племенных распрей. Ради этого дела — освобождения земли предков от власти длиннородых — и пылает совещательный огонь.

Там, у священного костра, увидел Котлеан впервые капитана Барбера или Рыбьего Глаза — единственного бледнолицего, присутствовавшего на тайном совете тойонов, который и для большинства тлинкитов оставался неведомым.

Чем не угодили Рыбьему Глазу его бледнолицые сородичи, пришедшие на угодьи Великого Ворона, Котлеан не знал. Но богом бледнолицых клялся в тот вечер Рыбий Глаз снабдить восставшие племена ружьями, порохом и свинцом, не требуя ничего взамен, кроме выдворения чужеземцев с архипелага.

Соплеменники Котлеана и выступившие в союзе с ним племена сдержали свое слово. Они сожгли поселения длиннородых в Хуцноу, Якутате, разорили Архангельскую крепость и истребили промысловую партию алеут в Бобровой бухте. На всем протяжении островов от Пагубного пролива до мыса Эчком не осталось ни одного пришельца, если не считать того молодого бледнолицего, которого люди с большой пироги выловили в океанских волнах и голову которого старый вождь потребовал у капитана. Рыбий Глаз ответил отказом. Но не из-за этого не смогли договориться они с Барбером. Котлеан и Скаутлельт прибыли на лодку бледнолицых, чтобы получить обещанное оружие и припасы. Но Рыбий Глаз нарушил обещание, сказал, что тлинкиты получат ружья и порох только в обмен на аманатов и все бобровые шкуры, взятые в заселениях длиннородых. Котлеан не хотел отдавать добычу капитану, но Скаутлельт решил, что оружие, извергающее молнии, для колош — важнее. Чтобы показать Рыбьему Глазу, что не боится и доверяет ему, старый вождь остался на белокрылой пироге и поручил племяннику до нового Солнца привезти всех женщин и детей, уцелевших после боя в

жили чужеземцев. Котлеан повиновался. И не от того, что слово верховного тойона в племени — неоспоримо. Молодой вождь знал: будь среди аманатов Айакаханн, он нарушил бы традицию рода. Но Котлеан не нашел Подругу Огня тогда, в объёме пламенем заселении. Айакаханн не было ни среди живых, ни среди мертвых. Никто не мог сказать ему, где она. И это не давало покоя. Образ девушки из рода Волка неотступно преследовал его. Вот и в этот раз молодому вождю показалось, что индианка с огненными волосами стояла на берегу рядом с тем бледнолицым, которого потом подобрали в океане. Хорошо было бы выпытать у него все об Айакаханн! Выпытать и... убить. Без скальпа пришелец не сможет помешать Подруге Огня стать женой Котлеана.

5

На следующее утро Абросим был разбужен громкими голосами и топотом ног, раздававшимися где-то сверху, у него над головой. По скрипучей лесенке поднявшись на палубу, работный увидел, что вся команда уже здесь. Одни возились со снастями, другие драили пушки, третьи извлекали из трюма какие-то продолговатые ящики. Звучали зычные команды на чужом языке, раздавались трели боцманской дудки. На Плотникова никто даже не оглянулся, словно его вообще не существовало. И тут Абросим заметил еще одного человека, не принимающего, как и он сам, участия в корабельных заботах. Это был Скаутлельт. Индейский тойон стоял на юте, внешне безучастный ко всему происходящему, и смотрел туда, где сквозь серый свет маячили темные вершины прибрежных гор. Невозможно было угадать, о чем он думает. И все же Абросиму показалось, что Скаутлельт кого-то ждет. И действительно, когда из пелены берегового тумана вынырнуло три тлинкитских бата, по лицу старого вождя скользнуло что-то похожее на гримасу удовлетворения.

Баты направились к шхуне, но, борясь с приливом, двигались медленно, низко сидели в воде. Одна из лодок была заполнена людьми, две остальные — грузом. Они следовали за первой на привязи и походили на утиный выводок, движущийся за своей мамашей.

По мере приближения батов матросы побросали свою работу и сгрудились у борта, наблюдая за индейцами. Поднялся на ют и встал рядом со Скаутлельтом капитан.

При утреннем свете Плотников обнаружил, что шевелюра у того, кого тлинкиты называли Рыбьим Глазом, удивительно похожа на волосы Подруги Огня. Но деталь эта тут же была забыта им: колошенские баты подошли вплотную к кораблю.

Первым на борт шхуны в своем неизменном лосином плаще поднялся Котлеан. Вид его был мрачен, глаза блуждали. При виде Абросима в них появился блеск, напомнивший работному взгляд волка. Но так

же, как и хищник при ночной встрече, племянник Скаутлельта отвел взор в сторону и прошел мимо Плотникова на ют.

Вслед за молодым тойоном на корабль взобрались семь алеутов. У двоих за спиной были привязаны грудные дети. Абросим узнал женщин. Все они жили в заселении и являлись женами его соотечественников. Туземки, в свою очередь, тоже приметили промышленного, которого матросы оттеснили в сторону, но были так напуганы, что боялись даже посмотреть на него.

Потом на шхуну стали поднимать тюки. Абросиму не составило труда определить, что в них — бобровые шкуры. За два года на Ситхе ему не раз приходилось таскать такие на своем горбу. Причем шкуры-то — не невесть откуда, а из их компанейского магазина! Звездная метка на одной из них, выпавшей из дырявого тюка на палубу, к ногам работного, поведала Плотникову куда больше, чем самый лучший рассказчик.

Тлинкиты привезли на шхуну добро, захваченное ими в крепости. Значит, они и люди на корабле — заодно. Значит, моряки и колоши — союзники. Оставалось неясным только, почему никому из индейцев, кроме двух вождей, не разрешили взойти на судно? Подюжины размалеванных охрой и кинovarью воинов так и осталось внизу в своих батах. Что-то здесь не так!

Абросим осторожно придвинулся поближе к капитану и тлинкитским тойонам, чтобы слышать все, о чем они говорят между собой.

Первое, что долетело до слуха Плотникова, были слова Скаутлельта:

— Бледнолицый брат может быть доволен. Мы привезли ему все, что он просил. Теперь мы хотим получить наши ружья.

Барбер обернулся к Смиуту, стоящему рядом:

— Скажи им, что они все получают сполна. Но сначала испытаем: хорошо ли то, что припасено для них...

Пока толмач переводил вождям слова капитана, несколько матросов по сигналу Барбера вскрыли ящики, поднятые из трюма, и извлекли из них ружья. Новые, но уже без смазки.

В тот же самый момент четверо моряков будто случайно оказались за спинами у вождей, которые продолжали смотреть за действиями команды с таким видом, словно все это их не касалось.

Плотникову же происходящее вдруг напомнило спектакль, который разыгрывался по прихоти старого графа в крепостном театре, в коем и ему, Абросиму, доводилось играть пустяковые роли. Из сценических игрищ извлек для себя Плотников один лишь вывод: барский театр, равно, как и барские чувства, холопам непонятны. Таким же загадочным оставался для него смысл представления, невольным зрителем которого он сейчас являлся.

Матросы с ружьями в руках выстроились вдоль борта и изготовились к стрельбе.

Абросим пошарил взглядом вокруг, в поисках того, что будет служить для них мишенью, и ничего не обнаружил, кроме чаек, мечущихся над волнами, и тлинкитов в батах, ожидающих своих вождей. Неужто матросы будут стрелять в кого-то из них?

— Fire!²³ — театрально махнул рукой капитан.

Громыхнул нестройный залп, сливаясь с предсмертными криками индейцев, сидящих в лодках. Трое из дикарей были убиты на месте. Прочие, очевидно получившие различные раны, упали в воду и судорожно пытались удержаться на морской поверхности.

Барбер взмахнул рукой еще раз. Матросы выстрелили снова, и головы колош скрылись в океанских волнах.

На палубе на какое-то время воцарилась тишина, прерываемая только испуганными криками чаек. Наконец капитан, взяв в руки одно из ружей, с кривой улыбкой обратился к старому вождю. Слова его, переведенные Смиутом, должны были довершить удар:

— Не правда ли, мы приготовили для вас лучшие ружья?

Как раненный зверь, забился в руках двух здоровенных матросов Котлеан, рванувшийся к Рыбьему Глазу. Но старому вождю выдержка не изменила. Он только презрительно посмотрел на Барбера, а заговорил не с ним — с племянником:

— Прости меня, Котлеан... Акан отнял у Скаутлельта остроту глаз, не дал увидеть, что у Рыбьего Глаза два языка. И оба лгут...

— Он умрет, вождь! Я — Котлеан, обещаю тебе это...

В ответе молодого вождя было столько ненависти, что содрогнулось бы и самое храброе сердце. Но то ли капитана нельзя было устроить ничем, то ли у него вовсе не было сердца — слова индейца его только позабавили.

Он показал Смиуту рукой на нок-рею, потом сделал многозначительный жест, очертив вокруг шеи петлю: дескать, может Котлеан и исполнит обещанье, но сначала пусть посмотрит на все сверху.

Подручный Барбера хохотнул и полез на мачту прилаживать к перекладине две удавки.

У Абросима, еще не успевшего прийти в себя после неожиданного расстрела ничего не подозревавших тлинкитов, шевельнулось в душе что-то похожее на жалость. Да, конечно, колоши — враги. Но лишать их жизни вот так, по-подлому — это не по-христиански, не по-нашенски. Сердце русского неустрашимо в бою до великодушного безрассудства, но и отходчиво, незлобливо, к справедливости устремлено.

Работный еще не знал, как ему поступить, что сделать, чтобы остановить творимый капитаном произвол, так похожий на то, что довелось когда-то пережить самому... И тут произошло событие, которое определило не только судьбу приговоренных к смерти тойонов, но и его самого.

²³Fire — огонь (англ.)

Когда все уже было готово к казни, и столпившиеся на палубе люди притихли в предвкушении предстоящего зрелища, внезапно раздался свист стоящего на салинге матроса.

Вместе с другими оглянувшийся на залив, Плотников увидел, что к шхуне движется еще одна лодка. Она оказалась алеутской байдарой, управляемой всего одним гребцом. И гребцом этим была Айкакахани. Все остальное свершилось стремительно.

Девушка, пристально разглядывающая, что происходит на шхуне, капитаном была принята за колошенскую лазутчицу. Он хотел распорядиться спустить на воду шлюпку и изловить соглядатайку, но тут же передумал.

«Хороший индеец — мертвый индеец!» — эта фраза, которую потом припишут генералу Фостеру, может и не облеченная в столь четкую форму, давно уже сделалась для Барбера правилом, не требующим доказательств. Зачем попусту терять время, если цивилизация изобрела порох и пули?

Рыбий Глаз вскинул ружье и прицелился. Но выстрелить не успел.

Абросим Плотников одним рывком прыгнул ему на спину и, сбив с ног, мертвой хваткой вцепился в горло.

На подмогу своему капитану бросились матросы. Кто-то ударил работного тяжелым прикладом по голове, и дневной свет надолго померк для него.

Ни бесчувственный Плотников, ни члены его команды, рьяно топчущие поверженного Абросима, не заметили, как воспользовавшись создав-

шей суматохой, Котлеан выхватил из-под полы своего плаща двусторонний кинжал и точным, выверенным ударом вогнал его в сердце стоящего рядом матроса, как по свисающему вниз канату старый и молодой тойоны соскользнули с противоположного борта шхуны в океанские волны и, набрав в грудь побольше воздуха, скрылись под водой.

Когда же окровавленного, полуживого Абросима отволокли в трюм и был обнаружен побег важных пленников, то и Айкакахани, и Скаутлельта с племянником уже и след простыл.

Остаться долее в заливе было небезопасно, да и бессмысленно.

На шхуне выбрали якорь и поставили паруса. Следуя какому-то новому замыслу своего капитана, она медленно двинулась на север.

6

Сын марсельской портовой проститутки и испанского гранда, Генри Барбер не знал ни своих настоящих родителей, ни родины.

Новорожденным младенцем оставленный любвеобильной матерью на пороге приюта для сирот в аббатстве Святой Магдалины, он мальчишкой был взят на воспитание в семью бездетного ирландского шкипера, который в скором времени отправился в Новый свет в погоне за счастьем.

Счастье и впрямь улыбнулось ему там в виде недостаточно меткого выстрела одного их охотников за

скальпами во время англо-французской войны за колониальные владения в Канаде. Это обстоятельство, хотя сохранило шкиперу жизнь, но навсегда сделало его калекой. Хворые и убогие и в мирные годы никому не нужны, а в период потрясений тем паче. Оказавшийся на обочине жизни, шкипер запил горькую, под хмельную руку стал поколачивать жену — тихую, безропотную католичку, а заодно с ней и приемного сына, не по годам рослого и дерзкого.

Первая, не выдержав издевательств и побоев, однажды, так же тихо, как жила, отдала Богу душу. А второй, едва достигнув юношеского возраста, сбежал из дому.

Вынужденный самостоятельно добывать себе кусок хлеба и не имея за душой ничего, кроме унаследованного от родной матери вздорного нрава и растворенной в крови отцовской фамильной гордыни, Генри и не помышлял зарабатывать на жизнь честным трудом. Что-то подсказывало ему, что плут землелепашца, ножницы шорника, равно как и карабин траппера, — не его удел.

Изменив фамилию приемного отца на английский манер, он попробовал завербоваться в колониальный войска, но воинская дисциплина и субординация оказались ему не по зубам.

Кто-то из великих изрек, что злодеяния не суть природны человеку, ибо люди зависят от обстоятельств, в которых они находятся.

В конце концов Барбер встал перед выбором: либо голодная смерть с чистой совестью, либо — дорога, которая столь же верно ведет к обогащению, как и к виселице.

Вот тут, в одном из кабаков порта Нельсона, в ту пору именовавшегося просто — Портом, поскольку вокруг на сотни миль другого не было, и свела судьба молодого бродягу с капитаном Вилимом, набирающим себе для одного рискованного предприятия команду из тех, кому oprичь своей жизни терять больше нечего.

В дымном закутке питейного заведения за двумя кружками дешевого вонючего рома все формальности их джентльменского соглашения были утрясены. Бланшард обещался: кормить, поить Генри, выделять ему толику от будущей добычи. Барбер же, в свой черед, должен был выполнять все, что скажет капитан, не обременяя себя утрызеньями совести, и держать при себе то, что увидит, плавая под его началом.

Дело, затеянное Бланшардом, было действительно опасным и небогоугодным. Числясь капитаном одного из судов «Хадсон Бэй Компани» — торговой компании, ведущей пушной промысел в Гудзоновом заливе, желающий побыстрее обогатиться Вилим не гнушался ничем, вполне резонно полагая, что деньги — не пахнут. Еще в пору войны английских и французских колонистов он умудрился нажить себе немалый капитал, поставляя и тем, и другим оружие и боеприпасы. Когда же в борьбу европейцев оказались

втянутыми союзы индейских племен и началась кровавая охота за скальпами бледнолицых и краснокожих, ставших настоящим мериллом при разного рода расторжках, Бланшард заработал и на этом. Порох, скальпы, пушнина — цепь удачных противозаконных сделок породила желание действовать еще смелее.

Во время, когда Барбер сделался членом команды Вилима, над парусами его корабля все чаще взмывал «Веселый Роджер» — флаг флибустьеров. Шхуна Бланшарда бесстрашно брала на абордаж превосходящие ее командой и вооружением суда английского королевского флота, везущие снаряжение для войск, сражающихся с объявившими независимость Штатами. Затем Вилим продавал все это тем, кто больше заплатит.

Побочную прибыль давали погромы, чинимые в индейских поселениях, оставшихся беззащитными после ухода воинов на тропу войны.

...Шли годы. Раздвигались границы пиратских владений. Множилось число жертв творимого разбоя. Росли достойные преемники...

Стареющий Бланшард, все чаще заговаривающий об отдыхе и спокойной жизни на берегу, из числа своих подручных выделил Барбера, найдя в нем свойственные самому преданность делу и безжалостность к другим при достижении цели. Вилим приблизил Генри к себе, сделал первым помощником. Думал передать ему капитанскую власть, когда придет срок самому отойти от дел.

Однако Барбер оказался чересчур способным и нетерпеливым учеником. В одну из ненастных штормовых ночей он прокрался в каюту Вилима. Кривым, острым, как бритва, ножом перерезал глотку своему спящему благодетелю и, выбросив тело Бланшарда за борт, провозгласил капитаном себя.

Восхождение Барбера на капитанский мостик совпало с необходимостью для «Юникорна» покинуть атлантические воды.

Наглые действия пиратов изрядно надоели не только Континентальному Конгрессу молодых Соединенных Штатов, но и правительствам Англии, Франции, России и Испании. Выдвинутая Россией и к 1783 году признанная всеми странами декларация о вооруженном нейтралитете, своей направленностью против морского деспотизма в защиту торгового мореплавания нанесла по тактике Барбера и ему подобных серьезный удар. Отныне военные суда всех крупнейших морских держав готовы были без предупреждения уничтожить флибустьера залпами своих пушек. Оставаться незамеченными и совершать внезапные набеги у восточного побережья становилось все труднее.

И тут на ум Генри, которого сподвижники называли теперь уже «сэром», пришла мысль бросить взор на запад. Там, за дикой, не покоренной прерией, за крутыми Скалистыми горами, лежал Великий океан, прозванным Фернаном Магелланом «Тихим». Этот океан, малоисследованный и до конца не поделенный

на сферы влияния, таил в своих просторах множество цветущих островов, где, безусловно, можно пожить. Кроме того, он связывал Новый Свет с рынками Азии и Индии, с гаванями снежной России. На перекрестках этих торговых путей тоже без добычи не останешься. Но — главное: там до Барбера не дотянутся ни корветы английского королевского флота, ни каперы США. Там он — Генри Барбер — будет королем!

...Больше полугода ушло на то, чтобы обогнуть матерую землю и через штормовой Магелланов пролив выйти в воды Великого океана. Не взирая на трудности плавания, все складывалось для Барбера удачно. Тихо, без привычных абордажей, дабы не привлечь к себе внимание испанцев, вдоль владений которых пролегал путь «Юникорна», дошли до Сан-Франциско — обветшалой пограничной президии у устья реки Сакраменто. Далее на север длань испанских конкистадоров не протянулась — иссякли силы. Затем, плывя уже мимо ничейных земель, поднялись до островов Королевы Шарлотты, на одном из которых Барбер и решил обосноваться.

Прибыв на место, он сразу же заручился поддержкой местных индейцев, которые за «огненную воду», железные ножи и стеклянные бусы согласились отдавать ему большую часть добываемой пушнины и служить посредниками в сделках с другими племенами. Там, где будешь жить, пакостить ни к чему! Следуя этому плану, Барбер сходил на Сандвичевы острова и в Кантон. Наладил связи с тамошними negociантами. Побывал на Камчатке и на Лисьих островах. И там нашел нужных людей. Скупая и перепродавая меха, цены на которые в Китае все возрастали, сэр Генри получил солидный куш. Однако и свое основное занятие — разбой, не оставил. Торговые дела не мешали, а только способствовали этому. Поскольку же свидетелей абордажей, как правило, в живых не оставляли, а «веселый Роджер» напоказ капитан Барбер, в отличие от своего предшественника, выставлял не любил, то здесь, на северо-западном побережье, о его пиратском прошлом и настоящем вряд ли кто догадывался. Как и рассчитывал сэр Генри, необъятные просторы Тихого океана отлично скрывали все грехи и давали богатую добычу.

Но так уж повелось, что любому благополучию рано или поздно кто-то начинает угрожать. И такая угроза отлаженному промыслу Барбера появилась в лице Российско-американской компании, фактории которой, множась, словно грибы, обосновались по всему побережью Аляски и приблизились уже вплотную к островам Королевы Шарлотты.

Компанейцы обустроивались, по-видимому, надолго. Строили крепостцы, возводили редуты, закладывали свои православные часовни и храмы. И помимо прочего, активно вели отстрел каланов, заключали с местными племенами торговые соглашения и совсем не желали пользоваться услугами Барбера при пушной расторжке.

Русская коммерция вскоре составила серьезную конкуренцию сделкам сэра Генри в Кантоне. Ганисы — богатейшие китайские купцы, следуя «кэтоу»²⁴, улыбались Барберу, но товар у него брать отказывались, предпочитая меха, привозимые русскими: они и качественней выделаны, и цена поумеренней.

Словом, как ни крути, русская компания стала для капитана костью в горле. Барбер попробовал остудить пыл поселенцев силой: однажды напал на перевозивший меха компанейский корабль. Но встретил такой яростный отпор и умелое маневрирование, точно перед ним было не торговое, а военное судно, что предпочел ретироваться.

Тогда-то у сэра Генри и возникла идея решить проблему выдворения конкурентов руками тлинкитов. Он исподволь занялся подготовкой к претворению ее в жизнь. Смуцал мятежными речами знакомых ему вождей, спаивал их ромом, задабривал подарками. Высадил нескольких своих моряков со Смитом во главе у мыса Эчком, дабы, нанявшись на службу в компанию, изнутри вредили они ей. И наконец, провел то, памятное собрание вождей в Хуцноу, на котором и был назначен день выступления.

Восстание, как известно, удалось. Индейцы не только уничтожили русские гарнизоны на архипелаге, но и захватили большой запас шкур. Расчетливый Барбер и тут не упустил возможности погреть руки. Зная доподлинно, как нужны тлинкитам ружья и пушки, он выманил у них и шкуры, и аманатов. Да еще и умудрился ничего не дать взамен. Если бы не досадный случай с молодым поселенцем, устроившим свалку на шхуне, то в руках у сэра Генри оставались бы и другие важные козыри в этой игре — ситхинские чифы²⁵ Скаутлельт и его племянник. Само собой разумеется, сцена с виселицей, устроенная капитаном, была просто фарсом. Барбер вовсе не собирался вздернуть на рее тех, за чьи головы можно получить звонкую монету. А покупатели, вне сомнения, нашлись бы... Скажем, его главный враг — русский правитель Александр Баранов. К нему-то и хотел отвезти сэр Генри плененных тойонов. И затребовать вкупе с остальными аманатами выкуп...

И хотя последние события оказались не столь благоприятными для Барбера, они все-таки не изменили его главного плана: идти на Кадьяк, к русскому правителю! И там попытаться извлечь из поражения Баранова наибольшую выгоду для себя.

7

Подобно тому, как знаменитый «соболиный хвост» вывел русских охотников и следопытов сквозь дебри Сибири к берегам Великого океана, так мех морского бобра привел их последователей на северо-западную оконечность американского континента.

²⁴ Кэтоу — правила обхождения в Китае

²⁵ Чиф — вождь (англ.)

Корабли командора Беринга и капитана Чирикова, открыв новые земли, богатые пушниной, дали толчок практическому освоению Алеутских островов. Более двух десятилетий спустя, в 1763 году промысловые кочи Степана Глотова подошли к острову Кадьяк, который местные жители — алеуты — называли на свой лад — «Кыктак», и основали здесь первое российское поселение. Оно оказалось недолговечным. Суровый и непостоянный климат, недружелюбие тутошних племен, а главное, отсутствие надежного морского сообщения с Охотском, заставило промысловую ватагу покинуть остров. Следующие попытки укрепиться на нем также не имели успеха до той поры, пока в 1784 году рыльский купец Шелихов в товариществе с курским гражданином Голиковым не достиг оного и не занял его, одолев кадьякских коняг боем. Обосновавшись в гавани Трех Святителей, компаньоны не только занимались пушным промыслом, но и попытались завести хлебопашество, разведать природные ресурсы края, основать судостроение.

Возвратясь в апреле 1787 года в Иркутск, Григорий Шелихов представил генерал-губернатору иркутскому и колыванскому Якоби доношение, в коем, проявляя себя не столько удачливым купцом, но паче проницательным политиком, уверял последнего в великих выгодах для России в занятии земель, как можно далее по полудню к Калифорнии лежащих, дабы от покушения других наций отвратив, сделать наши обзаведения первыми. Для поддержки начатого им предприятия просил Шелихов у правительства крупный кредит. В коем ему отказано было, а взамен отряжена на Кадьяк духовная миссия с архимандритом Иосафом во главе, как бы подчеркивая, что американские колонии остаются собственному их жребию и воле Божьей.

Не полагаясь только на последнюю, Шелихов послал на остров нового правителя — Александра Баранова — человека немолодого и опытного. Перенеся в 1792 году поселение в Чиниатскую бухту, Баранов заложил там Павловскую крепость, которая по задумкам основателя компании должна была со временем превратиться в настоящую столицу Русской Америки — Славороссию. Город с широкими проспектами и обелисками, а при въезде долженствовала быть триумфальная арка, коею именовать по приличеству не иначе, как «Русские ворота».

Правда, спустя десятилетие с основания крепости, городом ее назвать можно было с великим допуском. Но, зато, все, что есть, создано своими руками.

Александр Андреевич Баранов, прохаживаясь по светлой горенке, служившей ему кабинетом, выглянул в мелкостекольчатое оконце, озирая плоды трудов своих. Деревянная церковь во имя Воскресения Господня, пятипудовый колокол для которой вылил из местной руды мастер Шапошников. Компанейская контора, казармы для промышленных. Сарай для постройки гребных судов. Кузня. Торговые лавки. Школа. Этим строением Баранов особенно гордился.

«Дикие племена переймут цивилизацию не через оружие и насилие, а через своих детей», — тешил себя такой мыслью. Однако пока мир даже здесь, на обжитом Кадьяке, поддерживался железом и порохом. Посему бдил правитель сам и караулы в гавани и пол всем артелям имел. А начальникам партий строгонастрого наказал еженедельно чистоту ружей и исправность зарядов осматривать. Неумеющих стрелять обучать с прилежанием. Завел обычай поодиночке да невооруженным никого из крепости никуда не пущать. Окромья того, со здешними обитателями обходиться поласковой, среди своих промышленных воротские либо другие злые намерения истреблять. Тем и оберегал доверенных ему людей от погибели случайной да ссор безрассудных. И без того каждый год курносая то скорбутом, то стихией жизни уносит...

Говорят, что настоящую цену жизни знает лишь тот, кто глядел в очи смерти. Баранов повидал на своем веку всякого. Был богат — владел двумя заводами в Иркутске. Разорился. Промышлял по питейным делам среди чукотских племен, едва не лишился живота. Здесь, на Аляске, дважды проливал кровь свою за компанейские интересы. Да токмо ли за них? Виделись Александру Андреевичу за всем этим куда более широкие горизонты для отеческой земли и поколений будущих. Ради того и терпел сам лишения великие и соратников своих в строгом теле держал.

Правда, последнее время сдавать стал зоровищем, труднее сделался на подъем, отраднее оказалось одиночество под кровлею дома главного правителя, за эти года ставшего родным, среди любимых книг и памятных вещей. Неужто приходит старость, которая, как пыль для платья, выводит наружу все пятна характера? Ведь и впрямь, седьмой десяток скоро разменяет... Ужель не достанет мочи далее нести свой крест, не имея над собой набольшего, завершить намеченное? Как ржа железа, ест сердце Баранова печаль, томят предчувствия неизбежных опасностей, не дают покою разные думы.

Вот и сегодня, в погожий июльский день, что-то зябко главному правителю, что-то не по себе. Поневле который раз возвратился памятью к разговору с Иваном Кусковым, наемни прибывшим из Якутата.

— Худые вести привез я, Александра Андрееч, — с порога, едва не задев притолоку головой, начал помощник.

— Здоров будь, Иван, — улыбнулся Баранов, приветствуя Кускова, который несмотря на лета (он был немногим моложе самого правителя) не утратил юношескую порывистость в движении. «Воистину, у кого в груди огонек теплится, у того и в руках все горит». И тут же, посуровев, добавил:

— Ну, докладай, коли так.

Рассказ обычно неразговорчивого — лишнего слова под пыткой не вытянешь — Ивана был пространный и невеселый. Имея растаг в Якутате, получил Кусков темные известия об умысле колош истребить везде русских и алеут. Не поверив сим слухам, он со своею промысловой партией отплыл от Якутата на

шестьдесят верст, где и был окружен тлинкитами. Иван употребил все способы к примирению с ними, но индейцы остались непреклонны и атаковали его стан. Благо, Кусковым были приняты оборонительные меры и ему удалось отразить нападение. Предполагая снова тронуться в путь, Иван неожиданно наткнулся на одного знакомого старика-тлинкита, кой поведал ему, что колоши пошли на Ситху войной. Желая проверить его слова, Иван послал в Архангельское заселение несколько байдар с промышленными, а сам отошел к Якутату, не имея в достаточном количестве ни ружей, ни зарядов. Посланные на разведку так и не вернулись. Не смея оставаться далее в неведении и риске быть атакованным колошами вновь, Иван принял решение отправиться назад на Кадьяк, вперые не привезя с собой никакой добычи.

— Не гневайся, Александра Андреич, бобров нынче не привез — людей сохранить старался... — оправдывался он.

— И то ладно... — успокоил помощника Баранов, но себе успокоения не обрел. Вот и нынче, в который раз принялся складывать все разрозненные факты и вести, пытаясь выстроить картину происходящего. Ничего утешительного. Если сведения, привезенные Иваном, верны, то это означает, что большинство из содеянного ими за прошедшее десятилетие пошло насмарку. И самое страшное: помочь своим заселениям, рассеянными на столь великом пространстве, оборониться от варваров он — правитель, не в состоянии. Нет ни достаточного числа русских, дабы пополнить в отдаленных крепостях гарнизоны, ни больших парусных судов для прикрытия отправляемых промысловых ватаг, ни потребного количества пушек и ружей. Корил себя, что увлекаясь ревностью к славе и выгодам компании, прежде устройства такого числа заселений, не имел основательных сведений о характере того народа, среди коего предполагал водвориться. Ведь и Канягит, и Скаутлельт клялись ему в верности и дружбе... Кто знал, что клятвам этим нельзя верить? Понимал и другое: сколь радостно воспримут многие в столичном правлении компании его просчеты. Петербургские чиновники уже давно точат зуб на неугодливого и нечинопоклонного правителя. Теперь опять всплывет вопрос об его смене... Да и Бог с ним! Баранов за должностями и наградами не гонится. Обидно токмо дело незавершенным оставлять, да еще в таком плачевном положении... Хотя, ежели поразмыслить, можно себе тысячу оправданий отыскать. Кто, как не те же петербургские чины, в каждой депеше требовал: увеличить отстрел бобров, дескать, акции падают в цене, паника среди акционеров! А чтобы оно достигь, иного пути нет, как создавать новые заселения там, где еще пушной зверь не пуган... Вспомнились слова из своего последнего письма директору компании Михайле Булдакову — зятю покойного Григория Шелихова: «Публика, а паче торговая, охоча токмо на одни успехи и выгоды смотреть и ценить хлопоты, но она не входит и на малость в

рассмотрение причин, коими стесняется торговля, упадают выгоды всего государства Российского...» Не самому ли первенствующему директору адресовал он сей упрек, хотя и не глуп Михайло, и просвещен zelo? Это по его ходатайству награжден Баранов золотой медалью и обласкан чином коммерции советника... Токмо куда энту медаль теперь повесишь? Разве что на пуп кому-то из лживых вождей. Да и от книжного ума Булдакова на таком расстоянии проку нет! Один он — Баранов — за все, творимое здесь, ответчик. Не на кого положиться, окромя, разве что Ивана Кускова...

Раздумья главного правителя прервал стук в дверь горницы. Не дожидаясь ответа Баранова, стоящий за дверью приоткрыл ее и просунул в проем свою голову. Правитель узнал караульщика Якова Дорофеева, назначенного нынче в дозор на звонницу местной церкви — самое высокое место в крепости, с которого видно на много верст окрест.

— Что стряслось, Яков?

— Корабль чужой на подходе, Александра Андреич! Не наш, не компанейский... — переводя дыхание, сообщил Дорофеев.

И тотчас, подтверждая его слова, над водами залива громыхнула пушка, выстрел которой и вернул к сознанию Абросима Плотникова, лежащего в трюме «Юникорна».

Глава четвертая

1

Велик Тихий океан. Небозримы его могучие просторы, раскинувшиеся от вечных льдов Арктики до солнечных берегов Австралии.

В ясные штилевые ночи, когда зажигаются над его водами мириады звезд, кажется океаническая ширь равной опрокинутому навзничь небу. И порхающие, словно ангелы, над умиротворенной пучиной летающие рыбы еще более усиливают это сходство.

Когда же взвихрится зыбь океана порожденным в его недрах тайфуном, стираются все грани. Тогда и небо, и бездна — все едино в разгневанном, яростном лике его.

Каким же тщедушным кажется человек и творения неутомимых рук людских перед этой неукротимой стихией! Словно игрушки, швыряют то вверх, то вниз гигантские волны отдавшие их власти, еще совсем недавно казавшиеся такими надежными и устойчивыми суда.

Тысячи тысяч кораблей: папирусные лодки египтян, китайские жонги, корветы и галиоты Старого Света — покоятся на дне, храня в своих трюмах неслетные сокровища.

Но не только целые флотилии обрели последнюю пристань на океаническом ложе, там громоздятся затонувшие материки и острова, с некогда многолюдными городами и величественными храмами.

Толща горько-соленой воды скрывает от глаз че-

ловеческих следы минувших цивилизаций, словно предупреждая: не суетись! Все мы — малые песчинки в часах Вечности, слезинки на бестрепетной ладони Провидения...

Но что для человечества эти предостережения, если никогда не одолеть его тягу к неведомому, не запугать ищущую единственного приюта душу?

Новые и новые поколения мореходцев и смельчаков в поисках удачи и открытий бороздят просторы Великого океана, платя за первопроходство самой высокой ценой — своей жизнью.

Вослед им идут авантюристы, стяжатели, честолюбцы. Они используют эти открытия в иных целях: набивают богатством мошну, утверждают свою власть, устанавливают новые границы. При любом кипении пены не избежать...

Не от того ли и становятся так тесны берега океана, на которых прежде спокойно уживались многие племена и народы?

Войнами и распрями, уносящими стократ больше жизней, чем морская пучина, завершаются попытки пришельцев овладеть чужими землями.

Точно клубы пожаров, веют над побережьем злоба и алчность — неизменные спутники завоеваний. Не под их ли влиянием делается все свирепей год от года тихий, незлобивый от природы нрав океана? Не они ли вызывают цунами и шторма? Или это по воле Творца звучит для нас, живущих, очередное заклиание:

— Люди! Не суетитесь! Помните о вечном...

2

— Капитан, разрази меня гром! Русский отказался дать двадцать тысяч откупного за аманатов.

— Смит, и это говоришь ты, или меня начал подводить слух? — интонация Барбера не сулила Смиту ничего доброго. Матрос хорошо знал повадку сэра Генри самые зловещие слова произносить самым умиротворенным голосом. И от этого знания грубому и властному с теми, кто слабее его Смиту вдруг до спазм в глотке захотелось оправдаться, защитить себя от следующего — и такое неоднократно бывало — за этой интонацией смертного приговора.

— Позвольте заметить, сэр... Эта седая лиса — Баранов, сразу признал меня, как я из всех парусов в мире узнаю кливер нашего «Юникорна». Это ведь он принимал меня на службу в компанию на Ситхе... А теперь и виду не подал... Похоже, пронюхал обо всем...

— Плевать мне на его чутье! Я желаю сам из своего пудинга изюм выковыривать!.. Так что предлагаю этот старый акулий плавник?

— Шесть тысяч пиастров, кэп... И те, не золотом, а бобрами... — вытянутый, как бушприт, нос Смита почувствовал, что встречи с кулаком Барбера ему не избежать. Вся фигура матроса скукожилась, обмякла, словно паруса в штиль, за которым последует буря.

И «буря» действительно не заставила себя долго ждать.

— Шесть тысяч?! Взамен двадцати... — еще более тихим голосом переспросил сэр Генри и на мгновение умолк. Так на короткое время затихает океан перед девятым валом.

— Да этот русский — просто сумасшедший! — наконец взорвался он, давая выход приступу ярости. — Баранов не понимает, с кем имеет дело! Мне легче взять на абордаж его богадельню, чем согласиться на эти условия! И я возьму ее, тысяча чертей! — Барбер еще несколько минут изрыгал проклятья русскому правителю, в ушах матроса звучавшие лучшей музыкой: «Пронесло!..»

И поскольку самому Смиты теперь ничего не угрожало за неудачные переговоры, он рискнул вставить еще одно замечание, неожиданно подлившее масла в огонь:

— Боюсь, сэр, это будет потруднее, чем драка с тем испанским галеоном, который мы атаковали полгода назад... Русский с умыслом провел меня по фортам крепости... Береговая батарея — одиннадцать пушек. Редуты мощные и гарнизон человек четыреста...

— Плевать мне на их батарею! На «Юникорне» своих пушек — двадцать пять и команда — не чета барановскому сброду... Я спалю его столицу, а самого — повешу! На его же собственных кишках...

— Да, капитан, — преданно поддакнул матрос, обижено пожав плечами.

В каюте воцарилось молчание, в очередной раз верно расцененное Смитом как конец «шторма».

— И все же, сэр, — попытался он опять вернуться к прежней теме, — драться с русскими сейчас для нас — дело, не стоящее дохлого тюленя! Подумайте, мехов у нас в трюме достанет на знатную расторжку. А в баталии, случись она, можем то, что имеем, попортить, а нового прибытку не иметь вовсе!

— Баста! Свои советы оставь для шлюх в Ванкувере, а пока — захлопни пасть. Здесь я — хозяин, — с ноткой раздумья сказал Барбер, снова помолчав. Теперь уже от того, что какое-то сомнение слова матроса в нем все-таки заронили.

Капитан нервно прошелся по каюте, скрипя кожей новых башмаков с тупыми носами и массивными золотыми пряжками. Остановился напротив Смита. Уставился на него так, что тот содрогнулся: ну тут уж, точно, амба! Глаза капитана обычно стальные, пустые, в этот миг метали молнии, и этот обледеневший огонь придавал чертам хозяина «Юникорна» просто сатанинское выражение. Не привыкший, чтобы поперек его желаний и гордыни что-то вставало: будь то толковый совет или собственный здравый смысл, Барбер некоторое время испепелял подручного взглядом. Но постепенно молнии в его взоре начали тускнеть, блекнуть и вот погасли совсем. Может быть, Смит и прав: даже излетная пуля убивает. Русский правитель, хотя и потерпел поражение на Ситхе, здесь

покуда еще силен. И трудно сказать, улыбнется ли вновь эта продажная стерва-фортуна ему, Барберу — своему вчерашнему любовнику, или повернется лицом к его врагу. Имея в трюме целое состояние, лезть на рожон не хотелось. Тем паче, что на шесть тысяч пиастров бобровых шкур можно получить, ничем не рискуя. Что же до самого Баранова? Так ведь нынешняя встреча — не последняя. Как говаривал старик Бланшард, если ветер был да ушел, почести мачту, и он вернется...

Воспоминание о старом хозяине шхуны, как ни странно, вернуло сару Генри способность мыслить хладнокровно.

— Дьявол с ним! Как там, у этих проклятых русских: синица в кулаке — надежней журавля в небе... Посади аманатов в шлюпку и свези на берег. Да с погрузкой шкур не задерживайся — через пару часов будем сниматься, — распорядился он своим заувывным будничным голосом.

Довольный поворотом дела, матрос поклонился и направился к выходу, но у самой двери каюты обернулся:

— Капитан, а что делать с русским, что у нас в трюме?

— Он разве еще не подох?

— Живучий, как крыса... Две недели был в горячке. Думали: готовится кормя для рыб, а он возьми да и очухайся. Правда, едва дышит... Может, его туда же, на остров выбросить? Какой прок с полупукойником возиться?

— Ого, Смит! Жизнь среди русских не пошла тебе на пользу: сердобольным стал, точно пастырь! Послушай своего капитана: заботься о своей собственной шее. Веревка всем обещана: король английский или господин Баранов только и ждут случая повязать нам пеньковые галстуки... Виселица для таких, как мы, — единственная возможность приподняться поближе к богу! А мальчишку-русского оставь... Он на меня руку поднять посмел. А за такое смертью заплатить — мало. Тут, карамба, и жизни может не хватить... Впрочем, — криво усмехнулся Барбер, — этот юнец мне даже нравится... Он поплывет с нами. Отправь к нему нашего костоправа, и пусть посмотрит: нельзя ли поставить русского на ноги. Мне в команде отчаянные головы нужны... Я дам ему возможность... Ну а будет упорствовать, так, в Кантоне в последнее время спрос на белых рабов возрос...

— Значит, мы идем в Кантон, сэр Генри?

— Не спеши на горячую сковородку, Смит! Будем и в Кантоне в свое время. Но сначала заглянем к старому знакомому на Камчатку.

— К атаману Кресту?

— Хм... догадлив. Но догадливые долго не живут... Знаешь?

3

Прошло не менее трех недель, прежде чем Абро-

сим Плотников почувствовал себя по-настоящему здоровым.

Освобожденный по приказу Барбера от пут и перенесенный в тот же самый матросский кубрик, в котором он провел свою первую ночь на «Юникорне», Абрисим попал в руки судового лекаря — одноглазого и сморщенного, как сморчок, старика-француза, которого все называли Жаком. Трудно сказать, понимал ли что-то Жак в тех хворях, лечить которые его обязывало занимаемое им положение или же пользовался правом списать любые свои неудачи на «волку Господню», только выздоровевших после его примочек и кровопусканий было куда меньше, чем отправившихся к праотцам. Хотя, честно говоря, Жак и сам считал, что многие живут лишь потому, что как-то умудрились родиться и никак не умеют умереть. Не мудрено, что в руках сего эскулапа выживали только самые могучие организмы, от природы наделенные здоровьем и волей к жизни.

Посмотрев высушенное, ставшее почти невесомым за время плаванья на шхуне тело Плотникова, заглянув в его горящие лихорадочным блеском глаза, Жак вынес свой приговор с таким видом, точно извещал больного о ждущем его богатом наследстве:

— Bigre!²⁶ Этот долго не протянет... — и старательно вытер руки о свои старые засаленные лосины.

Однако, несмотря на пророчества лекаря, душа Абрисима не спешила распространиться с его бранным телом. Молился ли кто за него так усердно, подействовал ли на хворь давний бабкин заговор, которым та проводила внука в путь-дорогу, только лихорадка стала отступать. Раны, полученные при схватке на палубе, начали затягиваться. Вернулся к Плотникову аппетит, а с ним вместе и желание жить. Мало-помалу Абрисим смог подниматься со своей парусиновой койки, которая принадлежала прежде матросу, убитому Котлеаном, и стал выбираться на палубу. Ему никто не препятствовал, но и к себе не позывал, компанию не заводил.

Корабль шел на всех парусах по бескрайней морской шире, двигаясь вослед Солнцу. Ежедневная матросская работа требовала от команды массы усилий, и морякам было просто не до Плотникова.

Он же, пользуясь своей невольной праздностью, старательно прислушивался к речи матросов, пытаясь вникнуть в смысл, запомнить новые слова, как бы мимоходом приглядывался ко всему происходящему на шхуне, все больше утверждаясь в мысли о победе, для которого пока не было ни необходимых сил, ни подходящего стечения обстоятельств. Дабы не привлекать к себе лишние взоры, Абрисим обычно подходил на палубе какой-нибудь укромный уголок и подолгу стоял там, сясья угадать, куда они плывут, где осталась Ситха, а значит и Айакаханн... Однако напрасно Абрисим считал, что его пребывание на палубе остается незамеченным. По крайней мере от

²⁶ Bigre — черт возьми (франц.)

внимания одного человека не ускользнуло ничего из того, что делал молодой русский.

Этим наблюдателем был капитан Барбер. Он исподволь следил за работным со своего капитанского мостика. Так наблюдает за еврашкой стервятник, кружащий в поднебесье, ожидая случая, чтобы заполучить его себе на ужин. Однажды капитан вызвал к себе Смита и Жака и сказал:

— Скоро Камчатка. С русского глаз не спускать! Вы оба за него своей шкуркой отвечаете...

— Mais certainment, monsieur²⁷, — пробормотал француз.

Смит промолчал. Мысли, промелькнувшие у него в голове, к счастью для Плотникова да и для самого матроса, остались Барберу неизвестными.

...К цели своего плаванья шхуна подошла в один из тех дней, когда Абросим уже довольно крепко стоял на ногах. Безделье его закончилось. Определенный в помощь судовому коку, Плотников большую часть времени скоблил и драли черные от сажи котлы, выполнял на камбузе другую грязную работу.

Но поскольку появление земли на горизонте на любом океанском корабле — событие особенное, то Абросим вместе с другими матросами в этот день не отходил от борта, разглядывая приближающийся берег.

Неведомая земля, поросшая дремучими, как на Ситхе, лесами, притягивала взор Плотникова, точно норд стрелку компаса. Что это: остров, материк? Абросим, не смотря на неприязнь, испытываемую к Смигу, не удержался и спросил его об этом.

— Камчатка, — коротко ответил тот и, заметив, как просветлело лицо работного, поднес к его носу пудовый кулак. — Попытаешься сбежать, щенок, — убью!

Смысл страшных слов матроса, хотя и дошел до сознания Абросима, но не произвел на него должного впечатления. Плотников думал о другом. Перед ним лежала отеческая земля, которую он не видел более двух лет. И не важным показалось ему, что в ту пору он мечтал поскорее покинуть ее, укрыться за океаном, попытаться найти там свою долю. Не суть даже то, что на этой земле и теперь может ожидать его всякое: новая неволя, кнут и щипцы ката, а то и гибель... Главное: он — на родине! Здесь каждый куст, каждый пригорок — свои: укроют, помогут. Только бы прикоснуться к ним рукой. Только бы поскорее очутиться на берегу...

Этому желанию Абросима осуществиться удалось не сразу.

Когда «Юникорн» вошел и встал на якорь в небольшой, закрытой с трех сторон бухте, солнце клонилось к закату и своей нижней золотой гребенкой цеплялось за вершины горного хребта, уходящего куда-то в глубь полуострова.

Вскоре по прибытии в бухту Барбер, прихватив с

собой Смита и нескольких матросов, отправился на берег и вернулся на корабль только к следующему утру, в приподнятом настроении и изрядно навеселе.

По его приказу большая часть команды, включая и Плотникова, несколькими рейсами двух шлюпок была перевезена на прибрежную косу. Там прибывших уже поджидал низкорослый, кривоногий человек азиатской наружности, в лисьем малахае, который, ни говоря ни слова, повел вытянувшихся цепочкой моряков к темнеющим вдали скалам.

Абросим, не имевший даже возможности подойти к первому встреченному им соотечественнику, не то, чтобы расспросить его о чем-то, шагал в середине цепи, между Смитом, чья квадратная, как посудный шкаф, спина мерно покачивалась впереди, и прихрамывающим следом и нудно брюзжащим Жаком.

Шли довольно долго. Тропа, которой вел их провожатый, была каменистой и извилистой. Она то круто взбегала на горный кряж, то скользила в ущелье. Отвыкший за недели плаванья от пешей ходьбы, да и не окрепший еще окончательно после болезни, Абросим почувствовал, что устал. Ноги налились тяжестью, словно бредет он по глубокому снегу или раскисшему полю. В таком состоянии далеко не убежишь! Значит, еще не время! Пока же сама природа будто противилась этому: скалы так сжали тропу своими отвесными стенами, что свет не достигал дна ущелья и его темный лаз казался бесконечным.

Неожиданно базальтовые громадины отступили от тропы, и отряду Барбера открылась небольшая уютная долина округлой формы, со всех сторон охраняемая горами, поросшими лиственным и хвойным лесом.

В центре долины находился какой-то лагерь, вились дымки костров, виднелись фигуры людей. По мере приближения к становищу, оно все больше напоминало Абросиму жило кадьякских коняг, в котором довелось коротать ему одну из ночей на пути в Ситху: те же землянки с куполообразными насыпными крышами, несколько шалашей, сооруженных из длинных жердей и раскидистых сосновых лап, и только посередке единственное деревянное строение, похожее на барак с тусклыми бычьими пузырями вместо стекол. От его порога навстречу прибывшим направились два человека: один — кряжистый, с окладистой русой бородой и голубыми глазами, второй — высокий, с чисто выбритым лицом, на котором застыла, точно приклеенная, улыбка. Следом за этими двумя потянулись к чужеземцам от своих костровищ другие обитатели селения, почтительно держась от них на некотором расстоянии. Большая часть встречающих — в зипунах и портах домотканых, в камлейках и парках, сработанных камчадалами, а если и встречается на ком камзол из дорогого сукна, то в таком растерзанном виде, что смотреть жалко. Зато оружие при каждом в наличии: кинжалы, пистолеты, сабли.

— Гулящие люди, разбойники, — догадался Аб-

²⁷ Mais certainment, monsieur — Ну разумеется, сударь (франц.)

росим. — Вот тебе раз: как ни кинь — все клином выходит... Одна надежда токмо, что свои, православные: может, заступятся... Костями лягу, а на шхуну не вернусь!

Между тем кряжистый бородач потрепал проводника по плечу:

— Молодец, Хаким! Споро обернулся, — и обратился к Барберу. — Ну как, капитан, голова не болит? Пойдем в избу, стол накрыт — лечиться будем... — Он щелкнул себя по горлу. — А людишки твои пушай пока у костра отдохнут, пивка нашего отведают. Мое изобретение. Из еловых шишек варим, от скорбута — первостатейное средство! Ну и хмель добрый, паче твоего рома будет... — и заметив, что Барбер отрицательно качает головой и показывает рукой на солнце, добавил, адресуясь уже к Смиуту:

— Растолмачь капитану, что работа — не волк, в лес не убежит! А товарищ с товарищем, может стать, и не свидятся боле... Посему, сначала попируем, а потом и за дело примемся. И пушай не дуется, как тесто на опаре: до ночи все шкуры его на берегу будут. Орава-то у нас, вишь какая: за одну ходку управимся. Верно я говорю, братцы? — окинул он взором окружающих его людей.

— Верно, атаман! Любо... — откликнулись те послушливым эхом.

— Ну пойдём, пойдём, дружок, — приобнял за плечи атаман все еще упирающегося сэра Генри, увлекая его за собой. — Будя ломаться, аки девка непороченная... Шпас по чарке-другой примем, и душа с телом в лад войдут...

Барбер, уступая то ли хлебосольному атаману, то ли собственной головной боли, махнул рукой команде:

— Растаг! Гуляй покуда!

«Морские волки» тут же разбрелись по лагерю и, зазываемые его обитателями, расселись вокруг костров, радуясь нечаянному празднику. Тут же откуда-то появились большие деревянные бадьи с пивом, куски вяленой оленины. По кругу пошли ковши с пенным питьем, трубки, набитые отменным вирджинским табаком, началось обычное при таких встречах знакомство и братание.

Абросим, не помня как, очутился у одного их таких костров, рядом с молодым уже, светлородым мужичком и Жаком. Смит, перекинувшись с лекарем парой фраз, ушел в сторону атаманского дома, должно быть, толмачить. Вышло так, что к их огоньку больше никто не подсел, найдя себе другую компанию.

Мужик, чувствуя себя хозяином, пытался что-то объяснить Абросиму знаками, принимая его по одежде за чужеземца. Его жестикуляция и гримасы были так смешны, что Плотников, впервые за много дней, не смог сдержать улыбку:

— Да русский я, батя, православный.

— Ишь ты... — недоверчиво округлил глаза мужик.

— А ну, побожись!

— Вот те крест, — погасив улыбку, Абросим пе-

рекрестился и, достав нагрудный крестик, поцеловал его.

Мужик, и без того ошарашенно взиравший на Плотникова, перевел глаза на его позеленевший от пота медный крест ручной работы и вдруг переменялся в лице, точно увидел что-то давно забытое:

— Откель это у тебя, паря?

— Что? — не понял Абросим.

— Крест энтот...

— Так мой... От родителей достался... А что такое?

— Да так, померещилось, — отвел глаза бородач.

— Ну, попей пивка от...

Абросим отхлебнул из ковша большой глоток густого, пахнущего лесом питья и протянул ковш Жаку, напряженно вслушивающемуся в их разговор и, не в силах ничего понять, беспокойно зыркающему по сторонам единственным глазом.

— А звать-то тебя как, мил человек? — выждав какое-то время, спросил мужик.

— Абросимом кличут... А его, — кивнул работный на лекаря, — Жаком.

— Ишь ты, Жабом, что ли? Ну и имечко... — усмехнулся в бороду сотрапезник. — А меня величать Иваном...

Ковш еще раз прошелся по кругу. Разговор что-то не клеился, хотя и мужику, и Плотникову хотелось о многом расспросить друг друга.

— А послушай, Абросим, какого лешего-то тебя к чужакам занесло? Али же жабы энти иномродные тебе православных милее? — взбодренный хмельным угощением, бородач вновь, но уже вплотную, обратился к работному, в то же время из вежливости косясь на француза — не обидеть бы гостя непотребным словом.

— Не бойсь, Иван. Он по-нашему — ни бельмеса, — успокоил мужика Плотников, но на вопрос его не ответил, не зная еще, можно ли довериться ему.

Мужик, видно, почувствовал, что скрывается за нерешительностью Абросима и, в свою очередь, подбодрил работного:

— Э, да ты сам бойсь! Не робей, паря, ежели у тебя чё за душой имеется, так мы тут все не ангелы... Гулящие мы, вольные люди. А за старшого про меж нас батька Крест. Мабудь, слышал про такого?

Плотников отрицательно покачал головой.

— Живем, вишь, жизнью лесной, — продолжал Иван. — Промышляем, чем Бог пошлет, — он выразительно похлопал ладонью по рукояти казацкого кинжала, торчащего из-за кушака. — А ты, никак, в бегах?..

— Компанейский я... Российско-американской торговой компании служитель, — уклончиво сказал Абросим.

— Цыц ты, тише... — приложил палец к губам Иван и опасно посмотрел по сторонам. — Глянул ты мне, паря... А то бы упреждать не стал! Никому больше не говори такого. Энта твоя компания атаману нашему, как камень для косы. Он при одном упоминании оной лютей лютого делается... Да и капитану

твоему, сдастся мне, она также не по нутру! Не возмущу в толк, чаво угораздило тебя в сотоварищи к нему затесаться...

— Не сам иду — нужда ведет... — вырвалось наконец у Абросима признание. И уже более не таясь, Плотников, не обращая внимания на налегающего на пиво и уже захмелевшего Жака, стал торопливо рассказывать новому знакомому все, что приключилось с ним, начиная с того самого дня, когда, посланный Василием Медведниковым проверить запруды, вышел он из ворот Архангельского заселения.

...Костер почти погас, а низка из корья, в которой было принесено пиво, опустела, когда Абросим закончил свой нерадостный рассказ.

Храпел, притулясь сгорбленной спиной к березовой колоде, Жак, и мухи ползали по его лицу, безобразно, словно по челу покойника.

От соседних костров доносились нечленораздельные возгласы подгулявших моряков и соратников Креста. Где-то пробовали петь. Абросим узнал песню. «Матушка, матушка, дай воды напиться...» — ее любила петь Настя... Как давно это было. Будто и не с ним...

Иван, выслушав исповедь Плотникова, надолго замолк, скребя затылок растопыренными пальцами. А когда заговорил, то вовсе не о том, о чем ожидал промышленный.

— Дозволь-ка, паря, на твой крест еще один разок глянуть, — неожиданно обратился он к Абросиму.

Тот, пожав плечами: изволь, коли охота, снял с себя крестик и протянул мужику. Иван осторожно, словно драгоценность, принял крест, который сразу утонул в его широкой мозолистой ладони.

«Вот те на, — про себя отметил Плотников, — разбойник-разбойником, а руки, как у пахаря, трудовые...»

— Тебя, часом, не Плотниковым прозывают-от? — вдруг, оторвав взгляд от креста, пытливо уставился на Абросима Иван, в лице его что-то неуловимо изменилось, напряглось, задрожало, будто балалаечная струна.

— Плотниковы мы... — настал черед удивляться Абросиму.

— Не графьев ли Толстых тягловые землепашцы?..

— Их самых... Из села Ильинское Кологривского уезда Костромской губернии проистекаем. А тебе откуда Плотниковы-то известны? — попытался перебить вопросом вопрос рабочий.

Но Иван словно и не слышал его:

— А матушку твою, случаем, не Агафьей зовут?

— Звали Агафьей Митрофановой...

— Звали?!

— Померла... Почитай годков семнадцать назад. Я еще совсем несмышленишем был...

— Померла... — голос Ивана осекся, и он снова замолчал. Только теперь уж по-иному. Тяжко.

— А ты сам не из наших ли мест? Не ильинский

ли? — загорелся Плотников. — Может, про тятку моего что знаешь? Бабка Ефросинья сказывала, он в бега подался, еще когда мать на сносях была... Так с тех пор и не объявлялся...

— Знаю, Абросим. Как не знать-от...

— Так он живой? — даже привстал Плотников.

— Жив покуда...

— И где ж обретается теперь?

— Да тут, недалече.

— И мне что, повидать его можно?

— Ишь ты, проворный какой, будто лопата... Считай — уже повидал.

— ?!

— Крестик-то энтот моими руками сработан, сынок... — разжал Иван ладонь и протянул Абросиму его нательный крест.

4

Откуда взялись Плотниковы в Ильинском, никто не ведает.

То ли объявились они в то лихоимное время, когда родовое имение Толстых, полученное графом Петром Андреевичем за служилые заслуги от самого Государя Петра Великого, было отнято у его потомков и переходило из рук в руки всякого рода временщиков, то и дело перестраивающих усадьбу вплоть до 1760 года, пока императрица Елизавета Петровна высочайшей милостью не вернула из ссылки настоящих хозяев, вместе с титулом возвратив им ключи от Ильинского со всем скотом и крепостными душами в придачу. То ли занесла вместе с приданным плотниковское семя на кологривские земли из Рязани новая хозяйка — Анна Федоровна (урожденная Майкова) — жена одного из многочисленных правнуков родоначальника Толстых.

В общем, сие покрыто тайной. Да и кому какое дело: откуда берутся крепостные крестьяне, если им самим некогда да своих корней доискиваться?

Родился крепостным. Рос таковым. Женился по воле барина своего или же с его согласия. Наплодил с милой или нелюбой женой своей ему детишек. Тоже крепостных. Коли не обрили тебе лоб да не угодил в солдатчину, состарился на подъяремном труде прежде времени. И умер тем, кем и родился — безгласной скотиной, собственностью своего господина.

Плотниковы не были исключением из общего правила.

Но только до поры.

Появился тогда в имени новый управляющий — немец. Не то Функ, не то — Фукс, за глаза прозванный «Лихо». Сухой, строгий, дотошный. А поскольку тогдашние хозяева Ильинского все больше по петербургам да заграницам обретались, был этот Лихо для холопов — и Бог, и царь, и судья. И надо сказать, безжалостный и несправедливый. Скольким людям жизнь покалечил, скольких извел мелочными придирками. И не ведомо сколько еще натворил бы управляющий, если бы не столкнула однажды судьба его с

Петром Плотниковым — ильинским кузнецом, прадедом Абросима. Что там промеж них случилось, о том молва умалчивает, но конец истории известен: сунул Петр немца головой в раскаленный горн. Избавил односельчан от ненавистного Лиха. Ну и сам также сгинул. Пропал на каторге.

С него и прилепилось к Плотниковым нестираемое, точно катово клеймо, прозвище — «варначий род». Хотя и сын Петра, и внук его — Иван, были в Ильинском людьми не последними: мастеровыми, как и предок их, кузнецкому делу обученными. Однако ж, недобрая слава приходит споро, а держится цепко. Благодаря ей никаких поблажек Плотниковы не имели, и, напротив, несмотря на свое ремесло, стали в имении чем-то вроде той пробки, что каждой дыре затычка. Где похуже, туда и толкают.

Так, не успел Иван Плотников обвенчаться с Агафьей, а ему уже графскую волю объявляют: в рекрутчину айда! А это, почитай, на гибель верную. Война как раз с прусским королем приключилась. И кто из мужиков с бритым лбом из Ильинского уходил, ни один назад не вертался. Пришлось Ивану, покинув молодую жену свою и мать престарелую Ефросинью, в бега податься, в надежде живот сохранить и долю лучшую сыскать.

Поначалу бродяжничал Иван, бедовал, прячась по лесам и оврагам. Но вот и перед ним воля-волюшка замаячила. Прослышал Плотников от таких же, как сам, гулящих людей, что объявился на реке Яик, что у самого подножья срединных гор протекает, добрый

царь — «ампиратор» Петр III-й, кой в грамотках своих прелестных освобождение от бар обещает и землю господскую в вечное пользование жалует. Поверил Иван этим обещаниям, встал под Петровы хоругви. С армией народного заступника прошел по всему поясу Каменному, Поволжью. Жег именья, вешал господ, государя признавать не пожелавших, участвовал в баталиях, пока под городком Кунгуром в плен не угодил. Тут бы не миновать ему петли или дыбы, да, воспользовавшись суматохой, какая среди победителей непременно обнаруживается, удалось Ивану убежать вдругорядь. Теперь уж, без оглядки, подался он встречь солнцу, подалее от правосудия. Всякими правдами и неправдами добрался до Камчатки, где и перехлестнулись его пути-дорожки с Хакимом, бывшим сотоварищем по восстанию, а ныне — беглым каторжником и правой рукой грозы здешних мест — атамана Креста. Ему и представил Хаким Ивана как человека надежного и проверенного. С тех пор и обитает Плотников-старший в крестовской ватаге.

А сыну его, о коем и не догадывался Иван, вестимо, иная судьба выпала, однако, как и всем Плотниковым — не сладкая.

Рано оставшийся без матери на руках у бабки, Абросим рос мальчонкой смышленным и непоседливым, заводил ильинской ребятни. В детстве, когда разница в положении ощущается не столь безысходно, был он первыми приятелем в играх и шалостях барчука — малолетнего графа Федора Ивановича. До той

самой поры, пока оно не отослало для обучения в Морской кадетский корпус.

Абросима же, заприметив, старый граф Иван Андреевич оставил при дворе, в помощь камергеру, а паче для участия в сценических потехах. Следуя столичной моде, замыслил граф завести в кологривской глуши свой собственный театр. И чтобы все — честь по чести: и кулисы, и декорации, и актеры. С тем и стал он сколачивать труппу из молодых парней и девок посмазливей. Добрым лицедеем Плотников так и не стал — то ли природного притворства, то ли желаниа не достало, но зато на игрищах этих повстречал он судьбу свою — синеглазую Настю — дворовую девку Толстых, по барской воле и Божьему промыслу первую актрису в графском театре. Глянулась она Абросиму, и он ей по душе пришелся.

Про то, как потянулись они навстречу друг другу, как, не убоившись гнева церкви и немилости графской, отдалась Настя Плотникову вся без остатка, как поклялся он никогда с ней не разлучаться — это разговор особый. Токмо любовь, кашель да огонь от людей не спрячешь. Прознал об их любви старый граф и осерчал зело. Он, оказывается, на Настю свои виды имел. У кого кнут в руках, тот в стаде и пастух...

Абросима, чтобы не помешал исполнению графского замысла, отрядили в сопровождающие к обозу, отправляющемуся на нижне-городскую ярмарку. А пока он в отлучке был, граф Настю за своего старика-дворецкого замуж выдал. Тому уж почитай восьмой десяток пошел. Какой из него муж? Да, видно, у Ивана Андреевича прицел дальний был, что и самому кусок от свадебного пирога перепадет...

Токмо просчитался граф. Не пожелала Настя слово, данное суженому, нарушить. Тем же вечером в пруду приусадебном утопилась.

Спустя полтора месяца, не чуя беды, воротился Абросим. Узнал черную весть. Налился гневом. Схватил нож, кинулся старого графа искать. А тот, как нарочно, в уезд укатил, на собрание дворянское. Не найдя обидчика, поклялся Плотников отомстить за Настину смерть. Пустил «красного петуха» под кровлю барского дома, а сам, простившись с бабкой Ефросиньей, со слезами надевшей ему на грудь отцовский крест, проторенной тропой ушел в леса. Благо, они в даях российских — немеряны, до самого Великого моря простираются.

С того и началась для Абросима дорога, которая через Новый Свет и многие превратности, уже нам известные, привела его в лагерь разбойничий и отца родного повидать позволила.

...Когда первое волнение от встречи с сыном улеглось, Иван Плотников поднялся, одернул армяк:

— Пойдем, сынок, — обратился он к Абросиму.

— Куда?

— К атаману на поклон. Акромя его никто делу нашему не поборник.

Оставив спящего лекаря у костровища, они медленно стали пробираться к атаманскому жилу, лави-

руя между компаниями подгулявших ватажников и матросов с «Юникорна», распевających свои дико звучащие песни, пьяно гогочущих и грязно ругающихся друг с другом.

Перед баракком Плотниковы остановились. Иван, некоторое время потоптавшийся на пороге, размахисто перекрестился и, толкнув от себя тяжелую дверь, первым вошел в нее.

Пиршество у атамана было в самом разгаре. Угощение здесь было пообильней, чем у костров. На грубом, сработанном из неструганных сосновых досок столе, промеж низок с розовато-красной кетовой икрой и наваленной горами жареной лосятины, глиняными ковшами с пивом, выделялись никак не вяжущиеся с простотой обстановки хрустальный графин с водкой и украшенные резьбой чарки. Картину довершали пузатые бутылки с ромом — подношение Барбера атаману.

По покрасневшим, возбужденным лицам гостей и хозяев — Креста, Гузнищевского и Хакима, чувствовалось, что застолье уже перевалило ту стадию, когда языки развязались, а ноги становятся непослушными.

— Деньги, сэр Генри, тем и хороши... — донеслись до слуха вошедших слова Гузнищевского, обращенные к капитану. — Эй, как там тебя? Растолмачь ему сию же минуточку... Де-не-ги, я говорю, это — благо абсолютное! От всех протчих благ отличное... Все остальное в сем мире служит одному желанию... — приказчик стал загибать непослушно топорщащиеся пальцы. — Еда нужна... Кому? Голодному. Вино — здоровому. Баба — молодому! А денежки — всякому! Ибо имеешь ты оные в наличности, и все разом у те-я появляется... О-кей?

— О-кей! — Барбер был настроен благодушно. Он что-то сказал Смигу на ухо, и тот громко перевел:

— Господин капитан говорит, что богатство подобно морской воде. Чем больше пьешь, тем сильнее становится жажда! Сэр Генри предлагает выпить за тех, кто любит морскую воду, за богатых людей!

— Баско байшь! — атаман поднял свою чарку, и тут его рассеянный взгляд наткнулся на фигуру Ивана Плотникова, со сдернутой шапкой стоящего у порога. — Чаво тебе, Иван?

— Заступись, батька. Челом бью, заступись...

— Заступиться? Так, вроде, ты и сам от маткиного вымени давно оторвался... Ну, выкладывай, не тяни kota за хвост, — недовольный несвоевременным вторжением ватажника, коего он, впрочем, уважал за степеньность и послушание, буркнул Крест.

— Сын мой, Абросимом кличут... — подтолкнул вперед Иван младшего Плотникова, стоявшего до этого за его спиной. — С гостями-от пришел... Свиделись...

Крест скользнул по Абросиму взглядом и непонимающе произнес:

— Ну и какого рожна? Радуйся, я-то тут при чем? Али в свидетели зовешь, али чарку за его здоровье поднять просишь? Это мы — зараз...

— Нет, батька. Не о сем моя печаль... В аманатах он у ево значится, — кивнул Иван в сторону капитана. — Христом Богом прошу: не кинь в беде! Выкупи... Живота за тя не пощажу...

— Да-а, — протянул Крест. — Отец был Фрол да детки Миронычи... Верно гутарит? — перевел он взор на сэра Генри, которому Смит торопливо переводил смысл сказанного.

Барбер, благодушие коего мигом улетучилось, кивнул.

— Ай, бачка Крест, — округлил глаза Хаким, — помоги Ивану. Иван — верный нукер... Хаким давно знает, тожа просит...

Иван благодарно поклонился Хакиму и замер, ожидая решения атамана.

Тот, чувствуя, что очутился между двух огней, обратился к гостю:

— И то, мабудь, уступишь мне парнишку, сэр Генри?.. Хаким правду сказал: отец евойный — казак справный. Грех забижать... Сколько за чадо Иваново бобров хочешь?

Капитан отрицательно покачал головой. Икнул, отхлебнул из ковша, услужливо протянутого Смитом, и проскрипел что-то толмачу. Тот, выслушав Барбера, осклабился и огласил слова своего хозяина:

— Капитан не может взять выкуп. Мальчишка нанес ему обиду. А она смывается кровью! Но сэр Генри ценит дружбу господина атамана... Он подарит ему этого русского... При одном условии: если тот останется жив...

— Как? — не уразумел Крест.

— Мальчишка будет драться на ножах с тем, кого укажет капитан.

— И кто же станет его супротивником? — в бараке воцарилась тишина, словно в храме или на погосте.

— Я! — рявкнул Смит и уставился на Абросима взглядом, не сулящим последнему ничего хорошего.

5

— Спорников в круг! — зычно распорядился атаман собравшимся на нечаянную потеху ватажникам и пиратам.

Те расступились, освобождая место для поединка.

Плотников и Смит вышли в центр круга и встали друг против друга, сжимая в руках холодно поблескивающие морские тесаки.

Зрители с пристрастным вниманием разглядывали бойцов, спорили, кто одержит верх, делали ставки, заключали пари.

— Шесть пиастров против одного, — прохрипел старый боцман «Юникорна» только что проснувшегося и тщетно пытающегося вникнуть в суть происходящего Жаку. — Ставлю шесть золотых, что Смит за минуту выпотрожит этого куренка! Я видел Смита в двадцати абордажах. Чтoб мне никогда не знать якорной стоянки, он владеет тесаком лучше, чем ты своими пивавками!

Вряд ли кто из собравшихся думал иначе. Хотя по лагерю в мгновение ока разлетелась весть, что один из противников — сын Ивана Плотникова, симпатии соотечественников Абросима легко склонялись в пользу грубой силы чужеземца.

— Сдается мне, не одолеть парнишке спорника... — попытался посочувствовать Ивану стоящий рядом с ним ватажник.

— Не лай, Митрий! Без тебя тошно... Авось, сдюжит... — угрюмо отозвался Иван, пытаясь не смотреть в сторону Смита.

Сравнение, и в самом деле, было не в пользу Абросима.

Матрос, обнаженный по пояс, возвышался над младшим Плотниковым тяжело и непоколебимо, как скала. Грудь и плечи его были украшены татуировкой, на которую так охочи обитатели нукагивских островов. Только орнамент, которым неизвестный художник расписал тело Смита, был совсем иного рода. На левой стороне широкой, выпуклой груди матроса красовалась висельница, под которой почему-то по-немецки было выколото «С нами Бог!». На правом предплечье со знанием дела мастер нанес паутину, из которой высовывалась мохнатая лапа дьявола. Она была изображена так искусно, что сама рука матроса с тесаком, зажатым в ней, казалась продолжением сатанинской длани, готовой вонзить свой стальной коготь в любого, кто приблизится на опасное расстояние.

Приготовления к поединку завершились тем, что несколько ватажников вынесли из атаманова жила и расстелили на пригорке дорогой персидский ковер — недавнюю добычу Креста после набега на магазин российско-американской компании в Ключах. На него уселись Барбер, Крест и Гузнищевский. Хакима атаман отослал проверить выставленных у входа в ущелье караульчиков, дабы за игрищами не проворонить настоящей беды — жандармов и солдат капитана Федотова — неугомонного губернского служаки.

Барберу, к которому постепенно возвращалось хорошее настроение, предстоящее зрелище вдруг напомнило корриду, увиденную капитаном однажды в Лиме. Смит — могучий и свирепый, как Joros²⁸, и русский — гибкий и стройный — вылитый тореро... Не хватает лишь красной мантии в руках. Однако Смита, похоже, и злить не надо. Сэр Генри уже давно не видел своего толмача таким возбужденным и жаждущим крови... Барбер криво усмехнулся: «Все-таки славную шутку я придумал: чтoб и с атаманом не поссориться, и русского на верную гибель послать...»

По сигналу Креста противники отступили друг от друга на несколько шагов, затем начали сходитьсь. Уверенный в своем преимуществе, Смит двинулся к Абросиму напролом, спеша как можно скорее покончить с этим ненавистным русским. Абросим же, на-

²⁸ Joros — бык (испанск.)

против, легко ступая по траве, придвигался к матросу как бы по касательной, скользя то в одну, то в другую сторону, вызывая этим грубые насмешки собравшихся, считающих, что он трусит.

Когда до Плотникова осталось футов восемь, Смит сделал рывок и резко выбросил вперед руку с тесаком, целясь своему врагу в грудь. Неожиданно для матроса его тесак вспорол пустоту, а Абросим, вынырнув откуда-то из-под руки Смита, нанес ему удар в предплечье и резво отпрянул в сторону. Рана оказалась неглубокой, скорее, не рана, а царапина, но рука окрасилась кровью, словно стекающей с когтей избраженной на ней лапы.

Эта царапина, а пуще того — смех и хохот собравшихся — вывели Смита из себя. Глаза его по-бычьему налились кровью:

— Ну берегись, сучонок! — процедил он и снова ринулся на русского.

И опять каким-то неуловимым изгибом тела Абросиму удалось ускользнуть от смертоносного удара.

— Убей его! Достань мальчишку, Смит! — орали пираты, поставившие на матроса свои деньги.

Однако, вопреки первому неблагоприятному впечатлению, стали появляться сторонники и у молодого русского, которым пришлось по нраву, что он не спасовал и не позволил громадному иноземному матросу разделаться с собой не за понюх табаку.

— Ну-ка, покажи ему, паря, где раки зимуют! Не поражи отца! — больше других горячился тот самый Митрий, который усомнился сперва в молодом Плотникове.

Между тем Смит, совершив еще несколько попыток выпустить Абросиму кишки и получивший еще пару незначительных порезов, решил переменить тактику. Он стал двигаться медленнее, расчетливее, что при подначках толпы и накатывающих на него приступах ярости давалось ему нелегко. Но матрос не был бы опытным бойцом, если бы не знал, что в поединке главное — неожиданность. И вот, улучив момент, когда русский приблизился к нему, матрос вдруг перебросил тесак в левую руку. Когда же Плотников, реагируя на обманный прием, отступил влево, Смит нанес ему кулаком мощный удар в лицо. Тяжелый, как интриппель²⁹, кулак подручного Барбера, несомненно, расплющил бы Абросиму нос и пересчитал зубы, если бы тот в последнее мгновение не уклонился чуть-чуть в сторону, смягчая силу удара. И все же, несмотря на это, атака Смита достигла цели. Из носа и губ русского брызнули струйки крови. Плотников, не устояв на ногах, отлетел сажени на полторы назад и тяжело, словно мешок с отрубями, плюхнулся на землю и застыл неподвижный, все еще сжимая в руке бесполезный теперь тесак.

Смит издал торжествующий рык, слившийся воедино с радостными воплями его поклонников, уже празднующих победу. Медленно, враскачку, матрос приблизился к поверженному врагу. Переложив те-

сак в правую, измазанную своей и чужой кровью руку, склонился над Абросимом, чтобы последним точным ударом притворить его к земле.

— Не замай! — рванулся на выручку сыну Иван и обмяк в крепких объятиях ватажников: хучь и жалко Ивана, а правила нарушать нельзя никому. Поединок — он и есть поединок!

Крик старшего Плотникова, хоть и ненадолго, да отвлек Смита от выполнения намеченного. Матрос обернулся на голос Ивана и захохотал ему в лицо, дерзко, вызывающе. И в этот момент Абросим, придя в себя, из всех сил выбросив вверх руку с тесаком, вонзил свой клинок в подреберье толмача.

Смит, точно поперхнувшись смехом, умолк, удивленно вскинулся и без стога осел рядом с Абросимом на пожухлую, вытопанную их ногами траву.

...Поздним вечером, когда тюки с бровевыми шкурами и тяжело раненный Смит были перенесены на взморье и началась перевозка грузов и людей на шхуну, Барбер и Крест простились, пожелав друг другу удачи. Капитан собирался следовать в Кантон, на обратном пути обещаясь навестить атамана. Простились сухо, немногословно. Нехватка толмача ощущалась особенно остро. Самому же Смигу, отданному под опеку Жака, было, понятно, не до бесед.

И все же сэр Генри, раздосадованный поражением матроса, не преминул заметить Гузницевскому, немного понимавшему его речь:

— Разрази меня гром! Будь с ним поосторожней! — он показал глазами на Абросима, вместе с отцом и другими ватажниками укладывавшего в шлюпку тюки. — Этот салажонок умеет показывать зубы... И не дурак. Как бы, когда я отчалю от вашего рифа, он не сделал дураками вас...

Гузницевский только пошире раздвинул свою неизменную улыбку:

— Все будет о-кей, господин Барбер, — однако, в памяти поставил сторожок: что-то в свалившемся, как снег на голову, отпрыске Ивана Плотникова не нравилось Иннокентию самому, что-то было непонятным, что-то тревожило.

Потому, когда, вернувшись в лагерь, укладывались они с Крестом спать и атаман, вспомнив поединок, похвалил Абросима, мол, малец-то Иванов — ничё, верткий, ишь какого бугая завалил, Гузницевский не удержался, высказал другу свои тревоги:

— Так-то оно так, Серафимушка... Токмо сдается мне: проверочку Плотниковскому отродью все одно надлежит устроить. Кровью повязать. Да не чужой, своей, россейской. Дабы уже навсегда наш...

— При случае и устроим, — согласился атаман. — А пока спи, брат.

— Так ведь есть случай-то...

— Ну чаво там еще?

— Должок один старый надлежит мне отдать. В Нижне-Камчатске. Помнишь, говорил я... Сызмальства терпеть не могу в должниках ходить...

²⁹ Интриппель — морской топор

«Сколь бедственна наша жизнь — о том написаны тысячи книг. Соломон, Сократ, Златоуст, Жан Жак Руссо, Эдуард Юнг и многие более или менее о том говорили.

И подлинно, кто не испытал горя и радости, скуки и удовольствий по мере того пути, по которому он проходил в сем мире сует?

Я надпомнил уже многое, но нельзя забыть и других произшествий, которые в свое время занимали или терзали сердце.»

Хлебников поставил точку и, почистив перо в деревянном ящичке с песком, отложил его в сторону. Присыпал написанное тальком, стряхнул. Пробежал еще раз глазами последние предложения. Задумался.

Сколь значимы мысли, коие дерзает он доверять пергаменту? Что вообще побудило его, простого, бесчинового человека, взяться за перо? Неужто скука? Да нет же, Кириллу есть чем занимать бесконечно длинные нижне-камчатские вечера. Коммерция не терпит конкуренции, ни со стороны людей, ни в смысле прочих занятий. Она требует от присягнувших ей полной самоотдачи... Стоит токмо открыть копейбух, невозможно оторваться! Отчего же, забывая о служебном рвении, записывает Хлебников не реестры и отчеты, а свои собственные раздумья о памятных событиях и знакомых ему людях? Может, это тщеславие, желание стать настоящим литератором?..

А может, подвигает его на сочинительство тайная надежда, что когда-нибудь Она прочтет все это? Прочтет и улыбнется своей загадочной, непостижимой улыбкой, озарившей однажды его жизнь... Токмо вряд ли решится Кирилл когда-нибудь предоставить свои творения Ее взору... Как не решился здесь, в Нижне-Камчатске, воспользоваться радушным приглашением губернатора — так и не зашел ни разу в Ее дом. Не зря говорят: гусь бобру не товарищ. Как бы ни было грустно сознавать это — всяк сверчок знай свой шесток!

И все же забыть ту, которую спас он из морской пучины, ради которой и сейчас, не раздумывая, пожертвовал бы жизнью, оказалось выше его сил.

Всего дважды за месяцы, прожитые на полуострове, видел Хлебников Елизавету Яковлевну. И оба раза издалека, в церкви. Однажды, в день праздника всех Святых, в сопровождении генерала, вдрutorьядь — вместе с какой-то барыней, наверное, женой губернского чиновника...

Кошелева усердно молилась. Ее грациозная фигурка под высокими сводами храма, в окружении икон и лампад, казалась еще стройнее. Кляня себя за греховные мысли, Кирилл невольно вспомнил, как обнимал эти хрупкие плечи, помогая удерживаться Елизавете Яковлевне на волне...

При воспоминании об этом и теперь горячая во-

лна пробежала по телу Хлебникова. Взгляд затуманился, сердце забилось неровно.

Сальная свеча — непозволительная роскошь для большинства обитателей Нижне-Камчатска, предпочитающих обходиться плошками с тюленьим жиром, оплывая гроздьями и потрескивая, освещала контуры: потемневшие от времени деревянные лавки у стен, сундучок с книгами у небольшого оконца. За ним — стылая осенняя ночь. Но думы Кирилла были сейчас далеко, в том солнечном утре, где на Охотском причале на маленьком складном стульчике сидела чудесная незнакомка, и золотые лучи создавали сияющий нимб над ее головой.

Ох, мечты, мечты! В чем ваша сладость? — Это поэтическое откровение знакомо каждому, кто влюблен. Или просто в эту пору каждый становится настоящим пиитом? Радужными красками расцветивает в себе милый образ, путая вымысел и реальность, ищет и находит чудо в обыденном, новым смыслом озаряет суетное до монотонности течение человеческого бытия...

Погруженный в сладкие воспоминания и несбыточные грезы, Хлебников на время потерял связь с окружающим миром. Он не обратил никакого внимания на шаги и приглушенные голоса, всколыхнувшие тишину за дверью конторы. Не заметил, как промелькнули в ее оконце два лица: одно — азиатское, угрюмое, другое — гладковыбритое, улыбочивое. Как вслед за этими лицами два вороненых пистолетных ствола сквозь мутноватое стекольце, подслеповато шараясь из стороны в сторону, стали выискивать свою цель.

..Грохот выстрела и звон разбитого стекла слились воедино. Ветер, ворвавшийся через беззащитное оконце, сбил пламя, чуть не погасив свечу. Пуля, просвистев, ударила о стену где-то над головой Хлебникова. Контора мигом наполнилась дымом, гарью, пороховым запахом.

Хлебников, скорее по наитию, чем осознанно, упал на пол и перекатился на бок, так, чтобы мощная дубовая столешница смогла прикрыть его, случись новое нападение. Но по Хлебникову никто больше не стрелял, а вот на улице громыхнул еще один выстрел и послышался сначала чей-то стон, затем топот убегающих ног.

Запоздало тявкали собаки в соседних дворах. Взбуродраженные пальбой, перекликулись часовые у острожка. Но к конторе никто не приблизился... Темно. Боязно. Кабы днем...

Вдруг кто-то тихо стукнул в дверь. Раз. Потом другой. Опасаясь нового подвоха, Хлебников не ответил. — Кирилла, — позвал его чей-то знакомый голос. — Открой, Богом прошу, скорей!..

Вооружившись топором, забытым давеча истопником, Хлебников приблизился к двери и, отодвинув железный засов, настороженно отступил назад.

Через миг дверь распахнулась, и в обросшем небольшой русой бородкой, одетом в стеганный ватный

полукафтан человеку, возникшем на ее пороге, Кирилл с трудом узнал своего закадычного друга и попутчика — Абросима Плотникова.

7

Всю дорогу до Нижне-Камчатска отец был необычно весел, шутил:

— Безрукий клеть обокрал, голодному за пазуху наклал, слепой подглядывал, глухой подслушивал, немой караул закричал, безногий в погонь погнался... Слышь, Абросим, вот исполним работку, и станешь ты среди мужиков нашенских вовсе за своего... Экая удача, чё нас с тобой в это дело определили!

— А что за дело-то, батя? — попытался выведать Абросим, не в силах при том сдержать улыбку: уж больно забавными показались присказки отца. За месяц, прожитый в ватаге Креста, он по-настоящему сроднился с Иваном, стал неразлучен с ним.

— И в каво ты такой торопыга? Погодь, доберемся уж до места — все узнаешь.

...В Нижне-Камчатск они отправились вчетвером: Плотников, Гузнищевский и Хаким. Иннокентий сперва не хотел брать с собой татарина: уж больно рожа у того заметная — рваные ноздри от чужих взоров никак не спрячешь! Но Хаким, боясь, как бы добыча, о которой поминал бывший приказчик, в очередной раз не ускользнула от него, прицепился к Гузнищевскому, как банный лист к ягодице.

— Черт с тобой! — сдался наконец на его уговоры Иннокентий. — Ночью все кони вороные. Глядишь, не заметут лягавые... — про себя смекнув: «Хакимка — конечно же, плут. Однако ж, подельник надежный, особенно, если дело кровушкой пахнет... Такой — помехой не будет. Да и за обоями Плотниковыми приглядит, а то, шут его знает, неровен час...»

— Идем должок отдавать, — сказал он своим спутникам перед выходом из становища. — Атаман нам свое благословение дает. А заодно и тебя испытаем, — зыркнул он в сторону Абросима, — каков в деле. Будет на дармовщинку ватажные лепешки жевать — пора свой пай в общий котел вносить!

Абросим нахмурился, но взгляд Гузнищевского выдержал, не смутился.

— Наш Абросим есть не просит, а дадут, так не бросит, — попытался отшутиться Иван. Сглаживая резкость слов Иннокентия, он потрепал сына по плечу, мол, не сердчай, и атаманов брат тоже шутит.

Но Гузнищевскому было не до шуток. Помимо того, как разделаться с ненавистным комиссионером, не давала ему покою другая забота: незаметно для Хакима извлечь из тайника, устроенного за дровяным сараем, что у конторы, кубышку со всем своим капиталом, по крохам собранным за бытность службы в компании.

До губернского центра добирались мучительно долго. Шли преимущественно по ночам, стараясь и в этих диких местах никому не попадаться на глаза.

Слух нигде так быстро не распространяется, как в глуши.

Затемно уже подошли к компанейской конторе.

Гузницевский, а следом за ним Хаким осторожно заглянули в светящееся неровным колеблющимся светом окно: здесь ли Хлебников?

— Все в порядке. Птичка в клетке...

Отошли немного в сторону, стали совещаться.

По замыслу Гузнищевского стрелять в комиссионера должны были Абросим и Хаким одновременно.

— Так — надежней, — пояснил приказчик. — Ты, Иван, на стреме постойшь. А мне надо тут поблизости еще кое-что изладить, — сказал и юркнул в темноту.

Абросим и Хаким зарядили пистолеты, взвели курки. Приблизились к оконцу, и младший Плотников заглянул в него. Там, в небольшой комнатке, у стола, с притепленной к нему свечой, сидел человек. И этим человеком был никто иной, как Кирилл Хлебников.

«Как он, посланный на Гижигу, очутился здесь, на Камчатке? Чем провинился перед людьми атамана Креста? Почему Гузнищевский все время называл его комиссионером?» — на эти и другие вопросы Абросиму некогда было искать ответ. Сейчас он ясно осознал лишь одно: нынче его черед спасать друга! И не важно, какой ценой...

Абросим скосил глаза на татарина, который, старательно сопя, прицелился в Хлебникова и, в тот самый момент, когда указательный палец Хакима лег на спусковой крючок, резко толкнул его под руку.

Раздался выстрел.

Хаким ошарашено уставился на Плотникова и заскрежетал зубами:

— Ай, дурной башка! Зачем Хакимку толкал? Не попал ведь...

— Переметнуться задумал, сучий потрох... — слышался голос Гузнищевского, невесть откуда появившегося у них за спиной. Приказчик стоял, прижимая левой рукой к груди какой-то сверток, в правой руке у него был пистолет. — Прав был сэр Генри, ты — паскуда еще та... Токмо не на тех напал! Прощевай покуда... — Иннокентий навел свой пистолет на Абросима и выстрелил.

Опережая его выстрел на какую-то долю мгновения, из темноты метнулась фигура человека. Иван Плотников, заслоня собой сына, принял грудью пулю приказчика и рухнул у ног Абросима.

— Отец, отец! — склонился над ним тот.

Иван медленно открыл глаза, хотел что-то сказать, но вместо слов хрип вырвался из его горла и хлынула кровь.

— Как же это, батя? — Абросим с трудом оторвал взгляд от родного лица, по которому пробежали судороги последних страданий, и растерянно оглянулся.

Ни Гузнищевского, ни Хакима рядом уже не было. Они скрылись, исчезли в непроглядной ночи.

* * *

Ивана Плотникова похоронили на Нижне-Камчатском погосте. Скромно, но по-христиански.

Кирилл и Абросим долго стояли, глядя на холм серой, точно присыпанной пеплом земли. Молчали.

За сутки, прошедшие после гибели отца, Плотников очень изменился. Почернел. Осунулся. Постарел.

Кирилл по себе знал это состояние, когда уходит навсегда тот, кто заслонял тебя от Вечности, и ты остаешься с нею один на один... Тут — ничего не подлаешь, не переменишь, ничем не поможешь.

И все же, когда возвращались назад, произнес, обращаясь к другу, иные слова:

— Держись, друже. Все будет хорошо... Главное — мы теперь вместе...

А наутро выпал снег. Первый в этом году. Нежданный.

Он покрыл всю округу — белый, наивно-чистый, точно мысли ребенка.

Друзья вышли на крыльцо.

Снежный полог скрыл от людских взоров выбоины дороги, неухоженность обочин, грязь дворов и улиц. Все приобрело какой-то торжественный, незем-

ной вид. Снег самим своим явлением как будто отделил от нынешнего утра день вчерашний, вместе с всем тем, горьким, непоправимым, что было в нем.

Доподлинно так. Не вычеркнул из памяти, не избыл насовсем. И все же, упав именно сегодня, стал видимой, осязаемой гранью между былым и грядущим. Также, как осеннюю распутицу, припорошил раны души, на самую малую толику уменьшил боль потери.

День нынче предстоял хлопотливый. Необходимо было нанести визит полицмейстеру, пожелавшему лично выслушать рассказ о ночном нападении. Кроме того — подготовить к отправке в Охотск партию бобровых шкур и договориться о расторжке со старшинами окрестных камчатальских селений. Начать решили с менее приятного — с похода в околоток.

Плотников и Кирилл пошли по улице рядом. И следы их ног двумя прерывистыми цепочками потянулись за ними. До тех пор, пока вдали не сошлись в один, общий след.

Ветер дул со стороны океана, неся с собой седые, косматые тучи.

Должно быть, к новому снегопаду.

Валентин ГРИШКОВСКИЙ

НАСТУПИТ ЛИ ВНОВЬ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД?

Принято считать, что Земля в прошлом неоднократно подвергалась нашествию ледников — из-за всеобщего похолодания и потепления на планете, что климат резко изменялся, флора и фауна загадочно погибали. Мы же попытаемся показать, что эпоха оледенения на Земле вовсе не наступала, что планета обошлась без всеобщего похолодания и что ледник по планете не продвигался, хотя и оставил на ее поверхности следы своего якобы продвижения.

Но почему все-таки изменялся климат? Почему не сохранились условия для жизни динозавров и прочих гигантов? Обоснованы ли утверждения о перемещениях по планете полюсов? Каковы причины этих «переворотов»? Повторятся ли подобные катаклизмы в будущем?..

Время вечного лета

«В палеозое оледенение охватывало по временам Бразилию, Южную Африку, Индию и Австралию».

БСЭ, 1972 г., т.9, с.486

Считается, что причины чередования дня и ночи, зимы и лета изучены так полно, что добавить к ним уже нечего. Однако, попробуем.

Представим себе время, когда все на Земле вращалось в плоскости эклиптики, т.е. ось Земли была все время перпендикулярна ее орбите (как у нынешней Венеры или Юпитера). Полюса в этих условиях никогда не поворачивались к Солнцу и поэтому обрастали вечным льдом значительно большей толщины и площади, чем сегодня. Льды непрерывно нарастали за счет интенсивного испарения на экваториальных широтах, лишенных сезонного похолодания. Массы воды из океанов намерзали на полюсах. Тяжесть и давление льда порождали аморфную текучесть, выдавливали нижние слои от центра к краям ледника. При этом обломки горных оснований (например, Хибин), перекатываясь подо льдом и перемалывая друг друга, перемещались на многие сотни километров, пока не оказывались выброшенными из-под тающих ледовых языков (например, в Карелии или Прибалтике). Сегодня их остатки известны под видом морен и ледниковых отложений.

Экваториальный пояс в ту эпоху ежедневно подвергался прямому солнечному испепелению и поэтому имел вид выжженной пустыни. Зато жизнь процветала в двух соседних поясах — севернее и южнее экватора. Здесь установились и тысячелетиями не изменялись самые благоприятные условия. У тающих ледников цвела вечная весна, предки мамонта всегда имели в достатке травы, плоды и коренья. Чуть дальше от лед-

ников благоухало вечное лето, и динозавры не нуждались в утеплении, еде или влаге. Тепло и отсутствие сезонных колебаний позволяли им не вынашивать плод, а размножаться яйцами, даже не высиживая их, благодаря чему животные вырастали до таких размеров, какие только допускало земное тяготение. И такое состояние на Земле — два пояса нескончаемой весны, два — непрерывных лета и два — недвижных ледника — оставалось неизменным много миллионов лет.

За это время нижние слои ледников переместили обломки пород на сотни километров, делая эти обломки круглыми и гладкими.

Будучи неподвижным, ледник оставлял на поверхности планеты глубокие следы своего якобы передвижения. Так буксует, не сдвигаясь с места, гусеничный трактор.

Одни источники называют этот период эпохой оледенения и всеобщего похолодания планеты (ведь ледниками была покрыта намного большая, чем сегодня, площадь Земли). Другие считают эрой тропической жары и веком динозавров. Третьи же полагают, что динозавров, а может быть и мамонтов погубил надвигающийся ледник (следы продвижения налицо). Мы же отметим, что это были самые лучшие для жизни условия, какие только существовали на планете.

В погоне за весной

«В середине пермского периода.... размеры морей сократились, значительно увеличилась площадь материков».

БСЭ., 1972 г., т.9, с.489

Когда Земля по каким-то причинам (о них позже) положила ось своего вращения на плоскость эклиптики (как сегодня Уран), условия для выживания ухуди-

лись. По принципу гироскопа (волчка) Земля поочередно поворачивалась к Солнцу то своим северным, то, через полгода, южным полюсом. Полгода над одним из полюсов Солнце, не заходя, выпаривало, высушивало и выжигало все дотла, тогда как на другом полюсе на это время воцарялся лютый космический мороз: до дна промерзали водоемы, а поверх льда нарастали немислимой высоты горы из снега и льда. Массы испарений с дневного полушария перемещались и намерзали на ночной стороне, застыв перед предстоящим вскоре движением вспять.

В окрестностях экватора скачки климата стали не менее полярными: четверть года солнце, не согревая, ходит только около горизонта (как сейчас в Приполярье), следующую четверть года, как в жарких тропиках, знойное светило ежедневно проходит через зенит, а затем на три месяца устанавливается студеная, непроглядная ночь (вроде Заполярной), чтобы в следующем квартале опять обжечь тропическим зноем.

В этих условиях выживали только животные, научившиеся быстро перемещаться вслед за климатом из одного полушария в другое, спасаясь как от мороза, так и от жгучего пекла. Ясно, что ни динозавры, ни громоздкие мамонты на это не способны.

Возможно, эту привычку сохранили до наших дней полярные крачки, которые без видимой необходимости совершают ежегодные перелеты из Арктики в Антарктику и обратно, повторяя перемещения весны по планете.

Волчком вокруг Солнца

«Современные геологические данные показывают, что ни одна из многочисленных гипотез не может до конца выяснить причины изменения климатов прошлого».

БСЭ, 1975 г., т.19, с.108

Эпоха ежегодных «ожогов» и «обморожений» не могла пройти для Земли без последствий. Дважды за год с одного полюса на другой и обратно передвигались потоки воды и льда огромной мощности, прорезая в материках и океанах гигантские каньоны и вынося грунт, валуны и ракушки не только в противоположное полушарие, но даже на вершины горных хребтов. Когда на высушенное и раскаленное полушарие обрушивались воды с ночной стороны планеты, камни, остывшая, трескались, трещины заполнялись водой, которая, скоро обращаясь в лед, ломала скалы и раздвигала ложа водоемов. К следующему году вода заполняла уже новые границы и опять раздвигала их. И так миллионы лет вода отодвигала берега, выдавливая вокруг озер как бы кратерные валы из камней и грунта.

В то же время на соседних, более мелководных, озерах ледяная линза промерзала до дна раньше, чем оказывалась прижатой весом основного ледника, и поэтому «выползала» на берега, не раздвигая их и не образуя окаймлений.

На озерах, подвергавшихся разморозениям (Карелия. Окрестности Сям-озера), остатки валов имеют обоюдокрутые склоны (60 — 75°), высоту 15-20 метров и опоясывают водоем по всему периметру, что никак не характерно для отложений «надвигающихся» ледников, оставлявших преимущественно продольные гряды и штриховки.

Поэтому наиболее вероятной представляется именно такая версия прошлого Земли: вращаясь вокруг Солнца «на боку», без каких-либо общих похолоданий или потеплений, планета каждый год подвергалась и глубокому обледенению и испепелению.

Но здесь необходимо отметить, что валы, окаймляющие озера, по всей толщине сложены из округлых шарообразных валунов. Размеры их самые разные — от громадных глыб до мелкого галечника, но форма почти у всех одинаковая — шаровидная. Кто их так одинаково обработал? От ежегодных нагреваний и охлаждения камни могли раскалываться, осыпаться, но круглыми становиться не должны. Осадки, ветер, волны могли затупить, «зализать» углы, но грани или пластинчатость при этом бы сохранялись. Для того, чтобы камни приобрели форму шара, они должны совместно с другими кататься и кувыркаться по материке многие километры. Но это уже работа для многолетнего стационарного ледника, который под воздействием нарастающего веса непрерывно выталкивает из-под себя камни, грунт и другую опору.

Значит, ежегодно растопляемый и замерзающий ледник воздвигал свои ожерелья вокруг озер из камней, которые уже предварительно обработал вековой неподвижный ледник. Иначе говоря, Земля в своем кружении вокруг светила постоянством не отличилась, ее ось располагалась то «стоя», то «лежа», то, как сегодня, «набекрень». Отчего бы это? Каковы причины?

Кто крутит волчок?

«...первопричина катастроф заключается в том, что Земля периодически меняет угол условной оси вращения, который обычно составляет к плоскости земной орбиты 66,5°».

Такое изменение практически означает перемещение месторасположения северного и южного полюсов».

И.И. Адабашев

Мировые загадки сегодня. М. 1986, с.210

Итак, какие же причины могли повлечь столь глобальные перевороты? Известно, что тело, имеющее ось вращения, может перемещаться в пространстве только так, чтобы его ось всегда оставалась параллельна себе самой. Для поворота оси необходимо изменить направление движения всех вращающихся частей гироскопа, то есть преодолеть существующий момент инерции ($M = I \times \Omega \times \omega \times \sin \alpha$). Чем больше скорость вращения (ω), тем сильнее гироскоп препят-

ствуует повороту оси. Для катаклизмов на нашей планете, казалось бы, не находится сколько-нибудь весомых причин, разве что гипотетический захват Луны, но и он не мог же повторяться так многократно, как чередовались оледенения.

Еще в качестве причины можно рассмотреть «сплюснутость» Земли, которая действительно вызывает отклонение оси, так как ближняя к Солнцу часть экватора притягивается с большей силой, чем отдаленная, и разность сил компенсируется колебаниями оси земного гироскопа (прецессией). Но до «кувыркания» такие смещения планету довести не могут, и ось, несмотря на конусообразные «вихляния», не изменяет своего наклона к эклиптике ($\sim 23^\circ$). На избыток своей экваториальной полноты Земля отвечает лишь легкой прецессией, и этим ее «флирт» ограничивается. Для большего непостоянства у планеты вроде бы повода нет. Тем более — для «падений на бок» или «кувырканний». Однако перевороты все-таки зафиксированы, и значит причины для них имелись. Какие? Не ждут ли планету новые потрясения?

«Непостоянное» светило

«...если бы орбита Луны имела к плоскости эклиптики наклон, равный 90° , то такая Луна уже после 55 оборотов... упала бы на поверхность Земли».

БСЭ, 1974 г. т.17, с.387

Итак, если у Земли нет причин для «переворотов», то стоит присмотреться к эклиптике. Например, известно, что космические тела, как разновидность маятника, сохраняют плоскость своего обращения параллельной самой себе. Это очень похоже на свойство гироскопа. Однако взглянемся в различия. Чем побуждается маятник сохранять плоскость колебаний? Только тем совпадением, что две одновременно действующие силы (для маятника это гравитация и натяжение нити) обязательно образуют какую-нибудь плоскость. Самое незначительное отклонение одной из сил — например, из-за неоднородности галактической гравитации — неизбежно изменяет плоскость эклиптики.

Между тем, каждая частица гироскопа, преодолевая подобную неоднородность, имеет на диаметрально противоположной стороне эквивалентный противовес, действующий компенсирующе, и поэтому гироскоп весьма мало восприимчив к таким возмущениям.

Двигаясь по орбитам, планеты периодически то приближаются к ядру Галактики, где гравитация сильнее, то отдаляются от него, при каждом обороте внося коррективы в свои орбиты. При этом планеты, более отдаленные от Солнца, приближаются к центру Галактики сильнее и подвергаются, соответственно, большим отклонениям. А планеты, приближенные к светилу, эту разницу сил восполняют более частым повторением оборотов, что в целом обеспечивает всей Солнечной системе приблизительно плоскую форму.

Наибольшими отклонениями отличаются сильно вытянутые орбиты комет и отдаленного Плутона, испытывающие значительно большие неравномерности гравитации Солнца, Галактики и соседних звезд. Кроме того, на эволюции орбит сильно сказывается неоднородность гравитации во времени. Если от начала до завершения полного витка из-за каких-либо перемещений масс изменится напряженность гравитации, то виток не «сомкнется», и дальнейшее движение будет совершаться уже в другой плоскости — обитатели с достоверностью зарегистрируют новый угол наклона земной оси к эклиптике.

Строго говоря, уже за счет собственного перемещения Солнца (250 км/сек.) орбиты планет никогда не «замыкаются», движение происходит по очень вытянутой спирали — для Земли при радиусе орбиты 150 млн. км. шаг витка составляет 7884 млн. км., т.е. образуется спираль с 52-кратной вытянутостью, и эклиптика по этой причине плоскостью ни в каком приближении не является. Дополняются различия с гироскопом еще и тем, что в своих точках афелия и перигелия (наибольшей и наименьшей удаленности от Солнца) орбиты планет особенно восприимчивы даже к очень слабым возмущениям, — например, когда афелий или перигелий случается в точке орбиты, наиболее близкой к ядру Галактики.

Еще можно предполагать элементы перицентра и апоцентра в орбите самого Солнца и, соответственно, их влияние на движение планет, а также влияние перемещения Солнечной системы в полях гравитации соседних галактик.

Трудно ожидать, чтобы все указанные причины как-либо взаимно уравновесились. И поэтому можно утверждать, что за время галактического года земная орбита совершит как минимум один переворот относительно оси земного гироскопа. Для планеты это выразится двойным «кувырком» через земную ось, — произойдет последовательная смена положений северного, южного и снова северного полюсов, и Земля дважды будет пребывать с осью, «лежащей» на эклиптике.

Ради справедливости заметим, что эти кувырки происходят не из-за «легкомыслия» планеты. Наоборот, перевороты только потому и возможны, что Земля строго хранит верность один раз выбранному направлению вращения. А вот светило очень легко изменяет свою позицию и «взгляды» на планету, всякий раз заходя к ней то с северного полюса, то с «боков», а то и «попускаясь» под южный полюс. И конца этому не видно.

Некоторые признаки показывают, что вскоре (через 10-20 млн. лет) эклиптика должна в точности совпасть с плоскостью экватора. Опять возникнут все условия для развития неповоротливых и малоподвижных гигантов. А вот тепла, как от былой радиационной активности планеты, уже не будет, так как исчерпаются не только полупериоды, но и самые длинные периоды распада ядерных запасов. Но это уже другой разговор.

Николай ЯМОВ

ТАЙНА КАМНЯ-ПИСАНЦА

Археологи обнаружили, что на берегах озера Ирбитского в пятом веке до нашей эры обитали люди. И что были они пришельцами. Жили в укрепленных «селищах» с земляным валом вокруг. А на валу — забор из вертикальных бревен, заостренных сверху. И рублены были те «селища» железным топором. Это в те времена, когда местные финно-угорские племена обходились каменными и медными орудиями труда!

Пришельцы же добывали железную руду. Строили примитивные домы. С помощью флюса из мелко раздробленных костей плавил железо. За этим, наверно, они сюда и пришли. Откуда пришли и куда подевались потом пришельцы? В их лицах, уверяют палеоантропологи, были монгольские черты. Если предположить, что они пришли с верховий реки Ир-Тыш, то именно они принесли к нам слово «Ир».

Через восемь веков на Урале и в Сибири появились башкиры, которые в древности кочевали «от реки Ир-Тыш на Востоке до реки Ир-Гиз на западе». Тогда же пришли они на озеро Ирбитское и на реку Ирбит. Это тоже подтверждают материалы раскопок. Их потомки дожили до прихода первых русских поселенцев.

Исторические документы зафиксировали, что озеро Ирбитское башкиры называли — Ир-Гул, а реку Ирбит — Ир-Бий. «Ир» — мужчина, герой, богатырь. «Гул» — озеро. «Бий» — вождь племени (рода).

По мнению исследователей башкирских преданий, словосочетание Иргул и Ирбий у древних башкир близко к русскому «отечество и защитник отечества». Откуда такие

названия у озера и реки?

Если внимательно посмотреть на карту, что составляли военные картографы в 1940-х годах, то можно разглядеть, что от южного самого низкого берега озера Ирбитского до истока реки Ирбит протекает широкая, но неглубокая ложбина. И по ложбине той тянется цепочка малых озер и проток. Можно с полной уверенностью предположить, что это след залпового сброса воды из озера.

В древности озеро не имело естественных стоков. Видимо, через каждые 22-25 лет — в периоды максимальной солнечной активности — из озера Ирбитского (Ир-Гул) и происходил залповый сброс воды через южный, самый низкий берег до истока реки Ирбит (Ир-Бий).

Площадь зеркала озера — около 35 кв. верст (1796 г.) Если озеро сбрасывало хотя бы до полуметра своего уровня, и вода полосой до 3 км. устремлялась к истоку реки, то высота водяного вала в узком ущелье перед камнем «Писанец» (ныне с. Писанец Артемовского района) могла достигать 8 метров! От истока реки этот громадный вал с огромной скоростью, вырывая с корнями

прибрежные кусты и деревья, устремлялся вниз по руслу и ударялся в камень. (Известно, что надписи на камнях-писанцах нанесены в пятом веке до нашей эры, то есть первыми пришельцами. Рисунки на их посуде точно такие же, как на камнях-писанцах).

Это было впечатляющее зрелище! Нам сегодня такого не увидеть. Заводчики Яковлевы приказали выкопать «канаву» и спускать воду из озера Ирбитского в речку Шайтанку и Шайтанский пруд. Может, боялись залпового сброса и повышения уровня воды в пруду Ирбитского завода? Ведь никакая плотина такого напора не выдержала бы!

Завод Ирбитский (сегодня пос. Красногвардейский Артемовского р-на) начали строить в 1775-м году. А «канавы» была прокопана в 1792-м, т.е. через 17 лет. Может, уровень воды в озере уже приближался к критическому?

К этому можно добавить, что башкиры в древности были народом воинственным, свободолюбивым, независимым. Их «тарханы» (воины) с глубокой древности владели системой упражнений для тренировки мышц рук и плечевого пояса, ведь у них были «большие луки» и «тяжелые сабли». Каждый из них к двадцати годам мог сломать руками подкову, унести на плечах своего коня, ударом тяжелой сабли разрубить вражеского всадника надвое. А тетиву «большого лука» башкирского никто не мог натянуть, кроме самого тархана! Вспомним это все, и будет понятно уважение пришельцев к озеру Ир-Гул и реке Ир-Бий.

г. Ирбит

Олег ЛАВРОВ

КОЛОКОЛА ВЫГОРЕЦИИ

И.Филиппова «История Выговской старообрядческой пустыни» (СПб, 1862).

Историк упоминает две крупные личности старообрядческого движения и горной промышленности в России первой половины XVIII века — Гаврилу Семенова и Акинфия Демидова, «тщанием» которых были отлиты колокола и доставлены на берега Выга.

Семенов был доверенным лицом

В литературе о Выговской старообрядческой пустыни часто встречается изображение обители, в центре которой одиноко высится шатровая колокольня. По свидетельству очевидцев, она имела высоту 10 сажень и была с часами, «которые бьют минуты, четверти и часы, дневные и ночные особо». А над открытым ярусом звона подвешены колокола. Где были они отлиты? Кто и когда создал это бронзово-певучее ожерелье для старообрядческой колокольни?

Нить поиска уводит нас на родину выговских колоколов — на Невьянский завод, «дедушку уральских заводов», как назвал его поэт В.А.Жуковский. А ниточкой послужила книга

заводчика и играл не последние роли в авантюрных предприятиях Демидова. Уроженец Кижского погоста, Гаврила Семенов еще юношей пришел в Выговскую пустынь. Поездка на Урал, вероятно, была его очередной «посылкой», ибо в пустыни он не засиживался. Личность сильная и деятельная, обладающая талантом организатора и знаниями горного дела, он наверняка сразу сошелся с Демидовыми. А они как раз нуждались в людях грамотных, деловитых, знающих литейное ремесло, «зело искусных» в поиске руд. Таким человеком оказался посланник Выга, а то, что он слыл раскольником, Демидовых ничуть не смущало.

Вскоре Невьянский завод стал своего рода «филиалом» Выговской пустыни, а Гаврила Семенов фактически возглавил уральских выговцев. Он «со товарищи» был послан на Алтай, помог Демидовым в отыскании алтайских медных и серебряных месторождений и в постройке Кольвано-Воскресенских заводов.

И тут-то Акинфий Демидов начинает осуществлять свою главную авантюру, в детали которой наверняка был посвящен и Гаврила Семенов. На Кольвано-Воскресенских заводах с 1729 года стали выплавлять так называемую черную медь и в виде полуфабриката отправляли в Невьянск. Дело в том, что медный полуфабрикат Алтая содержал значительную примесь серебра, и Акинфий Никитич надумал тайком от царского правительства выплавлять из тех медных слитков серебро и чеканить из него государственную монету. Сбыть благородный металл заводчик все равно не смог бы, поскольку месторождение серебряных руд по закону принадлежало казне.

Заслуги выговских раскольников и самого Гаврилы перед заводчиком были очевидны, и Демидов поспешил при случае отблагодарить староверов. Когда Гаврила с братом Никифором (последний несколько лет работал приказчиком на Кольвано-Воскресенских заводах) обратились к Акинфию Никитичу с просьбой отлить колокола для Выговской пустыни, приказ об отливке тут же последовал. И. Филиппов пишет: «Приказа господин Демидов два колокола больших слити един в тридцать пуд не сполна, а другой бесполоторых, да малых четыре. И приказа Гавриилу отпустить в монастырь зимою на лошадях и привезоша в великий пост, в лето от мироздания 7241 (1733 г. — О.Л.) в марте месяце, и один большей на Выг в монастыре подняша в колокольню да два малых, а другой свезоша на Лексу в монастырь к сиротам и два малых, и тамо в колокольню подняша и нача во обоих монастырях звон быти изряден...»

И полился волнами этот «певкой» звон

уральской меди по Выгу-реке, по бескрайнему лесному океану.

Итак, в марте 1733 года Гаврила Семенов привез в Выговскую пустынь шесть колоколов из Невьянска. Видимо, на сборы и преодоление многоверстного расстояния от Невьянска до Выга ушло несколько месяцев, следовательно, колокола были отлиты в предшествующем, 1732 году. Тогда же «родились» колокола для знаменитой Невьянской башни, построенной безвестными демидовскими зодчими. Один из колоколов, до сих пор звучащий на башне, имеет надпись: «SIBIR. Лета июня 1 лит сей колокол в Невьянских дворянина Акинфия Демидова заводах. Весу 65 пуд 27 фунтов».

Вероятно, колокола для Невьянской башни и Выговской пустыни отливали одни и те же мастера, среди которых были и выговские старообрядцы. Но их имен мы не узнаем никогда, как не узнаем о сотнях демидовских мастеровых, титаническим трудом создававших богатство и могущество заводчикам.

Но вернемся в Выговскую пустынь. В тот же 1733 год случилась беда с наибольшим из привезенных колоколов. Вновь обратимся к историку Выга: «В тот день или по утру звонячись или в вечер, а узнали сие как стали благовестить к вечерни, и многие братия услышали и пришли в колокольню к звонарю и сказали, что колокол свой звон потерял и трещит необычно, и стали смотреть и усмотрели в колоколу велику щиль, и начала братия тужити и сказаша настоятелю и всей братии. И сие знамение бысть не вем какова ради случая токмо един Господь весть».

С давних времен треснувший колокол считался предвестьем несчастья.

И это знамение для выговских старообрядцев сбудется спустя сто с небольшим лет, когда колокола снимут с колоколен и увезут в уездный город Повенец, пустынь разорят, а староверов выселят в другие губернии империи.

А пока вновь едет Гаврила в Невьянск, говорит о беде Акинфию. «И оной господин Демидов приказал на место вылить колокол из мягкой доброй меди и, вылиша весом в тридцать пуд и отдаша Гавриилу, приказал везти к старикам на Выг вместо расколотого колокола и несколько малых по прошению онаго Гавриила. Итой Гавриил привезе с собою на Выг в лето от мироздания 7247 го (1739 г. — О.Л.) по весны в великой пост: и отцы и братия благодарствоваша оного господина Демидова и его Гавриила за его тщание...» Так повествует историк Выга.

Демидовские колокола исправно служили выговским староверам до 1837 года. В тот год усилились гонения на старообрядцев, началась так называемая «выгонка». Первыми умолкли колокола Лексинского скита — звонить в них запретили. «И бысть о сем плач неутешимый», — записано в Лексинском летописце. В 1838 году большуха (глава скитниц. — О.Л.) Федосья Нифантьевна поехала в Петрозаводск к губернатору с прошением о звоне. Скорее всего, ей отказали, ибо 13 сентября того же года «по приказанию губернатора Дашкова запрещен на Выгу звон по всем соборам, как на мужской улицы, так и в женской ограды, и колокола отняты и увезены в Повенец, которые существовали 106 лет». И вновь «бысть о сем плач неутешимый...»

Колокола эти до сих пор не найдены, да их и не искали. Мы полагаем, что если они и сохранились, то идентифицировать их будет трудно, поскольку вряд ли они имели какие-либо демидовские автографы. Заводчику ни к чему было афишировать свою связь с выговскими старообрядцами.

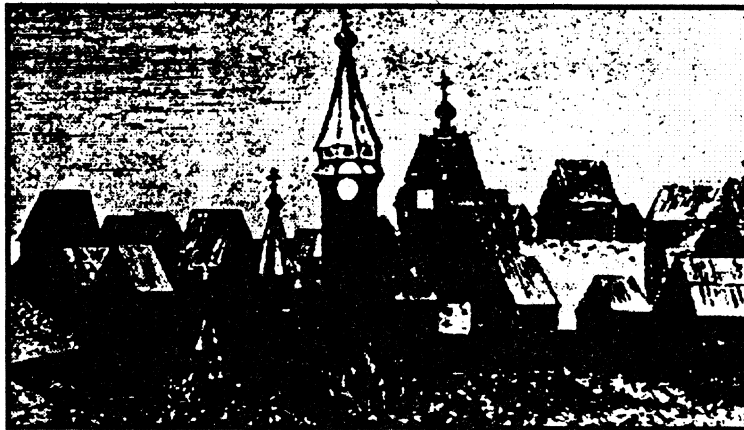

Фото: Поселение на Выге (XVIII в.) г. Петрозаводск

Андрей ИЛЬИН

ЗАПИСКИ НЕВИДИМКИ

(ПРОХОДНОЕ ДЕЛО)

Рисунки Татьяны ЗЛОКАЗОВОЙ

Нет, это только кажется, что отыскать известного (очень хорошо известного) человека в двухсотмиллионной массе населения невозможно. На самом деле очень даже возможно. И тому есть печальные примеры.

Резидент это знает. И иллюзий на этот счет не питает.

Пусть даже расклад случится идеальный, пусть его не отщут лет десять. И что? Разве это жизнь? Всегда с оглядкой, всегда в ожидании неизбежной кары, всегда в одиночку. Вряд ли Контора пощадит новую, если проявив человеческую слабость, он решится завести семью. Правила такие — все за одного! Чтобы иллюзий насчет будущей счастливой жизни не испытывал. Чтобы знал, на что идешь. Срока давности в таких делах не бывает. Хоть через 150 лет найдут и выщелкнут!

Другая возможность — уход за кордон, конечно более притягательна. Но это — если жив останешься. Что вряд ли.

Жить там, будучи в бегах, комфортней, чем в родном отечестве, но вычислить человека легче. Он сам на себя наведет. Просьбами о политическом

убежище, выступлениями, интервью, воспоминаниями. Тут без шума не обойтись. Будь он работником известных на Западе разведывательных и контрразведывательных структур, его, может быть, и приняли бы и переправили в неизвестном направлении тихо, без ненужного ажиотажа. А так еще надо доказать, что ты сверхсекретный агент, что такая служба не плод твоего большого воображения и что ты в связи с этим нуждаешься в особой охране и заботе. Тут, во время публичных покаяний, тебя коллеги и ищут.

А как насчет морального фактора? Как ни крути, побег — это измена. И дело даже не в патриотизме. Придется, неизбежно придется (кто ж там будет оберегать молчуна?) заложить своих коллег, знакомых, сослуживцев, подчиненных. А значит, как минимум, лишить их работы, пенсии, благополучного человеческого существования. Кому нужен засвеченный агент? А может так статься, что и подвести под смерть.

Что останется Конторе, как не любым способом концы прятать, доказывая свое в природе отсутствие и психическую несостоятельность беглеца. Ну, сошел человек с ума, нагородил с три короба глупостей — неужели все за чистую монету при-

Окончание. Начало в № 7, 8-9, 96 г.

нимать? Так в любой психиатрической лечебнице любой маниакальный больной вам больше нагородит. Что он, например, агент марсианской армии вторжения в чине капрала и назначен временно исполнять обязанности начальника Земли. И что, по этому поводу политические заявления делать?

А пока идет дипломатическая, на уровне нот и опровержений, дискуссия, Контора будет вычищать одного за другим людей, одним своим физическим существованием подтверждающих правдивость показаний беглеца. Если нет Конторы, то откуда взяться ее работникам? Нет таких людей! Не рождались они, не жили, кроме как в бредовом сознании сбежавшего из психушки сразу за границу больного.

Ну так как же, не заболит душа — променять одну свою смерть на дюжину близких товарищей? По-людски будет? И жестокость Конторы здесь ни при чем. Заказ на смерть она не давала — она приняла его от предателя. Он сам своим поступком определил его и утвердил расстрельные списки. Он знал, что последует после его перехода на противную сторону. Истинным судьей был он, Контора — только исполнителем.

Но главное — за граница — это когда за границей, а до нее, до границы, еще добраться надо, ее еще надо умудриться пересечь! Вообще-то для знающих людей это не проблема. В обычные дни. Но не в особом режиме охраны границы, который обеспечит Контора. При таком, не имеющем прецедента ЧП — попытке ухода Резидента за пределы страны — будут задействованы самые высокие кураторы, которые нажмут на самые важные рычаги.

Министерство обороны выделит дополнительные силы из состава приграничных округов — расставит вдоль контрольно-следовой полосы в пределах прямой видимости солдатиков с автоматами: стой, бди, если что — стреляй, попадешь — отпуск, не попадешь — гауптвахта.

Милиция и безопасность нашпигуют всю приграничную полосу — дороги, вокзалы, порты, гостиницы, сортиры и прочее — шпиками.

Контрразведчики зашлют в сопредельные государства агентов слежения с целью выявить объект по ту сторону госграницы. А уж коли выявят, то либо уничтожат, либо вернут обратно. На тот случай будет заготовлено роскошное, леденящее душу дело о сексуальном маньяке, изнасиловавшем и убившем три десятка женщин, детей и собак. Вот фотографии жертв, вот показания свидетелей, вот,

если мало, собственноручное признание сбежавшего из-под стражи подозреваемого (и подпись, между прочим, не липовая, самая натуральная, на тот случай мы еще в Учебке расписались на двух десятках чистых листов бумаги). А вот в довесок коллективные протесты представителей рабочего класса, крестьянства и затертых между ними прослоек интеллигенции и духовенства. Все возмущены, все требуют возвращения и справедливой кары!

Как такого не выдашь обратно в пределы родины, не расстроив общественное мнение своей страны и шепетильных международных организаций?

Точно все так и будет. Ну, может быть, чуть менее глобально, но это не значит, что менее результативно. Найдут нужного человека, хоть дома, хоть за пределами, схватят за лацканы и потащат на правый и скорый суд.

Нет, некуда деваться Резиденту, кроме этой случайной приятельской дачки. Оттого и такая убогость фантазии на тему спасения. Слишком хорошо он знает возможности Конторы. Он ведь Резидент, а не какой-нибудь второсортный агентшика. Он вперед на десять ходов считает. И каждый тот ход сулит ему необратимую смерть. Нет больше Резидента — списан в расход!

А вот я пока еще есть, и если хочу быть и дальше, надо мне от обреченного коллеги делать ноги так, чтобы подошвы земли не касались! С этого места нам не по пути. Ему туда, а мне сюда. И чем скорее, тем лучше!

Проверить брелок на наличие в нем дискетки, задать пару очень интересующих вопросов и, дождавшись темноты, отбыть восвояси. Так определил я очередность действий. Хотелось бы начать с последнего пункта, но дискетка, черт бы ее побрал, важнее жизни, а ответы на вопросы стали важнее дискетки. Так уж повернулись обстоятельства. Ничего не попишешь.

Хорошо бы еще вызвать кое-какую попутную, гарантирующую меня от попадания в случайную засаду, информацию. Резидент лучше, чем кто-либо, знает повадки своих людей и может разработать более безопасный маршрут эвакуации. В последнем, я думаю, он не откажет. Зачем ему моя смерть? Если бы он хотел от меня избавиться, он сделал бы это еще там, в квартире. А он таскает меня за собой хвостом, рискуя получить пулю в спину. С его стороны это серьезная заявка на доверие. От планов взаимного уничтожения мы, кажется, отказались? Или это только кажется?

Я посмотрел, где его оружие. Оно лежало на тумбочке возле двери. Я занял позицию между тумбочкой и Резидентом. Теперь я доверял ему ещё больше. Если бы я мог его связать, мое доверие было бы безграничным.

Не мог я не подстраховаться. Хотел бы, да не мог! Воспитание не позволяло!

Резидент, иронично усмехаясь, доставал из стенного шкафчика консервы и хлеб. Все он понял, и телодвижения мои оценил правильно, и пистолет положил подальше от себя специально, чтобы оберечь мои расшатанные в непрерывной борьбе за сохранение жизни нервы. Он опять подставлялся. Он опять вел игру. А я участвовал в ней на правах статиста.

Вот только не изменит ли он ее, услышав заданные мною вопросы? На этот случай я предпочитаю, чтоб у меня был ствол, а у него консервный нож да стол. Тогда беседа пройдет в гораздо более теплой и непринужденной обстановке.

Но беседа, по крайней мере так, как ее планировал я, не состоялась. Резидент ответил на мои вопросы до того, как я их задал.

— Выбраться отсюда я тебе помогу. Это самое простое.

«Раз», — посчитал я.

— Человека в центре указать не смогу. Это невозможно, и к этому вопросу лучше не возвращаться. Все равно ничего не выйдет.

«Два», — сказал я сам себе.

Точнее минус два. Если сказал, что будет молчать, я не вырву у него признания даже калеными на огне клещами. Правда, он оставил мне дискетку. Ладно, об этом после.

Оставался главный пункт моего короткого перечня вопросов. Без ответа на него все прочие, по крайней мере для меня, теряли свою значимость.

Резидент молчал, размазывая по засохшим кускам хлеба жир и мясо из тушенки. Полевой курсантский завтрак. Как в былые времена.

Мы молча сжевали бутерброды. Он тянул паузу, как уверенная в своих силах театральная звезда на собственном бенефисе. Он понимал, этот зритель не встанет посреди действия и не покинет зал. Он будет ждать столько, сколько нужно, и еще сверх того.

Потом Резидент долго смотрел на меня, на мою ненароком засунутую в карман руку, на лежащий на тумбочке пистолет.

— Ты, конечно, хочешь знать фамилии? — наконец спросил он.

— Конечно, — честно ответил я.

Еще бы не хотеть их знать! Да хотя бы из инстинкта самосохранения.

— Ты уверен, что справишься?

— У меня есть другой выход?

— Наверное, нет.

Резидент опять задумался.

— Кстати, это и в твоих интересах. — попытался я перевесить чашу весов на свою сторону.

— У меня на этом свете интересов не осталось, — резко ответил Резидент.

Нет, торговлей здесь ничего не добьешься. Не тот случай! Если он что-нибудь и приобретет, то только из чувства жалости. Я опять, в который раз за день, попадаю в положение посвященного и получающего милостьюн побирушки. Неужели я стал выглядеть таким убогим, что кому-то хочется подавать мне на жизнь?

— Хорошо, я дам тебе фамилии, — решил Резидент.

Я получил то, что желал: фамилии и адреса людей, знавших о существовании Конторы, знавших о Резиденте и знавших обо мне. Этого было довольно для решения их судьбы в пользу обвинения. Прокурор требовал самых суровых мер, защита не нашла ни одного смягчающего обстоятельства, вышестоящие инстанции апелляции отклонили. Дело оставалось за мной.

Нет, я не жаждал мести. Я спасал свое дело, а возможно, и жизнь. Разглашение тайны существования Конторы — событие экстраординарное. Но здесь кроме утечки общей информации просочились конкретные и оттого особо опасные детали. От целого можно, как от безумной легенды, откраситься. От конкретики, точнее, от носителей конкретики возможно только избавиться. Физически. Если они останутся живы, Контора будет вынуждена избавиться от утративших инкогнито деталей. То есть от Резидента и меня.

Надеяться на случай, на то, что вновь посвященные не проговорятся, было нельзя. Прибывшая дубль-ревизия начнет копать в окружении к тому времени уже недостижимого Резидента, выявит всех его постоянных случайных и даже единовременных знакомых. При малейшем подозрении проведет допросы с пристрастием. Вряд ли избалованную жизнью мафиозники смолчат. Выяснится, что несколько не имеющих отношения к Тайне человек знают в лицо Резидента и второго Резидента, временно исполнявшего в данных краях функции Контролера.

Обладающих опасной информацией, конечно, уберут. Но где гарантии, что они не рассказали об узанном свои знакомым, а те, в свою очередь, своим?

Местную резидентуру, конечно, свернут. Конттору срочно расформируют, перетасуют и соберут вновь, но уже в другом месте и под другой вывеской. Меня, как засветившегося, и, главное, знающего о причинах очередной реорганизации агента, отпустят на пенсию.

Только вот заковыка — пенсии-то в Контторе нет! Потому что Контторы нет. Отсюда напрашиваются печальные выводы.

Приходится выбирать — или жизнь не далее, чем до окончания ревизорской раскрутки резидентских дружков, или моя. Или — или. Я смерти не боюсь, я в этой операции десять раз под ней ходил и сто ранее, уже привык умирать, но ради заживших на чужих бедах преступников идти на нее не желаю. Предпочитаю первое «или». Тем более они его вполне заслужили.

— Контейнер дашь? — спросил я Резидента.

— Да. Семь бед — один ответ.

Это точно, один. Один-единственный!

Вечером я покинул дачу.

Резидент сидел за столом и смотрел в окно. Он напоминал немощную пенсионерку-старуху, которой ничего не осталось в жизни, как наблюдать события, происходящие во дворе. Впервые за всю его жизнь Резиденту некуда было спешить. Это было незнакомое и удивительное для него чувство — сидеть не в засаде, не за составлением отчета, не в купе куда-то мчащегося поезда — просто на стуле. Сидеть, ни о чем не думая, ничего не ожидая. Это можно было бы считать отдыхом, если бы не близкое будущее.

По расчетам Резидента, они должны были появиться не позднее, чем через пять-шесть часов. Он не боялся скорой встречи того, что за этим последует. Он был Резидент, и этим все сказано. Он боялся этих шести часов бездействия. Он боялся самого себя. Можно расслабиться, дать отдых мышцам, но невозможно отключить память.

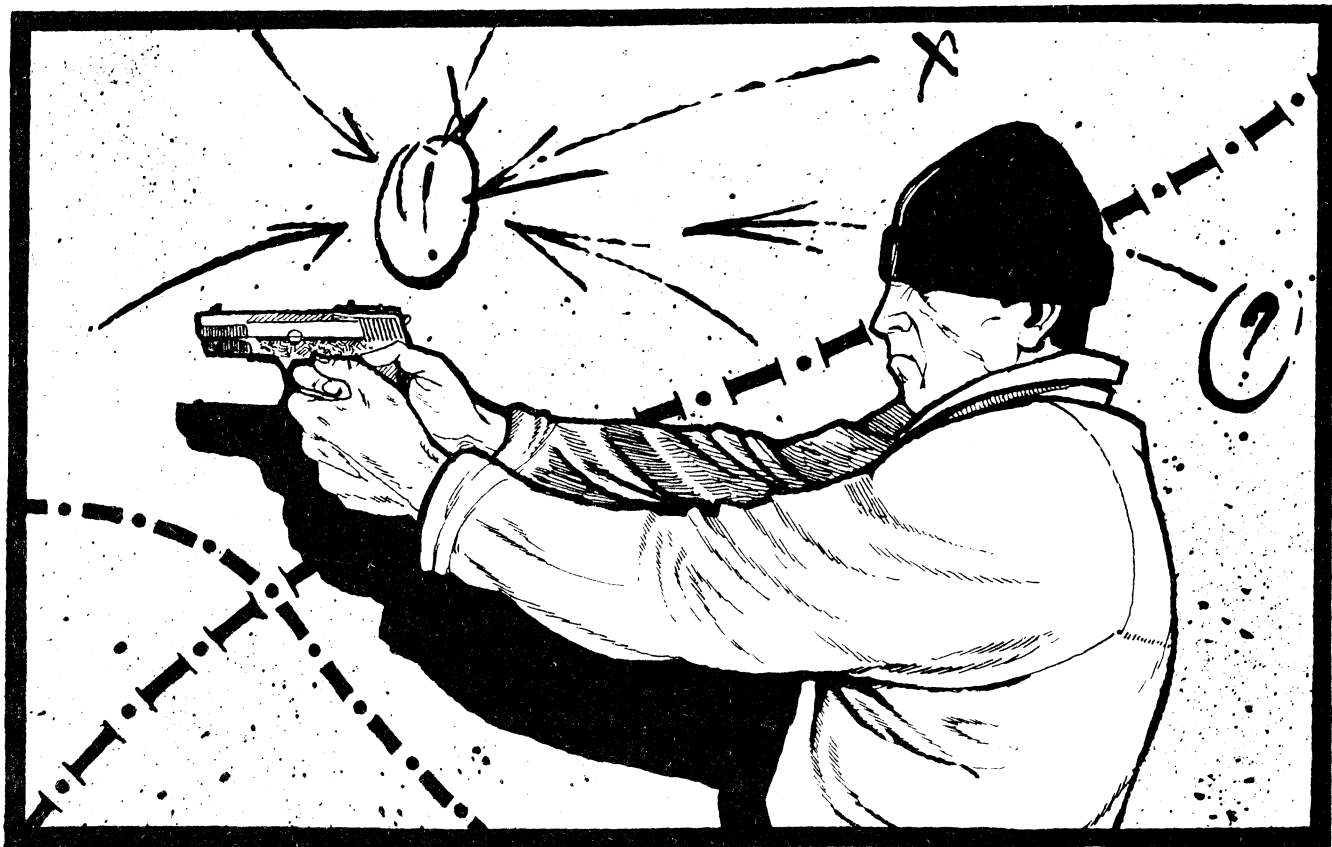
Много лет назад, еще только заступив на должность, он допустил просчет. Случайно узнав о планируемой местной мафией долгосрочной операции, которая прошла мимо местных органов правопорядка, он без согласования с Центром внедрил в преступную среду своего человека. Вообще-то он не должен был этого делать. Не по его топору было дерево. Но уязвленное тщеславие отосланного на

периферию молодого спеца не желало с этим мириться. Он решил, пусть даже путем нарушения известных правил, доказать свою состоятельность и недалковидность не оценившего его начальства.

Он разгласил очень малую и, на первый взгляд, второстепенную часть большой тайны человеку, назначенному для внедрения в одну из мафиозных структур. Он рассказал, что есть секретная и мощественная, не чета общеизвестным организациям, ведущая бескомпромиссную, не всегда в рамках закона борьбу с глобальной преступностью. Этакое благородное масонство. Это была не совсем правда — выявление мафиозных заговоров всегда было лишь малой частью работы Контторы. Но все же это была правда. Организация существовала.

Резидент сэкономил средства. Вместо того, чтобы просто купить агента, он рассказывал душещипательные истории в стиле сказок про Робин Гуда. Когда людям платят большие деньги, они не интересуются биографией кассира. Они интересуются причитающейся им суммой денег. Но суммы у Резидента не было, потому что операция была затеяна без одобрения и, значит, без субсидирования сверху. Отсутствие средств новоиспеченный борец за идею пытался компенсировать энтузиазмом и морализаторством на общечеловеческие темы. Он ошибся, отождествив свой внутренний мир с внутренним миром нанимаемого на работу агента. Он думал, что если он готов отдать жизнь во имя торжества идеалов справедливости, то то же самое готовы сделать и все остальные. Он был хорошим человеком и чуточку идеалистом. А это очень опасное сочетание. Непонятно только, как он умудрился пронести эти свои качества через жернова Учебки.

Агент тоже был неплохим человеком, и когда клялся исполнить порученное ему дело, не жалея ни сил, ни, если понадобится, крови, — он верил в то, что говорил. И он не пожалел бы ни сил, ни крови, ни жизни, если бы дело длилось неделю. Но работа затянулась на месяцы, а время способно источить камень, не то что характер человека. Агент оказался не подготовлен к обрушившимся на него соблазнам. Он вдруг узнал, что есть хорошая, о какой он не слышивал, еда, удобные жилища, роскошная мебель, престижные женщины. Он все еще думал, что исполняет среди этих интерьеров роль борца за справедливость, а на самом деле просто жил. В свое полное удовольствие.

Сначала он заметил, что затягивает исполнение каждого этапа задания, делает то, что можно было и не делать, а то, что можно сделать быстро, делает долго. Он растягивал время. Время удовольствий. Он понял, что боится потерять обретенный комфорт, оказаться без этих ресторанов, загородных бань, разбрасываемых направо и налево денежных знаков. Не представляет, как можно жить в общежитской, на двух человек, комнате, есть дрянные супы в столовых и получать деньги только два раза в месяц. Он понял, что окружающие его друзья-приятели уже не враги. Врагом стал пославший его на задание Резидент.

В это время Резидент подсчитывал дивиденды, которые принесла его самостийно затеянная операция. В короткие сроки, практически в одиночку, не используя ни рубля государственных денег, он вычислил лидеров местной мафии, установил большую часть источников их доходов, узнал о трех коррумпированных чиновниках в органах власти и правопорядка, нащупал ниточки, ведущие к преступным организациям соседних областей. Он достиг действительно многого, но достиг запрещен-

ным способом. Он мог выиграть, но он проиграл.

Его запутавшийся в игре противоположностей агент покался перед своими новыми хозяевами. Мафия собрала срочную сходку. Ситуация сложилась угрожающая. Посторонний владел опасной для них информацией. Большинство авторитетов высказались за физическое устранение источника проблемы и лишь один — против. Но этот один был важнее всех прочих. Его единственное слово перевесило.

— А если это не блеф? Если организация существует? Тогда мы рискуем вместо одного поверженного врага получить десяток новых, более осторожных и настойчивых. Лучше допустить невероятное, чем не распознать очевидное. Не убивать его мы должны, а беречь как зеницу ока. Он гарант нашего спокойствия. Ангел-хранитель. Лучше он, чем взвод креповых беретов. И почему сразу убийство, если не испробованы другие методы?

— Взятку он не возьмет, — уверенно заявил продавшийся агент.

— Тогда это сэкономит нам деньги!

Резидент работал на идею, на этот крючок его и

решено было ловить. Агент-перевертыш дал информацию о том, что преступники решились на крупную и необычную по тем временам операцию — изъятие инкассаторской машины. Был объявлен негласный конкурс идей. Чтобы поддержать легенду, агент должен был представить какой-то свой проект. Его придумал Резидент. Придумал так, между делом. Он не знал, что обречен на успех, что весь этот конкурс задуман исключительно для него.

В назначенное время группа боевиков разыграла предложенный сценарий. Попытка захвата шедшей из банка инкассаторской машины не удалась. Погибли два инкассатора, и был тяжело ранен водитель. Почти все деньги остались целы. Они и должны были остаться целы. Преступников интересовали не сумки с пачками банкнот — жизни защищавших их людей. Такая была установка. Резидент попал в безнадежную вилку. Он явился вдохновителем особо тяжкого, повлекшего за собой человеческие жертвы преступления. Пропавшие деньги ему бы простили, но жизни людей — вряд ли. Чем дольше Резидент размышлял, тем безнадежней представлялась ему ситуация. Он даже не мог объяснить, что его участие в преступлении вызвано контрразведывательной работой против преступников — она не была согласована, значит, фактически ее не было! Он просто придумал сценарий ограбления инкассаторской машины, все остальное было не имеющей отношения к делу лирикой. Все остальное было недоказуемо.

Больше всего Резидент сожалел о том, что позволил себе скалтурить при разработке плана. Если бы знать, что тот пойдет в дело, он бы не пожалел ни сил, ни времени для его доводки. Он придумал бы десяток других, гарантирующих успех и в то же время позволяющих избежать человеческих жертв сценариев. Но он придумал тот, который придумал. И изменить что-либо было уже нельзя.

Вообще-то, если по чести, он должен был застрелиться. Но он был совестлив и тщеславен. Он не мог уйти, не наказав истинных виновников преступления. Он решил, насколько это возможно, исправить допущенную ошибку, закрыть брешь провала заплатой новой, более грандиозной победы.

Он решил отомстить.

Эту идею ему подсказал внедренный в ряды мафии агент. Так же, как Резидент, он тяжело переживал происшедшее.

— Жаль было бы оставлять эту сволочь безнаказанной, — печалился он. — До суда дело не до-

йдет. У них все схвачено, все повязано в один узелок. Если посадят, то мелкую сошку. А эти будут благоденствовать.

В глубине души Резидент понимал, что поступает вопреки правилам. Но покончить с собой или сдать на милость Конторы — значило умереть и избавить главарей преступного мира от заслуженной ими кары. Он не был трусом, как можно было заподозрить. Ни до того, ни после он не оберегал свою жизнь ради жизни. Он охранял ее лишь как инструмент мести. Его сломил не страх — ненависть. Он нарушил одно из главенствующих правил Конторы — он разрешил себе эмоции.

Именно из-за этой подмеченной психологами еще в Учебке чрезмерной психовозбудимости его предлагали списать в брак. Но жаль было потраченных на учебу сил, средств, жаль было терять способного в отдельных дисциплинах, даже талантливого работника. На впрямую поставленный вопрос психологи ответили, что выявленные отклонения не всегда реализуются в поступках, что шансы не велики, что для этого требуется редкое стечение обстоятельств. Кто мог предположить, что с такими обстоятельствами через несколько лет столкнется вновь назначенный Резидент.

На всякий случай его послали на второстепенный, не обещающий серьезных провалов участок. Пооботрется, проявит себя, а там посмотрим. Начальство допустило промах. Именно эта тихая, периферийная жизнь подтолкнула Резидента к несанкционированным Центром действиям. Заряд его внутренней энергии не соответствовал предложенной работе. Невостребованные силы распирали его изнутри, как паровой котел пар. Чтобы не взорваться, он был вынужден искать им применения. Обыкновенный гражданин мог сглатить излишки давления, мог реализоваться в необычном хобби, занятиях автоспортом или альпинизмом. Подчиненный интересам службы Резидент — только в исполнении своих прямых обязанностей. И он неизбежно стал расширять их рамки. Внешние обстоятельства лишь подтолкнули развитие событий, послуживших катализатором внутренних реакций.

Резидент перестал быть Резидентом, превратившись в провинциального графа Монте-Кристо. Но этой перемены, к сожалению, никто, в том числе и он сам, не заметил.

Резидент стал вынашивать план мести, но не банальной — созвать преступников в одно место и взорвать всех одной бомбой, а той, что была един-

ственно возможной для него — он стал собирать информацию, выявлять взаимосвязи, просчитывать людей. Он, запуская прочие дела, планомерно, изо дня в день копал под намеченные жертвы. Ему нужна была громкая победа. Только она могла в какой-то степени реабилитировать его в собственных (о Конторе разговор не шел) глазах.

Но он не знал главного. Он не знал, что его агент-соратник работает против него, что передаваемые ему, в том числе через нейтральные, не участвующие в игре источники, факты строго дозированы и интерпретированы в желаемом преступниками направлении. Резидента подводили к необходимости личного участия в операции. Поступающая косвенная информация намекала на все более грандиозные масштабы преступной деятельности. Удивительные связи расходились в регионы страны, Москву, за границу. Здесь было чем поживиться уже и Конторе.

Но дело в том, что и масштабы, и связи были чистой воды дезой, назначенной для питания ума одного-единственного человека. Местные мафиози ничем не отличались от тысяч подобных им. Кроме одного — они, в отличие от ближних и дальних коллег, знали о существовании какой-то могущественной организации. Они знали о Конторе.

Логика следствия не позволила Резиденту остановиться на полпути. Он разузнал очень много, но для того, чтобы вынести обвинительное заключение, ему нужно было узнать все. Он не мог более довольствоваться догадками, слухами и умозаключениями. Ему нужны были доказательства. Добыть их можно было, только находясь в гуще событий. Но вся беда была в том, что послать в эту гущу было некого. Несанкционированность операции лишала Резидента возможности опереться на материальную и кадровую мощь Конторы. У него не было людей и не было дополнительных денег. У него был только он.

Резидент решил ввести в игру себя. Это было еще одно, уже необратимое, нарушение.

По каналам агента он внедрился в одну из дочерних организаций и не без его же помощи начал строить головокружительную карьеру. Каждый его шаг вверх по преступной лестнице требовал компромиссов. Компромиссов с законом, с совестью, с общечеловеческой моралью. Необходимость выделиться из наивно-примитивной среды рядовых исполнителей вынуждала его в той или иной мере использовать навыки, преподанные в Учебке. Цель оправдывала применение самых

крайних, в том числе недоступных простому смертному, средств.

И чем больше он использовал известный ему арсенал приемов тайной борьбы, тем более раскрывал внимательно наблюдающему за его действиями мафиозному главарю Тайну. Теперь они уже не сомневались в существовании организации. Более того, они не без успеха использовали в своих корыстных целях одного небесталанного ее члена, решая с его помощью мелкие, на частую неразрешимые для них задачи. Резидент уже работал на преступников. Работал давно и плодотворно.

Когда он догадался об истинном значении происходящего, было безнадежно поздно. Он совершил массу правонарушений и преступлений, увязнув в них, как муха в патоке. Он стал стопроцентным преступником. Он уже не мог оправдаться стоящей перед ним благородной целью, потому что ее не было. Была примитивно устроенная ловушка, в которую он шагнул, словно ослепленный факелами волк.

Но даже это могло быть полубедой. Что преступления? Его работа связана с частым нарушением закона. Бедой было вольное или невольное разглашение Тайны. Этот проступок прощения не имел.

Резидент был обречен на смерть, на позор, на обвинение в измене. Выхода не было.

Авторитеты готовились к решающему разговору, но Резидент сам вышел на своих будущих хозяев. Его прозрение не приняло форм истерики. Все-таки логики в нем было больше, чем эмоций.

После нескольких дней напряженных размышлений он, взвесив все за и против, принял безвыходность своего положения как свершившийся факт. Он стал изменником, к тому же нищим изменником, то есть не получившим за свою измену никаких выгод. Возможностей исхода было четыре.

Первая — повиниться перед Конторой и умереть, оставаясь предателем.

Вторая — покончить жизнь самоубийством, но все равно после неизбежного расследования остаться предателем.

Третья — самодеятельно затеянную операцию свернуть, от Конторы все скрыть и жить себе, как прежде, до момента, пока правда тем или иным способом не выплывет наружу. Жить предателем. Но все же жить.

Четвертая — довести предательство до логического конца, пойти на службу к мафии, вытребовав взамен этого максимум привилегий. То есть жить предателем, но жить в свое удовольствие.

Во всех случаях предательство было неизбежным, но в последнем оно сулило значительные материальные выгоды.

Если бы первый пункт обещал хотя бы частичную реабилитацию, Резидент, не задумываясь, избрал бы его. Но он обещал только позор и смерть. Он никогда не смог бы доказать, что действовал во благо Конторе и правосудию и в ущерб преступникам. Фактическая сторона каждым пунктом длинного перечня опровергала его слова. Единственный агент-свидетель также показывал против него.

Между четырьмя неизбежностями рационального мыслящий человек избирает наиболее перспективную. Глупо отказываться от тридцати серебряников, если предательство совершилось. Если все равно позор, так хоть не бесплатный.

Резидент выбрал предательство с комфортом.

С той же скрупулезностью, с какой выслеживал преступников, теперь он предавал свое дело. Он был профессионал, и все, что делал, делал на должном уровне. Когда решение принято, сомнения должны уступить место действию.

Во время очередной сродки Резидент, частично обманув, частично нейтрализовав охрану, явился пред светлые очи авторитетов и довел до их сведения свои требования.

— Полное невмешательство в мою профессиональную деятельность. Мое консультационное и обучающее участие лишь в делах, которые я избираю сам. Пятьдесят процентов дохода с этих дел и ежемесячное содержание в процентах от последнего заработка. Поддержание круга знающих обо мне людей в пределах трехче-тырех человек высшего командного звена. В рамках этого условия — немедленная ликвидация моего агента и еще трех человек, близко узнавших меня в лицо. Это основное. Прочие мелочи в рабочем порядке.

— Что мы будем иметь взамен? — спросили авторитеты.

— Налаженную систему охраны. Как видите, ваша ни на что не годится, и лучшее тому доказательство, что я стою перед вами. Контрразведывательная работа против органов МВД и конкурентов. Обучение боевых групп профессиональным навыкам слежки, контрслежки и активного противостояния. Экспертиза деталей предложенных операций. Разработка каналов новых денежных поступлений при соблюдении ранее упомянутой пятидесятипроцентной пропорции в оплате.

— Торговля возможна?

— Торговля исключена.

— Если мы откажемся?

— Я покончу с собой, но предварительно с вами.

Всех я, наверное, уничтожить не успею, но половину — гарантирую.

Авторитеты напряглись. Они знали, что стоящий перед ними незванный визитер не блефует и не позерствует. Он обещает то, что способен реально исполнить. В его возможностях и его отношении к данному слову они имели возможность убедиться.

— Мы подумаем и сообщим...

— Нет. Я не могу ждать. Ответ мне нужен сейчас. Завтра я начну действовать.

Авторитеты покорились. И не пожалели об этом. Резидент не желал продавать свою честь задешево. Теперь его интересовали деньги, и он находил способ легкой и, что было для него принципиально, бескровной их добычи. Пятьдесят процентов дохода с предложенных Резидентом операций в отдельные месяцы перекрывали все прочие поступления организации. Ради этого стоило пожертвовать жизнями нескольких, не самых ценных, работников и не совать нос в его дела.

Здесь у Резидента был пунктик. Любой интерес на тему его профессиональных обязанностей вызывал неадекватно болезненную реакцию. Двое чрезмерно любопытствующих соискателей истины заплатились за свою природную любознательность жизнью. Мафиозные главари остались недовольны бестолковой гибелью людей, но возражать не посмели. Резидент не выходил за рамки первоначально оговоренных условий сделки. Тайна профессиональной жизни была его полной собственностью.

Такая жесткая, неукоснительно проводимая в жизнь политика позволила Резиденту усидеть на двух стульях сразу. Он был на коротке с самыми влиятельными главарями мафии и одновременно считался не последним среди равных себе по классу работников Конторы.

Теперь он старался не высовываться, не попадаться лишним раз на глаза начальству, не исполнять заданий слишком рьяно или слишком медленно. Он играл роль добросовестно относящегося к своим обязанностям середнячка. Он держался за место, которое любой другой посчитал бы ссылкой. Работать плохо он не мог — на его должность могли прислать другого. Работать хорошо опасался, чтобы не нарваться на ненужное ему повышение по службе. Любое изменение в налаженной им жизни означало бы быструю и неминуемую гибель.

Более всего его тревожила возможность плановой ревизорской проверки. Он мог легко обыграть периодически объявлявшихся в регионе эмиссаров МВД, безопасности, прокуратуры. Но он бы никогда не смог справиться с тайной ревизией своих собратьев по «перу». Он не знал, в какой из следующих дней хитроумные приборы и внимательные глаза коллег возьмут его под контроль.

Эта лавиной висящая над его годовой проверка не давала ему возможности спокойно жить, отравляла почти сибаритское существование, напоминала о том, какой ценой он купил свое нынешнее благополучие.

Опасность проверки осознавал не только Резидент, но и мафиозные главари. Они давно догадались, что лучше иметь дело с комиссией МВД, усиленной полным составом дивизии Дзержинского, чем с одной тихой ревизорской бригадой не существующего в природе учреждения. Первые, действуя в рамках закона, вычисляют, отлавливают и передают преступников в руки закона. Их работа внешне эффектна — засады, захваты, разоблачения, — но не очень эффективна. На местах всегда остается возможность, используя наработанные связи, развалить дело до суда или, если он состоится, взять минимальный срок, переложив всю ответственность на мелких исполнителей.

Организация, которую представлял Резидент, никого никуда не передавала. Она совмещала все службы государственной правоохраны в одном лице. Она вела следствие, определяла преступника, осуществляла дознание, выносила приговор и приводила его в исполнение. Только тюрем у нее не было. За ненадобностью...

Довольно было вспомнить, как Резидент без угрызений совести и оглядки на закон разделался с опасными для него свидетелями, чтобы уяснить, на что способна организация в целом.

Не испытывающие иллюзий авторитеты лихоградоно искали выход из создавшегося положения. И, как им показалось, нашли его. Логика их размышлений была пряма, как полет выпущенной из карабина пули. Им угрожала самая опасная за все время их существования организация. Единственно кто мог гарантированно защитить от нее, была сама эта организация. Только она была равна себе по силе и возможностям. К ее помощи и следовало обращаться.

У мафии был богатый опыт по части подкупа работников органов, призванных бороться с ней. Но в этих простеньких случаях они знали, куда, к кому

и с чем идти. Нынешний ставил их в тупик. Они бы не поскупились, дали взятку, но не знали, кому ее давать.

Только один человек располагал требуемой информацией. Резидент. Но он молчал, как пойманный и изжаренный прошлым летом пескарь.

Авторитеты собрали внеочередную сходку.

— Мы приняли решение! — объявили они Резиденту. — От тебя требуется немного — московский адрес.

— Это безумие. Контора неподкупна.

— Во всякой конторе служат люди. Дай нам их координаты, остальное не твоя забота.

— Я не согласен.

— Твоего согласия никто не спрашивает. Ты не выйдешь из этого помещения, пока не дашь устраивающего нас ответа. Рано или поздно твои начальники хватятся своего работника и пришлют проверку.

— Они уничтожат всех!

— Пусть так. Они все равно доберутся до нас.

Главари были глупы. Они надеялись на победу в деле, где победа не была возможна изначально. Они мыслили знакомыми им категориями милиции и иже с ней организацией. Их наивность была самоубийственна.

В принципе Резидент был не против. Ему было не жаль своих новых приятелей. В конце концов именно они послужили первопричиной его падения. Если им хочется коллективно умереть, он не станет им препятствовать. Давно пора подраспустить этот вконец запутавшийся узелок.

Резидент устал находиться во взвешенном состоянии. Ожидание смерти становилось страшнее самой смерти.

Как и всякий изменник, Резидент был фаталистом, склонным верить в судьбу, в закон случая, в предначертания свыше. Такая вера в какой-то степени снимала ответственность за содеянное в прошлом преступление, обеляла его как отступника. «Чему быть, того не миновать». А если не миновать, зачем тогда терзаться воспоминаниями, зачем перетряхивать давно ставшие историей события?

Как и всякий изменник с не до конца отмершей совестью, Резидент постоянно искал в настоящем знаки, подтверждающие необратимость своего прошлого выбора. В любой момент он был готов, доверившись судьбе, поставить на кон жизнь, чтобы лишний раз убедиться в своей правоте. Орел или решка? Если решка, то не виновен и все было так, как должно было быть. А если орел...

Этот случай был именно такой. При всей прозрачности выигрыша это была все же лотерея. И она очень устраивала Резидента. Он бы не смог покончить с собой теперь, когда его телесная оболочка привыкла к удобной для нее жизни. Но он был не против, чтобы его смерть пришла по воле рока. Он играл в очень азартную, вроде офицерской рулетки игру. Один патрон в барабан, и револьвер по кругу. Офицеры тоже не были самоубийцами, но дуло к виску тем не менее подносили. Очень это щипало их нервы. А жизнь все равно ничего не стоила. Фронт. Сегодня жив, а завтра нет. Лучше самому приблизить смерть, чем унижать себя ее каждодневным ожиданием.

Живя двойной жизнью, Резидент неизбежно раздваивался в сознании и поступках. Как предатель он желал себе безнаказанности, как воспитанный в традициях Конторы Резидент — праведной кары.

Если бы он мог спастись, он, наверное, предпочел бы спастись. Но его желаний не спрашивали. И выхода не оставляли. В любом случае, откажись он или согласишься, он засвечивался перед Конторой. В любом случае его ждала ревизорская разборка. Но в предложенном варианте ей предшествовала азартная игра.

В принципе он играл беспроигрышно, потому что достигал желаемого в любом случае. Если допустить невозможное, что дело выгорело, то он обрел страховку высокого покровителя, что позволяло хоть на какое-то время расслабиться. Если проваливалось — он терял жизнь и вместе с ней изматывавшую его душу муку ожидания. Уж лучше так! Большой зуб или лечат, или рвут с корнем.

И еще он был бы очень рад увидеть, как Контора вычищает его нынешних приятелей, униживших его самолюбие дважды, когда вынудили предать Дело и когда заставили принять угодное им решение. Они сами пожелали получить то, что получают. Это их выбор. А в такой компании и помереть не жаль.

Не вдаваясь в детали, Резидент указал три известных ему в Управлении личности. Наверное, это нельзя было назвать предательством в чистом виде. Скорее, это был хитрый стратегический ход — отступить, чтобы заманить противника в ловушку, из которой он никогда не сможет выбраться. Они узнают о Конторе больше, чем знают, но лишь на несколько дней. Потом они умрут, и Тайна останется Тайной.

К разработке деталей операции Резидент не

приложил ни грамма своих усилий. Зачем выполнять пустую работу? Зачем изображать то, что обречено на неуспех? Пусть разбираются сами.

Сняв практически всю воровскую кассу и часть прибыли с еще не завершенной сделки, эмиссар авторитетов отбыл в Москву.

В глубине души Резидент надеялся, что затеянное дело провалится, не начавшись, что эмиссар не решится предпринять сколько-нибудь решительные действия, а если решится, то отступит при первой же неудаче. И все останется как есть. О возможном выигрыше Резидент почти не думал. Раньше небо обрушится на землю, чем работник Управления вступит в сговор с преступным миром. Он все же верил в святость устоев Конторы. Его пример был исключением, а не правилом. Иначе быть и не могло.

Резидент ошибся дважды. Эмиссар не отступил. Более того, сговор состоялся и небо осталось там, где ему должно быть! Случилось то, что случиться не могло никогда!

Неизвестно, где, когда и с кем встретился авторитет, но в итоге через надежного курьера он передал устное (а кто бы ему хоть букву написал!) «добро» и хорошо продуманную схему конспиративной, в две стороны, связи.

Вначале Резидент засомневался в добросовестности столичного визитера — поди мотаает по московским кабакам и гостиницам назначенные для взятки деньги, а взамен гонит липу. Оттого и курьера прислал, а не сам приехал.

Потом заподозрил интригу Конторы. Выяснят все, что хотят, и прихлопнут мышеловку, плотно забитую добычей. Скорее всего, так и есть.

Но через сутки эмиссар погиб в дорожно-транспортном происшествии, так и не успев открыть инкогнито завербованного московского агента. Случайный «КамАЗ» разутюжил его «Жигули», как сброшенная с девятого этажа пудовая гиря — куриное яйцо.

Резидент понял больше остальных. Человек из Конторы убрал единственного знающего его свидетеля, оставив только каналы обезличенной связи. В Москву уходили деньги, очень приличные деньги. Обрато поступала информация, которая этих денег стоила. Заказ — оплата — исполнение. Все это могло означать только одно — свершение не было блефом! В сердце Конторы объявился предатель. Предатель, работающий в паре с другим предателем!

Странно, но от того, что он перестал быть в

единственном числе, Резидент не ощутил облегчения, но одну только горечь. Он словно освежил в памяти те с годами забытые ощущения и пережил их с новой силой. Он победил, но не испытывал чувства торжества.

Шумно отпраздновав победу и заодно поминки по безвременно усопшему сотоварищу, мафиозные главари взялись за дело. Обеспечившись надежными тылами, они стали действовать с большим напором. Дела пошли в гору.

Внешне жизнь Резидента обретала все более благополучные формы. А в его внутренний мир, кроме него, никто заглянуть не мог. Он жил так, как жил. А остальное — не ваше дело!

Все изменилось после банально-книжного («к вам едет ревизор») сообщения конторского человека.

Резидент нимало не обеспокоился. Заранее известная ревизия, не ревизия — фарс. Она может найти лишь то, что ей позволят найти. По крайней мере, так думал Резидент.

Но в дело вмешался случай и... Контролер. Противостоя неожиданно объявившемуся противнику, Резидент предпринял все, что должен был предпринять, то есть много больше, чем смог бы простой смертный. Он находил самые нестандартные ходы, но каждый раз проигрывал. Наверное, в этой фатальной череде неудач был свой роковой смысл. И он догадывался, какой. Он утратил веру в свою правоту, превратившись в противоположность самому себе. Он потерял право на везение. Теперь судьба благоволила его противнику. Он стал для нее нелюбимым пасынком. В какой-то незамеченный ни им, ни другими момент Резидент капитулировал. Нет, он не прекратил борьбы. Он продолжал исполнять свои функции, как должно. Он анализировал быстро меняющуюся обстановку, принимал единственно верные в данный момент решения, но, и это было, пожалуй, самым главным, не доводил их до логического завершения лично, а перепоручал своим заведомо менее опытным подчиненным.

Он избегал прямого противостояния с Контролером. Он не боялся оказаться слабым. Он опасался узнать в своем противнике самого себя. Того, прошлого, честного и азартного Резидента. Подчиняясь разрастающемуся комплексу вины, он утрачивал столь необходимую ему бескомпромиссность. Он терял хватку.

Его драка с Контролером стала игрой равных по силам гроссмейстеров. Соревнованием изоощренных умов. И поэтому это была борьба, не имеющая за-

вершения. Гроссмейстеры не умеют ставить точку. По-настоящему выиграть может только глadiator. Его победа абсолютна, потому что его противник уничтожается физически. Переиграть бой с ним уже невозможно.

Именно на этот подводящий черту под интеллектуальным противостоянием акт физического уничтожения Резидент решиться не мог. Он не пошел на анатомический, с понятным результатом допрос — он перепоручил расстрел Контролера другим, хотя обязан был довершить дело лично. Он явно избегал острых, ранящих душу углов. Каждый раз, загнав противника в щель, он оставлял ему шанс, пусть призрачный, один на миллион, но все же шанс на спасение. Он пытался переложить ответственность за последнее мгновение чужой жизни на судьбу.

В этом была его слабость. Это было пусть не очень видимой, но главной причиной его поражения.

Когда случай свел в последнем противостоянии, когда для физической победы было достаточно нажать на курок, Резидент первым опустил оружие. Он не чувствовал уверенности в своей правоте. Он не мог судить другого, заведомо невинного человека, будучи сам преступником. Он не решился убить того, кто более него заслужил право на жизнь.

Резидент проиграл бой задолго до его начала. Он все-таки не смог до конца предать свои, годами воспитанные, идеалы. Планируя и совершая очередное преступление, он как бы играл понарошку. Когда «понарошку» кончилось, он потерпел крах. Его поражение было запрограммировано им самим. Он был своим главным противником. И он выиграл. И он проиграл.

Теперь, сидя на даче в ожидании своих бывших дружков, он ни о чем не сожалел. Он вдруг почувствовал огромное облегчение. Как будто вернулся из дальней разведки в свой старый обжитый окоп, к своим дорогим друзьям. «Наше дело правое, враг будет разбит, победа за нами!» Все просто, однозначно и не имеет других толкований.

Вот этого ощущения «правого дела» ему не хватало все эти благополучные и жирные годы предательства. Его не научили жить для себя, и всякий пирог, который нельзя было сломать пополам, отдавал горечью. Он долго жил в чужом блиндаже, очень уютном, теплом и сытом, но чужом. Он попал туда не по своей охоте — так сложились обстоятельства. Но теперь все в порядке, теперь он

там, где надлежит быть. Он вернулся в строй!

И хотя здесь, на даче, он тоже был в единственном числе, это было другое одиночество. Это было одиночество бойца, оставшегося прикрывать отход своих товарищей. Здесь его последний рубеж, здесь ему пришлось принимать бой и смерть. Но его смерть — это не просто смерть, а продолжение чьей-то жизни. Хоть даже Контролера.

Жизнь не задалась, так хоть смерть удастся!

Но и смерть у Резидента такая, какую он желал, не получилась. Видно, использовал он лимит отпущенного ему жизнью везения полностью. На пустяки использовал — на благополучие, на деньги, на преступную карьеру. Не дала ему судьба последнего облегчения. Глупо он умер, как и жил.

Бандиты объявились вечером. Подъехали на четырех машинах, взяли дачу в кольцо, крикнули в мегафон.

— Слышь, выйди, поговорить надо!

— А ты сам подойди, коль надо, — отвечал Резидент, готовя к бою свой арсенал: автомат для дальнего боя, пистолеты для ближнего и еще консервный нож. Он хоть и консервный, но в умелых руках животы вскрывает не хуже банок. С таким арсеналом не уложить взвод противника — непротистительный грех!

— Кончай ломаться! У нас дела всего на три минуты!

По кустам под прикрытием разговоров к даче подбирались боевики.

— Давай-давай, ребята, поближе ползите, — подбадривал их шепотом Резидент, — у меня с патронами напряженка, мне наверняка бить надо, одна штука — одна жизнь.

— Ну и черт с тобой, — безнадежно вздохнул человек с мегафоном. — Начинайте!

Боевики остановились, затаившись за случайно подвернувшимися укрытиями. Они даже не пытались подлезть со слепой, где не было окон стороны, как предполагал Резидент. Они просто лежали и ждали. Подкрепления или сигнала к атаке? Чего?

Из-за ближнего холма, лязгая гусеницами, выползали два бульдозера.

— Не передумаешь? — еще раз на всякий случай спросил координатор боевых действий.

Резидент, больше полагаясь на удачу, чем на свое умение, выстрелил. Пуля ударила в мегафон.

Координатор упал, выматерился, махнул рукой.

Бульдозеры подняли отвальные ножи до уровня кабин и двинулись в сторону дачи. Они шли не

торопясь, тяжело переваливаясь на кочках, разбивая и подминая под гусеницы заборы, случайные деревья и кусты. Стрелять было бессмысленно. Окна кабин были прикрыты недоступной пулям броней металла.

— Все-таки чему-то я их научил, — подумал Резидент, — не желают подставляться под пули, хотят выдавить меня из убежища на улицу, а там из-за укрытия расстрелять, словно «кабана» на стенде. Возможно, попытаются взять живым. Засадят по пуле в коленные чашечки и в локти и утащат в стоящий неподалеку медицинский «рафик». Не так уж глупо, если иметь дело с любителями.

Резидент не был любителем. Он знал, когда надо бороться, а когда это бессмысленно и даже на руку врагам. В данном случае это было бессмысленно. Единственное, что он мог сделать, это не позволить взять себя живым.

Он проверил пистолет, развернул его дулом к себе.

«Одна пуля — один поверженный враг», — вспомнил он давнее стрелковое наставление. Один враг! Грустные ассоциации. Но, наверное, справедливые. Раздвоенность не может продолжаться вечно. Рано или поздно ей приходит конец.

Резидент взвел курок. Рокот моторов стал ощутимо близок. Заметно подрагивал под ногами пол, дребезжали стекла.

Очень жаль, что все случилось именно так, — подумал Резидент и нажал на курок. За гулом моторов выстрела никто не услышал. Бульдозеры сдвинулись, смяли хрупкие стены, перемололи гусеницами обломки досок, стекол и кирпичей.

В этом последнем бою Резидент не смог уничтожить ни одного противника. Он умер один.

— Обязательно найдите тело, — распорядился человек с мегафоном и сел в подошедшую машину.

* * *

Покидая дачу, я не знал, как умрет Резидент. Но я был абсолютно уверен, что сегодняшний день он не переживет. На этом свете его ничто более не удерживало. У него не осталось союзников, он никому был не нужен, кроме врагов. А враги искали его с единственной целью — убить. Вероятно, он смог бы спастись, но вряд ли смог бы жить.

Наверное, я был благодарен Резиденту. Он дал мне почти все, что я просил: фамилии и координаты главарей, личный контейнер, и еще он дал мне жизнь. Вполне достаточно для чувства признатель-

ности. Не был ли я ему благодарен или нет, для него не имело практического значения. Я не пришел бы к нему на помощь, даже если бы услышал призывный крик. Передо мной стояла вполне определенная, не терпящая отвлечений цель. Ей принадлежали мое время и сама жизнь. В ситуации, когда включен отсчет минут, благородство не учитывается!

Первое, что я сделал, — это отыскал резервный Резидентский контейнер. Судя по пломбам, его не тревожили со времен закладки. Оно и понятно. Резиденты страсть как не любят потрошить «запаски». Сорвешь, не подумав, пломбы, а потом полгода пишешь рапорты, объяснительные и т.п. отписки. Когда вскрыл, с какой целью, что изъял, что использовал, что вернул на место. Уж лучше обходиться подручными средствами.

Другое дело — чужой контейнер. За него душа не болит. А рапорты мне если писать и придется, то совсем по другому поводу. После навороченного здесь контейнер покажется такой малостью, что за него никто не спросит.

Из полутора сотен предметов, заключенных в малопривлекательную внешним обликом упаковку, меня интересовали лишь два десятка: документы, оружие, униформа, спецсредства, деньги и еще кое-какие мелочи. Сложив все в объемную спортивную сумку, я отбыл в город.

Вторым пунктом перечня подготовленных к основной операции мероприятий было обеспечение надежного «логова». Точнее, не одного, а трех. Используя разные, наспех заполненные в подъезде документы (а чего мне было экономить чужой отчетности бланки!), я, отправившись на жилищную толкучку, снял три квартиры в разных районах города. Все были расположены на вторых этажах, чтобы было возможно проникнуть в них и покинуть через окна. Все подъезды имели двусторонний — на улицу и во двор — выход.

Хозяева были рады-радешеньки щедрому квартиранту и лишних вопросов не задавали. И слава богу. Мгновенно придумать три надежные легенды на три разные фамилии, да так, чтобы не сбиться, не запутаться в событиях прошедшей жизни, было не просто.

Штабной я избрал четырехкомнатную, старинной планировки, с парадным и черным входами, квартиру в самом центре города, с окнами, выходящими на областное УВД. Здесь, хотелось бы надеяться, бандиты открывать массивную стрельбу поостерегутся.

Оставшееся до ночи время я убил на рекогносцировку местности. Пять интересующих меня адресатов располагались кустообразно и очень недалеко от занятой мною штабквартиры. Имеющая деньги мафия стремилась жить в престижных, по соседству с сильными мира сего, районах.

Последний клиент обитал в частном секторе, в неказистом, на поверхностный взгляд, домике. Второй, более пристальный взгляд в корне менял впечатление от первого. Третий, но уже спеца, лишал надежд на легкую победу. Если не обращать внимания на преднамеренно облупленную штукатурку на стенах и потрескавшийся шифер на крыше (а под ним, поди, плотно пригнанные листы нержавеющей стали!), домик можно было смело причислить к средней величины дзоту. Капитальный забор, по нему наверняка сигнализация. Усиленные входные двери и ставни на окнах. Умудрись выковырни из такого убежища хозяина. Он там как черепаха в панцире.

Ладно, этот орешек оставим на десерт, а начнем с менее крепких, но не менее аппетитных.

Первые чистки я предполагал провести в типичном для Конторы случайно-трагическом стиле, чтобы преступники не сразу догадались об истинной сути происходящего. Пока человек несведущ, он расслаблен, и работать с ним — одно удовольствие. Он сам подставляется под удар! Но стоит ему почувствовать угрозу, и неизбежна суета с дополнительными телохранителями, засадами, контроллеккой, тяжелым вооружением, бронетехникой и ударной авиацией тактического назначения. Это в зависимости от того, кто какими деньгами располагает и в какую сумму оценивает свою жизнь.

Как правило, такие героические усилия приговоренного все равно не спасают, но работу исполнителя усложняют значительно.

Лучше лишний час поломать голову в теоретических построениях, чем перетруждать руки и ноги, ползая по крышам и канализациям, отбиваясь от дополнительной охраны и занимаясь другой подобной ерундой на практике. Я слишком устал, чтобы позволить себе отдых при разработке плана операции.

Еще три дня, периодически изменяя внешность, я бродил, как кот возле куска мяса, по периметру интересных мне кварталов. Я составлял топографические планы, вымеривал шагами расстояния, намечал пути плановых и аварийных отходов, фиксировал время прибытия и ухода от остановок

городского транспорта, исследовал методы охраны, замечал часы наплыва и отсутствия на улицах людей и совершал еще тысячу очень утомительных, но обязательных в данном случае действий.

Вообще-то это не дело ликвидатора. Его — прийти — увидеть — победить и исчезнуть. Черновую работу — подходы, отходы, графики, прикрытия, транспорт и прочее делают другие. Зачем лишний раз светить главное лицо в месте предстоящего действия? Я не располагал помощниками и потому всю черновую работу тащил лично. Я и капитан, и распоследний кочегар на судне своего будущего (дай Бог!) успеха. Я все, что угодно, только не праздно отдыхающий пассажир.

297 шагов до перекрестка Д.

794 шага до поворотни С.

940 шагов до проходного подъезда...

Тут больше нашагаешь, чем на тренировках скороход-марафонец. Причем не просто прошагаешь, это бы ладно, а строго определенной, полтора метра — парный шаг, походкой. И ни на сантиметр больше или меньше!

Поворот — потеря 2,5 секунды. Перепад высоты, подъем — 10 процентов, значит, примерно такое же снижение темпа. Минус десять секунд. Спуск, увеличение скорости...

Считай, Контролер, не сачкуй. Хочешь жить — не ленись цифирки складывать. Один да один — два. Два да один — три. Три да пять — восемь. Это не арифметика. Это борьба за жизнь. Топай по маршруту, по которому, скорее всего, никогда не пройдешь. Фиксируй. Запоминай.

Парадное. Открыть, закрыть дверь. Петли скрипят или нет? Какой силы пружина? Можно ли ее открыть ударом ноги? Сколько на это уйдет времени? Какая внутренняя ручка? Возможно ли через нее запереть дверь примитивно-подручным засовом, и сколько он сможет сопротивляться дерганью снаружи?

Господи! Сколько вопросов! И на каждый ответ, и каждый ответ запомни, и каждый увяжи с предыдущим и последующим! Вот жизнь! С тоски сдохнешь, если до того не помрешь от перенапряжения.

А несведущие почитатели детективов свято верят, что ликвидация — это когда забрался человек на чердак, вытащил винтовку с оптическим прицелом и бабахнул с километра в затылок ничего не подозревающей жертве. Нет, конечно, и вытащил, и бабахнул, но это лишь малая видимая часть айсберга работы. А о самом главном, о под-

готовке, никто знать не желает. Скучно. И то верно. Кто станет читать многотомный детектив, состоящий на треть из столбцов непонятных, а на самом деле чрезвычайно важных цифр, на треть из автобиографий затверженных — родился, учился, женился — легенд, на треть из черт знает какой мешанины сопромата, баллистики, психологии, оптики и т.п. наукообразных дисциплин и лишь из одной страницы собственно действия. То есть именно тех: он вытащил винтовку, совместил перекрестье прицела с виском героя и, злобно усмехнувшись, нажал на спусковой крючок... Такое даже и я, если не по обязанностям службы, читать не буду.

Конечно, если быть до конца честным, я подхалтуривал. Не без того. Во-первых, у меня не было необходимого в таких случаях резерва времени. Во-вторых, противник мой был далеко не самым профессиональным. И, в-третьих, передо мной не стояла задача свершения чистого, не оставляющего следов преступления, что на порядок упрощало подготовку. Я действовал без оглядки на то, что следователи впоследствии, разбираясь в очередном, со смертельным исходом, происшествии, обнаружат в нем некоторые позволяющие подозревать злой умысел странности. Ну и что? Почти наверняка они объяснят это конкурентной борьбой местных преступных группировок. Важнее, чтобы сами преступники раньше времени не почуяли неладное. Для того и тружусь, не покладая рук, или, скорее, ног.

Ночами я, превратив сотни затверженных днем цифр в линии на план-схеме, высчитывал свой путь, возможные действия и контрдействия противника и способной вмешаться в ход событий ближней милиции. Я передвигал фишки, обозначающие машины и людей, по бумаге, видя за этими короткими ломаными линиями вполне конкретные улицы, переулки, подъезды, двери, проходные дворы. К утру я сжигал весь тщательно вырисованный план, чтобы вечером вновь его восстанавливать. Возможно, я со своими тайными играми перебарщивал, но привычка есть привычка. Если бы вас десять лет учили самыми жестокими методами убирать за собой, вы бы тоже, сами не зная почему, потянулись бы за спичками.

К исходу третьей ночи я придумал шесть версий чужих смертей.

* * *

Последние перед работой сутки я посвятил покою. Я отдыхал столько, сколько хотел отдыхать.

Это убийцам-бытовикам вроде Раскольникова плохо спится и естся перед преступлением, а у профессионала сон от настроения и угрызений совести не зависит. Единственное, что на него влияет, — внутренний приказ. Закрыв глаза, сказал себе «спать» — и через мгновение в отключке.

Если спец не умеет спать, когда надо и сколько надо, а только когда захочется, его можно смело списывать в тираж. Умение уснуть в любой обстановке и проснуться в строго определенное время — это азы спецобучения, это оборотная сторона умения не спать вовсе по трое-пятеро суток кряду. Не умеешь первое, в том числе выспаться, отключаясь на две-три минуты каждые четверть часа, значит, не умеешь и второе.

Не хитрость не смежать веки целую неделю подряд (задача при этом — не потерять сообразительности и работоспособности). Полную бессонницу скорых и нередко катастрофических последствий одолеть невозможно, даже с помощью медикаментозных средств. Таблетки способны помочь одномоментно, после чего необходима продолжительная реабилитация. Спать человек должен. Без этого не обойтись. Вопрос — как спать!

Спец может выспаться за минуты, причем, но это уже высший пилотаж, не закрывая глаз. Может, если в том будет необходимость и, главное, возможность, дрыхнуть без подъема на оправку, без зевоты и ворочаний с бока на бок трое суток подряд. Но через трое суток встанет и сможет шестеро суток без отдыха молотить ногами километры лесного бездорожья или кулаками спарринг-противника в учебном бою. Нам и то, и другое инструкторы делом доказали. И если способность мгновенно засыпать вырабатывали, используя гуманные внушение и гипноз, то умение просыпаться в заданное время — драконовскими, но очень действенными методами болевого кнута. Проще говоря, если вам предложили проснуться в 03.17, то уж вы постарайтесь не проспаться, потому что в 03.18 через ваше тело пропустят разряд электрического тока.

Такой способ обучения очень доходчив и очень эффективен. Уверен, чтобы научиться считать во сне не то что минуты — секунды (!), даже хроническому засону, до того не досыпавшему полгода, потребуется не более пяти уроков. Потому что с каждым новым уроком сила болевого удара нарастает. Если в первый день вы почувствуете сильный укол в районе висков, в третий — нестерпимую, словно по всей внутренней поверхности черепа у

вас выросло сто пульпитных зубов, боль, то в пятый — боль пронзит ваш мозг раскаленной на огне спицей и вы проснетесь лишь для того, чтобы тут же потерять сознание.

Говорят, десятое практическое занятие по хронометражу сна может если не убить, то оставить до конца жизни неизлечимым калекой.

Вот такой, очень хороший, потому что достигает результата, метод. Низкий поклон его изобретателю. Если бы меня щадили и, к примеру, будили мягкими уговорами и вручением после успешного пробуждения пряников, я бы давно уже был покойником, проспавшим собственную смерть. А так ранее испытанная, но очень хорошо запомнившаяся организму мука гарантирует мне запланированный подъем точнее швейцарского, громкого боя, будильника.

И точно так же, и опять не без помощи спецов «психов» и инструкторов, я умею отключать внутреннее реле времени и погружаться в глубокую, хоть на часы, хоть на дни (на недели не пробовал, но тоже смогу) спячку.

Вот этим, восстанавливающим силы «отсыпом» я и занимался в последний перед делом день. Последующие мне отдыха не обещали. Я набирал энергию покоя, как аккумуляторная батарея электричество. Я заряжался, чтобы потом, когда придет время, выплеснуть ее без остатка. Отдых для спеца — это тоже работа, создание предпосылок для последующего активного действия. И исполнять он ее должен самым тщательным образом. Только так!

Если бы я отправился на операцию сразу, я бы, возможно, сдох на полпути. А этого я позволить себе не могу. Пол-дистанции для меня не существует. Или все, или то же самое, что ничего. Выполнить намеченное на 99 процентов — значит не выполнить вовсе.

Даже единственный ушедший от кары авторитет угрожает Тайне и, значит, лично мне в той же мере, в какой угрожали пятеро уже отошедших в мир иной. Возможно, даже больше, такая цепочка странных и профессионально исполненных смертей заставит конторских ревизоров копать в данном направлении еще ожесточенней, а запуганный гибелью сотоварищей счастливчик за гарантии безопасности расскажет кому угодно и что угодно. Он же не знает, что причиной повального мора служит не пересчет прибылей, не раздел сфер влияния, не плановая месть, а несколько случайно узнанных им фактов. И что даже косвенное упоминание о них равнозначно смертному приговору.

Нет у меня 99 процентов. Только сто!

Наибольшая сложность предстоящей операции заключалась в том, что каждая акция могла занимать у меня лишь несколько часов. Все вместе — максимум двое суток. Если дело затянется, заподозрившие неладное приговоренные жертвы, спасая жизнь, разбегутся кто куда по стране, и на то, чтоб их вычислить и отловить, понадобятся уже недели.

Только маскировка убийств под несчастный случай и быстрота действий могли обещать мне успех. И еще мне мог помочь случай. Счастливый случай. В конце концов, я занимаюсь не самой бесполезной для человечества работой. Я убираю мешающий жизни мусор. Я чистильщик. Я имею право на толику везения.

Ровно тогда, когда мне надо было проснуться, я проснулся. И именно тогда, когда надо было быть на месте, — был там.

Если бы мой первый клиент каким-нибудь образом узнал, что его выбор был обусловлен только затянувшимся ремонтом фасада здания, он бы очень удивился и очень расстроился. Не облупись штукатурка, не выцвети краска, и он, возможно, прожил бы на несколько часов дольше. Не затяни штукатурки работу — и его смерть не была бы столь ужасна. Но ремонт шел ни шатко ни валко, и поэтому первым предстояло умереть именно ему. Странные в нашем деле случаются иногда причинно-следственные связи. Кто-то вовремя раствор не подвез, а кто-то от этого раньше положенного умер.

Я встретился с бригадиром, отвечающим за ремонт дома, и, представившись одним из жильцов, попросил отложить окраску подъезда, где я живу, на несколько дней.

— У меня, понимаешь, важное событие. Помолвка. Невеста будет, родители, друзья. А тут краска, штукатурка, окна заляпанные. Можно одежду попортить и настроение. Хорошо бы работы перенести на пару дней. А связанные с этим затраты, я же понимаю, я возьму.

Моя просьба, а вернее, размер предложенной, о какой мастер и мечтать не мог, компенсации возымели действие.

— Конечно, конечно. Мы же понимаем. Мы для того и поставлены, чтобы людям облегчение было. Это дело святое. Я сам женился, — бубнил ополумевший от свалившегося на него счастья мастер, рассовывая деньги по карманам. — Я счас сразу и распоряжусь. Вы не беспокойтесь...

А я не беспокоился. Я не беспокоился даже на-

счет возможной утечки информации при разборе случившегося ЧП. Вряд ли мастер будет объяснять истинную причину своего странного приказа — пропустить ближний подъезд, начав ремонт сразу с дальнего — получением крупной суммы наличных денег. Взятка, особенно если ею не поделился с начальством, а он, конечно, не поделится, — штука подсудная. Если мастер не дурак, а дурак в среднем производственном звене, постоянно находящемся между наковальней — рабочими и молотом — начальством, — долго не продержится, то он придумает кучу своих, вполне правдоподобных объяснений странных производственных перемещений. За тактические просчеты в строительном деле, в отличие от мздоимства, с него не спросят. Подозрения, связывающие акт получения денег с трагическим происшествием, и вовсе заставят его умолкнуть. Ведь он, если имело дело убийство, становится его прямым соучастником. Никому и ничего мастер не скажет. Будет вести себя на разборе в СМУ, как подпольщик на полицейском допросе: божиться, ломать дурочку, стучать кулаком в грудь, напирать на роковое стечение обстоятельств, каяться, а если совсем прижмут, крыть всех по матери. Шуму-гаму напустит, но правду, как и деньги, сохранит свято. Наверное, его даже не уволят: где они другого человека на такую собачью должность найдут? А потерю времени я ему, как и обещал, компенсировал. В итоге он останется мастером, а я невидимкой.

По рукам?

Уже через час работа кипела, как забытый на плите чайник. Аж через край перехлестывала. Ванну из-под раствора перетащили дальше, кучу мусора разбросали по дальним углам, строительную люльку перевесили на подъезд дальше, то есть все сделали, как и надо было, и даже быстрее, чем надо было. А говорят, у нас строители работать не умеют. Это смотря кто и как просит.

Когда работы были уже почти закончены, я, проходя мимо стоящей на земле люльки, случайно споткнулся и, падая, вывихнул ногу. Пришлось, хватаясь за железные перильца и тросы, ковылять вдоль стены к подъезду. Не повезло, одним словом.

А пока я поднимался и ковылял, мои хватающиеся за что придется пальцы налепили на несущие стальные тросы пластиковую, похожую на жевательную резинку взрывчатку с вкрапленными внутрь дистанционными взрывателями. Вот и все.

Люльку подняли до верхних этажей, штукатурку-

ры, отработав смену и не желая тратить время на долгий и не самый комфортный спуск, ушли через окно в подъезде, оставив часть инструментов и краску на рабочем месте. Люльку подняли еще выше и оставили как есть. Ограждение сняли.

Строители повторили то же самое, что делали в соседних подъездах в предшествующие дни. Наверное, они нарушали технику безопасности, но так им было удобнее: не надо таскать ведра и инструменты в далекую подсобку, не надо терять время на утренние подъемы-спуски. Загнал люльку вверх — и топай домой. Кто там, под крышей, до их средств производства доберется.

Подготовка для ликвидации второго объекта мне не требовалась, и я перешел сразу к третьему. Его должна была сгубить любовь к автомобилям. У него была роскошная, с форсированным двигателем иномарка. Он гонял на ней самозабвенно, мало обращая внимание на ограничительные знаки. Все трое его прав были издырявлены гаишными компьютерами за превышение скорости. Похоже, единственным, кто мог усмирить его страсть к лихачеству, был я.

После полуночи, когда улицы наиболее пустыньны, я вышел готовить предпосылки следующего несчастного случая. Любой ночной вояж сам по себе небезопасен. Одиноко бредущая фигура позднего прохожего привлекает к себе внимание как представителей власти, так и мелких преступников. Встреча что с теми, что с другими особой опасности не представляла, но сильно отвлекала от выполнения основной задачи. Старое конспиративное правило гласит: если можешь избежать осложнений, избегай их, если не можешь — подумай еще раз, вывернись наизнанку и все-таки постарайся избежать.

На случай встречи с хулиганами я припас крупную сумму денег, чтобы откупиться, и, если денег будет недостаточно, пистолет Макарова, чтобы пугнуть. Для объяснений с органами — заполненное на вымышленное имя удостоверение следователя по особо важным делам. Бланк удостоверения со всеми необходимыми штампами и печатями взял из резидентского контейнера, фотографию мне в моем присутствии изготовили в ближайшем ателье. Теперь я не просто бродил по улицам, а выполнял следственную работу, и встретившиеся патрули не только не могли навредить мне, но были обязаны оказать моей персоне всяческое содействие и почтение. Обеспечив надежное прикрытие, я приступил собственно к делу.

Прямым солдатским шагом подойдя к автостоянке, я сунул в нос сторожа удостоверение и пошел проверять номера машин.

Сторож засеменял за мной.

— Вам что, делать нечего? — резко обрезал я его.

Нужную машину я обнаружил сразу, но для проформы до нее осмотрел еще дюжину. Я обходил автомобили вокруг, наклонялся, вставал на колени, заглядывал под днища, щупал протекторы. Сторожу скоро наскучило наблюдать за странными телодвижениями ночного визитера, и он ушел в теплую дежурку. Еще с полчаса я честно исполнял необходимую, но вообще-то совершенно бессмысленную работу и лишь после этого подошел к машине, ради которой я здесь и оказался. Бросив на землю заранее прихваченный кусок полиэтилена, я нырнул под днище и обмазал тормозной шланг и рулевую тягу пластиковой взрывчаткой. Исполнив работу, я не ушел сразу, а еще четверть часа шатался по стоянке, записывая номера, соскребая с крыльев засохшую грязь, задумчиво массируя пальцами правой руки виски, приговаривая: «Н-да! Теперь все ясно!» — то есть делая все то, что и должен делать согласно многочисленным кино- и телеверсиям особо важный следователь. И хоть зритель у меня был единственный, играл я в полную силу своего драматического таланта.

Ранним утром ново-, точнее, собственноручно испеченный капитан милиции уронил честь своего ни разу не надеванного мундира. Он совершил преступление путем угона легкового автотранспортного средства. Вернее, он совершил шесть преступлений, потому что угнал не одну, а шесть автомашин.

Что же мне пешком ходить, когда все мои противники поставлены на колеса? Нечестно получается! Один может рассчитывать только на свои силы, другой еще и на лошадиные. Несправедливо! А то, что машин шесть, так и враг не один. Мне на одной и той же легковушке разъезжать — все равно что саморекламой заниматься. Я не автолюбитель, я профессионал!

Машины, навесив на них номера, снятые с других, попавших под горячую руку автотранспортных единиц, я расставил по городу с таким расчетом, чтобы можно было легко ими воспользоваться. Шесть планируемых акций — шесть автомобилей, шесть импровизированных стоянок.

Война была подготовлена, войска выведены на исходные позиции, театр скорых военных дейст-

вий исползан и изучен до последней кочки, ближние и дальние тылы обеспечены, насколько позволяли стесненные обстоятельства, засады замаскированы, мины установлены, наблюдательные пункты оборудованы, кухни подвезены. Больше, чем было сделано, сделать было нельзя. Пора было поднимать личный состав в атаку.

Конечно, было бы гораздо эффектней, если бы над бруствером поднялся в рост полковой трубач и, прижав к губам свою трубу, сыграл сигнал атаки. Или комиссар, задрав правую руку с зажатым в ней пистолетом, прокричал: «За Родину! За...!» Или, в крайнем случае, убежденный седиными боевой генерал поднял бы трубку полевого телефона и по-простому сказал: «Вперед, сынки!»

Это было бы гораздо эффектней!

Но ни трубача, ни комиссара, ни генерала не было. Был единый во всех лицах я. Мне и надлежало трубить, кричать и жалеть идущих в пекло сынков. Я должен был начинать, вести, развивать и завершать задуманную мной же атаку. Мне в ней погибать и побеждать.

Я печально вздохнул и скомандовал начало:

— Пора, Контролер. Ни пуха...

А шел бы ты, то бишь я, к черту!

Первую засаду я устроил недалеко от ремонтируемого дома. Я уселся на скамейку возле дальнего подъезда и, развернув газету, стал ждать. Ждал я, как и предполагал, 25 минут. За эти дни я хорошо изучил график приходов и уходов каждого приговоренного и мог с большой долей вероятности просчитать время их перемещений.

Первый появившийся обреченный был весел и оживлен, как и следовавший подле его правого плеча телохранитель. Мой подопечный имел дурную привычку бегать по утрам трусцой. Он думал, это сбережет ему здоровье. Он предполагал долго жить.

Я пошарил во внутреннем кармане и вытащил непечатую пачку сигарет.

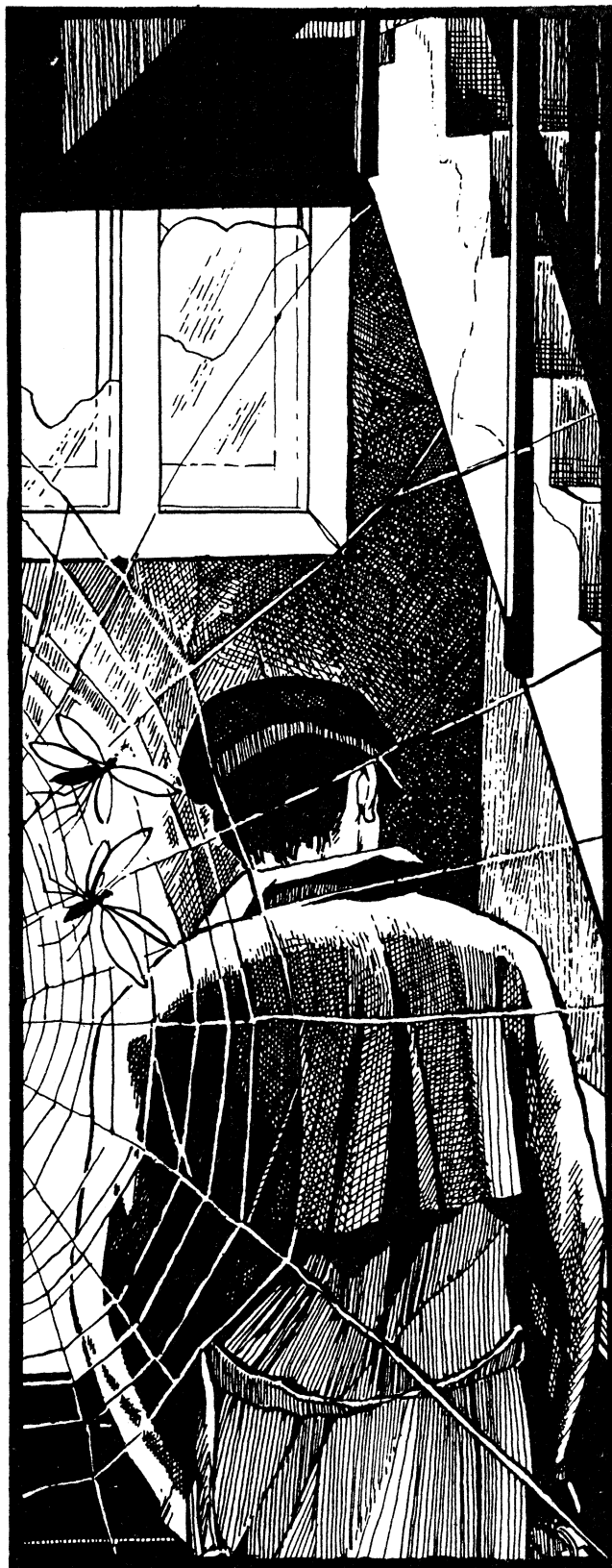
Подопечные прошли второй и третий подъезд.

Я открыл пачку.

Они шагнули на крыльцо, потянулись руками к двери.

Мой указательный палец уперся в слегка выступающую над другими сигарету. Вообще-то это была не сигарета, а пусковая кнопка, а сама пачка заряжена не табачными изделиями, а хитрой электроникой. Да и была она не пачкой, а электронным дистанционным пускателем.

Легкий нажим. Полторы сотни сопротивлений,

микросхем и конденсаторов преобразовали движение моего пальца в радиоэлектронный импульс, который, сорвавшись со стержня антенны (расположенной рядом с кнопкой сигареты), достиг микроприемников. Те дешифровали принятый сигнал, превратив его в слабый, но достаточный для взрывателей электрический разряд. Взрыватели одновременно сработали. «Пластик» взорвался, разом обрезав удерживающие люльку тросы. Микровзрывы были очень тихие и очень действенные. Они разрушили только трос и ничего вокруг. Люлька вздрогнула и бесшумно рухнула на ничего не подозревавшие головы обреченных мною на смерть людей.

Они даже не почувствовали боли, когда триста килограммов металлических труб, досок, краски и полупустых, привязанных к раме ведер раздавили их.

Специального состава взрывчатка сгорела, не оставив никаких следов, кроме распущенных концов непонятно по какой причине оборвавшихся тросов. Кое-что могла бы объяснить специальная экспертиза, но кто ее в этой глуши будет делать.

Я вытащил из пачки пускателя сигарету, закурил и пошел себе подальше от места случайной трагедии. Не люблю я наблюдать случайно разможенные трупы.

Пройдя два квартала, я остановился у «своего» «Москвича», на всякий случай осмотрелся вокруг и, запустив мотор, неторопливо, соблюдая все дорожные правила, покатил к объекту № 2.

Время 9.15. Пока в графике.

Подкарауливая следующую жертву, я сидел в небольшом кафе за столиком возле окна и жевал уже вторую порцию сосисок с гарниром. Сосиски были противны, гарнир им соответствовал. При такой нерасторопности будущего покойника я мог запросто заработать хронический гастрит из-за чрезмерного потребления недоброкачественных продуктов. Счастливы простые люди: они едят, где и когда хотят и, главное, что хотят. Мне бы отодвинуть тарелку с недоеденной пищей, вписать пару ласковых предложений в одноименную книгу и пойти в ближайшую поликлинику промывать надорванный желудок. Но не могу. Очень мне это кафе нравится... расположением входной двери и окон.

Еще два стакана чаю с пирожком — и придется уходить, перенося операцию на вечер. А это значит: еще по меньшей мере одна порция сосичного яда внутрь. Уж лучше бы сейчас отмучиться, но я не могу обращать на себя внимание чрезмерным

аппетитом. Люди из конторы не могут претендовать на пищевые рекорды из книги рекордов Гиннесса. Им излишнее любопытство, чем бы оно ни было вызвано, дивидендов не приносит.

Но мне повезло. На последнем глотке чая объект объявился. Машина остановилась возле тротуара на своем обычном месте. Теперь от ее дверцы до двери подъезда жертве нужно было пройти пятьдесят метров.

Я вывалился из кафе, и, играя изрядно подвыпившего гражданина, пошел вдоль стены дома. Возле самого подъезда мне стало плохо. Я прислонился к двери и схватился за горло. Вот и долгожданное освобождение от общепитовских сосисок, плавающих в общепитовском же чае. Уж как-нибудь без поликлиники обойдемся, своими силами. Вот сейчас! Вот-вот!

Но мне помешали.

— Ну-ка ты, дерьмо бутылочное, вали отсюда! — крикнул приблизившийся телохранитель и брезгливо отбросил меня в сторону.

Что от него и требовалось.

С трудом удержав тело в равновесии, а сосиски в желудке, что доказал судорожным зажиманием рта ладонью и подозрительными бульканиями (а зачем мне показывать полное лицо, если можно только половину?), я отскочил на два шага, больно наступив каблуком на ногу объекту покушения. Одновременно незаметным движением свободной руки я ткнул его сквозь одежду в бедро тонкой иглой небольшого, зажатого меж пальцев шприца-тюбика.

Боль в отдавленной ноге должна была отвлечь его внимание от игольного укола. Сильная боль перекрывает более слабую.

Объект раздраженно оттолкнул меня. Я, бормоча извинения, отлетел на тротуар. От удара, вызванного падением, сосиски вывалились наружу. Это должно было охранить мое здоровье и обереечь меня от нежелательной разборки с телохранителем. Кому охота возиться с опустившимся, к тому же облитым блевотиной алкашом? Реальной опасности, кроме возможности испачкаться в содержимом его желудка, такой представлять не может.

— Пошел вон! — прорычал телохранитель и дал мне крепкого пинка в выступающий зад.

Тоже мне хранитель, пинка дал, а нападения на хозяина не заметил!

Чертыхаясь, постанывая и утираясь, я покидал поле боя. Выигранного боя! Мой подопечный еще ходил, еще чувствовал, но был уже покойником.

Поступившее в его кровь «лекарство» начало уничтожать его организм изнутри.

Он умер через три часа от внезапно случившегося сердечного приступа, хотя до того на сердце не жаловался. Бывшие при нем близкие и друзья ничего сделать не успели. Да и не смогли бы. Он был обречен. Как говорится, медицина в данном случае бессильна.

Его смерть пришла не тогда, когда он умер, и даже не тогда, когда столкнулся на улице со случайным алкашом, а много раньше, когда он услышал о странном, не входящем в реестр службы безопасности учреждении. Вот тогда он и скончался.

Но я кончины своего подопечного не ожидал. Я спешил. Бросив «Москвич», уже на других, но опять-таки своих «Жигулях» я мчался на следующую сценическую площадку, где мне предстояло разыграть третье трагическое действие.

Пока в графике. Опережение — семь минут. Признаков слезки нет.

Только бы не нарваться на опасную своей непредсказуемостью случайность.

В какой-то степени происходящее повторяло недавнюю эпопею на судне. Тот же принцип: один день — один покойник, но совсем другие масштабы. Тогда я стриг верхушки и располагал днями, сегодня выкорчевывал корешки и чувствовал себя тесно даже в рамках часов. Там еще имелось одно существенное отличие. Там мы были одни. Здесь приходилось действовать в окружении прохожих, соседей и других, не имеющих отношения к моей мести, людей. Здесь я пусть не юридически, но морально отвечал за каждую миновавшую цель шальную пулю. Я не боялся лишних трупов, я не желал бесполезных трупов. Мне было довольно запланированных.

Третьего мафиозного главаря я добыл с крыши его же дома. Нет, я не прыгал сверху Тарзаном ему на плечи, не ронял с карниза кирпичи. Я, поднявшись на заранее отпертый чердак, запустил в опять-таки заранее просверленное в вентиляционном стояке отверстие сдвоенную тонкую трубку. В одной половинке был запрессован глазок микрокамеры, в другой не было ничего.

Аккуратно спуская ее вниз, я подсчитывал stravливаемые с катушки сантиметры. Кажется, все. Теперь воткнуть ближний конец видеоснура в гнездо, расстегнуть верхнюю панель, открыть монитор, включить питание, отрегулировать настройку. Сделано. На тусклом экране я различил

лохмотья висящей по стенам пыли и светлый узор точек от декоративной вентиляционной решетки. Так, понятно. Для того, чтобы хоть что-то увидеть, надо развернуть камеру на 180 градусов. Я тронул ручку горизонтального смещения. Решетка вползла в экран. Сквозь нее я различил дверь, сливной бачок, унитаза.

На месте.

И снова ожидание. Десять минут, двадцать, сорок... Минуло расчетное время. Пошел наработанный запас. Час десять, час двадцать... Открылась дверь. Вошла средних лет женщина. То ли супруга, то ли гостя хозяина. Развернулась к камере спиной, задрала юбку. Я воспитанно отвернулся от монитора. Вообще-то, зря. Наблюдатель не должен отрывать взгляд от зоны наблюдения, что бы ни увидел. В данном случае я допустил нарушение инструкции. Ушла. Закрыла дверь. Снова ожидание.

Час тридцать... сорок... пятьдесят. В ход пошел неприкосновенный резервный час. Он что, вообще в туалет не ходит? В принципе?

Вновь открылась дверь. Ну наконец-то! В невеликий объем туалета ввалилась массивная туша третьего претендента на смерть. Отдуваясь и ворча, он расстегнул штаны и опустил сиделище на хрупкий фаянс унитаза.

— Уф-ф!

Авторитет пыхтел, пыжился и обливался потом.

— Ну ты скоро? — кричала из-за двери, судя по обращению, супруга.

— Счас. Еще попытаюсь. Счас.

Мне стало жаль страдающего запором преступного вожака, и я достал из сумки небольшой баллончик, внешне похожий на аэрозольный. На нем для маскировки даже было написано что-то вроде «Дезодорант для ног. Не распылять вблизи огня, не давать детям» и др. Но это был не дезодорант. И предназначался он не для ног.

— О-о-ох, — охал, стонал и проклинал судьбу пищеварительный страдалец.

Ну потерпи еще. Немножко осталось!

Я присоединил баллон к свободному патрубку и открыл вентиль. Смертельный даже в малых дозах газ с шипением вырвался в трубку и по ней потек вниз, к расположенному тремя этажами ниже туалету.

Я видел, как вначале вздрогнул, а потом сразу обмяк сидящий на унитазе человек. Проблема кишечной непроходимости его больше не волновала.

— Ты скоро? Я не буду ждать! — возмущалась,

кричала, негодовала не ведающая, что творит, жена. — Ты слышишь? Слышишь?!

Он не слышал. Его уже не было в туалете, в квартире, на земле. Его легкая, не ведающая заповорота душа выпорхнула из тучного тела и вознеслась, возможно, через ту же отдушину, откуда поступил газ.

Я вытянул видеосцуп, смотал его на бобину, упаковал в чехол. Отверстие в вентиляционной шахте я заткнул и затер специально подобранной под окружающей колер замазкой.

Номер три. Без сучка без задоринки.

Пока мне везло, но лишь потому, что еще живые противники не узнали о безвременной кончине своих товарищей. Мое преимущество было очень шатким и уменьшалось с каждой новой минутой. Мне надо было спешить. На номер три ушло слишком много времени. Слишком много...

По чердаку я прошел в дальний подъезд, спустился во двор и вышел на улицу.

Машины не было!

Вот это номер! Это называется вор у вора дубинку украл! И, главное, как не вовремя!

Можно было попытаться перехватить другую машину, свободную или занятую, выкинув из нее водителя, но, как назло, улица была пуста. Пришлось, вспоминая курсантскую юность, совершать марш-бросок: очень быстрым шагом, в людных местах и только там, где никого не было видно, — бегом до ближайшей «своей» машины.

Я бежал, но уже понимал, что не в графике, что темп потерян. Я срезал расстояния, проскакивал с улицы на улицу через проходные дворы, обходил долгие кварталы, пользуясь сквозными подъездами. Я хорошо изучил город в дни предшествующей подготовки. Сегодня это сэкономило мне массу драгоценного времени. Даже больше, чем я мог рассчитывать.

В сравнении с машиной я опоздал лишь на три минуты. Поиск и угон, тем более захват новой машины стоили бы мне гораздо больших временных потерь. Я очень правильно рассчитал. Но это меня не спасло...

Когда я захлопнул дверцу своей очередной легковушки, у меня еще оставалась возможность наверстать упущенное время.

Но не удалось наверстать — на первом же перекрестке в меня въехал неизвестно откуда взявшийся «уазик».

Удар!

Вот она, идиотская роковая случайность, кото-

рой я опасался. Ее невозможно учесть, к ней невозможно приготовиться, ее невозможно избежать. Хотя нет, последнее утверждение — ложь! Я не верю в мистические предначертания. По большому счету любая случайность — это обратная сторона закономерности. Стоит лишь получше покопаться в прошлом.

Там, на чердаке, я проиграл уйму времени. Угнанная машина стояла мне еще трех минут. Если бы я работал не один, такого произойти не могло бы. Мой напарник просто ожидал бы меня за рулем, не снимая ноги с педали газа. Но я работал в одиночку, и вероятность случайности из-за этого возрастала стократно. Рано или поздно она должна была сработать. Два предыдущих прокола потянули за собой третий. Пытаясь наверстать потерянные минуты, я гнал машину чуть быстрее, чем должен был, и проскакивал перекрестки чуть более рискованно, чем если бы никуда не спешил. Не случись эти две в принципе одолимые затяжки, не произошло бы роковой третьей.

Но и ее можно было избежать, если бы я смирился с дополнительным двух-трехминутным опозданием. Я повторил ошибку прохожего, перебегающего ради экономии тридцати секунд перекресток на красный свет. Я, как на придорожном плакате, сэкономил минуту и поставил под угрозу жизнь. Так что не будем взваливать на рок свои ошибки.

Но об этом я размышлял позже. В тот момент столкновения и переворота машины мне было не до отвлеченных материй. От удара о баранку я на мгновение потерял сознание. И именно этого мгновения хватило зевакам, чтобы заполнить своими любопытствующими телами все подходы к дверцам перевернутой машины. Они были искренни, они хотели помочь, но мне от этого было не легче.

Сразу десяток рук потянулся внутрь сквозь разбитые стекла. Они думали, меня волновала жизнь. Но меня в данный момент волновала только набитая спецсредствами сумка. Утрата сумки была бы равнозначна потере жизни. То, что в ней находилось, не предназначалось постороннему взгляду.

— Сумку! Сумку! — требовал я, отталкивая добровольцев-свидетелей. — Вначале сумку!

Наверное, они удивились такому невероятному, перед лицом смерти, крохоборству, но сумку дали. Только после этого я позволил вытащить себя наружу. Я не чувствовал боли. Мне некогда было чувствовать ее, мне нужно было покинуть место

аварии до того, как сюда придут милиция и «скорая помощь». Я не мог допустить ни забирающего последнее время лечения, ни неизбежной проверки документов.

Я продирался сквозь руки, как сквозь колючий кустарник. Я отодвигал руки, я раздвигал руки, я отдираю руки от себя.

— Остановите его.

— Помогите ему. У него шок!

Я не мог выбраться из такой плотной и активной толпы, не применив известных мне приемов. Ноя бы не смог избежать жертв, применяя эти приемы. Но я бы раскрыл себя, допустив эти жертвы. И я из охотника превратился бы в дичь. Крут замкнулся. Я оказался обезоруженным. Силловые методы оказались невозможны. Нужно было найти какой-нибудь простой и действенный ход. Что может убедить людей оставить меня в покое? Страх! Чего люди боятся более всего? Потери жизни. Только это может перекрыть все прочие сиюминутные чувства.

— Вы что, с ума сошли?! — заорал я что было сил. — В багажнике двести литров бензина! Он

сейчас рванет! Спасайтесь!

Мой вид и мой крик оказались убедительными. Люди отшатнулись от машины. Используя их секундное замешательство, я, отбросив в сторону двух ухвативших меня доброхотов-спасателей, кинулся к ближайшей подворотне. Теперь я мог позволить себе действовать чуть более жестоко. Возможным взрывом я аргументировал свое нежелание оставаться возле разбитой машины.

Все. Вырвался! Ушел!

В одном из ближайших подъездов я позволил себе минутную передышку. В принципе я отделался легко. Seriously пострадала только левая нога. Вставать на нее было можно, но сгибать в колене затруднительно. Все прочее, несмотря на обилие крови (ей-богу, словно поросю резали), было несущественно — так, мелкие телесные повреждения. Хуже дело обстояло с одеждой. Ее просто не осталось. Показываться в этих пропитанных кровью лохмотьях на улице нельзя. Необходимо было как можно быстрее обновить свой гардероб.

Я поднялся на этажи, послушал двери. Отбегая, вернее, отпрыгивая на одной ноге на верхние мар-

ши, позвонил в одну, вторую, третью квартиры. Ту, где никто не ответил, вскрыл универсальной отмычкой. Нельзя сказать, что мне повезло, но кое-что подходящее в одном из платяных шкафов я обнаружил. Замыв кровь в ванной, я залепил раны со специальным, состоящим из полусотни лекарственных препаратов покрытием, пластырем. Заглотил две болеутоляющие, из аварийной аптечки таблетки. Через тридцать минут я покинул давшую мне приют квартиру. Свою одежду, сложенную в прихваченный на кухне пакет, я бросил в мусоропровод.

Я довольно удачно выкрутился из случившегося дорожно-транспортного происшествия, но как бы не ценой провала операции. Мой кредит выглядел угрожающе. Частичная трудоспособность заставляла забыть об активных, связанных с бегом и прыжками, лазанием и рукопашным боем действиях. От целого агента нынче осталась едва ли треть.

Случившееся на перекрестке странное происшествие рано или поздно через каналы милиции дойдет до ушей авторитетов. Вполне возможно, что они смогут связать его с эпидемией смертей, постигшей их товарищей. Кстати, последнее обстоятельство — информированность оставшихся в живых об имевших место несчастных случаях сводит на нет все мои ранее разработанные планы. Вряд ли они теперь будут открыто появляться в городе. А это значит, что прекрасно задуманные и подготовленные четвертый и шестой несчастные случаи останутся невостребованными. Может быть, пятый сработает? Хотя и тут не без сомнений.

Следует признать, что операция в том виде, в каком задумывалась, провалена. Спасать ее — только усугублять и без того плачевное положение. Если здание дало трещину, подпорки не помогут. Надо строить новое.

Судя по всему, возможности тайной войны исчерпаны и пора переходить к открытым боевым действиям. Не сегодня-завтра противник, догадавшись о происходящем, перейдет к долговременной и глубоко эшелонированной обороне — накопает траншей и дотов, и тогда его из них ни за какие уши не вытянешь.

Вывод один — наступать надо сегодня, пока они не очухались, не сопоставили факты, не сделали выводы. Значит, времени на отдых у меня нет. Ни минуты!

Ладно, война так война. Единственное, что меня не устраивало в ведении полномасштабных боевых действий, — это определенная военной наукой цифра потерь при наступательном, на закреплен-

ного противника бое — один к трем. И даже один к одному не подходило. Только, говоря футбольным языком, всухую. Только 3:0.

Пора интеллектуального противоборства прошла, теперь придется поработать руками. А учитывая, что для задуманного дела они коротки, придется удлинить их специальной, усиленного боя винтовкой, взятой и резидентского контейнера. Не хотелось скатываться до такой банальности, но деваться некуда. На разработку и подготовку чего-то более изящного времени не осталось. Будем импровизировать на ходу.

Итак, место действия известно, оружие определено, осталось установить сроки.

Чаще всего ликвидаторы, использующие длинноствольное огнестрельное оружие, выполняют работу ночью. Ночью меньше вероятность нарваться на способного помешать делу зеваку, легче скрыться, проще замаскироваться в темноте и, наконец, удобнее выцелить жертву в хорошо освещенном проеме окна. Днем в помещении темнее, чем на улице, и определение объекта затруднено.

Я прекрасно обо всем этом знал, не раз и не два читал наставления по специальной стрелковой подготовке и поэтому поступил наоборот. Вряд ли мои противники настолько глупы, чтобы не додуматься до очевидного — что освещенный предмет в темноте виден лучше и что достать врага проще и безопасней всего издалека с помощью давно изобретенной и хорошо себя зарекомендовавшей в подобных щекотливых делах винтовки с оптическим прицелом. Смотрят же они фильмы, читают книжки про покушения на президентов.

Если хоть толика подозрений закралась в их головы, то, могу поспорить, интересующие меня окна ночью будут плотно зашторены. Любой опасющийся мести человек инстинктивно избегает глядящих в темноту окон. Это, если хотите, рефлекс. Темнота всегда таит угрозу. А вот день?

Будем надеяться, что их подозрительность не переросла в панику, чтобы, отторживаясь от мира, превращать квартиру в подводную, без доступа свежего воздуха и солнечного света, лодку.

И еще будем надеяться, что сегодня, сейчас информация в полном объеме до них еще не дошла. А если дошла, то еще не переварилась. Сегодня днем они нападения, наверное, не ожидают. Опасность еще не определена, она еще только подразумевается. А вот за завтрашний день поручить-ся нельзя.

Значит, только сегодня. И только днем!

Ночь располагает к подозрительности. Утро разгоняет страхи. С дневным смельчаком дело иметь предпочтительней. Он, убаюканный мнимой безопасностью (кругом день, толпы людей, все видно, как на ладони), легче подставляется под выстрел. Трус — никогда. Трусы вообще живут гораздо дольше. Ночного труса мне так просто не взять!

На все прочее — подготовку снаряжения, изменение внешнего антуража и тому подобную работу — я отвел час.

Но уже через пятьдесят минут я стучал в двери квартир дома, стоящего напротив нужных мне окон. В четырех квартирах я, представляясь разносчиком срочных телеграмм, наткнулся на хозяев. В пятой было тихо. Я подавил на звонок еще минуты три и, открыв дверь, зашел внутрь. Пусто! Закрыв дверь на внутреннюю защелку, я прошел на кухню, растворил настежь окно, открыл дипломат. Там лежала винтовка, точнее, ее части: дуло отдельно, затворная часть отдельно, приклад отдельно. С помощью пяти движений и двух винтов я превратил разрозненные запчасти в цельную винтовку, легким толчком поставил на место оптический прицел, загал в патронник обойму, накрутил набалдашник глушителя. Сорок секунд на всю сборку! Качественно работают привлеченные Конторой оружейники!

Из того же дипломата я вытащил небольшой, вроде велосипедного насоса, цилиндр и, сняв фиксаторы, раскрыл три ножи, каждую из них, состоящую из четырех телескопических колен, раздвинул до полутораметровой длины. Треногу, напоминающую внешним видом фотографический штатив, я поставил на пол у дальней стены кухни. Но приторочил я к ней не фотоаппарат. Вовсе нет. Не для того я сюда пришел, чтобы заниматься художественной фотографией.

Быстро оглядев в прицел окна противоположного дома, я определил зону обстрела и задернул шторку на кухонном окне. Оставшейся щели хватит для того, чтобы держать под контролем требуемое пространство.

Тренога обеспечила значительную свободу действий. Теперь мне не надо было, изображая дурака, стоять наизготовку с прижатой к плечу винтовкой, рискуя тем, что, когда дело дойдет до выстрела, мое оружие будет трястись в перетруженных пальцах, как бутылка в руках наполняющего стакан алкоголика.

Ждал я, слава Богу, недолго. Объект, потягиваясь, почесываясь и зевая, прошел поперек комна-

ты. Он что, до такого времени спит? Или вовсе в койке живет? Теплая жизнь у мафиозников. Жаль, короткая...

Я прижался глазом к окуляру прицела, прикинул его скорый обратный путь, траекторию полета пули, ветер и все прочие влияющие на результат выстрела объективные и субъективные обстоятельства. Промахнуться я не мог. И не промахнулся бы, если бы объект прошел прежней дорогой. Но он в последний момент изменил свои планы и, не дойдя до спальни, бухнулся в кресло, стоящее за фасадной, то есть ближней ко мне стеной. Я видел его в висящем на дальней стене зеркале и ничего не мог поделывать. Он стал недосыгаем для моих пуль.

Я лихорадочно соображал, что предпринять, прекрасно понимая, что предпринять ничего невозможно. У меня была винтовка, а не пробивающая стены базака. Я мог только ждать. Но сколько? Судя по всему, клиент не собирался покидать уютное кресло — включил близкий магнитофон, разложил журналы, накинул на ноги плед. Ну, чисто английский лорд, отдыхающий у камина. Быстро он не встанет. Я бы так согласился месяц просидеть!

Я расслабил пальцы, сжимающие ложе винтовки. Можно, конечно, и подождать, лишь бы дождаться.

Но, видно, верна половица: пришла беда — отворил ворота. Во входной двери заскрежетал ключ! Кажется, вернулись хозяева. По идее я должен был немедленно ретироваться. Но как вернуться в этот дом после того, как я своим незванным присутствием в чужой квартире растревожу покой жильцов всех подъездов? Да после такого таинственного происшествия здесь кошка незамеченной не проскочит. Это тебе не скучающая милицейская засада. Старушки пенсионного возраста работают не за оклад, а за совесть. Отсюда и соответствующий результат. Их бдительности мне не одолеть! Уйти мне сейчас — значит уйти, как минимум, недели на две. Их у меня нет!

А если рискнуть? Я еще раз взглянул в окуляр прицела. Сидит, зараза! В моей голове мелькнула шальная мысль. Сколько у меня есть времени до того, как сюда вернутся хозяева? Одна минута, две, три?

Это зависит от их темперамента, физической силы и финансовых возможностей, ответил я сам себе. Если сил и денег в достатке, то вышибут дверь в минуту. Если мало, то, спасая замок, пойдут искать слесаря, на что потребуются уже десятки минут.

В дверь сильно забарабанили.

Пожалуй, силы есть. Затихли. А вот денег на ремонт двери нет. Опять забарабанили? Или есть? Черт с ними, пусть стучат!

Я быстро отскочил к раковине, открыл на полную мощность оба, с горячей и холодной водой, крана и сдвинул хобот смесителя за пределы мойки. Мощная струя ударила в пол.

Я снова припал к прицелу. Вот он, сидит в зеркале. Видимый и одновременно недостижимый. А почему видимый? Потому что угол падения равен углу отражения! Потому что мой глаз и его кресло находятся в одинаковом относительно зеркала положении. А зеркало висит на стене. Так? Именно так! Вот и выход!

Хорошо меня учили в школе, если спустя столько лет я вспомнил такое бесполезное тогда и столь пригодившееся теперь оптическое правило.

Углы равны! Равны!

Быстрым движением я выбросил из винтовки обойму с патронами. Эти, с разрывными пулями, были бесполезны. Их не в кого было послать. А вот эти, вытащенные из дипломата, запасные, со стальным сердечником, как нельзя кстати!

Я тщательно выверил расстояние и углы. Глубоко, два раза, вздохнул.

В дверь ломились со все усиливающейся настойчивостью. Все-таки еще и богатые. Не повезло.

Выдохнув воздух, я замер, нежно обжал указательным пальцем курок и плавно потянул его на себя.

Раздался выстрел. За ним второй. И сразу третий. Стальные пули вошли в стену чуть выше зеркала и, срикошетив, отскочили в сторону. Отскочили под тем же углом, что и ударили. Угол их падения был равен углу отражения! К великому сожалению сидящего на кресле четвертого мафиозного главаря, этому правилу подчинялись не только световые лучи.

А он, думал, спрятался. Думал, я его не достану.

Для верности выпускаю пулю за пулей, я пересекаю зеркало сверху вниз, заметив в разлетающихся осколках, как по телу сидящего в кресле человека запрыгали черные пятна дырочек. Дверь затрещала.

Я быстро разобрал винтовку, рассовал части по соответствующим углублениям в дипломате и, подхватив полусложенную треногу, пошел в коридор.

Дверь охнула и сдалась.

В прихожую, вещь в щепе и мате, ввалился здоровенный парень, позади него, испуганно прикрывав рот, стояла растерянная старушка. Из сосед-

них квартир вылезали заинтересованные соседи.

Чтобы избежать крупной — один агент против дюжины разгневанных домохозяек — драки, следовало немедленно забрать инициативу в свои руки. Конечно, я бы одолел немногочисленное, по преимуществу преклонного возраста мирное население, но вряд ли эта победа добавила бы мне славы.

— Ты, бабка, где бродишь? — грозно гаркнул я, памятуя, что лучшая оборона — нападение. — Ты что же делаешь, старая?! У тебя нижние соседи по уши плавают! Кто платить за ремонт будет? Кто, я спрашиваю? Кто?!

Опешившие от неожиданного напора соседи испуганно отшатнулись.

— Вот так, одни краны не закрывают, а другие должны аварии ликвидировать! Я в последний раз соглашаюсь! В последний! Так и знайте. Я не намерен на каждый потоп бегать! У меня своих дел не переделать! — продолжал орать я, спускаясь по лестнице и потрясая, словно гаечным ключом, треногой.

Оглушенная ужасными сантехническими воплями неожиданно откуда взявшегося мужика с дипломатом и трубой, старушка впадала в столбняк. Это тоже было нехорошо. Просто стоящий, не занятый общественно полезным делом человек может черт знает до каких непредсказуемых действий додуматься.

— Определите этому человеку задачу ближайших минут, или он это сделает сам, — учили нас, курсантов, психологии. — Человек, не обремененный обязанностями, опасен непредсказуемой инициативой.

В данной ситуации работа была показана всем.

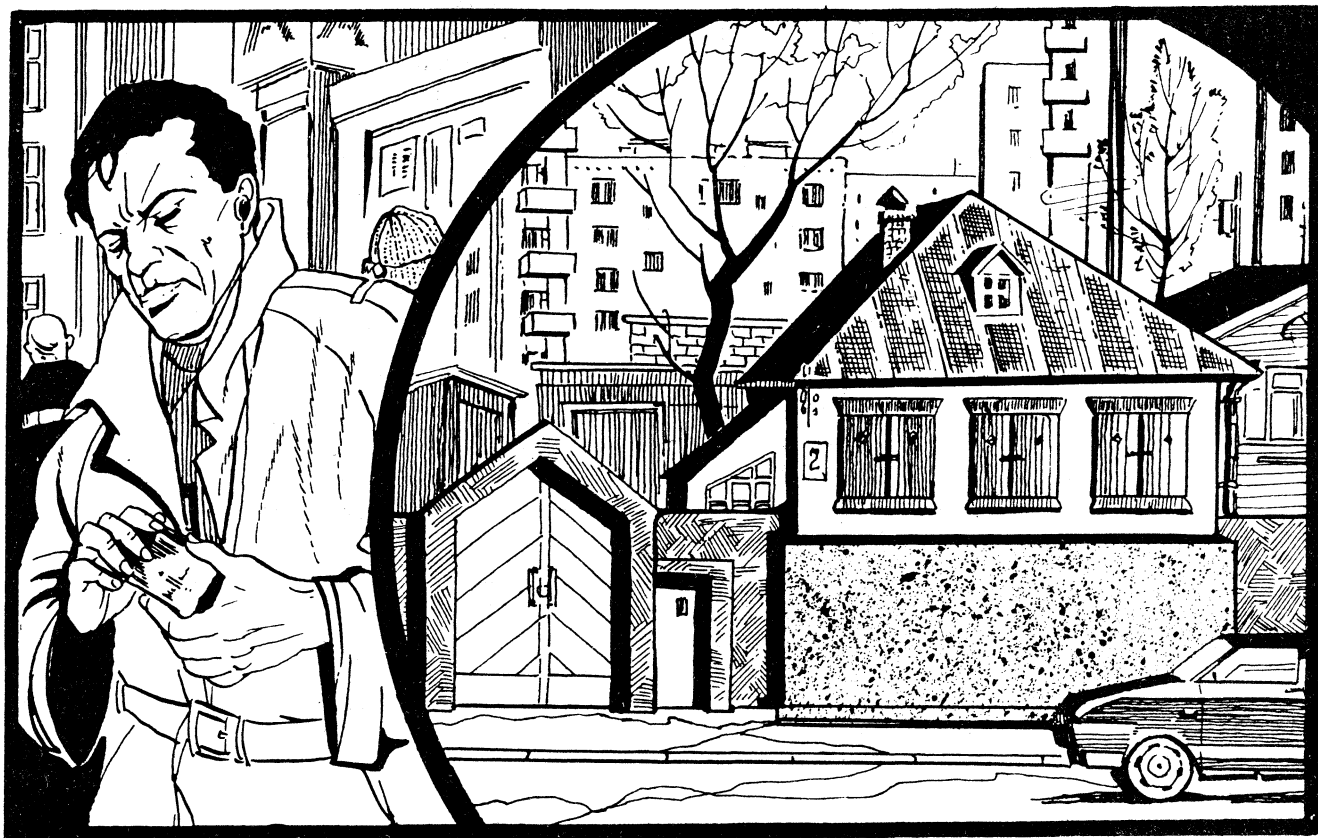
— А вы что столбами стоите? — крикнул я уже снизу. — А ну марш воду собирать, пока стены не размыло! Быстро!

При чем здесь стены, я сам не знал, но это и неважно. В приказе главное не содержание, а форма отдачи. Предложенная мною форма — напористая, безапелляционная и даже чуточку нагловатая — соответствовала моменту и, судя по коллективному топоту, возымела действие.

Путь был свободен.

Пока они соберут тряпками и отожмут в ведра воду, пока обсудят происшествие, я буду в семи кварталах отсюда, у объекта номер 5. А когда они надумают обратиться в местный жэк и в милицию, и вовсе покину город.

Уже на подходах к номеру 5 я почувствовал, что

опоздал. От известных мне окон исходило что-то нежилое, покинутое. Не грели они. Я не знаю, что это было — воспитанная сверхчувствительность или справедливое, вызванное всеми предыдущими действиями подозрение. Назовем это интуицией и не будем углубляться в дебри парапсихологических изысков. Я чувствовал, что квартира пуста. И все тут!

Но, как говорится, чувства к отчету не подошьешь. Агент не может доверять одному только своему внутреннему голосу, если не хочет услышать встречный, все заглушающий глас начальства. Интуиция — фактическое подтверждение — действие. Такова принятая в любой спецслужбе формула разведывательной и контрразведывательной работы. Опустив ее середину, рискуешь нарваться на неприятности даже в случае последующего триумфа.

Фактическую сторону я мог обеспечить либо продолжительным, тщательным наблюдением, на которое у меня не было времени, либо рискованным, с прямым выходом на противника контактом. Выходить лично на искомую квартиру я не отва-

жился. Такой риск граничил бы с непрофессионализмом. Всегда, если есть хоть малая возможность, надо стараться между собой и врагом запускать буфер — постороннего, не имеющего о тебе никакой информации человека.

Такого я без труда отыскал в ближнем жэке. Вначале я ему показал бутылку, потом липовое капитанское удостоверение. Не знаю, что более возымело на него действие, но подозреваю, что первое.

— После дела, — предупредил я.

Агент-сантехник предложил не откладывать операцию в долгий ящик. Его снели горячий патриотизм и желание помочь в благородном деле.

Я дал подробную информацию и запустил его в пустой подъезд. Он вышел через пять минут.

— Никто не отвечает. Я звонил, стучал, слушал. в замочную скважину смотрел. Нет там никого! — доложил сантехник, косясь на мой полукругло оттопыривающийся карман. — Нижняя соседка говорит: жилец еще час назад со своими дружками и сумками куда-то ушел.

Подтверждались мои худшие опасения. Номер

5 оказался на редкость трусливым и пронизательным человеком. Только заслышав о первых смертях, он, не раздумывая долго, решил сделать ноги из ставшего опасным города. Что это, банальная вендетта, борьба за власть или роковое стечение обстоятельств, можно выяснить потом, на досуге. А пока до добрых времен лучше отсидеться в надежном логове. Наверное, так рассуждал он, спешно пакуя чемоданы.

Исчезновения пятого ставило под сомнение целесообразность четырех предыдущих смертей. Французы мудро говорят: что знают двое, знает и свинья! Здесь, кроме меня, владели запретной информацией еще по меньшей мере двое. Один — очень хочется надеяться — заперся в своем доме-каземате. Второй...

Не то.

Не то.

А вот это то, что надо.

За рулем сидел пятый, если считать от сегодняшнего утра, претендент на смерть. Сейчас он выедет на автостраду, я пристроюсь ему в хвост, а там посмотрим.

Но я недооценил своего противника! Я настроился на охоту и все свое внимание посвятил гону. Я забыл, что загнанная дичь может очень болезненно огрызаться...

Иномарка выходила одна. Хвоста не было. Это упрощало задачу. Я повернул в замке ключ зажигания.

— Эй, мужик, у тебя колесо сдуло, — радостно сообщил мне какой-то прохожий парень.

— Где?

— Да вон же, вон. Правое заднее. Э-эх, дядя! Машина не жена, за ней пригляд нужен.

Я наклонился к сиденьям, открыл ближнюю боковую дверь, высунул наружу.

В лоб мне уперся пистолет.

— Садись по-быстрому в машину. И без нервов!

На асфальте, вдоль борта машины лежал второй вооруженный Макаровым парень. Его напарник, уже всунувшись в салон через опущенное стекло, хватал ключ зажигания.

Это ж надо так банально вляпаться! Мальчишки, сопляки, и завалили спецагента чуть не с пятнадцатилетним стажем! Позор! Видно, у меня что-то в голове повредилось от давешнего столкновения с УАЗом, раз я такие дошкольные промашки допускаю.

— Ну! — дуло пистолета недвусмысленно помассировало мой лоб.

Пришлось подчиниться. Между мгновенной смертью и компромиссом я всегда выбираю компромисс. Запустить пулю в извилины я всегда успею.

— Выезжай и держись вон за той машиной, — приказали ребятки, указав на иномарку.

Это можно. Я все одно собирался за ней ехать.

— Тише. Еще тише.

Я повиновался. А вы бы стали спорить, когда бы вам сверлило четвертый позвонок дуло поставленного на боевой взвод девятимиллиметрового пистолета?

— Теперь чуть быстрее. Вот так.

Кажется, я становлюсь таксистом. Впору счетчик включать. А пожалуй, что и включу! Не возить же их бесплатно.

Машины недолго покрутились по городу и вышли на междугородное шоссе. Здесь, вжимая педаль газа в пол, я подуспокоился. Не будут они стрелять без предупреждения в держащегося за руль водителя идущей на полной скорости автомашины. Не самоубийцы же они.

Интересно, как они меня вычислили и чего добиваются?

Насчет первого просто — главарь, заподозрив в череде смертей неладное, решил бежать из города. Возле квартиры и автостоянки поставил заставы. Там, возле дома, я слежку обнаружить не смог. Да и как? Наверняка они посадили наблюдателя куда-нибудь в соседний дом. Как его углядишь?

Отследив мой жигуль, он на всякий случай передал второй засаде мои номера. Появившись возле автостоянки, я тем самым выказал свое истинное лицо. Я даже не догадался, вернее, не успел сменить машину. Хотя, конечно, отсутствие времени не может служить отговоркой в таком позорном провале. Я успел поймать иномарку, но не успел спасти себя! Оознавшая меня охрана, состоящая из юнцов-любителей, взяла меня в клещи. Кстати, очень профессиональные клещи. Не иначе, работает школа Резидента. Ведь чему-то через подставных лиц он учил местную шайку-лейку. И-таки выучил на мою контролерскую голову!

Теперь вопрос второй. Куда они меня везут и что им надо? Здесь ответ еще проще. Везут куда-нибудь подальше в лесок, а нужна им ни много ни мало моя жизнь. В городе они открывать стрельбу побоялись.

Отсюда вопрос третий. Что я могу предпринять для своего спасения? И могу ли что-либо вообще?

Так, прокрутим варианты.

Свалиться на полной скорости в кювет. Я знаю, когда это произойдет, успею сгруппироваться; Они — нет. Это, конечно, преимущество. Но скорость. На такой скорости вряд ли уцелеет хоть кто-нибудь. К тому же у меня полный бак бензина. На всякий пожарный случай до операции заправился под пробку. Именно — на пожарный! Знал бы, где потерять...

Вступить в рукопашную? Но уж больно плотно давит пистолет в затылок, и еще один, между прочим, зорко глядит в живот со стороны бокового пассажира. Это надо умудриться — миновать две встречные пули в таком тесном объеме!

Вот если бы их кто-нибудь отвлек. Кто-нибудь...

Вот что, закурю-ка я, пока суть да дело. Дым способствует. Так, по крайней мере, утверждают заядлые курильщики. Может, и мне поможет?

— Закурить-то можно? — попросил я.

— Валяй, — разрешили незваные пассажиры.

Впереди показался поворот. Стрелка спидометра зашкалила за 110. Куда ж он так спешит на своих импортных лошадиных силах? Он что, придорожных знаков не видит? Напрасно!

Не снимая левой руки с руля, я достал сигареты, большим пальцем откинул крышку.

— Угощайтесь.

Сигареты были хорошие, и парни потянули свободные от пистолетов руки к раскрытой пачке. У скорого покойника последний табачок брать не брезгают! Ох и молодежь пошла! Ничего святого. Ну а мне сам Бог велел, не чужое прошу.

Я тряхнул пачку, вышиб сигарету и взял ее губами. Правый охранник, потянувшись к зажигалке, приблизил свою голову к моей. Так бы мы, наверное, и закурили, если бы не маленькая неприятность — не закрывалась пачка, мешала крышке одна высунувшаяся сигарета. Пришлось поправлять, придавливать ее большим пальцем.

В это время впереди идущая иномарка вошла, почти не сбавляя скорости, в поворот. Лихачит авторитет, не жалеет здоровья. А шоссе, между прочим, не космос, а иномарка, хоть и иномарка, да не «Шаттл».

Однако закроем коробку. Время пришло.

Я нажал на выступающую сигарету. Цепь закнулась. Два одновременных микровзрыва под днищем иномарки перебили рулевую тягу и тормозной шланг. Все-таки не зря я ковырялся ночью на автостоянке, не зря тратил время и «пластик» Пригодилось!

Мгновенно потерявшую управление машину бросило на встречную полосу движения под колеса идущего навстречу «ЗИЛа». Сила встречного удара была огромна. Смерть пятого приговоренного главаря была безболезненна и мгновенна.

— Тормози-и-и! — хором заорали обалдевшие от увиденной действительно ужасной катастрофы охранники.

Ну, конечно, слушать я их буду! За чужую жизнь душа не болит, а за свою сразу: «Караул!» Нет, милейшие, я буду делать то, что задумал делать. У меня своя голова на плечах имеется. А вот за ваши я сгоревшей автомобильной свечки не дам. Ваши вас подвели!

В мгновение, когда пассажиры не сводили вылезших из орбит глаз с кувыркающейся под откос машины с их непосредственным начальством (а от такого зрелища не смог бы отвести взгляд и более подготовленный профессионал), я быстрым движением вбок выскочил из-под дула ослабившего давление пистолета и головой же толкнул его в сторону, одновременно страшно закричав:

— Стреляй!

Сзади сидящий охранник, инстинктивно подчинившись, нажал курок. Пуля ударила его тянувшегося к зажигалке напарника в шею навывлет, на излете пробив правое стекло. Тот даже не успел пустить в действие свое оружие, чего я очень опасался. Перебитый позвоночник мгновенно обездвижил его.

И опять-таки, не делая перерыва и пользуясь тем, что «макаров» направлен в сторону, я откинул назад голову и резко тормознул. Задний пассажир вцепился носом и глазами мне в затылок. Я услышал противный хруст и увидел, как из обмякшей руки выпал пистолет.

Еще бы. На что затылок крепче лицевых костей, и то у меня в голове мелкие молнии запрыгали.

Вывровняв скорость, я проскочил место аварии. Теперь добраться до ближайшего леса, бросить машину с простреленной дверцей и двумя бездыханными телами и пешком или попутными машинами возвращаться в город. Я, как всегда, должен спешить. Мой счет еще не окончен!

Шестой объект разочаровал меня совершенно. С такой, почище средневековых, крепостью мне без ракеты «земля-земля» не совладать. Подходы открыты — не подойдешь незамеченным, не подползешь. Высотных зданий, на которых можно было бы залечь с винтовкой, нет. Да кстати, и окна здесь

плотно зашторены, а местами, где скорее всего и обитает сам хозяин, практически круглосуточно закрыты плотными ставнями. Машина паркуется во внутреннем закрывающемся гараже и, если выезжает, то сразу на скорости, предварительно разогнавшись во дворе, который, в свою очередь, кишит охранниками. Похоже, и здесь потрудились Резидент. Хорошо потрудились. Внешнюю форму — не очень новый и не очень просторный на вид частный дом — оставил неприкосновенной, а содержание сломал в корне. Местные бандиты до этого своими куцыми мозгами никогда бы не додумались. Это не купи-продай. Это почерк!

Не удивлюсь, если под домом из железобетона и сборных стальных листов сооружено, наподобие атомного, убежище с гостиной, спальней, сортиром и микробаней, в котором можно запросто пересидеть не то что угрозу нападения одного-единственного врага, но даже не очень большую атомную войну. Судя по всему, последний, шестой объект, — большой жизнелюб и отдавать свою жизнь всякому встречному Контролеру не желает. Похоже, он хочет прожить до 130 лет.

И как мне этого не допустить?

На первый взгляд, никак. Отправиться в ближайшую авиационную часть, угнать штурмовик и опустошить бомбовые люки над этим милым б/у домиком? Так ведь промахнусь! На спортивных самолетах нас в учебке летать учили, как пассажирскими лайнерами управлять, в общих чертах рассказывали, как и за какую ручку держаться в военных истребителях — показывали. То есть взлететь при необходимости я смогу, сесть, правда, с меньшей вероятностью на успех, постараюсь, а вот совершать боевые маневры — увольте. Тут уж точно мой подопечный до 130 лет доживет.

Что еще мне остается? Что в подобных непростых случаях советовали отцы-командиры?

Наблюдать! Не можешь взять нахрапом — наблюдай, ищи изъян в обороне противника. Абсолютной защиты не существует.

Точно! Смотреть, собирать информацию, ждать, когда количество перейдет в качество. А оно непременно перерастет. Не может не перерасти!

Вот только как наблюдать, самому при этом оставаясь незамеченным? Сизокрылым голубем над двором порхать? Так, опасаясь, такой величины птичка вызовет мировую сенсацию. Понаедут орнитологи с сетками да с сачками, отловят неизвестное науке крылатое существо, препарируют и обнаружат обычные сердце, легкие, кишки и пис-

толет 38-го калибра впридачу. Может у голубя сизокрылого быть в запячной кобуре пистолет? Нет? Значит это вовсе даже человек!

Не подходит птичке прикрытие — маши крыльями, не маши. Вот если бы без крыльев зависнуть, как космонавты в безвоздушном пространстве. Как космический корабль в просторах космоса.

Космоса...

Пожалуй, что и космоса. А почему бы и не космоса...

Я прямиком направился в городской дом пионеров. Должен же у них там быть астрономический кружок. Не могут же подающие надежды вундеркинды смотреть в небо невооруженным глазом. Откуда тогда возьмутся будущие академики?

На скамейке в скверике я на ходу сочинил и нарисовал бумагу, удостоверяющую, что я, фамилия, имя, отчество и пр., являюсь представителем научно-популярного общества «Двойная звезда» и командирован в город налаживать контакты и проводить какие-то исследования, связанные с недавно обнаруженной в соседней галактической системе черной дырой. Текст я заверил нарисованной на специальной резинке печатью. Печать я тут же уничтожил, только что купленную печатную машинку сдал в комиссионку.

С этой сомнительного свойства «ксивой» я предстал пред подслеповатые очи главного пионерского астронома.

— Для выполнения конфиденциальных научных исследований, как то: наблюдения одного удаленного тела — мне требуется средних размеров телескоп-рефлектор, — нимало не покривив против истины, объяснил я. Действительно, и исследования имели место быть, и тело.

Руководитель кружка печально скривился.

— Хотел бы помочь, но нет решительно никакой возможности. Шефы не субсидируют, бывшие в назначении телескопы сломаны, денег на ремонт изыскать никак невозможно, подлецы-дети утащили последнее вогнутое зеркало и т.д. и т.п.

— Это понятно, — посочувствовал я, — но дело в том, что я прошу не отдать мне телескоп, а дать мне его напрокат. Взаимообразно, так сказать. При этом, кроме ежедневного взноса, я готов оплатить залоговую стоимость взятого имущества с пятидесятипроцентной надбавкой, связанной с причиненными хлопотами..

В детском астрономическом кружке нашлось семь телескопов и 15 биноклей на выбор.

Подсунув под нос начальника подходящего мне

жэка еще более заумно составленную и скрепленную уже двумя печатями бумагу, я, скромно представившись кандидатом астрономических наук, лауреатом премии Галилея, попросил выделить мне для научных изысканий какой-нибудь подходящий дом и по возможности оградить от назойливых соглядатаев во время исполнения важных астрономических исследований. За что я взял на себя обязательства отремонтировать кровлю этого дома и двух соседних, для чего внес в кассу требуемую сумму денег.

Крыша была предоставлена в полное мое распоряжение. Дворники за отдельную плату втащили на верхотуру и смонтировали телескоп и опять-таки за дополнительное вознаграждение надежными стражами встали у чердачных дверей.

Я настроил телескоп и развернул его на известный мне объект. Стрелять с такого расстояния я, конечно, не мог, но рассмотреть все интересующие меня подробности труда не составило.

Ночь. Ставни закрыты. В окнах, выходящих во двор, свет. Во дворе ходит охранник. Посторонние не выходили и не заходили.

Утро. Ставни закрыты. Во дворе охранник. Выехала и въехала легковая машина. Один из охранников выгулял хозяйскую собаку. Такую охранять стоит — целый капитал. Пришел почтальон, отдал через окошко в воротах почту и какой-то сверток. Интересно, какой?

День. На чердаке заметил скрытый наблюдательный пункт. Вопрос: используется он или построен на черный день? Подходит нынешний день под черный? Понаблюдать. Три раза въезжала и выезжала машина. Посторонних никого. Похоже, доступ внутрь разрешен строго ограниченному числу доверенных и многократно проверенных людей.

Вечер. Одна машина. Какой-то три минуты говоривший через дверь в воротах человек. Прогулка собаки. Уход двух охранников. Отработали смену? Но ведь заметил я их по меньшей мере вдвое больше. Получается, остальные несут непрерывную вахту, то есть постоянно живут в доме.

Ночь. В «голубятню», иначе говоря, чердачный НП, поднялся человек. Похоже, до авторитета дошли подробности гибели его товарищей по ремеслу. Выехала одна машина.

Утро.

День.

Вечер.

Что же делать? Как подступиться к этой непро-

ницаемой, как броня танка, крепости? За двое суток я не заметил ни одного изъяна в обороне. Более того, судя по сегодняшнему дню, она спешно укрепляется. Может, попробовать пробить ее тараном официальных органов?

Я позвонил в милицию, наплел им с три короба про пьяных с ружьями бандитов, раненых и истекающих кровью прохожих, про слышимую из-за забора стрельбу и нецензурные выражения.

Моя авторская импровизация возымела даже большее, чем я мог ожидать, действие. Приехали не одна и не две, а аж три патрульные машины. Вооруженные автоматами милиционеры потолкались возле ворот, поговорили с вышедшими навстречу охранниками и уехали восвояси. Скорее всего потревоженный авторитет созвонился со своими небескорыстными приятелями в органах, и те быстро отменили вызов.

Точно так же никакого действия не возымел массивированный — а уж я расстарался — выезд пожарных и аварийно-газовых машин.

Крепок оказался домик. И не только стенами! Но должен же быть в обороне противника изъян.

Я снова и снова перебирал накопленные за эти дни «против». В дом незаметно не проникнуть. Нахрапом не прорваться. Выезжающего или въезжающего авторитета не подкараулить, потому что он не выходит, а сиднем сидит где-то во внутренних помещениях. Где сидит, тоже установить невозможно. Сколько он там сможет скрываться, снова неизвестно. Изображать из себя почтальона, врача, милиционера, собирающего макулатуру пионера или умирающего от истощения прохожего бессмысленно: все равно дальше ворот не пустят. Положеньице! Что-то не упомяну, когда такие имели место быть.

Еще раз.

Забор...

Ворота...

Стена...

Входящие — выходящие люди...

Люди. Главное дело, и людей-то почти нет. Более-менее постоянно выходит только охранник, прогуливающий собаку. Шлепнуть бы этого пинчера, раз до хозяина добраться не могу. Может, его с расстройства инфаркт хватит. Вон какая собаченция ухоженная. Другой детей родных так не содержит. Ей-богу, укукошу с досады, чтобы не отвлекал, не маячил туда-сюда со своим провожатым на поводке. То-то будет удар для подопечного обнаружить своего любимца в дохлом, как самую бес-

породную дворнягу, виде! Ведь притащит, поди, ее пред светлы очи шестерка-охранник. Не бросит где-нибудь возле мусорки. Еще и похороны устроят, и поминки богаче, чем иному человеку. А ведь точно притащит. И устроят. Как пить дать!

А ну, крутанем обратно.

Собака. Охранник, выводящий ее каждый день. Каждый божий день. Каждый, без перерывов. Один и тот же охранник. Одну и ту же собаку...

Еще не раз, не два и не десять я обсасывал пришедшую в голову идею.

Собака. Охранник. Приход-уход. Каждый день...

Телескоп я бросил на крыше. Пропадай он пропадом. Я с его помощью свое открытие уже сделал. Пусть теперь другие наукой занимаются. Хоть даже те, несущие охранную вахту, дворники. В конце концов в тубусе телескопа, если из него внутренности вытряхнуть, можно очень даже замечательно хранить метлы.

Утром я вышел на последнюю, шестую охоту. Из всего оборудования у меня были небольшой, чуть длиннее спичечного коробка пистолет с глушителем и истекающая дамскими запахами сучка эрдельтерьера, купленная накануне на птичьем рынке. Эрдельшу мне до того пришлось малость поколотить, чтобы у нее выработался устойчивый отрицательный рефлекс на своего нового хозяина. Я воспитывал ее примерно так же, как дрессировали в свое время в Учебке меня, когда хотели надежно закрепить какие-нибудь вновь требуемые навыки. За короткое время я добился выдающихся (куда там Дурову!) результатов. При виде меня прикупленная на рынке собака, даже если в руках я держал, поводя у ее носа, первоклассную сахарную кость, норовила сорвать с места в галоп и убежать на самый край собачьего света. Контрольным словом, запускающим этот механизм страха, я избрал команду: «Нельзя!» Это «нельзя» для моей любимицы было страшнее вышедших на промысел собачников! Слаба в коленках оказалась породистая животина. Люди, в том числе и я, такие упражнения годами выносили без скулежа и поджимания хвостов. Еще и спасибо инструкторам говорили! А говорят: «собачья жизнь». А курсантская жизнь - не слабо?

Свою милую собаченцию я, замаскированный под средней руки интеллигента, совершенно случайно прогуливал по маршруту, по которому водила известного мне добермана. Моя эрделька успела изрядно пометить чужую территорию, когда нас догнал возжелавший немедленной любви пинчер.

Охранник еле удерживал поводок, и ему было не до того, чтобы рассмотреть меня подробней. Могу поспорить, что максимум, что он запомнил, — это второй свежести плащик, круглые очки и нудные сюсюканья по поводу того, что моя девочка такая умница, что достаточно раз сказать «фу» — и как обрезает. И что родители у нее привезены из Франции. И что щенилась она два раза. И что...

Верно подмечали инструкторы-сыскари, менее всего привлекает внимание навязываемое знакомство. После такого занудства в памяти у собачьего охранника останется только ощущение беспокойной тоски.

— А вы вашего пинчера развязывали? Да? Нет? А кто его папа? А мама? А бабушка? А шлейку вы где покупали?

Я довел охранника до такого состояния, что он, наплевав на собаку, смотрел уже только на меня, подбирая слова для достойного, желательно в цензурной форме ответа.

— А все-таки согласитесь, что у вашего пинчера окрас несколько тускловат... — не допуская паузы, бубнил я, отвлекая внимание на себя, одновременно вытаскивая из рукава хорошо заточенный стропальный нож и приближаясь к поводку.

— Вот моя эрделька... — я резко повернул голову в сторону своей собаки, охранник сделал то же самое, и я мгновенным движением перерезал струей натянутый поводок добермана-пинчера.

Освобожденный кобель радостно отскочил в сторону.

— Нельзя! Нельзя! Фу! — что было сил заорал я и отпустил поводок.

Услышав знакомую, не сулящую ничего доброго команду, терьерша, взвизгнув, отпрыгнула сразу на два метра и, напрочь забыв о только что закрученном с пинчером романе, припустила со всех четырех лап туда, куда смотрели ее выкатившиеся с испугу глаза.

— Нельзя. Нельзя. Стой! — орал я вслед, закрепляя первоначальный успех. От моих возгласов бедная собака все более и более припускала ходу. — Нельзя-а-а!

Доберман-пинчер рванулся за невестой.

— Стой! — совершенно по караульному уставу кричал вместе со мной охранник. Я так и ожидал услышать необходимую в таких случаях добавку: — Стрелять буду!

Так мы орали дуэтом. Он — «Стой!». Я — «Нельзя!»

Вильнув на прощание хвостами, собаки скрылись за ближним поворотом. Доберман был утра-

чен хозяином навсегда. А вот терьерша вовсе нет. Хватаясь за сердце и голову, изображая отчаяние по поводу внезапной утраты любимицы семьи, я, честно говоря, совершенно не волновался. Куда она денется. У нее в ошейнике вмонтирован микропередатчик, каждые сорок секунд посылающий сигнал на мой, находящийся в кармане приемник.

Уже через четыре квартала я обнаружил пропавших собак, samozабвенно занимающихся в подворотне любовью. Я приблизился, вытащил пистолет и, пусть меня простят члены общества охраны животных, выстрелил. Единственное, что я могу гарантировать защитникам городской фауны: доberman почил не в худший из моментов своей жизни. Хотел бы я скончаться в процессе такого захватывающего мероприятия! Несбыточная мечта.

А что прикажете поделывать? Пожалеть разжившую на ворованных харчах собаку и тем подставить себя? То есть моя жизнь против жизни пинчера? Такое справедливо? Простите за резкость, но я столько видел на своем веку людских смертей, что не могу себе позволить жалеть какого-то кобеля, даже если он породистее, чем я. Богу — богово, собакам — собаково! Давайте не будем путать фауну с человеком! А кому такой подход не нравится, пусть посетит палаты умирающих от лейкоза детей. Это его несколько отрезвит!

Я убил необходимую мне для дела собаку и притащил ее на одну из съемных квартир. Там, в ванной, еще раз извиняюсь за неприятные подробности, я распотрошил покойного доbermana, вытащив внутренности и набив пустое брюхо солидным запасом пластиковой взрывчатки и мелких гвоздей для повышения убойной силы заряда. В другой разрез, сделанный под челюстью, я всунул микрофон микропередатчика. Брюхо и шейный разрез я зашил косметическим швом самым тщательным образом, замаскировав шерстью. Я несколько раз осмотрел собаку и взвесил ее, чтобы первоначальный вес совпадал с нынешним. Вроде ничего.

Собаку я положил в трехстах метрах от недоступных мне ворот. Ее нашли через час. Два охранника, ухватившись за лапы, потащили тело в дом. Я рассчитал абсолютно правильно. Они не могли ее захоронить, не показав последний раз хозяину.

Я занял позицию десятью дворами дальше. Я стоял на остановке, всунув уши в наушники плеера, и «слушал» музыку, вертя в руках коробку изпод сигарет. Я ждал автобус, который мне был совершенно не нужен. В наушниках звучали глу-

хие шаги, скрип дверей, оклики, ругательства несущих не самую легкую ношу охранников. Наконец я услышал тяжелый, похожий на стон, вздох хозяина, увидевшего мертвую собаку, его сдержанные, а потом уже не сдерживаемые всхлипывания и причитания.

— Кто ж это тебя? Кто этот злодей?!

Я слышал шуршание руки, гладившей мертвую шерсть, и постукивание слез о микрофон, сочувствующие вздохи телохранителей. По собачке печалишься?

А что же ты не жалел заложников, когда их морили в протухшем судовом трюме? А что же ты не жалел вставших на твоём пути случайных, ни в чем не повинных прохожих? А что же ты не пощадил полного состава ревизорскую бригаду? А ведь у них были дети! Не щенята какие-нибудь! Дети! А почему ты не жалел меня, Контролера, когда готовил к работе анатомичку? А? Что же ты тогда не был добрым интеллигентным дяденькой, исходящим слезой по невинно убиенным жертвам? Где ты был тогда? Где? Или тебе собака стала ближе человека, а человек хуже собаки?

Я нажал кнопку. И, честное слово, в тот момент я больше жалел второй раз умирающего доbermana, чем его хозяина! Зло должно быть наказано! Творящий смерть подлежит смерти!

Ногами я почувствовал глухой, дробно раскатившийся удар. Ушами я не услышал ничего! А ведь, похоже, и впрямь он обитал в атомном бункере. Такого количества заряда должно было хватить, чтобы, как минимум, выбить в доме рамы. А они остались целехонькими!

Не защитили его крепкие, пожалуй, прочнее, чем крепостные, стены. Не уберегли для новых преступных дел. А он так надеялся дожить до 130 лет. Не вышло: собака не дала! Любимица! Подвела причуда, любовь к четвероногому другу. Людям не доверял, двуногих друзей ни одного не имел, а к четвероногому привязался. За что и поплатился. По всей строгости не знающего апелляций и пересудов закона.

Приговор приведен в исполнение!

Странно, но, завершив дело, я не испытал ни радости, ни даже удовлетворения. Я устал брать на себя ответственность за чужие жизни. Никогда у меня еще не было дела, связанного с таким количеством трупов. А начиналось оно, как банально рутинная ревизия. Кто мог догадаться, что все обернется таким кровавым образом.

Я стоял на остановке, словно в столбняке. Я

пропускал один автобус за другим, не в силах сделать даже шаг. Если бы сейчас меня кто-нибудь надумал ловить, я бы не стал защищаться. Я настолько зарядился чужой смертью, что свою уже не воспринимал как трагедию. Смерть стала обыденностью моей жизни. Такой же, как еда, питье, сон. В эти дни я умирал сам и отнимал чужую жизнь так же часто, как принимал пищу. И так же безразлично. Я ел, чтобы жить, и убивал, чтобы выжить. Но я уже не знал, хочу ли я продолжить свой земной век после всего, что произошло.

Раньше меня питали логика долга и жажда мести. Сейчас я исполнил долг и испил чашу мести до самого доньшка. Я сделал все, что требовалось.

Сколько их было, знавших или догадывающихся о Конторе, о Резиденте и обо мне? Семь или восемь мелких, почивших на судне командиров?

Их уже нет.

Шесть когда-то разговоривших Резидента авторитетов?

И их нет!

Рядовые бойцы-исполнители не в счет. Они не знали ничего, кроме того, что им говорили командиры. А командиры не говорили ничего.

Значит, тайна сохранена?

Да.

Значит, дела защищено?

Да.

Значит, жизни моей больше ничего не угрожает?

Да.

Так отчего же так тошно на душе? Отчего хочется побежать к пруду и утопиться, как истеричной, не получившей ответа на свою пылкую любовь гимназистке? Оттого, что победил?

Да, оттого, что победил. Оттого, что победил такой дорогой ценой! Отсюда такой двойственный результат.

Война выиграна!

Война проиграна!

Я стоял на остановке еще час, пока мне в лицо не стали заглядывать обеспокоенные моим здоровьем прохожие.

— Товарищ, вам помочь? Вам плохо?

— Нет, спасибо. Уже не помочь. Уже поздно. Слишком поздно...

ЭПИЛОГ

Дело, худо ли, бедно ли, о том разговор особый, было завершено. Я сидел на чемоданах в ожида-

нии приказа и последнего «прости» городу, который не оставил мне никаких приятных воспоминаний. Строго говоря, для меня это был не город — это было поле затяжного и чрезвычайного жестокого боя, где убивали меня, где убивал я и где доставшаяся большой кровью победа не доставила чувства глубокого удовлетворения.

Я бродил по полям недавних битв, узнавал знакомые воронки, разбитые блиндажи, покинутые НП, и не испытывал ни ненависти к поверженному врагу, ни радости от того, что остался живым. Я не испытывал никаких чувств, кроме усталости. Я хотел домой, если можно назвать домом целый регион, где я трудился в должности Резидента до памятного вызова в Центр. Я хотел как можно скорее попасть к своим немногочисленным друзьям-соратникам (это неважно, что они знают меня под другими фамилиями, биографиями и не знают моей истинной работы) и к своим, таким симпатичным, потому что хорошо изученным, врагам. Воистину, если перефразировать известную пословицу — от врагов врагов не ищут.

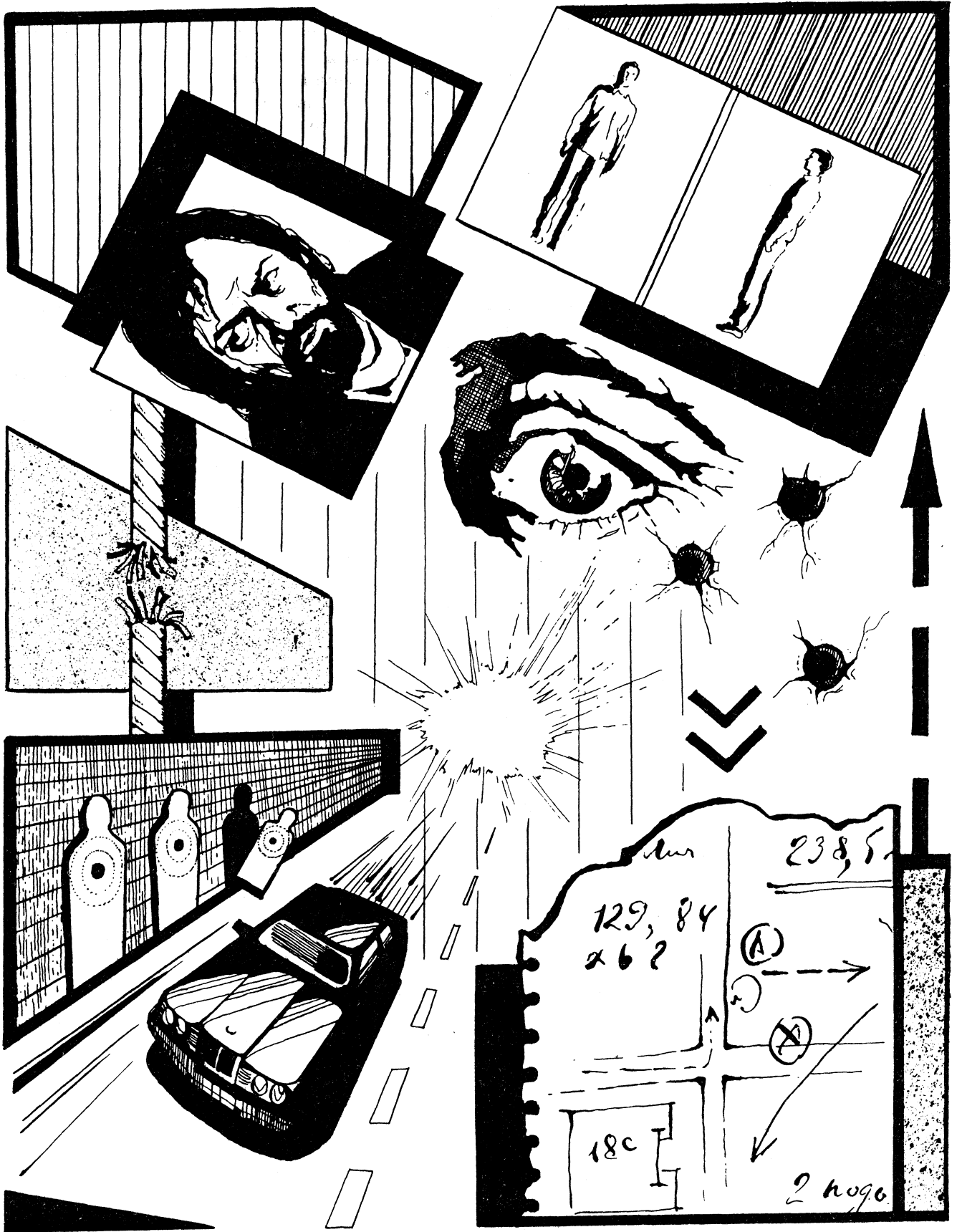
Мне оставалось терпеть еще десять часов до приказа на возвращение. Я сорвал плановые сроки завершения операции, я потерялся почти на четыре недели и уже не мог вернуться в точку, оговоренную первоначально. Теперь командование разрабатывало запасную версию возвращения своего внушившего недоверие агента. Как минимум, до выяснения всех обстоятельств моего исчезновения меня ожидал превентивно-принудительный карантин. Но я его не опасался. Дома как-нибудь разберемся. Дома и стены помогают.

В назначенное время (плюс-минус тридцать секунд равны отмене контакта) я снял с резервного почтового ящика назначенную мне информацию. Она была неожиданной.

Выезд до особого распоряжения отменялся. Мне надлежало выйти на встречу с куратором находящейся на месте ревизорской бригады. Место, время, форма связи...

Я совсем приуныл. Задержка агента на месте завершённой операции ничего хорошего не сулила. За ней могло последовать что угодно: пристрастное расследование, перевод в должностную ссылку, отставка и, в том числе, очередной несчастный случай. Гадать бессмысленно. Агент предполагает, начальство располагает. Я мог лишь ждать приговора.

В назначенное время я был в назначенном месте. Я стоял и тупо читал самодельные объявления,

густо расклеенные на будке автобусной остановки. Мое было пятое с краю. Я узнал его по заранее сообщенному мне содержанию. Я сделал то, что должен был сделать. Оторвал корешок с телефоном. Унес. Проявил. Расшифровал.

Место... Время...

От таких свиданий не отказываются. Себе дороже выйдет.

Входная дверь назначенной квартиры была открыта. Открыли ее ровно минуту назад и еще через минуту, если бы я не явился, закрыли. Я вошел в пустую прихожую и, нет, не снял одежду, а, наоборот, надел дополнительную — натянув до самой шеи только что купленную шерстяную шапочку с вырезанными отверстиями для глаз. Я не должен был, даже случайно, увидеть лицо своего скорого собеседника так же, как он не должен был увидеть мое. Таковы железные правила Конторы. Если человек имеет возможность не узнать человека, он должен его не узнать! Слишком мало людей трудится в нашей почтенной организации, чтобы позволить им приятельствовать друг с другом.

Я прошел в гостиную, поднял со стола «шлем», воткнул в него свою непутевую башку и сел в кресло. Точной такой же «шлем» надел спустя минуту мой, севший спиной к моей спине собеседник.

Изрядных придурков представляли мы со стороны: вошли, напялили на головы похожие на ночные горшки железки и уселись спиной друг к другу вести задушевные беседы. Дурдом! Но ничего не попишешь, при ведении конфиденциальных разговоров в местах, где нет полной гарантии отсутствия технической слежки (а чтобы такую гарантию иметь, надо весь дом по кирпичикам разобрать, каждый тот кирпич в песок истереть и каждую ту песчинку пальцами перещупать!), использование «шлемов» является обязательной мерой безопасности. Обязательно! Уми — а исполни. С Конторы станется, и настоящие, и не пустые горшки на головы своих агентов напялить, лишь бы интересы Тайны соблудости. Внешний идиотизм, равно как и эстетика «шлемов», их волнует мало. Важно, что последние надежно гасят любые звуки внутри и экранируют любые попытки электронной прослушки снаружи. В таких можно в базарной толкучке интимные беседы вести без опасения быть подслушанными.

— Добрый день!

Голос, конечно, изменен. Разговор, конечно, фиксируется.

— Кому как.

— Мне надлежит задать вам несколько вопросов.

— Валяйте.

— Число, время вашего приезда...

Подготовка, детали легенды...

Контакты...

Отчеты...

Десять, двадцать, тридцать, пятьдесят заданных в быстром темпе вопросов. Нет, это не похоже на опрос свидетеля, это похоже на допрос обвиняемого. Предварительный, который послужит сравнительным эталоном для неизбежных последующих. Но почему это делается здесь, а не в конторских стенах? Отчего такая спешка? Я не пытаюсь уйти от разборки. Я сам заинтересован в ней. Я сам все расскажу, но не второстепенному, ниже меня по должности и званию, ревизору. Он вообще не имеет права допрашивать Контролера. Задать пару вопросов по существу ревизуемого дела — да, но не допрашивать! Я не по его ведомству, не по его зубам. Его задачи, если он нормальный ревизор, локальны и должны касаться лишь пропажи техбригады и охранника. Что здесь происходит?

Я отвечал на прямолинейно опасные и второстепенные, внешне совершенно безобидные вопросы, подозревая, что суммарно они загоняют меня в безнадежный тупик. Какие грозней: об имевших место контактах с Резидентом или о погоде в десять часов вечера в позапрошлую пятницу, еще надо посмотреть...

Мне надлежало отвечать, потому что отказ мог быть истолкован как желание скрыть какие-то факты. Одно то, что он задавал такие вопросы, говорило о его далеко выходящих за рамки обычных званиях. По уровню информированности он был, по крайней мере, равен мне. И я отвечал.

Но уже понимал, что за шелухой сотен предстоящих мне разрозненных и мало связанных друг с другом вопросов таится главный, волнующий Контору — что произошло со мной за неподконтрольные им дни.

И еще один, боюсь уже не Конторы — что я знаю?!

Из-за него ревизор превысил свои полномочия. Из-за него весь этот торопливый допрос.

Я попал в западню. Я могу объяснить все, если скажу о главном. И я не смогу объяснить ничего, если об этом главном умолчу.

Главным был человек в Центре!

Он единственный стоил всех угробленных здесь сил, средств, нервов, жизнью ревизоров и трех

десятков тел погибших в боевых действиях преступников. Он единственный сводил дебет с кредитом. Без него победа превращалась в поражение, в спровоцированную маньяком-Контролером ради удовлетворения своих извращенных наклонностей кровавую бойню, повлекшую жертвы как среди мирного населения, так и среди собственных работников. Без него все теряло смысл!

Он был единственным моим спасением. Но его не было! Потому что я не знал его имени! Мои знания были абстрактны. В этом заключалась вся трагическая обреченность моего нового положения.

Я не знал его и потому не мог говорить о нем!

Я не мог гарантировать, что он не допрашивающий меня куратор вновь присланной ревбригады. Что он не пославший его сюда начальник. Что он не начальник того начальника.

Я не мог довериться никому, кроме себя, без риска всунуть голову в мгновенно стянувшуюся на шее петлю репрессий. Единственно перед кем бы я рискнул открыть рот, отважился бы передать дискетку — был Первый. Я никогда не видел его в лицо, но знал, что он есть. Все прочие ради моего же блага — под подозрением!

Чтобы не попасть в идиотскую ситуацию — указать на предательство в стенах Конторы самому же предателю — я должен молчать.

Я не могу открыть истину!

Но что мне тогда говорить?!

На мгновение я растерялся. Но только на единственное, не фиксируемое самыми точными приборами. Если бы этих мгновений было два, ревизор неизбежно подметил и отметил бы в отчете заминку.

В следующее мгновение я взял себя в руки, я уже знал, что буду делать! Я буду врать! В конце концов, ложь — это почти вся моя профессия. Я выдаю себя за другого человека, я выдумываю не принадлежащие мне биографии, я самозабвенно рассказываю о местах, где никогда не жил. Я лгу всей своей, точнее, всеми своими жизнями. Наверное, ради дела я солгу даже своей смертью. В этом мое призвание. В этом я профессионал высокого класса. Так, может, не грех хотя бы раз воспользоваться своим умением ради себя.

И я стал сочинять легенду. Не изменяя выражения лица, тональности голоса, не изменяя решительно ничего, я тем не менее изменил направление первоначального движения на 180 градусов! Я не испытывал иллюзий, я понимал, что подробный анализ моих пространственных ответов неизбежно вы-

явит кучу мелких противоречий и нестыковок. Мало будет — над моей речью потрудятся специалисты-психологи, врачи ухо-горло-носа, речевики, акустики и еще черт знает какие специалисты. Они разложат мой голос на отдельные звуки, составят графики, совместят их с моей фоновой разговорной речью, выявят несовпадения, напряженности, затяжки, скороговорки, смены тональности. Пики и провалы самописцев скажут им ничуть не меньше, чем неточности в изложении фактов.

По-разному чувствующий себя человек говорит по-разному! Каждый в каждом своем состоянии различен и оставляет разные, соответствующие моменту голосовые отметки.

Мою импровизированную ложь раскроют. В этом можно не сомневаться! Но это будет потом, в стенах Конторы. Это будет не здесь! Мне главное — выиграть время. Мне главное — выбраться отсюда живым!

И я стал врать. Я взял инициативу в свои руки. Я искажал истину, добываясь требуемой мне по легенде картины. И изменял прошлое, почти не изменяя события!

Да, изначально все было хорошо. Ревизоры работали. Контролер контролировал. Но ревизоры не заметили главного — что Резидент был под колпаком. Его пасла местная мафия. Нет. Я не знаю, когда и почему она села ему на хвост. Я знаю и рассказываю то, что нужно.

Ревизоры не выявили параллельной слежки, но мафия обнаружила работу ревизоров. Ревизоры, как и Резидент, попали под чужое внимание. Это был провал, но о нем никто не догадывался.

Да, признаю, это был брак в работе ревизоров, равно как и курировавшего их Контролера. Но удара с этой стороны никто не ожидал. Установки были другие. Охранник должен был выявлять слежку, направленную на ревизоров, а не на Резидента. Это очень существенно! К тому же он работал один на малознакомой территории, а его противник в числе множественном — на давно освоенной и приспособленной для этих целей местности. Охранник не мог сделать больше, чем сделал.

Слежку мафиозных шпииков за ревизорами заметил Контролер. К сожалению, донести соответствующую информацию до начальства он не успел из-за крайне динамического развития событий, отсутствия, о чем вопрос ранее дебатировался неоднократно, быстродействующих каналов связи и запрета использовать телефонные и прочие, не

гарантирующие от технического проникновения линии. Руководствуясь пунктом 2 и 3 в параграфе 86 общего положения, разрешающего самостоятельные действия в случае угрозы разглашения служебной информации, Контролер был вынужден выйти на прямой контакт с ревизорами.

При попытке захвата экстренно эвакуируемой ревизорской бригады Контролер лично отслеживал ситуацию и содействовал ликвидации информационного банка, аппаратуры, а когда потребовали обстоятельства — потерявших дееспособность исполнителей.

К сожалению, в процессе ухода Контролер потащил за собой хвост. Мафия решила на захват рейсового, местной авиалинии самолета, на котором он летел. О подробностях данного происшествия можно при необходимости запросить местные органы МВД и безопасности.

Узнав о случившемся бое и захвате воздушно-го судна, являвшийся объектом проверки Резидент, сопоставив известные ему факты, сделал верные выводы и через своих подвизавшихся на третьестепенных должностях в иерархии местной преступной организации агентов узнал о подробностях происшествий, угона самолета в том числе.

Опять-таки, ставя интересы организации выше соблюдения должностных обязанностей, что в особых случаях допускается вышперечисленными пунктами положения, он вычислил местонахождение Контролера и предпринял успешную попытку его освобождения.

Просчет лиц, в той или иной степени соприкоснувшихся с запретной информацией и способной повредить интересам дела, выявил шесть фамилий. Чтобы исключить ее, информации, нежелательное распознание, Контролер и Резидент были вынуждены предпринять меры по очищению территории. Для чего вскрыли резервный контейнер.

Во время подготовительных работ Резидент был узнан и уничтожен.

Согласуясь с общей концепцией организации и пунктами и подпунктами положения и инструкций, Контролер завершил операцию чистки самостоятельно.

Отсюда, при всех имевших место вынужденных нарушениях и гибели личного состава, соблюдена центральная, подчиняющая себе все прочие задачи — сохранение тайны существования организации.

За срыв плановых мероприятий Контролер готов нести полную меру ответственности.

Вот так! С ног на голову!

А что мне было говорить? Что полномочный, представляющий интересы Конторы в северном регионе Резидент чуть не пятнадцать лет успешно трудился на мафию, то есть фактически против той самой Конторы? Что Тайна Конторы для местных мафиозных деятелей вовсе не тайна, а повод для застольных, под водочку, разговоров? Что ревизоры вместо контроля, не желая того, исполняли функции прикрытия для развернувших бурную деятельность преступников? А все это покрывает человек, входящий в руководство Центра, получающий от той же мафии денежное или еще какое содержание?

Да меня тут же, если ревизор честный парень, признают невменяемым и на всякий случай, до установления окончательного диагноза, возьмут под стражу. По дороге я тихо скончаюсь от случайного ботулизма или сердечного приступа. А если вдруг поверят, тем вернее, чем более близок к изменнику ревизор, тем паче изолируют и с еще большими предосторожностями этапируют в Центр. И вновь, как ни крути, мне придется скушать в дороге палку-другую несвежей колбасы (а как им откажешь!) и почить в страшных судорогах, явив паталогоанатомам классическую картину запущенного отравления. В чем в чем, а в том, что несвежий продукт моего желудка не минует, я уверен, даже если мне рот суровой ниткой заштопать.

И в том, и в другом случае истиной правды не узнает никто. Следующим неосторожным любителем порченого мяса будет мой, не ведающий, что творит, собеседник. Два трупа — и ни одного болтающего рта!

Нет, единственное спасение — это сделать так, чтобы человек в центре не заподозрил, что кто-то раскрыл истинное лицо Резидента, а через него узнал о предательстве в верхних эшелонах. По крайней мере, чтобы он не узнал это сразу. Здесь любая дымовая завеса, размывающая контур правды, сгодится. Здесь любая ложь во благо и спасение!

Пусть лучше Резидент, не успев сказать ни одного лишнего слова, погибнет в неравной схватке с бандитами. Молчаливый герой — и баста! Герой — пустяк, а вот то, что молчаливый... А нарушителем производственной дисциплины могу быть я. Лучше им, чем покойником. Мне посмертных медалей не надо. Мне бы время выиграть. Мне бы до Москвы раньше, чем до смерти добраться! Она,

как в песне поется, моя надежда и моя отрада. Правильно рассуждали чеховские героини: «В Москву! В Москву!» Периферия — смерть! Очень прозорливо.

Либо я подпрыгну выше головы неизвестного предателя, либо моя голова скатится к его ногам. Третьего не дано! Я слишком много узнал, даже если считать, что не узнал ничего. Я встречался с Резидентом, одного этого довольно будет для смертного приговора. В любом сомнительном случае сидящий в высоком кресле предатель предпочтет перестраховаться. Отсюда чем в более высокие кабинеты я заберусь, тем более укоротятся его, тянущиеся к моей шее руки.

Но все эти кабинеты — в Москве!

— Всё?

— Пока всё. Следующая встреча через семь часов. Место и форма связи в условленном ранее почтовом ящике.

Меня отпускают? Меня отпускают живым? Это по меньшей мере странно. Значит, все-таки ревизор не липовый, а самый натуральный? Честный служака, привыкший исполнять инструкции, как божьи заповеди. Скорее всего, ему, не спросясь, нахомутали дополнительную работу, вручили кучу вопросов, об истинном смысле которых он не догадывался. Он не может действовать без указания сверху. Вот для чего семь часов — зашифровать, передать мои показания и получить ответную шифрограмму!

И еще это значит, что начальственный изменник действует с оглядкой, с перестраховкой. Возможно, подозревает, что Контора пытается вычислить с помощью фиктивных происшествий с ревизорами и резидентом подозреваемого в двойной игре высокопоставленного работника. Возможно, боится собственной чрезмерной суетой натолкнуть на подобные подозрения близких сослуживцев. Выходит, подвязаны у него ручонки? Выходит, не всемогущ он? Выходит, так?!

Или, что для меня менее предпочтительно, он пытается выяснить каналы возможной утечки информации, чтобы, удалив оперативным путем смертельно опасную для него опухоль, не нарваться на неожиданно проросшие метастазы? Может быть, так?

В любом случае, отпуская меня сейчас, он фактически дарит мне жизнь, ставя под угрозу свою

собственную. Я ему, случись нам поменяться местами, такой возможности не предоставлю. А вот свою постараюсь не упустить.

Долой «шлем», долой из квартиры, пока курьер не передумал, пока не запросил вышестоящее добро, долой из города! Одной моей уже произнесенной фразы о встрече с Резидентом довольно будет для изменения меры пресечения.

Бери, Контролер, вот эти покалеченные ноги вот в эти не успевшие отдохнуть руки и беги, как таракан, учуявший запах дихлофоса. Улепетывай во весь, пока еще на месте, дух! И Боже тебя упаси на этот раз исполнить полученный приказ. Никуда, кроме как в преисподнюю, он тебя не приведет.

Извини, куратор, но второй встречи не будет. Недосуг мне!

А что касается Контролера, будем считать, что он с этого мгновения вынесен за скобки закона! Теперь, когда человек в Центре узнает о моих контактах с Резидентом, когда поймет, что за мной никто, кроме меня самого, не стоит, за жизнь мою не поручится ни один, самый безответственный ангел-хранитель. Теперь мне не с периферийной мафией воевать — с самой Конторой, по крайней мере, с той ее частью, что подведомственна предавшему ее человеку. Из-под такой опеки выскочить сложнее, чем на Южном полюсе в голом виде тепловой удар получить. Ему моя жизнь дороже своей стала! Теперь как в дуэли — кто первый успеет. И фора у меня всего ничего — семь часов. Восьмой начнет работать против меня. Уж я-то знаю, какой приказ получит Куратор. Только я единственный и знаю!

Ну что, опять гонка? Опять на старт, внимание, марш? Без отдыха, без перерыва не обед? Опять?!

Опять! Без перерыва и без отдыха!

Тогда на старт.. Тогда внимание... И даже супервнимание, потому что в конце дистанции победителя ожидает роскошный приз — собственная, в собственные руки врученная жизнь. А проигравшему уготованы позор и смерть. Потому что альтернативы снова нет. Или — или!

С Богом, Контролер! И с надеждой. Она, надежда, единственное, что осталось тебе на этом свете. А на тот постараемся не заглядывать!

Время пошло.

Впереди меня ожидали две тысячи миль неизвестности и Москва. Что опаснее — не знаю....

Наш "привал" расширяется. С сегодняшнего номера мы отводим в нем уголок для любителей шахмат. Обустроить этот уголок будут международный мастер спорта по шахматам Людмила Саунина и кандидат в мастера Эдуард Молчанов.

Прежде, чем предложить шахматную задачу, они приглашают вас в небольшое путешествие по шахматному миру.

Знаете ли Вы:

...что в шахматы играли А.С.Пушкин и некоторые герои его романа в стихах, И.С.Тургенев и Л.Н.Толстой, академики Д.И.Менделеев и А.А.Марков, С.Г.Струмилин и В.Л.Омельянский;

...что значительный вклад в теорию дебютов и композицию внесли герои произведений (вспомните, каких) Владимира Набокова, эти неугомонные эмигранты, которые не утратили вкуса к жизни и побеждали в зарубежных турнирах, а также составляли этюды и задачи в поисках гармонии;

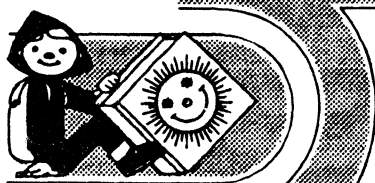
...что один из известных международных гроссмейстеров по шахматной композиции был наш земляк доктор технических наук Владимир Акимович Брон, чьи этюды и задачи участвовали в различных конкурсах и завоевывали призы без малого 200 раз, а книги выходили в издательствах «Физкультура и спорт» и Средне-Уральском;

...что Карл Андреевич Яниш (1813-1872), известный русский шахматист, шахматный композитор и литератор, создал трехтомный «Трактат о приложении математического анализа к шахматной игре»;

детельству русского актера и драматурга Г.Ге, Берн был способен сидеть за доской не 4-5 часов, а все 24. Жизнь на материке казалась ему слишком суетливой, и готовиться к турниру он предпочитал неподалеку от Англии, на уединенном острове, который ему принадлежал. Перед одним из соревнований он предложил известному русскому мастеру Семену Алапину, славившемуся тонким анализом, отправиться с ним на остров, чтобы в полном уединении заняться изучением сложных вариантов. При этом Берн гарантировал гостю проезд в оба конца, полный пансион в течение месяца и в качестве гонорара немалую сумму денег. Но убоясь «спянуть» на острове, Алапин отказался;

...что Лев Николаевич Толстой из-за шахмат лишился ордена. Был он представлен к награждению Георгиевским крестом после двух лет службы на Кавказе. Но вот однажды заигрался в шахматы, будучи в карауле, получил от командира выговор, и решение о награде его было отменено;

...что кинорежиссер и драматург Станислав Говорухин испытал, по его словам, некоторое разочарование, когда стал объяснять Владимиру Высоцкому, как написать песню о шах-

ШАХМАТНЫЕ ТАЙНЫ Черно-белый коктейль

...что существует официальный орган международной шахматной федерации, ФИДЕ, — Постоянная комиссия по шахматной композиции. Именно она разработала Кодекс по шахматной композиции, проводит международные конкурсы составления и решения, командные матчи; присваивает международные звания — арбитра, мастера, гроссмейстера, издает «альбом ФИДЕ» — сборник лучших произведений за определенный период; имеет печатный орган «Проблем», издающийся в Югославии;

...что посредством шахматной композиции высказывались порой и смелые общественные идеи. Так в 1870 году в журнале «Всемирная иллюстрация» была опубликована задача русского шахматиста — композитора И.Шумова, которую автор назвал «Весы правосудия» и предпослал ей такие стихи:

*«Была пора, когда у нас
Судейские весы стояли не на месте,
При случае удобном всякий раз
С душой судьи кривились вместе
И прямо шли с законами в разлад.
Звучала песнь одна в решеньях смелых:
«Кто с весом, тот не виноват».
Так черным присужден в три хода мат
За то, что тянут меньше белых»;*

...что одним из самых усидчивых и невозмутимых шахматистов был английский мастер Берн из Ливерпуля, выступавший в начале века в престижных турнирах с участием Чигорина, Мароци, Яновского, Шлехтера, Тарраша и других. По сви-

матах. «Чтобы предостеречь его от ошибок в будущей песне, я рассказал, что любители, в отличие от профессионалов, называют ладью турой, слона — офицером...

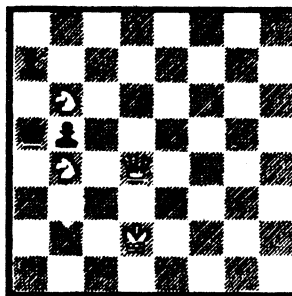
— Хватит! — сказал Володя. — Этого достаточно.

Я обиделся — с таким шахматным багажом приступить к песне о шахматах?»

Но песня «полуфантастическая и — шуточная», как о ней говорил сам автор, появилась. Кто же не знает теперь ее заливчатского припева?

«Ох вы, сильные ладони, Мышцы крепкие спины! Эх вы, кони мои, кони, Ох вы, милые слоны!»

Юмористически обыгранная автором история матча с некогда непобедимым Робертом Фишером обрела какой-то особый общечеловеческий характер...

Мат в 2 хода

А теперь — первые задания. Мы предлагаем нашим читателям задачу, составленную Д. Каноником, где белые начинают и дают мат в два хода.

Ответ смотреть на стр. 203

Ольга КОЛПАКОВА

ПО СЛЕДАМ ДЕДА МОРОЗА

Не зря мы с нетерпением ждем этой ночи. Ждем, что что-то изменится с окончанием года. И перемены случаются. Но так незаметно. Просто переворачиваются внутри нас песочные часы и осыпаются дальше — по песчинке, по минутке, буднично. А помните, в детстве? Это было не тихое безмолвие песочных часов, а фейерверк, хлоплушки с сюрпризами, запах мандаринок из новогоднего пакета и отчаянная борьба со сном в надежде увидеть Деда Мороза с подарком. Удивительно, что и наши дети в него верят. Хотя бы класса до третьего. Удивительно, потому что российское новогоднее дедморозовское движение существует в основном на родительском энтузиазме. А почти во всем остальном мире Рождество, Новый год и Санта Клаус — целая индустрия. Страны спорят между собой за право поселить у себя настоящего, как они говорят, «истинного» Деда Мороза — единственного и всемирного. И может быть, на первый взгляд, нет большой разницы, где он будет жить: в Лапландии, Гренландии или Флориде, — ан нет.

Санта живет на острове Гренландия, считают датчане и шведы, потому что идеалы Санта Клауса отражают идеалы людей и культуры нации острова Гренландия. Это нация, «которая никогда не была на войне, открытая и дружелюбная, живущая в одном из наиболее неиспорченных мест на земле». Поэтому в 1991 году в Гренландии появилась некоммерческая организация, целью которой стало сохранить миф о Санта Клаусе, поддержать значение Санты для детей всего мира, связывая это со своим островом. Датчане создали целое Королевство Санта Клауса. Это и арктическая деревня, куда приезжают множество туристов, и банк символов, связанных с рождественским дедом, которые защищены авторским правом и запрещены для использования в коммерческих целях. Это издание литературы, выпуск телепрограмм о Санта Клаусе, создание международного детского клуба поклонников Рождества, а также ежегодные трехдневные сантаклаусовские встречи на высшем уровне, где «старички» всего мира соревнуются в лазании по дымоходу, украшении елки и умении веселить окружающих. На этих встречах также обсуждаются наболевшие новогодние вопросы (типа: каких чудес ждут взрослые и дети в этом году), а также вручается премия в размере 100000 долларов че-

ловеку, делающему жизнь детей лучше. В 1995 году этой премии удостоился Нельсон Мандела, президент ЮАР. В Гренландии работает почта, куда приходят письма к Деду Морозу, и откуда каждый ребенок получит ответ.

Работники центра хорошо продумали личную жизнь Санта Клауса. Оказывается, у него есть жена Майя и дети Юлиан и Джулия. Живет рождественское семейство в замке. Есть у них оранжерея, которая нагревается солнечной энергией, а также двумя ветряными мельницами. У Санта Клауса есть два дядюшки и один брат. Дядя Стенли — садовник, дядя Стаккато — диспетчер. Последний следит за готовностью подарков и отправкой их детям. Разобраться с почтой Санте помогает брат Клайд. Еще помощники: эльфы, белые медведи, киты и, конечно, олени.

Но не вздумайте рассказать об этом финнам. Они-то точно знают, что истинный Санта Клаус живет в Лапландии, в тунтури Большое Ухо. Его местожительство позволяет услышать просьбы и капризы детей всего мира. А если кто-то живет далеко или говорит тихо, Санта берет трубу и подставляет ее к уху. Вот теперь-то все равно слышно, как вы себя ведете. Помогают финскому Деду Морозу гномики. Гномики рождаются каждый год (штук по пять), и живут они сначала в специальном домике для младенцев, спят в колыбельках, подрастают.

В 1985 году в финской Лапландии, в городке Рованиеми люди построили для Санта Клауса деревню, где есть почтовое отделение, торговый центр, марионеточный театр, ресторан. В ней Санта проводит свои свободные дни и принимает гостей и туристов со всего мира. Каждый год к нему приезжают около 400000 человек, которые могут прокатиться на собаках, запряженных в салазки.

Вы можете отправить письмо Санта Клаусу в Гренландию по адресу:

*Santa House
P.O. Box 401, DK-3900 Nuur
Grenland*

Или в Лапландию:

*Santa Claus office
SF — 96930
Rovaniemi
Finland*

В зависимости от того, в какого Святого Николай верите. А вот немецкие ребяташки отправляют свои письма в Николаусдорф, деревеньку, где работникам почты приходится писать в год по 50000 ответов.

Что касается американцев, то они не против того, чтобы Санта жил где-нибудь на Северном полюсе, но помилуйте, все же он и его миссис Клаус люди в возрасте, а холода плохо действуют на их организмы, так что все же большее количество времени они проводят в Южной Флориде. К тому же Америка имеет сразу две рождественские деревни: в городе Торрингтон, штат Коннектикут, и в Уилмингтоне, штат Нью-Йорк — деревня с кузницей, чтобы ковать снежинки, с церковью и почтовым отделением. Живите, дядя Клаус, на здоровье!

Американцы же, а точнее Брюс Макгай, владелец недвижимости, бизнесмен, издал два сборника детских писем к Санте с ответами. Один под названием «Даже Санта иногда смеется», другой, соответственно, «Даже Санта иногда плачет». Брюс живет в Сан-Хосе (это, кстати, побратим Екатеринбург) и многие годы выделяет деньги для развития образовательных и других детских программ, а также устраивает яркие рождественские карнавалы, со множеством огней, музыкой и, конечно, прекрасной елкой. И сам известный бизнесмен встречается с детьми и взрослыми в костюме Санта Клауса. Они выстраиваются в очередь, чтобы поговорить с Брюсом. Он не считает это карнавалом, ролью на несколько дней. Святой Николай — образ его жизни. Да и невозможно не принять близко к сердцу такие письма от детей: «Дорогой Санта, мой младший брат умер. Я прошу Вас передать ему в рай все мои игрушки». «Все что я хочу — это деньги. И я хочу их именно сейчас. Благодарю. Ким». Или: «Дорогой Санта, мама говорит, что госпожа Клаус после Рождества заставляет Вас сидеть на диете, так же как мама заставляет папу. Вы тоже едите так много?»

Эти сумасшедшие американцы — ярые поклонники мифа о рождественском деде. Пятнадцать лет назад Уинфред Юджин Холли — 77-летний ветеран ВМС США — сменил свое имя на Санта Клаус, в этом можно убедиться, заглянув в его водительские права. Связано это было с тем, что пышнобородый и седобровый дедушка из флоридского города Киссимми многие годы занимается раздачей рождественских подарков детям и наиболее заслуживающим этого взрослым. Правда, сначала это доставляло некоторые хлопоты в связи с получением денег в банке, но они быстро были улажены. Наверное, этот человек имеет на это право. Ведь современный образ Святого Николая пришел в Европу именно из Америки.

Сначала все было просто.

В первой половине IV века на юго-западе Ма-

лой Азии (сейчас там находится Турция), в городе Патера жил необычный человек по имени Николай. Или Никола. А можно — Никлас. Он сразу, как только родился, научился стоять. А когда вырос и получил родительское наследство, то взял, да и раздал его беднякам. Одному человеку, у которого было три дочери, Николай подбросил то ли в трубу, то ли в окно три узелка с золотом — на приданое. И узелки эти попали прямо девушкам в башмаки. Никола помогал морякам, спасал утопающих, позволял заключенным из плена, защищал школьников. Не человек, а просто телефон спасения 911. Но кроме этого, он еще и подарки детям раздавал, спасал погибающих и находил похищенных детей. Ходил Николай в длинном красном плаще. И была у него борода. Святой Николай стал очень популярен и любим во всем мире, в том числе и в России. В его честь даже стали отмечать праздник: День Святого Николая. В этот день дети обязательно получали подарки от взрослых и от Санта Клауса. Из Европы легенда о Святом Николае доплыла до Америки, где в 1822 году Клемент Кларк Мур одним из первых создал словесный портрет Санта Клауса в поэме «Приход Святого Николая», пересказав и обработав легенду. Вот как он описал Деда Мороза:

*Из дымохода выпрыгнул Святой Николай.
Он весь, с головы до ног, был одет в меха,
И вся его одежда была вымазана пеплом и сажей.
У него за спиной был мешок с игрушками,
И он выглядел, как корабейник,
Как раз открывающий свой пакет.
Его глаза, как они блстели!
Его ямочки на щеках так веселы!
Его щеки, как розочки,
Его нос, как вишенка.
Его чудной небольшой рот
Был вырисован как бантик.
И борода на его подбородке
Была белой, как снег.
Окурок сигареты он держал между зубами,
И дымок от нее окружал его голову, словно венки.
У него было широкое лицо
И маленький круглый живот,
Который сотрясался, когда он смеялся,
Словно желе в вазочке.
Он был круглолицый, полнощечкий и пухленький —
Прямо как старый веселый эльф —
Я смеялся, увидев его,
Несмотря ни на что.*

Художник Томас Наст в 1862 году выполнил первый портрет американского Санта Клауса, который стал неким каноном и распространился по миру.

Но Европа, встретив американизированного Святого Николая, тоже не сидела сложа руки. И немцы имеют полное право считать себя одними из основоположников современного мифа. 150 лет

назад Морис Шевалье рисовал декорации к опере Моцарта «Свадьба Фигаро» и изобразил «Господина Зиму» в шубе, с меховым воротником и елкой под мышкой. Позже этот немецкий художник начал вести в журнале рубрику «Приключения Деда Мороза». Его герой путешествовал и делал добрые дела. В других европейских странах предложенный американцами Санта Клаус тоже претерпевал некоторую деформацию, в зависимости от национальных традиций — в некоторых странах и раньше были духи зимы, только они не дарили подарки. В Исландии, например, их было целых тринадцать, они приходили за тринадцать дней перед Рождеством. Это были не очень-то добрые старички, они устраивали представления, попрошайничали, что доставляло хлопоты жителям. Но зато с появлением Санты исландские ребятишки все тринадцать дней перед Рождеством могут обнаружить подарки в своих ботинках. В Италии местный Санта Клаус — Баббо Натале — приносит подарки 24 декабря, но распределяются они в день подарков, 6 января. Подарки дарит фея Бефана. (Раньше она называлась святой Епифанией, бабушкой Морозихой). Она бродит по земле с 1 по 6 января в образе страшной старухи и через дымоход подкладывает подарки в башмаки.

Во Франции приходивший к детям до XIX века дед Январь — Пьер Женвье — превратился в рождественского деда — Пьера Ноэля. В Испании параллельно с Санта Клаусом осталась Святая Екатерина. А под Рождество три мага в ярких восточных одеяниях — волхвы, раздают подарки детворе на главных площадях.

В Швейцарии дети ждут тетушку Арию, которая спускается с гор с клюкой в руке, с ослом, у которого две тяжелые корзины и колокольчик на шее. Проникает она в дом через замочную скважину, полуоткрытое окно, трубу. Послушным детям оставляет сладости, непослушным — розги.

В Финляндии до появления современного Деда Мороза существовал рождественский козел Йоулупукки. Им пугали детей. Козел не раздавал подарки, а наоборот, требовал их. Но под влиянием христианства и вернувшегося из Америки Святого Николая козел стал очень похож на Деда Мороза.

Бельгийский Синт Никлаас, пришедший в стра-

ну из Германии (кто-то из высокопоставленных государственных особ побывал на Рождество в Германии и был очарован Санта Клаусом), появляется не один, а со слугой Черным Питером. Слуга ему нужен, чтобы пролазить в трубу.

В Австрии, еще до Санта Клауса, правила новогодней ночью фрау Хольда. Это либо старуха-ведьма, которая проносится ночью по небу, либо добрая женщина в белых одеяниях, раздающая подарки. Когда она выбивает перину — идет снег. Сушит покрывало — солнечно. Теперь ей приходится делить обязанности с Сантой.

Такие же, и даже еще большие превращения произошли в России. Дед Мороз, а точнее — Морозко, Трескун, Студень, был известен нашим предкам с самых давних времен. Он ровесник домовым, лешему, масленце. 9 ноября прилетает Мороз «от железных гор». И чтобы утихомирить

его накануне зимних святок хозяин выходил на порог и выносил угощение. Угощение, надо сказать, не очень-то изысканное, но от всей души. Ложку киселя или кутюю протягивал человек Морозу и приговаривал: «Мороз, Мороз, приходи кисель есть. Мороз, Мороз, не ешь наш овес». А то и целую песенку для него исполняли:

*Ты, Морозко, не сердчай.
Из деревни убегай —
Что за тридевять земель,
Что за тридевять морей.
Там твое хозяйство
Ждет тебя заброшено.
Белым снегом запорошено,
За ледяными печатями,
За семью железными замками
Да за семью завесами.*

И Мороз смягчался, не губил урожай. Жил же самый первый Мороз за зимними тучами, в ледяной избушке или в дремучем лесу. Был он могучим кузнецом, ковал гвозди, которыми скреплял ледяные мосты через реки. Сковывал железными холодами воды. Но мог из богатыря превратиться в шустрого старичка низенького роста с длиннющей бородой. Старик носился по полям, бегал по улице, стучал своей колотушкой. От этого стука появлялись трескучие морозы. И если рассерженный Мороз стучал по углу избы, то могло треснуть бревно. Вредный был старик, мог неосторожного человека заморозить. Но если никто ему настроения не портил, то мог и добрым быть, подарками одаривал того, кто к нему приходил. До нашего времени дошла русская народная сказка об

этом предке современного Деда Мороза — Морозке, где он прыгает с ветки на ветку, потрескивает, пальцами пощелкивает, награждает смиренную и наказывает нетерпеливую девиц. Еще один известный портрет Мороза-воеводы нарисован в поэме Н.А. Некрасова.

Собственно к Рождеству или Новому году этот дух не имел отношения. Впрочем, о Новом годе не идет речи и относительно Санта Клауса. Сначала Святой Николай приходил к людям в свой день — день Святого Николая. Но по каким-то причинам церковь в одно время запрещала этот праздник, и поклонники святого перенесли его приход на Рождество, несмотря на то, что как праздник Новый год гораздо старше Рождества. Встречать Новый год начали еще 3000 лет назад. На вазах в египетских пирамидах нашли надпись, пожелание «Открытия года хорошего». У древних римлян первый день Нового года считался днем доброго предзнаменования. Уже тогда в обычае были новогодние поздравления, подарки богам и людям.

Наступление нового месяца в Риме провозглашалось верховным жрецом после появления новой луны, а провозглашать — это перевод с латинского «каларе» — календарь. Первые дни каждого месяца (эти праздничные дни назывались Календы) посвящались богу Янусу. Янус — двуликий бог, у него два лица: молодое и старое; он открывает ключом небесные ворота и выпускает на землю день. Янус, как и Дед Мороз, ходит с посохом, символом путешественников, и с песочными часами — символом времени.

Раньше Новый год отмечали с началом весны — в марте, потому что с весной жизнь как бы начинается заново, все расцветает и оживает.

В 158 году до нашей эры римские консулы стали заступать на пост с 1 января. На этот день и перенесли начало года. А название месяцев осталось тем же: декабрь — десятый (таким он и был, когда Новый год начинался в марте), февраль — февруа, огонь, в честь того, что в этот месяц сжигали старую мебель, январь — в честь бога Януса и так далее. Наверное, Янус был рад такому обороту, все-таки это он бог всеоткрывающий, так что справедливо, что его месяц будет открывать год.

Но языческий этот праздник пытались всячески вытеснить рождеством. Хотя праздновать Рождество Христово стали только с начала III века в Египте, в христианской общине Александрии. В IV веке Церковь установила обычай празднования Рождества, провозгласив днем рождения Христа — 25 декабря. В России, из-за разницы в календарях, этот зимний праздник пришелся на 7 января. Но только вот точно-то не известно, что Иисус родился именно тогда. Просто раньше, как раз в этот день, у римлян был праздник «Солнце, Свет непобедимый», то есть День рождения Солнца. Вот Церковь и объединила эти праздники. И многие

обряды Дня рождения Солнца перешли в Рождество. На Руси Рождество слилось со святками — старым веселым праздником, который длится несколько дней.

Новогодний праздник от этого не проиграл, а Рождество выиграло. Зимние праздники стали отмечаться всем христианским миром. С XVI-XVII веков уже по всей Европе отмечали и Рождество, и Новый год.

Древние славяне долгое время новолетие справляли около 1 марта. В этот день все пели песни «веснянки», пекли булочки под названием «жаворонки», водили хороводы, жгли костры.

В 1492 году начало года было официально перенесено на 1 сентября (из-за особого почитания церковью императора Константина I, который борьбой за власть объединил империю, 1 сентября 312 года нашей эры он одолел главного противника), и 200 лет подряд отмечали мы Новый год в начале осени. Но это было не очень удобно, потому что в Европе Новый год встречали зимой. Тогда Петр первый провел реформу календаря. В 1699 году он издал указ праздновать Новый год с 1 января. Указ называется «О праздновании Нового года». Вот так в нем написано: «И в знак доброго начинания и нового столетнего века поздравлять друг друга в веселии с Новым годом. По знатым и проезжим улицам у ворот и домов учинить некоторые украшения из древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных, чинить стрельбу из небольших пушечек и ружей, пускать ракеты, сколько у кого случится, и зажигать огни. А людям скудным каждому хотя бы по деревцу или ветве на воротах или под храминой своей поставить». И еще он велел: «Детей забавлять, на санках катать с гор. А взрослым людям пьянства и мордобои не учинять, на то других дней хватает».

Вот так и начали в России отмечать Новый год, как и в Европе, зимой. В 12 часов ночи ночные сторожа трубили в трубы и пели песни, сообщая, что наступил Новый год. А на утро устраивались катания с гор, фейерверки, открывались балаганы, выступали на площадях мужики с дрессированными медведями, начиналось веселье, маскарады.

Но только все равно юлианский календарь, которым пользовалась Россия, не совпадал с тем, по которому жила Европа, на 13 дней. И 1 января приходило к нам на 13 дней позже. Так было больше 200 лет. И в 1918 году в России был введен григорианский календарь. Выходной в честь Нового года сделали, правда, только в 1947 году.

Итак, при Петре уже официально отмечался Новый год, наряжалась елка, но Дед Мороз не спешил дарить подарки. Только в конце XIX века дети стали ждать его под Рождество возле украшенной яблоками, леденцами, соломенными и бумажными звездами елки.

Но при советской власти стало нельзя наряжать

елку, потому что запретили праздновать само Рождество. И до 1935 года елочка была арестована. Потом решили приурочить украшение елки не к Рождеству, а к Новому году. И наш Святой Николай тоже перешел из рождественских персонажей в новогодние. Это стало возможным, потому что его имя — Дед Мороз — не несло религиозной окраски. Теперь мы опять празднуем Рождество, но за шестьдесят лет (два поколения!) Дед Мороз так слился с Новым годом, что перенести его опять в Рождество будет непросто. Да и надо ли? Ватикан, например, возмущен тем, что образ Санта Клауса заслоняет в Рождество образ самого новорожденного Иисуса Христа. И даже если нашего Деда Мороза можно считать дальним родственником Святого Николая, то уж Снегурочка к религиозному празднику не имеет никакого отношения. А откуда появилась эта белокурая девушка? В русских народных сказках встречается Снегурушка, но нет никакой связи между ней и зимой, снегом. В сказке В.И. Даля «Девочка Снегурочка», написанной по мотивам русской народной, указано ее происхождение — из снега, пригретого солнцем. Потом мы узнали Снегурочку А.Н. Островского. Трудно придумать более подходящую и обаятельную помощницу Деда Мороза. К сожалению, мне не удалось узнать точное время появления Снегурочки в новогодних сценариях и кому же первому это пришло в голову.

Изначально Снегурочка не являлась Деду Морозу родственницей. Но чтобы объяснить их совместное появление, удобнее было представить ее внучкой. К сожалению, неполнота нашего новогоднего мифа не позволяет однозначно ответить на такие детские вопросы, как «кто родители Снегурочки и как зовут жену Деда Мороза?». Здесь место для простора родительской фантазии. Как и в том случае, когда нужно придумать, куда нужно положить письмо дедушке Морозу с просьбой о подарке (в холодильник, под елку, на форточку), так как отправлять его некуда. Нельзя нашему Деду и позвонить, как в других странах. А в ми-

ровой компьютерной системе Интернет, где Санта Клаусы всех стран уже развернули свои сети, о Деде Морозе нет ни строчки. А дети верят в сказку наперекор всему. И пусть у появляющегося на пороге Деда борода из ваты и папины глаза, это ничего не значит. Здесь лучше брать пример с американцев, которым строго запрещено показывать детям статью из электронного журнала, где с научной точки зрения опровергается существование Санта Клауса. Доказательства там такие:

1. Никакая разновидность оленей не может летать (Санта ездит на оленях, в отличие от нашего Деда Мороза, который предпочитает тройку лошадей).

2. В мире 2 миллиона людей до 18 лет, которых нужно успеть посетить, это значит, Санта должен делать 822 посещения в секунду — это физически невозможно. (Если же согласиться с тем, что Санта все же не один на свете, а в каждой стране свой, то задача его упрощается).

3. Олени должны перемещаться со скоростью 650 миль в секунду, причем с грузом примерно в 321 тонну, что никак нельзя! С подобным грузом при подобной скорости создается такое сопротивление воздуха, что все это мгновенно сгорит.

«Если Санта когда-либо и поставлял подарки в Сочельник, — пишут эти скептики, — то теперь он мертв».

Но прочитайте это вашему малышу. И вы можете услышать точное опровержение: Дед Мороз волшебник. У него есть волшебный посох, с помощью которого все это возможно! И вообще, он же бессмертный.

Действительно, если даже можно сомневаться в существовании Святого Николая, то в Деда Мороза нельзя не верить. Выйди в зимний день на улицу без шапки или ботинок, и Мороз напомнит о себе даже не в новогоднюю ночь. И особенно это хорошо известно на холодном Урале. Так что Мороз Морозович — жил, жив и будет жить. До тех пор, пока в него верят, пока ждут в новогоднюю ночь подарков, сюрпризов и перемен к лучшему.

Ответы (Черно-белый коктейль)

Миниатюра с хорошим первым ходом:

1. Фе3!, цугуванг;
1... Кр:в4 2. Фс3х,
1... а6 2. Кс6,
1... ав 2. Фа3х.

Ирина ЦАРЕВА

ПОКА ЖИВУ Я НА ЗЕМЛЕ...

***

Нас года разделили с тобою,
Но свели параллели Судьбы,
Мы вдогонку бежим за Любовью,
Ты и я, — по кольцу, — я и ты.

Параллели, я знаю, сомкнутся,
Глобус сердцу подскажет маршрут,
Два кольца лишь на миг повернутся,
И века ту Любовь не сотрут.

***

Медленно, но все же тает
Лед, сковавший нас зимой,
Птицей вешней прилетает
Вновь надежда и покой.

***

Одна брожу,
Мне холодно и страшно.
Судьбу прошу:
«Не дай врагов ужасных!»
Тепла хочу,
В нем медленно оттаю,
В улыбке прошепчу:
«С тобой улетаю».

***

Светел мир и богат — Любовью,
Заменить ничем не могу.
Мне не нужно плечо любое,
А родное — на том берегу.

***

Не хочу ни с какою стаю
Никуда от тебя улетать,
Но снежинкой в тебе растаю я
И не стану существовать.

***

Ложь ненавижу,
Ее сразу вижу.
Как ни старайся вставить словцо,
Ясно одно — ложь налицо.
Вижу — в лице
Движенья в свинце,
Глаза убегают,
Во лжи исчезают
Личность и след,
Что был ты, что — нет.

***

В нашем доме тепло и уютно,
Не хочу я его покидать,
Он единственным в мире приютом
Нам с тобой от беды может стать.

***

Разделила Судьба, разделила.
С горизонта тебя удалила,

Одиночеством вновь наделила,
В мир раздумий меня поселила.

***

Вновь отгоняю мысли прочь,
Их возвращает злая ночь,
Не может мне никто помочь...
Любви я безнадежной дочь.

***

Капля женского счастья возможна,
Но ее я смахну, как слезу,
Что бежит по щеке осторожно...
А куда боль свою увезу?

***

Тому, кто отыщет ключ.

Любовью наградил Творец
И с ней я строю здесь дворец
Для любящих, как я, сердец.
Ключ от Дворца хранит ларец.

Путь не простой к тому ларцу
Господь даст Добру Молодцу.
Придем к Пречистому лицу
Вдвоем с тобой Венец к Венцу.

***

Выйду в поле
К ветру вольну,
Крикну с болью:
«Много горя
В моей доле
В слезах — соли,
Кто со мною
Неземною,
Тому скоро,
Я не скрою,
В тьме с Зарей
Путь открою.»

***

Спасите наши души

Бежала в суете земной,
Вдруг слышу — голос за спиной,
Не поняла тех слов начало,
Мальчишки взгляд я повстречала.
Двенадцати от роду лет,
Бежал за мной и ждал ответ.
Мольба о помощи в глазах,
Пеленой накрыла их слеза.

«Тетенька, ты такая красивая,

Те-тень-ка!

Ты такая кра-си-ва-я...
Нет, нет больше сил у меня...»

Остановившись у двери,
Услышала внутри: «Верни!
Вернись, тебя зовет и ждет,
Так робко за тобой идет
Тот, для кого нужнее ты,
Чем тем, кому несешь мечты,
В минуты страшной суеты
Твоей он просит доброты.»

«Тетенька, ты такая красивая,
Нет, нет больше сил у меня...»

Я из приюта убежал,
В подъезде ночью полежал,
Днем хлеба выпросить пришел
И вот тебя сейчас нашел.
Ты такая красивая,
Те-тень-ка, нет сил у меня...»

С тех пор, в обеда близкий час
Детей кормить бегу тотчас,
А беспризорников отряд
Растет и каждый день твердят:
«Тетенька...»

Ты такая красивая...»

О-о-ой, нет сил у меня.!

***

Пока живу я на Земле,
Слова Любви звучат во мне,
Любви к тебе, мой Отчий дом,
Пусть не живу теперь я в нем,
Любви к Земле, палит где зной
И ветер вслед бежит за мной,
Любви к Великой той Заре,
Надежды Свет что дарит мне,
Любви к березкам и ручью,
К ним тайны доверять лечу,
Любви застывшей и немой,
Которой не познал друг мой.
Любви ко всем моим друзьям,
Любимым, добрым сыновьям,
К девчушкам милым и родным,
Сестренкам, братьям дорогим,
Любви всем людям на Земле,
Добро незримо давшим мне,
Своей улыбкой, светом глаз,
Всегда живущим среди нас.

***

Быть вместе с Богом пожелала,
Тебе — и этим обещала:
Пока с тобою будет Он,
Я — рядом, словно сладкий сон.
Нам даст Всевышний благодать,
В покое будем пребывать,
А если нужно пострадать,
Ему должны мы жизнь отдать.

НЕБЕСНАЯ ПЕРЕПИСЬ

Астрономы уже давно предупреждают: вокруг нашей планеты рыщут потенциальные убийцы. Речь идет о кометах и астероидах, чьи орбиты пересекаются с космической тропой Земли. Согласно одной из гипотез многие миллионы лет назад, в мезозойскую эру, наша планета столкнулась с одной из таких небесных глыб, что привело к экологической катастрофе, резкому похолоданию климата и гибели царивших тогда на суше динозавров. И вот на горизонте новая напасть: как вырисовывается из космических расчетов, астероид Эрос (около 20 миль в диаметре) почти наверняка таранит Землю, — правда, произойдет это на ранее чем через 100 тысяч лет. Как говорится, время терпит и за предстоящую тысячу веков земляне, будем надеяться, что-нибудь придумают, чтобы уберечь свою обитель от нежелательной небесной встречи. Но где гарантия, что какой-то еще неведомый нам космический лихач не наедет на планету в не столь далеком будущем? Этот вопрос сочтен сегодня в Америке настолько актуальным, что с начала 1996 года поиски "небесных террористов" ведутся там на государственном уровне.

В распоряжение астрономов предоставлен мощный телескоп военно-воздушных сил США, использовавшийся для слежения за спутниками. В поиске опасных космических объектов активно участвует и НАСА во всеоружии своих финансовых и технических возможностей. И уже есть результаты: за первые пять месяцев энергичных небесных розысков обнаружено четыре ранее неизвестных астероида-"пересекателя", самый большой из которых достигает 3 километров в диаметре, — более чем достаточно, чтобы вызвать глобальную катастрофу. Считается, что для обитателей Земли роковым может оказаться столкновение и с куда меньшей космической

глыбой — начиная с километрового диаметра.

Впрочем, хотя по Солнечной системе носятся тысячи комет и астероидов и многие из тех, что пересекают на своем пути земную орбиту, достаточно внушительны по размерам, — в обозримом будущем встречи, вроде бы, не предвидится. Однако астрономы подчеркивают, что их оценки исходят из нынешнего уровня знаний, и у них пока недостаточно данных для более точного прогноза.

Именно такой прогноз и является целью начатых в США исследований. Ставится задача произвести детальную перепись всех "пересекателей" земной орбиты, составить карты движения комет и астероидов, которые могут представлять для нашей планеты хотя бы отдаленную опасность. Полагают, что эта работа займет не менее двух десятилетий.

Ну, а если у далекого Эроса обнаружится опасный предшественник и определена будет дата его грядущего покушения на обитель человечества? "Что ж, тогда мы вплотную поразмыслим, что следует предпринять", — говорит Дж. Гиббонс, занимающий в Белом Доме пост советника по науке.

ПОДВОДНЫЕ КАМНИ

Исследуя морское дно у побережья Белиза (Центральная Америка), американский биолог Э. Даффи неожиданно обнаружил... "подводных пчел". Так образно назвал ученый крошечных розовых и оранжевых креветок, живущих, как выяснилось, колониями, подобно общественным насекомым — термитам, муравьям, пчелам, осам. В каждой колонии, напоминающей по своему "социальному устройству" улей, есть большая креветка-матка, производящая генетически идентичное потомство, из

которого формируются креветки-работники и креветки-солдаты, защищающие родную обитель от чужаков. До сих пор считалось, что такие сообщества — с разделением функций и сложным взаимодействием разных особей — характерны лишь для некоторых насекомых. Впервые подобные "коллективисты" обнаружены в море.

ЗИГЗАГИ РОДОСЛОВНОЙ

Юкико Ирвин — типичная японка, но каждый раз, когда она берет в руки 100-долларовую купюру, она видит портрет своего отдаленного предка Бенджамина Франклина. Оказывается, одним из первых американцев, женившихся на японской девушке, был пра-правнук Франклина Роберт Ирвин, дипломат, направленный в 60-х годах прошлого века на консульскую работу в Токио, где и стал родоначальником "японо-франклинской" ветви. Правда, сама 70-летняя Юкико, пра-правнучка того дипломата, живет ныне в Нью-Йорке.

РЕШИЛИ ОТГОРОДИТЬСЯ

Великой Китайской стене недолго осталось пребывать в одиночестве — скоро у нее появится тезка: Малайзийская стена, строительство которой уже началось. Правительство Малайзии надеется таким путем перекрыть поток наркотиков и прочей контрабанды, а также нелегальных иммигрантов, просачивающихся в страну через джунгли из соседнего Таиланда. Увенчанная колючей проволокой бетонная стена протянется поперек полуострова на 300 миль вдоль всей сухопутной границы на севере — от Малаакского пролива до Южно-Китайского моря. Сооружение ее намечается завершить к концу этого года. Однако в распоряжении наркомафии и контрабандистов остается море, а его, увы, не перегородишь никакими стенами...

Подготовил Михаил НЕМЧЕНКО

Юрий КЛЮШНИКОВ

ПЕЛЫМСКИЕ СТРАНИЦЫ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

Кого не увлекли в детстве «Удивительные приключения на суше и на море, военные походы и веселые путешествия Барона фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей»? Это немецкое народное повествование в литературной обработке профессора Р.Распе и писателя Г.Бюргера вошло в золотой фонд мировой литературы. Однако о самом искателе «приключений» мы знаем гораздо меньше, чем о книге. Между тем, оказывается, что знаменитый король лжецов барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен (1720-1797) служил в России и даже мечтал побывать в Пельим-слободе бывшего Туринского округа (ныне Свердловская область). Подтверждение этому я нашел во время поездки в Германию.

В Потсдаме немецкий журналист-историк Ф.Тиманн посоветовал обратиться в библиотеку города Лейпцига. Из найденных там материалов я понял, что многие факты прежде нигде и никогда не публиковались в России, а некоторые не предавались огласке даже в Германии. (Переводы немецких архивных текстов на русский язык сделаны сотрудниками Лейпцигской библиотеки специально для автора этих строк).

Настоящим открытием для меня явилась обнаруженная переписка Мюнхгаузена с генерал-фельдмаршалом Минихом. В ней-то и отыскалось упоминание о Пельиме.

Тут нужны пояснения.

В 1738 году на службу при русском императорском дворе направляется герцог Брауншвейгский. Его сопровождает восемнадцатилетний паж герцога — Мюнхгаузен.

В «стране белых медведей» — так называл Россию сам барон — он сдружился с графом Бурхардом Кристофом Минихом (1683-1767). Тому способствовал ряд обстоятельств. Отпрыск древнего немецкого аристократического рода поступил на службу в русскую армию «под начало»

Портрет барона-вряля,
выполненный Гюставом Доре

Миниха, командующего войсками в Крыму и Бессарабии во время русско-турецкой войны 1735-1739 годов.

Несмотря на заметную разницу в возрасте (граф был старше барона на 37 лет), их сблизили присущие обоим воинская доблесть, человеческая порядочность, человеческая порядочность. Оба были жизнелюбы, натуры деятельные, широко образованные, честолюбивые. И обладали чувством юмора. Любили подтрунивать, устраивать розыгрыши, потешаться над людской глупостью, невежеством, чванством.

Кстати сказать, и будущие фантастические истории барона имели целью исправление порочных нравов общества. А отнюдь не служили просто «забавной выдумкой хвастуна». Рассказчик использовал подлинные эпизоды своей жизни, что придавало его небывлицам определенную достоверность.

Во время двух походов против турок барон не раз выказывал храбрость в сражениях. Впоследствии под пером сочинителя эта отвага приобретала сказочную окраску. Например, при взятии турецкой крепости Очаков армией Миниха, когда барон был

в первых рядах штурмующих, сабля янычара разрубил пополам лошадь барона. Отсюда возникла потом история о «половине коня» Мюнхгаузена, что пила воду из колодца и никак не могла утолить жажду.

Еще пример. Однажды под видом турецкого офицера (барон наряду с немецким знал также русский, английский, турецкий языки) Мюнхгаузен проник в расположение войск османов и возвратился с ценными сведениями о численности и вооружении врага. В «Приключениях» этот эпизод представлен как полет барона в целях разведки в неприятельский город и обратно верхом на летящем пушечном ядре.

После дворцового переворота в России 1741 года, закончившего с засилием у власти иностранцев, под горячую руку скорой расправы попали все немцы, кто прямо или косвенно принадлежал к окружению ненавистного регента Бирона, разорителя России. В том числе и честные наемники.

«По ложному навету, — записал в своем дневнике Мюнхгаузен, — в 1742 году фельдмаршал фон Миних, обвиненный в лихоимстве, был сослан в Сибирь».

Местом заточения первоначально намечали Тобольск или Туринск. Но окончательный выбор остановили на Пельымском остроге.

Мюнхгаузен пытался заступиться за друга. Однако это вызвало лишь неудовольствие и раздражение новой «матушки-государыни», дочери великого Петра — Елизаветы Петровны. Не смягчил сердце царицы даже довод барона, что именно Миних возглавил дворцовый переворот 1740 года и арестовал Бирона.

— Народ, дворянство, гвардия иностранцев ненавидят. Мне ли идти против воли моих подданных? — весьма холодно ответила Мюнхгаузену самодержица всероссийская.

Положение барона при дворе было довольно шатким. Сын герцога Брауншвейгского малолетний Иван Антонович, объявленный прежней императрицей Анной Иоанновной законным наследником престола, стал узником Холмогор, а затем — Шлиссельбургской крепости. Елизавета Петровна опасалась его как претендента на царский трон. В архангельской ссылке находились Антон Ульрих гер-

цог Брауншвейг-Люнебургский и его жена Анна Леопольдовна — внучка царя Ивана Алексеевича. Принадлежавший когда-то к окружению опальной герцогской семьи, Мюнхгаузен не мог рассчитывать на благоволение государыни и явно не годился в ходатаи за Миниха.

Благоразумнее было находиться в тени, дабы не навлечь на себя гнев государыни. Но Мюнхгаузен не изменил дружбе и не утратил мужества. Переписывался с пельымским изгнанником. Даже выслал ему в Пельым, где фельдмаршал провел двадцать

лет, записи первых своих «веселых походов в России». И просил друга сообщать ему о всех своих забавных пельымских историях, которые намеревался положить в основу новых пародий на высокомерие, лживость и бахвальство некоторых российских дворян.

...Бережно перелистываю архивные страницы баронских писем. Почерк Мюнхгаузена изящен, почти без помарок. Заглавные буквы фраз с красивыми завитушками. Иногда на полях страницы встречаются строчки постскриптума.

А вот ответные письма фельдмаршала барону. Буквы четкие, почерк достаточно тверд и лаконичен. Пространственными письмами становятся лишь там, где речь идет о фактах для литературных упражнений барона.

В частности, в письмах из Пельыма на имя Мюнхгаузена весной 1744 года Христофор Антонович (русские имя-отчество военачальника), оценив остроумие автора присланных

ему «историй», в шутовском тоне живописует наиболее забавные моменты своей пельымской жизни.

Очередное письмо барона не заставило себя ждать. Мюнхгаузен благодарил «дорогого друга и сиятельного графа» за «пищу для размышлений». Его позабавило описание того, как Миних выходил на стены пельымского острога и от всей души смеялся над проказами подвыпивших пельымцев за стенами крепости. Щедрый обед с обильной выпивкой Миних обычно устраивал вместо оплаты тем, кто помогал ему заготовить сено на откупных лугах для его многочисленного рогатого скота.

Но иной раз в переписке говорилось о делах совсем не шуточных.

«Меня до крайности возмущает описанное вами в предыдущем письме поведение команды, которая

Портрет исторического барона
К.Ф.И. фон Мюнхгаузена

приставлена вас сторожить, — писал Мюнхгаузен Миниху. — Как можно зарывать баб и девиц на несколько дней по уши в землю, творить великие беспорядки, грабежи в домах и разные насилия над местными жителями лицам, коим доверено всемилостивой государыней поддерживать порядок. Немудрено, что — привожу с ваших слов — многие пельмские жители, бросив дома свои, подались в другие места.

Осмелюсь просить вашу милость позволить мне изобразить пельмских негодяев-стражников в моей новой удивительной исто-

рии под видом банды придорожных грабителей, которая отнимает даже последнее у нищих при полном бездействии полиции. И это происходит на священной земле Лорето в итальянской провинции Анкона, куда согласно христианской легенде ангелы перенесли из Назарета дом Марии, матери Иисуса Христа. Хороший намек — не правда ли? — на православную Россию, где так много показной христианской добродетели и так мало истинной заботы о бедном люде».

В русском переводе невозможно передать особенность старонемецкого стиля оригинала, но можно заметить, что Мюнхгаузен прекрасно владел глубокомысленной иронией.

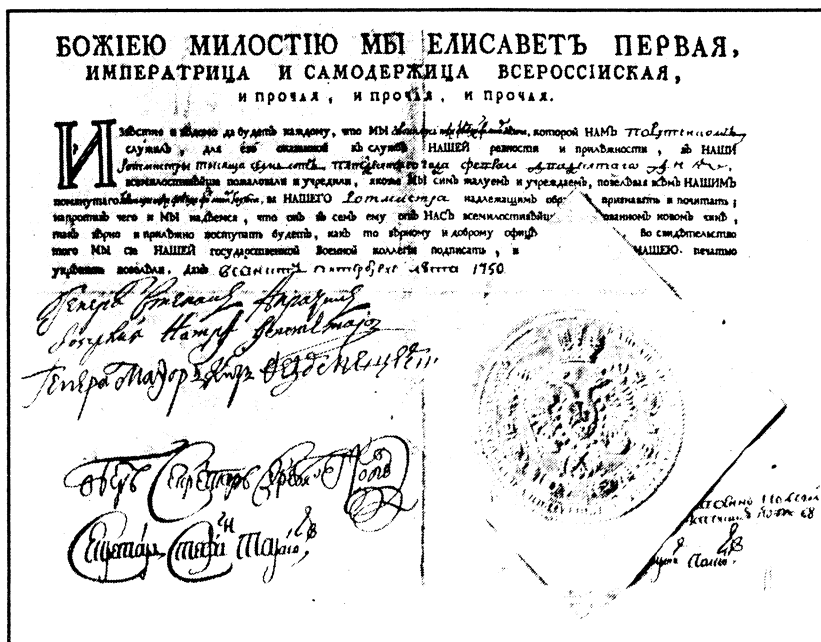
В дальнейшем, используя описанное Минихом катание на санях по зимнему Пельму, барон сочиняет свое «маленькое путешествие в санях в Новгород». Во время «путешествия» в сани из леса влетает медведь, находчивый ездок прибавляет ему гвоздем лапу к саням, и косолапый становится труфеем барона.

«В следующий раз господин фон Мюнхгаузен отправится в Пельм через Верхотурье, Туринск и Тавду, оттуда вверх по реке Тавде прибудет он к вам, — писал барон фельдмаршалу. — Там он с острожной стены на обыкновенную палку изловит куропатку. Птица увидит на конце палки наживку, заглотит ее вместе с палкой и окажется на ней, как на вертеле».

Мюнхгаузен действительно просил у матушки-государыни позволения навестить опального Миниха в Пельме. Но получил отказ. Больше того,

просьбу сочли «дерзкой». И в наказание перевели барона из столицы на службу в Прибалтийские (Остзейские) губернии России.

Но и в Курляндии, и в Лифляндии остролос не угомонился. Императрице донесли: Мюнхгаузен при любом удобном случае заявляет, что с Минихом поступили несправедливо, и критикует российские порядки под видом разного рода аллегорий. В его «Удивительном

рассказе» Россия представлена островом, а государыня — правителем этого острова, «самым гнусным тираном», подданные же выглядят «самыми несчастными созданиями под луной».

Над бароном сгущались тучи. Разгневанная императрица поначалу намеревалась сослать Мюнхгаузена к Миниху в Пельм либо в Туринск. Отговорил ее от такого шага фаворит И.И.Шувалов. Великолепно образованный царедворец убедил государыню, что Мюнхгаузен — просто забавник и враль, опасности для трона никакой не представляет, увлечен охотой и лошадьми, политикой не интересуется. Поэтому к его литературным рассказам не стоит относиться серьезно. Если же барон слишком сильно «докучает» царице, то, по словам Шувалова, ее величество поступит умно, если выдворит иностранца из России с почетом. И вот 20 февраля 1750 года Елизавета Петровна присваивает Мюнхгаузену воинское звание ротмистра за «оказанную в службе ревность и прилежность». Предлагает подданным «надлежащим образом признавать и почитать» его. И в том же году увольняет барона из русской армии. Он едет на родину, в Боденвердер (Германия), что неподалеку от Хамельна на Везере.

Между тем переписка барона с фельдмаршалом, дававшая новые сюжеты «удивительным приключениям», продолжалась и прекратилась лишь со смертью Миниха в 1767 году.

Сибирский банк на Главном проспекте.
С фото 1914 г.

Екатеринбургская городская дума,
где размещался городской общественный банк.
С фото 1910-х гг.

Здание Русско-Азиатского банка
на Покровском проспекте. Фото
с открытки издания М.Семкова 1910-х гг.